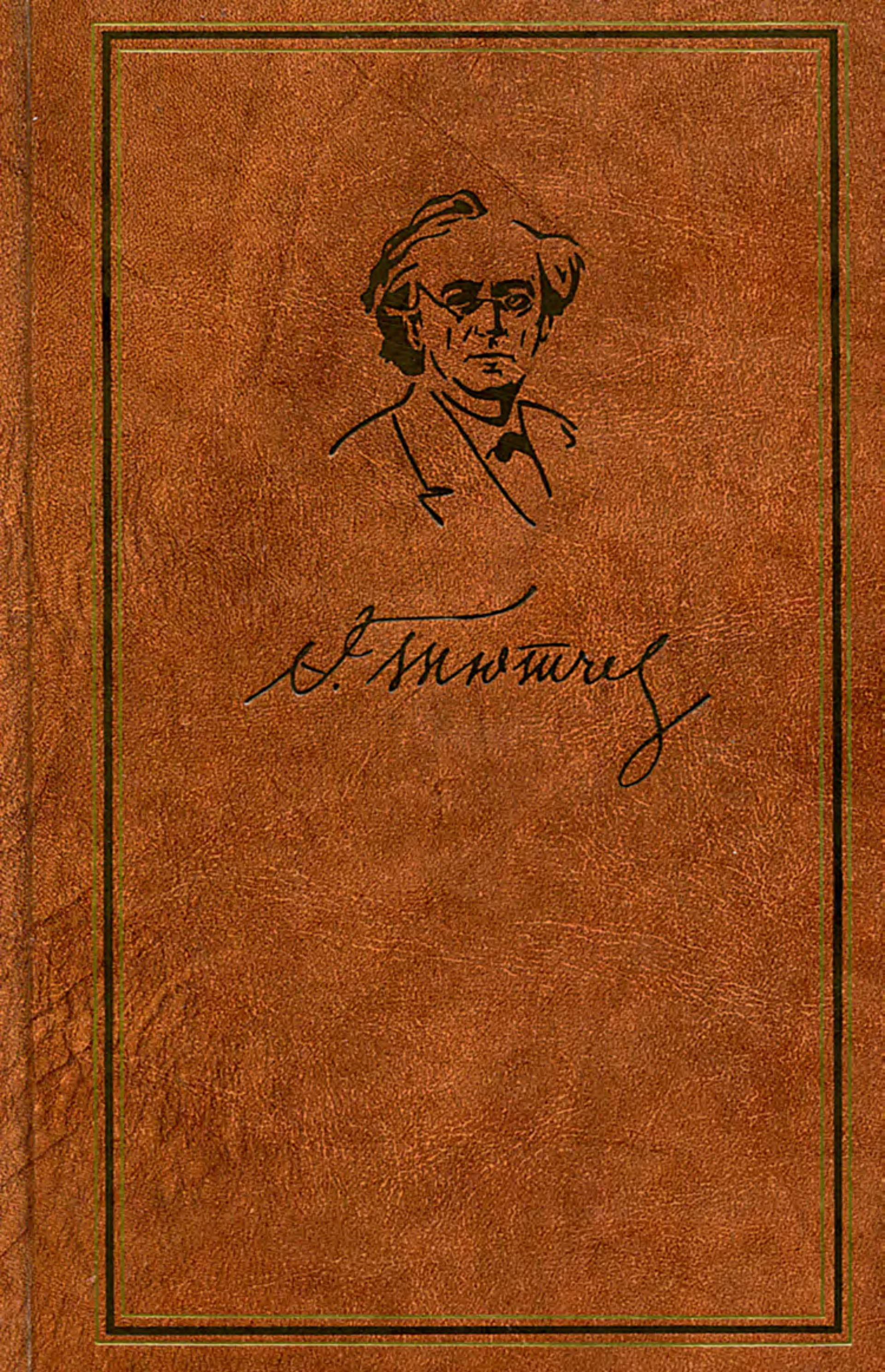

Ф. Тютчев

К 200-летию
со дня рождения
Ф. И. Тютчева

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Полное собрание
сочинений и письма
в шести томах

Издательский Центр
«Классика»

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Том четвертый

Письма
1820–1849

Москва
2004

ББК 84Р1
Т 98

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт мировой литературы им. М. Горького

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

Ответственный редактор тома
Л.Д. Громова-Опульская

Составление
Л.В. Гладкова

Подготовка текстов, комментарии
Л.В. Гладкова, Л.Н. Кузина

Федеральная программа книгоиздания России

Издательский проект «Ваш Тютчев» Международного Пушкинского Фонда «Классика»

ISBN 5-7735-0145-7

ОТ РЕДАКЦИИ

В четвертом-шестом томах Полного собрания сочинений Ф.И. Тютчева публикуются письма поэта. Впервые его эпистолярное наследие представлено в столь значительном объеме. Это неоценимый источник, позволяющий прикоснуться к внутреннему миру поэта. Часто только из писем, поскольку дневников и записных книжек Тютчев не вел, можно узнать сведения биографического характера, расширить наше представление о круге общения поэта, о его непосредственных впечатлениях от переживаемых событий.

Ныне известно около 1300 писем Ф.И. Тютчева, большая часть которых написана на французском языке, из них опубликовано немногим более 400, в основном только в русском переводе. В настоящем издании все письма печатаются по автографам, если они сохранились, и по другим авторитетным источникам.

В данный том входит 150 писем за 1820–1849 гг. к 28 корреспондентам, из них всего 26 на русском языке, остальные написаны по-французски. 36 писем публикуются полностью впервые. Из них 9 печатались ранее по неточным копиям и 3 письма приводились в коротких отрывках. 65 писем представлены впервые на языке оригинала.

В издание включены частные письма поэта. Официальная, деловая переписка Ф.И. Тютчева, которую он вел по роду своей деятельности — сначала дипломата, а затем на посту председателя Комитета цензуры иностранной, — весьма обширна и имеет самостоятельное значение.

Все письма располагаются в хронологическом порядке. Авторская дата приводится по подлиннику. Кроме того, каждое из них снабжено редакторской датой, размещенной ниже наименования адресата. Даты писем, относящихся к заграничному периоду жизни поэта, с 1822 по 1844 г., приводятся по старому и но-

вому стилю, а даты, относящиеся к российскому периоду жизни Тютчева с осени 1844 г., указываются по старому стилю, если переписка ведется внутри России, и обозначаются двойной датой, если письмо отправлено за границу или из-за границы. В случае отсутствия или неточности авторской даты необходимые пояснения содержатся в комментарии к письму.

Недописанные или сокращенно написанные слова, а также утраченные из-за ветхости документа буквы и слова, восстановлены по смыслу и заключены в угловые скобки < >. Неразобранные слова обозначаются пометой в угловых скобках <нрзб> с цифрой, соответствующей числу непрочитанных слов.

Переводы на русский язык французских писем даются сразу после подлинников; переводы отдельных иноязычных слов, встречающихся в русском тексте, помещаются под строкой.

Письма Тютчева печатаются в основном по современной орфографии с сохранением некоторых особенностей авторского написания, например: папинька, маминька, Дашинька. Географические названия, которые Тютчев писал по-разному, не унифицируются, например: Munich, Munic, Минхен, Мюнхен.

Комментарии содержат биографические, историко-литературные и прочие пояснения. Каждое конкретное примечание обозначается цифрами, которые даются в текстах писем и повторяются в переводах, если письмо написано на французском языке. В комментариях впервые печатаются документы, проливающие свет на ранний период жизни поэта, проведенный им в основном за границей на дипломатической службе. Впервые публикуемые документы, а также цитаты из иноязычных источников приводятся только в переводе на русский язык с указанием языка, с которого сделан перевод.

Сведения о месте хранения подлинника, его публикации и библиографические ссылки даются с условными сокращениями, перечень которых имеется в конце каждого тома.

Письма
1820–1849

1. М. П. ПОГОДИНУ

Вторая половина июля 1820 г. Троицкое

Смею ли, любезнейший Михайло Петрович, напомнить вам обещание ваше? Вот уже более трех недель, как я ежедневно ожидаю удовольствия вас видеть и до сих пор — безуспешно.

Если завтра вы найдете часок или два, коими бы могли подарить меня, то позвольте предложить вам экипаж, который приедет за <нрзб>. Вы, конечно, не можете сомневаться в удовольствии, которое вы сим доставите

вашему преданн<ому>

Ф. Тютчеву.

2. М. П. ПОГОДИНУ

8 августа 1820 г. Троицкое

Троицкое. 8 авг<уста>

Обстоятельства, любезнейший Михайло Петрович, эта самодержавная власть в нашем бедном мире, не позволили мне все это время видеться с вами. Я прожил недели полторы в Москве по случаю сестриной[1] болезни и только на этих днях воротился в деревню. Сердечно сожалею, что ваше соседство более, до сих пор, для меня удовольствие отвлеченное, чем положительное. Надеюсь, однако, что не замедлю приятную мысль превратить в приятную существенность[2].

Если вы кончили Историю инквизиции[3], то, пожалуйста, пришлите мне ее. Эта книга абонированная, и я должен ее немедленно возвратить книгопродавцу. Смею также напомнить вам и о других вами мне обещанных, особенно о вашем сочинении[4]. — Если не могу иметь вас самих, то буду очень рад иметь ваш силуэт.

Ф. Тютчев

3. М. П. ПОГОДИНУ

Октябрь (вторая половина) 1820 г. Москва

Вот вам и Локк[1] и «Руслан»... Сделайте одолжение, пришлите завтра с «Древностями»[2] и «Pensées» de Pascal[3], буде вы их кончили.

Прощайте — смотрите не возненавидьте красоты.

Тютчев

4. М. П. ПОГОДИНУ

Ноябрь (до 25) 1820 г. Москва

«Абдеритов»[1] посылаю к вам на две, три, четыре недели — и еще больше. — Листика «Древности» прислать теперь не могу — надо рыться в бумагах, где он наверно. Но страшная боль в горле мне сковывает руки — извините и пожалейте обо мне.

Тютчев

5. М. П. ПОГОДИНУ

Ноябрь (около 25) 1820 г. Москва

«Древности» возвращаю вам, любезнейший Михайло Петрович, с моею благодарностию. Насчет билетов — если 15 рублей кажется иным несколько дорого, то посылаю к вам 3 билета по 8 рублей.

К вашим услугам

Ф. Тютчев

6. М. П. ПОГОДИНУ

Между 20 февраля и 9 апреля 1821 г. Москва

Душевно благодарю вас, любезнейший Михайло Петрович, — и отпускаю вам все грехи, которые вы намереваетесь сказать священнику на исповеди, — отпустите мне мои — и

примите уверения моего уважения и преданности к вам, с коими пребываю ваш покорный

Ф. Тютчев.

7. М. П. ПОГОДИНУ

Апрель — начало мая 1821 г. Москва

Отсылаю к вам, любезнейший Михайло Петрович, с моею полною благодарностию том Мерзлякова[1] и два Жуковского[2] и с покорнейшею просьбою одолжить меня, если можно, присылкою следующего тома Ж<у>к<о>в<ского> сочинений. Остальные ваши книги не замедлю вам доставить.

Вы, шуткою, просили у меня стихов. Я, чтобы отшутиться, посылаю вам их[3]. Они, как увидите, довольно вздорны, но я утешаюсь по крайней мере тем, что это последние. Вперед ограничусь прозою, тем охотнее, что она весьма достаточна для изъявления вам моей преданности и уважения, с коими пребываю

ваш покорный слуга

Ф. Тютчев.

8. М. П. ПОГОДИНУ

Начало мая 1821 г. Москва

Редко можно быть так кругом виноватым и иметь так мало извинений, как я имею. Ваши книги держу так долго — и вместо того, чтобы скорее прислать вам их, прошу вас ссудить меня еще раз первою частию — и второю[1], если такое баловство покажется вам не выходящим из пределов... Есть еще другое, которое и больше и приятнее для меня б было, а именно — пожаловать ко мне... Но вы решились не заставать меня дома — и так я должен буду вас подкараулить у вас, если вы еще не переменили квартиры.

Ваш покорный — Тютчев

9. М. П. ПОГОДИНУ

Июнь (до 21) 1821 г. Москва

Извините меня, любезнейший Михайло Петрович, что я так долго мешкал прислать к вам книгу и тетрадь. Вчера воротились мы от Черепанова[1] чрезвычайно поздно.

Смею попросить вас о *Введении*[2] и *Речи*[3] *Давыдова*. Пребуду навсегда вас, моего благодетеля,

покорный слуга и постоянный проситель

Ф. Тютчев

10. М. П. ПОГОДИНУ

Июнь (до 21) 1821 г. Москва

Забыл у вас, любезный Михайло Петрович, мои крючковатые каналы и несмысленные промышленности[1]. Да еще, если вам не нужны вопросы, то принесите их к Гаврилову[2], пожалуйста, а я вам сообщу следующие.

*Vale** и *помни смерть*[3] *и экзамен.*

Ф. Тютчев

11. М. П. ПОГОДИНУ

Июнь (до 21) 1821 г. Москва

Что скажете о моем неугомонстве? Вместо того чтобы благодарить вас, любезнейший Михайло Петрович, я к вам с новыми просьбами. — Дайте, ради Бога, что-нибудь *Гавриловского*. Такое время пришло, что и Гаврилова надо.

Ваш

Тчв

12. М. П. ПОГОДИНУ

23 июня 1821 г. Москва

Давыдов[1], *vindicta capiti imposita*[2], сказал мне и Бычкову[3]: «*Vos non amplius morate*»**, то есть обещал экзаменовать нас

* Будь здоров (*лат.*).

** «Не медлите больше» (*лат.*).

завтра[(1)]. Итак, последний акт вашего милосердия и сердолюбия, пришлите мне, если можно, с вопросами Череп<анова> также и I т. Шрека[4] и то, чтó он отметил. Еще же — и Гаврилова вопросы. Засим остаюсь

вас, милостивого государя
и через 10 часов кандидата,
покорный слуга
Тютчев

[(1)] т. е. сегодня[5]

13. М. П. ПОГОДИНУ

2 октября 1821 г. Москва

Услышав сегодня, что вы в Москве, тотчас поехал к вам, любезный Михайло Петрович. Но как поймать удовольствия с первого разу довольно трудно, а должно наперед за ними гоняться, то и не удивило меня, что я не застал вас дома. — Приезжайте, сделайте одолжение, сегодня, если вам можно и если вам хочется одолжить вашего покорного

Тютчева.

14. М. П. ПОГОДИНУ

Начало октября 1821 г. Москва

Покорно благодарю вас за «Елоизу»[1] — и прошу вас — «Confessions»...[2] Какой том лексикона[3] нужен вам? — Что знаете об этом сочиненьи *Свиньина «Петербург и его окрестности»*?..[4]

15. М. П. ПОГОДИНУ

12 октября 1821 г. Москва

Посылаю к вам, любезнейший благодетель мой, как вы назначили мне — за *«Confessions» Руссо*. Отчего ж не скажете вы мне, какой том нужен вам из моего лексикона?

Он и я, как вы должны быть уверены, всегда к вашим услугам.

Тютчев

P. S. Не знаете ли вы, где бы можно было достать это сочиненье Свиньина, которое, по вашим словам, желал бы очень прочесть.

12. Поутру

16. М. П. ПОГОДИНУ

Первая половина ноября 1821 г. Москва

Говорил я, любезнейший Михайло Петрович, о Горации с Раичем. Он согласен уступить вам свою часть. И когда вам будет время, зайдите к нему. — Живет он, как вы, я думаю, знаете, в доме Муравьева на Дмитревке[1]. — Сделайте одолжение — утолите мою жажду. Пришлите продолжение «Исповеди». Никогда с таким рвением и удовольствием я еще не читывал. — Сочинение это всякому должно быть занимательно. Ибо, поистине, Руссо прав: кто может сказать о себе: *я лучше этого человека?*[2]

Ваш покорный — Тютчев

17. М. П. ПОГОДИНУ

3–4 декабря 1821 г. Москва

Посылаю к вам, любезнейший Михайло Петрович, вожделенного Горация. Этот Гораций стоит Раичу — 5 рублей.

Не можете ли вы побывать на сих днях у меня? Имею сообщить вам нечто до вас касающееся[1].

Ваш Тютчев

18. М. П. ПОГОДИНУ

Середина декабря 1821 г. Москва

Как вы решились с Булыгиными, любезнейший Михайло Петрович? Они предлагали вам по часам — согласились ли вы? Я по крайней мере желал бы этого — и то, признаюсь, более для себя, нежели для вас. Таким образом вас чаще можно бы было видать.

Если вам мой немецкий лексикон не нужен, то я бы просил вас — мне его прислать.

Ваш Тютчев

19. П. Б. КОЗЛОВСКОМУ

16/28 декабря 1824 г. Мюнхен

Munich. Ce 16/28 décembre 1824

Mon Prince,

Il faut être bien persuadé de l'inépuisable bienveillance qui fait le fonds de votre caractère, pour se hasarder de venir, comme je le fais, vous importuner par ma lettre. Je pourrais à la vérité trouver une cause suffisante dans l'attachement bien sincère que je vous ai voué. Vous savez, mon Prince, qu'un attachement vrai a une certaine valeur intrinsèque, indépendante, pour ainsi dire, de la personne qui l'éprouve, et vous ne sauriez guères douter du mien, si toutefois vous daignez encore vous en souvenir.

Il y a certainement bien peu d'hommes dans les sentiments desquels on puisse avoir une confiance assez grande, pour oser croire, qu'après une séparation de deux ans et en dépit de tous les changements que le temps doit nécessairement amener, on en soit avec eux au même degré d'affection, où on les a quittés. Une telle confiance, j'ose le dire, est un véritable hommage. On ne la doit qu'à Dieu et à ces belles âmes qui (n'en déplaise à la doctrine du droit divin) sont ses seuls représentants avoués sur notre pauvre terre[1].

Vous me pardonnerez assurément, mon Prince, de vous entretenir ainsi de la bienveillance dont vous m'avez jadis honoré. On pardonne bien aux femmes de rappeler avec délices le temps où elles étaient jeunes, c<'est>-à-d<ire> où elles étaient aimées. Eh bien, votre présence à Munich a été l'âge d'or de mon séjour dans cette ville. Je l'ai cruellement expié depuis. Voilà près de deux ans, que je n'ai pu avoir de vous que des nouvelles très indirectes, très incomplètes et qui ne faisaient qu'irriter l'incertitude où je me trouvais à votre égard. Les absents ont tort, sans doute, et avec vous plus qu'avec tout autre; car on a toujours tort, quand on n'est pas heureux.

Je ne sais si cette lettre vous parviendra, j'ose encore moins espérer d'avoir une réponse. En tout cas, il me suffit déjà que vous sachiez qu'il y a, dans un coin du monde, un être qui vous est dévoué de cœur et d'âme, un *fidèle*, qui vous chérit et vous sert, *en esprit et*

en vérité, et qui, pour prix de toutes ses peines et ses tribulations, n'a pas même d'espoir fondé de revoir un jour son maître bien-aimé. Si les mânes peuvent aimer, je crois qu'ils aiment de cette manière.

Enfin, mort ou vivant, veuillez croire, mon Prince, que je ne cesserai d'avoir pour vous les sentiments du plus tendre respect et d'un inviolable attachement, avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

mon Prince,

votre très humble et très obéissant serviteur

Tutchef.

P. S. Le B<ar>on de Hornstein[2] se joint à moi pour vous offrir ses hommages. Après moi, c'est certainement l'homme au monde qui vous aime le plus. Nous nous voyons très souvent, et, s'il est vrai que l'esprit du Maître est partout, où deux fidèles sont réunis en Son nom[3], il faut nécessairement, mon Prince, que vous daigniez quelquefois songer à nous.

Перевод:

Мюнхен. 16/28 декабря 1824

Любезный князь,

Только полная уверенность в вашей неисчерпаемой благосклонности позволила мне осмелиться докучать вам своим письмом. По правде говоря, я бы мог найти для себя достаточное оправдание в моей глубоко искренней преданности вам. Вам известно, любезный князь, что настоящая преданность имеет некое непреходящее значение, можно сказать, не зависимое от того, кто ее испытывает, и вы можете ничуть не сомневаться в моей преданности, если только еще помните о ней.

В самом деле, мало есть на свете людей, чувствам коих можно верить настолько, чтобы надеяться, будто после двух лет разлуки, несмотря на все перемены, неизбежно вызванные временем, ваша взаимная привязанность с ними осталась прежней. Такая вера, осмелюсь сказать, сродни истинному преклонению. Оно принадлежит только Богу и тем кротким душам, которые (не вопреки учению о Божественном праве будь сказано) одни наследуют нашу бедную землю[1].

Вы, конечно, простите меня, князь, за то, что я напоминаю о благосклонности, коей вы когда-то меня почтили. Ведь прощают же женщинам, с упоением вспоминающим времена, когда они были молоды, а значит, любимы. Да, ваше присутствие в Мюнхене было золотым временем моей жизни в этом городе. Впоследствии я жестоко расплатился за это. Вот уже около двух лет я имею только косвенные, весьма отрывочные известия о вас, лишь усугубляющие неопределенность на ваш счет. Отсутствующие неправы, эта поговорка оправдывает себя по отношению к вам более, чем к кому-либо, потому что человек всегда неправ, если он несчастлив.

Не знаю, дойдет ли до вас это письмо, еще менее надеюсь получить ответ. В любом случае, мне уже довольно того, если вы будете знать, что есть где-то на свете человек, преданный вам сердцем и душой, *верноподданный*, который нежно любит вас и служит вам *мыслями и делом*, и в награду за все тяготы и лишения не имеет даже твердой надежды увидеть однажды своего возлюбленного учителя. Если души умерших умеют любить, то, наверное, они любят именно так.

Словом, любезный князь, поверьте, что живой или мертвый я всегда буду питать к вам чувства самого нежного почтения и неизменной преданности, с коими имею честь оставаться,

любезный князь, ваш покорнейший

и преданнейший слуга

Тютчев.

P. S. Барон Хорнштейн[2] присоединяется ко мне и выражает вам свое почтение. После меня он, несомненно, более всех любит вас. Мы часто с ним видаемся, и если правда, что дух Учителя всюду, где двое собрались во имя Его[3], то просто необходимо, любезный князь, чтобы вы хотя бы иногда вспоминали о нас.

20. В. А. ЖУКОВСКОМУ

25 июня/7 июля 1827 г.

Просит позволения засвидетельствовать свое почтение Василию Андреевичу.

21. Ф. В. ТИРШУ

Вторая половина ноября 1829 г. Мюнхен

Monsieur,

Je vais chercher le mémoire[1], que vous avez eu la bonté de me communiquer, chez Mr de Potemkine[2] qui m'avait prié de le lui laisser, pour pouvoir le lire à son aise. Je puis vous dire confidentiellement qu'il goûte beaucoup votre idée et qu'il approuve que vous en écriviez à l'Empereur[3]. Je suis même porté à croire qu'il fera de son côté ce qui dépend de lui, pour créer quelques chances de plus en faveur de votre démarche.

Pardon du retard et agréez, je vous prie, l'assurance de la considération très distinguée

de v<otre> t<out> dévoué

Ti Tutchefi

Перевод:

Милостивый государь,

Я схожу за запиской[1], которую вы были любезны мне передать, к г-ну Потемкину[2], выпросившему ее у меня на время для прочтения на досуге. Могу сказать вам доверительно, что он очень одобряет вашу идею и поддерживает ваше намерение написать по этому поводу императору[3]. Я склонен думать, что со своей стороны он сделает все от него зависящее, дабы поднять шансы вашего предприятия на успех.

Простите за промедление и примите, прошу вас, уверение в глубочайшем уважении

вашего всепокорного

Ф. Тютчева.

22. Ф. В. ТИРШУ

11 декабря 1829 г. Мюнхен

J'ai eu le plaisir de recevoir votre lettre à l'Empereur[1] et me suis empressé de la remettre à la poste, pour prévenir tout malentendu. Je vous répéterai ce que j'ai eu déjà l'honneur de vous dire

une fois: s<avoi>r que Mr de Potemkine ne se chargeait pas de la transmission officielle de votre lettre, vu qu'aucun agent diplomatique ne peut se charger de transmettre en cour un écrit quelconque dont il n'ait pris connaissance au préalable. Mais il parlera, très volontiers, dans un rapport particulier au C<om>te de Nesselrode de votre mémoire à Mr d'Eynard comme d'un incident qui s'est passé à Munic et qui par là même tombe dans la sphère de sa correspondance ministérielle. Bien entendu qu'il en parlera de manière à présenter les idées, qui forment le fond de ce mémoire, sous leur jour le plus favorable, et même, si vous le désirez, il joindra à sa dépêche une copie de votre écrit. Au quel cas je vous prierai, Monsieur, de vouloir bien me l'envoyer au plutôt.

Agréez, je vous prie, l'assurance de la considération tr<ès> distinguée

de votre tout dévoué

Ti Tutchef.

Munic
Ce 11.10bre
1829[2]

Перевод:

Я имел удовольствие получить ваше письмо к императору[1] и поторопился отправить его почтой во избежание какого-либо недоразумения. Повторю вам то, что я уже имел честь говорить вам однажды, а именно, что г-н Потемкин не взял на себя официальную передачу вашего письма, так как ни один дипломатический представитель не может передать своему двору никакой бумаги, с которой не ознакомился предварительно. Но он охотно расскажет в отдельном рапорте графу Нессельроде о вашей записке г-ну Эйнару как о событии, происшедшем в Мюнхене и попадающем тем самым в сферу его министерской переписки. Разумеется, он намерен представить идеи, составляющие суть этой записки, в самом выгодном свете и даже, если вы пожелаете, присоединит к своему донесению копию вашего сочинения. В каковом слу-

чае я попрошу вас, милостивый государь, прислать мне ее как можно скорее.

Примите уверение в глубочайшем уважении

преданного вам

Ф. Тютчева.

Мюнхен
11 декабря
1829[2]

23. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

16/28 декабря 1829 г. Мюнхен

Минхен. Сего 16/28 декабря 1829

Много и непростительно виноват перед вами, милостивая государыня тетушка, что так поздно отвечаю на родственно-милостивое письмо ваше. С братом Алексеем Васильевичем[1] сбирался было писать к вам, но подумал, что лучше будет предоставить ему изъяснить вам мою признательность. Теперь известился через письмо от своих[2], что я вам новою обязан благодарностию. Вы предлагали ехать в Петербург ходатайствовать по моему делу. Душевно тронул меня сей знак вашего расположения, но теперь при переменившихся обстоятельствах сия поездка была бы бесполезна[3]. Не менее того в полной мере чувствую всю цену сего истинно родственного предложения.

Я полагаю, что Ал<ексей> Васильевич теперь с вами, и от всего сердца, любезнейшая тетушка, поздравляю вас с его приездом. Благодаря этим шести неделям, что он провел с нами, легко вообразить, как утешительно должно быть для вас его присутствие. Прошу вас покорнейше еще раз поблагодарить его за всю им оказанную нам дружбу. Не говоря о себе, он оставил в Минхене искренно преданных ему друзей. Не проходит дня, чтобы речь не шла о нем, и в первые дни по его отъезде он точно такую оставил пустоту у нас в доме, как бы несколько лет сряду жил с нами вместе. Кто его знает, тому сие покажется весьма естественно. С его редкими душевными свойствами, с его прекраснейшим характером ему везде

легко будет найти искреннюю сердечную приязнь и оставить по себе добрую любезную память. Всем его знающим и любящим должно быть крайне утешительно говорить про него с вами. В нем послана вам, любезнейшая тетушка, большая награда за вашу большую доброту. И да сохранит вас Бог обоих для вашего взаимного щастия.

Мы на днях получили от него письмо из Вены[4]. Но пусть он сам расскажет вам им совершенные подвиги. Вы, вероятно, захочете изустного рассказа, чтобы поверить оным. — Жена просит у вас позволения самой приехать к вам, а я прошу у вас для нее вашего родственного расположения. Брату, которого еще со мною нет, я передам поклон ваш. Любезнейшим сестрицам, буде оне меня не совсем позабыли, мое усердное почтение, равно и Михайле Николаевичу[5], и, поздравляя вас и их с наступающим Новым годом, с искренним желанием всех благ, пребуду навсегда с душевным почтением и преданностию, милостивая государыня тетушка,

ваш покорный племянник

Ф. Тютчев.

24. Ф. В. ТИРШУ

20 января/1 февраля 1830 г. Мюнхен

Munic. Ce 1er février

Monsieur,

Vous aurez bien certainement remarqué dans les deux derniers N[os] de la *Gazette Universelle*[1] l'incroyable article, tiré du *Journal de Smyrne*. C'est, j'en conviens, la plus grossière insulte qui ait jamais été faite au bon sens du public. Mais puisque la *Gazette Universelle* a cru devoir la reproduire dans son entier et avec une sorte de complaisance, c'est à vous qu'il appartient, Monsieur, à vous qui avez noblement associé votre nom aux destinées de la Grèce, de prendre encore une fois en mains les intérêts d'une cause qu'on outrage aussi indignement, en les dénaturant. Qu'un parti, ennemi-né de tout ce qu'il y a de bon et d'honorable dans la nature de l'homme, ait cherché par tous les moyens possibles, per fas et nefas, par la force et l'astuce, par la

foi des traités et la mauvaise foi à perdre, à assassiner la malheureuse Grèce, cela se conçoit, puisque c'était dans ses intérêts, et qu'on sait de reste que l'intérêt, le plus vil, le plus sordide intérêt, est la seule règle, le seul mobile de ce parti. Mais que déjoué dans ses calculs, paralysé dans ses projets par une Puissance Supérieure, l'assassin, désespérant de venir à bout de sa victime, veuille à présent se faire passer pour son protecteur, sauf à faire passer le protecteur véritable pour l'assassin — voilà qui est trop fort[2]. Et l'opinion publique se manquerait à elle même, si par ses organes avoués elle ne repoussait de toute l'énergie de son indignation un semblable outrage, fait à la décence publique[3].

Agréez, Monsieur, l'assurance de la considération tr<ès> distinguée

de v<otre> tr<ès> humble

et tr<ès> ob<éissant> serv<iteur>

Tutchef.

Перевод:

Мюнхен. 1-ое февраля

Милостивый государь,

Вы, конечно, заметили в двух последних номерах «Allgemeine Zeitung»[1] возмутительную статью, извлеченную из «Journal de Smyrne». Признаюсь, это самое грубое оскорбление, которое когда-либо наносилось общественному здравому смыслу. Но поскольку «Allgemeine Zeitung» сочла нужным перепечатать ее полностью и с известным сочувствием, именно вам, милостивый государь, вам, благородно связавшему свое имя с судьбами Греции, надлежит снова взять в свои руки защиту интересов, извращение коих равносильно их самому бесстыдному попранию. Что партия, от роду враждебная всему доброму и честному в природе человеческой, попыталась всеми возможными способами, per fas et nefas[*], силой и хитростью, соблюдением

[*] правдами и неправдами (*лат.*).

договоров и нарушением их, погубить несчастную Грецию — это понятно, ибо это было в ее интересах, а ведь известно, что интерес, самый низменный, самый гнусный интерес — единственное правило, единственный двигатель этой партии. Но что обманутый в своих расчетах, остановленный в своих поползновениях Высшей Силой, отчаявшийся доконать свою жертву убийца пытается теперь прикинуться ее покровителем с тем, чтобы выдать истинного покровителя за убийцу, — вот это уже слишком[2]. И общественное мнение изменило бы самому себе, если бы в своих признанных печатных органах не ответило со всею силою негодования на подобную пощечину общественному благоприличию[3].

Примите, милостивый государь, уверения в глубочайшем уважении

вашего смиреннейшего

и покорнейшего слуги

Тютчева.

25. Н. И. ТЮТЧЕВУ

20 мая/1 июня 1832 г. Мюнхен

Рукой Эл. Ф. Тютчевой:

Munich. Ce 1 juin 1832

Je suis la main de Théodore, mon cher Nicolas; voilà plusieurs jours qu'il veut vous écrire et les grandes affaires ne lui laissent pas un moment. Faute de mieux je m'en vais donc répondre à l'aimable lettre qui nous promet votre arrivée et vous dire ce qui se passe chez nous.

Mon ami, je ne vous dirai pas la grande joie que nous avons de vous revoir enfin[1], depuis longtemps nous le désirions tant! — Vous le savez, Théodore a absolument besoin de vous de distance en distance pour se refaire. Ces derniers temps surtout il était souvent malade et partant triste et mélancolique. Vous savez le distraire, le remonter, moi, je ne sais bêtement qu'être triste avec lui. Aussi que de fois je soupirais après vous, bien avant d'apercevoir la possibilité de voir mon désir se réaliser. — Venez donc, mon frère; vous êtes le très bien venu, ne vous laissez de grâce empêcher par aucune considération, car c'est un hasard fortuné

qu'il ne faut pas laisser échapper. J'ai même la conviction que la Providence vous envoie à nous, pour nous aider et secourir dans tous les troubles et incertitudes qui nous submergent.

Je pense que vous savez que Potemkine est rappelé, qu'il doit aller à la Haye[2], que le Pr<ince> Gagarine[3] le remplace ici, etc. etc. C'est un coup bien sensible pour nous; nous perdons le chef le plus aimable, nous ayant témoigné continuellement toute la bonté et même tout l'attachement possible, *garçon* en outre, ce que son successeur n'est pas[4]; vous voyez tout ce qu'il y a à dire et à appréhender.

D'abord on avait cru que Krüdener[5] devait aussi avoir un avancement et être nommé à la place de Meindorf[6] à Vienne, mais cette nouvelle ne se constate pas; donc aucun espoir d'avancement pour Théodore. — Il y a une chose pourtant: d'après la lettre du Comte Nesselrode à Potemkine, de plus d'après des nouvelles indirectes, le poste de la Haye, donné à Potemkine, ne serait pas à considérer comme une disgrâce, mais bien comme une marque de confiance particulière que l'on voulait lui donner. Cependant Potemkine avant de recevoir l'annonce officielle de la chose, sur le bruit qui en a couru, avait écrit à Nesselrode, pour lui dire qu'un tel arrangement ne lui convenait pas du tout. Or depuis nous avons appris que les choses en étaient au point où on ne les fait plus rétrograder, le poste de Gagarine à Rome donné à Gourieff[7] et tout si bien enclavé l'un dans l'autre que le pauvre Potemkine ne s'en tirera guères. — Il désire, comme vous le pensez, que Théodore reste auprès de lui; cela ne se pourrait que si on lui accordait la place de premier secrétaire à la Haye; dans ce cas je conviens que ce serait trop avantageux pour refuser, mais, d'un autre côté, nous en aurions bien de désagrément. Quelle mer à boire! je n'y pense qu'en tremblant. Sur ce il y a tant de choses à dire que je n'ai pas le courage d'entamer ce chapitre; venez, car il faudra beaucoup parler, venez bientôt, car tout cela pourra devenir pressant, et si avant que vous ne puissiez quitter Vienne il se trouve quelque expédition de courrier de ce côté, T<héodore> en profitera, pour vous aller trouver. Mais c'est si incertain, hâtez-vous toujours autant que possible.

Anna[8] vous fait ses compliments, elle me demande: «Was ist das für ein Nicolas, er thut mir doch nichts?» — et je lui ai juré que non, mais que vous lui apporteriez une poupée et des bonbons; jugez si elle vous attend avec impatience. Encore une fois, venez vite, sans quoi ma

sœur[9], qui veut aller faire un séjour de campagne, ne vous verrait plus, ce dont elle serait très fâchée, – et puis ne vous effrayez pas, mon ami, vous nous trouverez dans la maison Kirchmayer sur le Carolinen-platz où logeait ci-devant l'oncle Nicolas[10] et plus tard les Kiréefsky[11], mais tout a été blanchi et nettoyé. – Adieu, à revoir bientôt, en joie et santé!

Nelly

Рукой Тютчева:

Votre bonne nouvelle, mon cher Nicolas, m'a fait grand plaisir, mais ne m'a point surpris. Depuis longtemps j'y comptais. Car j'avais trop besoin de vous voir et de vous consulter, pour ne pas espérer du sort qu'il aurait la complaisance d'arranger les choses de manière à ce que ce vœu pût se réaliser. D'ailleurs il me devait ce dédommagement pour la contrariété qu'il me suscite. Quand je dis le sort, c'est toute autre chose que je devrais dire. Potemkine est nommé à la Haye. C'est un des plus grands désagréments qui pouvaient m'arriver. Malgré tout le bien qu'on dit du Prince Gagarine il ne remplacera jamais pour moi Potemkine. On passerait au tamis toute la diplomatie de S<a> M<ajesté> I<mpériale> qu'on ne trouverait pas un aussi parfait gentleman. C'est un loup *blanc* parmi les Russes. Son successeur a d'ailleurs un *gran difetto* – il est marié. Or ceci – etc. etc. etc. Comme la chose n'est pas définitivement et irrévocablement décidée, je ne puis guères dans cet état d'incertitude m'absenter de Munic. C'est pourquoi je vous supplie, mon cher ami, de saisir le premier moment loisible, pour venir me trouver et avant tout de me donner de vos nouvelles aussitôt la présente reçue. J'ai besoin d'avis et de consolations. – Je vous félicite de tout mon cœur au sujet de votre mission et désire sincèrement qu'elle soit la plus embrouillée et la plus fastidieuse possible, quelque chose dans le genre de la Conférence de Londres[12]. Ce sera tout profit pour vous.

Au revoir donc, mon cher ami, et le plus tôt que faire se pourra.

Tout à v<ous>

Ti Tutchef

Перевод:

Мюнхен. 1 июня 1832

Я пишу вместо Теодора, дорогой Николай; вот уже несколько дней, как он собирается писать вам, но важные дела не оставляют ему ни минуты свободной. За неимением лучшего, я отвечу вам на ваше любезное письмо, в котором вы обещаете приехать к нам, и расскажу, что у нас происходит.

Друг мой, я не стану говорить о том, как рады мы предстоящей встрече с вами[1], мы уже так давно желаем этого! — Вы знаете, Теодор положительно нуждается в вас время от времени, чтобы набраться новых сил. Последнее время он особенно часто хворал и потому был грустен и меланхоличен. Вы умеете его развлечь, поднять его настроение, я же умею только быть глупо печальной вместе с ним. И потому сколько раз я вздыхала о вас, задолго до того, как осуществление моего желания стало возможным. — Так приезжайте же, брат мой; вы будете самым желанным гостем, и умоляю, не допускайте, чтобы какие-либо соображения помешали вам, ведь эту счастливую случайность никак нельзя упускать. Я убеждена даже, что само Провидение посылает вас к нам на помощь, чтобы поддержать в тревогах и сомнениях, обступающих нас со всех сторон.

Я думаю, вам известно, что Потемкин отозван, что он должен ехать в Гаагу[2], что князь Гагарин[3] заменяет его здесь, и т. д. и т. д. Для нас это весьма чувствительный удар: мы теряем самого любезного начальника, который непрестанно выказывал нам всяческую доброту и даже привязанность, к тому же *холостого*, а преемник его женат[4]; вы понимаете всё, что можно было бы сказать по этому поводу и чего следует опасаться.

Сначала думали, что Крюденер[5] также получит повышение и будет назначен на место Мейендорфа[6] в Вену, но это известие не подтверждается; итак, никакой надежды на повышение для Теодора. — Впрочем, вот что: судя по письму графа Нессельроде к Потемкину, а также по известиям со стороны, пост в Гааге, предназначенный для Потемкина, не следует считать немилостью, напротив — это знак особого доверия, которое ему хотели оказать. Однако Потемкин, до получения официального извещения, под влиянием слухов написал Нессельроде, что подобное перемещение совсем ему не подходит.

А с тех пор мы узнали, что делу уже нельзя дать обратный ход, на пост Гагарина в Риме назначен Гурьев[7] и все так слажено, что бедному Потемкину не выпутаться. — Как вы понимаете, он хочет, чтобы Теодор остался при нем; это было бы возможно лишь при условии, если Теодору дадут место первого секретаря в Гааге; такое предложение, я согласна, было бы слишком выгодным, чтобы от него отказываться, но, с другой стороны, это доставило бы нам массу неприятностей. Какая возня! Я содрогаюсь при мысли об этом. На эту тему можно сказать столько, что у меня не хватает мужества начинать; приезжайте, так как придется многое обсудить, приезжайте скорее, дело может стать неотложным, и если прежде, чем вам удастся покинуть Вену, представится какая-нибудь курьерская экспедиция в те края, то Теодор воспользуется ею, чтобы съездить к вам. Но на это мало надежды, ускорьте же по возможности ваш приезд.

Анна[8] шлет вам поклон, она спрашивает меня: «Was ist das für ein Nicolas, er thut mir doch nichts?»* — и я дала ей слово, что нет, но что вы привезете ей куклу и конфет; судите, с каким нетерпением она вас ждет. Еще раз, приезжайте скорее, иначе моя сестра[9], которая собирается ехать в деревню, не увидится с вами, что ее очень огорчит, — и еще, не пугайтесь, мой друг, вы найдете нас в доме Кирхмайера на Каролинен-платц, где раньше жил дядя Николай[10], а позже Киреевские[11], но дом этот побелили и вычистили. — Прощайте, до скорого свидания, радостного и благополучного.

Нелли

Твоя добрая весть, друг мой Николай, весьма меня обрадовала, но совсем не удивила. Я уже давно на это рассчитывал. Ибо мне слишком необходимо повидать тебя и посоветоваться с тобой, чтобы я мог отказаться от надежды, что судьба окажет мне любезность и осуществит мое желание. Впрочем, она была обязана сделать это, дабы вознаградить меня за невзгоды, которые на меня насылает. Говоря о судьбе, я имею в виду нечто совсем иное. Потемкин назначен в Гаагу. Это одна из самых крупных неприятностей, какие могли ме-

---

* «Что это за Николай, он меня не обидит?» (*нем.*)

ня постигнуть. Несмотря на все хорошее, что говорят о князе Гагарине, он никогда не заменит мне Потемкина. Можно перебрать весь дипломатический корпус его императорского величества, но другого столь же безупречного джентльмена не найти. Среди русских это *белая* ворона. К тому же у его преемника есть *gran difetto** — он женат. А ведь это — и т. д. и т. д. и т. д. Поскольку дело еще не решено окончательно и бесповоротно, я никак не могу отлучиться из Мюнхена в этом состоянии неопределенности. А потому умоляю тебя, любезный друг, воспользоваться первой же возможностью, дабы приехать ко мне, но прежде всего ответить мне тотчас по получении этого письма. Я нуждаюсь в советах и утешениях. — От всего сердца поздравляю тебя с порученным тебе делом и искренно желаю, чтобы по запутанности и бесконечности оно не уступало Лондонской конференции[12]. Для тебя это будет только выгодно.

Итак, до свидания, любезный друг, и по возможности скорейшего.

Весь твой

Ф. Тютчев

26. Н. И. ТЮТЧЕВУ

29 октября/10 ноября 1832 г. Мюнхен

Рукой Эл. Ф. Тютчевой:

Munich. Ce 10 nov<embre> 1832

Je vous écris un mot, mon ami, faute de mieux, c'est-à-dire faute de Théodore qui est encore dans un de ses grands accès de paresse. Voilà je ne sais combien de temps qu'il veut vous écrire, mais jamais la journée ne s'est trouvée assez longue, attendez donc qu'elle ait plus de 24 heures. Le voilà dans son fauteuil et, comme je lui demande ce qu'il a à vous dire, il me charge de vous demander «si vous avez de bonnes nouvelles de Varsovie». — Vous avez eu le billet que j'ai donné à Bingham?[1] Le lendemain Krüdener est arrivé, m'apportant un charmant bonnet et la nouvelle de votre bonne humeur et parfaite santé. Tout cela m'a fait grand plaisir,

* большой недостаток (*ит.*).

mais en vérité, quant au bonnet, ce n'est nullement ainsi que je l'entendais; croyez-vous donc que j'aurais l'impudence de vous demander si rondement des cadeaux? Allons, cela ne m'arrivera plus; en attendant veuillez que je vous embrasse, en vous remerciant, car il est joli et de fort bon goût.

Je vous ai prié aussi de me dire si l'on avait de bonnes fourrures à Vienne, n'en faites rien, j'ai trouvé par hasard ce que je cherchais, et maintenant je ne vous demanderai plus que de songer au thé que vous avez promis de me faire venir.

Je suis toujours dans ma chambre. Le temps est si froid et mauvais que je n'ai encore le courage de sortir, quoique je sois presque remise; du reste il y a aussi une bourrasque de soirées qui m'effraie, et dans quelques jours nous allons avoir un grand bal que Sercey donne en l'honneur de la députation grecque[2].

Voici le dormeur qui s'éveille; il veut parler — écoutez:

«Je me tire violemment de mon apathie, pour vous écrire par le moyen de la meilleure moitié de mon être, c'est-à-dire de celle qui n'est pas aussi paresseuse. J'avais espéré que Krüdener m'apporterait une lettre de vous, mais il ne m'a apporté qu'une preuve nouvelle de cette affinité d'indolence qui nous fait préférer une correspondance mentale à tout autre; au fait, ce qui m'importerait le plus de savoir de vous, ce serait si nous pouvons avoir quelqu'espoir de vous arracher pour quelques jours à votre liquidation et — ici ma main rebelle se regimbe contre moi et prétend que tout ce que je vous dis ne sont que fadaises qui ne méritent pas d'être écrites même avec son mauvais orthographe, et voilà pourtant une chose qui me tient à cœur: avez-vous eu des nouvelles de Moscou? — Dans la dernière lettre que j'en ai eu les pauvres vieux étaient pleins d'inquiétude à cause de notre silence et vous croyaient bien positivement mort de choléra[3].

Au risque de paraître indiscret au commis du bureau de poste qui ouvrira cette lettre, je ne puis m'empêcher de vous dire quelques mots de politique. Il paraît que toutes les admonitions de Pozzo[4] à Berlin n'ont pas donné à la Prusse l'heureuse témérité qui lui manque, et qu'elle est bien décidée à n'en pas venir aux mains avec la France pour la question d'Anvers[5]; mais qu'arriverait-il si le Roi Guillaume, qui est plus mauvaise tête que son parent[6], allait faire son coup de feu contre les Français, — là, selon

moi, est toute la question, et bien certainement que dans cet instant il n'y a pas un seul homme en Europe qui puisse le prédire. En attendant ces grands événements nous sommes ici à tourner dans le cercle fort étroit d'une vie de capitale de province; il n'y a ici de sérieusement occupé que Potemkine qui est toujours aussi fou d'amour pour sa Grâce divinité, avec cette différence qu'à présent, vu la saison, il fait ses farces en présence d'un parterre beaucoup plus nombreux. Sa fureur jalouse contre Sercey se réveille aussi parfois, et bientôt elle va acquérir un nouvel aliment à l'occasion d'un bal que celui-ci va donner pour fêter la régence[7], mais que Potemkine croit très fermement être destinée à la belle Rose».

Und jetzt schreibe ich kein Wort mehr.

Adieu, mon ami.

«A propos de ma santé», — *c'est de la sienne qu'il s'agit,* — «je suis tourmenté par des hé-roïdes, soit dit par contraction, pour ne pas effaroucher ma main qui déjà s'impatiente et trépigne des pieds. Ainsi donc adieu» — et moi aussi adieu.

N. T.

Перевод:

Мюнхен. 10 ноября 1832

Я берусь набросать вам несколько строк, мой друг, за отсутствием надежды на лучшее, то есть на Теодора, который все еще во власти одного из своих затяжных приступов лени. Уж и не сочту, сколько дней он собирается писать к вам, но ему все не хватает на это суток, так что подождите, пока в них станет более 24 часов. Вот он тут, в своем кресле и в ответ на мой вопрос, что вам сказать, велит спросить, «получили ли вы добрые вести из Варшавы». — Дошла ли до вас записка, переданная мною через Бингема?[1] На другой день приехал Крюденер с прелестным чепцом для меня и с известием, что вы пребываете в превосходном настроении и отменном здравии. Все это несказанно меня обрадовало, но что до чепца, то я, ей-богу, не имела в виду ничего такого; неужели вы думаете, что у меня хватило бы бесстыдства столь откровенно напрашиваться на подарки? Ну и ну, никогда больше не совершу подобной оплошности; пока же

позвольте мне вас с благодарностью обнять, ибо чепец прехорошенький и сделан с большим вкусом.

Я также просила вас отписать мне, есть ли в Вене хорошие меха, однако не затрудняйтесь, я случайно нашла то, что искала, и теперь напоминаю вам лишь о чае, который вы обещали мне прислать.

Я все еще сижу взаперти. Погода такая холодная и ненастная, что я не осмеливаюсь высунуть на улицу нос, хотя почти совсем поправилась; к тому же меня страшит налетевший на нас шквал вечеров, а через несколько дней состоится грандиозный бал, который Серсэ дает в честь греческой депутации[2].

Вот сонливец оживает; он хочет вещать — слушайте:

«Я решительно вырываюсь из пут апатии, дабы писать тебе при посредстве лучшей половины моего существа, сиречь той, что не так ленива. Я ждал, что Крюденер привезет мне письмо от тебя, но он привез лишь новое доказательство нашего сродства в той склонности к сибаритству, которая заставляет нас предпочитать мысленную переписку всякой другой; на самом деле, мне важнее всего было бы узнать, можем ли мы надеяться оторвать тебя на несколько дней от твоей ликвидации и — тут моя строптивая рука восстает против меня, заявляя, что я мелю совершеннейший вздор, не заслуживающий того, чтобы быть положенным на бумагу даже ею с ее скверным правописанием, но вот, однако ж, вещь, волнующая меня до глубины души: есть ли у тебя новости из Москвы? — Судя по последнему письму, которое я получил от бедных стариков, они страшно встревожены нашим молчанием и положительно уверены, что ты умер от холеры[3].

Рискуя показаться не в меру болтливым чиновнику почтовой конторы, который вскроет это письмо, не могу не сказать тебе несколько слов о политике. По-видимому, все наставительные речи Поццо[4] в Берлине не вдохнули в Пруссию той благословенной отваги, коей ей недостает, и она твердо решилась не ввязываться в драку с Францией из-за Антверпена[5]; но что случилось бы, если бы король Вильгельм, более воинственный, нежели его родственник[6], вздумал ударить по французам, — вот в чем, по-моему, весь вопрос, и совершенно очевидно, что в настоящую минуту в Европе нет человека,

который мог бы это предсказать. В ожидании сих великих событий мы вращаемся здесь в весьма тесном мирке провинциальной столицы; серьезно занят здесь один Потемкин, который все так же сходит с ума по своей богине Грации, с той только разницей, что теперь, ввиду времени года, он выделывает свои штучки перед гораздо более полным партером. Временами в нем вновь пробуждается бешеная ревность к Серсэ, и вскорости она получит новую пищу в связи с балом, который сей последний собирается задать во славу регентства[7], а по твердому убеждению Потемкина — в честь прекрасной Розы».

Und jetzt schreibe ich kein Wort mehr*.

Прощайте, мой друг.

«Что касается моего здоровья», — *речь идет о его здоровье,* — «то меня мучает ге-рой, говоря сокращенно, дабы не спугнуть моей руки, которая уже выходит из себя и топочет ногами. Так что, прощай» — и я повторяю: прощайте.

Н. Т.

27. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

22 октября/3 ноября 1835 г. Мюнхен

Munich. Ce 3 novembre 1835

Monsieur le Comte,

Après avoir longtemps hésité, je prends le parti de m'adresser directement à Votre Excellence. Je ne me dissimule pas ce que cette démarche peut avoir de hasardé. Mais je me trompe fort, ou c'est précisément cela qui servira à l'excuser à ses yeux. Votre Excellence comprendra aisément que pour m'y déterminer, il ne fallait pas moins qu'une absolue nécessité d'une part et de l'autre une confiance absolue dans l'équité bienveillante de son caractère. C'est cette équité que j'invoque maintenant comme le meilleur et le plus sûr intercesseur que je puisse avoir auprès d'elle.

Je tâcherai d'être aussi concis que possible.

---

* Довольно, больше не напишу ни слова (*нем.*).

Monsieur le Comte, j'ai à peine l'honneur d'être connu de vous, et c'est ma propre cause que j'ai à plaider. Deux circonstances bien décourageantes, si je devais la plaider devant tout autre que Votre Excellence.

Dans l'entrevue que vous m'avez fait l'honneur de m'accorder, Monsieur le Comte, lors de votre dernier séjour à Carlsbad et dont je conserve un si reconnaissant souvenir Votre Excellence a daigné m'assurer[1] qu'elle ne manquerait pas de songer à moi, à la première vacance qui viendrait à se présenter. Or, j'ai été informé, à la suite du retour du Prince Gagarine que Mr de Krüdener serait incessamment appelé à une nouvelle destination[2]. La place de 1er secrétaire de légation à Munich va donc devenir vacante. J'ose la demander à Votre Excellence.

Voici à peu près ce que j'ai à dire en faveur de cette demande. Et d'abord, je me garderai bien de rappeler ici qu'il y a 13 ans que je sers à cette mission. Je sais que la durée du temps et la succession des années ne sauraient constituer un titre valable.

Je ne me réclamerai pas même des témoignages favorables[3] que l'obligeance des chefs de la mission, où je sers, a bien voulu, à plusieurs reprises, m'accorder auprès de Votre Excellence. Ces témoignages peuvent être l'expression d'une bienveillance toute personnelle.

Mais il y a d'autres circonstances que j'invoquerai plus volontiers à l'appui de ma demande.

Ainsi, p<ar> ex<emple>, qu'il me soit permis de faire observer à Votre Excellence que depuis 7 ans, c'est-à-dire, depuis le départ du Comte Woronzow, c'est moi qui ai été chargé, en très grande partie, de la correspondance politique que les chefs de mission qui, depuis ce temps-là, se sont succédé au poste de Munich ont eu l'honneur d'entretenir avec Votre Excellence[4]. J'oserai même ajouter, sans craindre d'être démenti par qui que ce soit, que parmi les rapports qui ont plus particulièrement fixé son attention et mérité son suffrage, il y en a peu qui ne soient de moi: tout sur la question grecque[5] que sur les affaires de ce pays-ci. Ce fait Mr Potemkine, avec sa loyauté accoutumée, s'est toujours plu à le reconnaître, et le Prince Gagarine, non moins généreux et non moins loyal, ne se refuserait certainement pas à l'appuyer de son

témoignage. Si je me permets d'en faire mention dans cette circonstance, c'est qu'il me paraît prouver, autant que pourraient le faire des suffrages plus explicites, l'opinion favorable que ces deux chefs ont bien voulu se former sur mon compte, aussi bien que la confiance, dont ils m'ont constamment honoré.

Et maintenant, Monsieur le Comte, me serait-il permis de vous expliquer pourquoi je sollicite la vacance du poste de Mr Krüdener de préférence à toute autre? Oserai-je avouer à Votre Excellence que je ne puis mettre à profit les bienveillantes dispositions qu'elle a daigné me témoigner qu'à la condition d'obtenir précisément la faveur que je réclame.

Il y a des aveux auxquels la rigueur même des circonstances ne saurait nous contraindre, si la noblesse d'âme de celui qui les reçoit ne venait à notre secours. C'est de cette nature que sont les considérations que j'ai à faire valoir en ce moment.

Bien que destiné à avoir, un jour, une fortune indépendante, je me trouve, depuis des années, réduit à la triste nécessité de vivre du service. La modicité de cette ressource, hors de toute proposition avec la dépense à laquelle me condamne la position sociale où je me trouve placé, m'a forcément imposé des engagements que le temps seul peut me mettre à même de remplir. C'est déjà là un premier lien qui me retient à Munich. Un déplacement, même avantageux sous le rapport du service, même accompagné d'un avancement, m'obligerait nécessairement à des dépenses nouvelles, qui, s'ajoutant aux anciennes, pourraient à tel point accroître les embarras de cette position, que la faveur que Votre Excellence croirait m'avoir accordée, en deviendrait illusoire par l'impossibilité matérielle où je me trouverais d'en profiter.

Or j'ai eu l'honneur de vous dire, Monsieur le Comte, que j'avais besoin du service pour vivre. J'insisterais beaucoup moins sur cette considération, je vous assure, si j'étais seul... mais j'ai une femme et deux enfants[6]. Certes, personne ne saurait être plus persuadé que je ne le suis que dans une position précaire et subalterne, comme la mienne, le mariage est la plus impardonnable des imprudences. Je le sais, puisqu'il y a 7 ans que je l'expie[7]. Mais je serais profondément malheureux, je l'avoue, si l'expiation de ce tort s'étendait à trois êtres qui en sont parfaitement innocents.

D'ailleurs, s'il y a un pays où je puisse me flatter d'être de quelque utilité pour le service, c'est assurément celui-ci. La connaissance très particulière des hommes et des choses que le long séjour que j'y ai fait, m'a mis à même d'acquérir, des études suivies et sérieuses faites plus encore par goût que par devoir, sur l'état social et politique de l'Allemagne, et surtout de cette partie de l'Allemagne, sur sa langue, son histoire, sa littérature, toutes ces raisons réunies me donnent quelque droit d'espérer, qu'ici du moins, je pourrai justifier, jusqu'à un certain degré, la faveur que je sollicite... Et qu'il me soit permis d'ajouter, en finissant, que si cette faveur n'était qu'une question de service et d'avancement, je ne pourrais pas m'empêcher d'éprouver de l'inquiétude. Mais c'est une question d'existence. C'est vous, Monsieur le Comte, qui êtes appelé à en décider[8], et cette considération me rassure...

J'ai l'honneur d'être avec respect,

Monsieur le Comte,

de Votre Excellence, le très humble

et très obéissant serviteur

Ti Tutchef

Перевод:

Мюнхен. 3 ноября 1835

Милостивый государь граф,

После долгих колебаний я решился обратиться прямо к вашему сиятельству. Признаю, что мой поступок может показаться дерзким. Но я полагаю, что именно это обстоятельство может послужить к моему оправданию в ваших глазах. Ваше сиятельство легко поймете, что решиться на подобный шаг меня вынуждают, с одной стороны, крайняя необходимость, а с другой — полное доверие к вашему великодушию и справедливости. К сей справедливости я теперь взываю как к лучшей и самой верной заступнице, какую я мог бы иметь перед вашим сиятельством.

Постараюсь быть насколько возможно кратким.

Милостивый государь граф, я едва имею честь быть знакомым с вами и обращаюсь к вам с частной просьбой. Два

обескураживающих обстоятельства, ежели бы речь шла о ком угодно, но не о вашем сиятельстве.

При нашем свидании, коим вы меня удостоили, граф, во время вашего последнего пребывания в Карлсбаде[1] и о коем я по сей день храню благодарную память, вашему сиятельству угодно было заверить меня, что вы не преминете вспомнить обо мне при первой же возможной вакансии. И вот, по возвращении князя Гагарина я известился, что г-н Крюденер скоро получит новое назначение[2]. Таким образом, место 1-го секретаря Мюнхенской миссии станет вакантным. Осмеливаюсь просить у вашего сиятельства сие место для себя.

Вот что в общих чертах я могу сказать в свою пользу. Прежде всего, не стоит, наверное, напоминать, что я служу в означенной миссии уже 13 лет. Я знаю, что длительность службы и череда прожитых лет еще не составляют сколько-нибудь уважительной причины.

Не стану ссылаться на благосклонные отзывы о себе[3], кои начальство миссии имело любезность неоднократно сообщать вашему сиятельству. Свидетельства сии могли быть лишь выражением личного расположения ко мне.

Но имеются иные обстоятельства, кои бы я желал привести в поддержку своей просьбы.

Так, например, позвольте заметить вашему сиятельству, что в течение 7 лет, то есть после отъезда графа Воронцова, именно мне в основном поручалось вести политическую переписку, коей начальство миссии, с того самого времени постоянно менявшееся, имело честь сноситься с вашим сиятельством[4]. Осмелюсь даже добавить, не опасаясь быть уличенным во лжи, что из докладов, остановивших на себе особое внимание и заслуживших одобрение вашего сиятельства, редкий был составлен не мною: мне принадлежит полное освещение греческого вопроса[5], а также дел сей страны. Г-н Потемкин с присущей ему честностью всегда охотно признавал сей факт и, разумеется, его не откажется подтвердить князь Гагарин, отличающийся не меньшим великодушием и прямотой. Ежели я позволяю себе остановиться на этом обстоятельстве, то единственно потому, что оно доказывает вы-

ше всяких похвал благосклонное мнение обо мне сих двух начальников, а также их постоянное доверие ко мне.

А теперь, милостивый государь граф, позвольте объяснить, почему я желал бы получить место г-на Крюденера предпочтительнее всякому иному Осмелюсь признаться вашему сиятельству, что могу воспользоваться великодушным расположением, коим вы изволили меня удостоить, только при условии получения именно сей милости, к коей я стремлюсь.

Бывают признания, к коим даже суровость обстоятельств не могла бы нас принудить, ежели бы не благородство души того, кто нас выслушивает. Сими соображениями я и руководствуюсь теперь.

Несмотря на то, что в будущем меня ожидает получение независимого состояния, уже в течение многих лет я приведен к печальной необходимости жить службой. Незначительность средств, отнюдь не отвечающая расходам, к коим меня вынуждает мое положение в обществе, против моей воли наложила на меня обязательства, исполнению коих может помочь только время. Такова первая причина, удерживающая меня в Мюнхене. Даже выгодное перемещение по службе, пусть с повышением в чине, непременно принудило бы меня к новым расходам, кои вкупе с прежними столь значительно бы усугубили мое затруднительное положение, что покровительство вашего сиятельства оказалось бы призрачным из-за материальной невозможности для меня им воспользоваться.

Как я уже говорил, милостивый государь граф, служба доставляет мне средства к жизни. Уверяю вас, я бы не стал останавливаться на этом обстоятельстве, ежели бы я был один... но у меня жена и двое детей[6]. Конечно, никто лучше меня не понимает, что женитьба в столь непрочном, зависимом состоянии, как мое, есть самая непростительная ошибка. Я сознаю это, поскольку уже 7 лет расплачиваюсь за нее[7]. Но я был бы глубоко несчастлив, ежели бы за мою ошибку расплачивались три совершенно невинных существа.

Впрочем, ежели и существует страна, где бы я льстил себя надеждой приносить некоторую пользу службой, так это решительно та, в коей я ныне нахожусь. Длительное пребыва-

ние здесь, благодаря последовательному и серьезному изучению страны, продолжающемуся поныне, как по внутреннему влечению, так и по чувству долга, позволило мне приобрести совершенно особое знание людей и предметов, ее языка, истории, литературы, общественного и политического положения,— в особенности той ее части, где я служу. Все эти причины купно дают мне некоторое право надеяться, что, по крайней мере, здесь я смогу должным образом оправдать милость, о коей прошу... И позвольте добавить в заключение, что ежели бы речь шла единственно о продвижении по службе, я бы не стал так беспокоиться. Но это есть вопрос жизни: и вам, милостивый государь граф, решать его[8], это обстоятельство ободряет меня...

Честь имею пребывать с совершенным уважением,
милостивый государь граф,
вашего сиятельства
нижайший и покорнейший слуга
Ф. Тютчев

28. И. С. ГАГАРИНУ

20–21апреля/2–3 мая 1836 г. Мюнхен

Munich. Ce 2 mai 1836

Mon bien cher ami. J'ose à peine espérer qu'en revoyant mon écriture vous n'éprouviez plutôt une impression pénible qu'agréable. Ma conduite à votre égard est *inqualifiable* dans toute la vague énergie de ce mot. Et quelle que soit ou quelle qu'ait été votre amitié pour moi, quelle que soit l'aptitude de votre esprit à comprendre les excentricités les plus extravagantes du caractère ou de l'esprit d'autrui, je désespère en vérité de vous expliquer mon silence. Sachez que depuis des mois ce maudit silence me pèse comme un cauchemar, qu'il m'étouffe, qu'il m'étrangle... et bien que pour le dissiper il eût suffi d'un très léger mouvement des doigts... jusqu'à l'heure d'aujourd'hui je ne suis pas parvenu à effectuer ce mouvement sauveur, à rompre ce sortilège.

Je suis un exemple vivant de cette fatalité, si morale et si logique, qui fait de chaque vice sortir le châtiment qui lui est dû. Je

suis un apologue, une parabole, destinée à prouver les détestables conséquences de la paresse... Car enfin c'est cette maudite paresse qui est le mot de l'énigme. C'est elle qui, en grossissant de plus en plus mon silence, a fini par m'en accabler comme sous une avalanche. C'est elle qui a dû me donner à vos yeux toutes les apparences de l'indifférence la plus brutale, de la plus stupide insensibilité. Et Dieu sait pourtant, mon ami, qu'il n'en est rien. En écartant les phrases, je ne vous dirai que ceci: depuis l'instant de notre séparation, il ne s'est pas passé un jour que vous ne m'ayez manqué. Croyez, mon cher Gagarine, qu'il y a peu d'amoureux qui pourrait *en conscience* en dire autant à sa maîtresse.

Toutes vos lettres m'ont fait grand plaisir, toutes ont été lues et relues... A chacune d'entr'elles j'ai fait au moins vingt réponses. Est-ce ma faute si elles ne vous sont pas parvenues, faute d'avoir été écrites. Ah, l'écriture est un terrible mal, c'est comme une seconde chute pour la pauvre intelligence, comme un redoublement de matière... Je sens que si je me laissais aller, je vous écrirais une bien longue, longue lettre, tendante uniquement à vous prouver l'insuffisance, l'inutilité, l'absurdité des lettres... Mon Dieu, comment peut-on écrire? Tenez, voilà une chaise vide auprès de moi, voilà des cigares, voilà du thé... Venez, asseyez-vous et causons. — Ah oui... causons comme nous l'avons si souvent fait, comme je ne le fais plus.

Mon cher Gagarine, vous vous tromperiez beaucoup si vous jugiez par ce commencement de lettre (que je ne suis pas sûr d'achever) de l'état habituel et réel de mon humeur... Et, pour ne parler que du moment présent, les Krüdener, qui nous quittent demain[1], vous diront si j'ai lieu de me réjouir beaucoup. Après un hiver passé dans les tiraillements continuels, dont nul que moi n'a eu le secret, un événement aussi imprévu qu'il aurait pu devenir affreux a failli bouleverser mon existence... Je n'ai pas le courage de vous en parler... Mais sachez qu'à peine revenu à moi-même, j'ai pensé à vous et ai compté sur votre sympathie...

Par lettres on ne devrait parler que de généralités, car il n'y a que les généralités qui puissent être comprises à distance... Mais c'est qu'il y a des moments où la vie interrompt tout à coup cette discussion philosophique et vous cherche querelle comme un

mauvais bretteur... C'est même là le côté vraiment tragique de la condition humaine. Dans les temps ordinaires la terrible réalité de la vie laisse la pensée se jouer librement autour d'elle, et lorsque celle-ci est pleine de sécurité et de foi dans sa force, tout à coup elle s'éveille et d'un seul coup de patte lui brise les reins... Mais ceci encore n'est qu'une généralité... Revenons à vos lettres...

Ce que vous me dites de vos premières impressions à votre retour en Russie m'a intéressé. Je regrette de n'y avoir pas fait de réponse dans le premier moment, maintenant c'est trop tard. Car que sais-je où vous en êtes maintenant? A coup sûr ce ne sont plus les mêmes nuages au ciel qu'il y a six mois. A l'heure qu'il est vous devez avoir quitté le bord. Vous devez être entré dans le courant... S'il y avait de la convenance à parler des choses qu'on ignore complètement, je vous dirais en gros que le mouvement intellectuel, tel qu'il s'accomplit maintenant en Russie, rappelle à certains égards, et en tenant compte de l'immense diversité de temps et de position, la tentative catholique, essayée par les Jésuites... C'est la même tendance, le même effort de s'approprier la culture moderne moins son principe, moins la liberté de la pensée... et il est plus que probable que le résultat en sera le même... Ne serait-ce que par la simple raison que dans le pouvoir absolu, tel qu'il est constitué chez nous, il entre un élément protestant, *ipso facto* la tutelle de *Mr Ouvaroff et conf<rère>s* peut être bonne ou mauvaise, salutaire ou malfaisante, mais dans tous les cas elle est transitoire...[2]

Ce 3 mai

Hier soir, en vous écrivant, je n'ai pas pu prendre sur moi de m'expliquer avec vous sur le triste événement dont j'ai été affligé. Cependant tout bien considéré, j'aime mieux vous dire le fait tel qu'il est, que de vous laisser à la merci des versions ou fausses ou exagérées. Voici ce que c'est.

Ma femme, depuis qu'elle avait sevré son dernier enfant[3], paraissait complètement remise. Cependant le médecin attendait non sans inquiétude le premier retour de la période. En effet, le matin même du jour de l'événement, elle s'annonça par des crampes d'une violence extrême. On lui fit prendre un bain qui la

soulagea. Vers les 4 heures, comme elle paraissait parfaitement calme, je la quittai, pour aller dîner en ville. Je rentrai plein de sécurité, lorsque j'appris en entrant qu'un malheur venait d'arriver. Je me précipitai dans sa chambre et la trouvai gisante à terre et baignée de son sang... Une heure après mon départ, comme elle me l'a raconté elle-même depuis, elle s'est sentie tout à coup le cerveau comme envahi par le sang, toutes ses idées se brouillèrent, et il ne lui reste qu'un sentiment d'inexprimable angoisse avec l'irrésistible besoin de s'en délivrer à tout prix. Par une fatalité inouïe, sa tante[4] venait de la quitter et sa sœur[5] n'était pas dans la chambre lorsque l'accès se déclara... S'étant mise à fouiller dans ses tiroirs, elle découvre tout à coup un petit poignard qui était resté là depuis la *masquerade* de l'année dernière. La vue de ce fer fixe ses idées, et dans un accès de complète frénésie elle s'en donne plusieurs coups au sein. Aucun heureusement n'était grave. Perdant du sang et toujours en proie à cette angoisse dont elle ne peut se délivrer, elle descend l'escalier, court dans la rue, et là, à 300 pas de la maison, tombe évanouie. Les gens de Hollenstein, qui l'avaient vu sortir et qui la suivirent, la rapportèrent chez elle. Sa vie pendant vingt-quatre h<eures> fut dans un danger imminent, et ce n'est qu'après lui avoir appliqué une saignée et 40 sangsues qu'on est parvenu à la rendre à la raison... Maintenant elle est hors d'affaire, quant à l'essentiel, mais l'ébranlement nerveux se fera encore longtemps sentir.

Tel est le fait dans sa *vérité vraie*, sa cause est toute physique. C'est un transport au cerveau. Vous qui la connaissez et qui connaissez tout l'ensemble de la position, vous n'en douterez pas un instant. Et j'attends de votre amitié, mon cher Gagarine, que s'il arrivait qu'en votre présence on cherchât à représenter la chose sous un jour plus romanesque peut-être, mais complètement faux, vous démentiez hautement les absurdes versions[6]. Le roman est devenu si lieu commun, que même sous le rapport de l'intérêt tous les bons esprits doivent préférer un fait physiologique à une aventure romanesque...

Ayant appris que je vous écrivais, elle me charge de mille amitiés pour vous... Dans le paquet, qu'elle vous envoie, le portefeuille est pour vous et le portrait pour son fils *Charles*[7], auquel

vous aurez la complaisance de le faire remettre, en l'instruisant prudemment et avec discrétion de l'accident arrivé à sa mère...

Je ne vous parle pas de mes affaires de service par la même raison qui fait que ne lis jamais dans les journaux les articles concernant la Suisse. C'est trop plat et trop ennuyeux. Mr le Vice-Chancelier est pis que le beau-père de Jacob. Au moins celui-là n'a fait travailler son gendre *que 7 ans* pour obtenir *Lia*, pour moi la mesure a été doublée[8]. Ils ont raison après tout. N'ayant jamais pris le *service* au sérieux, il est juste que le service aussi se moque de moi. En attendant, ma position se fausse de plus en plus... Je ne puis songer à retourner en Russie par la simple et excellente raison que je ne saurai comment faire pour y exister, et d'autre part, je n'ai pas le moindre petit motif raisonnable, pour persévérer dans une carrière qui ne m'offre aucune chance d'avenir. Le malheureux événement qui vient d'avoir lieu pourra, je le crains, contribuer à empirer encore ma position. On s'imaginera peut-être à Pétersbourg que ce serait me rendre un très grand service que de me déplacer à tout prix de Munich et rien n'est plus faux. Je ne demande pas mieux que de le quitter, mais au prix d'un avancement réel, autrement... Brisons là. Il est honteux de tant parler de soi, et surtout parfaitement ennuyeux.

Bien des remerciements pour le volume de poésies[9] que vous m'avez envoyé. Il y a là de l'inspiration, et ce qui est d'un bon augure pour l'avenir, il y a à côté d'un élément idéal très développé le goût du réel et du sensible, voire même du sensuel... Ce n'est pas un mal... La poésie, pour fleurir, doit avoir ses racines en terre... C'est une chose remarquable que ce torrent de lyrisme qui inonde l'Europe, et cela tient pourtant, en grande partie, à une circonstance très simple, au mécanisme perfectionné des langues et de la versification. Tout homme à un certain âge de la vie est poète lyrique. Il ne s'agit que de lui dénouer la langue.

Vous m'avez demandé de vous envoyer mes paperasses[10]. Je vous ai pris au mot. J'ai saisi cette occasion pour m'en débarrasser. Faites-en ce que vous voudrez. J'ai en horreur le vieux papier écrit, surtout écrit par moi. Cela sent le rance à soulever le cœur...

Adieu, mon bien cher ami. Et si vous êtes toujours le même, si vous êtes toujours indulgent et *compréhensif*, amnistiez-moi et

écrivez-moi. Je vous promets de vous répondre. Quant à cette lettre-ci, ce n'est rien. Considérez-la comme non avenue. C'est le geste d'un homme qui tousse et se mouche avant de commencer à parler. Rien de plus.

Mes hommages à vos parents[11].

Ti Tutchef

Перевод:

Мюнхен. 2 мая 1836

Любезнейший друг. Едва смею надеяться, что, вновь увидав мое писание, вы не испытаете чувства скорее тягостного, нежели приятного. Мое поведение по отношению к вам *неслыханно* во всей туманной выразительности этого слова. И каким бы ни было, в настоящем или прошедшем, ваше дружеское ко мне расположение, как бы ни умели вы понимать самые невероятные странности в характере и уме ближнего, я поистине отчаиваюсь объяснить вам мое молчание. А надобно вам знать, что долгие месяцы это проклятое молчание гнетет меня как кошмар, что оно меня душит, давит... и хотя для того, чтобы нарушить его, достаточно было бы лишь слегка пошевелить пальцами... до сей минуты мне не удавалось сделать это спасительное усилие, прогнать это наваждение.

Я живое доказательство того правила, столь нравственного и столь логичного, согласно которому всякий порок влечет за собой равное ему наказание. Я аполог, притча, призванная продемонстрировать отвратительные последствия лени... Ибо именно в этой проклятой лени и состоит вся загвоздка. Это она, накапливая и накапливая мое молчание, в конце концов погребла меня под ним, как под лавиной. Это она должна была выставить меня в ваших глазах примером самого грубого безразличия, самой тупой бесчувственности. Однако ж, видит Бог, мой друг, это отнюдь не так. Излишне не распространяясь, скажу вам одно: с момента нашей разлуки дня не проходило, чтобы я не ощущал вашего отсутствия. Поверьте, любезный Гагарин, что редкий любовник может *по совести* сказать то же своей даме.

Все ваши письма доставляли мне огромное удовольствие, все читались и перечитывались... На каждое у меня было по меньшей мере двадцать ответов. Моя ли вина, если они не дошли до вас из-за того, что не были написаны. Ах, писание — страшное зло, это как второе грехопадение для бедного разума, как удвоение материи... Чувствую, что, дай я себе волю, я написал бы вам длинное-предлинное письмо с единственной целью доказать неудовлетворительность, бесполезность, нелепость писем... Боже мой, да как же можно писать? Взгляните, вот подле меня свободный стул, вот сигары, вот чай... Приходите, усаживайтесь и станем беседовать. — О да... станем беседовать, как мы беседовали столь часто и как я больше не беседую.

Любезный Гагарин, вы очень ошибетесь, если по началу этого письма (которое, не уверен еще, закончу ли) будете судить об обычном и истинном моем настроении... Что касается настоящего момента, Крюденеры, покидающие нас завтра[1], доложат вам, есть ли у меня основания для особой радости. После зимы, прошедшей в постоянных треволнениях, тайна которых известна мне одному, непредвиденный случай, грозивший ужасными последствиями, едва не перевернул всего моего существования... У меня духу не хватает вам о нем поведать... Но знайте, что, чуть опомнившись, я сразу подумал о вас с надеждой на ваше сочувствие...

В письмах следовало бы высказывать лишь общие соображения, ибо только они могут быть восприняты на расстоянии... Но выпадают минуты, когда жизнь внезапно прерывает эти философские рассуждения и начинает вас задирать, как скверный бретер... В этом-то и состоит истинная трагичность человеческого бытия. В обычные времена ужасная жизненная реальность дозволяет мысли свободно порхать вокруг нее, но едва та проникнется чувством безопасности и верой в свою силу, эта реальность внезапно оживает и одним ударом своей лапы ломает ей хребет... Но и это тоже всего лишь общее соображение... Вернемся к вашим письмам...

То, что вы говорите о ваших первых впечатлениях по возвращении в Россию, меня заинтересовало. Сожалею, что не ответил вам тотчас же, теперь слишком поздно. Ибо откуда

мне знать, каковы они сейчас? За полгода, наверно, много воды утекло. Теперь вы, должно быть, покинули берег. Вы, вероятно, вступили уже в поток... Если уместно судить о том, о чем имеешь самое смутное представление, я бы сказал обобщенно, что умственное движение, происходящее сейчас в России, напоминает в некоторых отношениях, принимая в расчет огромное различие в эпохе и ситуации, католическую кампанию, предпринятую иезуитами... Это та же тенденция, та же попытка присвоить себе современную культуру без ее основы, без свободы мысли... и более чем вероятно, что результат будет тот же... Хотя бы по той простой причине, что самодержавная власть, сложившаяся у нас в России, включает в себя протестантский элемент, *ipso facto** опека *г-на Уварова с братией* может быть хорошей или плохой, спасительной или вредной, но в любом случае она преходяща...[2]

3 мая

Когда я писал вам вчера вечером, мне не хватило решимости объясниться с вами по поводу печального события, которое мне пришлось пережить. Однако по зрелом размышлении я предпочитаю сам изложить все как было, нежели позволить вам питаться слухами, либо извращающими, либо раздувающими происшедшее. Вот что стряслось.

Моя жена казалась совсем оправившейся после того, как она отняла от груди своего последнего ребенка[3]. Однако доктор не без тревоги ожидал возобновления известного физиологического периода. Действительно, утром того злополучного дня этот период заявил о себе сильнейшими спазмами. Ей сделали ванну, которая ее облегчила. Около 4 часов, поскольку она выглядела совершенно спокойной, я покинул ее, чтобы пообедать в городе. Я вернулся домой в полной уверенности, что все благополучно, и в дверях узнал о случившемся несчастии. Я бросился в ее комнату и нашел ее распростертой на полу и обливающейся кровью... Через час после моего ухода, как она сама мне потом рассказывала, ей в голову вдруг словно бы

---

* в силу самого этого факта *(лат.)*.

кинулась кровь, все мысли ее смешались, и у нее осталось только одно ощущение неизъяснимой тоски и непреодолимое желание избавиться от нее любою ценой. По какой-то роковой случайности припадок начался тогда, когда ее тетка[4] только что ушла, а ее сестры[5] не было в комнате... Принявшись невесть зачем рыться в своих ящиках, она натыкается вдруг на маленький кинжал, завалявшийся там с прошлогоднего *маскарада*. Вид этого клинка указывает ей выход, и в приступе совершенного исступления она наносит себе множество ударов в грудь. К счастью, все раны оказались не глубокими. Истекая кровью и терзаясь все той же неотвязной тоской, она спускается с лестницы, выбегает на улицу и там, в 300 шагах от дома, падает без чувств. Люди Голленштейна, видевшие, как она выбежала, последовали за ней и принесли ее домой. В течение суток жизнь ее находилась под угрозой, и лишь после того, как ей отворили кровь и поставили 40 пиявок, удалось привести ее в сознание... Теперь главная опасность миновала, но нервное потрясение еще долго будет давать себя знать.

Такова *истинная правда*, причина происшедшего чисто физическая. Это прилив к голове. Вы, знакомый с ней и знающий общее положение вещей, ни на минуту не усомнитесь в этом. И наша с вами дружба позволяет мне надеяться, любезный Гагарин, что если кто-нибудь в вашем присутствии вздумает представлять дело в более романическом, может быть, но совершенно ложном освещении, вы во всеуслышание опровергнете нелепые россказни[6]. Роман уже до того приелся, что даже в смысле занимательности все остряки должны предпочитать физиологическое явление романическому приключению...

Узнав, что я вам пишу, она поручила мне передать вам самый сердечный привет... В свертке, который она вам посылает, находится бумажник, предназначенный для вас, и портрет для ее сына *Карла*[7], окажите любезность, передайте его ему, осторожно и деликатно сообщив о том, что случилось с его матерью...

Не говорю вам про свои служебные дела по той же причине, по какой никогда не читаю в газетах статей про Швейцарию. Это слишком банально и слишком нудно. Г-н вице-

канцлер хуже тестя Иакова. Тот, по крайней мере, заставил своего зятя работать *только семь лет*, прежде чем отдал ему *Лию*, для меня же срок был удвоен[8]. В конце концов они правы. Поскольку я никогда не воспринимал *службу* всерьез, службе тоже не грех посмеяться надо мной. Между тем положение мое становится все более и более ложным... Я не могу мечтать о возвращении в Россию по той простой и восхитительной причине, что мне не на что там будет существовать, с другой стороны, у меня нет ни малейшего разумного повода упорно подвизаться на поприще, которое ничего не обещает мне в будущем. Недавнее злосчастное событие, боюсь, еще поспособствует ухудшению моего положения. В Петербурге, чего доброго, вообразят, что они окажут мне великую услугу, если только переведут меня куда-нибудь из Мюнхена, однако это отнюдь не так. Я с радостью покинул бы этот город, но при условии действительного повышения, иначе... Впрочем, довольно об этом. Стыдно столько говорить о себе, а главное смертельно скучно.

Очень благодарен за присланную вами книгу стихотворений[9]. В них есть вдохновение и, что является хорошим предзнаменованием на будущее, наряду с сильно развитым идеалистическим началом есть вкус к жизненному, осязаемому, даже к чувственному... Беды в этом нет... Дабы поэзия цвела, она должна быть укоренена в земле... Замечательное явление этот поток лиризма, заливающий Европу, однако в истоках его лежит очень простое обстоятельство, усовершенствование приемов языка и стихосложения. Всякий человек в определенном возрасте становится лирическим поэтом. Нужно только развязать ему язык.

Вы просили меня прислать вам мое бумагомаранье[10]. Ловлю вас на слове. Пользуюсь случаем, чтобы от него избавиться. Делайте с ним все, что вам заблагорассудится. Я питаю отвращение к старой исписанной бумаге, особливо исписанной мной. От нее до дурноты пахнет затхлостью...

Прощайте, любезнейший друг. И если вы все тот же, если вы все так же полны снисходительности и *понимания*, даруйте мне помилование и напишите мне. Обещаюсь вам отве-

тить. А это письмо побоку. Считайте, что его нет. Это просто откашливание и отсмаркивание человека, готовящегося произнести речь. И ничего более.

Мое почтение вашим родителям[11].

Ф. Тютчев

29. Н. В. СУШКОВУ

21 июня/3 июля 1836 г. Мюнхен

Не могу довольно благодарить вас за ваше дружеское, братское письмо. Оно много обрадовало и утешило меня. Это письмо — лучшая порука Дашинькина счастия... Сердцу, которое умеет так чувствовать и любить, сестра могла смело вверить судьбу свою.

Понимаю, что вы не могли без живого, сердечного участия видеть горесть ее при расставании с родительским домом... Она многое покидала в нем... Воспоминания молодости, вполне благополучной, и редкую родительскую нежность... Вы знаете маминьку: вы знаете, с какою горячностию она любит Дашу. Сестра для нее все заменила. Брат и я, мы с ранних лет разлучены были с нею. Но в Даше она и нас любила. Теперь, пишет она ко мне, совсем осиротела. Но я надеюсь, что это сиротство недолго продолжится: я надеюсь, что они свои обстоятельства устроят так, что им можно будет лучшую часть года проводить вместе с вами. Душевно сего желаю... Грустно бы было знать их совершенно одинокими на старости. Для меня в особенности эта мысль была бы мучительна — мучительна как упрек. Вы знаете, что я прежде всех из семьи покинул их... Я менее всех имел случай сколько-нибудь воздать им за всю их любовь и нежное попечение. Теперь, надеюсь, Дашинькино счастие, Дашинькина устроенная, упроченная участь утешут их на старости. Вы, любезнейший брат, заплатите за всех нас. Вы видите, имею ли я причины любить вас от всего сердца.

Твердо верю и надеюсь, что и вы будете счастливы. Теперь не мне говорить вам о добрых свойствах жены вашей. Ум и чувствительность, конечно, хороши, но вы, без сомнения, выше всего оценили в ней ее редкое прямодушие — корень всяко-

го добра. С самого детства это свойство составляло главную черту ее характера. При этом свойстве человек не может совершенно предохраниться от некоторых недостатков, слабостей, дурных навыков, но все эти вредные влияния действуют ненадолго. В прямодушии, в природной правдивости характера есть какая-то необыкновенная целительная сила, и тот поистине счастлив, кого природа наделила этим антидотом*.

Теперешняя ее жизнь, более деятельная, более самостоятельная, не только послужит к ее счастию, но и к ее нравственному усовершенствованию. Ваша любовь и опыт довершат воспитание ее характера.

Простите. Когда Судьбе и обстоятельствам угодно будет свести нас вместе — не знаю. Но как бы то ни было, мы не позволим Судьбе и обстоятельствам располагать нашими чувствами. Начнем же дружбою, мы кончим после личным знакомством. Покамест толмачом нашим будет Дашинька. Простите.

Душевно вам преданный

Ф. Тютчев

30. И. С. ГАГАРИНУ

7/19 июля 1836 г. Мюнхен

Munich. Ce 7/19 juillet 1836

Mon bien cher Gagarine. Vous mériteriez un prix de vertu pour votre indulgente et persévérante amitié à mon égard et pour les témoignages que vous m'en donnez. J'ai reçu de vous, de compte fait, dans les derniers temps deux bonnes et belles lettres qui m'ont fait tout le plaisir que je puis recevoir par l'intermédiaire de l'écriture, et deux livres russes que j'ai parcourus avec tout l'intérêt que je puis prendre encore à de l'imprimé[1]. Et pour tous ces bienfaits je ne vous ai pas exprimé ma reconnaissance, même par un simple signe de vie. C'est une indignité, j'en conviens. Mais ne vous laissez pas rebuter. Que votre amitié parle plus haut que mon silence, car ce silence, vous le savez bien, est si peu moi

* противоядием (от *фр.* antidote).

que c'est plutôt la négation de moi. Votre dernière lettre m'a fait particulièrement plaisir, non pas un plaisir de vanité ou d'amour-propre (ces jouissances-là ont fait leur temps), mais le plaisir qu'on éprouve à s'assurer de ses idées par l'assentiment du prochain[2]. A bien prendre les choses, du moment que l'homme sort de la sphère des sens, il n'y a peut-être pas de réalité possible pour lui qu'au prix de cet assentiment-là, de cette sympathie intellectuelle. Là est la racine de toute religion, comme de toute société, comme de toute langue. Et cependant, mon cher ami, je doute fort que les paperasses, que je vous ai envoyées, méritassent les honneurs de l'impression, et surtout d'une impression séparée. Il se publie maintenant en Russie, tous les six mois, des choses qui vaillent infiniment mieux. Dernièrement encore j'ai lu avec une véritable jouissance les 3 nouvelles de *Павлов*, la dernière surtout[3]. A part le talent d'artiste, qui est là arrivé à un degré de maturité peu commun, ce qui m'a surtout frappé, c'est la pensée adulte, la puberté de la pensée russe. Aussi s'est-elle de prime abord attaquée aux entrailles mêmes de la société... La pensée libre aux prises avec la fatalité sociale, et cependant l'impartialité de l'art n'en a pas souffert. Le tableau est vrai sans être trivial ou caricature. Le sentiment poétique ne s'est pas laissé entamer par la déclamation... J'aime à faire honneur à la nature même de l'esprit russe de cet éloignement pour la rhétorique, cette peste ou plutôt ce péché originel de l'intelligence française. C'est là ce qui met *Пушкин* si fort au-dessus de tous les poètes français contemporains...

Mais pour en revenir à mes *rimes*, puisque c'est votre bien, vous en ferez tel usage qu'il vous plaira, sans exception ou *réserve* quelconque...[4] Ce que je vous ai envoyé là n'est qu'une parcelle minime du *tas* que le temps avait amassé. Mais le sort ou plutôt un je ne sais quoi de providentiel en a fait justice. A mon retour de la Grèce[5], m'étant mis entre chien et loup à trier des papiers, j'ai mis au néant la majeure partie de mes élucubrations poétiques, et ce n'est que beaucoup plus tard que je m'en suis aperçu. J'en ai été quelque peu contrarié dans le premier moment, mais je ne tardai pas à m'en consoler, en pensant à l'incendie de la Bibliothèque d'Alexandrie. — Il y avait là entr'autres tout le

1er acte de la seconde partie de *Faust*, traduit. C'est peut-être ce qu'il y avait de mieux.

Toutefois si vous persistez dans vos idées de publication, adressez-vous à *Раич* qui est à Moscou, pour qu'il vous communique tout ce que je lui ai envoyé dans le temps, et dont il a inséré une partie dans un journal passablement niais qu'il faisait paraître sous le titre de *Бабочка...*[6]

Mais en voilà assez sur ce sujet... Vos détails sur notre belle Esther et son Mardochée m'ont fait grand plaisir...[7] Lui doit nécessairement faire un effet très comique pour quelqu'un qui, le connaissant comme vous le connaissez, se trouve à même de l'observer dans sa nouvelle position. Que de mal il se donnera en pure perte! Que de choses laborieusement chiffrées, et qu'il pourrait faire insérer impunément dans la *Gazette de St-Pétersb<ourg>*. Mais j'espère que toute cette dépense de finesse et de circonspection ne réussira pas à le compromettre. Au besoin il a d'ailleurs le naturel, l'adorable naturel de sa femme, pour le protéger contre les effets de sa prudence. Ses amis (s'il en avait) ne pourraient lui adresser assez souvent les mêmes exhortations qu'on vous fait, lorsque vous voyagez dans les montagnes sur ces petits chevaux montagnards qui ont le pied si sûr et si intelligent. Je meurs d'envie de lui écrire, à Mad. Amélie s'entend, mais une bête de raison m'en empêche. Je lui ai demandé un service, et maintenant ma lettre aurait l'air de vouloir le lui rappeler. Ah, quelle misère! Qu'il faut être dans le besoin, pour se gâter ainsi l'amitié. C'est comme si on n'avait d'autre moyen de couvrir sa nudité qu'en se faisant une culotte d'une toile de Raphaël... Et cependant, de tout ce que je connais d'êtres humains au monde, elle est sans contredit la personne dont j'éprouverais le moins de répugnance à me savoir l'obligé...

Votre oncle[8] est parti il y a une dizaine de jours pour Carlsbad et m'a laissé dans un assez grand embarras... Il a bien voulu à son départ m'accréditer comme ch<argé> d'aff<aires> auprès de Gise[9], mais en m'exhortant en même temps de ne pas en faire l'annonce au Ministère à Pétersb<ourg>. C'est comme si on envoyait une lettre à la poste sans mettre l'adresse dessus. Malgré tout mon bon vouloir, il m'a été impossible de déférer à ce désir,

car le lendemain même de son départ j'ai reçu des papiers que je ne pouvais me dispenser de transmettre au département. Voilà donc son incognito à Carlsbad sérieusement compromis.

Munich est désert. Le mois dernier je suis allé en courrier à Vienne où j'ai passé une quinzaine de jours. Ma femme n'est pas encore de retour[10]. Je l'attends dans le courant de cette semaine. A Munich on ne voit que des femmes grosses ou accouchées. Au nombre des premières il y a la belle Mad. Anna[11], qui s'est établie dans la maison *Maïllot* au jardin Anglais. C'est à l'heure qu'il est le seul endroit habité de Munich... Et encore va-t-il bientôt devenir inaccessible... Le P<rinc>e Charles s'est déjà mis en oraison[12], et Weber a déjà presqu'entièrement achevé la layette... Je ne vous parle pas du mariage de Bourgoing avec Mlle Ida[13], pas plus que de l'attentat d'Alibaud[14]. Ces énormités se savent toujours assez tôt... Presque toutes les têtes du corps diplomatique sont parties, et on ne voit traîner ici que quelques *membra disjecta*[15] de l'animal. Ce qui n'empêche pas toutefois qu'il ne fasse le plus beau temps du monde, et cela depuis 2 semaines. Mad. de Cetto est à Egloffsheim en tête-à-tête avec le nonce, tête-à-tête que je n'irai pas assurément troubler. Quant aux... mais c'est assez des noms propres comme cela. Adieu.

Tl Tutchef

Перевод:

Мюнхен. 7/19 июля 1836

Любезнейший Гагарин. Вас следовало бы наградить премией добродетели за вашу снисходительную и неизменную дружбу ко мне и за то, как вы ее доказываете. Общим счетом я получил от вас за последнее время два добрых и прекрасных письма, прочитанных мною со всем удовольствием, какое я способен получать от письменного слова, и две русские книги, просмотренные мной со всем интересом, какой я еще способен проявлять к слову печатному[1]. И я не выразил вам своей признательности за все эти благодеяния, не подал даже ни малейшего признака жизни. Сознаюсь, это низко. Но пусть это вас не расхолаживает. Пусть ваша дружба окажется выше моего

молчания, ибо это молчание, как вам хорошо известно, так мало соответствует моему «я», что скорее служит его отрицанием. Ваше последнее письмо доставило мне особую радость, но это не радость удовлетворенного тщеславия или самолюбия (утехи подобного рода отжили для меня свой век), а радость, которую испытываешь, находя подтверждение своим мыслям в одобрении ближнего[2]. В сущности, как только человек покидает сферу чувств, едва ли не вся ценность существования сосредоточивается для него в таком одобрении, в таком согласии умов. На этом основаны все религии, равно как и все общества, равно как и все языки. И тем не менее, любезный друг, я сильно сомневаюсь, чтобы бумагомаранье, которое я вам послал, заслуживало чести быть напечатанным, в особенности отдельной книжкой. Теперь в России каждые полгода выходят в свет бесконечно лучшие произведения. Еще недавно я с истинным наслаждением прочитал 3 повести *Павлова*, главным образом последнюю[3]. Помимо художественного таланта, достигающего тут редкой зрелости, особенно поразила меня развитость, возмужалость русской мысли. А также то, что она сразу зацепила самое нутро общества... Свободная мысль вступила в схватку с социальной предопределенностью, однако беспристрастность искусства при этом не пострадала. Картина верна, и в ней нет ни пошлости, ни карикатуры. Поэтическое чувство не растворилось в пафосе... Мне приятно воздать честь русскому уму, по самой сущности своей чуждающемуся риторики, этой язвы или, вернее, этого врожденного изъяна французского ума. Вот отчего *Пушкин* так высоко стоит над всеми современными французскими поэтами...

Но возвращаюсь к моим *виршам*: делайте с ними что хотите, без всякого ограничения или *оговорок*, ибо они ваша собственность...[4] То, что я вам послал, составляет лишь крошечную частицу накопившегося за годы *вороха*. Но рок или скорее некий небесный промысел распорядился им по справедливости. По моем возвращении из Греции[5], принявшись как-то в сумерки разбирать свои бумаги, я уничтожил большую часть моих поэтических упражнений и заметил это лишь много времени спустя. В первую минуту я был не-

сколько раздосадован этим, но скоро утешил себя мыслью о пожаре Александрийской библиотеки. — Тут был, между прочим, перевод всего 1-го действия второй части «Фауста». Может статься, это было лучшее из всего.

Однако, если вы упорствуете в своем желании заняться изданием, обратитесь к *Раичу*, проживающему в Москве, пусть он передаст вам все, что я когда-то отсылал ему и что частью было помещено им в довольно пустом журнале, который он выпускал под названием «Бабочка»...[6]

Но довольно об этом предмете... Подробности, сообщенные вами о нашей прекрасной Эсфири и ее Мардохее, очень меня потешили...[7] Он неизбежно должен производить весьма забавное впечатление на человека, который, зная его подобно вам, имеет возможность наблюдать его в новом его положении. Сколько хлопот доставит он себе по-пустому! Как тщательно станет зашифровывать то, что можно безнаказанно поместить в «Санкт-Петербургских ведомостях». Надеюсь, однако, что весь этот избыток хитроумия и осмотрительности не поставит его в неловкое положение. Впрочем, восхитительный нрав его жены сумеет, в случае надобности, предохранить его от следствий его осторожности. Его друзьям (будь они у него) следовало бы беспрестанно обращаться к нему с теми же увещаниями, с какими обращаются к людям, путешествующим по горам на маленьких горных лошадках, каждый шаг коих столь верен и ловок. Мне до смерти хочется написать сей особе, госпоже Амалии, само собою разумеется, но препятствует этому глупая причина. Я просил ее об одном одолжении, и теперь мое письмо могло бы показаться попыткой о нем напомнить. Ах, какая напасть! И в какой надо быть нужде, чтобы так испортить дружеские отношения. Все равно, как если бы кто-нибудь не нашел иного способа прикрыть свою наготу, как выкроить панталоны из холста, расписанного Рафаэлем... И, однако, из всех известных мне в мире людей она, бесспорно, та личность, по отношению к которой мне было бы наименее тягостно чувствовать себя обязанным...

Ваш дядя[8] уехал дней десять тому назад в Карлсбад, оставив меня в довольно большом затруднении... Уезжая, он по-

желал возложить на меня полномочия поверенного в делах при Гизе[9], увещевая меня в то же время не сообщать об этом в Петербург, в Министерство. Это все равно что отправить письмо на почту, не написав на нем адреса. Несмотря на всю готовность ему служить, я не мог исполнить его желание, так как на другой же день по его отъезде получил бумаги, кои принужден был переслать в департамент. Таким образом, его инкогнито в Карлсбаде находится под серьезной угрозой.

Мюнхен опустел. В прошлом месяце я ездил курьером в Вену, где провел недели две. Моя жена еще не вернулась[10] Ожидаю ее в течение этой недели. В Мюнхене видишь либо беременных, либо только что разрешившихся женщин. В числе первых прекрасная госпожа Анна[11], которая обосновалась в доме *Майо* в Английском саду. Сейчас это единственное обитаемое место Мюнхена... Скоро и оно станет недоступным... Принц Карл уже принялся молиться[12], а Вебер почти закончил приданое для новорожденного... Не пишу вам про свадьбу Бургуэна с мадемуазель Идой[13], так же как про покушение Алибо[14]. Подобные нелепости всегда узнаются мгновенно... Почти все верхи дипломатического корпуса разъехались, здесь двигаются лишь *membra disjecta*[15] животного. Это, однако, не мешает погоде вот уже две недели быть просто восхитительной. Госпожа де Сетто находится в Эглофсгейме вдвоем с нунцием, и уж конечно не я стану нарушать их уединение. Что касается... но довольно собственных имен. Прощайте.

Ф. Тютчев

31. И. С. ГАГАРИНУ

10/22 июля 1836 г. Мюнхен

Munich. Ce 22 juillet 1836

Mon cher Gagarine,

Il y a deux jours je vous ai écrit pour mon propre compte. Maintenant c'est pour celui de la Comtesse Jeannette P<aumgarten>[1] qui vous prie de vous charger de l'incluse et de la faire parvenir en contrebande aux belles mains auxquelles elle est destinée. Tâchez de vous acquitter à votre honneur de ce petit

acte de trahison. Il y a ces cas, après tout, où le but justifie les moyens, et comme dans le cas dont il s'agit c'est incontestablement Madame <Krüdener>[2] qui est le but de la lettre, ce but-là pourrait justifier des énormités bien plus grandes encore... Je suppose que maintenant les moments sont moins rares où l'on peut parler à notre belle amie autrement qu'entre six yeux. Que j'aimerais à la revoir dans un de ces moments-là... Jeannette et moi, nous parlons souvent d'elle, mais tout cela est vague et ne me satisfait pas. Au fait ce n'est qu'avec elle-même que j'aime à parler d'elle, car, après moi, c'est encore elle-même qui se connaît le mieux... Dites-lui de ne pas m'oublier, mon individu s'entend, rien que mon individu, qu'elle oublie tout le reste... Dites-lui que si elle m'oubliait il lui arriverait malheur... Il lui viendrait une petite ride au front ou à la joue, ou une petite mèche de cheveux gris, car ce serait une apostasie envers les souvenirs de sa jeunesse... Mon Dieu, pourquoi en a-t-on fait une constellation...[3] elle était si bien sur cette terre.

Adieu, mon cher Gagarine. Je me sens d'humeur à vous écrire des volumes aujourd'hui, mais la nécessité sous la figure de *Moritz*[4], que bien vous connaissez, est là, qui m'oblige de m'interrompre... Et je puis à bon droit dire de lui ce que Démosthène, je crois, disait de ce Grec dont j'ai oublié le nom: c'est la hache qui coupe mes paroles[5]. Adieu, ce sera pour une autre fois.

Tout à vous

T. Tutchef

Перевод:

Мюнхен. 22 июля 1836

Любезный Гагарин,

Два дня тому назад я писал вам по собственному почину. Теперь пишу вам по поручению графини Жаннеты Паумгартен[1], которая просит вас контрабандным путем доставить прилагаемое письмо в прелестные руки, коим оно предназначается. Постарайтесь с честью совершить это маленькое предательство. Ведь бывают же случаи, когда цель оправдывает средства, а так как в настоящем случае целью

письма, бесспорно, является госпожа <Крюденер>[2], то подобная цель может оправдать еще большие крайности... Полагаю, что теперь чаще выпадают минуты, когда с нашей прекрасной приятельницей можно беседовать не в присутствии третьего, а с глазу на глаз. Как я желал бы повидать ее в одну из таких минут... Мы с Жаннетой часто говорим о ней, но все это туманно и не удовлетворяет меня. На самом деле я только с ней люблю говорить про нее, так как после меня она сама лучше всех себя знает... Скажите ей, чтобы она меня не забывала, мою особу, разумеется, одну мою особу, все остальное она может забыть... Скажите ей, что, если она меня забудет, ее постигнет несчастие... Выступит морщинка на лбу или на щеке, или появится прядка седых волос, ибо это было бы предательством воспоминаний ее молодости... Боже мой, зачем ее превратили в созвездие...[3] она была так хороша на этой земле.

Простите, любезный Гагарин. Сегодня у меня достаточно вдохновения, чтобы написать вам тома, но необходимость в образе хорошо известного вам *Морица*[4] вынуждает меня прервать мои излияния... И я с полным основанием могу сказать про него то, что, кажется, Демосфен говорил про того грека, имя коего я позабыл: это топор, пресекающий мои слова[5]. Простите, напишу вам в другой раз.

Весь ваш

Ф. Тютчев

32. И. Н., Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ и Д. И. СУШКОВОЙ

31 декабря 1836/12 января 1837 г. Мюнхен

Munich. Ce 31 décembre 1836/12 janvier <18>37

Cette lettre, chers papa et maman, vous sera portée par le g<énér>al Boudberg, envoyé ici par l'Empereur en mission spéciale[1] et qui repart aujourd'hui. Il nous est arrivé ici dans un mauvais moment et ne remportera que de tristes impressions de Munich. La maladie qui nous afflige depuis trois mois[2] a — il est vrai — considérablement baissée, mais par je ne sais quelle bizarrerie ses derniers choix sont touchés presque tous sur des

personnes de la société. Il est certain que pour la plupart c'étaient des personnes âgées ou infirmes, mais pas moins des cas de mort aussi rapprochés et aussi soudains ne pouvaient manquer de produire une sensation pénible et ont étendu le deuil à la société toute entière. A cela est venu se joindre un deuil de cour[3], si bien que nous avons du noir jusque par-dessus les oreilles. C'est au milieu de tout ce noir que nous avons commencé la nouvelle année catholique et que nous achevons la nôtre. C'est le cas plus que jamais de faire des vœux pour celle qui vient et je vous adresse les miens, du fond du coeur. Ma santé pas plus que celle de Nelly et des enfants[4] ne s'est autrement ressentie de la disposition générale, et le moral s'est maintenu tout aussi intact. En dépit de ses démonstrations multipliées, le choléra n'a pas réussi à faire la moindre impression sur nous. Voilà six ans que j'en ai les oreilles rabattues, et sa présence à Munich n'est pas parvenu à le rafraîchir à mes yeux. Mais je suis plus sensible à ses effets indirects. Munich qui n'est jamais rien divertissant est maintenant d'une tristesse et d'un ennui dont il serait difficile de se faire une idée. C'est comme un homme naturellement insipide et maussade qui aurait la migraine. On s'attendait à quelque fête pour l'arrivée du Roi Othon et de sa jeune femme. Mais le choléra les a empêchés de venir à Munich. Ils sont allés prendre congé de leurs parents au château de Tegernsee[5] à 18 lieues d'ici.

Vous savez mon histoire. J'avais demandé un congé pour aller passer cet hiver avec vous. Mais quand ce congé est arrivé, le Prince Gagarine m'a demandé avec instance de différer jusqu'au printemps pour en faire usage. Et certes, il m'eût été difficile de le laisser seul dans l'état où il est. Depuis trois mois il dépérit à vue d'œil. Il n'a pas bougé de sa chambre depuis l'entrée de l'hiver, et maintenant c'est à peine s'il quitte son lit. C'est un homme qui s'en va à grands pas. Je doute fort qu'il puisse traîner jusqu'au printemps. Sa femme qui est revenue ces jours-ci de Paris a été effrayée de l'état dans lequel elle l'a trouvé. Pauvre cher homme. Il me fait une peine réelle. Il meurt cassé, blasé et endetté. C'est expier durement quelque bon moment de sa vie. Vous comprenez que dans ces circonstances toute la besogne roule plus que jamais sur moi seul et si je pouvais encore prendre quelqu'intérêt aux

affaires, je me félicitais assurément de la complaisance que j'ai eu de rester.

Voilà depuis six semaines le second courrier que nous expédions au Ministère et quelque nulle que puisse être la valeur de l'expédition, encore fallait-il quelqu'un pour s'en occuper. Ma destinée à cette mission est assez étrange. Il m'était réservé de survivre ici à tout le monde et de ne recueillir la succession de personne. Mais qu'importe? Je m'estimerais heureux, si c'était là mon plus gros souci... Je viens d'écrire à Krüdener[6]. Il connaît ma position à fond, et dans ces derniers temps il en a donné des preuves réelles de son amitié et de son zèle à me servir. Il est possible que dans l'occasion il fasse valoir mon droit auprès du Mr le Vice-Chancelier. Mais après tout que pourrait-il lui apprendre? Mr le Vice-Chancelier m'écrit des lettres charmantes et s'est plus d'une fois exprimé sur mon compte de la manière la plus aimable. Si donc il ne fait rien pour moi, il faut que cela vienne à d'autres raisons. Il s'imagine peut-être qu'une affection aussi sincère que celle qu'il me porte, n'a pas besoin de témoignages extérieurs[7].

J'ai eu ces jours-ci une lettre de Nicolas[8]. Oui, une lettre autographe — une lettre de 4 pages. C'était la première depuis 8 mois. Vous pensez si elle m'a fait plaisir. Sa bonne vieille amitié s'y est retrouvée toute entière, cette bonne vieille affection qui sera la même dans mille ans — qui parle peu, il est vrai, mais qui n'en pense pas moins. Je lui pardonne bien volontiers des torts que je partage et dont j'ai fini par prendre mon parti, comme de mes hémorroïdes quelque gênant qu'ils puissent.

Vos dernières lettres, chère maman et chère Dorothée, m'ont fait aussi bien grand plaisir. J'en attends une de papa pour l'en remercier. Ce que vous me dites, ma chère Dorothée, du bonheur de votre intérieur, me rend votre mari[9] bien cher et ajoute beaucoup à l'impatience que j'éprouve de le lui dire. En attendant dites-le-lui de ma part.

Maintenant il vous reste encore une bonne nouvelle à m'annoncer, et celle-là, je l'espère, ne se fera pas attendre.

Voyez-vous quelquefois Madame de Krüdener? J'ai quelques raisons de supposer qu'elle n'est pas aussi heureuse dans sa brillante position que je l'eusse désiré. Pauvre chère et excellente

femme. Elle ne sera jamais aussi heureuse qu'elle le mérite. Demandez-lui quand vous la verrez, si elle se doute encore que je suis au monde. Munich est bien changé depuis son départ. Et J<ean> Gagarine que fait-il? Ce qu'il ne fait pas, je le sais. C'est d'écrire à ses amis.

Voilà une courte lettre, mais je vous en écrirai bientôt une autre qui vaudra en deux. En attendant, chers papa, maman et Dorothée, je vous baise les mains.

T. Tutchef

Перевод:

Мюнхен. 31 декабря 1836/12 января 1837

Это письмо, любезнейшие папинька и маминька, будет доставлено вам генералом Будбергом, который прислан сюда государем со специальным поручением[1] и отправляется сегодня обратно. Он прибыл к нам в неудачное время и увезет с собой лишь грустные впечатления о Мюнхене. Болезнь, досаждающая нам вот уже три месяца[2], правда, в значительной мере утратила силу, но по какой-то непонятной причуде последними ее избранниками оказались большей частью люди из общества. Конечно, в большинстве это были пожилые или немощные люди, все же смертные случаи, столь частые и столь внезапные, не могли не вызывать тягостного ощущения, и траур охватил все общество. К этому присоединился и придворный траур[3], так что мы по уши в черном. Вот в какой мрачной обстановке вступили мы в католический новый год и завершаем наш. Поистине сейчас, как никогда, уместно выразить добрые пожелания на наступающий год, и я от всего сердца шлю вам свои.

На моем здоровье, равно как на здоровье Нелли и детей[4], окружающая обстановка никак не отразилась, не убавила она и бодрости нашего духа. Холера, несмотря на частые случаи заболевания, не произвела на нас ни малейшего впечатления. За последние шесть лет разговоры о ней прожужжали мне уши, и ее присутствие в Мюнхене не прибавило ей в моих глазах ничего нового. Я более чувствителен

к ее косвенным последствиям. В Мюнхене, где никогда не было слишком много развлечений, теперь так уныло и так скучно, что трудно себе представить. Как если бы человек, и так-то тупой и угрюмый, да еще стал бы страдать мигренью. Ожидали, что будут какие-либо празднества по случаю приезда короля Оттона и его молодой жены, но холера помешала им прибыть в Мюнхен. Они поехали проститься со своими родителями в замок Тегернзее[5] в восемнадцати милях отсюда.

Новости обо мне вы знаете. Я ходатайствовал об отпуске, чтобы провести эту зиму с вами. Но когда отпуск был получен, князь Гагарин настоятельно попросил меня отложить его до весны. И конечно, мне было бы трудно оставить его одного в его теперешнем состоянии. За последние три месяца его здоровье заметно ухудшилось. С самого начала зимы он не выходит из своей комнаты, а сейчас едва встает с постели. Он угасает с каждым днем. Весьма сомневаюсь, чтобы он мог дотянуть до весны. Его жена, которая вернулась на днях из Парижа, ужаснулась, увидев, в каком он состоянии. Бедняга! Мне искренно жаль его. Он умирает сломленный, изверившийся во всем, весь в долгах. Как дорого приходится расплачиваться за несколько приятных мгновений жизни. Вы понимаете, что при подобных обстоятельствах вся работа, более чем когда-либо, лежит на мне одном, и если бы только я мог хоть сколько-нибудь интересоваться делами, то был бы наверное доволен, что любезно согласился остаться.

За полтора месяца нами отправляется в министерство второй курьер, и сколь ни маловажно значение посылки, все же нужно кому-нибудь этим заниматься. Мой удел при этой миссии довольно странный. Мне суждено было пережить здесь всех и не унаследовать никому. Ну да все равно. Я почитал бы себя счастливым, если бы в этом заключалась самая главная моя забота... Я только что написал Крюденеру[6]. Он хорошо знает мои обстоятельства и за последнее время на деле доказал мне свою дружбу и свое стремление помочь мне. Возможно, что при случае он походатайствует за меня перед

вице-канцлером. Но, в конце концов, что мог бы он ему сообщить? Вице-канцлер пишет мне любезные письма и неоднократно самым благосклонным образом высказывался на мой счет. Стало быть, если он ничего не делает для меня, на это есть другие причины. Может быть, он полагает, что привязанность, столь искренняя, как та, которую он ко мне питает, не нуждается во внешних проявлениях[7].

На днях я получил письмо от Николушки[8]. Да, собственноручное письмо, на четырех страницах. Оно было первым за восемь месяцев. Можете себе представить, какое удовольствие оно мне доставило. В нем отразилась вся его прежняя крепкая дружба, та прежняя крепкая привязанность, которая останется неизменной и через тысячу лет, — о ней, правда, мало говорят, но от этого не меньше чувствуют. Я весьма охотно прощаю ему его недостатки, от коих и сам не свободен и с коими под конец примирился, равно как со своим геморроем, как бы он меня ни беспокоил.

Ваши последние письма, любезнейшая маминька и милая Дашинька, тоже доставили мне весьма большое удовольствие. Жду письма от папиньки, дабы поблагодарить и его. То, что ты пишешь мне, милая Дашинька, о вашем семейном счастье, побуждает меня еще теплее относиться к твоему мужу[9] и усиливает мое нетерпение высказать ему это. Пока же передай ему это. Теперь тебе остается сообщить мне еще одну добрую весть, и она, я надеюсь, не заставит себя ждать. Видаете ли вы когда-либо госпожу Крюденер? У меня есть некоторые основания полагать, что она не так счастлива в своем блестящем положении, как я того желал бы. Какая милая, превосходная женщина, как жаль ее. Столь счастлива, сколь она того заслуживает, она никогда не будет. Спросите ее, когда ее увидите, не забыла ли она еще, что я существую на свете. В Мюнхене многое изменилось с ее отъезда.— А что поделывает Иван Гагарин? Чего он не делает, я знаю. Он не пишет своим друзьям.

Письмо получилось нескладное, но вскорости я напишу вам другое, более толковое. Пока же, любезнейшие папинька, маминька и Дашинька, целую ваши ручки.

Ф. Тютчев

33. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

3/15 апреля 1837 г. Мюнхен

Munich. Ce 15 avril <18>37

Votre dernière lettre m'a fait grand bien et je vous en remercie de tout mon cœur[1]. Je vous remercie aussi de la bonté que vous avez de me promettre de me faciliter le voyage. Je serais désolé de vous causer par là le moindre dérangement. Mais je ne serais pas moins désolé, je l'avoue, si, faute de fonds, j'étais obligé de rester à Munich. Il me tarde de m'en aller d'ici. Aussi, sauf les obstacles imprévus, je compte me mettre en route aussitôt que l'argent sera arrivé. Ce sera donc vraisemblablement vers le mois de juin. Je ferai vendre ici tout mon mobilier avant mon départ. Car quelque chose qu'il puisse arriver, je suis bien résolu à ne plus revenir ici. La nomination de *Sévérine* a mis le sceau à cette détermination[2]. Je ne me soucierai guères de servir sous ses ordres. Cependant je garde ma place — qui, toute insignifiante qu'elle est, m'assure au moins le droit d'en demander une autre.

Potemkine a été nommé à Rome[3]. Vous savez l'amitié qu'il me porte. Si son crédit à Pétersbourg était en raison de son excellent cœur et de ses sentiments pour moi, je ne serais guères embarrassé de mon avenir. Il m'avait donné rendez-vous en Russie, où il comptait aller dans le courant de ce printemps, mais il se pourrait que la nomination qu'il vient de recevoir le fit renoncer à son voyage.

Ce sera un heureux moment, chers papa et maman, que celui où nous nous reverrons. Si l'état de Dorothée se confirme[4], je serai doublement aise de me trouver auprès de vous dans un moment semblable. Dites mille amitiés de ma part à son mari et assurez-le que je désire bien sincèrement de faire sa connaissance. Nicolas m'a écrit deux fois dans ces derniers temps. Il me dit entre autres que selon toute probabilité il ne quittera pas Varsovie dans le courant de cette année. C'est pourquoi il m'engage à venir le voir en passant. Il est possible que je le fasse, bien que, d'autre part, il m'en coûterait de laisser voyager toute seule ma femme et trois enfants. Mais il y a dans cette pauvre femme une force d'âme qui n'est comparable qu'à la tendresse de son

cœur. J'ai mes raisons pour vous parler ainsi. Dieu seul qui l'a faite connaît tout ce qu'il y a de valeur dans cette âme. Mais vous qui m'aimez, je veux que vous sachiez que jamais un être humain n'a été aimé par un autre comme je l'ai été par elle. Je puis dire, presque par expérience, que depuis 11 ans il n'y a pas eu un seul jour dans sa vie où pour assurer mon bonheur elle n'eut consenti, sans hésiter un instant, à mourir pour moi. C'est quelque chose de bien grand et de bien rare, quand ce n'est pas une phrase.

Ce que je dis là doit vous paraître étrange. Mais encore une fois: j'ai mes raisons. Ce témoignage que je lui rends, n'est qu'une bien pauvre expiation.

Перевод:

Мюнхен. 15 апреля 1837

Ваше последнее письмо очень меня порадовало, от всего сердца благодарю вас за него[1]. Благодарю вас также за доброту, с какой вы обещаете облегчить мне путешествие. Буду весьма огорчен, если это причинит вам хоть малейшее затруднение. Но, признаюсь, я был бы не менее огорчен, если бы за отсутствием средств вынужден был остаться в Мюнхене. Мне не терпится уехать отсюда. Итак, если не встретится непредвиденных препятствий, я рассчитываю пуститься в путь тотчас же по получении денег. Это будет, по всей вероятности, в июне. Перед отъездом я продам всю мою здешнюю обстановку, так как, что бы ни было, я твердо решился более не возвращаться сюда. Назначение *Северина* окончательно укрепило эту решимость[2]. Я ничуть не расположен служить под его начальством. Однако я удерживаю за собой свое место, ибо, сколь оно ни незначительно, все же обеспечивает мне право просить другое.

Потемкин назначен в Рим[3]. Вы знаете его дружбу ко мне. Если его влияние в Петербурге было бы соразмерно его добрейшему сердцу и его отношению ко мне, я нисколько не беспокоился бы за свою будущность. Он условился встретиться со мной в России, куда рассчитывал поехать этой весной, но

возможно, что назначение, только что полученное им, принудит его отказаться от этой поездки.

Как счастлив я буду, любезнейшие папинька и маминька, свидеться с вами. Если положение Дашиньки подтвердится[4], мне будет вдвойне приятно быть с вами в такое время. Передайте от меня самый сердечный привет ее мужу и скажите ему, что я очень буду рад с ним познакомиться. Николай дважды писал мне за последнее время. Он говорит, между прочим, что, по всей вероятности, не уедет из Варшавы в этом году. Поэтому он приглашает меня заехать к нему по дороге. Возможно, что я так и сделаю, хотя, с другой стороны, мне было бы затруднительно отправить в поездку жену совсем одну с тремя детьми. Но эта слабая женщина обладает силой духа, соизмеримой разве только с нежностью, заключенной в ее сердце. У меня есть свои причины так говорить. Один Бог, создавший ее, ведает, сколько мужества скрыто в этой душе. Но я хочу, чтобы вы, любящие меня, знали, что никогда ни один человек не любил другого так, как она меня. Я могу сказать, уверившись в этом на опыте, что за одиннадцать лет не было ни одного дня в ее жизни, когда ради моего благополучия она не согласилась бы, не колеблясь ни мгновенья, умереть за меня. Это способность очень редкая и очень возвышенная, когда это не фраза.

То, что я говорю, должно быть, покажется вам странным. Но, повторяю, я имею на то свои причины. И эта дань, воздаваемая ей мною, является лишь весьма слабым искуплением.

34. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

9/21 мая 1837 г. Фарнбах

Farnbach. Ce 9/21 mai 1837

Enfin, chers papa et maman, j'ai la satisfaction de pouvoir vous annoncer que dans quelques heures d'ici nous nous mettons en route. J'ai rejoint ici ma femme avant-hier et suis décidé à faire le voyage avec elle[1]. Pour Nicolas, je le verrai plus tard, s'il plaît à Dieu. Selon toute probabilité, cette lettre précédera notre

3 Зак. 7508

arrivée de peu de jours seulement. Comme nous voyagerons par voiturier, il nous faudra bien 11 à 12 jours jusqu'à Lübeck. Ma grande ambition serait d'y arriver pour le 3 juin/22 mai, jour du départ du bateau à vapeur. Ce qui fait que je pourrais espérer d'avoir le bonheur de vous embrasser avant que ce mois-ci ne soit pas écoulé.

Ma femme a reçu hier une lettre de ses enfants[2] qui m'a un peu alarmé. Charles nous écrit que la santé de Dorothée allait mieux et qu'elle avait déjà quitté le lit. Mais aurait-elle été malade? Et qu'est-ce que c'était? Malgré la nouvelle du mieux, je ne suis rien moins que rassuré. Que le Dieu la protège...

Je suis bien coupable d'avoir si longtemps tardé à vous remercier, cher papa, de l'envoi de la lettre de change. Elle m'est parvenue au moment où nous avions le Gr<and>-Duc sur les bras, et ce n'était pas une petite besogne[3]. Depuis les préparatifs du départ toutes ces dernières dispositions à prendre, en quittant définitivement les endroits où l'on a si longtemps séjourné! Tout cela a complètement absorbé mon temps... Enfin c'est fait et nous partons... Ce voyage tel que nous l'allons faire, ne sera pas sans désagrément. Mais vous êtes au bout et cela me suffit... Mais me reconnaîtrez-vous? Car je vous préviens que vous me trouverez prodigieusement vieilli. Ainsi vous voilà avertis...

Adieu, chers papa et maman, et puisse cet adieu être le dernier. Je baise vos mains et suis pour la vie votre tout dévoué fils.

T. T.

Перевод:

Фарнбах. 9/21 мая 1837

Любезнейшие папинька и маминька, рад наконец-то объявить вам, что через несколько часов мы пускаемся в путь. Третьего дня я приехал сюда к жене и решил ехать вместе с нею[1]. Что до Николушки, я увижусь с ним позднее, если Богу будет угодно. По всей вероятности, это письмо опередит нас всего на несколько дней. Так как мы едем в наемной карете, путешествие до Любека займет не менее 11 или 12 дней; я

очень желал бы приехать туда к 3 июня/22 мая, дню отплытия парохода. Таким образом, я надеюсь, что смогу обнять вас до истечения этого месяца.

Жена получила вчера от своих детей письмо[2], которое меня несколько встревожило. Карл пишет нам, что здоровье Дашиньки лучше и что она уже встала с постели. Да разве она была больна? Что же с ней было? Несмотря на известие о том, что ей лучше, я нисколько не успокоился. Да хранит ее Бог...

Я очень виноват, что так долго собирался поблагодарить вас, любезнейший папинька, за присылку векселя. Я получил его в то время, когда мы возились с великим князем, а это была тяжелая работа[3]. А потом приготовления к отъезду, последние распоряжения, неизбежные, когда окончательно покидаешь место, где прожил так долго, — все это целиком заполняло мое время... Но вот, наконец, все готово, и мы уезжаем... Такое путешествие, как наше, не лишено будет неудобств, но конечной его целью являетесь вы, и это меня утешает. Но узнаете ли вы меня? Ибо предупреждаю вас, вы увидите, что я чрезвычайно постарел. Итак, я вас предупредил...

Простите, любезнейшие папинька и маминька, и да будет это прощание последним. Целую ваши ручки и остаюсь до конца дней моих вашим преданнейшим сыном.

Ф. Т.

35. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

11/23 июня 1837 г. Петербург

Ce 11 juin 1837

Vous voudrez bien, mon Prince, pardonner, à mon défaut absolu de *connaissances locales*[1], la liberté que je prends de m'adresser à vous, pour vous prier de vouloir bien vous charger de faire remettre à qui de droit les 25 r<oubles> que je dois comme prix de souscription pour les 4 volumes du *Современник*. Il y a des choses belles et tristes dans le premier. C'est bien là un livre *d'outre-tombe*[2], comme dit Chateaubriand, — et je puis ajouter avec toute vérité que la circonstance qui me l'a fait tenir de votre main lui donne un nouveau prix à mes yeux.

Agréez, mon Prince, l'assurance de ma considération la plus distinguée.

T. Tutchef

Перевод:

11 июня 1837

Благоволите, князь, простить меня за то, что, не имея положительно никаких *местных знакомств*[1], я беру на себя смелость обратиться к вам с просьбой не отказаться вручить кому следует причитающиеся с меня 25 рублей за подписку на 4 тома «Современника». В первом из них есть вещи прекрасные и грустные. Это поистине *замогильная* книга[2], как говорил Шатобриан, — и я могу добавить с полной искренностью, что то обстоятельство, что я получил ее из ваших рук, придает ей новую цену в моих глазах.

Примите, князь, уверение в моем особом уважении.

Ф. Тютчев

36. И. Н., Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ и Д. И., Н. В. СУШКОВЫМ

8/20 августа 1837 г. Петербург

Ce 8 août à bord d'*Alexandra* 2 h<eures> du matin.

Dieu soit loué. Et à vous, mille grâces vous soient rendues pour la bonne nouvelle. Je n'ai pas besoin de vous dire tout ce qu'elle m'a fait éprouver de sentiments à la fois...*

Дашинька, друг мой, обнимаю тебя и новорожденного... благодарю, что поторопилась... Николай Васильевич, поздравляю вас... а вы, маминька... но для вас, маминька, у меня слов нет... День 7-го августа для вас останется памятен... Vous, cher papa, je vous remercie mille fois de n'avoir pas désespéré de faire parvenir à temps jusqu'à moi la bonne nouvelle. Maintenant

* 8 августа, на борту «Александры», 2 часа ночи.
Слава Богу. А вам я несказанно благодарен за добрую весть. Нет нужды говорить, сколько чувств во мне поднялось одновременно... (*фр.*).

je pars, le cœur bien plus léger et je m'en vais d'ici pour l'annoncer à toute l'Europe... Nous levons l'ancre dans deux heures d'ici. Votre messager vous dira le reste...*

Теперь, узнавши о случившемся, я переживу с вами мысленно весь вчерашний день, с самой той минуты, как вы от меня воротились. Маминька, скажите ради Бога, как вы это всё вынесли?..

Сто раз обнимаю вас от всей души, и вас, папинька, и всех вас, и особливо героиню этого вели<кого> дня... и всех поручаю милост<и Божией>**. Простите... и среди вашей радости поминайте о уезжающем, который один на море — но сердцем с вами... Простите... Из Любека получите от меня письмо...

Целую ваши ручки.

Ф. Тютчев

Мой Матиас[1], который светит мне фонарем, просил меня убедительно передать вам свою благодарность за подаренные ему вами два червонца. Я для великого дня обещал ему исполнить его желание.

37. И. Н., Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ и Н. В. СУШКОВУ

15/27 августа 1837 г. Любек

Lübeck. Ce dimanche. 15 août 1837

Enfin, chers papa et maman, me voilà à Lübeck, où nous sommes arrivés hier dans la soirée, au lieu d'y être rendus mercredi ou jeudi dernier. Mais aussi quelle traversée! Depuis deux ans on ne se souvient pas d'en avoir fait une semblable... C'était, je crois, pour me consoler de vous avoir quittés et quittés dans quel moment!

Mais ne parlons pas de moi. Que fait Dorothée, que fait l'enfant? Je donnerais volontiers la moitié de ma taxe de courrier

* Вас, любезный папинька, тысячу раз благодарю за то, что не отчаялись меня застать и успели мне вовремя передать счастливое известие. Теперь я уезжаю с более легким сердцем... Мы поднимаем якорь через два часа. Ваш посланец расскажет все остальное... (*фр.*).

** Верхний правый уголок листа оторван с утратой текста.

pour avoir en ce moment de vos nouvelles. C'est demain le neuvième jour. J'espère en Dieu, que tout va bien.

Маминька, каковы вы?.. Si j'avais eu le sens commun, j'aurais dû il y a huit jours laisser à ma place le cocher de Souchkoff voguer vers Lübeck et retourner vers vous. Je me serais épargné par là bien des inquiétudes et à vous aussi peut-être. Car si par hasard vous aviez eu le très grand tort de penser ces jours derniers à autre chose qu'à notre accouchée le retard très involontaire de cette lettre peut vous avoir causé quelque alarme. Mais que voulez-vous. Le bateau à vapeur, sur lequel j'avais compté pour vous donner de mes nouvelles, avait quitté Travemünde trois heures avant que n'y fussions arrivés.

Et me voilà à Lübeck... dans la même chambre que j'ai occupé il y a trois mois, jour pour jour[1]. J'ai eu le sentiment, en me retrouvant ici, comme si je n'avais fait que rêver mon séjour auprès de vous... Est-il vrai, que pendant trois mois je vous ai vu tous les jours, que tous les jours je me sois assis à votre table... Et pourquoi cela a-t-il cessé tout à coup et pourquoi suis-je ici?..*

---

* Любек. Воскресенье. 15 августа 1837

И вот наконец, любезные папинька и маминька, я в Любеке, прибыли мы сюда вчера вечером вместо ожидаемого прибытия в прошлую среду или четверг. Но что это было за путешествие! За два года не припомнить подобного... Наверное, оно удалось в утешение мне за то, что я покинул вас, да еще в такие минуты!

Но речь не обо мне. Какова Дашинька, каково ее дитя? Я бы охотно отдал половину своей курьерской дачи, чтобы иметь теперь весточку от вас. Завтра уже девятый день. Уповаю на Бога, что все благополучно.

<...> Если бы я имел достаточно здравого смысла, то неделю назад я бы оставил вместо себя кучера Сушковых плыть в Любек, а сам бы вернулся к вам. Я бы избежал тогда всех этих тревог, да и вы, наверное, тоже. Ведь если вы в эти дни могли думать о чем-нибудь другом, кроме нашей роженицы, то задержка моего письма вас, должно быть, сильно обеспокоила. Но что поделать? Пароход, с которым я предполагал отправить вам письмо, вышел из Травемюнде за три часа до того, как мы туда прибыли.

И вот я в Любеке... в той же комнате, которую покинул три месяца назад, день в день[1]. Оказавшись здесь, я испытал такое чувство, будто моя поездка к вам приснилась мне... Неужели правда, что я в течение трех месяцев ежедневно видал вас, сидел с вами за одним столом... И почему вдруг все это внезапно кончилось, и зачем я здесь?.. (*фр.*)

Мне одного очень, очень жаль. Я не успел, прощаясь с вами, поблагодарить вас за всю вашу любовь... Я знал всегда и помнил, что вы меня любите... Но после стольких лет разлуки я невольно был приятно изумлен, видя, что можно быть так любиму... От всей души благодарю вас... Простите мне многое, что могло во мне огорчить вас во время моего короткого пребывания. Я чувствую, как часто я бывал поистине несносен. Не припишите этого не иному чему, как странному полуболезненному состоянию моего здоровья — будь это сказано не в извинение мое, но в пояснение. Не поминайте меня лихом.

Любезнейший Николай Васильевич. Я еще не успел поздравить вас с вашим новым родительским званием. Дай Бог вам им вполне насладиться. Воображаю вашу радость, минувшую тревогу и теперешние крестные хлопоты. Об одном прошу вас, племянника моего ради. Повремените угощением, потчиванием. Не заставляйте этого младшего, весьма юного Ивана Николаевича через силу кушать, как вы это делаете со старшим[2]. Жаль мне очень было, что при отъезде моем не удалось мне проститься с вами. Но вы и без изустных уверений моих вполне должны быть уверены в моей искренней признательности за оказанную мне дружбу и родственное гостеприимство — брату вашему[3] засвидетельствуйте мое почтение.

Я полагаю, любезнейший папинька, что тетушка Надежда Николаевна должна быть теперь с вами[4]. Судьбе и Родофиникину не угодно было позволить мне с нею видеться...[5] Но память ее обо мне будет для меня всегда драгоценна. И всем, всем вообще, кто еще вспомнит обо мне через шесть недель, всем мой усердный и дружеский поклон.

Сколько раз, маминька, думал я о вас во время нашего многотрудного плавания. Сдавалось ли вам, что о вас думают на острове *Борнгольме*, где мы, за бурею, принуждены были простоять целые сутки на якоре. Не хороша гроза на Поварской, но на море еще хуже.

Письмо к жене я адресовал в ваш дом[6], чтобы оно вернее дошло. Еще раз поручаю вам жену и детей — любите их меня ради. Мне, признаюсь, иногда очень грустно за жену. Никто на свете не знает, кроме меня, как ей должно быть на сердце...

Мне бы очень хотелось, чтобы во время своего пребывания она поддержала некоторые связи и чтобы, если можно, удалось ей познакомиться с графиней Нессельроде[7]. Я теперь на опыте уверился, как по нашей службе подобные связи необходимы. Без этого тотчас попадешь в Годениусы. Уверен, что с вашей стороны вы сделаете все возможное.

При прощании с папинькой я просил его переслать в Мюнхен через жену или как ему угодно письменное обязательство от своего имени касательно занятых мною денег у ее тетки и сестры[8] — и теперь повторяю ту же просьбу. Вы видите, какой я бесстыдный попрошайка. Вольно же вам любить меня. — Простите. Первое мое письмо получите из Мюнхена.

38. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

29 августа/10 сентября 1837 г. Мюнхен

Munich. Ce 29 août/10 septembre 1837

Avant tout laissez-moi <de vous remercier>, chers papa et maman, des bonnes nouvelles que vous me donnez au sujet de Dorothée. J'espère qu'à la réception de cette lettre elle sera déjà tout à fait remise et sur pied. Voilà, grâce au Ciel, un grand souci de moins. Puisse le cher neveu croître et prospérer. Je suis arrivé ici le 6 du mois, n<ouveau> st<yle>. Vous voyez que pour un courrier je ne me suis pas piqué d'une diligence extrême. Mais en égard à l'expédition dont j'étais porteur, cette célérité plus grande, en me coûtant le double d'argent, eut été une grande niaiserie. Aussi à partir de Lübeck même je me suis presque constamment pris de la diligence. Ici j'ai trouvé en arrivant une réunion de Princes et Princesses des plus brillantes. Pour les noms et détails je vous renvois aux journaux. Cette brillante réunion qui reste quelques jours à Munich et puis se transporte à Tegernsee a failli être attristée par un accident qui aurait pu être affreux. Dernièrement le Roi de Bavière, la Reine, sa femme, et l'Impératrice douairière d'Autriche[1], en se promenant en calèche dans les montagnes de *Berchtesgaden*, ont manqué être jetés dans un précipice de 80 pieds de profondeur. On n'a eu que le temps de couper les traits, trois chevaux ont été engloutis.

Quant à la société de Munich, je n'en ai retrouvé que quelques débris. Il n'y a que le corps diplomatique qui soit au complet. Mr *Sévérine* toujours établi hors de la ville, et qui est encore fort peu accommodé dans le pays, m'a fait l'accueil le <plus> aimable. J'ai dîné l'autre jour chez lui avec *Греч*, dont j'ai été bien aise de faire la connaissance. Excellent homme, chaud patriote et grand parleur[2]. Je devais y dîner encore aujourd'hui. Mais une invitation de la Reine douairière est venue m'enlever à la sienne.

Maltitz est absent. Mais j'espère qu'il ne tardera pas à revenir.

Vous me parlez du choléra dans votre lettre. N'en ayez, je vous prie, nul souci. D'abord il n'est pas à Turin, et selon la position de l'endroit il n'est pas même probable qu'il y vienne. Et puis je vous promets, que si j'apprenais qu'il y est, j'ajournerai mon départ[3], ce qui peut se faire sans grand inconvénient. Je saurai à quoi m'en tenir, en passant par la Suisse, où je compte me rendre dans quelques jours d'ici pour y avoir une entrevue avec Potemkine qui y est en ce moment et qui probablement y restera quelque temps, vu que le choléra règne à Rome avec une grande intensité. D'après les dernières nouvelles la maladie était arrivée jusqu'à Florence. Quant à Gênes, il n'y a eu que des cas isolés.

Ce qui m'inquiète bien plus que le choléra italien, c'est le typhus qui règne à Varsovie. J'espère que Nicolas persistera dans son projet de venir vous voir à Pétersbourg, et une fois près de vous, faites-moi le plaisir de le garder jusqu'à ce que vous puissiez le renvoyer sans danger à Varsovie. Oh les maudites distances.

Je viens d'écrire à ma femme une longue lettre[4]. Je vous avoue que son voyage me préoccupe et m'inquiète beaucoup. Je lui ai dit les inconvénients réels que je voyais à le lui laisser entreprendre dans cette saison et dans les circonstances actuelles. Je ne répéterai pas ici toutes les raisons que je lui allègue dans ma lettre. Ce serait trop long. D'ailleurs, en vous en parlant, elle vous les fera connaître. D'abord je crains beaucoup la fatigue du voyage <pour sa santé> qui depuis quelque temps n'est rien moins que bonne et qui pour se refaire un peu aurait grandement besoin de quelques mois de repos et de tranquillité, tandis que de nouvelles fatigues et des tribulations nouvelles finiront par l'abîmer complètement.

Puis donc l'impossibilité où l'on est de calculer juste à d'aussi énormes distances, je crains fort qu'arrivée à Munich, elle ne soit empêchée par un obstacle quelconque de continuer, et il suffirait d'un retard de quelques jours pour faire manquer tout son voyage et l'obliger de passer l'hiver en Allemagne. Ce qui serait très pénible pour elle, très désagréable pour moi et entretiendrait pour tous deux de notables dérangements. D'ailleurs, pour qu'à son arrivée à Turin nous ne nous trouvions pas replongés dans de nouveaux embarras, il faut de toute nécessité que nous ayons obtenu du Ministère, avec l'aide d'Amélie Krüdener, de quoi faire face aux frais de prendre établissement. Cette condition est de rigueur. Car si les embarras pécuniaires sont une grande calamité partout toujours, ils sont cent fois plus intolérables dans un pays où l'on est tout à fait étranger et en face d'une société où vous ne pouvez espérer de trouver aucun point d'appui.

Voilà quelques-unes des raisons que je lui ai exposées... Je veux, j'exige d'elle qu'après les avoir mûrement pesées et méditées elle prenne une détermination parfaitement libre et spontanée. Car elle seule est en état d'avoir un avis sur ce qu'il y a à faire, puisqu'elle seule connaît à fond notre position toute entière. Je sais que le parti de passer l'hiver à Pétersb<ourg> a bien aussi ses inconvénients. A part la séparation, la cherté du séjour est telle, que même en s'imposant toutes les restrictions possibles, l'abandon que je lui fais de mon traitement sera à peine suffisant pour la faire vivre. Cela suffirait peut-être, le logement payé. Enfin au milieu de ces perplexités la seule chose qui me rassure et me remette dans l'esprit un peu de ce calme dont j'ai tant besoin, c'est la certitude que quelque soit le parti qu'elle prenne, soit qu'elle reste, soit qu'elle parte, votre appui et votre affection ne lui manqueront pas aucun cas.

Quant à moi, grâce à la modestie du mode que j'ai choisi pour faire ma course de courrier, je suis parvenu à ne dépenser que cent ducats. Il m'en reste encore deux cents. Cet argent doit me suffire pour faire arriver à Turin et me mettre en mesure d'attraper le bout de l'année.

Nous voilà de nouveau dans les lettres. Est-il vrai qu'il y a trois semaines à peine j'étais auprès de vous. Ou bien n'était-ce qu'un rêve. Puissé-je bientôt m'endormir. Adieu, cher papa,

adieu, chère maman, embrassez de ma part Dorothée et son enfant et dites mille amitiés à son mari.

T. T.

Перевод:

Мюнхен. 29 августа/10 сентября 1837

Прежде всего позвольте мне поблагодарить вас, любезнейшие папинька и маминька, за добрые известия о Дашиньке. Надеюсь, что к моменту получения этого письма она уже совсем поправится и будет на ногах. Вот, благодарение Богу, одной большой заботой меньше. Пусть милый племянник растет и развивается! Я приехал сюда 6-го нового стиля. Как видите, в качестве курьера я не выказал чрезмерной поспешности, но, принимая во внимание посылку, которую я вез, большая скорость обошлась бы мне вдвое дороже и была бы великой глупостью. Поэтому, начиная с самого Любека, я почти постоянно пользовался дилижансом. По приезде сюда я застал здесь одно из самых блестящих собраний принцев и принцесс. Имена и подробности вы можете найти в газетах. Это блестящее собрание, которое проводит несколько дней в Мюнхене, а затем переносится в Тегернзее, едва не было омрачено ужасным случаем. Недавно король баварский, королева, его жена, и вдовствующая императрица австрийская[1], катаясь в коляске по горам *Берхтесгадена*, чуть было не упали в пропасть 80 футов глубиной. Едва успели обрезать постромки. Три лошади сорвались и погибли.

Что касается мюнхенского общества, я нашел лишь кое-какие остатки его. Один только дипломатический корпус в полном составе. *Северин*, который все еще обитает за городом и пока весьма мало освоился с местными жителями, чрезвычайно любезно принял меня. На днях я обедал у него с *Гречем*, с которым очень рад был познакомиться; превосходный человек, горячий патриот и большой говорун[2]. Я должен был бы обедать у него и сегодня, если бы не приглашение от вдовствующей королевы.

Мальтиц отсутствует, но я надеюсь, что он не замедлит вернуться.

В вашем письме вы говорите мне про холеру. И не думайте о ней, пожалуйста. Во-первых, ее нет в Турине, и, судя по его местоположению, даже невероятно, чтобы она туда попала. А затем, обещаю вам, в случае если услышу, что она там появилась, отсрочить свой отъезд туда[3], что можно устроить без больших затруднений. Я увижу, как мне быть, проезжая через Швейцарию, куда рассчитываю отправиться на этих днях повидаться с Потемкиным, он находится там в настоящий момент и пробудет там, вероятно, некоторое время ввиду того, что в Риме холера свирепствует со страшной силой. Судя по последним известиям, болезнь перебросилась во Флоренцию. Что касается Генуи, то там были лишь единичные случаи.

Что тревожит меня гораздо более, нежели итальянская холера, это тиф, свирепствующий в Варшаве. Надеюсь, что Николушка не откажется от своего намерения навестить вас в Петербурге, а раз он будет с вами, сделайте милость, удержите его при себе до тех пор, пока его поездка в Варшаву не станет совершенно безопасной. О, проклятые расстояния!..

Я только что написал длинное письмо жене[4]. Признаюсь вам, ее путешествие очень меня озабочивает и беспокоит. Я написал ей, что вижу серьезные препятствия тому, чтобы ей предпринимать поездку в это время года и при существующих условиях. Я не буду повторять здесь всех доводов, кои я привожу ей в моем письме. Это было бы слишком длинно. К тому же, говоря с вами, она вам их сообщит. Во-первых, я очень боюсь, что путешествие будет утомительно для ее здоровья, оно стало с некоторых пор вовсе не крепким, и для того, чтобы немного поправиться, она очень нуждается в нескольких месяцах отдыха и спокойствия, тогда как новые усилия и новые треволнения окончательно подорвут ее здоровье.

Далее, не имея возможности сделать точный расчет времени при таких огромных расстояниях, я очень боюсь, что, прибыв в Мюнхен, она будет задержана там какими-нибудь препятствиями, а промедления нескольких дней достаточно, чтобы все путешествие нарушилось. И ей придется провести

зиму в Германии, что будет очень тягостно для нее, очень неприятно для меня и доставит значительные неудобства обоим. К тому же, чтобы с ее приездом в Турин мы не окунулись в новые заботы, нам необходимо получить от министерства, с помощью Амалии Крюденер, средства на устройство помещения. Это условие крайне важно. Ибо если денежные затруднения — бедствие везде и всегда, они во сто раз нестерпимее в стране, где оказываешься совершенно чужим, и в обществе, в коем не можешь рассчитывать найти какую-либо поддержку.

Вот некоторые из причин, которые я ей изложил... Я желаю, я требую от нее, чтобы, серьезно взвесив и обдумав их, она приняла решение вполне свободное и добровольное. Ибо она одна может судить о том, что следует предпринять, так как ей одной до мелочей известно наше положение. Я знаю, что решение провести зиму в Петербурге также имеет свои неудобства. Не говоря уже о разлуке, дороговизна жизни там такова, что предоставляемого ей моего жалованья едва хватит на жизнь, даже если она будет всячески ограничивать себя. Может статься, его хватило бы, если бы квартира была оплачена. Словом, среди всех этих сложностей одно меня ободряет и придает мне немного столь необходимого мне спокойствия, — это уверенность, что какое бы решение она ни приняла, останется она или уедет, ваша поддержка и ваша любовь будут с ней при любых обстоятельствах.

Что до меня, то благодаря скромному способу передвижения, который я избрал для своей курьерской поездки, мне удалось израсходовать всего сто дукатов. У меня остается еще двести. Этих денег должно хватить для того, чтобы приехать в Турин и дотянуть до конца года.

Вот мы опять обречены на переписку. Правда ли, что едва три недели тому назад я был с вами? Или это был только сон? — Если бы я мог поскорее заснуть опять! — Простите, любезнейший папинька, простите, любезнейшая маминька, поцелуйте за меня Дашиньку и ее ребенка и передайте самый сердечный привет ее мужу.

Ф. Т.

39. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

1/13 ноября 1837 г. Турин

Turin. Ce 1/13 nov<em>bre 1837

Chers papa et maman. Vous devez, je suppose, avoir reçu à l'heure qu'il est la première lettre que je vous ai écrite d'ici[1] et j'espère que cette lettre vous aura complètement tranquillisé sur mon compte. Encore une fois pardon des inquiétudes que j'ai pu vous avoir causées. Me voilà depuis bientôt un mois à Turin, et ce temps a suffi pour me permettre de me former une opinion probablement définitive sur son compte. — Comme poste, comme service, comme gagne-pain, en un mot, Turin est certainement un des meilleurs postes qu'il y ait. D'abord, pour ce qui est des affaires il n'y en a pas. Obrescoff est vis-à-vis de moi d'une amabilité qui ne laisse rien à désirer — et pour ce rapport je ne saurais lui faire une réparation assez éclatante des préventions que j'avais commis contre lui sur la foi de la médisance publique. Le traitement de la place sans être considérable est pourtant de 8000 roubles. Et quant aux prix d'ici, ils sont tels qu'avec le double de cette somme un ménage à la rigueur peut se tirer d'affaire. De plus, j'ai pour l'automne prochain la perspective de rester ch<argé> d'aff<aire>s pendant une année entière. Voilà le bon côté de la chose. Mais ensuite, comme séjour, comptez que Turin est un des plus tristes et des plus maussades que le bon Dieu ait créés. Nulle société. Le corps diplomatique, peu nombreux, peu uni, est, en dépit de toutes les avances, complètement isolé des indigènes. Aussi y est-il peu d'employés diplomatiques qui ne se considèrent ici comme en exil. Obrescoff, p<ar> ex<emple>, qui après cinq ans de résidence et malgré ses excellents dîners et ses trois bals par semaine dans la saison — et sa jolie femme — n'est pas parvenu à attirer assez de monde pour s'assurer une partie de whist. Et il en est de même de tous ses collègues. En un mot, comme société et comme sociabilité Turin est de tout point le contre-pied de Munich. Mais encore une fois, c'est peut-être la manière la plus commode de gagner 8000 r<oubles> par an.

Ce matin, au moment où j'écrivais ceci, un homme est entré dans ma chambre qui m'a remis de votre part un paquet de livres

russes et votre lettre du 24 septembre. Grand merci pour l'un et pour l'autre. Quant aux inquiétudes exprimées dans votre lettre sur mon arrivée tardive à Turin, je crois déjà vous avoir suffisamment rassurés à ce sujet.

Maintenant laissez-moi vous parler de ce qui me préoccupe à l'exclusion de toute autre chose au monde, et cela, je puis bien le dire avec vérité à chaque instant de la journée. C'est de ma femme que je veux vous parler. J'ai appris par une lettre que j'ai reçue d'elle il y a une dizaine de jours sa résolution définitive de passer l'hiver à Pétersbourg. Certes, c'était là pour elle, aussi bien que pour moi, une dure, bien dure nécessité, plus dure et plus cruelle, que moi, je ne puis le dire, ni que qui que ce soit au monde peut l'imaginer. Mais il n'y avait pas à balancer. Il y aurait la folie évidente, faible de santé, comme elle est, et avec trois enfants sur les bras, d'entreprendre un pareil voyage dans cette saison. Elle a donc bien fait de rester. Je l'approuve et remercie tous ceux qui le lui ont conseillé. Maintenant, pour ce qui me concerne, il n'y a qu'une seule chose qui puisse adoucir un peu pour moi l'amertume de la séparation. C'est la certitude de la savoir à Pétersbourg le moins mal possible. C'est pourquoi, chers papa et maman, je vous la recommande encore une fois et cela avec les plus vives instances. Il serait inutile de chercher à vous expliquer de quelle nature sont mes sentiments pour elle. Elle les connaît et cela suffit. Laissez-moi vous dire seulement ceci: c'est que le moindre petit bien qui lui sera fait, aura cent fois plus de valeur à mes yeux que les plus grandes faveurs perpétuelles qui pourraient m'être accordées. Voilà ce que j'ai décidé relativement à son entretien pour le temps qu'elle a à passer à P<étersbourg>, et je vous saurai un gré infini si vous consentez à y souscrire...

Si elle attend pour venir me rejoindre le retour de la navigation, il faut compter qu'elle ne pourra guères partir avant les derniers jours du mois de mai. C'est donc, à compter du 1er décembre, six mois entiers. Papa a eu la bonté de lui avancer la somme de 1600 r<oubles>. Il est bien entendu que c'est une avance faite sur ma pension de l'année prochaine. Il me reste donc à toucher encore pour le compte de cette pension 4400 r<oubles>. Or je viens d'écrire à ma femme que cette

somme de 4400 je la mettais à sa disposition pour les 6 mois de son séjour à Pétersb<ourg>. Cela laissera un peu plus de 700 r<oubles> par mois, et certes, en égard à la cherté de l'endroit, c'est à peine suffisant pour vivre. Je voudrais de plus que la moitié de la dite somme lui soit remise au mois de décembre prochain et l'autre moitié au mois de mars. Maintenant que papa me dit s'il croit pouvoir accepter cet arrangement. Car au cas où il ne pouvait pas, j'ai envoyé à Nelly une procuration pour le Ministère à l'effet de le faire payer sur les lieux mon traitement, aussi que tout autre argent qui pourrait m'échoir. Mais elle ne ferait usage de cette procuration que s'il y avait lieu. Car je vous avoue que pour bien de raisons je préférerais de beaucoup l'arrangement proposé. Cela éviterait des démarches inutiles et beaucoup de faux frais. Quant à moi, ne soyez pas en peine, je vous supplie. Mes finances particulières sont dans l'état le plus brillant. J'ai dans ce moment 3000 r<oubles> bien comptés. J'aurai au mois de janvier mon trimestre qui est de 2500 r<oubles>. En ne dépensant que 800 r<oubles> p<ar> m<ois> pour mon existence, je puis pour cette somme de 5500 économiser facilement au moins 2000 r<oubles> au profit de la seconde moitié de l'année prochaine, et dans cette seconde moitié je puis avec une presque certitude compter sur quatre mois de traitement de ch<argé> d'aff<aires>. Ainsi encore une fois ne soyez pas en peine de moi. L'essentiel pour moi, et de beaucoup l'essentiel, c'est d'assurer à Nelly, pour le temps qu'elle a à passer à Pétersb<ourg> une existence un peu tolérable et vous ne pourriez pas m'accorder un plus grand bienfait qu'en me mettant à même de réaliser ce vœu. Veuillez, je vous supplie, vous entendre avec elle pour qu'elle sache à quoi s'en tenir et si elle sera ou non dans le cas de faire usage de la procuration que je lui ai envoyée[2].

Dans la lettre que je lui ai écrite hier, j'ai oublié de lui recommander une chose qui est de quelque intérêt pour moi, et je vous serai fort obligé, si vous vous chargiez de lui en parler.

Je désire qu'aussitôt qu'elle apprendra l'arrivée à Pétersb<ourg> de la Comtesse *Sollogoub*[3], tante de Mad. Obrescoff, et en correspondance faite avec celle-ci, elle ne néglige pas de faire sa connaissance et qu'elle lui dise à quel point je suis reconnaissant envers les

Obrescoff de l'accueil que j'ai trouvé chez eux. Je tiens, je l'avoue, que l'on sache à Pétersb<ourg> mes sentiments à leur égard. C'est presque comme une réparation que je vois leur devoir.

Cette lettre, chère maman, maintenant que la navigation est fermée et les chemins détestables, n'arrivera que peu de jours avant votre fête et celle de ma fille[4]. Embrassez-la pour moi et bénissez-la. L'idée de vous savoir tous réunis — tous les êtres que j'aime le mieux au monde, réunis et parlant quelquefois de moi — cette idée est la seule qui me console par moments de mon isolement actuel. Mais d'autrefois elle fut que je ne le sens que plus vivement. Comment se porte Dorothée et son enfant? Mille amitiés à Ник<олай> В<асильевич>.

Et Nicolas, que fait-il? Vous écrit-il? Viendra-t-il cet hiver vous voir? Ah, si lui encore devait venir compléter la réunion — alors — mais quoi alors? Je n'en resterai pas moins à Turin avec un peu plus de peine et de tristesse et d'envie. Mais j'y resterai.

Mille amitiés à tous ceux qui se souviennent de moi.

Жуковский est-il de retour?[5] pas encore, probablement. Mais dès qu'il sera revenu, tâchez de vous rapprocher de lui, à mon intention, et recommandez aussi à Nelly de faire sa connaissance et de la cultiver.

Je ne m'aperçois en finissant que je ne vous ai presque rien dit de la vie que je mène ici. Mais c'est par la raison qu'il n'y a rien à en dire. Le matin je lis et me promène. La contrée est magnifique aux environs de Turin et la saison est encore belle. Tous les jours un ciel bleu — et il y a encore des feuilles aux arbres. Puis je dîne chez Obres<coff>. C'est le moment plaisant de la journée. Je cause avec eux jusqu'à 8–9 h<eures> du soir, puis je rentre et lis encore et me couche — comme je vais le faire toute à l'heure, et le lendemain je recommence.

J'ai fait quelques connaissances d'avec le corps dip<lomatique> et même dans la société indigène, mais tout cela est si décousu, si incohérent.

Скажите, для того ли родился я в Овстуге, чтобы жить в Турине? Жизнь, жизнь человеческая, куда какая нелепость! Ох, простите — целую ваши ручки от всего сердца.

Ф. Тютчев

Перевод:

Турин. 1/13 ноября 1837

Любезнейшие папинька и маминька, полагаю, что теперь вы уже получили первое письмо, написанное мной отсюда[1], и это письмо, надеюсь, вполне успокоило вас на мой счет. Еще раз простите за беспокойство, которое я мог вам причинить. Вот уже около месяца как я в Турине, и этого времени было достаточно для составления мнения о нем, вероятно, окончательного. Как место, как служба, словом, как средство к существованию — Турин несомненно один из лучших служебных постов. Во-первых, что касается дел, то их нет. Любезность Обрезкова по отношению ко мне не оставляет желать ничего лучшего — и вот тут я не смогу в достаточной мере загладить свою вину за предубеждения, которые возымел против него, доверившись общественному злословию. Жалованье, не будучи значительным, все же составляет 8000 рублей, что же касается здешних цен, то они таковы, что, обладая этой суммой в двойном размере, семья может кое-как просуществовать. Сверх того я имею надежду с будущей осени остаться поверенным в делах в течение целого года. Это положительная сторона дела. Но, как местопребывание, можно считать, что Турин — один из самых унылых и угрюмых городов, сотворенных Богом. Никакого общества. Дипломатический корпус малочислен, не объединен и, вопреки всем его усилиям, совершенно отчужден от местных жителей. Поэтому мало кто из дипломатических чиновников не почитает себя здесь в изгнании, — например, Обрезков, который — после пятилетнего пребывания здесь и несмотря на превосходные обеды, которые он дает, на три бала в неделю во время сезона и на свою хорошенькую жену, — не смог привлечь достаточно народу, чтобы составить себе партию в вист. Так же обстоит дело со всеми его коллегами. Одним словом, в отношении общества и общительности Турин совершенная противоположность Мюнхену. Но, повторяю, это, может статься, самый удобный способ заработать 8000 рублей в год.

Сегодня утром, в то время, как я писал вам это, ко мне в комнату вошел человек и передал мне от вашего имени пач-

ку русских книг и ваше письмо от 24 сентября. Весьма благодарен за то и за другое. Что касается тревоги, выраженной в вашем письме по поводу моего запоздалого прибытия в Турин, мне кажется, я уже достаточно успокоил вас на этот счет.

Теперь позвольте мне побеседовать с вами о том, что озабочивает меня более всего на свете и — я могу по справедливости сказать это — ежеминутно в течение целого дня. Я хочу поговорить с вами о жене. Я узнал из письма, полученного от нее дней десять тому назад, об ее окончательном решении провести зиму в Петербурге. Конечно, и для нее, и для меня это тяжкая, весьма тяжкая необходимость, более тяжкая и более жестокая, нежели я могу это высказать и нежели кто бы то ни было может себе представить. Но не было возможности колебаться. Было бы явным безумием с таким слабым здоровьем, как у нее, и с тремя детьми на руках предпринять подобное путешествие в это время года. Она хорошо сделала, что осталась. Я это одобряю и благодарю всех, кто ей это посоветовал. Что же касается меня, то лишь одно может облегчить мне горечь разлуки. Это уверенность, что в Петербурге она в наименее неблагоприятных условиях. Поэтому, любезнейшие папинька и маминька, еще раз весьма настоятельно поручаю ее вам. Было бы бесполезно стараться объяснить вам, каковы мои чувства к ней. Она их знает, и этого достаточно. Позвольте сказать вам лишь следующее: малейшее добро, оказанное ей, в моих глазах будет иметь во сто крат более ценности, нежели самые большие милости, оказанные мне лично. Вот что я решил относительно ее содержания в Петербурге на время ее пребывания там, и я буду бесконечно благодарен вам, если вы дадите на то свое согласие...

Если она будет ожидать возобновления судоходства для того, чтобы ехать сюда, следует полагать, что ей удастся пуститься в путь никак не ранее последних чисел мая. Таким образом, считая с 1 декабря, это составит ровно шесть месяцев. Папинька был так добр, что выдал ей 1600 рублей. Само собой разумеется — эти деньги пойдут в счет моего пенсиона будущего года. Таким образом, мне приходится дополучить еще 4400 рублей. И вот я только что написал жене, что эту сумму

в 4400 рублей я предоставляю в ее распоряжение на шесть месяцев ее пребывания в Петербурге. Это составит немного более 700 рублей в месяц и конечно, принимая во внимание тамошнюю дороговизну, едва хватит на жизнь. Сверх того мне хотелось бы, чтобы первая половина упомянутой суммы была вручена ей в будущем декабре, а другая половина в марте. Так пусть папинька скажет мне, считает ли он возможным такое соглашение. Ибо на случай, если он его не примет, я послал Нелли доверенность для министерства с тем, чтобы ей на месте выплачивали мое жалованье и всякие другие деньги, которые могут мне причитаться. Но она воспользуется этой доверенностью, только если в том представится необходимость, так как, признаюсь вам, по многим причинам я гораздо более предпочитал бы предложенное мной соглашение. Таким образом мы избежали бы бесполезных хлопот и многих лишних издержек. Что касается до меня, умоляю вас не беспокоиться обо мне. Мои собственные денежные дела в самом блестящем состоянии. У меня в настоящую минуту 3000 рублей ровным счетом. В январе я получу треть моего жалованья, составляющую 2500 рублей. Расходуя по 800 рублей в месяц на свое содержание, я из этой суммы в 5500 рублей могу без труда отложить по крайней мере 2000 на вторую половину будущего года, а в течение этой второй половины я могу почти с уверенностью рассчитывать на четырехмесячное жалованье поверенного в делах. Итак, повторяю, обо мне не беспокойтесь. Существенное для меня, и самое для меня существенное — это упрочить для Нелли на время ее пребывания в Петербурге мало-мальски сносное существование, и вы не сможете оказать мне большего благодеяния, как содействуя мне в исполнении моего желания. Благоволите, умоляю вас, переговорить с ней, чтобы она знала, как ей поступать и представится ей или нет необходимость пользоваться посланной мною доверенностью[2].

В письме, которое я написал ей вчера, я забыл поручить ей нечто, довольно существенное для меня, и я буду весьма обязан вам, если вы возьметесь передать ей это. Я желаю, чтобы, как только она узнает о приезде в Петербург тетушки г-жи

Обрезковой, графини *Соллогуб*[3], с которой та в постоянной переписке, — она не преминула бы познакомиться с ней и сказала бы ей, как я благодарен Обрезковым за оказанный мне прием. Признаюсь, я непременно хочу, чтобы мои чувства к ним были известны в Петербурге. Я почитаю это как бы долгом своей совести по отношению к ним.

Это письмо, любезнейшая маминька, теперь, когда судоходство прекратилось, а дороги отвратительны, придет незадолго до именин ваших и моей дочери[4]. Обнимите и благословите ее за меня. Мысль, что вы все в сборе, все, кого я люблю более всего на свете, что вы вместе и иногда говорите обо мне — эта мысль одна утешает меня минутами в моем теперешнем одиночестве. Но она же временами заставляет меня еще острее чувствовать его. Как поживают Дашинька и ее ребенок? Самый сердечный привет Николаю Васильевичу. А что делает Николушка? Пишет ли он вам? Приедет ли он к вам этой зимой? Ах, если еще он дополнит ваше общество — тогда — но что тогда? Я-то все-таки останусь в Турине — с несколько большим огорчением, и грустью, и завистью — но останусь.

Самый сердечный привет всем, кто меня помнит.

Вернулся ли Жуковский?[5] Наверное, нет. Но как только он приедет, постарайтесь сблизиться с ним ради меня и посоветуйте также Нелли познакомиться с ним и поддерживать это знакомство.

Оканчивая письмо, я замечаю, что почти ничего не сказал вам об образе жизни, который здесь веду. Это лишь потому, что нечего о нем сказать. Утром я читаю и гуляю. Окрестности Турина великолепны, и погода пока стоит прекрасная. Каждый день голубое небо, и на деревьях есть еще листья. Затем я обедаю у Обрезковых. Это самое приятное время дня. Я беседую с ними до 8–9 вечера, потом возвращаюсь к себе, опять читаю и ложусь спать — что собираюсь сделать и сейчас, — а назавтра то же самое.

Я завел несколько знакомств среди дипломатического корпуса и даже среди местного общества, но все это так бессвязно, так бестолково.

Скажите, для того ли родился я в Овстуге, чтобы жить в Турине? Жизнь, жизнь человеческая, куда какая нелепость! Ох, простите — целую ваши ручки от всего сердца.

Ф. Тютчев

40. И. Н., Е. Л. и Эл. Ф. ТЮТЧЕВЫМ

13/25 декабря 1837 г. Турин

С Новым годом
поздравляю!

Ce 13/25 décembre 1837

Ces distances sont vraiment accablantes. Voici devant moi votre lettre du 16/28 novembre qui n'est qu'une réponse à la première que je vous ai écrite à mon arrivée ici. Eh bien, cette lettre, je ne l'ai reçue qu'avant-hier. Deux mois entiers pour que la parole parvienne d'un interlocuteur à l'autre. Comme c'est fait pour animer la conversation. Cependant en dépit de l'énormité de la distance, je ne conçois rien à la lenteur de vos lettres, votre dernière est restée 25 jours en chemin, tandis que la gazette de Pétersb<ourg> nous arrive ici deux fois par semaine, le 17ème jour. Quant à la correspondance de ma femme, c'est encore pis. Je vois par sa lettre de 16/28 nov<em>bre incluse dans la vôtre, qu'à cette époque elle n'avait pas encore reçu un seul des cinq ou six — non pas lettres — mais volumes que je lui ai écrites d'ici et que <je> lui ai adressées par la voie de l'Ambassade de France, ainsi qu'elle-même me l'avait recommandé. Je ne puis supposer que ces lettres ne lui soient pas parvenues. Il me tarde beaucoup toutefois d'être complètement rassuré à ce sujet. En attendant, veuillez-lui communiquer celle-ci. Je lui écrirai sous peu de jours et si, comme il est probable, la lettre devient volumineuse, je l'adresserai de nouveau à *Sercey*[1].

En vous donnant de mes nouvelles, je voudrais bien pouvoir vous dire que je commence à me plaire à Turin, mais ce serait là faire un très grand mensonge. Non, en vérité je ne m'y plais guères et il n'y a que l'absolue nécessité qui puisse me faire accepter une existence pareille. Elle est vide de toute espèce d'intérêt et me fait l'effet d'un mauvais spectacle et qui est d'autant plus insipide, quand il ennuie, que le seul mérite qu'il pourrait

avoir, c'est serait d'amuser. Il en est de même de l'existence à Turin. Elle est nulle sous le rapport des affaires et plus nulle encore sous le rapport de l'agrément. Revenu dans les premiers jours de ce mois de Gênes[2] qui m'a infiniment plu, j'ai fait quelques tentations pour élargir un peu le cercle de mes connaissances d'ici. Parmi celles que j'ai faites en dernier lieu il y a assurément quelques femmes aimables et dont la société dans tout autre pays serait d'une grande ressource. Mais ici tout cela échoue contre un ensemble d'habitudes inhospitalières et insociables. Ainsi, p<ar> ex<emple>, dès aujourd'hui toute réunion cesse, l'ombre même de société va disparaître. Et savez-vous pourquoi? C'est qu'aujourd'hui le théâtre se rouvre. Or, ici le théâtre c'est tout. Sans exagération aucune, la société toute entière va pour les deux mois du carnaval s'y établir à demeure. Ce n'est plus que là qu'on peut la rencontrer. Il ne reste en ville que les infirmes et les mourants. Hier soir on a pris formellement coup les uns des autres, et tous les salons se sont fermés jusqu'à la fin du carnaval. On pourrait supposer d'après cela que le spectacle, au moins, un grand amusement. Il n'en est rien pourtant. Car nous n'aurons pour nous amuser pendant deux mois entiers que deux pièces toujours les mêmes qu'après la 4–5ème représentation personne, comme de raison, ne se donne la peine d'écouter. Le plaisir consiste de courir de loge en loge, en restant cinq minutes dans chacune. Il y a, comme je vous l'ai dit, quelques femmes fort aimables et je crois que ceux qui ont l'honneur d'être leurs amants se trouvent très bien de leur société. Mais il faut nécessairement ou l'être, ou l'avoir été, ou prétendre à l'être pour être admis chez elles. C'est si vrai, que l'homme que vous avez le moins de chances de rencontrer dans une maison, c'est le maître de la maison. En général on ne se fait nulle idée au-delà des Alpes du relâchement de mœurs qu'on trouve dans ce pays-ci. Mais le désordre dans ce genre y est si général, si uniforme qu'il a pris toutes les apparences de l'ordre, et il faut du temps pour s'en apercevoir. Tout cela, il est vrai, m'était déjà connu. Mais on a beau savoir une chose, il faut s'être mis en sa présence pour savoir au juste l'effet qu'elle produira sur vous. C'est dans ce pays qu'il faudrait envoyer toutes les gens à imagination romanesque. Rien

ne serait plus propre à les guérir que la vue de ce qui se passe ici. Car ce qui partout ailleurs est matière à roman, l'effet de quelque passion qui bouleverse l'existence et finit par l'abîmer est ici le résultat d'un arrangement à l'amiable et ne dérange pas plus l'ordre habituel de la vie, que ne le fait de déjeuner ou de dîner... Je n'ai pas entendu parler ici d'une femme *perdue*. Mais je n'en ai pas rencontré une seule, dont on ne m'ait pas officiellement désigné l'amant ou les amants. Et cela sans nulle intention de médisance, pas plus que si on m'avait dit, en me montrant une voiture passer dans la rue: c'est la voiture de Mad. une telle... Tout ce que je vous dis là, une fois écrit, paraît un lieu commun. Mais vu en réalité et de près, cela ne laisse pas que d'être assez piquant. Il en est de même d'une autre circonstance propre au pays. C'est à côté de cette facilité de mœurs, l'extrême dévotion qu'il y a ici, dans les femmes surtout. Aussi pendant le temps de *l'avent*, qui vient de finir, les églises étaient combles. La ville entière avait l'air d'un couvent. Pas de spectacle, de bal, ni de concert. Pour toute récréation le sermon le matin. Aussi les femmes, je parle de celles de la plus haute société, y étaient-elles en foule. Et quel sermon! Quelle rigueur, quelle austérité, quelle intolérance! Le soir, il est vrai, personne n'y songeait plus.

Mes rapports avec la famille Obrescoff sont toujours de la nature la plus satisfaisante. Je dîne tous les jours chez eux comme par le passé et j'y passe ordinairement ma soirée. Ce n'est pas que je m'y amuse excessivement. Cette intimité forcée a même quelque chose qui me gêne parfois. Mais ce n'est pas à changer. Il leur venait un peu plus de monde dans ces derniers temps. Mais maintenant que le théâtre s'est rouvert tout cela va cesser. Sa femme est déjà très avancée dans sa grossesse. C'est à la fin de janvier qu'elle doit accoucher. Elle est très bien jolie, ayant beaucoup de tact, de la tenue. Mais elle dépérit d'ennui ici. En effet, il n'est pas agréable, après cinq ans du séjour dans un pays, de s'y trouver aussi étrangers qu'ils le sont ici. Et il faut le dire, la faute n'en est pas toute entière à la société de Turin. *Obrescoff*, je dois le reconnaître, est loin d'avoir dans ses rapports avec les indigènes la même obligeance que celle, p<ar> ex<emple>, dont il fait preuve envers moi. Il ne leur dissimule

pas assez le peu de sympathie qu'ils lui inspirent et son désir extrême de les quitter.

La mission vient de s'accroître d'un jeune attaché, un Mr *Tom-Have*, hanovrien, autrefois secrétaire du Prince d'Oldenbourg[3] et que celui-ci, pour s'en débarrasser, je crois, vient de lancer d'un coup de pied dans la carrière diplomatique. C'est un bon diable, grand, raide, candide, un peu poitrinaire et se sentant malheureux, comme doit l'être un homme qui tombe des nues à Turin. Faute de mieux il s'est tendrement attaché à moi et a élu domicile dans la maison où je me suis logé. Car, à mon retour de Gênes, j'ai quitté l'auberge pour me mettre en garni. J'occupe un appartement, composé de deux pièces, avec une toute petite chambre pour le domestiqie que je paie 100 fr<ancs> par mois – meublé bien entendu. C'est tout ce que j'ai pu trouver de moins cher.

Simonetti[4] est ici depuis quelques jours. Il me paraît ici moins endormi, moins solennel qu'à Pétersb<ourg>, mais non, certes, moins réservé. On dit ici qu'il ne retourne plus à son poste. Mais c'est un bruit dont on ne manque jamais de saluer ici tout diplomate du pays qui revient en congé à Turin. C'est une coutume locale. Il me charge de mille tendresses pour Nelly.

J'ai reçu dernièrement une lettre de Potemkine en réponse à celle que je lui avais écrite de Gênes[5]. Il ne ferait qu'arrêter à Rome, et s'y trouvait encore tout dépaysé. Sa lettre, comme d'ordinaire, est pleine d'amitié. Il en a écrit en même temps et de son propre mouvement, une autre à Obrescoff pour me recommander instamment à lui, le brave, cher homme. C'est un crime au Vice-Chancelier de désunir deux cœurs, si bien faits l'un pour l'autre.

Je suppose, d'après ce que vous me dites de la prolongation de congé accordé à Nicolas, que cette lettre ne le trouvera plus à Pétersb<ourg>. Qu'en avez-vous fait, qu'en avez-vous obtenu? Se prête-t-il au mariage? Mille amitiés à Dorothée et à son mari. L'enfant prospère-t-il?

Maintenant j'en viens à ma femme. Patience, mon ami. Je t'écrirai dans quelques jours. Mais ce que je puis te certifier dès à présent, c'est que le retard de tes lettres me fait passer de rudes moments. L'avant-dernière était du 13 novembre, et ce n'est que

le 23 décembre que j'ai reçue la dernière qui est du 16/28 n<ovem>bre. Toutes celles que tu m'écrivais par *Sercey* prennent le chemin de Paris et n'arrivent ici qu'au bout de 22 jours. Ce sont-là les enjolivements de l'absence. Dans ma prochaine lettre je te parlerai à fond de ma position tant au-dehors qu'à l'intérieur. Qu'il te suffise de savoir qu'il n'y a pas de moment dans la journée où tu ne me manques. Je ne souhaite à personne d'apprendre à <1 нрзб> et par sa propre expérience tout ce que cette phrase renferme. Je t'ai parlé de mon *projet*[6]. Je saurai dans quelques jours par la réponse de Rome et de Naples, s'il peut être mis à exécution. Au cas *que non*, j'ai une autre proposition à te faire. Soigne bien ta santé. Vas-tu dans le monde? Chez la Comtesse Nesselrode, p<ar> ex<emple>. Fais-le, je t'en prie. C'est essentiel pour moi. Les affaires d'argent sont-elles réglées de la manière que je l'avais désiré? Comment se portent les enfants? Que font les *Krüdener*? Dans ma prochaine lettre pour toi il y en aura une incluse pour Amélie. J'ai eu des nouvelles de Maltitz. Il se sent très malheureux de sa position. Clotilde est, je crois, allée avec sa tante à Farnbach. Dans la lettre que je lui ai écrite en réponse à la sienne[7] je lui parle beaucoup de ta sœur et suis curieux de voir quel en sera le résultat.

Adieu, mon amie, à bientôt. Ah, l'absence, l'absence!

И вы, любезнейшие папинька и маминька, простите. Целую ваши ручки.

Ф. Тютчев

Перевод:

С Новым годом
поздравляю! 13/25 декабря 1837

Эти расстояния поистине удручающи. Вот предо мной ваше письмо от 16/28 ноября, которое является лишь ответом на мое первое письмо, написанное вам по приезде моем сюда. Ну, так это письмо я получил только третьего дня. Ровно два месяца, чтобы слова одного собеседника дошли до другого! Нечего сказать, хороший способ оживлять беседу. Однако, несмотря на безмерность расстояний, я не постигаю, чему при-

писать медлительность ваших писем: ваше последнее письмо пробыло в пути 25 дней, тогда как петербургская газета получается здесь два раза в неделю на 17-й день. Что касается моей переписки с женой, то тут дело обстоит еще хуже. Из ее письма от 16/28 ноября, вложенного в ваше, я вижу, что в то время она не получала еще ни одного из пяти или шести — не писем, а томов, которые я писал ей отсюда и отправлял через французское посольство, как она сама мне советовала! Не могу предположить, чтоб эти письма до нее не дошли. Мне не терпится, однако, вполне успокоиться на этот счет. Пока же благоволите сообщить ей это. Я напишу ей на днях и, если письмо будет объемистым, что очень вероятно, я опять адресую его г-ну *Серсэ*[1].

Говоря вам про себя, я очень хотел бы иметь возможность сказать вам, что мне начинает нравиться в Турине — но это было бы слишком большой ложью. Нет, поистине, мне здесь совсем не нравится и только безусловная необходимость заставляет меня мириться с подобным существованием. Оно лишено всякого рода занимательности и представляется мне плохим спектаклем, тем более тошным, что он нагоняет скуку, тогда как единственным его достоинством было бы забавлять. Таково точно и существование в Турине. Оно ничтожно в отношении дела и еще ничтожнее в отношении развлечений. Вернувшись в начале этого месяца из Генуи[2], где мне чрезвычайно понравилось, я сделал несколько попыток расширить немного круг моих здешних знакомых. Среди тех, которые я завел за последнее время, есть бесспорно несколько любезных женщин, чье общество во всякой другой стране было бы большим подспорьем. Но здесь все это разбивается о преграду негостеприимных и необщительных привычек. Так, например, с сегодняшнего дня всякие собрания прекращаются. Самое подобие общества исчезает. И знаете почему? Потому что сегодня открывается театр. А театр здесь все. Без всякого преувеличения, все общество целиком прочно водворяется там на два месяца карнавала. Только там и можно его встретить. В городе остаются лишь хворые и умирающие. Вчера вечером все, как полагается, распрощались друг с другом, и все гостиные закрылись

до конца карнавала. Судя по этому, можно предположить, что спектакли, по крайней мере, весьма занимательны. Ничуть не бывало. Ибо в течение целых двух месяцев мы будем развлекаться зрелищем двух пьес, все тех же, так что после четвертого или пятого представления никто, разумеется, не дает себе труда их слушать. Удовольствие заключается в том, чтобы переходить из ложи в ложу, оставаясь по пяти минут в каждой. Как я уже говорил вам, здесь есть несколько очень любезных женщин, и я думаю, что те, кто имеет честь состоять их любовниками, чувствуют себя весьма приятно в их обществе. Но необходимо быть таковым в настоящем или в прошлом, или домогаться этого, для того, чтобы быть у них принятым. Это столь справедливо, что мужчина, коего вы реже всего можете встретить в доме, и есть хозяин этого дома. Вообще, по ту сторону Альп и не представляют себе, какова распущенность нравов в этой стране. Но беспорядки подобного рода столь повсеместны, столь однообразны, что приняли всю видимость порядка, и нужно время, чтобы их приметить. Правда, все это уже было мне известно. И все же надо столкнуться с этим лицом к лицу, чтобы вполне понять то впечатление, какое оно производит. Сюда следовало бы присылать всех людей, одаренных романическим воображением. Ничто так не способствовало бы их излечению, как зрелище того, что здесь происходит. Ибо то, что во всяком другом месте является предметом романа, следствием некой страсти, потрясающей существование и в конце концов губящей его — здесь становится результатом полюбовного соглашения и влияет на обычный распорядок жизни не более, нежели завтрак или обед... Я не слышал здесь разговоров ни об одной *падшей* женщине, но я не встретил ни одной женщины, любовника или любовников коей мне не указывали бы совсем открыто и без малейшего намека на злословие, точно так же как сказали бы мне про карету, едущую по улице: это карета госпожи такой-то... Все, что я вам описываю, в изложении на бумаге представляется чем-то избитым, но наблюдаемое на деле и вблизи, оно не лишено некоторой остроты. То же можно сказать и о другом обстоятельстве, свойственном этой стране. Это, наряду с легкостью нравов,

крайняя набожность, господствующая здесь, особливо среди женщин. Так, во время *Рождественского поста*, который только что закончился, церкви были переполнены, весь город походил на монастырь. Ни театральных представлений, ни балов, ни концертов. В виде единственного развлечения проповедь по утрам. Зато женщины, я говорю о принадлежащих к самому высшему обществу, бывали там во множестве. И какая проповедь! Что за строгость, что за суровость, что за нетерпимость! Вечером, правда, никто уж больше о ней и не помышлял.

Мои отношения с семьей Обрезковых продолжают быть весьма удовлетворительными. Я по-прежнему обедаю у них каждый день и обычно провожу вечер. Не то чтобы я чрезвычайно веселился у них. Эта вынужденная близость такова, что подчас меня стесняет; но изменить ее нельзя. Последнее время их посещало немного больше народу, но теперь открылся театр и все это прекратится. Жена на исходе беременности, она должна родить в конце января. Она хороша собой, обладает большим тактом, умением держать себя. Но здесь она пропадает от скуки. И в самом деле неприятно после пятилетнего пребывания в стране чувствовать себя столь чуждыми, как они здесь. Но надо сказать, что в этом нельзя всецело винить туринское общество. Я должен признать, что в своих сношениях с местными жителями *Обрезков* далеко не так любезен, как, например, со мной. Он недостаточно скрывает ту малую симпатию, какую они ему внушают, и свое крайнее желание от них уехать.

Миссия только что обогатилась молодым атташе, неким г-ном *Том-Гаве*, ганноверцем, который был секретарем принца Ольденбургского[3] и которого сей последний, с целью от него отделаться, я думаю, пинком ноги швырнул на дипломатическое поприще. Это добрый малый, высокий, несгибающийся, простодушный, несколько слабогрудый и чувствующий себя несчастным, как и должен быть человек, свалившийся с неба в Турин. За неимением лучшего, он нежно привязался ко мне и поселился в доме, где я живу. Ибо по возвращении моем из Генуи я переехал из гостиницы в меб-

лированные комнаты. Я занимаю помещение из двух комнат с каморкой для лакея и плачу 100 франков в месяц — с обстановкой, само собой разумеется. Это все, что я мог найти наименее дорогого.

Симонетти[4] здесь уже несколько дней. Он кажется мне менее сонным, менее официальным, нежели в Петербурге, но, конечно, не менее сдержанным. Здесь говорят, что он более не вернется на свой пост. Но это слух, которым не упускают приветствовать всякого дипломата земляка, приезжающего в отпуск в Турин. Таков местный обычай. Он поручил мне передать сердечный поклон Нелли.

Недавно я получил письмо от Потемкина в ответ на мое, написанное ему из Генуи[5]. Он только что приехал в Рим и еще не успел освоиться там. Его письмо, как всегда, полно дружеских изъявлений. Одновременно, и по своему собственному побуждению, он написал другое письмо Обрезкову, настоятельно поручая ему меня. Славный, милый человек! Со стороны вице-канцлера грех разлучать два сердца, как будто созданные друг для друга.

Судя по тому, что вы пишете мне о продлении отпуска Николушке, думаю, что это письмо уже не застанет его в Петербурге. Что вы с ним сделали, чего вы от него добились? Поддается ли он на женитьбу? Самый сердечный поклон Дашиньке и ее мужу. Все ли благополучно у их ребенка?

Теперь перехожу к моей жене. Терпение, мой друг! Я напишу тебе через несколько дней. Теперь же я хочу уверить тебя в том, что запоздание твоих писем заставляет меня переживать тяжелые минуты. Предпоследнее было от 13 ноября, а последнее, написанное 16/28 ноября, я получил только 23 декабря. Все те, что ты посылаешь мне через *Серсэ*, идут на Париж и прибывают сюда лишь через 22 дня. Вот прелести разлуки! В моем следующем письме я буду говорить тебе подробно о моем состоянии, как внешнем, так и внутреннем. Тебе достаточно будет знать, что нет ни одной минуты, когда я не ощущал бы твоего отсутствия. Я никому не желаю испытать на собственном опыте всего, что заключают в себе эти слова. Я сообщил тебе мой *проект*[6]. Через несколько дней я

узнаю по ответам из Рима и Неаполя, может ли он осуществиться. В случае, *если нет*, у меня есть другое предложение для тебя. Хорошенько береги свое здоровье. Бываешь ли ты в свете? У графини Нессельроде, например? Делай это, прошу тебя. Это для меня существенно. Сложились ли денежные дела, как я желал? Как поживают дети? Что поделывают *Крюденеры*? В моем следующем письме к тебе будет вложено письмо к Амалии. Я имел известия от Мальтица. Он очень несчастлив в своем положении. Клотильда и ее тетка, кажется, отправились в Фарнбах. В письме, которое я написал ему в ответ[7], я много говорю ему о твоей сестре, и мне интересно знать, каков будет результат.

Прощай, мой друг, до скорого свидания. О, разлука, разлука!

И вы, любезнейшие папинька и маминька, простите. Целую ваши ручки.

Ф. Тютчев

41. Ап. П. МАЛЬТИЦУ

23 марта/4 апреля 1838 г. Линдау

Ce 4 avril 1838

Nous avons pu tous deux, fatigués du voyage,
Nous asseoir un instant sur le bord du chemin —
Et sentir sur nos fronts flotter le même ombrage,
Et porter nos regards vers l'horizon lointain.

Mais le temps suit son cours et sa peine inflexible,
A bientôt séparé ce qu'il avait uni —
Et l'homme, sous le fouet d'un pouvoir invisible
S'enfonce, triste et seul, dans l'espace infini.

Et maintenant, ami, de ces heures passées,
De cette vie à deux, que nous est-il resté?
Un regard, un accent, des débris de pensées. —
Hélas, ce qui n'est plus a-t-il jamais été?[1]

Adieu, que je suis enfant, que je suis faible. Tout le jour aujourd'hui je n'ai fait que vous lire[2] et penser à vous. Mes amitiés à Clotilde. Puisse-t-elle être heureuse et vous aussi.

T. Tutchef.

Перевод:

4 апреля 1838

Мы шли с тобой вдвоем путем судьбы тревожным.
На наших лицах тень лежала, как печаль.
Мы сели отдохнуть на камень придорожный,
И взглядам нашим вдруг одна открылась даль...

...Бег времени, увы, не терпит постоянства.
Разъединяет всех, всему отводит срок.
И бренный человек в бездушное пространство
Идет Судьбой гоним, уныл и одинок.

От тех часов теперь минуты не осталось.
Где наша жизнь? И мысль? И взгляд? И общий путь?
Где тень от тени той? Где сладкая усталость?
И были ль мы с тобой вообще когда-нибудь?[1]

Прощайте, как я ребячлив, как я слаб. Весь день сегодня я читал вас[2] и думал о вас. Кланяюсь Клотильде. Дай Бог ей счастья и вам тоже.

Ф. Тютчев

42. И. С. ГАГАРИНУ

30 марта/11 апреля 1838 г. Женева

Genève. Ce 11 avril <18>38

Deux mots, mon cher Gagarine, car je n'ai ni le loisir, ni la disposition d'esprit assez épistolaire, pour vous en écrire davantage. J'apprends que vous êtes à Paris, et c'est là où je vous adresse ces lignes. J'ignore quels sont dans ce moment vos projets et vos

espérances pour l'avenir, mais dans tous les cas vous ferez de mon avis tel usage qu'il vous plaira. — Voici ce que c'est: la place de 2d secrétaire à Turin va devenir vacante, car le Petit-Russien, qui l'a remplie jusqu'à présent[1], quitte ces jours-ci Turin pour n'y plus retourner. Or, maintenant que je connais le pays, j'ai pensé que cette place, à moins que vous n'ayez en vue quelque chose de beaucoup mieux, pourrait vous convenir sous plus d'un rapport. — Ne vous laissez pas rebuter par l'insipidité du séjour qui est grande, j'en conviens; pour vous la place en Turin n'est qu'un pied-à-terre en Italie, qui vous mettrait à même de la parcourir dans toutes les directions et d'y choisir à volonté le séjour qui vous conviendrait le mieux. Vous feriez ainsi le *stage* de 2d secrét<aire> d'une manière beaucoup moins ennuyeuse là que partout ailleurs, et vous savez que d'après les nouveaux arrangements il y a moins de chance que jamais de pouvoir enjamber les degrés. Espérer le contraire, c'est une illusion dont on ne saurait assez soigneusement se garantir, car elle en a déjà perdu plusieurs. — Quant au caractère personnel d'Obrescoff[2], je vous le garantis aussi bon, sinon meilleur que celui de la plupart de ceux qui passent pour l'avoir très bon. La réputation qu'on lui a faite est une très plate mystification, et il n'est pas même nécessaire que vous soyez ce que vous êtes, pour pouvoir compter sur les meilleurs procédés de sa part. D'ailleurs, il est probable que vous n'auriez pas affaire à lui. — Depuis longtemps il brûle du désir de quitter Turin, et le désagrément qu'il vient d'éprouver à cette cour[3] n'aura pas contribué à le lui faire passer. Notre Ministère, de son côté, sentira probablement aussi qu'il y a opportunité et convenance de ne pas le contrarier dans ce désir, — et comme en ce moment il n'y a pas d'autre poste à lui donner, on sera, je suppose, bien aise de pouvoir lui accorder en attendant ce congé qu'il désire si ardemment.

Voilà mes confidences pour la place en question. — Si vous les trouvez dignes d'attention, prenez les mesures en conséquence et sans perte de temps faites faire à Pétersb<ourg> les démarches nécessaires, car les concurrents ne manqueront pas. — Maintenant un autre avis. Vous devez avoir appris que l'Impératrice vient à *Tegernsee*, c'est-à-d<ire> à *Kreuth* vers la fin de juillet.

L'Empereur vient l'y chercher dans les derniers jours du mois d'août. L'e Vice-Chancelier y vient aussi, ainsi que les trois quarts de notre diplomatie d'Allemagne. Il y aura du mouvement de tout genre et peut-être quelques bonnes chances pour vous, si vous y venez. Vous y trouverez les *Krüdener*, les *Lerchenfeld* et toute sorte de facilités par eux de faire votre cour d'une manière utile. — Vous pourrez avoir sur le voyage de plus amples informations soit de Munich, soit de Pétersb<ourg> par Mad. de Krüdener ou par ma femme. — Ne négligez pas cette occasion — il vous serait facile d'en tirer un bon parti.

Adieu. Mes deux mots sont devenus quatre pages. Je suis donc moins paresseux que je ne croyais l'être. — Je retourne dans quelques jours à Turin, et c'est là où vous pouvez m'adresser votre lettre, si tant est que Paris vous laisse le loisir de l'écrire. Adieu. Portez-vous bien et conservez-moi un peu d'amitié.

Ti Tutchef

Перевод:

Женева. 11 апреля <18>38

Пишу вам всего два слова, любезный Гагарин, ибо у меня нет ни времени, ни настроения, чтобы писать больше. Я узнал, что вы в Париже, туда и направляю эти строки. Не ведаю, каковы в настоящую минуту ваши планы и надежды на будущее, но во всяком случае вы можете воспользоваться моим сообщением, как вам вздумается. — Вот в чем дело: в Турине освобождается место 2-го секретаря, так как малоросс, занимавший его доселе[1], на днях покидает Турин с тем, чтобы более туда не возвращаться. И вот теперь, когда я ознакомился с краем, я подумал, что место это во многих отношениях могло бы оказаться для вас подходящим, если только вы не имеете в виду чего-либо значительно лучшего. — Согласен с тем, что жизнь там весьма бесцветна, но пусть это вас не пугает; служба в Турине будет для вас лишь временной квартирой в Италии, что даст вам возможность изъездить ее вдоль и поперек и выбрать по желанию наиболее подходящее для себя местожительство. Таким образом,

этап служения 2-м секретарем пройдет там более незаметно для вас, нежели в каком-нибудь другом городе, а вы знаете, что при новых порядках мало вероятности перешагнуть через дипломатические ступени. Рассчитывать на противное — заблуждение, от которого следует тщательно оберегать себя, ибо некоторых оно уже погубило. — Что касается Обрезкова[2], то могу поручиться, что его характер ничуть не хуже, если не лучше, чем у большинства лиц, слывущих за людей с прекрасным характером. Закрепившаяся за ним репутация — весьма пошлый наговор, и чтобы рассчитывать на наилучшее отношение с его стороны, не нужно даже быть таким, как вы. Впрочем, возможно, что вам и не придется иметь с ним дела. — Он уже давно стремится покинуть Турин, а неприятность, только что пережитая им при этом дворе[3], не может способствовать тому, чтоб настроение его изменилось. Наше Министерство с своей стороны также поймет, что противиться этому желанию было бы несвоевременно и неуместно, — а ввиду того, что сейчас другого поста для него не имеется, я полагаю, ему с удовольствием дадут отпуск, о коем он так страстно мечтает.

Вот мои соображения относительно этого места. — Если вы найдете их достойными внимания, примите соответствующие меры и, не теряя времени, предпримите надлежащие шаги в Петербурге, ибо в соискателях не будет недостатка. — Вот еще совет. Вы, должно быть, известились о том, что императрица приезжает в *Тегернзее*, т. е. в *Кройт*, в конце июля. Государь прибудет за ней туда в последних числах августа. Туда же направится и вице-канцлер, равно как добрые три четверти нашего дипломатического мира в Германии. Будут различные передвижения, может статься, и вам посчастливится, если вы туда приедете. Там вы встретите *Крюденеров, Лерхенфельдов*, и их содействие облегчит вам возможность наилучшим образом устроить ваши дела. — Более пространные сведения об этом путешествии вы можете получить либо из Мюнхена, либо из Петербурга, через госпожу Крюденер или мою жену. — Не пренебрегайте этим случаем — вам нетрудно будет извлечь из него пользу.

Простите. Мои два слова разрослись в четыре страницы. Следственно, я менее ленив, чем предполагал. — Через несколько дней я возвращаюсь в Турин, куда вы и можете направить свое письмо, если только в Париже вы удосужитесь его написать. Прощайте. Будьте здоровы и сохраните для меня крупицу вашей дружбы.

Ф. Тютчев

43. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

17/29 июня 1838 г. Мюнхен

Munich. Ce 17/29 juin

Quand vous recevrez cette lettre, chers papa et maman, il y aura six semaines d'écoulées depuis la catastrophe du «Nicolas»... Ainsi n'en parlons pas... Je suis sûr que dans le moment où vous en avez eu la première nouvelle, votre affection ne m'a pas manqué et que vous avez toute une partie de ce que j'ai dû éprouver.

J'ignore si vous avez eu connaître du détail de cet événement... Les journaux en ont dissimulé le plus qu'ils ont pu. Ces détails sont épouvantables[1]. Il y avait là dix chances de mort pour une chance de salut. Après l'aide de Dieu — c'est à la présence d'esprit, c'est au courage de Nelly que je dois sa vie et celles des enfants. On peut dire avec rigoureuse vérité que les enfants ont dû deux fois la vie à leur mère.

J'étais tranquillement assis dans ma chambre à Turin — c'était le 11 de ce mois — lorsqu'on est venu m'annoncer *purement et simplement* que le «Nicolas», parti le 12/26 mai de St-Pétersb<ourg> avait brûlé en mer. Et en effet, c'est ainsi que les journaux fr<ançais> qui nous en ont donné la première nouvelle avaient rapporté le fait... Heureusement j'ai pu sur-le-champ partir de Turin. J'ai pu le faire déjà sans préjudice pour ce service, attendu qu'Obrescoff y était encore et qu'il y reste jusqu'à la fin du juillet. Il avait envoyé sa femme à Berlin pour plaider sa cause auprès de l'Empereur[2] et attend son retour à Turin pour le quitter définitivement. Il m'a témoigné beaucoup d'amitié dans cette circonstance. C'est un galant homme! Ce n'est qu'arrivé à Munich que j'ai appris les choses telles qu'elles se sont passées et huit jours après j'ai eu la

consolation de voir arriver Nelly moins souffrante et moins brisée que je ne l'avais craint.

Maintenant vous savez que nous avons *tout* perdu. Les 4000 r<oubles> que l'Emp<ereur> a eu la bonté de faire donner à ma femme ont suffi pour parer aux nécessités les plus urgentes et à couvrir les frais du voyage. Arrivé à Turin, je vais me trouver, pour mon début, en face d'un dénuement complet.

Je connais votre affection pour moi. Je l'ai assez souvent éprouvée. Ainsi pour toute prière je n'ai besoin que de vous dire la peine où je suis. D'autre part je voudrais vous être à charge le moins possible. Voyez ce que vous pouvez faire pour nous. Pourriez-vous — sans un trop grand dérangement pour vos affaires m'avancer en une fois *deux années* du traitement que vous me faites. Car, comme le Ministère paraît disposé à me laisser ch<argé> d'aff<aires> pendant plus d'une année, je pourrais plus tard me passer plus facilement de vos secours — maintenant il me faut indispensable. Adieu. Je baise vos mains.

Ti Ti

P. S. Que fait Dorothée? Où est-elle et comment se porte-t-elle? Je lui ai écrit il y a trois semaines environ de Turin — aussitôt après avoir reçu la triste nouvelle de la mort de son enfant[3]. Mais, d'après ce que ma femme m'a dit, ma lettre ne l'aura plus trouver à Pétersbourg. — Pauvre Dorothée! J'ai partagé du fond du cœur sa douleur et celle de son mari. Ce n'est pas là ce que j'avais espéré pour lui et pour elle — lorsque la nouvelle de la naissance de leur enfant est venue, la nuit, m'éveiller sur le bateau à vapeur qui allait, encore une fois, m'éloigner de vous[4]. Que ce temps m'est présent et que de choses se sont passées depuis. Ah, quel rêve que la vie.

Adieu, chers papa et maman, quand donc nous reverrons-nous, pour ne plus nous séparer?

Куда как часто мне хочется отдохнуть под вашею кровлею, чтобы память про детство, про лучшее время жизни, не совсем выдохлась из души. — Простите. От Николушки жена получила письмо по приезде. Он очень был встревожен известием — до такой степени встревожен, что написал целых две страницы с половиною.

Перевод:

Мюнхен. 17/29 июня

Когда вы получите это письмо, любезнейшие папинька и маминька, со времени гибели «Николая» минет полтора месяца... Поэтому не будем о ней говорить... Я уверен, что когда вы получили первое сообщение об этом, вы сердцем были со мной и ощутили хоть долю того, что пришлось испытать мне.

Не знаю, известны ли вам подробности этой катастрофы... Газеты всячески умалчивали о них. Эти подробности ужасны[1]. Из десяти был один шанс на спасение. Помимо Бога, сохранением жизни Нелли и детей я обязан ее присутствию духа и ее мужеству. Можно сказать по справедливости, что дети были дважды обязаны жизнью своей матери.

Я спокойно сидел в своей комнате в Турине — это было 11-го сего месяца — когда мне пришли *просто-напросто* сообщить, что «Николай», вышедший 14/26 мая из С.-Петербурга, сгорел в море. И действительно, так сообщали французские газеты, которые первые дали нам сведения об этом происшествии... К счастью, я имел возможность тотчас же выехать из Турина. Я смог сделать это без ущерба для службы ввиду того, что Обрезков еще там и пробудет там до конца июля. Он послал свою жену в Берлин ходатайствовать за него перед государем[2] и ждет ее возвращения в Турин, чтобы окончательно его покинуть. При этих обстоятельствах он отнесся ко мне с большой теплотой. Какой это благородный человек! Только прибыв в Мюнхен, я узнал, как все было, и неделю спустя смог успокоиться, убедившись, что Нелли не столь измучена и разбита, как я опасался.

Вы знаете теперь, что мы потеряли *всё*. 4000 рублей, кои государь соблаговолил пожаловать моей жене, хватило на приобретение самого необходимого и на покрытие дорожных расходов. Приехав в Турин, я с первых же шагов окажусь перед лицом крайней нужды.

Я знаю вашу любовь ко мне. Я достаточно часто испытывал ее. Потому, вместо всяких просьб, скажу только, в каком затруднительном положении я нахожусь. С другой стороны,

я желал бы быть вам как можно меньше в тягость. Подумайте, что вы могли бы для нас сделать. Не могли бы ли вы, без особого осложнения для ваших денежных дел, выдать мне мой пенсион сразу за *два года* вперед. Ибо, поскольку министерство, по-видимому, склонно оставить меня поверенным в делах больше, чем на год, я смогу со временем свободнее обойтись без вашей помощи — сейчас она мне необходима. Простите. Целую ваши ручки.

Ф. Т.

P. S. Что Дашинька? Где она и как ее здоровье? Я написал ей около трех недель тому назад из Турина — тотчас после того, как получил грустное сообщение о смерти ее ребенка[3]. Но, по словам жены, письмо мое уже не застало ее в Петербурге. — Бедная Дашинька! Я от всего сердца разделяю скорбь ее и ее мужа. Не того ожидал я для него и для нее, когда известие о рождении их ребенка разбудило меня ночью на пароходе, который в очередной раз увозил меня от вас[4]. Как это время ясно сохранилось в моей памяти и сколько событий произошло с тех пор! Ах жизнь, какой это сон! Простите, любезнейшие папинька и маминька, когда же наконец свидимся мы, с тем чтобы более не разлучаться?

Куда как часто мне хочется отдохнуть под вашею кровлею, чтобы память про детство, про лучшее время жизни, не совсем выдохлась из души. — Простите. От Николушки жена получила письмо по приезде. Он очень был встревожен известием — до такой степени встревожен, что написал целых две страницы с половиною.

44. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

25 июля/6 августа 1838 г. Турин

Turin. Ce 6 août 1838

Monsieur le Comte,

J'ose me flatter que Votre Excellence voudra bien me pardonner l'importunité de cette lettre en faveur du motif qui me la fait écrire. J'ai appris par ma femme la sollicitude pleine de bonté que vous avez bien voulu lui témoigner dans un moment où

des consolations lui étaient si nécessaires, et quelques personnels que fussent les titres, que sa position lui assurait à votre bienveillant intérêt, je n'en revendique pas moins une part dans la reconnaissance que nous vous devons. Je m'associe bien sincèrement à la satisfaction qu'elle éprouve à l'idée que c'est de vous, Monsieur le Comte, que lui sont venues les consolations les plus cordiales et les plus généreuses entre toutes celles qu'elle a reçues.

Ma femme m'a dit aussi que Votre Excellence ne s'est pas bornée à compatir à son malheur. Vous avez daigné, Monsieur le Comte, prendre connaissance des pertes matérielles, que ce désastre lui avait fait éprouver, et vous lui avez généreusement offert votre appui auprès de S<a> M<ajesté> l'Empereur, pour l'aider à les réparer...[1] Déjà les bontés de l'Empereur étaient venues la trouver, elle et ses compagnons d'infortune, presqu'au sortir du naufrage... Nous n'aurions, par conséquent, que des actions de grâce à rendre, sans nous permettre de nouveaux vœux: car un malheur subi par tant de monde ne saurait être un titre exclusif pour personne... Mais c'est à nos besoins, bien plus qu'aux droits que nous pourrions y avoir, que Sa Majesté se plaît à mesurer ses bienfaits, et jamais, je dois l'avouer, ses bontés ne m'ont été plus nécessaires. Car c'est au moment, où je me vois dans la nécessité de former un nouvel établissement, que j'ai perdu, d'un seul coup, tout ce qui pouvait me le faciliter. Réduit à mes propres ressources, ma position, je le confesse, serait infiniment pénible et embarrassante...[2]

Que ne m'est-il permis de terminer ici cette lettre qui ne devait contenir que l'expression de ma reconnaissance. Car en vérité, Monsieur le Comte, je souffre de devoir ramener l'attention de Votre Excellence sur une question dont le plus grand tort est d'en être devenue une... C'est de cette malheureuse question de costume que je veux parler. J'en serais tout à fait inconsolable si j'avais eu le malheur de prendre l'initiative à ce sujet...[3]

La cour, qui est absente en ce moment, rentre à Turin le 1er du mois de septembre. C'est à cette époque que les personnes, arrivées ici dans l'intervalle, sont dans l'habitude de se faire présenter. Il serait difficile, surtout pour des personnes appartenant au corps diplomatique, une fois la cour revenue, de diffé-

rer beaucoup leur présentation, car plus tard la cour va s'établir à Gênes où elle ne voit pas d'étrangers, et de cette manière l'époque de la présentation se trouverait indéfiniment ajournée. Je n'ignore pas qu'on s'occupe en ce moment chez nous d'un nouveau règlement qui aura pour objet de modifier le costume des dames, appartenant à la diplomatie russe, en leur imposant comme obligatoire à toutes les cours le costume national qui jusqu'à présent n'avait été que facultatif. Or, j'avais pensé à l'arrivée de ma femme qu'il serait peut-être convenable de mettre à profit la latitude, que laissait l'absence du nouveau règlement, pour l'engager à se faire présenter à la cour de Turin avec le costume qui y est en usage. Cette marque de condescendance, qui, venant de notre part, ne saurait, certes, avoir rien d'équivoque, me paraissait devoir être d'un bon effet sous plus d'un rapport. D'abord c'eût été une leçon de modération et de raison qui, pour être courtoise, n'en aurait pas été moins significative. Et plus, en convainquant la cour de Turin de nos dispositions conciliantes sur une question qui comporte si peu l'irritation et l'entêtement, elle aurait eu l'avantage de lui faire apprécier dans son véritable jour le nouveau règlement qui va paraître. Elle lui aurait prouvé que cette mesure du nouveau règlement était une mesure essentiellement générale, se rattachant à un ensemble d'idées parfaitement indépendant des circonstances du moment, ne recélant d'arrière-pensée d'hostilité contre qui que ce soit, et contre laquelle, par cons<é>q<uent>, il n'appartiendrait à personne d'élever la moindre difficulté ni d'articuler la plus petite objection.

Telles avaient été mes idées, et je n'ai pas besoin de vous dire, Monsieur le Comte, combien à l'arrivée de ma femme j'ai été heureux d'apprendre par elle qu'en adoptant ce parti je n'avais fait que pressentir les propres intentions de Votre Excellence et me conformer par avance à ses volontés.

Depuis une conversation, que j'ai eue avec Mad. d'Obrescoff à son retour de Berlin, m'a de nouveau rendu incertain sur ce que j'avais à faire. Mad. d'Obrescoff m'a assuré que, dans l'audience que S<a> M<ajesté> l'Empereur a daigné lui accorder, Sa Majesté avait déclaré que sa volonté était que dès à présent, et même avant la publication du règlement, le costume national fût

de rigueur — et même elle a ajouté qu'il lui avait été *enjoint* de me faire savoir que c'est dans ce costume que la présentation à la cour de Turin devait avoir lieu...

Assurément, Monsieur le Comte, je suis loin de reconnaître aux paroles de Mad. d'Obrescoff un caractère officiel. — Toutefois ses assertions sont si formelles, si positives, et, d'autre part, la seule possibilité que telle fût en effet la volonté de S<a> M<ajesté> l'Empereur est d'un si grand poids à mes yeux que je me vois obligé, bien qu'à regret, de supplier Votre Excellence de m'accorder la faveur d'un mot de réponse, pour fixer mes incertitudes et me prescrire la marche que j'ai définitivement à suivre.

Si Votre Excellence jugeait qu'en effet l'ancien costume ne fût plus de mise, eh bien, je tâcherai de gagner du temps et de différer la présentation jusqu'après la publication du nouveau règlement. Alors il faudra bien que la question se décide d'une manière ou d'autre.

Mais avant tout, Monsieur le Comte, j'attends de la bienveillante équité de Votre Excellence qu'elle me fera la grâce et la justice de croire que rien n'égale la peine et la confusion que j'éprouve d'avoir à l'entretenir de semblables détails. Je subis, en gémissant, une nécessité que je n'ai point créée, mais dont j'ai hérité...

Quant à la partie sérieuse des rapports de notre mission avec la cour de Turin, je n'ai pas besoin de vous assurer, Monsieur le Comte, que je ne cesserai de suivre avec une invariable fidélité les recommandations que Votre Excellence a bien voulu m'adresser l'année dernière, à mon départ de St-Pétersbourg. Je sais le prix que notre cour met à entretenir de bons rapports avec celle de Turin et, je dois le dire, les dispositions que j'ai trouvées ici sont de nature à me faciliter singulièrement l'accomplissement de cette tâche. Car, en dépit de ce puéril différend qu'il eût été si facile d'éviter, les dispositions de cette cour à notre égard sont, il faut le dire, les plus satisfaisantes possibles. Les grandes qualités de l'Empereur sont en profonde et générale vénération ici, comme partout où prévaut un principe d'ordre et de conservation. Les services, rendus par la Russie à la Maison Régnante, sont rappelés en toute occasion avec une franchise de reconnaissance qui ne laisse rien à désirer[4]. En un mot, sympathie d'opi-

nion aussi bien que l'intelligence de ses intérêts les plus évidents, tout nous rattache cette cour — et si, dans la position donnée, il n'y a aucun mérite à maintenir les rapports sur le meilleur pied possible, il y aurait, par contre, un insigne maladresse ou une fatalité décidée à amener dans ces rapports ne fût-ce que l'apparence de la tiédeur ou de l'indifférence.

Me serait-il permis d'ajouter à l'appui de ce que je viens de dire une particularité qui m'est personnelle? C'est à votre bienveillance éprouvée, Monsieur le Comte, que je livre ma pensée dans toute sa candeur... Depuis mon arrivée à Turin, aussi bien qu'au plus fort de la fameuse querelle, je n'ai cessé un instant de recevoir de la part de toute la société d'ici, et plus particulièrement encore des personnes haut placées à la cour et dans le gouvernement, un accueil tellement gracieux, tellement empressé, si fort en dehors des habitudes de réserve, que l'on attribue au caractère piémontais, que par son exagération même cet accueil a complètement désintéressé ma vanité, en me forçant de n'y voir que ce qu'il y avait en effet, c'est-à-dire l'expression d'une sympathie politique qui, ne sachant où se prendre, s'adressait, faute de mieux, à mon humble individu.

Telle est la position pour le moment, et quoi qu'il pût arriver par la suite, je n'oublierai jamais, Monsieur le Comte, qu'un employé qui a l'honneur de servir sous vos ordres serait plus coupable que tout autre de manquer dans sa conduite de mesure, de convenance ou de modération. Il prouverait par là qu'il est tout à fait indigne d'apprécier et de suivre le modèle qu'il a devant les yeux.

Il ne me reste qu'un vœu à former: c'est que Votre Excellence daigne me continuer ses bontés, ne fût-ce que pour me mettre à même de mériter celles dont elle m'a honoré jusqu'à ce jour.

N'ayant dans cette saison morte et en l'absence de la cour rien de bien intéressant à mander d'ici, je me conformerai aux directions qui nous ont été transmises, en adressant mes rapports officiels directement à St-Pétersbourg.

Je suis avec respect,

Monsieur le Comte,

de Votre Excellence

le très humble et très obéissant serviteur

Ti Tutchef

Перевод:

Турин. 6 августа 1838

Милостивый государь,

граф Карл Васильевич,

Смею льстить себя надеждой, что ваше сиятельство соблаговолит простить мне мою навязчивость, принимая во внимание причину, побуждающую меня написать вам это письмо. Я узнал от своей жены о том, какой душевной заботливостью вы изволили окружить ее в такую минуту, когда она столь нуждалась в утешении, и хотя ваше благосклонное участие было вызвано положением, в котором она оказалась, и относилось лично к ней, я все же настоятельно прошу вас принять нашу общую признательность, в коей моя доля не маленькая. Я искренне разделяю радость, которую она испытывает при мысли, что из всех обращенных к ней выражений сочувствия самые сердечные и самые великодушные исходили от вас, милостивый государь.

Жена сказала мне также, что ваше сиятельство не ограничились одним сочувствием ее несчастью. Вы соизволили, милостивый государь, осведомиться об имущественном ущербе, который причинила ей эта катастрофа, и великодушно предложили ходатайствовать перед государем императором о возмещении этого ущерба...[1] Щедротами государя она и ее сотоварищи по несчастью были встречены почти тотчас же после спасения от кораблекрушения... Таким образом, нам, собственно, надлежало бы лишь воздать благодарность, не позволяя себе никаких новых пожеланий: несчастие, поразившее многих, не дает исключительных прав единицам... Но его величеству угодно соизмерить свои милости не столько с нашими вероятными правами, сколько с нашими нуждами, и никогда, я должен это признать, его благодеяния не были мне столь необходимы. Ибо в ту самую минуту, когда я вынужден заново устраивать свой дом, я сразу потерял все то, что могло мне эту заботу облегчить. Приведись мне ограничиться собственными средствами, мое положение, признаться, было бы крайне тяжело и затруднительно...[2]

Если бы только я мог закончить на этом письмо, которое должно было бы заключать в себе лишь выражение моей признательности! Ибо мне, милостивый государь, поистине мучительна необходимость вновь привлекать внимание вашего сиятельства к вопросу, самое неприятное в коем — это то, что он таковым является... Я имею в виду этот злосчастный вопрос о костюме. Я буду в отчаянии, если мне, на беду, придется проявить инициативу в этом деле...[3]

Двор, ныне отсутствующий, возвращается в Турин 1-го сентября. Именно тогда по обыкновению представляются лица, приехавшие сюда к этому времени. По возвращении двора было бы затруднительно, особливо лицам, принадлежащим к дипломатическому корпусу, надолго откладывать свое представление, ибо потом двор переезжает в Геную, где иностранцы не принимаются, и, таким образом, представление отодвинулось бы на неопределенный срок. Мне известно, что в настоящее время у нас подготовляется новый регламент, долженствующий изменить костюм дам, принадлежащих к русскому дипломатическому корпусу, с тем чтобы сделать обязательным ношение национального костюма, которое доныне было лишь добровольным. Я, однако ж, считал, что по приезде моей жены было бы, вероятно, уместно воспользоваться свободой, предоставляемой отсутствием нового регламента, и предложить ей представиться к туринскому двору в костюме, здесь обычно принятом. Это проявление снисходительности, которое, будучи нашим почином, конечно, не заключало бы в себе ничего двусмысленного, должно было бы, как мне думалось, оказаться благотворным во многих отношениях. Во-первых, оно послужило бы уроком сдержанности и рассудительности, политичность коего не умалила бы его наглядности. Кроме того, этот жест, убеждая туринский двор в нашем примирительном отношении к вопросу, заключающему в себе столь мало оснований для раздражения и упрямства, помог бы вышеназванному двору оценить в истинном его значении новый, ожидаемый принятием регламент. Он показал бы, что новый регламент является не чем иным, как общей мерой, связанной с совокупностью идей, совершенно не зависимых

от обстоятельств текущего момента, и не имеющей в подоплеке враждебности к кому бы то ни было, а потому нет оснований чинить ей какие-либо препятствия или высказывать против нее какие бы то ни было возражения.

Таковы были мои мысли, и мне не нужно говорить вам, милостивый государь, насколько по приезде моей жены я был счастлив узнать от нее, что, приняв это решение, я только предугадал намерения вашего сиятельства и наперед сообразовался с вашими желаниями.

После этого разговор, который я имел с г-жой Обрезковой по возвращении ее из Берлина, снова вызвал во мне недоумение по поводу того, как мне следует поступить. Г-жа Обрезкова уверила меня, что во время аудиенции, которую соблаговолил дать ей государь, его величество высказал пожелание, чтобы отныне, не дожидаясь объявления нового регламента, национальный костюм стал обязательным, — она даже прибавила, что ей было *поручено* сообщить мне, что представление к туринскому двору должно состояться именно в этом костюме...

Конечно, милостивый государь, я далек от того, чтобы рассматривать слова г-жи Обрезковой как официальное предписание. — Однако ее утверждения столь уверенны, столь определенны, а вместе с тем одно лишь предположение, что такова действительная воля государя, настолько для меня весомо, что я вынужден, к величайшему своему сожалению, умолять ваше сиятельство удостоить меня одним словом ответа, дабы рассеять мои сомнения и обозначить путь, коим я должен следовать.

Если бы ваше сиятельство действительно сочли, что прежний костюм уже неуместен, тогда я постараюсь выиграть время и отложить представление до объявления нового регламента. Итак, необходимо, чтобы этот вопрос был так или иначе разрешен.

Но, прежде всего, я надеюсь, что вы, милостивый государь, при вашей доброжелательности и справедливости, окажете мне милость, поверив в безмерность того огорчения и смущения, которые я испытываю при мысли, что принужден зани-

мать ваше сиятельство такими мелочами. Я со скорбью подчиняюсь необходимости, которую я не создал, но унаследовал...

Что касается серьезной стороны сношений нашей миссии с туринским двором, мне нет нужды уверять вас, милостивый государь, что я неизменно буду следовать тем указаниям, которые вашему сиятельству угодно было дать мне в прошлом году перед отъездом моим из Санкт-Петербурга. Я знаю, какое значение придает наш двор сохранению добрых отношений с туринским двором, и я должен сказать, что расположение, мною здесь встреченное, значительно облегчает мне выполнение этой задачи. Ибо, несмотря на ребяческую распрю, которой так легко было бы избежать, здешний двор, надо признать, питает к нам самые что ни на есть приязненные чувства. Высокие достоинства государя императора глубоко и единодушно почитаются здесь, как, впрочем, и всюду, где господствует принцип порядка и консерватизма. Об услугах, оказанных Россией королевскому дому, вспоминают при каждом случае с искренней благодарностью, не оставляющей желать ничего лучшего[4]. Словом, как сочувствие во взглядах, так и понимание своих самых очевидных интересов связывают нас с этим двором, — и если при данном положении не требуется особого ума, чтобы поддерживать между нами наилучшие отношения, то, напротив, нужна исключительная неловкость или решительное злополучие, чтобы внести в эти отношения хотя бы тень охлаждения или равнодушия.

Дозволено ли будет мне, в подтверждение только что сказанного, добавить подробность, касающуюся лично меня? Перед вашей испытанной благосклонностью, милостивый государь, раскрываю я мысль свою во всем ее чистосердечии... Со времени моего приезда в Турин, а также в самый разгар пресловутой ссоры, я неизменно встречал со стороны всего здешнего общества, и еще более со стороны лиц высокопоставленных как при дворе, так и в правительстве, прием столь ласковый, столь горячий, столь мало соответствующий обычной сдержанности, приписываемой пьемонтскому характеру, что эта приветливость самою своей нарочитостью совершенно заглушала во мне тщеславие, заставляя видеть в

ней исключительно то, что в ней действительно было, т. е. выражение политической симпатии, которая, не зная, на кого излиться, обращалась, за неимением лучшего, к моей скромной особе.

Таково положение в настоящую минуту, и что бы ни случилось впоследствии, я всегда буду помнить, милостивый государь, что чиновник, имеющий честь служить под вашим началом, был бы виновен более всякого другого, если бы в своем поведении не сумел бы соблюсти умеренности, приличия и сдержанности. Этим он доказал бы, что совершенно не достоин ценить стоящий перед его глазами образец и следовать ему.

Мне остается выразить только одно пожелание: оно состоит в том, чтобы ваше сиятельство и впредь удостаивали меня своим благорасположением, хотя бы ради того, чтобы я имел возможность заслужить то, которым я был почтен доныне.

Не имея в эту мертвую, ввиду отсутствия двора, пору сообщить ничего особенно интересного, я буду, сообразно с переданными нам распоряжениями, пересылать свои официальные донесения непосредственно в Санкт-Петербург.

С глубочайшим почтением честь имею быть,
милостивый государь,
вашего сиятельства
покорнейший слуга
Ф. Тютчев

45. В. А. ЖУКОВСКОМУ

6/18 октября 1838 г. Турин

Турин. 6/18 октября 1838

Милостивый государь
Василий Андреевич!

Отправляя в Вену нашего постоянного трехмесячного курьера, я долгом поставил послать его в *Комо*[1], для принятия приказаний его императорского высочества... Не имея сношения ни с кем из окружающих великого князя, простите ли вы мне, милостивый государь, что я вас осмеливаюсь обес-

покоить просьбою дать знать как и кому следует о посылаемом курьере?

Я сам, известившись вчера только о прибытии великого князя в *Комо*, не замедлю туда явиться в надежде, что он не лишит меня счастия или, лучше сказать, — вернее, согласнее с моим теперешним положением, — не лишит меня утешения его видеть[2].

И от вас, — простите ли вы мне это требование, — и от вас я, вам чужой, почти вовсе незнакомый, жду и надеюсь утешения. Некогда, милостивый государь, я пользовался вашею благосклонностию. И в последнее время, я знаю через кн. Вяземского и других ваших петербургских друзей, вы не раз отзывались обо мне с участием.

Проездом через Минхен вы известились, может быть, о моем несчастии, о моей потере...[3] И та, которой нет... сколько раз по возвращении своем из Петербурга и рассказывая мне про свою тамошнюю жизнь, упоминала она мне про вас...[4] Вот почему, не будучи ни суевером, ни сумасбродом, я от свидания с вами жду некоторого облегчения...

Есть ужасные годины в существовании человеческом... пережить все, чем мы *жили* — *жили* в продолжение целых двенадцати лет... Что обыкновеннее этой судьбы — и что ужаснее? Все пережить и все-таки жить... Есть слова, которые мы всю нашу жизнь употребляем, не понимая... и вдруг поймем... и в одном слове, как в провале, как в пропасти, все обрушится.

В несчастии сердце верит, т. е. понимает. И потому я не могу не верить, что свиданье с вами в эту минуту, самую горькую, самую нестерпимую минуту моей жизни, — не слепого случая милость. Вы недаром для меня перешли Альпы... Вы принесли с собою то, что после нее я более всего любил в мире: отечество и поэзию... Не вы ли сказали где-то: *в жизни много прекрасного и кроме счастия*[5]. В этом слове есть целая религия, целое откровение... но ужасно, несказанно ужасно для бедного человеческого сердца отречься навсегда от счастия. Простите. Вера моя не обманет меня. Я увижусь с вами...

Ф. Тютчев

46. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

6/18 октября 1838 г. Турин

Turin. Ce 6/18 octobre 1838

Monsieur le Comte,

Sa Majesté l'Empereur daignera-t-il me pardonner si j'ai différé jusqu'à présent à lui offrir mes actions de grâce pour ses derniers bienfaits?..[1] Si en ce moment même j'hésite encore?.. Quel hommage à offrir que celui d'une reconnaissance où il n'y a que du désespoir et des larmes de douleur?

Monsieur le Comte, j'ai tout perdu...[2] Les mots, je le sens, ne signifient rien... Mais enfin l'homme n'a que des mots pour dire qu'il se sent blessé au cœur...

Et cependant le souvenir de ce dernier bienfait, de ce bienfait, tombé sur un lit de mort, me restera éternellement sacré... Ne s'adressait-il pas à celle qui n'est plus? N'est-ce pas la nouvelle de ce bienfait qui lui a valu sa dernière joie, le dernier mouvement de la satisfaction terrestre qu'elle ait éprouvé?..

Deux jours après s'est déclarée la maladie qui a brisé au milieu des plus atroces souffrances un des plus nobles cœurs que Dieu ait jamais faits.

Maintenant la voilà soustraite à jamais aux bienfaits comme aux douleurs de ce monde.

Mais à côté de son cercueil il reste trois enfants en bas âge... Il y a quelques mois leur mère, au prix des dernières forces qui lui restaient, a bien pu les porter à travers la flamme et les arracher à la mort. Mais cet effort a épuisé sa vie. Elle est morte à la peine... Ses enfants vivent, il est vrai, mais ils n'ont plus de mère, pour veiller sur leur enfance et pour protéger leur jeunesse...

Quant à moi... Monsieur le Comte, quelque douleur ou quelque honte qu'il y ait dans cet aveu... je ne suis plus rien, je ne puis rien. L'épreuve n'a pas été mesuré aux forces... Je me sens écrasé... Je peux bien pleurer sur ces malheureux enfants. Je ne peux pas les protéger.

Mais il y a Dieu et l'Empereur... C'est à leur double Providence que je les confie... Que celui, qui, il y a quelques mois, a recueilli au sortir du naufrage la mère et les enfants, maintenant

que leur mère les a abandonnés ne retire pas sa main de dessus ces trois têtes orphelines.

Je suis avec respect,
Monsieur le Comte,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant serviteur
Ti Tutchef

Перевод:

Турин. 6/18 октября 1838

Милостивый государь,
граф Карл Васильевич,

Соизволит ли его величество государь император простить меня за то, что я доныне медлил принести ему изъявления моей благодарности за его последние благодеяния?..[1] Если даже и в эту минуту я все еще нахожусь в нерешительности?.. Какими словами высказать признательность, проникнутую лишь отчаянием и слезами скорби?

Милостивый государь, я все потерял...[2] Слова, я это чувствую, не значат ничего... Но ведь у человека нет иного средства выразить, сколь изранено его сердце.

И тем не менее память об этом последнем благодеянии, об этом благодеянии, осенившем ее смертный одр, останется для меня навсегда священной... Не было ли оно обращено к той, которой уже нет? Не известие ли об этом благодеянии принесло ей последнюю радость, последнее светлое чувство, которое ей дано было изведать на земле?..

Два дня спустя обнаружилась та болезнь, которая, протекая в жесточайших мучениях, разбила одно из самых благородных сердец, когда-либо созданных Богом.

Теперь она навсегда избавлена и от благ, и от скорбей этого мира.

Но возле ее гроба остались трое малолетних детей... Несколько месяцев назад их мать ценою последних остававшихся у нее сил сумела пронести их сквозь пламя и вырвать их у смерти. Но это усилие стоило ей жизни. Она его не вы-

несла... Ее дети, правда, живы, но у них нет больше матери, которая блюла бы их детство и оберегала их юность...

Что до меня... милостивый государь, как ни горестно, как ни постыдно такое признание... я ни на что не способен, я сам ничто. Испытание не было соразмерено с моими силами... Я чувствую себя раздавленным... Я могу лишь проливать слезы над этими несчастными детьми. Я не могу о них позаботиться.

Но есть Бог и государь... Этому двойному покровительству поручаю я их... Пусть тот, кто несколько месяцев тому назад, после кораблекрушения, поддержал своей помощью мать и детей, теперь, когда она их покинула, не отнимет своей десницы от этих трех осиротелых головок.

С глубочайшим почтением честь имею быть,
милостивый государь,
вашего сиятельства
покорнейший слуга
Ф. Тютчев

47. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

16/28 декабря 1838 г. Генуя

Gênes. Ce 28 décembre 1838

Ma bonne Anna, mon cher enfant, je te remercie bien de ta lettre qui m'a fait grand plaisir, mon enfant. Je te remercie aussi des bonnes nouvelles que ta tante Clotilde me donne à ton sujet. Continue, mon amie, à mériter toujours que la tante Clotilde soit contente de toi, de ta docilité et de ton application, et aime-la de tout ton cœur, ainsi que la tante Hannstein. J'espère te revoir bientôt, toi et tes petites sœurs à Munic et je te recommande de les embrasser de ma part. Fais aussi mes compliments à la bonne Catherine[1].

Quand cette lettre te sera parvenue, la nouvelle année aura commencé... Puisse-t-elle être bonne pour toi et pour vous tous, mes chers enfants...

Adieu, Anna, prie bien le bon Dieu, et pense à ta mère...

T. T.

Перевод:

Генуя. 28 декабря 1838

Моя добрая Анна, мое милое дитя, очень благодарю тебя за твое письмо, оно доставило мне большое удовольствие, дитя мое. Благодарю тебя также за добрые вести, которые тетушка Клотильда сообщает мне о тебе. Продолжай стараться, мой друг, чтобы тетушка Клотильда была всегда довольна тобой, твоим послушанием и прилежанием, и люби ее всем сердцем, так же как и тетушку Ганштейн. Надеюсь вскоре свидеться с тобой и твоими младшими сестрами в Мюнхене и прошу обнять их за меня. Кланяйся от меня доброй Екатерине[1].

Когда это письмо дойдет до тебя, наступит уже новый год... Пусть он будет добрым для тебя и всех вас, мои милые дети...

Прощай, Анна, молись усердно Богу и поминай свою мать...

Ф. Т.

48. В. А. ЖУКОВСКОМУ

8/20 февраля 1839 г. Турин

Следственно, если вам угодно, в 3-ем часу мы можем отправиться вместе к многострадальцу.

Ф. Т.

49. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

1/13 марта 1839 г. Турин

Turin. Ce 1/13 mars 1839

Monsieur le Comte,

Il m'est pénible, plus que je ne puis le dire, d'avoir si souvent à occuper l'attention de Votre Excellence de mes affaires personnelles; mais jamais peut-être cette nécessité où je me trouve de l'en importuner ne m'a été plus pénible qu'aujourd'hui.

Sans entrer dans des explications qui seraient déplacées ici et qui probablement auraient l'inconvénient de ne vous apprendre

rien de nouveau, c'est à votre indulgente bonté, Monsieur le Comte, c'est, je dois le dire, à votre générosité que je m'adresse, pour faire agréer à Votre Excellence la demande, en faveur de laquelle j'ose invoquer sa bienveillante intercession.

L'objet de cette demande est une autorisation de mariage[1]. — La personne que je désire épouser est la B<ar>onne de Doernberg, fille du B<ar>on de Pfeffel qui a servi avec distinction dans la diplomatie bavaroise et qui est mort, il y a quelques années, Ministre du Roi de Bavière à Paris. Sa mère était une Comtesse de Tettenborn. Madame de Doernberg appartient à la religion catholique. J'étais bien décidé à différer cette démarche pendant longtemps encore. Mais une circonstance relative à mes enfants m'impose forcément une détermination différente. Je les avais confiées l'automne dernier aux soins de ma belle-sœur, la Comtesse de Bothmer, qui est à Munich. Celle-ci, qui se marie le mois prochain et qui doit aussitôt après son mariage quitter Munich pour se rendre à la Haye, vient de m'écrire, pour me prier de prendre d'autres arrangements à leur égard. Je me vois donc dans l'obligation, en les reprenant chez moi, d'aviser au plus tôt au moyen de leur assurer toute la surveillance et tous les soins qui peuvent leur être nécessaires et qu'ils ne trouveraient pas suffisamment auprès de moi seul.

En même temps que l'autorisation que je sollicite, j'ai une autre grâce à demander à Votre Excellence. Les arrangements que je suis dans le cas de devoir prendre m'obligeant à des déplacements et à des courses multipliées, je me vois bien qu'à regret dans la nécessité absolue de lui demander un congé de quelques mois. Déjà cet hiver, si je suis bien informé, vous avez daigné, Monsieur le Comte, me faire savoir, par l'entremise de Mad. de Krüdener, que vous ne voyez pas d'inconvénient à ce que je m'absente momentanément de mon poste. C'est l'effet de cette gracieuse autorisation que j'ose réclamer en ce moment.

Je suis avec respect,
Monsieur le Comte,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant serviteur
Th Tutchef

Перевод:

Турин. 1/13 марта 1839

Милостивый государь,
граф Карл Васильевич,

Не могу выразить, как тяжела мне необходимость столь часто докучать вашему сиятельству своими личными делами; но никогда еще, пожалуй, подобная необходимость не была мне более тягостна, чем ныне.

Не входя в объяснения, которые были бы здесь неуместны и, вероятно, имели бы тот недостаток, что не заключали бы в себе ничего для вас нового, я обращаюсь, милостивый государь, к вашей снисходительной доброте или, лучше сказать, к вашему великодушию в надежде, что вы доброжелательно отнесетесь к просьбе, в отношении коей я решаюсь испрашивать вашего благосклонного представительства.

Предмет этой просьбы — разрешение вступить в брак[1]. Особа, с которой я желаю сочетаться браком, это баронесса Дёрнберг, дочь барона Пфеффеля, с отличием служившего в баварской дипломатии и умершего несколько лет тому назад в должности посланника баварского короля в Париже. Ее мать была урожденная графиня Теттенборн. Госпожа Дёрнберг исповедует католическую религию. Я был твердо настроен надолго еще отсрочить этот шаг. Однако одно обстоятельство, касающееся моих детей, поневоле вынуждает меня к иному решению. Я поручил их прошлой осенью заботам своей свояченицы графини Ботмер, живущей в Мюнхене. Последняя только что прислала мне письмо с просьбой как-нибудь иначе пристроить моих детей, ибо в будущем месяце она выходит замуж и тотчас же после свадьбы должна переехать из Мюнхена в Гаагу. Итак, я не вижу для себя иного выхода, как, взяв их к себе, поскорее позаботиться о том, чтобы предоставить им необходимый уход и надзор, с каковой задачей мне одному не справиться.

Одновременно с разрешением, о котором я ходатайствую, прошу ваше сиятельство и о другой милости. Поскольку устройство дел, которым я по этому случаю должен заняться,

влечет за собой различные перемещения и неоднократные поездки, я, хотя и с сожалением, вынужден просить у вашего сиятельства отпуска на несколько месяцев. Уже этой зимой, если я верно осведомлен, вы, милостивый государь, изволили передать мне через госпожу Крюденер, что не имеете ничего против временной моей отлучки с моего поста. На это великодушное разрешение я позволю себе сослаться в настоящую минуту.

С глубочайшим почтением честь имею быть,

милостивый государь,

вашего сиятельства

покорнейший слуга

Ф. Тютчев

50. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

19 апреля/1 мая 1839 г. Турин

19 avril/1 mai 1839

Mr le Comte,

Je ne saurais vous exprimer, Mr le Comte, combien j'ai été heureux et reconnaissant d'apprendre par la dépêche de V<otre> E<xcellence> en date du 19 mars que Sa Majesté l'Empereur a daigné remarquer quelques-uns de mes rapports et les honorer de son auguste suffrage[1]. Cette magnifique récompense accordée à de si humbles services prouve que la bonté de l'Empereur sait, à défaut d'actes, nous tenir compte de nos intentions.

Je reçois à l'instant la dépêche en date du 1er avril, par laquelle V<otre> E<xcellence> veut bien m'informer de la nomination de Mr Kokoschkine au poste de Turin[2], et je ne manquerai pas conformément à des ordres d'en donner connaissance au Ministère du Roi de Sardaigne. Cette nomination, Mr le Comte, me met plus à l'aise pour renouveler la prière que je me suis permis de vous adresser il y a quelque temps. Je supplie V<otre> E<xcellence> de ne pas trouver indiscrète l'insistance que je mets à solliciter encore une fois le congé que je lui ai demandé par ma lettre particulière du 1/13 mars[3]. Ce congé pour moi est d'une nécessité absolue. Mes intérêts les plus chers dans le présent et dans l'avenir

dépendent de la faveur que je réclame. En remettant à Mr Kokoschkine les affaires de la Mission Impériale, j'aurai la satisfaction de penser qu'il aura lieu d'être content des rapports qui existent entre elle et le Ministère Sarde. C'est un fait dont je puis parler avec d'autant moins de réserve qu'assurément je suis loin d'avoir la ridicule vanité de revendiquer pour moi le moindre port de ce résultat. Vos instructions ont tout fait, Mr le Comte; il a suffi de les comprendre et d'y être fidèle, et cette tâche, je dois en convenir, m'a été singulièrement facilitée par les bienveillantes dispositions qui m'ont accueilli ici de toutes parts.

Je suis avec respect...

Перевод:

19 апреля/1 мая 1839

Милостивый государь граф,

Не могу выразить, милостивый государь граф, как я был счастлив и признателен, узнав из депеши вашего сиятельства от 19 марта, что государь император удостоил внимания некоторые мои рапорты и почтил их своим августейшим одобрением[1]. Эта великолепная награда за столь скромную службу доказывает, что милость государя распространяется, за неимением наших поступков, даже на наши намерения.

Я только что получил депешу от 1-го апреля, в коей вашему сиятельству угодно было сообщить мне о назначении г-на Кокошкина на место посланника в Турин[2], и в соответствии с вашими указаниями я незамедлительно извещу об этом королевское министерство иностранных дел Сардинии. Это назначение, милостивый государь граф, дает мне основание вновь обратиться к вам с просьбой, с коей я недавно обращался. Умоляю ваше сиятельство не считать нескромной мою повторную просьбу об отпуске, разрешение на который я испрашивал в частном письме от 1/13 марта[3]. Этот отпуск мне совершенно необходим. Самые дорогие мои чаяния в настоящем и будущем зависят от сей вашей милости. Передавая г-ну Кокошкину дела императорской миссии, я с удовлетворением полагаю, что он останется до-

волен теми отношениями, какие ныне существуют между нею и министерством иностранных дел Сардинии. Я могу говорить об этом факте без всякой доли смущения, поскольку далек от смешного тщеславия полагать, будто я мог иметь хоть малейшее отношение к достигнутому результату. Все совершили ваши инструкции, милостивый государь граф; достаточно было понять их и верно им следовать, и эта задача, должен признаться, была мне значительно облегчена тем благожелательным расположением, какое я встретил со всех сторон.

Честь имею пребывать с совершенным уважением...

51. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Начало лета 1839 г. Турин

Merci, ma chère enfant, pour ta lettre, qui m'a fait grand plaisir, malgré ses fautes d'orthographe. Je voudrais bien être près de toi pour te les corriger. C'est bien aussi ce que j'espère voir se réaliser dans le courant de cet été. En attendant, écris-moi de temps à autre, dis-moi les leçons que tu prends et les livres que tu lis... As-tu déjà écrit à ta tante Clotilde?[1] Aime-la bien et tâche de lui ressembler. Aime bien aussi la tante Hannstein, qui maintenant prend soin de vous, comme dans son enfance elle a pris soin de ta mère.

Embrasse de ma part tes petites sœurs. Je suis bien impatient de vous revoir toutes les trois, mes chers enfants. Que la Bonté Divine veille sur vous...

Adieu, ma chère Anna, matin et jour, quand tu pries le bon Dieu, pense aussi à ta mère. Je t'embrasse, mon enfant.

T. Tutchef

Mes amitiés à ta bonne Catherine.

Перевод:

Благодарю тебя, моя милая девочка, за твое письмо, оно меня очень порадовало, несмотря на орфографические ошибки. Я бы очень желал быть рядом с тобою, чтобы по-

правлять их тебе. Надеюсь, что это осуществится нынешним летом. А пока пиши мне от времени до времени, рассказывай мне про свои уроки и про книги, какие ты читаешь... Писала ли ты тетушке Клотильде?[1] Люби ее крепко и старайся походить на нее. Люби также тетушку Ганштейн, она теперь заботится о вас, как заботилась о вашей матери, когда та была ребенком.

Обними за меня младших сестер. Мне очень не терпится увидеть всех вас троих, мои милые дети. Храни вас милосердие Божие...

Прощай, милая Анна. Во время утренней и вечерней молитвы поминай также и свою мать. Обнимаю тебя, дитя мое.

Ф. Тютчев

Сердечно кланяюсь твоей доброй Екатерине.

52. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

6/18 октября 1839 г. Мюнхен

Munich. Ce 6/18 octobre 1839

Monsieur le Comte,

Des circonstances impérieuses m'obligent à prier Votre Excellence de vouloir bien agréer ma démission de la place de 1er secrétaire de la Légation Impériale à Turin[1].

Mon intention aussi bien que mon vœu eût été de rentrer immédiatement en Russie où j'aspire à me fixer. — Mais l'intérêt de mes enfants, que je suis venu retrouver ici et qu'il me serait également impossible de faire voyager dans cette saison ou de laisser de nouveau à la merci d'une surveillance étrangère, me met dans le cas, Monsieur le Comte, de vous demander, comme une faveur, la permission de différer ma rentrée en Russie jusqu'au printemps prochain.

Je suis avec respect,

Monsieur le Comte,

de Votre Excellence

le très humble et très obéissant serviteur

Ti Tutchef

Перевод:

Мюнхен. 6/18 октября 1839

Милостивый государь,
граф Карл Васильевич,

Важные обстоятельства вынуждают меня просить ваше сиятельство благоволить принять мою отставку от должности 1-го секретаря императорской миссии в Турине[1].

Я был намерен, что вполне отвечает моим желаниям, незамедлительно возвратиться в Россию, где надеюсь обосноваться. — Однако в интересах моих детей, к которым я сюда приехал и которых в равной мере не решаюсь ни взять с собой в путешествие в это время года, ни снова оставить здесь под чужим надзором, я принужден просить вас, милостивый государь, о великодушном разрешении отложить мое возвращение в Россию до будущей весны.

С совершенным почтением честь имею быть,
милостивый государь,
вашего сиятельства
покорнейший слуга
Ф. Тютчев

53. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

1/13 декабря 1839 г. Мюнхен

Munich. Ce 1/13 décembre 18<39>

C'est le 24 du mois d<ernier>, le jour même de la fête de maman que j'ai reçu votre lettre, chers papa et maman. J'avais bien pensé à vous, ce jour-là et la veille. Mais la lettre, je n'avais guères l'espérer. Elle m'a fait grand plaisir. — Il me tarde bien de vous revoir. Et si Dieu nous prête vie jusqu'au printemps prochain, nous nous reverrons, bien sûr. C'est une chose décidée, irrévocablement décidée. Ma femme vous écrit sous ce pli[1]. Voilà trois mois que par mes hésitations, par mes délais, je l'empêche de vous écrire. Ne m'en voulez pas et surtout n'attribuez pas à de la paresse cette impossibilité d'écrire. Ce que c'est je n'en sais rien. Toutefois, ne soyez pas en peine de moi. Car j'ai, pour veiller sur

moi, le d<évoue>ment[*] de l'être, le meilleur que Dieu ait jamais fait. Ce que je vous dis, ce n'est pas une exagération. Ce n'est que justice.

Je ne vous parle pas de son affection pour moi. Vous-même trouveriez peut-être qu'il y a de l'excès. Mais ce dont je ne puis assez me louer et la remercier, c'est de la tendresse et de ses soucis pour les enfants. Pour eux, la perte qu'ils ont faite est presque réparée. Nous les avons pris chez nous, aussitôt arrivés à Munich[2], et quinze jours après les enfants lui étaient attachés comme s'ils n'avaient jamais eu d'autre mère. Moi aussi, je n'ai jamais vu de nature plus sympathique aux enfants que la sienne. Oui, c'est une bien noble et bien excellente nature et je la recommande vivement à votre amitié. Pour les détails je vous renvoie à sa lettre. Nous sommes venus ici à la fin de septembre. Notre intention avait été d'aller passer cet hiver à Pétersb<ourg>, mais l'état de Nesty s'étant tout à fait déclaré vers cette époque[3], nous avons été obligés de renoncer à ce projet. Mais, comme je vous l'ai dit, ce n'est qu'une partie remise jusqu'au printemps prochain.

A mon arrivée ici, j'ai écrit <à> C<om>te de Nesselrode pour me démettre de ma place de secrétaire à Turin et pour le prier de <m'>autoriser de passer cet hiver à l'étranger[4]. Il m'a répondu avec beaucoup d'obligeance, en m'accordant ma demande. Maintenant voici quelles sont mes intentions. Au mois de mai prochain nous irons à Pétersb<ourg>, ainsi que j'en ai déjà pris l'engagement vis-à-vis du Ministère et à moins qu'on ne m'offre quelque poste <déci>dément avantageux, quelque avancement extraordinaire – ce qui est peu probable, à moins, dis-je, d'une chance pareille, je suis bien résolu à quitter la carrière diplomatique et m'établir définitivement en Russie. C'est le vœu de Nesty pour le moins aussi que le mien. Je suis <las de> cette existence de l'homme sans patrie, et <il est temps> de songer à se préparer une retraite pour <l'âge> qui vient. Il est surtout temps de vous <voir> pour ne <plus> vous quitter. Que <Dieu nous donne encore> quelques années pour réparer le temps perdu.

---

[*] Из-за ветхости письма здесь и далее текст в ломаных скобках восстанавливается по смыслу.

Cette lettre, <je s>uppose, vous trouvera encore à Minsk, auprès de Dorothée et de son mari[5]. Dites-leurs mille amitiés de ma part. Je n'ai pas écrit à Dorothée depuis sa dernière lettre. Mais s'est qu'il y a des choses dont il m'est impossible de parler; des souvenirs qui saignent toujours et ne guériront jamais.

Nicolas vous aura déjà quitté à présent. S'il en est ainsi, veuillez, je vous prie, lui faire parvenir à Varsovie la lettre que lui écrit ma femme[6]. Quant à moi, je compte lui écrire directement. Mais est-il toujours à Varsovie et quelle est son adresse?

Je ne vous parle pas de la vie que nous menons ici. C'est une vie fort retirée et paisible. Les enfants, Maltitz et sa femme, la tante de Clotilde, son père et ses frères[7], vo<ilà> ce qui forme notre société h<abituelle>. Je vois souvent *Северин* qui me témoigne b<eau>cou<p> d'amitié. En fait de Russes il y a encore ici le <vieux Comte> Tolstoy avec sa fille, la C<omt>esse *Закревск<ая>*[8] qui chaque fois que je vais le voir, me <charge> de compliments pour vous. — Pour cette fois adieu, je vous <écrirai> dans quelques jours.

Перевод:

Мюнхен. 1/13 декабря 1839

Я получил ваше письмо, любезнейшие папинька и маминька, 24 числа прошлого месяца, в самый день именин маминьки. В этот день и накануне я много думал о вас и не смел надеяться на письмо. Оно доставило мне большое удовольствие. Мне не терпится свидеться с вами. И если Бог продлит нам жизни до будущей весны, мы непременно увидимся. Дело это решенное, бесповоротно решенное. Моя жена пишет вам и вложит письмо в этот же конверт[1]. Уже три месяца своим колебанием, своим откладыванием я мешал ей написать вам. Не сердитесь на меня, особливо же не сочтите за лень эту невозможность писать. Я решительно не понимаю, что это такое. Однако не беспокойтесь обо мне, ибо меня охраняет преданность существа, лучшего из когда-либо созданных Богом. Это только дань справедливости. Я не буду говорить вам про ее любовь ко мне; даже вы, может статься, нашли бы

ее чрезмерной. Но чем я не могу достаточно нахвалиться, это ее нежностью к детям и ее заботой о них, за что не знаю как и благодарить ее. Утрата, понесенная ими, для них почти возмещена. Тотчас по приезде в Мюнхен мы взяли их к себе[2], и две недели спустя дети так привязались к ней, как будто у них никогда не было другой матери. Но я и не встречал натуры более располагающей к себе детей, нежели ее. Да, это натура весьма благородная и прекрасная, и я настоятельно поручаю ее вашей приязни. Подробности вы найдете в ее письме. Мы приехали сюда в конце сентября. Мы намеревались провести зиму в Петербурге, но ввиду того, что к этому времени положение Нести вполне определилось[3], нам пришлось отказаться от этого проекта. Но, как я уже говорил вам, он только отложен до будущей весны.

По приезде сюда я написал графу Нессельроде, чтобы сложить с себя должность секретаря в Турине и просить его разрешения провести зиму за границей[4]. Он очень учтиво ответил мне согласием на мою просьбу. Теперь вот каковы мои намерения. В будущем мае мы поедем в Петербург, как я обязался перед министерством, и, если только мне не предложат какого-либо поста положительно выгодного, какого-либо необычайного повышения — что маловероятно — если, повторяю, не будет подобной счастливой случайности, я твердо решился оставить дипломатическое поприще и окончательно обосноваться в России. Нести желает этого не менее, чем я. Мне надоело существование человека без родины, и пора подумать о приискании приюта для надвигающихся лет. Особливо же пора свидеться с вами, чтобы более вас не покидать. Дай нам Господь еще несколько лет, дабы возместить потерянное время.

Предполагаю, что это письмо застанет вас еще в Минске у Дашиньки и ее мужа[5]. Передайте им тысячу дружеских приветствий от меня. Я не писал Дашиньке после ее последнего письма. Но это потому, что есть вещи, о коих невозможно говорить, — эти воспоминания кровоточат и никогда не зарубцуются.

Николушка уже, должно быть, от вас уехал. Если это так, то благоволите, прошу вас, доставить ему в Варшаву письмо

моей жены[6]. Что до меня, я рассчитываю написать ему непосредственно. Но в Варшаве ли он еще, и каков его адрес?

Не пишу вам о нашем здешнем образе жизни; мы живем очень уединенно и тихо. Дети, Мальтиц и его жена, тетка Клотильды, ее отец и братья[7] — вот кто составляет наше обычное общество. Я часто видаю *Северина*, который очень дружески ко мне относится. Из русских здесь еще старый граф Толстой со своей дочерью, графиней *Закревской*[8], которая всякий раз, когда я у него бываю, поручает мне передать вам поклон. — На этот раз простите. Напишу вам через несколько дней.

54. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

20—22 января/1–3 февраля 1840 г. Мюнхен

Munich. Ce 1er février/20 janvier 1840

Je suis de nouveau bien coupable envers vous, chers papa et maman. Depuis six semaines il ne s'est pas coulé un jour que je ne me sois sévèrement reproché de l'avoir laissé passer sans vous écrire. Votre dernière lettre que j'ai reçue il y a quelques jours est venue enfin rompre la glace. Je vous remercie des choses bonnes et affectueuses que vous dites dans cette lettre de ma femme. Elle mérite à tout égard l'opinion favorable que vous vous en êtes formée. On ne pourrait être meilleure qu'elle n'est, plus vraie, plus aimante et dévouée. Vous l'aimerez certainement dès que vous la connaîtrez.

Je vois avec peine par votre lettre que vous êtes beaucoup plus préoccupés de ma santé qu'il n'y a lieu de l'être. Depuis six semaines que j'ai commencé la cure d'eau j'éprouve une amélioration dans ma santé que je n'osais plus espérer. Il m'est démontré maintenant, par le bon effet de cette cure que le principe de mon mal était dans les nerfs affaiblis et surexcités. Toutes mes autres infirmités n'étaient que la conséquence de celle-ci. Or il est reconnu que l'eau froide et le grand air sont les seuls moyens de fortifier les n<er>fs. Je ne puis assez me féliciter d'avoir, par une sorte d'instinct, re<non>cé depuis des années à toute drogue de pharmacie. C'est là ce qui me facilite maintenant le succès de ma

cure. Mon appétit, depuis que je l'ai commencée, s'est sensiblement amélioré, tous ceux qui me voient s'accordent à me trouver meilleure mine. Voici, j'espère, chère maman, un bulletin qui doit vous satisfaire. Et ce qui achèvera de vous rassurer, c'est qu'il y a près de moi quelqu'un dont la faculté de s'inquiéter de ma santé à tout propos et hors de propos ne peut se comparer qu'à celle que je vous ai connu, autrefois, à vous-même. Car ce n'est certainement pas la faute de ma femme, si je ne me suis pas encore définitivement convaincu que j'étais de neige et que j'allai fondre et m'évaporer au premier rayon de soleil.

Nous sommes maintenant en plein carnaval. Les bals se suivent sans interruption. Nous allons beaucoup dans le monde. J'y vais plutôt par nécessité que par goût. Car la distraction quelqu'elle soit est devenue une véritable nécessité pour moi... Dernièrement *Sévérine* a donné un des plus beaux bals de la saison. Je vous ai dit, <je crois>, que S<évérine> s'est pris d'une grande affection pour moi que je paie de retour, plus encore par reconnaissance que par sympathie. Sa position est assez singulière dans ce pays. Il est très bien traîté par le Roi[1] qui l'estime et l'apprécie, mais par contre, il est très peu goûté par la société de Munich. Hier il a eu une lettre de Joukoffsky qui lui annonce une prochaine entrevue. Vous savez sans doute que le Grand-Duc Héritier est attendu le mois prochain à Darmstadt[2], d'où il viendra probablement à Munich, faire une visite à la Duchesse de Leuchtenberg[3]. Ici, on s'attend de voir toute la Famille Impériale dans le courant de l'été prochain. Une chose certaine, c'est l'arrivée de la Gr<ande>-Duchesse Marie avec son époux qui doivent venir ici au mois de août, pour passer tout l'hiver à Munich. Mais il est fortement question aussi d'un voyage que l'Impératrice doit faire, à la même époque, en Allemagne, d'où elle se rendrait en Italie pour y passer l'hiver[4]. Or, si le projet se réalise, il n'y a pas de doute qu'elle passera par ici. Elle s'est trop plu la dernière fois dans le pays, pour ne pas désirer de le revoir, lors même qu'il n'y aurait pas de raisons de famille, pour l'engager à y revenir.

On sait aussi ici que le Comte de Nesselrode avait l'intention de venir l'été prochain en Allemagne, probablement aux eaux de

5 Зак. 7508

Bohème. Je désire beaucoup que cela se fasse. Car toutes ces puissances sont plus accessibles et plus maniables en pays étranger que chez elles. Aussi dès que je le saurai à Carlsbad, j'irai le trouver[5]. Je ne sais pas encore au juste ce que je lui demanderai, mais je demanderai... Une place de secrétaire de légation ne pourrait me convenir. Je ne l'accepterai, en aucun cas. Reste à savoir, s'ils consentiront à me nommer conseiller d'ambassade ou, à défaut d'un poste semblable, à me donner une place un peu convenable au département...

Dernièrement j'ai eu la boucle de service pour quinze ans... C'est une assez triste indemnité pour quinze années de vie — et quelles années. Mais, puisqu'en fin j'étais destiné à y survivre, — acceptons la vie et la boucle telles qu'elles nous viennent. Si seulement on pouvait oublier...

Ce 3 février

Parlons maintenant de mes affaires. Il y a six mois que je me propose de vous en parler. Mais une invincible répugnance m'a empêché jusqu'à présent d'aborder ce sujet. Et si vous n'avez pas, cher papa, parlé le premier, peut-être aurais-je persévéré à me taire. J'ai appris avec peine la gêne du moment que les mauvaises récoltes de l'année dernière vous font éprouver et je serais désespéré de venir dans un pareil moment. Soyez bien persuadé que s'il ne s'agissait que de moi j'aurais dès à présent renoncé de bon cœur et à tout jamais à la pension que vous me faisiez autrefois. Ma femme, sans avoir une grande fortune, en a assez pour nous faire vivre tous les deux, et elle ne demanderait pas mieux que de la dépenser pour moi, jusqu'au dernier sou. Aussi depuis le mois de juillet dernier moi aussi, bien que les enfants, nous vivons entièrement à son frais, et de plus, aussitôt après notre mariage elle a payé pour moi *vingt mille* roubles de dettes. Encore une fois, elle a fait cela avec empressement, avec bonheur, et il n'a pas dépendu d'elle que je n'y attachasse aussi peu d'importance qu'elle y en a mis elle-même.

Mais à tort ou à raison, il m'est tout à fait impossible d'accepter un pareil arrangement comme définitif[6]. Je pourrais peut-être encore me résigner, pour ce qui me concerne personnelle-

ment, à vivre à ses dépens, mais vous comprenez que je ne pourrais consentir à lui imposer à tout jamais l'entretien de mes enfants. C'est déjà bien assez des soins de tout genre qu'elle voue à leur éducation, elle qui jusqu'à présent ne s'est jamais trouvée dans le cas de s'occuper de rien de pareil. Mais si outre les soins je devais encore mettre à sa charge la dépense matérielle de leur entretien et de leur éducation, ceci, je vous avoue, me gâterait tout à fait le bonheur que j'éprouve à avoir gardé ces enfants auprès de moi. Telles sont, cher papa, les raisons qui m'empêchent de renoncer à la pension de 6000 r<oubles> qui vous me ferez et qui font que tout en regrettant, plus que je ne puis le dire, l'embarras que je vous cause, j'accepte avec reconnaissance la promesse que vous me faites dans votre lettre de me la continuer. J'ai tout lieu d'espérer que dans le courant de cet été je réussirai à obtenir une place, soit à l'étranger, soit à St-Pétersbourg. Et si cette place est telle que je le désire, je serais trop heureux de pouvoir alors vous délivrer de la charge que je vous impose en ce moment.

Cette lettre vous trouvera encore à Minsk, pour plus de sûreté. C'est à Nicolas que je l'adresse, en le priant de vous le faire parvenir. Nous avons eu tout récemment de ses nouvelles de Varsovie. Il a écrit à ma femme une lettre très bonne et très aimable, pour lui dire qu'il consentait à être le parrain de l'enfant qui va venir. Mais il se trouve qu'il a un concurrent dans la personne de Mr de *Sévérine* qui veut à toute force être aussi le parrain du dit enfant. Pour moi, je ne demande pas mieux pourvu qu'il soit entendu que Nicolas est le parrain № 1.

Bien des remerciements à ma chère Dorothée pour son souvenir. Elle me pardonnera de ne pas lui écrire séparément, ni aussi longuement que je le voudrais.

Je pense bien souvent à elle et lui fais vœux les plus sincères pour qu'elle soit heureuse. Comment va sa santé? Votre présence, chère maman, doit lui être d'une grande consolation. Restez-vous encore longtemps à Minsk? Dans sa lettre à ma femme il y a un souvenir que je lie pour moi à tout ce que j'ai de plus cher et de plus intime dans l'âme. C'est celui de ce pauvre enfant qu'elle a perdu — né le jour même de mon départ d'auprès de vous et mort

sur les bras de celle qui n'a pas tardé à le suivre[7]. Il serait beau d'aller les rejoindre.

Adieu, chers papa et maman. J'attends impatiemment de vos nouvelles. Il y a dans votre dernière lettre un mot sur la santé de maman qui m'inquiète beaucoup. Que Dieu vous conserve et vous protège et qu'Il daigne nous accorder la grâce de nous revoir encore une fois. — A bientôt.

Mes amitiés à Mr Сушков.

Целую ваши ручки.

Ф. Тютчев

Перевод:

Мюнхен. 1 февраля/20 января 1840

Я опять очень виноват перед вами, любезнейшие папинька и маминька. За истекшие полтора месяца не проходило ни одного дня, чтобы я не укорял себя за то, что день прошел, а я опять не написал вам. Ваше последнее письмо, полученное мною несколько дней тому назад, послужило наконец для меня примером. Благодарю вас за добрые и сердечные слова, сказанные вами в этом письме о моей жене. Она во всех отношениях заслуживает благоприятного мнения, которое вы о ней составили. Нельзя быть лучше нее, более искренней, более любящей и преданной. Вы несомненно полюбите ее, как только узнаете.

С огорчением вижу из вашего письма, что вы гораздо более озабочены моим здоровьем, нежели есть к тому основание. С тех пор как полтора месяца тому назад я начал лечение водою, я ощущаю улучшение, на какое не смел уже и надеяться. Благотворное действие этого лечения доказало мне теперь, что причина моей болезни кроется в нервах, ослабленных и чрезмерно возбужденных. Все же остальные мои недуги были лишь следствием этого. А ведь известно, что холодная вода и свежий воздух являются единственным средством для укрепления нервов. Я не могу достаточно нарадоваться тому, что по какому-то безотчетному чувству уже давно отказался от всяких аптекарских снадобий. Именно

это и способствует теперь успеху всего лечения. С тех пор как я его начал, мой аппетит заметно улучшился, и все, кто меня видит, сходятся на том, что я поправился. Вот, любезнейшая маминька, бюллетень, который, я надеюсь, должен вас удовлетворить. А окончательно вас успокоит на мой счет то, что при мне находится некто, чья способность тревожиться за мое здоровье по всякому поводу и без всякого повода может сравняться лишь с той, какую я знавал когда-то у вас самих. Ибо уж, конечно, не вина моей жены, если до сего времени я еще не уверился в том, что слеплен из снега и при первом солнечном луче растаю и испарюсь.

Мы сейчас в самом разгаре карнавала. Балы чередуются без перерыва. Мы много бываем в свете. Я бываю там скорее по необходимости, чем по склонности, ибо развлечение, какое бы то ни было, стало для меня настоящей потребностью. Недавно *Северин* дал один из прекраснейших балов сезона. Я говорил вам, кажется, что Северин возымел ко мне большую привязанность, за что я плачу ему взаимностью, скорее из признательности, чем из симпатии. Его положение в этой стране довольно странное. Король[1] очень хорошо обходится с ним, уважает его и ценит, — зато он совсем не по вкусу мюнхенскому обществу. Вчера он получил письмо от Жуковского, который его уведомляет о предстоящем свидании. Вы без сомнения знаете, что великого князя наследника ожидают в будущем месяце в Дармштадт[2], откуда он, вероятно, приедет в Мюнхен навестить герцогиню Лейхтенбергскую[3]. Здесь рассчитывают видеть все императорское семейство в течение будущего лета. Достоверно одно, это приезд великой княгини Марии Николаевны с супругом, которые должны прибыть сюда в августе, чтобы провести всю зиму в Мюнхене. Упорно поговаривают и об одновременном путешествии императрицы в Германию, откуда она будто бы отправится на всю зиму в Италию[4]. А если этот проект осуществится, нет сомнения в том, что по дороге она заедет сюда. В последний раз ей так понравилось в этих краях, что она несомненно пожелает снова их увидеть, даже если ее и не будут к тому побуждать семейные причины.

Здесь известно также, что граф Нессельроде собирается приехать будущим летом в Германию, вероятно, на Богемские воды. Я очень желаю, чтобы это состоялось. Ибо все эти сильные мира более доступны и более покладисты за границей, нежели у себя дома. Поэтому, как только я узнаю, что он в Карлсбаде, я к нему отправлюсь[5]. Я еще не знаю в точности, о чем я буду его просить, но я буду просить... Должность секретаря при миссии для меня не подходит. Я ни в коем случае не приму ее. Но еще вопрос, согласятся ли они назначить меня советником посольства или, за неимением подобного поста, дать мне более или менее подходящее место в департаменте...

Недавно я получил значок за пятнадцать лет службы... Это довольно жалкое вознаграждение за пятнадцать лет жизни — и каких лет! — Но уж раз мне суждено было их пережить — примиримся с жизнью и со значком — каковы бы они ни были. Кабы только можно было забыть...

3 февраля

Теперь поговорим о моих делах. Вот уже полгода, как я собираюсь писать вам о них. И если бы вы, любезнейший папинька, не заговорили первый, я, может статься, продолжал бы упорно молчать. Я с огорчением узнал о временных затруднениях, испытываемых вами вследствие прошлогоднего неурожая, и в отчаянии, что обращаюсь к вам в подобную минуту. Будьте вполне уверены, что если бы дело касалось меня одного, я бы тотчас и навсегда охотно отказался от пенсиона, который вы мне давали прежде. Моя жена, не обладая большими средствами, имеет достаточно для содержания нас обоих, и готова все свое состояние до последней копейки истратить на меня. С прошлого июля и я, и дети, мы всецело живем на ее счет, а сверх того тотчас после нашей свадьбы она уплатила за меня *двадцать тысяч* рублей долгу. Повторяю, она сделала это охотно, с радостью, и не от нее зависело, чтобы я не придавал этому столь же мало значения, сколь и она сама. Но справедливо ли, нет ли, я никак не могу согласиться на такой порядок, как на окончательный[6]. Что касается меня лично, я еще мог бы покориться необходимости жить на ее счет,

но вы понимаете, что мне невозможно навязывать ей навсегда содержание моих детей. Вполне достаточно и тех разнообразных забот по их воспитанию, которые она взяла на себя, а ведь ей до сих пор никогда не приходилось заниматься чем-либо подобным. Но если сверх этих забот я еще должен был бы взвалить на нее расходы на их содержание и на их воспитание, то, признаюсь, это совсем расстроило бы счастье, испытываемое мною от того, что дети остались при мне. Таковы, любезнейший папинька, основания, не дозволяющие мне отказаться от выплачиваемых вами 6000 рублей, и хотя я несказанно огорчен тем, что причиняю вам затруднение, я с благодарностью принимаю обещание, данное вами в письме, продолжать выплачивать мне этот пенсион. Я имею основания надеяться, что в течение этого лета мне удастся получить место либо за границей, либо в С.-Петербурге, и если оно будет таким, как мне бы хотелось, я с радостью избавлю вас от обузы, которую навязываю вам сейчас.

Это письмо застанет вас еще в Минске; для большей верности я адресую его Николушке с просьбой доставить его вам. Совсем недавно мы имели от него известия из Варшавы. Он написал моей жене очень ласковое и очень любезное письмо, уведомляя ее о своем согласии быть крестным отцом будущего ребенка. Но у него оказался соперник в лице *Северина*, который также во что бы то ни стало желает быть крестным отцом упомянутого ребенка. Что касается до меня, я ничего не имею против этого, с условием, чтобы Николушка был крестным отцом № 1.

Очень благодарю мою милую Дашиньку за память. Она извинит меня за то, что я не пишу ей отдельно и не столь пространно, сколь желал бы. Я очень часто думаю о ней и искренне желаю ей счастья. Как ее здоровье? Ваше присутствие, любезнейшая маминька, должно служить для нее большим утешением. Долго ли еще пробудете вы в Минске? В ее письме к моей жене есть упоминание о том, что мне так дорого и что хранится так глубоко в моей душе. Это упоминание о бедном ребенке, которого она потеряла, — родившемся в самый день моего отъезда от вас и умершем на руках той,

которая не замедлила за ним последовать[7]. Хорошо было бы соединиться с ними.

Простите, любезнейшие папинька и маминька. С нетерпением жду известий о вас. В вашем последнем письме упоминается о здоровье маминьки, оно очень беспокоит меня. Сохрани и защити вас Господь и дай нам милость увидеться еще раз — и скоро.

Передайте мой дружеский привет Сушкову...

Целую ваши ручки.

Ф. Тютчев

55. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

14/26 апреля 1840 г. Мюнхен

Минхен. 14 апреля 1840

Je ne veux pas, chers papa et maman, laisser passer la grande fête de ce jour sans vous offrir mes félicitations... Je rentre à l'instant même de la messe où j'ai fait communier Anna à laquelle j'ai fait faire ses dévotions, la semaine dernière... Bien qu'il y ait déjà plusieurs années que je n'ai vu cette fête célébrée en Russie je n'ai jamais pu m'accoutumer à la voir revenir, sans éprouver *le mal* du pays et ce n'est pas la seule circonstance dans l'année où je fais l'expérience que les impressions de l'enfance rajeunissent à mesure que l'homme vieillit.

Вы где встретили праздник? С кем вы разгавливались? И вспомнили ли вы обо мне?..

Maintenant j'ai à vous annoncer une nouvelle que vous avez probablement déjà apprise par Nicolas. Ma collection de demoiselles vient de s'enrichir d'une petite fille[1] de plus dont ma femme est accouchée le mois dernier, l'enfant a été baptisé par le prêtre grec, sous le nom de Marie, Sévérine en a été le parrain et maman a été représentée par Clotilde dans ses fonctions de marraine. L'accouchement avait été des plus heureux. Mais ma femme s'étant obstinée, contre mon avis, à nourrir la petite, a cruellement expié cette malencontreuse tentative. Outre qu'elle s'est vue obligée à y renoncer, dès le cinquième jour, par suite d'un engorgement de lait au sein, il lui est venu, à ce malheureux sein, plusieurs

abcès qui lui ont fait souffrir l'impossible pendant des semaines entières et m'ont abîmé les nerfs pour des mois. Maintenant elle est mieux. Mais il faudra beaucoup de soins et régime, pour qu'elle soit entièrement rétablie. Le médecin lui recommande avant tout le séjour de la campagne et les bains froids, et elle a pris en conséq<uence> une maison à *Tegernsee*[2] où l'on peut mieux qu'ailleurs réaliser cette double condition et dont le séjour devient d'année en année plus animé et plus brillant. Entr'autres personnes qui doivent y passer l'été je me fais une véritable fête de revoir Mad. de Krüdener qui est attendue ici vers l'époque de l'arrivée de l'Impératrice en Allemagne et qui passera dans ce pays-ci tout le temps que l'Impératrice restera à Ems.

Le Grand-Duc Héritier est toujours à Darmstadt, et c'est le mois prochain que je compte y aller pour lui faire ma cour et lui rappeler dans l'occasion ses gracieuses promesses de l'année dernière. Je viens d'écrire à ce sujet à Joukoffsky[3], par Sévérine, qui veut d'y aller et qui certainement l'emportera de son mieux en ma faveur auprès du C<om>te Orloff[4] qui a beaucoup d'amitié pour lui. Ce qui me fait faute, ce n'est pas tant les personnes dont je puis réclamer l'appui que de savoir ce que je dois demander. Je ne veux plus de la position d'un secrétaire de légation — et un poste supérieur, comme celui d'un conseiller de légation ou d'un ch<argé> d'aff<aire>s, est plus difficile encore à trouver qu'à obtenir. Et pour finir, ce que j'ai à vous dire de moi, sur le chapitre du service, j'ai à vous annoncer que j'ai avancé en grade de conseiller de collège, avec deux années d'ancienneté et que de plus, j'ai eu finalement la fameuse boucle pour *15 ans*[5].

Il n'y a que mes réclamations d'argent auxquelles le Ministère n'a pas fait droit jusqu'à présent. Il me doit encore cinq mois de mon traitement de ch<argé> d'aff<aire>s à Turin.

En attendant j'ai reçu par Constantin T<olboukhine>[6] de Pétersb<ourg> la lettre de change de 2000 r<oubles> que vous avez eu la bonté de m'envoyer et dont je vous remercie bien sincèrement. Je voulais aussitôt après avoir reçu la lettre de T<olboukhine> lui en accuser réception. Mais j'ai garé l'adresse qu'il m'avait envoyé et me suis trouvé forcé d'ajourner indéfiniment ma réponse.

Je suppose que la lettre que je vous écris en ce moment vous trouvera déjà établis à *Овстуг*, et c'est pour cette raison que je vous l'adresse à Moscou. Quant à Nicolas, en dépit de la promesse et des telles que je lui écris, je n'ai pas réussi depuis des mois à obtenir un signe de vie de lui. Je m'adresse à vous pour avoir de ses nouvelles, ainsi que de Dorothée.

Mes filles se portent à charme, toutes les 4. Rien que ce soit assurément une chose affreuse que d'avoir quatre filles, elles sont, de l'avis de tout le monde, assez gentilles pour me consoler de ce malheur. En effet, elles sont très bien. Ma femme est parfaite pour les enfants et s'en occupe avec une tendresse que je ne puis assez reconnaître. Elle me charge de vous offrir ses respects et se propose de vous écrire aussitôt qu'elle aura recouru un peu plus de forces. Quant à ma santé, elle est au total beaucoup meilleure que par le passé. Cependant le retour du printemps m'a valu, ces jours derniers, comme une recrudescence de mon mal habituel.

P. S. Je ne puis terminer cette lettre sans m'acquitter de la commission dont m'a chargé auprès de vous le vieux C<om>te Tolstoy. Я сейчас от него. Ходил с ним христосоваться. Он много расспрашивал меня про вас и много рассказывал про связи свои с маминькиною роднею — Львом Васильев<ичем>, Михайлой Льв<овичем>[7] и т. д. Очень вас любит и непременно хочет, чтобы я был его внуком. Каждый раз я должен обещать, что буду вам кланяться. — Простите. Целую ваши ручки и еще раз поздравляю с великим праздником.

Перевод:

Мюнхен. 14 апреля 1840

Я не хочу, любезнейшие папинька и маминька, пропустить сегодняшний великий праздник без того, чтобы принести вам свои поздравления... Я только что вернулся от обедни, куда водил причащаться Анну, так как по моему желанию она говела на прошлой неделе... Хотя я уже несколько лет не присутствовал на праздновании этого дня в России, я никак не могу привыкнуть к тому, чтобы встретить его наступление без *тоски* по родине, и это не единственное обстоятельство в

году, когда я познаю на опыте, что впечатления детства молодеют по мере того, как человек стареет.

Вы где встретили праздник? С кем вы разгавливались? И вспомнили ли вы обо мне?..

Теперь я должен объявить вам новость, которую вы, вероятно, уже узнали от Николушки. Моя коллекция барышень обогатилась еще девочкой[1], которую моя жена родила в прошлом месяце. Ребенок был окрещен с именем Марии греческим священником. Северин был крестным отцом, а маминьку в ее обязанностях крестной матери заменяла Клотильда. Роды были самые благополучные, но жена, вопреки моему совету, настояла на том, чтобы кормить малютку, и жестоко поплатилась за эту злосчастную попытку. Кроме того, что уже на пятый день ей пришлось отказаться от этого вследствие застоя молока в груди, на ней появилось несколько нарывов, которые причиняли жене невыносимые страдания в течение долгих недель и на месяцы расшатали мне нервы. Сейчас ей лучше, но потребуется тщательный уход и режим, чтобы она вполне поправилась. Доктор рекомендует ей прежде всего пребывание в деревне и холодные ванны, ввиду чего она наняла дом в *Тегернзее*[2], где можно лучше, чем в другом месте, осуществить это двойное условие и где жизнь с каждым годом становится все более оживленной и блестящей. Я заранее радуюсь тому, что среди других лиц, которые должны провести там лето, снова увижу госпожу Крюденер, ее ожидают здесь ко времени прибытия императрицы в Германию, и она останется в этих краях, пока императрица будет в Эмсе.

Великий князь наследник все еще в Дармштадте, и в будущем месяце я рассчитываю поехать туда, чтобы представиться ему и при случае напомнить его милостивые обещания, данные в прошлом году. Я только что написал по этому поводу Жуковскому[3] через Северина, который туда поехал и который, несомненно, будет изо всех сил хлопотать за меня перед графом Орловым[4], имеющим к нему большую приязнь. Заминка для меня заключается не столько в лицах, чьей поддержки я могу искать, сколько в том, что я не знаю, чего просить. Я не хочу должности секретаря миссии, а более высокий пост, как,

например, советника миссии или поверенного в делах, труднее найти, чем получить. Чтобы покончить с тем, что я хочу сказать вам о себе касательно службы, я должен объявить вам, что был произведен в чин коллежского советника с двумя годами старшинства и сверх того получил наконец пресловутый значок за *15 лет*[5]. Вот только мои ходатайства о деньгах министерство до сих пор оставляет без внимания. Оно еще не уплатило мне пятимесячного оклада за время моего пребывания в Турине. Пока я получил через Константина Толбухина[6] из Петербурга вексель на 2000 рублей, который вы были так добры, что послали мне, и за который я вас очень искренне благодарю. Я хотел тотчас по получении письма Толбухина ответить ему, но потерял присланный им адрес и оказался вынужденным отложить ответ на неопределенное время.

Полагаю, что письмо, которое я вам сейчас пишу, придет к вам, когда вы уже обоснуетесь в *Овстуге*, и потому адресую его на Москву. Что касается до Николушки, то, несмотря на его обещание и на мои письма, вот уже несколько месяцев, как я не могу добиться от него никакого признака жизни. Обращаюсь к вам, чтобы получить известия о нем, равно как и о Дашиньке.

Все мои четыре дочери чувствуют себя прекрасно. Хотя, конечно, ужасно иметь четырех дочерей, они, по общему мнению, достаточно милы, чтобы вознаградить меня за это несчастье. Они, правда, очень миленькие. Моя жена безупречна по отношению к детям и занимается ими с нежностью, за которую я ей так признателен, что трудно выразить. Она поручает мне передать вам ее почтение и собирается написать вам, как только почувствует себя получше. Что касается до моего здоровья, то в общем оно гораздо лучше, нежели прежде. Однако возвращение весны отозвалось на мне в последние дни как бы обострением моего обычного недуга.

P. S. Я не могу окончить этого письма, не исполнив поручения, данного мне старым графом Толстым. Я сейчас от него. Ходил с ним христосоваться: Он много расспрашивал меня про вас и много рассказывал про связи свои с маминькиною роднею — Львом Васильевичем, Михайлой Львовичем[7] и т. д.

Очень вас любит и непременно хочет, чтобы я был его внуком. Каждый раз я должен обещать, что буду вам кланяться. — Простите. Целую ваши ручки и еще раз поздравляю с великим праздником.

56. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

2/14 июля 1840 г. Тегернзее

Tegernsee. Ce juillet 1840

J'ai reçu, chers papa et maman, la lettre que vous m'avez écrite aussitôt après votre arrivée à Ovstoug. Elle m'a fait grand plaisir. J'avais bien besoin d'avoir de vos nouvelles, car le long silence joint à l'incertitude où j'étais sur l'endroit où vous vous trouviez ne laissait pas de m'inquiéter. Merci encore une fois de votre lettre, ainsi que de l'envoi de la lettre de change y compris le cadeau de maman pour sa petite filleule qui se porte à charme ainsi que ses sœurs. Toutes les quatre, à part ce nombre, réussissent assez bien pour me faire éprouver dès à présent même beaucoup de satisfaction à les avoir.

Je reconnais bien volontiers que je dois en grande partie ce résultat à l'influence de ma femme qui a pris pour elle seule toute la partie des soins et du tracas pour ne me laisser que le plaisir de leur possession. Ce qui me rend particulièrement heureux, c'est de voir que les enfants se sont attachés à elle, plus qu'ils ne l'ont jamais été à personne.

Je voudrais bien que vous connaissiez ma femme. Vous l'aimeriez à coup sûr. On ne saurait imaginer une nature meilleure, plus affectueuse et plus vraie.

Nous sommes établis ici depuis bientôt six semaines, mais jusqu'à présent l'horrible temps qu'il n'a cessé de faire nous a singulièrement gâté l'agrément du séjour. Nous n'avons pas eu depuis notre arrivée deux jours de suite sans pluie et à l'heure qu'il est nous sommes obligés à faire du feu dans les chambres. Que cela ressemble peu à l'Italie où je me trouvai l'année dernière à pareille époque — et cependant à peine vingt heures de voyage nous séparent de cette bienheureuse Italie où l'on voit le soleil tous les jours de l'année.

A part le désagrément de la saison, on est fort bien ici en ce moment. Plusieurs familles de notre société à Munich sont établies ici à demeure et, grâce à la proximité, les visiteurs de la ville ne nous manquent guères. Ces jours-ci nous avons été dans les fêtes à cause de Mad. de Krüdener arrivée ici depuis un mois et dont nous avons célébré dernièrement la fête[1]. C'est le frère du Roi, le Prince Charles[2] qui en a fait les frais. Il a beaucoup d'amitié pour Mad. de Krüdener et comme d'ailleurs il est d'une galanterie extrême, il n'a pas manqué de venir tout exprès de Munich et lui offrir le jour de sa fête un grand dîner auquel il avait invité toutes les personnes de sa connaissance qui se trouvent à T<egernsee>. Malheureusement celle à qui la fête était offerte fut la seule qui ne pût pas y prendre part à cause d'une légère indisposition qui l'a obligée de garder sa chambre ce jour-là.

Vous connaissez l'attachement que je porte à Mad. de Kr<üdener> et vous pouvez facilement vous représenter le plaisir que j'ai eu à la revoir. Après la Russie c'est ma plus ancienne affection. Elle avait 14 ans quand je l'ai vue pour la première fois, et aujourd'hui, le 2/14 juillet, son fils aîné vient d'accomplir sa quatorzième année. Elle est toujours bien belle, et notre amitié heureusement n'a pas plus changé que sa personne.

Entre autres personnes de ma connaissance[3] à Tegernsee il y en a aussi de la vôtre. Ce sont le g<énéra>l Мансуров et sa femme, née Troubetskoy, arrivés de Berlin[4]. Ils ont été ici l'été dernier et ont pris ce pays en telle affection qu'ils n'ont pu résister à l'envie de le revoir. Mais jusqu'à présent la saison a été si constamment détestable qu'il peut bien se faire que leur prédilection pour T<egernsee> ne survive pas à cette seconde visite. Mad. Mansouroff m'a demandé avec grand intérêt de vos nouvelles, ainsi que de celles de Dorothée et m'a bien recommandé de la rappeler à votre souvenir. Elle a vieilli, mais elle est toujours aimable et excellente personne, comme par le passé.

J'ai été bien heureux de ce que vous me dites dans votre dernière lettre, chers papa et maman, au sujet de Dorothée et de son ménage. Après y avoir passé huit mois entiers vous êtes à même d'en juger en parfaite connaissance de cause, et il m'a été bien doux d'apprendre par vous-mêmes que vous êtes rassurés sur

son bonheur. Nicolas que je présume toujours à Varsovie, m'a donné enfin un signe de vie. Il m'annonce la résolution qu'il vient de prendre et que j'approuve fort de se retirer du service pour s'établir auprès de vous. Peu de nouvelles auraient pu me faire autant de plaisir que celle-là, car l'idée de vous savoir seuls à votre âge me tourmente et me persécute souvent comme un remords, et sans la toute puissante tyrannie des circonstances il y a longtemps que cette idée m'aurait ramené auprès de vous.

Adieu. Que je sache au moins que vous vous portez bien.

Перевод:

Тегернзее. Июль 1840

Я получил, любезнейшие папинька и маминька, письмо, которое вы написали мне тотчас по прибытии в Овстуг. Оно доставило мне большое удовольствие, мне очень не хватало известий от вас, ибо это долгое молчание, в связи с неуверенностью, в какой я находился относительно вашего местопребывания, не давало мне покоя. Еще раз благодарю за ваше письмо, также как за присылку векселя, включая и маминькин подарок ее маленькой крестнице, которая чувствует себя превосходно, равно как и ее сестры. Все четыре, невзирая на это число, уже сейчас довольно успешно добились того, что мне доставляет большое удовлетворение их иметь. Я весьма охотно признаю, что в значительной степени обязан этим результатом влиянию моей жены, которая взяла на себя одну все заботы и хлопоты о детях, предоставив мне лишь удовольствие обладать ими. Что особенно меня радует, это то, что дети привязались к ней более, нежели когда-либо были к кому-нибудь привязаны.

Я очень желал бы, чтобы вы познакомились с моей женой. Вы, конечно, полюбили бы ее. Трудно представить себе существо более достойное, более любящее и более искреннее.

Вот уже почти шесть недель, как мы здесь обосновались, но до сих пор не прекращавшаяся ужасная погода чрезвычайно портила нам приятность здешнего пребывания. Со времени нашего приезда не было двух дней сряду без дождя, и сейчас

мы вынуждены топить печи. Как это мало похоже на Италию, где я находился в прошлом году об эту пору, — и однако едва лишь двадцать часов пути отделяет нас от благословенной Италии, где круглый год каждый день сияет солнце.

За исключением погоды, которая портит настроение, здесь сейчас очень хорошо. Здесь основались на жительство несколько семейств из нашего мюнхенского общества, и благодаря близости города мы не испытываем недостатка в посетителях. Эти дни мы вовсю предавались празднествам благодаря госпоже Крюденер, она приехала сюда месяц тому назад, и намедни мы справляли ее именины[1]. Заботу обо всем взял на себя принц Карл, брат короля[2]. Он очень дружески расположен к госпоже Крюденер, а так как он к тому же чрезвычайно любезен, то не упустил случая нарочно приехать из Мюнхена, чтобы в день ее именин дать в ее честь большой обед, на который пригласил всех ее знакомых, находящихся в Тегернзее. К несчастью, виновнице торжества, единственной из всех, не пришлось принять в нем участия по причине легкого нездоровья, принудившего ее не выходить в этот день из дома. Вы знаете мою привязанность к госпоже Крюденер и можете легко себе представить, какую радость доставило мне свидание с нею. После России это моя самая давняя любовь. Ей было четырнадцать лет, когда я увидел ее впервые. А сегодня, 2/14 июля, четырнадцать лет исполнилось ее старшему сыну. Она все еще очень хороша собой, и наша дружба, к счастью, изменилась не более, чем ее внешность.

Среди других моих знакомых[3] в Тегернзее есть и ваши. Сюда приехали из Берлина генерал Мансуров и его жена, урожденная Трубецкая[4]. Они были здесь прошлым летом и так пристрастились к этой местности, что не могли устоять против желания снова увидать ее. Но до сих пор погода была столь неизменно отвратительна, что, может статься, их пристрастие к Тегернзее не переживет этого второго посещения. Госпожа Мансурова с большим участием справлялась о вас и о Дашиньке и очень просила меня передать вам поклон. Она постарела, но такая же любезная и милая, как и прежде.

Меня очень порадовало то, что вы говорите в вашем последнем письме, любезнейшие папинька и маминька, о Дашиньке и ее семейной обстановке. Проведя у нее целых восемь месяцев, вы в состоянии судить об этом вполне определенно, и мне было очень приято узнать от вас самих, что вы успокоились касательно ее счастья. Николушка, который, как я полагаю, все еще находится в Варшаве, подал наконец признак жизни; он объявляет мне о только что принятом им решении, которое я весьма одобряю, оставить службу и поселиться с вами. Мало есть известий, которые могли бы так меня обрадовать, как это, ибо мысль, что вы в вашем возрасте одни, зачастую терзает и преследует меня подобно угрызению совести, и не будь всемогущей тирании обстоятельств, эта мысль уже давно возвратила бы меня к вам. Простите. Хотя бы мне знать по крайней мере, что вы здоровы!

57. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

19/31 августа 1840 г. Мюнхен

Ce 31 août 1840

Merci, ma chatte, pour ta lettre que je viens de trouver, en rentrant, sur ma table et qui m'a remis de la plus sotte partie de plaisir que j'ai jamais faite et dont j'ai quelque droit de me considérer comme le principal auteur. Hier, ayant dans mes flâneries du matin aperçu un imprimé annonçant pour aujourd'hui une *Extrafahrt* sur le chemin de fer[1], j'y ai entraîné les Maltitz et la petite bossue[2].

Nous sommes partis à 4 h<eures> et nous devions être de retour à 6. Au lieu de cela il sonnait 10 h<eures> quand nous sommes rentrés en ville. Mais aussi le désordre, l'anarchie, l'absurdité qui règnent dans cet établissement sont à peine imaginables. Il faut que la même Providence, qui veille sur les enfants et les gens ivres, protège aussi cette entreprise. Il n'y a que cette intervention qui puisse empêcher les accidents les plus graves... Nous étions là, au nombre 4 à 5 mille personnes, dans l'obscurité la plus complète, sur le bord de la grande route à attendre l'arrivée d'un convoi pour nous jeter dessus, dès qu'il paraîtrait, et

condamnés à prendre les voitures d'assaut sous peine, en cas de non-succès, de passer la nuit à la belle étoile, à 5 lieues de Munich. Les cris, les coups, le danger de tomber sous les roues, un diable de feu d'artifice, tiré pour l'amusement de je ne sais qui... tout cela réuni nous a valu quelques moments où j'ai délicieusement joui de ton absence. La presse était telle que la petite bossue, que je traînais à la remorque, a manqué y laisser sa bosse. Plusieurs centaines de personnes ne rentreront pas à Munich avant demain matin. Mais aussi il y aura demain une belle clameur contre la direction — avec un public moins bénin, demain il ne resterait pas une vitre d'intacte aux fenêtres de la maison du Mr Maffée, le directeur[3].

Hier Mad. de Berchem (Eichthal) est accouchée d'une fille[4]. L'accouchement a été fort heureux. J'irai demain savoir de ses nouvelles.

Je suis bien aise que les Mentque[5] se plaisent à T<egernsee> et sais gré à lui, Mentque, de n'avoir pas apostrophé les montagnes de sa terrible phrase: «*Mais qu'est-ce que cela signifie?*»

Je les verrai probablement ici à leur passage, car il ne me sera guères possible, malgré toute l'envie que j'en ai de revenir auprès de toi vendredi prochain, la Grande-Duchesse[6] arrive après-demain et étant à Munich, je ne puis décidément en repartir sans l'avoir vue. Je serai très fâché, si ce retard faisait manquer ton voyage à l'Amergau[7], mais d'autre part je doute fort que tu en eusses retiré beaucoup de plaisir. Déjà la dernière fois lorsque les Maltitz y ont été, il n'y avait moyen de se procurer une chambre dans l'endroit même. On va coucher à deux postes plus loin et on est obligé de se lever à trois heures du matin pour arriver à temps pour l'ouverture du spectacle. Y a-t-il beaucoup de plaisir que tu voulusses payer de ce prix-là.

Перевод:

31 августа 1840

Спасибо тебе, моя кисанька, за письмо, которое я, возвратясь домой, нашел у себя на столе; оно успокоило меня после глупейшей увеселительной поездки, какую я когда-либо со-

вершал и виновником коей я в некоторой степени имею право считать самого себя. Прочитав вчера, во время своей утренней прогулки, объявление о назначенном на сегодня *Extrafahrt** по железной дороге[1], я увлек в эту поездку Мальтицев и маленькую горбунью[2].

Мы уехали в 4 часа и должны были возвратиться в 6. Вместо того мы вернулись в город, когда било 10 часов. Поистине беспорядок, анархию, глупость, царящие в этом учреждении, трудно себе представить. Очевидно, Провидение, хранящее детей и пьяниц, покровительствует и этому предприятию. Только вмешательство Провидения способно оградить его от страшнейших несчастий... 4–5 тысяч человек в полнейшей тьме, у большой дороги, ожидали поезда с тем, чтобы броситься в него, как только он появится, и вынуждены были брать вагоны приступом, боясь, что в случае неудачи придется провести ночь под открытым небом, в 5 милях от Мюнхена. Вопли, толкотня, опасность упасть под колеса, какой-то дьявольский фейерверк, пущенный неизвестно для чьей забавы... все это заставило меня пережить несколько мгновений, когда я искренне порадовался твоему отсутствию. Давка была такая, что маленькая горбунья, которую я тащил на буксире, чуть было не потеряла свой горб. Несколько сот человек возвратятся в Мюнхен не ранее завтрашнего утра. Но зато — завтра, несомненно, подымется страшный ропот против дирекции. Если бы публика не была столь добродушна, ни одного стекла не уцелело бы завтра в окнах управляющего — г-на Маффе[3].

Вчера госпожа Берхем (Эйхталь) родила дочь[4]. Роды прошли вполне благополучно. Завтра зайду справиться о ней.

Я очень рад, что Менткам[5] нравится в Тегернзее, а Ментку признателен, что он не встретил горы своей ужасной фразой: «*Ну и что такого?*» Я увижусь с ними, вероятно, здесь, когда они будут проездом, ибо мне, при всем желании, в будущую пятницу едва ли удастся приехать к тебе. Великая княгиня[6] прибудет послезавтра, а раз я нахожусь в Мюнхене, я не смо-

* специальном рейсе (*нем.*).

гу выехать отсюда, не повидавшись с нею. Я буду очень раздосадован, если из-за этой задержки тебе не придется съездить в Амергау[7], но, с другой стороны, сильно сомневаюсь, чтобы эта поездка доставила тебе большое удовольствие. Еще в прошлый раз, когда туда ездили Мальтицы, не было возможности достать комнату в городке. Придется ездить ночевать на два перегона дальше и вставать в три часа утра, чтобы попасть к началу представления. Найдется ли развлечение, которое ты согласилась бы оплатить такою ценою?

58. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

22 августа/3 сентября 1840 г. Мюнхен

Ce jeudi. Matin

Je t'écris à la hâte, ma chatte chérie. C'est ce matin que nous allons chez la dite G<rande>-Duchesse, et tu sais qu'avec le Brochet[1] il faut toujours faire une large part au temps. Il n'y a rien d'accéléré dans ces procédés. Tout cela n'empêche pas que la véritable Gr<ande>-Duchesse ne soit toi, la G<rande>-Duchesse de mon coeur et que j'aie une mortelle envie de te rejoindre au plutôt. J'espère bien que cela pourra se faire samedi prochain. En attendant je t'envoie les papiers des Mentque, les p<asse>ports et le certificat. Quant aux laissez-passer il n'y faut pas compter. Les missions ici ne sont pas dans l'habitude d'en délivrer. Ce n'est pas sans peine que j'ai réussi à obtenir le visa de Colloredo, car dans la règle il est défendu aux légations autrichiennes de viser des p<asse>ports pour une destination qui ne se trouve pas exprimé dans le p<asse>port primitif visé par leur ambassade à Paris. Je compte bien encore retrouver les Mentque à Tegernsee.

Tout ce que tu me dis au sujet de la g<ouvernan>te me paraît très vrai. Nous en reparlerons. Dans tous les cas je te donne carte blanche d'agir et de décider, comme tu l'entends. La difficulté est toujours dans le manque de place. Je vais retourner dans la maison W<ihan>[2] pour étudier le terrain et pour obtenir, s'il est possible, une réponse définitive.

Je n'ai pas vu encore la Krüdener qui depuis son retour à M<unich> n'a pas encore quitté son lit. Son mari m'a dit que

même comme voyageurs ils ont suffisamment éprouvé l'action de cette tristesse particulière à l'Italie pour y avoir pleinement compris et absous mon évasion de l'année dernière.

Je te remercie, ma chatte, de la nouvelle que tu me donnes. Soigne-toi bien, je t'en prie. Evite la fatigue plus que jamais. Je tiens à te retrouver bien portante et bonne mine ayante.

Quant à l'argent, j'ai dit à Eichthal de te l'envoyer directement.

Bonjour, ma chatte. Si je persistais à remplir tout ce blanc qui me reste encore, cela me prendrait trop de temps et compromettrait mes préparatifs... Ainsi adieu, à samedi. J'embrasse les enfants depuis A — M[3].

Перевод:

Четверг. Утром

Пишу тебе, милая моя кисанька, второпях. Сегодня утром мы должны быть у известной тебе великой княгини, а как ты знаешь, со Щукой[1] всегда тратишь много времени. Он никогда не торопится. Все это не мешает тебе быть истинной великой княгиней — великой княгиней моего сердца, с которою мне хочется свидеться как можно скорее. Очень надеюсь, что это осуществится в будущую субботу. А пока посылаю тебе бумаги Ментков, паспорта и свидетельство. Что касается до пропусков, то на них рассчитывать нельзя. Здешние миссии обычно их не выдают. Визы Коллоредо я исхлопотал не без труда, ибо по правилам — австрийским миссиям запрещено давать визы на проезд в местности, не указанные в самом паспорте, завизированном австрийским посольством в Париже. Я надеюсь еще застать Ментков в Тегернзее.

Все, что ты сообщаешь насчет гувернантки, кажется мне весьма правильным. Об этом мы еще поговорим. Во всяком случае, предоставляю тебе полную свободу действовать и решать по-своему. Вся трудность заключается по-прежнему в недостатке места. Я еще раз побываю в доме Вихана[2], чтобы все выяснить и добиться, если возможно, окончательного ответа.

Я еще не виделся с Крюденершей; со времени своего возвращения в Мюнхен она не встает с постели. Ее муж сказы-

вал мне, что даже будучи в качестве путешественников, они в полной мере испытали грусть, которою обычно ощущаешь в Италии, и потому вполне понимают и оправдывают мое прошлогоднее бегство.

Благодарю тебя, моя кисанька, за присланную весть. Береги себя хорошенько, прошу тебя. Больше чем когда-либо избегай усталости. Мне хочется увидеть тебя здоровой и поправившейся.

Что касается денег, я сказал Эйхталю, чтобы он выслал их прямо тебе.

Прости, моя кисанька. Если бы я захотел во что бы то ни стало исписать все остающееся свободное место, это отняло бы у меня много времени и помешало бы моим приготовлениям... Итак, прости, — до субботы. Целую детей от А. до М.[3]

59. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Октябрь 1840 г. Мюнхен

Минхен. Октябрь

J'ai reçu les jours derniers, chers papa et maman, la lettre que vous m'avez écrite le mois passé en commun avec Nicolas, et je suis bien aise de le savoir auprès de vous. Je ne puis assez l'exhorter à persévérer dans l'heureuse idée de quitter le service qui ne lui rapportait ni profit, ni plaisir, et lui faisait sacrifier des intérêts essentiels. Puisse-t-il prendre goût à ses nouvelles occupations et trouver quelque agrément là où il y a beaucoup d'utilité[1].

Nous sommes rentrés en ville depuis quelques jours. Vers la fin, notre séjour à Tegernsee était devenu fort agréable, grâce à la présence de la Reine douairière qui est certainement la châtelaine la plus aimable et la plus hospitalière[2]. Il y avait cette année une foule d'étrangers, au château, et souvent plus de société, de fêtes et d'amusements qu'on n'aurait désiré. Nous y avons successivement vu le Roi et la Reine de Saxe, celle-ci, fille de la Reine, l'Impératrice d'Autriche, le Duc de Bordeaux, toute la famille Leuchtenberg et surtout et avant tout la Grande-Duchesse Marie[3]. Vous savez que la Gr<ande>-Duchesse et son mari

passent ici l'hiver. Ils sont arrivés à Munich dans les premiers jours de septembre et aussitôt après ont suivi la Reine douairière à Tegernsee où ils sont encore.

La Grande-Duchesse Marie est vraiment charmante. On ne saurait avoir l'air plus distingué avec plus de grâce et de naturel. Aussi a-t-elle eu d'emblée un succès général. Outre sa belle-mère qui en est folle, toute la Famille Royale, le Roi, la vieille Reine, l'ont pris dans la plus grande affection et l'on dirait, à les voir ensemble, qu'elle a passé la vie entière parmi eux.

Moi, j'ai eu chance de la voir à Munich, où je suis venu exprès pour lui faire ma cour et quelques jours plus tard, à Tegernsee, où elle a <été> parfaitement gracieuse envers nous, pour ma femme surtout. Malheureusement son séjour dans les montagnes lui a été gâté par une assez grave indisposition qui l'a confiné pendant plusieurs jours dans sa chambre et qui même, durant 24 heures, nous avait fait éprouver de vives inquiétudes. Maintenant, grâce à Dieu, elle est presque entièrement rétablie et doit rentrer en ville à la fin de cette semaine. Sa suite se compose du Comte Wielhorsky, son Gr<and>-Maître qui autrefois a servi dans notre Ministère — brave, galant homme que j'ai beaucoup connu dans le temps à Péters<bourg>, de sa Gr<ande->Maîtresse, Mad. Захаржевская, née Tiesenhausen[4], et d'une demoiselle d'honneur.

Je ne doute pas que la présence de la Grande-D<uchesse> à Munich n'attire ici beaucoup de Russes dans le courant de cet hiver. Dernièrement j'ai revu ici chez Sévérine le Ministre Bloudoff[5] que j'ai connu à Péters<bourg>, il y a trois ans, et qui m'a rappelé un dîner que nous avons fait ensemble dans la société du défunt Дмитриев[6].

Les Krüdener qui ont passé tout le temps avec nous viennent de nous quitter pour rentrer en Russie. Elle est toujours la même, belle et bonne comme autrefois, mais j'ai beau de croire que sa position n'est plus tout à fait la même.

Nous attendons ces jours-ci la Grande-Duchesse Hélène[7] qui revient d'Italie. Ici il y a encore peu de monde en ce moment. Cependant il y a déjà été quelques réunions de la cour. Dernièrement nous avons assisté à un petit concert qui y a été donné en l'honneur du Duc de Cambridge, l'oncle de la Reine

d'Angleterre que j'ai beaucoup vu il y a cinq ans à Carlsbad...[8] Mais, bon Dieu, quel intérêt tous ces détails peuvent-ils avoir pour vous? C'est là le malheur d'une trop longue séparation, à part les deux mots *je vis et je vous aime*, tout ce qu'on peut se dire de plus est du domaine de la gazette. Il est vrai que la gazette en ce moment acquiert pour tout le monde un intérêt de plus en plus personnel, car d'après ce qui se passe en France on s'attend à voir très prochainement éclater cette guerre suspendue sur l'Europe depuis dix ans...[9] et malheur au monde si elle venait à éclater. A part le désastre général, sur dix fortunes particulières il y en aurait huit qui écraserait.

В этом месяце, помнится мне, любезнейшие папинька и маминька, ваши рожденье и именины, с которыми я вас от души поздравляю — празднуя их, вспомните и обо мне. Поминайте иногда обо мне и в ваших письмах к Дашиньке. Странная вещь — судьба человеческая! Надобно же было моей судьбе вооружиться уцелевшею Остермановою рукою[10], чтобы закинуть меня так далеко от вас.

Жаль мне очень, что вы не знаете моей теперешней жены. Нельзя придумать существо лучше, добрее, сердечнее — будь я сам душою немного помоложе, я мог бы быть вполне счастлив. Здоровье мое также с некоторых пор гораздо лучше. Простите. Целую ваши ручки.

Ф. Тютчев

Перевод:

Минхен. Октябрь

На днях я получил, любезные папинька и маминька, письмо, написанное вами в прошлом месяце вместе с Николушкой, и я очень рад узнать, что он рядом с вами. Я не могу усердно не призывать его утвердиться в счастливой мысли покинуть службу, не доставляющую ему ни выгоды, ни удовольствия и заставляющую его приносить в жертву главные интересы. Дай Бог ему войти во вкус новых занятий и обрести приятность в исполнении того, что приносит большую пользу[1].

Мы вернулись в город несколько дней назад. К концу нашего пребывания в Тегернзее стало весьма приятно, благодаря присутствию вдовствующей королевы, которая поистине самая любезная и гостеприимная хозяйка замка[2]. В этом году там собралось великое множество иностранцев. Общение, праздники и развлечения зачастую казались даже чрезмерными. Мы там часто видали короля и королеву саксонских, дочь королевы, австрийскую императрицу, герцога Бордосского, все семейство Лейхтенбергских и особенно и даже прежде всего великую княгиню Марию Николаевну[3]. Вы знаете, что великая княгиня с мужем проведут здесь зиму. Они прибыли в Мюнхен в первых числах сентября и вскоре после этого отправились вместе с вдовствующей королевой в Тегернзее, где они посейчас и находятся.

Великая княгиня Мария Николаевна поистине очаровательна. Нельзя иметь более изысканный облик и вдобавок быть столь любезной и естественной. И потому она с первого взгляда пользуется общим успехом. Не говоря о свекрови, которая от нее без ума, вся королевская семья — король, старая королева — приняли ее с большой любовью и, глядя на них всех вместе, можно подумать, что она всю свою жизнь провела среди них.

Мне посчастливилось повидать ее в Мюнхене, куда я прибыл тотчас же, чтобы засвидетельствовать ей свое почтение, а через несколько дней — в Тегернзее, где она была весьма милостива к нам, особенно к моей жене. К сожалению, пребывание в горах вызвало у нее сильное недомогание, удерживавшее ее в течение нескольких дней в комнате; более того, целые сутки мы находились в большой тревоге за нее. Теперь, слава Богу, она почти совсем поправилась и к концу этой недели предполагает вернуться в город. Ее свиту составляют граф Виельгорский, гофмейстер, служивший когда-то в нашем министерстве, — славный, галантный человек, я в свое время довольно коротко знал его в Петербурге; гофмейстерина Захаржевская, урожденная Тизенгаузен[4], и одна фрейлина.

Я не сомневаюсь, что присутствие в Мюнхене великой княгини привлечет сюда этой зимой многих русских. Недав-

но я встретил у Северина министра Блудова[5], которого встречал три года назад в Петербурге — он напомнил мне наш общий обед в обществе покойного Дмитриева[6].

Крюденеры все это время были с нами, но теперь нас покинули, чтобы вернуться в Россию. Она все та же — красива и добра, как и прежде, но, боюсь, положение ее уже не так прочно.

На днях мы ожидаем сюда великую княгиню Елену Павловну[7], возвращающуюся из Италии. Здесь пока еще небольшое общество. Однако уже состоялось несколько собраний при дворе. Недавно мы присутствовали на небольшом концерте в честь герцога Кембриджского, дяди английской королевы, которого я довольно часто видел пять лет назад в Карлсбаде...[8] Но Боже мой, какой интерес могут иметь все эти подробности для вас? В том-то и несчастье длительной разлуки, что все, что можно сказать, кроме слов *я жив и я вас люблю*, относится к области сплетен. Правда, сплетни в эти минуты приобретают для каждого все более животрепещущий характер, ибо судя по тому, что делается во Франции, ожидается, что вот-вот разразится война, угроза которой нависла над Европой уже десять лет назад...[9] и горе миру, если она разразится. Помимо общего разорения, она не пощадит каждые восемь из десяти частных состояний.

В этом месяце, помнится мне, любезнейшие папинька и маминька, ваши рожденье и именины, с которыми я вас от души поздравляю — празднуя их, вспомните и обо мне. Упоминайте иногда обо мне и в ваших письмах к Дашиньке. Странная вещь — судьба человеческая! Надобно же было моей судьбе вооружиться уцелевшею Остермановою рукою[10], чтобы закинуть меня так далеко от вас.

Жаль мне очень, что вы не знаете моей теперешней жены. Нельзя придумать существо лучше, добрее, сердечнее — будь я сам душою немного помоложе, я мог бы быть вполне счастлив. Здоровье мое также с некоторых пор гораздо лучше. Простите. Целую ваши ручки.

Ф. Тютчев

60. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

6/18 декабря 1840 г. Мюнхен

Munich. 6/18 décembre 1840

Je rentre en ce moment de la messe, où j'ai été prier pour les deux Nicolas, celui de tout le monde et le mien[1]. Après la messe nous devions aller présenter nos félicitations à la Gr<ande>-Duchesse, mais comme elle se sentait fatiguée et un peu souffrante, elle les a reçus à l'église même.

Ce soir il y a un grand dîner chez Sévérine, après quoi une grande soirée à l'hôtel Leuchtenberg où il y aura tableaux, comédie, etc. etc.

Combien tout cela est fait pour vous intéresser, n'est-ce pas? Il ne manque plus que je joigne à ma lettre l'affiche du spectacle de ce soir. Hélas, que voulez-vous? Que peut-on dire à la distance qui nous sépare, qui en voilà la peine!

Avez-vous reçu, chers papa et maman, la lettre que je vous ai écrite il y a un mois à peu près. Je lui ai fait prendre la nouvelle voie que vous m'avez indiquée et suis très curieux de savoir si cette voie mène au but? Mais comment le saurai-je? Car si la première lettre s'est fourvoyée, celle-ci qui prend le même chemin aura le même sort.

Comment, chers papa et maman, célébrez-vous aujourd'hui la fête de Nicolas? Avez-vous quelques-uns des frères *Небольсин*, s'il y en a encore qui seront en vie, ou Mr et Mad. *Зиновьев*, ou le jeune *Яковлев*[2] qui doit être vieux maintenant, mon Dieu, quel rêve!.. Le 24 du mois dernier nous avons bu à la santé de maman, en même temps qu'à la mienne, car la veille nous avions dîné chez les Leuchtenberg... En fait de Russes qui ont passé par ici dans ces derniers temps il y en a un qui m'a beaucoup questionné sur Nicolas. C'est un de ses anciens camarades de service, le g<énér>al *Чевкин*[3], envoyé à l'étranger pour inspecter les chemins de fer. Quand donc est-ce qu'il y en aura un d'ici à *Овстуг*? Mais il faudrait qu'il fût mieux organisé que celui qu'on vient de faire entre ici et Augsbourg et sur lequel il arrive souvent qu'on mette plus de temps pour faire la course que sur le chemin ordinaire.

Vous devez être en plein hiver maintenant. Nous y sommes depuis quelques jours si parfaitement qu'on pourrait se croire à Pétersbourg. Nous avons eu tous ces jours-ci entre 12 à 15 degrés de glace. Ce n'est qu'aujourd'hui que le froid, heureusement, a considérablement baissé. Ah, que ce climat ressemble peu à celui de Gênes, où je me souviens d'avoir été cueillir des camélias en plein air au mois de janvier. «В крещенские морозы рвал розы» — aurait dit le Prince Шаликов[4]. Quel dommage que cette magnifique Italie soit un si insipide séjour. Quant à moi, je crois que de la vie je ne pourrais me réconcilier avec elle. J'y ai trop souffert.

A propos d'Italie, j'ai eu dernièrement la visite d'un Italien établi à Minsk qui connaît beaucoup Dorothée et son mari et qui m'a dit qu'il vous y a vus pendant tout l'hiver dernier. Son nom m'a échappé, mais vous le reconnaîtrez, car je suppose que le nombre des Italiens établis à Minsk n'est pas considérable.

Quand aurais-je de vos nouvelles, chers papa et maman? Comment vous portez-vous? Puissiez-vous être aussi contents de votre santé que je le suis de la mienne depuis quelque temps. C'est au régime du bénin froid que j'en ai toute l'obligation. L'hiver dernier j'en ai pris tous les jours. Cet hiver-ci j'en prends plus rarement, mais toujours avec le meilleur effet. Le succès de cette cure m'a démontré que je m'étais entièrement mépris sur le véritable principe de mon mal qui n'était autre chose qu'un grand relâchement des nerfs. Voilà pourquoi l'eau froide qui me les a raffermis a du même coup considérablement soulagé tous mes autres maux. Heureusement, je ne suis pas le seul à me bien porter chez moi. Toutes mes filles en font autant et ma femme aussi, bien que cette année ait été à Munich l'une des plus humides dont on se souvienne. Pendant tout l'été et jusque fort avant en automne les fièvres glaireuses, bilieuses et nerveuses n'ont cessé de régner ici et ont tué plus de monde que le choléra lui-même dans le temps. Maintenant l'état sanitaire de la ville est de nouveau très satisfaisant.

Cette lettre, si elle vous parvienne, arrivera dans les premiers jours de votre nouvelle année. Ainsi je la charge de mille vœux et tendresses pour vous, chers papa et maman, et pour Nicolas. Vivons jusqu'à ce que nous nous soyons revus.

T. Tutchef

Перевод:

Мюнхен. 6/18 декабря 1840

Я только что вернулся от обедни, где помолился за обоих Николаев — за одного общего для всех и за другого — моего[1]. После обедни мы предполагали отправиться с поздравлениями к великой княгине, но она была утомлена и нездорова и потому приняла поздравления прямо в церкви.

Сегодня вечером будет большой обед у Северина, после этого — праздничный обед у Лейхтенбергских во дворце — там предполагаются живые картины, комедия и пр.

Какой интерес это может представлять для вас? Не хватало только приложить к моему письму программку сегодняшнего спектакля. Увы, что вы хотите? Что можно сказать на расстоянии, разделяющем нас и составляющем главную беду!

Получили ли вы, любезные папинька и маминька, мое письмо, написанное почти месяц назад. Я послал его новым путем, указанным вами, и мне любопытно узнать, дошло ли оно. Но как я могу узнать об этом? Если первое письмо потерялось, то и это, отправленное тем же путем, ожидает та же судьба.

Как вы, любезные папинька и маминька, празднуете сегодня день святого Николая? Наверное, у вас теперь кто-нибудь из братьев *Небольсиных*, если только они живы, или муж с женой *Зиновьевы*, или молодой *Яковлев*[2], который должен уже состариться — Боже, что за сон!.. 24 числа прошлого месяца мы пили за здоровье маминьки и за мое одновременно, потому что накануне обедали у Лейхтенбергских... Среди русских, побывавших здесь в последнее время, один много расспрашивал меня о Николушке. Это его старый товарищ по службе, генерал *Чевкин*[3], присланный за границу для знакомства с железными дорогами. Когда же проложат железную дорогу отсюда до *Овстуга*? Но ее следовало бы получше организовать, чем ту, что недавно проложили между Мюнхеном и Аугсбургом; частенько случается, что поездка на ней забирает гораздо больше времени, чем поездка на лошадях.

У вас теперь, должно быть, настоящая зима. У нас уже несколько дней стоит такая погода, что можно вообразить, буд-

то мы в Петербурге. Все эти дни держалось 12–15 градусов мороза. Только сегодня, к счастью, мороз значительно ослабел. Ах, как мало этот климат похож на Геную, где, я помню, рвал камелии в январе. «В крещенские морозы рвал розы», — сказал бы князь Шаликов[4]. Как жаль, что в великолепной Италии так несносно жить. Что до меня, я думаю, что никогда в жизни не смог бы примириться с ней. Я слишком там страдал.

Что касается до Италии, у меня недавно был с визитом один итальянец; он живет в Минске и часто видает Дашиньку и ее мужа. Он сказал мне, что всю прошлую зиму видался с вами у них. Имя его я запамятовал, но вы его вспомните, ибо, я предполагаю, что не так уж много итальянцев живет в Минске.

Когда я получу от вас весточку, любезные папинька и маминька? Как вы поживаете? Можете ли вы сказать, что довольны своим здоровьем, как я доволен своим в последнее время? И я обязан этим благословенному режиму закаливания. Прошлой зимой я прибегал к нему ежедневно. Этой зимой занимаюсь им реже, но со все большим эффектом. Успех этого лечения показал, что я полностью пренебрегал главной причиной моих хворей, заключающейся в сильном нервном расстройстве. Вот почему холодная вода, укрепив мои нервы, в то же самое время значительно повлияла на прочие мои недуги. К счастью, я не один наслаждаюсь здоровьем в своем доме. Все мои дочери и жена следуют моему примеру, хотя этот год один из самых влажных, каких в Мюнхене и не припомнят. Все лето вплоть до поздней осени здесь не прекращалась лихорадка с насморком, кашлем, нервным раздражением, унесшая больше народа, чем даже холера в свое время. Теперь санитарное состояние города вполне удовлетворительное.

Это письмо, если оно дойдет до вас, вы получите в первые дни вашего Нового года. И потому шлю тысячу нежных пожеланий вам, любезные папинька и маминька, передайте их и Николушке. Будем живы, до встречи.

Ф. Тютчев

61. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

17/29 июня 1841 г. Мюнхен

Ce 29 juin. *Mardi*

Merci, ma chère Anna, de tes deux lettres, tu sais ce qui m'a empêché de répondre plutôt à la première. Maman me charge de ses amitiés. Son état de santé est passable et sera, j'espère, meilleur dans quelques jours. Quant au petit frère[1], il a l'air de se porter à charme. Il est du moins fort tranquille, c'est tout ce que je puis t'en dire pour le moment.

Je comptais aller vous voir la semaine dernière. Maintenant je ne pourrai le faire que dans 8 à 10 jours. Ce sera probablement lundi ou mardi prochain. Il me tarde bien de vous revoir, mes chers enfants, et de vous embrasser.

Tu m'avais demandé des livres. J'espère que ceux que je t'envoie pourront t'intéresser. Lis-les avec attention pour pouvoir me rendre compte de ta lecture.

Mr de Sévérine m'a dit, ma chère Anna, que tu avais quelquefois mal à la tête. Prends bien garde de ne pas te baigner ces jours. En général ne te baigne dans le lac que lorsqu'il fait très chaud et que l'eau du lac a été suffisamment réchauffée.

Voici deux lettres de ta tante Clotilde, l'une pour toi, l'autre pour Daria. J'ai été obligé de décacheter la tienne, parce qu'il n'y avait pas d'adresse dessus.

Dis à Madame Metzle que je compte vous aller voir la semaine prochaine et que je me réserve de m'expliquer verbalement avec elle au sujet de la lettre qu'elle m'a écrite.

Présente mes hommages à Madame de Sévérine et remercie-la de ma part des bontés qu'elle veut bien avoir pour toi et pour tes sœurs.

Adieu, ma chère enfant. J'espère que je n'aurai à apprendre à mon arrivée que des témoignages favorables sur ton compte. Songe que tu es doublement tenue à te bien conduire, pour toi-même d'abord et aussi pour donner un bon exemple à tes sœurs.

Adieu, écris-moi et parle-moi de ta santé et de celle des petites. Maman t'embrasse et ta cousine Berthe[2] te fait ses amitiés.

A toi de cœur

Ti Tutchef

Перевод:

29 июня. *Вторник*

Спасибо тебе, милая Анна, за оба твои письма. Ты знаешь, что помешало мне ответить раньше на первое из них. Мама поручает мне передать от нее привет. Состояние ее здоровья удовлетворительно и, я надеюсь, станет еще лучше через несколько дней. Что касается до маленького братца[1], то он, по-видимому, чувствует себя прекрасно. По крайней мере, он очень спокоен, вот пока все, что я могу сказать тебе про него.

Я рассчитывал повидать вас на прошлой неделе. Теперь я смогу это сделать не раньше, чем через 8 или 10 дней. Это будет, вероятно, в понедельник или вторник. Я очень стремлюсь увидеть и обнять вас, мои милые дети.

Ты просила у меня книг. Надеюсь, что те, какие я посылаю, смогут заинтересовать тебя. Читай их внимательно, чтобы дать мне отчет о прочитанном.

Г-н Северин сказал мне, милая Анна, что у тебя иногда болит голова. Остерегайся купаться в такие дни. Вообще, купайся только тогда, когда очень тепло и когда вода в озере достаточно нагрета.

Вот два письма от тетушки Клотильды, одно — тебе, другое — Дарье. Я принужден был распечатать твое, потому что на нем не было адреса.

Скажи г-же Метцль, что полагаю свидеться с вами на будущей неделе и что я намерен объясниться с нею лично по поводу ее письма ко мне.

Передай мое почтение г-же Севериной и поблагодари ее от меня за ее доброту к тебе и твоим сестрам.

Прощай, моя милая девочка. Надеюсь, что по приезде я получу лишь благоприятные отзывы о тебе. Помни, что ты вдвойне обязана хорошо вести себя — во-первых, для себя самой, а также чтобы подавать хороший пример сестрам.

Прощай, пиши и сообщай о своем здоровье и о здоровье младших. Мама тебя обнимает, а кузина Берта[2] кланяется.

Сердечно твой

Ф. Тютчев

62. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

8/20 июля 1841 г. Мюнхен

Munich. Ce 8/20 juillet 1841

Je reçois à l'instant, chers papa et maman, votre lettre du 15 juin, par Pétersb<ourg>. J'espère que la mienne que j'adresse par la même voie, vous parviendra aussi. Je tiens d'autant plus que vous la receviez, que pour cette fois j'ai une bonne nouvelle à vous annoncer. Ma femme est accouchée le 14/26 du mois dernier d'un *garçon*. L'accouchement a été heureux, quoique plus pénible que le dernier et maintenant, trois semaines depuis l'événement, elle est tout à fait sur pied. Mais pour les détails je vous renvoie à sa lettre. L'enfant est fort et très vivace et malgré mon indifférence pour le sexe des enfants à naître, j'ai été bien aise de voir que cette fois c'était un garçon, car cette fois, j'espère, est la dernière. Tout dans cette affaire m'a fait plaisir, sauf la circonstance du nom que je me suis vu obligé de donner à l'enfant. Vous savez mes rapports avec *Sévérine*. Il professe pour moi et toute ma famille une très vive amitié. Il a été le parrain de la dernière de mes petites et il a insisté de l'être aussi du nouveau-né, d'autant plus que c'était un garçon. Il n'y avait guères moyen de décliner sa proposition sans le mortifier. Et c'est un homme qui se mortifie aisément. Mais il n'y avait pas moyen non plus à l'accepter pour parrain sans accepter aussi son nom. Et voilà comment cet enfant qui de toute éternité était prédestiné à s'appeler Jean ou Nicolas, c'est appelé *Димитрий*. J'en ai été bien contrarié, et ma femme aussi, mais c'était inévitable. A part de ce que m'imposait vis-à-vis de Sévérine, cette grande amitié qu'il me porte, j'avais d'autres motifs encore pour ne vouloir d'autre parrain que lui. Dans les circonstances actuelles, et surtout dans la position où moi, je me trouve placé, je ne pouvais assez faire pour constater l'orthodoxie du baptême, et le meilleur moyen pour cela, c'était assurément de m'adresser au Ministre de Russie.

Quant à mes affaires, je ne vous en parle pas pour le moment. Je suis sur le point de prendre une résolution et je n'attends pour le faire qu'une réponse de la Gr<ande>-Duchesse à la lettre que ma femme lui a écrite dernièrement. Il est possible et même pro-

bable que j'irai cet automne à Pétersb<ourg>. Dans peu de jours je le saurai positivement[1]. Quant à Nicolas, voilà, je crois, bientôt un an que je n'ai pas eu de ses nouvelles directes. Il est vraiment affligeant que par suite d'une indigne paresse nous nous perdons ainsi de vue.

Mes trois aînées sont en ce moment établies à la campagne au lac de Starnberg, à une vingtaine de verstes de Munich, avec leur gouvernante et sous l'aile protectrice de Sévérine et de sa femme qui y passent leur été. Nous les avons envoyées là pour leur faire respirer un meilleur air, et, en effet, elles en ont fort bien profité. Quant à la petite Marie, elle prospère fort bien ici et devient très jolie. Pour le garçon, il est décidément laid, ce qui n'empêche pas que ma femme ne trouve qu'il me ressemble beaucoup.

Je recommande tout ce petit monde à votre affection, mais surtout ma femme qui, sans exagération, est tout ce qu'il y a de meilleur et de plus digne d'être aimé. Ce qui est tout aussi vrai, c'est l'extrême désir qu'elle a de vous connaître, de ce faire aimer de vous et de passer auprès de vous tout un été à Ovstoug, mais bien entendu, à Ovstoug. Elle y tient absolument, car pour Pétersbourg, elle ne veut pas en entendre parler.

Quand vous écrivez à Dorothée, faites-lui bien mes compliments ainsi qu'à son mari. Comment va sa santé? J'aime à croire qu'elle va mieux, puisque vous ne m'en parlez pas.

Adieu, chers papa et maman, dans quelques jours je pourrai, je crois, vous parler d'une manière plus positive sur ce que je compte faire — pour le moment, je ne vous dirai autre chose, sinon que je ne me lasse pas de désirer de vous revoir. Je baise vos chères mains et suis à v<ous> de cœur et d'âme.

Votre tout dévoué fils

Ti Tutchef

Перевод:

Мюнхен. 8/20 июля 1841

Сию минуту я получил, любезнейшие папинька и маминька, ваше письмо от 15 июня, посланное через Петербург. Надеюсь, что мое, которое я отправляю тем же путем, также дой-

дет до вас. Я тем более желаю, чтобы вы его получили, что на сей раз имею сообщить вам хорошее известие. 14/26 прошлого месяца жена родила *мальчика*. Роды были благополучные, хотя более тяжелые, нежели предыдущие, и сейчас, через три недели после этого события, она уже совсем на ногах. Но подробности вы узнаете из ее письма. Ребенок крепкий и очень живой, и, несмотря на мое безразличное отношение к полу будущего ребенка, я был очень рад, что на этот раз появился мальчик, ибо этот раз, надеюсь, будет последним. В этом случае все доставило мне удовольствие, все, кроме вопроса об имени, которое я оказался вынужденным дать ребенку. Вы знаете о моих отношениях к *Северину*. Он питает ко мне и ко всей моей семье живейшую приязнь. Он был крестным отцом моей младшей девочки и настоял на том, чтобы быть также крестным отцом новорожденного, тем более что это мальчик. Не было возможности отклонить его предложение, не обидев его. А обижается он весьма легко. Но не было также возможности, изъявив согласие на то, чтобы он был крестным отцом, не согласиться принять и его имени, и вот почему этот ребенок, от века предопределенный называться Иваном или Николаем, получил имя *Димитрия*. Я был очень раздосадован этим и моя жена тоже, но это было неизбежно. Помимо того, что меня обязывала большая дружба Северина ко мне, я имел еще иные причины не желать в качестве крестного отца никого другого. При теперешних обстоятельствах, а главное, в том положении, в коем я оказался, без сомнения, не было лучшего способа засвидетельствовать факт православного крещения, как обратиться к русскому посланнику.

Что касается до моих дел, то сейчас я не буду говорить вам о них. Я собираюсь принять решение и, чтобы сделать это, жду лишь ответа великой княгини на письмо, которое моя жена недавно написала ей. Возможно и даже вероятно, что этой осенью я поеду в Петербург. Через несколько дней я узнаю это положительно[1]. Что касается Николушки, то скоро год, мне кажется, как я не имел от него непосредственных известий. Поистине прискорбно, что вследствие постыдной лени мы так теряем друг друга из виду.

Мои три старшие девочки сейчас устроены в деревне на Штарнбергском озере, верстах в двадцати от Мюнхена, с их гувернанткой и под крылышком Северина и его жены, проводящих там лето. Мы отправили их туда, чтобы дать им возможность подышать лучшим воздухом, и действительно, им это очень на пользу. Что касается маленькой Мари, она благоденствует здесь и становится очень хорошенькой. Мальчик же решительно некрасив, что не мешает моей жене находить, будто он очень похож на меня.

Весь этот народец поручаю вашей нежности, главное же — мою жену, которая без преувеличения соединяет в себе все, что есть лучшего и достойного быть любимым. Что столь же справедливо, это ее чрезвычайное желание познакомиться с вами, заслужить вашу любовь и провести с вами целое лето в Овстуге — но именно в Овстуге. Она безусловно на этом настаивает, так как и слышать не хочет о Петербурге.

Когда вы будете писать Дашиньке, очень кланяйтесь от меня ей, а также и ее мужу. Как ее здоровье? Надеюсь, что ей лучше, ибо вы о ней не говорите.

Простите, любезнейшие папинька и маминька; я думаю, что через несколько дней смогу более положительно сказать вам, что рассчитываю делать — теперь же говорю только, что не перестаю желать свидеться с вами. Целую ваши дорогие ручки и остаюсь сердцем и душою вашим.

Ваш преданнейший сын

Ф. Тютчев

63. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

10/22 сентября 1841 г. Веймар

Weimar. Ce 10/22 septembre 1841

C'est à Weimar, chers papa et maman, que j'ai reçu votre dernière lettre en date du 3 août. Vous savez que je désirais depuis longtemps visiter cette ville. J'avais formé ce vœu en l'honneur de Goethe et je viens de le réaliser en l'honneur de Maltitz, à qui j'avais promis à son départ de Munich que je viendrai le visiter dans son nouvel établissement. Je vous ai écrit,

je crois, dans le temps qu'il a été nommé ch<argé> d'aff<aires> à Weimar, récompense qui lui était bien légitimement dûe et depuis longtemps. Nous nous sommes donc retrouvés ici après 4 mois de séparation, fort heureux de nous revoir. Mais Weimar comme séjour définitif n'est pas précisément ce qu'il y a de plus amusant. C'est une petite ville qui vit sur son passé. Mais ce qui donne une valeur réelle à W<eimar> comme poste diplomatique, c'est l'individu de la Grande-Duchesse[1]. C'était la première fois que j'avais l'honneur de lui faire ma cour et malgré tout le bien que j'en avais entendu dire, elle a encore surpassé mon attente. On ne saura avoir plus de grâce avec plus de dignité. C'est tout en même temps une très grande dame et une femme très aimable. Elle est revenue dernièrement de Pétersbourg et est encore toute heureuse d'avoir revu son pays et sa famille. L'accueil qu'elle a bien voulu me faire a été des plus gracieux. Pendant les 8 jours que j'ai passés là j'ai dîné trois fois et passé une fois la soirée chez elle. Je rentre en ce moment même de la maison de campagne qu'elle habite dans cette saison. En fait de Russes j'ai vu aujourd'hui chez elle Madame *Васильчиков*, la femme du président du Conseil, avec sa fille[2].

Ce qui me rend plus précieux encore le bon accueil que j'ai reçu ici, c'est que mon voyage à Weimar, outre le désir de revoir les Maltitz, avait encore un autre objet qui m'est plus directement personnel. Voici ce que c'est. Je vous ai fait connaître l'intention où j'étais de placer mes trois filles aînées à l'Institut de Pétersb<ourg>. Mais comme vous avez remarqué vous-mêmes, il n'y a qu'Anna qui soit d'âge d'y être placée immédiatement. Les deux autres sont encore beaucoup trop jeunes pour cela. Or, leur tante Maltitz, depuis qu'elle est à Weimar, m'a proposé dans le cas où je me déciderais à conduire Anna en Russie, de laisser provisoirement chez elle les deux petites[3]. Je me suis assuré que sous beaucoup de rapports ce parti était le meilleur à prendre dans l'intérêt de ces enfants. Vous savez qu'il y a ici une chapelle russe et un prêtre russe, de manière que ces enfants, en s'élevant ici, ne resteront pas étrangères à leur religion et à leur langue et se trouveront suffisamment instruites dans l'une et dans l'autre jusqu'à l'époque où elles auront l'âge requis pour entrer à l'Institut à leur

tour. Clotilde qui a pour elles toute l'affection possible en aura soin comme de ses propres enfants, et grâce à sa position dans ce pays, je puis me flatter qu'elle pourra sans peine attirer sur elles l'intérêt et la bienveillance de la Gr<ande>-Duchesse. Quant à leur entretien qui comme de raison retombe tout entier à ma charge, il ne me coûtera pas beaucoup plus que si je les gardais auprès de moi. L'essentiel maintenant c'est de faire consentir ma femme à cet arrangement, et ceci ne s'obtiendra pas sans difficulté, car elle est très attachée à ces enfants et elle aura de la peine à se décider à s'en séparer. Il le faudra bien néanmoins, car si, comme nous y sommes décidés, nous allons à Pétersb<ourg>, le printemps prochain, l'obligation de traîner après nous la bande toute entière compliquerait à l'infini les embarras et la dépense du voyage, et ce serait un grand soulagement pour moi que de pouvoir laisser une partie au moins de ces enfants en Allemagne, confiés à des menus soins, comme celles des Maltitz.

Ma femme qui a fait avec moi une grande partie du voyage ne m'a quitté qu'à Carlsbad, d'où elle est directement retournée à Munich, pour ne pas laisser trop longtemps les enfants privés de sa surveillance. Nous sommes d'abord allés à Prague[4] que je ne connaissais pas encore et que j'ai visitée avec le plus grand intérêt. C'est une magnifique ville et qui à quelques égards rappelle Moscou. A Carlsbad, au moment où nous y sommes venus, la saison tirait à sa fin[5], et nous n'y avons trouvé que peu de monde. Maintenant je vais songer à mon retour. Je partirai d'ici après-demain et passerai par Leipsick, où la foire se tient en ce moment, et Dresde, où je compte aller voir la cousine *Языков*, née *Ивашев*[6]. Grâce aux chemins de fer, dont une partie est déjà achevée, toutes ces villes se sont magiquement rapprochées. Dans quelques jours le chemin de fer de Leipsick à Berlin sera entièrement terminé, et ce qui jusqu'à présent exigeait deux jours de voyage, se fera dans 7 heures. D'ici à quelque temps l'Allemagne toute entière grâce aux chemins de fer ne tiendra pas plus de place sur la carte du voyageur que n'en occupe maintenant une seule de ses provinces.

Quant à mon voyage en Russie, je n'y ai nullement renoncé, mais je ne pourrai le faire qu'au printemps prochain. La saison est

déjà si avancée que si j'allais maintenant à Pétersb<ourg>, je me verrais obligé d'y passer tout l'hiver, ce qui ne saurait me convenir et ce à quoi ma femme, d'ailleurs, ne se résignerait jamais, et un séjour de quelques semaines ne remplirait pas l'objet pour lequel je veux y aller. Je vous ai dis, je crois, que c'est principalement sur l'intérêt de la Gr<ande>-Duchesse M<arie> que je compte pour placer l'une ou l'autre des petites à l'Institut. Mais comme la G<rande>-Duchesse attend ses couches, le mois prochain[7], le moment serait peu opportun de s'adresser à elle. Mes propres affaires, d'ailleurs, ne s'accommoderaient pas d'un séjour, comme le dernier. Cette fois, quand j'irai en Russie, je veux y passer des mois entiers, ne fût-ce que pour avoir le loisir d'aller vous faire une visite à *Ovstoug*, et pour réaliser tout cela j'ai besoin d'avoir un été tout entier à ma disposition.

C'est une triste chose que de devoir ainsi ajourner à des mois les projets qui nous tiennent au cœur. Mais qu'y faire? A mesure que l'âge vient, la dépendance de l'homme redouble, jusqu'à ce qu'enfin on se trouve un beau matin cloué à sa place, comme un arbre en terre. Grâce à Dieu, je n'en suis pas encore là, et si Dieu nous prête vie, nous nous reverrons bien certainement l'été prochain[8].

Vous ne parlez pas dans vos lettres de la santé de Dorothée, ce qui me fait croire, chers papa et maman, que les nouvelles que vous en recevez sont satisfaisantes. Faites-lui, je vous prie, mes amitiés, ainsi qu'à son mari. Mon silence, j'espère, ne pourra ni me faire entièrement oublié par elle, ni la faire douter de l'attachement que je lui porte. Quant à Nicolas, qui, je présume, est plus que jamais à Varsovie, puisque l'Empereur s'y trouve en ce moment, je m'en vais tout à l'heure essayer de lui écrire et je veux même lui adresser cette lettre pour vous la faire parvenir. Cela m'épargnera des redites, à moi, et un grand détour à la lettre... Et lui aussi, quand donc le reverrai-je?..

Quelques jours avant mon départ de Munich j'ai reçu la lettre de change de 3000 r<oubles> que vous avez eu la bonté de m'envoyer par Pétersb<ourg>. Je vous en offre mes plus sincères remerciements.

Comment ont été vos récoltes cette année? Des voyageurs russes m'ont assuré qu'en général ~~la~~ récolte a été bonne en Russie.

Dieu veuille vous dédommager des trois terribles années dont vous venez d'être affligés.

Adieu, chers papa et maman. Que le Ciel vous protège et vous conserve. Je baise tendrement vos mains.

Ti Tutchef

Перевод:

Веймар. 10/22 сентября 1841

Любезнейшие папинька и маминька, я получил в Веймаре ваше последнее письмо, помеченное 3 августа. Вы знаете, что я уже давно хотел побывать в этом городе. Я дал этот обет в честь Гёте и вот теперь осуществил его в честь Мальтица, которому обещал при его отъезде из Мюнхена посетить его на новом его месте. Мне кажется, я писал вам как-то, что он был назначен поверенным в делах в Веймаре, награда, которую он весьма законно и уже давно заслужил. Итак, мы встретились здесь после четырехмесячной разлуки, очень довольные тем, что снова увиделись. Нельзя сказать, чтобы Веймар был слишком занимательным в качестве постоянного местопребывания. Это маленький городок, живущий своим прошлым. Но что придает действительную ценность Веймару как дипломатическому посту, это личность великой герцогини[1]. Я в первый раз имел честь представиться ей, и, несмотря на все хорошее, что я слышал о ней, она еще превзошла мои ожидания. Нельзя сочетать большей приятности с большим достоинством. В одно и то же время она в высшей степени grande dame и очень любезная женщина. Она совсем недавно вернулась из Петербурга и еще полна радостных впечатлений от того, что повидала свою родину и свою семью. Она соизволила оказать мне самый милостивый прием. В течение моего восьмидневного пребывания здесь я три раза обедал у нее и один раз провел вечер. И сейчас я только что вернулся из загородного дома, где она проживает в это время года. Из русских я видел у нее сегодня госпожу *Васильчикову*, жену председателя Совета, с дочерью[2].

Хороший прием, оказанный мне здесь, еще более ценен для меня потому, что мое путешествие в Веймар, помимо же-

ления свидеться с Мальтицами, имело еще другую цель, более непосредственно личную для меня. Вот в чем она заключается.

Я сообщал вам о моем намерении поместить трех старших моих дочерей в институт в Петербурге. Но, как вы сами заметили, Анна одна в таком возрасте, что может быть принята тотчас же. Две другие слишком юны для этого. И вот их тетушка Мальтиц, с тех пор как она в Веймаре, предлагает мне, если я решусь отвезти Анну в Россию, оставить у нее на время двух младших[3]. Я убедился в том, что во многих отношениях подобный выход был бы наилучшим в интересах детей. Вы знаете, что здесь есть русская церковь и русский священник, так что, воспитываясь здесь, дети не останутся чуждыми ни своей религии, ни своему языку и будут достаточно обучены им к тому времени, когда достигнут надлежащего возраста, чтобы в свою очередь поступить в институт. Клотильда, которая любит их как нельзя больше, будет заботиться о них, как о своих собственных детях, и, благодаря ее положению в этой стране, я могу надеяться на то, что она без труда обратит на них внимание и благосклонность великой герцогини. Что касается до их содержания, которое я, разумеется, целиком беру на себя, то оно обойдется мне не много дороже, чем если бы я оставил детей при себе. Самое существенное теперь убедить мою жену согласиться на это устройство, а добиться этого будет нелегко, ибо она очень привязана к детям и с трудом решится расстаться с ними. Однако же придется это сделать. Ибо если, как мы решили, мы поедем в Петербург будущей весной, необходимость тащить с собой весь выводок до бесконечности осложнит путевые хлопоты и расходы, и для меня было бы большим облегчением иметь возможность оставить хотя бы часть детей в Германии в таких надежных руках, как у Мальтицев.

Моя жена, совершившая со мною большую часть путешествия, рассталась со мною только в Карлсбаде, откуда она прямым путем вернулась в Мюнхен, чтобы не слишком долго оставлять детей без своего надзора. Мы начали с Праги[4],

мне еще незнакомой, которую я осмотрел с величайшим интересом. Это великолепный город, в некоторых отношениях напоминающий Москву. В Карлсбаде сезон кончался, когда мы туда приехали[5], и мы застали там уже немного народу. Теперь я подумываю о возвращении. Я выеду отсюда послезавтра и отправлюсь через Лейпциг, где сейчас ярмарка, и Дрезден, где рассчитываю повидать кузину *Языкову*, рожденную *Ивашеву*[6]. Благодаря железным дорогам, часть которых уже завершена, все эти города приблизились друг к другу как по волшебству. Через несколько дней будет вполне закончена железная дорога между Лейпцигом и Берлином, и то путешествие, на которое доселе требовалось два дня, возьмет всего семь часов. Спустя некоторое время вся Германия, благодаря железным дорогам, займет на карте путешественника не больше места, чем занимает сейчас одна из ее провинций.

Что касается до моего путешествия в Россию, то я от него отнюдь не отказался, но осуществить его могу лишь будущей весной. Надвигается осень, и если бы я отправился в Петербург сейчас, то оказался бы вынужденным провести там всю зиму, что совсем неудобно для меня и с чем моя жена к тому же никогда бы не примирилась; а поездка на несколько недель не оправдала бы цели, из-за которой я хочу ее предпринять. Я, кажется, говорил вам, что рассчитываю главным образом на участие великой княгини Марии Николаевны, чтобы поместить одну из девочек в институт. Но ввиду того, что великая княгиня в будущем месяце должна родить[7], было бы несвоевременно обращаться к ней теперь. К тому же мои собственные дела потребуют более продолжительного пребывания, чем прошлое. На этот раз, когда я поеду в Россию, я хочу провести там несколько месяцев, чтобы иметь досуг навестить вас в *Овстуге*, а дабы осуществить все это, я должен иметь в своем распоряжении целое лето. Весьма грустно, что таким образом приходится откладывать надолго намерения, которые так близко нас затрагивают. Но что делать? С годами зависимость человека возрастает, пока наконец в одно прекрасное утро он не окажется пригвожденным к своему

месту, как дерево к земле. Благодарение Богу, я еще до этого далек, и, если Господь продлит нам веку, мы непременно свидимся будущим летом[8].

Вы не упоминаете в ваших письмах про здоровье Дашиньки, из чего я заключаю, любезнейшие папинька и маминька, что вы получаете от нее удовлетворительные известия. Передайте, прошу вас, мои дружеские приветствия ей и ее мужу: надеюсь, что мое молчание не приведет к тому, что она совсем забудет меня или станет сомневаться в моей привязанности к ней. Что касается Николушки, который, я полагаю, более нежели когда-либо в Варшаве, так как в данную минуту там находится государь, то я попробую написать ему сейчас и даже хочу адресовать ему это письмо с тем, чтобы он доставил его вам. Меня это избавит от пересказов, а письмо избегнет большого крюка... Когда же я увижу Николушку?

За несколько дней до моего отъезда из Мюнхена я получил вексель на 3000 рублей, который вы были добры послать мне через Петербург. Приношу вам мою самую искреннюю благодарность за него.

Каков был у вас урожай в этом году? Русские путешественники уверили меня, что в общем урожай был хорош в России. Да вознаградит вас Бог за пережитые вами три ужасных и горестных года.

Простите, любезнейшие папинька и маминька. Спаси и сохрани вас Господь. Нежно целую ваши ручки.

Ф. Тютчев

64. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

1/13 сентября 1841 г. Веймар

Weimar. Ce lundi, le 13 s<eptem>bre 1841

Ma chatte chérie, me voilà donc à Weimar où je suis arrivé aujourd'hui vers les 3 h<eures> de l'après-midi. Et toi, que faisais-tu à pareille heure? Arrives-tu à Munich? Je ne serai parfaitement rassuré que quand j'aurai une réponse à cette question. A l'exception d'un tremblement de terre il n'y a sorte d'accidents que je n'aie resté pour toi... J'ai vu ta voiture versée je ne sais com-

bien de fois. Quelle imprudence de se séparer et comme on en est puni par l'inquiétude... Les Maltitz m'ont paru heureux de me revoir. Ils sont montés ici sur un fort bon pied. Leur logement provoquerait plus que jamais la surprise naïvement impertinente de Sévérine. Clotilde m'a lu une lettre de la Krüdener qui contenait, contre mon attente, des choses très tendres et flattantes pour toi. Celle-ci entr'autres que si j'allais à Pétersb<ourg> avec l'intention d'en repartir bientôt, je devais bien me garder de t'y amener. «Car, — dit la lettre, — si on y voyait *Nesty* (t'attendaistu à être Nesty pour la Kr<üdener>), elle y plairait tant qu'on ne voudrait jamais la laisser repartir». Ceci est probablement un écho des discours de la Gr<ande>-Duchesse[1].

J'ai trouvé ici une lettre de mes parents pour toi que je te renvoie. Je ne l'ai pas lue encore, je la lirai quand j'aurai fini celle-ci. Weimar est joli, riant, mais bien solitaire. C'est une jolie petite ville de campagne. Le pauvre M<altitz> est terriblement blessé sur ses charmes. Il m'a mené cet après-dîner voir les maisons de Schiller, Goethe, etc., mais, comme c'était au moment de digestion, j'ai vu tout cela dans la disposition d'esprit la plus prosaïque possible et sans essayer même de faire les moindres frais d'émotion. Les M<altit>z insistent beaucoup pour que je loge chez eux, mais je suis descendu à l'auberge qui est à deux pas de leur maison et je crois bien que j'y resterai. Demain je verrai probablement la G<rande>-Duchesse et sa cour. Mais je pressens que je ne ferai pas un long séjour ici. Tes intonations *petit chéri, petit laid,* etc. etc. etc. bourdonnent sans cesse à mes oreilles et me rappellent vers toi. Ah, mon Dieu, comment peut-on être aussi vieux, aussi fatigué de toute chose et en même temps se sentir aussi enfant sevré? Il me faut absolument ta présence pour me rendre supportable la mienne. Quand je ne suis plus la *créature tant aimée*, je ne suis plus qu'une bien pauvre créature. Et puis je trouve si ridicule de t'écrire. C'est comme si je chantais au lieu de parler.

C'est donc aujourd'hui que tu as revu les enfants et que m'auras fait toute sorte d'infidélités. Mais patience, j'aurai bientôt mon tour. Embrasse-les cependant de ma part, ces rivaux fortunés — et les autres aussi.

Bonne nuit. Je vais me coucher. Ne fût-ce que pour faire cesser les ronflements du *Brochet* qui m'attend et qui, je crains, se passerait très volontiers du plaisir que je lui ménage de m'aider à me coucher. Bonne nuit, ma chatte chérie.

Перевод:

Веймар. Понедельник. 13 сентября 1841

Милая кисанька, вот я и в Веймаре, куда прибыл сегодня около 3 часов пополудни. А ты, что поделывала ты в этот час? Приехала ли ты в Мюнхен? Я не буду совершенно спокоен, пока не получу ответа на свой вопрос. Кроме землетрясения, нет такого несчастья, которого я бы не вообразил случившимся с тобой... Я видел, как твоя карета перевернулась бессчетное количество раз. Как неблагоразумно разлучаться и как мы бываем наказаны за разлуку тревогой... Мальтицы были рады, как мне показалось, встрече со мной. Они здесь имеют весьма прочное положение. Их жилище вызвало бы более чем когда-либо наивно-бесцеремонное удивление Северина. Клотильда прочитала мне письмо от Крюденерши, содержащее, против моего ожидания, очень ласковые и лестные строки о тебе. Среди прочего то, что если я поеду в Петербург с намерением скоро вернуться, то я должен остерегаться брать тебя с собой. «Ибо, — говорится в письме, — если там увидят *Нести* (могла ли ты ожидать, что Крюденерша назовет тебя Нести), она будет иметь такой успех, что ее никогда не отпустят». Это, возможно, эхо разговоров у великой княгини[1].

Я нашел здесь письмо от моих родителей для тебя и пересылаю его тебе. Я его еще не прочел, прочитаю, закончив это письмо к тебе. Веймар милый, веселый, но очень пустынный. Это красивый маленький провинциальный городок. Бедняга Мальтиц страшно обиделся за его прелести. Он сегодня после обеда повел меня осматривать дома Шиллера, Гёте и пр., но поскольку это было время пищеварения, я смотрел на все в самом прозаическом расположении духа и даже не пытался выжать из себя хоть какое-нибудь чувство. Мальтицы настойчиво приглашали меня поселиться у них, но я остано-

вился в гостинице, в двух шагах от их дома, и думаю там остаться. Завтра, возможно, я увижу великую герцогиню и ее двор. Но я чувствую, что долго здесь не пробуду. Твои словечки: *«мой миленький, маленький уродец»* и пр. и пр. непрестанно звучат у меня в ушах и призывают к тебе. Ах, Боже мой, как можно быть таким старым, таким уставшим от всего и в то же время чувствовать себя ребенком, отнятым от груди? Мне совершенно необходимо твое присутствие, чтобы я мог переносить самого себя. Когда я не являюсь существом *горячо любимым*, я становлюсь самым жалким существом. И потом, я нахожу очень смешным писать к тебе. Это все равно если бы я запел вместо того, чтобы говорить.

Сегодня ты увидишь детей и совершишь всякого рода неверности по отношению ко мне. Но берегись, скоро наступит и мой черед. Тем не менее обними их за меня, моих счастливых соперников, и прочих тоже.

Доброй ночи. Я ложусь спать. Может быть, только ради того, чтобы прервать храп дожидающегося меня *Щуки*, который, боюсь, охотно бы обошелся без удовольствия помогать мне укладываться. Доброй ночи, моя милая кисанька.

65. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

7/19 сентября 1841 г. Веймар

Weimar. Ce 19 sept<embre> 1841

Ma chatte chérie, je rentre à l'instant d'un grand dîner de chez la Gr<ande>-Duchesse, donné en l'honneur du P<rin>ce Royal de Bavière[1], arrivé de je ne sais où et se rendant quelque part, que j'ai vu tout à coup apparaître, accompagné de son monde, Zoller, le doucereux Vaublanc, etc. etc. Il faut savoir qu'ici, l'unique p<asse>temps, c'est de dîner chez la Gr<ande>-Duchesse, etc. etc. Après tout, c'est un ennuyeux séjour — et il me tarde de pouvoir dire de W<eimar>: j'y ai été.

C'est hier matin, ma chatte chérie, que j'ai reçu ta lettre. C'était une renaissance de nos temps mythologiques — le même format de lettre, la même suscription, la même écriture — mais grâce à Dieu, les ressemblances s'arrêtent là. Combien j'aime mieux le présent.

Je voudrais mettre un peu d'ordre dans ma lettre, mais cela m'est impossible. Je rentre du dîner. Il n'y a au fond du remarquable ici que la Grande-D<uchesse>, pour celle-là, je voudrais que tu la connaisses. Elle est tout à fait grande dame et c'est plaisant, comme un malentendu, que de la voir avec ses allures grandioses au milieu de toute cette mesquinerie provinciale et pédante de W<eimar>. Elle m'a fait un accueil des plus aimables. J'ai dîné chez elle le surlendemain de mon arrivée. Le jour d'après j'y ai passé la soirée. C'est un peu moins gai que les soirées de <1 нрзб>, mais c'est tout aussi digne.

Je connais déjà à peu près tout le monde ici et je ne puis faire cent pas dans la rue sans rencontrer une figure dont je sais le nom. Pense, si c'est amusant. Aussi j'ai hâte de m'en aller. Il s'agit maintenant de vaincre l'opposition des Maltitz qui se sont imaginés, je ne sais pourquoi, que j'étais venu dans l'intention de passer quelques semaines auprès d'eux! Ah, bien, oui! Quant à moi, j'avais compté que je pourrais les entraîner à *Leipsick* où la foire vient de commencer et de là par le chemin de fer à Dresde. C'est bien là aussi leur désir. Mais les scrupules de tout genre dont ce pauvre Maltitz est hérissé, feront échouer ce projet. Il y a le 30 de ce mois je ne sais quel anniversaire, qui le cloue à Weimar – et tu penses bien que je ne suis nullement disposé à l'attendre... D'ailleurs te le dirais-je? Je ne me plais pas assez dans leur société pour me reléguer à m'ennuyer pour l'amour d'eux: la bonne Clotilde est toujours cette nature âpre et revêche pour le monde entier, autant qu'elle est idolâtre de son mari. Or, si l'adoration me gêne, quand j'en suis l'objet, elle m'ennuie profondément, quand je n'en suis que le témoin. Quant à Maltitz, l'ennui du séjour qui n'est pas audience a surexcité ses nerfs au dernier point et, à la gentillesse près, il est parfois fantasque comme un enfant malingre.

Перевод:

Веймар. 19 сентября 1841

Милая кисанька, я только что вернулся от большого обеда, который великая герцогиня давала в честь кронпринца

Баварского[1], прибывшего невесть откуда и отправляющегося неизвестно куда; я видел только, как он внезапно вошел в сопровождении своей свиты, Цоллера, слащавого Воблана и пр. и пр. Надобно знать, что единственное развлечение здесь — это обеды у великой герцогини и пр. и пр. В конце концов, это скучно, и мне не терпится сказать о Веймаре: я там был.

Вчера утром, милая кисанька, я получил твое письмо. На меня пахнуло нашими сказочными временами — тот же размер листа, та же надпись на конверте, тот же почерк — но, слава Богу, на этом сходство и кончается. Насколько больше я люблю настоящее.

Мне бы внести больше порядка в мое письмо, но это невозможно. Я вернулся от обеда. В сущности, здесь нет ничего примечательного, кроме великой герцогини, я бы хотел, чтобы ты с ней познакомилась. Она настоящая великосветская дама, и нелепо, словно она здесь по недоразумению, видеть ее, с величественными манерами, среди ничтожного провинциального и педантичного веймарского окружения. Она оказала мне самый любезный прием. Я обедал у нее через день после моего приезда. Назавтра я провел у нее вечер. Это не так весело, как на вечерах у <1 нрзб>, но столь же достойно.

Я уже знаю более или менее всех здесь и не могу пройтись по улице, чтобы не встретить человека, которого знаю по имени. Подумай, как это весело. Еще и поэтому я спешу уехать. Теперь предстоит только преодолеть сопротивление Мальтицев, которые невесть почему вообразили, будто я приехал сюда с намерением провести рядом с ними несколько недель! Как бы не так! Что до меня, я понял, что мог бы увезти их в *Лейпциг*, где только что открылась ярмарка, а оттуда по железной дороге в Дрезден. Это и их желание тоже. Но сомнения всякого рода, терзающие беднягу Мальтица, не позволяют этим планам осуществиться. 30 сентября состоится какая-то годовщина, удерживающая его в Веймаре, — и ты понимаешь, конечно, что я ничуть не расположен дожидаться его... Впрочем, что тебе сказать? Я не настолько наслаждаюсь их обществом, чтобы приговорить себя к скуке из любви к ним. Добрая Клотильда по-прежнему настолько же резка и

неуживчива со всем миром, насколько обожает своего мужа. Однако если обожание мешает мне, когда я являюсь его предметом, то оно глубоко досаждает мне, когда я являюсь всего лишь свидетелем его. Что касается до Мальтица, скучная жизнь, без круга общения, перевозбудила его нервы до крайней степени и он, при всей его доброте, порою бывает взбалмошным, как болезненный ребенок.

66. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

15/27 сентября 1841 г. Дрезден

Dresde. Ce 27 septembre

Ma chatte chérie. Il me semble qu'il y a des siècles que nous nous sommes quittés. Ah, quel ennuyeux plaisir que le voyage. Me voilà à Dresde depuis hier et je n'y suis venu que pour l'acquit de ma conscience. Hier cependant, en arrivant ici, j'étais dans une disposition tout à fait sentimentale et qui avait je ne sais quel air de rêve. Dresde est un endroit auquel je rattachais des souvenirs qui me sont bien chers et qui me sont devenus plus personnels que les miens propres. C'est ici que tu es née, et cette petite circonstance qui alors était si étrangère à ma destinée, devait en devenir tout le fond et à la même époque une autre existence, un autre passé... Mais trêve de souvenirs. Cela grise comme de l'opium et fait avorter une lettre dès le début. Ce qui a pu contribuer à me sentimentaliser, c'est la manière toute particulière dont le mouvement de la voiture à vapeur agace les nerfs... Mais voyons. Tâchons de prendre le ton narratif... J'ai quitté Weimar le 24, demandant mentalement pardon aux Maltitz d'avoir été injuste envers eux par l'effet de l'ennui — la veille encore ils m'ont fait dîner avec la belle-fille de Goethe[1] qui, malgré sa laideur et ses boucles grises, et une dose passable d'affectation, m'a assez plu. Il est vrai que mes premières impressions sont presque toujours d'une indulgence extrême. Si elles avaient de la durée, cela tournerait à la charité.

A Leipsick je suis tombé dans un gouffre d'hommes, de boutiques, de marchandises. C'était la seconde semaine de la foire, c'est-à-d<ire> le moment de sa plus grande activité. Toutes les auberges pleines de monde, pas moyen d'obtenir un pauvre petit

coin pour y reposer la tête. Je me disais à moi-même, en essayant d'imiter tes intonations, que j'étais le plus désorienté des petits. Enfin la Providence m'a pris par la main et m'a mené loger chez un maquignon. La même Providence quelques heures plus tard m'a fait rencontrer au plus fort de la bagarre Fr. Bothmer[2], revenant du Mecklenbourg et perdu, comme moi, au milieu de ce chaos. Comme il était aussi sans asile je l'ai conduit chez mon maquignon et lui ai généreusement cédé la chambre du *Brochet*. Et puis nous nous sommes mis à flâner de compagnie. Mais, pour ma part, je suis certainement l'homme le moins digne d'une foire. Cela me fait le même effet que produirait sur toi la lecture d'un livre de méthaphysique. Pour m'intéresser un peu à tous les objets que je regardais sans voir il m'aurait fallu l'intermédiaire de tes yeux; ah, que n'étais-tu là! Que j'ai maudit ma stupidité qui m'empêchait dans ce tas de marchandises de fixer, même en idée, un choix quelconque. Mais je sais bien ce que j'en vais faire. A mon retour je suis décidé à acheter la foire toute entière, je te l'apporterai. Alors tu pourras choisir à volonté.

De Leipsick je suis parti sur le chemin de fer à trois heures de l'après-midi et suis arrivé ici à 7 h<eures>. C'est une distance de 16 m<iles>, la même qu'entre Ratisbonne et Munich. Il faut convenir que cette vapeur est une grande magicienne, et il y a des moments où le mouvement est si rapide, si dévorant, où l'espace est complètement vaincu, supprimé qu'il est difficile de ne pas éprouver un petit sentiment d'orgueil. Arrivé à Dresde j'ai pu le même soir encore aller au théâtre et j'y suis allé moins pour mon plaisir que pour en faire honneur au chemin de fer.

Dresde n'a pas beaucoup pris le grandiose de Prague, mais la vue sur l'Elbe de la terrasse de Brühl est charmante, c'est-à-d<ire> serait charmante, si tu étais là. Hélas, ce n'est pas un compliment que je te fais, en parlant ainsi, c'est tout bonnement l'aveu de mon impuissance d'exister par moi-même.

Ce matin je me suis mis en règle avec la galerie de tableaux, puis j'ai été voir Schröder, notre M<inistre> à Dresde qui m'a retenu à dîner. Ce pauvre Schröder est certainement un des mortels les plus nuls et les plus insipides que j'ai rencontrés. Il y a là un malheureux secrétaire qui est son souffre-douleur et qui m'a

fait frémir par le retour qu'il m'a fait faire sur moi-même. Car enfin la destinée de cette pauvre créature aurait pu être la mienne. J'ai trouvé aussi à Dresde une colonie de Russes, tous de mes parents et amis, mais de parents, que je n'ai pas vu depuis 20 ans, et des amis dont je ne savais plus le nom. Cela m'a valu encore quelques impressions peu agréables. Il y a là entr'autres ma cousine que j'ai connue enfant et que j'ai retrouvée vieille femme. C'est la sœur d'un de ces malheureux exilés en Sibérie qui a fait le mariage romanesque avec une jeune Française où j'ai eu quelque part. Eh bien, ce frère est mort, sa femme est morte, son père, sa mère sont morts, tout est mort, et la cousine en question se meurt aussi de la poitrine[2].

Ah, qu'il me tarde de te revoir! Aussi je veux partir demain, en repassant par Leipsick, et j'espère, Dieu aidant, être près de toi dimanche prochain. Mais, si par hasard j'arrivais un jour ou deux plus tard, ne t'en inquiètes nullement. Comme je ne suis pas sûr de pouvoir aller tout d'une traite jusqu'à Munich, je coucherai peut-être une fois en route.

Aie soin aussi, ma chatte, que je trouve quelques lignes de toi à Augsbourg, car il est possible que c'est par ce côté-là que j'arrive. Adieu. Je me sens trop nerveux pour continuer à écrire. Embrasse les enfants. A toi de cœur.

Перевод:

Дрезден. 27 сентября

Милая моя кисанька, мне кажется, словно прошли века со времени нашей разлуки. Ах, какое скучное развлечение — путешествие. Вот я, со вчерашнего дня, и в Дрездене, а приехал я сюда лишь для очистки совести. Однако вчера, подъезжая к городу, я был в самом сентиментальном настроении, чем-то напоминающем сон. С Дрезденом у меня связаны очень дорогие воспоминания, которые ближе мне, чем воспоминания, касающиеся меня лично. Здесь родилась ты, и этому маленькому обстоятельству, которое в то время было так чуждо моей судьбе, суждено было стать ее основой, а в то же время иная жизнь, иное прошлое... но полно вспоминать! Воспоми-

нания опьяняют, как опиум, и с первых же строк портят письмо. Моей сентиментальности могло способствовать движение паровика, своеобразно действующее на нервы... Однако постараемся придерживаться повествовательного слога... Я покинул Веймар 24-го, мысленно прося у Мальтицев прощения за то, что под влиянием скуки был несправедлив к ним. Еще накануне отъезда они пригласили меня обедать в обществе невестки Гёте[1], которая, несмотря на уродство, седые букли и изрядную дозу напыщенности, довольно понравилась мне. Правда, что первые впечатления мои всегда крайне снисходительны. Если бы они оставались неизменными, меня можно было бы назвать филантропом.

В Лейпциге я попал в водоворот людей, лавок, товаров. Шла вторая неделя ярмарки, то есть был самый разгар ее. Все трактиры битком набиты. Никакой возможности достать угол, где бы приклонить голову. Я сказал себе, пытаясь подражать твоей интонации, что я самый потерявшийся из смертных. Наконец Провидение взяло меня за руку и отвело на ночлег к барышнику. Несколько часов спустя опять-таки Провидение столкнуло меня в самой сутолоке с Фридрихом Ботмером[2], который приехал из Мекленбурга и, подобно мне, совершенно растерялся в этом хаосе. Так как он тоже не имел пристанища, я повел его к моему барышнику и великодушно уступил ему комнату *Щуки*. Затем мы вместе пошли побродить. Что до меня, то я несомненно наименее достойный ярмарки человек. Она производит на меня такое же впечатление, какое произвело бы на тебя чтение книги по метафизике. Чтобы хоть малость заинтересоваться всем, на что я гляжу, ничего не видя, мне нужно было бы посредство твоих глаз. Ах, зачем тебя не было со мною! Сколь я проклинал свою глупость, которая не дала мне ничего выбрать в этой груде товаров! Но я знаю, как поступить. Я решил на обратном пути купить сразу всю ярмарку и привезти ее тебе. Тогда ты сможешь выбрать по своему вкусу.

Из Лейпцига я уехал по железной дороге в три часа пополудни, а в 7 часов приехал сюда. Расстояние — 16 миль, то же, что от Регенсбурга до Мюнхена. Надо согласиться, что пар — вели-

кий чародей, порою движение так стремительно, так поглощающе, пространство так преодолено, сведено на нет, что трудно не поддаться чувству некоторой гордости. Приехав в Дрезден, я смог в тот же вечер пойти в театр, и пошел я не столько ради собственного удовольствия, сколько чтобы воздать должное железной дороге. Дрезден далеко не так величествен, как Прага, но вид на Эльбу с Брюлевской террасы восхитителен, то есть был бы восхитителен, если бы ты была там. Увы, говоря так, я не говорю тебе комплимента; это просто-напросто признание в невозможности жить самим собою.

Сегодня утром я отдал дань картинной галерее, потом сделал визит нашему дрезденскому посланнику Шрёдеру, который оставил меня обедать. Бедняга Шрёдер несомненно один из самых ничтожных и бесцветных смертных, каких я когда-либо встречал. При нем состоит несчастный секретарь, его козел отпущения, глядя на коего, я подумал о самом себе и содрогнулся. Ведь судьба этого несчастного созданья могла бы быть моей судьбой.

В Дрездене целая колония русских, — все мои родственники и друзья, но родственники, которых я не видел лет двадцать, и друзья, самые имена коих я позабыл. Это тоже вызвало во мне несколько не особенно приятных ощущений. Тут живет, между прочим, моя кузина, которую я знавал ребенком, а теперь встретил уже старухой. Она сестра одного из несчастных сибирских изгнанников, романтически женившегося на молодой француженке, причем это совершилось не без моего участия. Так вот, брат этот умер, жена его умерла, отец, мать умерли, все умерло, и кузина, о которой идет речь, тоже умирает от чахотки[2].

Ах, как мне хочется повидаться с тобою! Хочу уехать отсюда завтра же, через Лейпциг, и надеюсь с Божьей помощью быть возле тебя в воскресенье. Но если я приеду на день-два позже — ни в коем случае не беспокойся. Так как я не уверен, что смогу доехать до Мюнхена без остановки, то, быть может, проведу одну ночь где-нибудь в пути.

Постарайся, моя кисанька, чтобы я нашел в Аугсбурге несколько строчек от тебя, ибо возможно, что я приеду с этой

стороны. Прости! Я слишком взволнован и не могу больше писать. Обними детей.

Душевно твой.

67. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

22 декабря 1841/3 января 1842 г. Мюнхен

Munich. Ce 3 janvier 1842

Je suis bien coupable envers toi, ma bonne et chère Anna, d'avoir tardé si longtemps à répondre à tes lettres. Sois néanmoins bien persuadée, mon enfant, qu'elles m'ont fait le plus grand plaisir et que je suis tout heureux de te savoir heureuse auprès de la tante Clotilde, à qui, toi et moi, nous ne saurions témoigner assez de reconnaissance. Je suis entièrement satisfait des détails que tu nous donnes sur la vie que tu mènes et sur tes occupations, et j'aime à te savoir dans la société des personnes que tu nommes et dont quelques-unes me sont personnellement connues, telles, par ex<emple>, que Mr Frölich et son excellente fille. Rappelle-moi à leur souvenir, aussi qu'à celui de Mad. Schwendler quand tu la verras...

Je ne te recommande pas l'application à l'étude, tu es naturellement studieuse. Mais j'aimerais bien, mon enfant, te voir prendre dès à présent l'habitude d'apprêter à chaque chose que tu entreprends, toute l'attention et le soin nécessaire, pour que la chose soit bien et proprement faite.

Qu'une lettre, p<ar> ex<emple>, ne se recommande pas seulement par un style et une orthographe corrects, mais qu'elle soit encore proprement et soigneusement écrite. Sous ce rapport tu ne saurais trouver un meilleur exemple à faire, que celui de l'oncle Maltitz, ni un pire à éviter que celui de ton père. Et quant à l'oncle Maltitz, tu es bien heureuse, ma chère Anna, d'avoir rencontré à ton premier début dans la vie un homme tel que lui. Maintenant tu ne peux que l'aimer. Plus tard tu comprendras, combien il méritait d'être aimé.

Je n'entre pas dans des détails relativement à la vie que nous menons. Maman, je le sais, te tient au courant de tout ce qui se passe dans la maison. Tu nous as bien manqué le jour du Christ-

Kind, et quant à moi, ma bonne Anne, il n'y a que l'idée de te savoir parfaitement heureuse et contente là où tu es, qui puisse me faire supporter la privation de ne plus te voir ici. Je me flatte néanmoins que nous nous reverrons avant peu.

Напиши мне, начинаешь ли ты понимать то, что читаешь по-русски, и извести меня, когда ты будешь говеть?

Bonne année, ma chère enfant.

Т. Т.

Перевод:

Мюнхен. 3 января 1842

Я очень виноват перед тобой, добрая, милая Анна, потому что долго не отвечал на твои письма. Однако не сомневайся, моя девочка, в том, что они доставили мне самую большую радость, и я счастлив, что ты благополучна рядом с тетушкой Клотильдой, которой я, так же как и ты, не нахожу слов для благодарности. Я совершенно удовлетворен тем, что ты сообщаешь мне о своей жизни и занятиях, и я рад, что ты находишься в обществе тех людей, кого ты называешь в письмах, многих я знаю лично, например, г-на Фрелиха и его бесценную дочь. Передай им мой поклон, а также г-же Швендлер, когда ее увидишь...

Я не призываю тебя к усердию в ученье, ты и сама прилежна от природы. Но мне бы хотелось, моя девочка, чтобы у тебя отныне вошло в привычку в каждое начатое дело вкладывать все свое внимание и старанье, чтобы успешно и безукоризненно довести до конца всякое дело. Чтобы, к примеру, письмо отличалось не только своим стилем и верным правописанием, но и было чисто и аккуратно написано. В этом отношении тебе не найти лучшего образца, чем дядюшка Мальтиц, и худшего — чем твой отец; тебе посчастливилось, милая Анна, в начале своей жизни узнать такого человека, как он. Теперь пока ты можешь просто любить его. Позднее ты поймешь, сколь он достоин этой любви.

Я не вхожу в подробности нашей жизни. Я знаю, что мама держит тебя в курсе всего, что происходит дома. Нам очень

недоставало тебя в день Christ-Kind*, и что до меня, моя добрая Анна, только мысль о том, что ты совершенно счастлива и довольна там, где ты сейчас находишься, дает мне возможность переносить горечь от того, что ты не рядом с нами. Однако я льщу себя надеждой на скорую встречу.

Напиши мне, начинаешь ли ты понимать то, что читаешь по-русски, и извести меня, когда ты будешь говеть?

С новым годом, милая доченька.

Ф. Т.

68. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

1/13 марта 1842 г. Мюнхен

Munich. Ce 1/13 mars 1842

Enfin, après cinq mois de silence, c'est hier que j'ai reçu votre lettre du 8 novembre de l'année dernière. C'est mon frère qui vient de me l'envoyer de Varsovie. Je vois bien par ses explications qu'il y a eu beaucoup de malentendus dans cette affaire. Je n'accuse personne, mais je vous avoue que j'aurais été très reconnaissant si l'on m'eût épargné le chagrin et l'inquiétude que ces cinq mois de silence m'ont fait éprouver... Au mois d'octobre dernier je reçus une lettre de Nicolas qui m'annonçait qu'il allait quitter le service et qu'il allait nous arriver vers la fin de l'année. Je n'ai pas besoin de vous dire la joie que cette nouvelle nous avait laissé, et comme Nicolas nous annonçait son arrivée en termes très positifs, j'ai cru que nous pouvions nous permettre de l'attendre tout de bon. Mais voilà que le nouvel an arrive sans nous l'amener, ni lui-même, ni une lettre de lui, ni le moindre signe de lui ou de vous. Dans l'incertitude où ce silence m'avait mis je me décide à vous écrire directement, en adressant ma lettre à Orel. Et voilà deux mois passés que je suis dans l'attente d'une réponse à cette lettre[1]. Enfin il y a une quinzaine de jours environ j'ai écrit à Minsk[2] pour demander à ma sœur des nouvelles, tant de vous que de Nicolas, lorsque hier une lettre arrivée de Varsovie et qui contenait celle que vous m'avez écrite, chers

* Рождества Младенца Христа (*нем.*).

papa et maman, en date du 8 du mois de novembre dernier, est fort heureusement arrivée pour tranquilliser, en partie au moins, mes inquiétudes. Je vois bien par les explications de Nicolas que c'est l'attente où il est depuis des mois de se mettre en route pour venir me rejoindre qui l'a engagé à différer de me transmettre dans le temps votre lettre du mois de novembre, mais cela ne m'explique pas, comment il se fait que depuis lors vous ne m'ayez plus donné signe de vie? La dernière lettre que je vous ai écrite a plus de deux mois de date, et je suis encore à attendre la réponse à l'heure qu'il est. Le cours des postes a beau être inexact. Jusqu'à présent au moins je n'avais jamais remarqué cette persévérance d'irrégularité, car depuis une année voilà du compte fait trois de mes lettres qui ne vous sont pas parvenues. Je ne saurais non plus supposer que ce soit à dessein qu'on supprime mes lettres. Pourquoi et dans quel intérêt le ferait-on? Et si on les ouvre, eh bien, qu'on vous les envoie au moins ouvertes.

Nous avons eu un bien triste hiver. Il a commencé par la mort de la pauvre Reine douairière[3], ce qui a mis pour tout l'hiver la ville entière en deuil. Puis sont arrivées les maladies, des fièvres de toute espèce qui ont fait ravage et qui continuent encore, si bien que la mortalité a été plus forte dans ces derniers temps qu'à l'époque même du choléra. Dans notre ménage il n'y a que ma femme qui se soit ressentie de cette détestable influence. Elle s'était fort bien portée jusqu'à la fin de janvier, mais depuis ce moment elle a été constamment souffrante: elle va mieux maintenant, mais les médecins insistent pour qu'elle aille l'été prochain à Kissingen et de là aux bains de mer. Ma santé est fort bonne et celle des enfants aussi. Anna est à Weimar depuis le mois de novembre. Elle s'y trouve extrêmement heureuse entre sa tante et Maltitz qui a pour elle la plus tendre affection. Le séjour de Weimar est, il est vrai, passablement insipide pour quelqu'un qui a roulé dans le monde, offre toute sorte d'avantages et d'agréments à une enfant de douze ans, car toute la ville est comme un grand pensionnat. Clotilde m'écrit que la Grande-Duchesse qui voit Anna une fois ou deux dans la semaine, lui témoigne beaucoup de bienveillance. L'aumônier de la Grande-Duchesse lui donne des leçons du catéchisme et de

langue russe, et elle a en outre toute sorte de maîtres et d'occupations.

Les Sévérine sont absents depuis tout l'hiver qu'ils ont passé à Nice et reviendront ici le mois prochain. En fait des Russes nous avons ici la Princesse *Горчакова*, dont le mari est g<ouverneu>r général en Sibérie. Elle est née *Черевина* et m'a dit qu'elle connaissait beaucoup papa[4]. C'est une femme tout à fait distinguée et que nous voyons beaucoup. Puis il y a un Prince *Gallitzine*, neveu de la pauvre *Наталья Ивановна*[5] que j'ai sincèrement regrettée quelque incommode qu'elle fût de son vivant. *Мир праху Другини*!

Nicolas m'écrit que Mr *Souchkoff* a quitté le service[6]. Cette nouvelle m'a fait de la peine. Je croyais qu'il avait lieu d'être content de son poste. Et Dorothée, que fait-elle? Est-elle auprès de vous, au moins? Dites-lui, je vous prie, chère maman, mille tendresses de ma part.

Je suis toujours dans l'attente de Nicolas qui me promet plus positivement que jamais de venir me rejoindre et me supplie de différer de prendre une résolution quelconque avant de l'avoir revu. Nous verrons. En attendant, adieu, chers papa et maman. Je baise vos mains mille fois.

T. T.

Перевод:

Мюнхен. 1/13 марта 1842

Наконец-то, после пятимесячного молчания, я получил вчера ваше письмо от 8 ноября прошлого года. Мой брат только что переслал мне его из Варшавы. Я вижу из его объяснений, что в этом деле было много недоразумений. Я не обвиняю никого, но признаюсь вам, что был бы очень благодарен, если бы меня избавили от огорчения и беспокойства, причиненных этим пятимесячным молчанием. В прошлом октябре я получил письмо от Николушки, который объявлял мне, что он оставляет службу и приедет к нам в конце года. Нечего говорить вам, как мы обрадовались этому известию, а так как Николушка объявлял о своем приезде в выражениях

очень положительных, я поверил, что мы можем ожидать его на самом деле. Но вот наступает новый год, не принеся с собою ни его, ни письма от него, ни единого слова ни от него, ни от вас. Недоумевая, чем объяснить это молчание, я решился написать вам непосредственно, адресовав мое письмо в Орел, и вот больше двух месяцев, как я жду ответа на это письмо[1]. Около двух недель тому назад я написал в Минск[2], чтобы справиться у моей сестры как о вас, так и о Николушке, — наконец вчера, любезнейшие папинька и маминька, письмо, прибывшее из Варшавы с вложением вашего от 8 числа прошлого ноября, по счастью, хотя несколько успокоило мою тревогу. Из объяснений Николушки я вижу, что причиной, побудившей его в свое время замедлить с пересылкой мне вашего ноябрьского письма, было то, что он уже несколько месяцев дожидается возможности пуститься в путь, дабы ехать ко мне, но это не объясняет мне, почему вы с тех пор не подавали мне признаков жизни? Последнее мое письмо было написано вам более двух месяцев тому назад, а я все еще ожидаю на него ответа. Как ни неисправно почтовое сообщение, до сих пор по крайней мере я никогда не замечал такого постоянства в неаккуратности. Ибо за один год до вас не дошли ровным счетом три моих письма. Не могу также предположить, чтобы мои письма преднамеренно уничтожались. Зачем и с какой целью делать это? А уж если их вскрывают, так пусть отсылают вам хотя бы распечатанными.

У нас была очень грустная зима. Началась она со смерти бедной вдовствующей королевы[3], на всю зиму облекшей в траур весь город. Потом появились болезни, разного рода лихорадки, которые произвели большие опустошения и продолжаются и посейчас, так что смертность за это последнее время была больше, чем даже в эпоху холеры. В нашей семье только моя жена подверглась отвратительному влиянию этой болезни. Она прекрасно чувствовала себя до конца января, но с тех пор была постоянно больна: теперь ей лучше, но доктора настаивают на том, чтобы будущим летом она поехала в Киссинген, а оттуда на морские купанья. Здоровье мое и детей вполне хорошо. Анна с ноября в Веймаре. Она

чрезвычайно счастлива там со своей тетушкой и Мальтицем, который питает к ней самую нежную любовь. Пребывание в Веймаре, правда, довольно-таки бесцветное для того, кто много путешествовал, представляет всякого рода преимущества и удовольствия для двенадцатилетней девочки, так как весь город походит на большой пансион. Клотильда пишет мне, что великая герцогиня, которая видит Анну раз или два в неделю, очень благосклонна к ней. Придворный священник дает ей уроки Закона Божьего и русского языка и кроме того у нее есть разные учителя и занятия.

Северины отсутствовали всю зиму, которую они провели в Ницце, и вернутся сюда в будущем месяце.

Из русских здесь княгиня *Горчакова*, муж которой генерал-губернатором в Сибири, она рожденная *Черевина* и говорила мне, что хорошо знает папиньку[4]. Это женщина вполне почтенная, и мы с ней часто видимся. Потом здесь князь *Голицын*, племянник бедной *Натальи Ивановны*[5], о коей я искренне сожалел, как ни докучлива она была при жизни. *Мир праху Другини!*

Николушка пишет мне, что г-н *Сушков* оставил службу[6]. Это известие меня огорчило. Я думал, что он имел основание быть довольным своим местом. А что поделывает Дашинька? С вами ли она, по крайней мере? Передайте ей, пожалуйста, любезнейшая маминька, мой самый нежный привет.

Я все в ожидании Николушки, который обещает мне более положительно, чем когда-либо, приехать ко мне и умоляет меня не принимать никакого решения, пока я с ним не увижусь. Посмотрим. Пока простите, любезнейшие папинька и маминька. Целую ваши ручки тысячу раз.

Ф. Т.

69. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

16/28 апреля 1842 г. Мюнхен

Ce 28 avril 1842

Cette lettre, ma chère enfant, qui s'était destinée depuis un temps infini, t'arrivera, j'espère, à temps pour te porter mes félicitations et mes vœux à l'occasion de ton jour de naissance[1]. Ce

jour-là m'est présent comme si c'était hier. C'était un dimanche et le premier beau soleil de l'année.

Il me tarde bien de te revoir, ma chère Anna. Je compte avoir ce plaisir dans le courant de juin et m'attends à te retrouver grandie et développée. Dis mille tendresses de ma part à l'oncle Maltitz et fais-lui mes excuses de n'avoir pas encore répondu à sa dernière lettre.

Dis-lui aussi que le sonnet qu'il m'a envoyé sur la mort du jeune Popp... m'a paru admirable.

A quoi passes-tu ton temps, ma bonne amie. Voilà le printemps est revenu et votre parc ne tardera pas à être bien beau. Je te recommande très particulièrement le parc, tout autant pour le moins que les leçons d'histoire et celles de langue russe. Et à propos de celle-ci, commences-tu un peu à l'y orienter? Que lis-tu en fait de russe? Tu n'ignores pas, je pense, qu'après demain, dimanche, nous célébrons notre fête de Pâques.

Ton oncle Nicolas est arrivé ici depuis quelques jours. Il a quitté le service[2] et se propose de passer quelque temps auprès de nous. Il nous accompagnera à Kissingen, et peut-être le persuaderai-je à venir avec moi vous voir à Weimar. Il te fait dire mille amitiés et m'a demandé de tes nouvelles avec beaucoup d'intérêt.

Bonjour, ma chère enfant. Ecris-moi dans tes moments perdus. Mille tendresses à la tante Clotilde. Je ne manquerai pas d'écrire au premier jour une longue lettre à l'oncle Maltitz.

Когда же я могу надеяться получить от тебя русское письмо? Прости.

Тебя нежно любящий отец

Ф. Т.

Перевод:

28 апреля 1842

Моя милая девочка, надеюсь, что это письмо, предназначенное тебе с бесконечно давнего времени, дойдет вовремя, чтобы принести тебе мои поздравления и пожелания по случаю твоего дня рождения[1]. Я помню этот день, как будто он был вчера. Это было воскресенье и первый солнечный день в году.

Очень хочу тебя увидеть, милая Анна. Надеюсь, что буду иметь это удовольствие в июне, и ожидаю найти тебя выросшей и повзрослевшей. Передай от меня самый сердечный поклон дядюшке Мальтицу и извинись за меня, что я еще не ответил на его последнее письмо. Скажи ему также, что присланный им сонет на смерть молодого Поппа... я нахожу превосходным.

Как ты проводишь время, милый друг? Вот уже снова наступила весна, и ваш парк скоро станет очень красивым. Я настоятельно советую тебе гулять в парке, по крайней мере, это не менее важно, чем уроки истории и русского языка. Кстати, начинаешь ли ты понемногу разбираться в нем? Что ты читаешь по-русски? Думаю, тебе известно, что послезавтра, в воскресенье, мы празднуем нашу Пасху.

Твой дядюшка Николай приехал сюда несколько дней назад. Он оставил службу[2] и предполагает провести некоторое время с нами. Он поедет с нами в Киссинген, и, может быть, я сумею его убедить поехать со мной в Веймар повидаться с вами. Он шлет тебе сердечный привет и расспрашивал о тебе с большим участием.

Прощай, моя милая девочка. Пиши мне в свободную минуту. Сердечный поклон тетушке Клотильде. Я не премину при первой возможности написать длинное письмо дядюшке Мальтицу.

Когда же я могу надеяться получить от тебя русское письмо? Прости.

Тебя нежно любящий отец

Ф. Т.

70. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

30 мая/11 июня 1842 г. Веймар

Weimar. Ce 11 juin

Voilà ta paroisse devenue une paroisse de Weimar[1]. Malgré tes prédictions ce n'est pas le 4ème, c'est le 3ème jour que je suis arrivé ici et encore ai-je passé une demi-journée toute entière à Gotha[2] que je me suis cru obligé de visiter en détail. Depuis Meiningen

le voyage m'est revenu à 20–25 fl<orins>. Ici j'ai tout retrouvé comme je l'avais laissé. La Grande-Duchesse est souffrante depuis quelque temps et ne reçoit pas. D'ailleurs, comme la cour est encore en ville, l'étiquette Weimarienne exige l'uniforme pour pouvoir être présenté, à moins que je ne consente à paraître en frac, mais avec l'épée au côté, ce qui est mon *bien* légalement autorisé[3], mais parfaitement ridicule.

Quant à Maltitz, ma présence lui fait éprouver un bien-être dont je suis touché et qui me fait passer par-dessus les répétitions. J'ai trouvé Anna grandie et en fort bonne santé, mais toujours aussi embarrassée que par le passé. C'est aussi le cas de la pauvre Hannstein qui se sent tout à fait dépassée au milieu de toute cette Bildung et de ces conversations littéraires à perte d'haleine. Elle n'ose plus dire *bravo* et s'abstient même des *Ah*. Il n'y a qu'Ernest[4] qui ait conservé son imperturbable aplomb.

C'est aujourd'hui l'anniversaire du jour de naissance de Maltitz, son 47<ème> anniversaire! Il y a donc des hommes encore plus vieux que moi.

Ma chatte chérie, comment te portes-tu? Où en est la cure? Tes fonctions sont-elles réglées? Fais-moi le plaisir de ne pas te presser pour les bains de siège. Et Marie? Elle n'a plus personne qui lui donne des appréhensions pour ses Narren, mais j'espère que cela ne l'empêchera pas de continuer à se bien porter. A cette condition je lui passerai les $^3/_4$ de ses caprices. Parle-moi aussi de tes promenades. Hélas, je ne suis pas comme toi, rien ne m'alarme comme l'absence. Il me semble que toutes les puissances de la nature sont aux aguets et n'épient que le moment où j'aurai tourné le dos pour me faire pièce.

Kissingen, je suppose, se peuple à vue d'œil. Les Luxbourg sont-ils arrivés? Les as-tu été voir?

Adieu, ma chatte, je suis découragé par mon exécrable écriture. La pudeur me fait tomber la plume des mains. Il fait ici une chaleur comme dans les premiers jours de notre arrivée à Kissingen[5] et il y a encore moins d'ombre ici que là.

Adieu. Aie grand soin de ta personne. C'est tout ce qu'il y a de plus essentiel au monde.

A rencontre à jamais.

Перевод:

Веймар. 11 июня

Вот, наконец, твой адресат стал веймарским адресатом[1]. Вопреки твоим предсказаниям, пошел третий, а не четвертый день с тех пор, как я сюда приехал, а еще целых полдня я провел в Готе[2], которую почел своим долгом подробно осмотреть. От Мейнингена дорога обошлась мне в 20–25 флоринов. Здесь я нашел все в том же неизменном виде, как и в прошлый раз. Великая герцогиня больна и не принимает. Впрочем, поскольку двор сейчас в городе, веймарский этикет требует представляться ко двору в мундире, разве только я не решусь явиться во фраке, со шпагой на боку, моей законной *принадлежностью*[3], что выглядело бы весьма забавно.

Что до Мальтица, мой приезд доставил ему удовольствие, весьма тронувшее меня и позволившее обойтись без повторений. Я нашел Анну подросшей и совершенно здоровой, но, как и прежде, застенчивой. Она напоминает бедняжку Ганштейн, которая чувствует себя совершенно устаревшей среди всей этой Bildung* и литературных споров до изнеможения. Она уже не осмеливается восклицать *браво* и даже воздерживается от *ах*. Один только Эрнст[4] не теряет своей невозмутимой самоуверенности.

Сегодня день рождения Мальтица, ему исполнилось 47 лет! Есть же люди еще старее меня.

Милая кисанька, как ты себя чувствуешь? Как подвигается лечение? Восстановились ли твои функции? Доставь мне удовольствие, не торопись с сидячими ваннами. А Мари? Рядом с ней теперь нет никого, кто пожурил бы ее за Narren**, но, надеюсь, это не мешает ей превосходно себя чувствовать. При этом условии я прощаю ей $^3/_4$ ее капризов. Расскажи мне о своих прогулках. Увы, я не таков, как ты, ничто не внушает мне такой тревоги, как разлука. Мне

---

* образованности (*нем.*).

** Здесь: шалости (*нем.*).

кажется, что все силы природы подстерегают и ждут только минуты, когда я отвернусь, чтобы ополчиться против меня.

Киссинген, наверное, наполняется публикой на глазах. Приехали ли Люксбурги? Видала ли ты их?

Прощай, моя кисанька, я в отчаянии от своего скверного почерка. От стыда перо падает у меня из рук. У нас стоит жара, как в первые дни нашего приезда в Киссинген[5], но здесь еще меньше тенистых мест, чем там.

Прощай. Береги себя хорошенько. Это важнее всего на свете.

До встречи навсегда.

71. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

6/18 июня 1842 г. Веймар

Weimar. Ce samedi. 18 juin

Ma chatte chérie. J'ai été obligé de dire encore une fois, en lisant ta lettre: *gentille créature*... Mais n'est-ce pas un compliment que tu me fais, quand tu prétends t'ennuyer si fort de mon absence. En tout cas cette absence tient à sa fin, et tu me reverras très probablement jeudi prochain, car je compte partir d'ici le 21, c'est-à-d<ire> mardi. C'est hier que j'ai vu pour la première fois la Gr<ande>-Duchesse. J'avais déjà dîné deux fois à la cour et passé la soirée sans l'avoir aperçue. Hier c'était sa première sortie.

On est ici d'un accueillant pour les étrangers qui est presque touchant. Il y a de la reconnaissance dans l'accueil qu'on leur fait. Il est vrai que c'est bien petit et qu'il faut avoir réduit ses prétentions à un temps assez humble pour supporter à la longue un pareil séjour. Cependant on ne manque pas, tant s'en faut, de société ici. Hier j'ai passé la soirée chez le Ministre de Prusse[1] où il y avait une cinquantaine de personnes. Avant-hier chez la belle-fille de Goethe, etc. etc. C'est que tout le monde vit continuellement réuni, comme à bord d'un vaisseau. Que dis-tu de ce changement de température? Je m'en ressens fort désagréablement, et toi, ma chatte? Et la cure, comment

s'en trouve-t-elle? Je suis fort impatient de juger par moi-même des résultats obtenus.

D'après ce que tu me dis de ton petit genre de vie depuis mon départ, je vois bien que tu as renoncé à la prétention de lutter de popularité à Kissingen avec Madame <1 нрзб> et que l'aubergiste de l'hôtel de Russie ne doit pas compter sur les séductions de ta présence pour augmenter le nombre des convives à la table d'hôte. Tout cela me fait espérer que je ne trouverai pas à mon retour *ma place* prise, à moins que le magnifique et ingénieux banquier ne me la succède sur les entrefaites. Et les *Luxbourg*? où en es-tu avec eux.

Maltitz me parle souvent de toi. L'autre jour il riait encore en se rappelant la manière dont tu regardais *Sévérine*. Il a parfaitement compris l'expression d'un dédain bienveillant et amusé — et si fort en contraste avec l'indignation toujours flagrante et vibrante de sa femme... Ici cette faculté de s'indigner trouve moins d'occasion de s'exercer. Aussi est-elle descendue au diapason d'une disposition d'esprit généralement âpre, mais pour tout le monde également.

Au reste je me trompe fort ou la pauvre femme a quelque chagrin secret. C'est probablement celui de n'avoir pas d'enfants et de voir aussi son mari beaucoup moins amoureux d'elle, qu'il en faudrait pour lui donner l'espoir de voir ce vœu se réaliser. Hélas, hélas. Quand on est au lit avec sa femme, ce n'est pas tout que de lui lire les vers de Schiller. Tous les deux, et la vieille Hannstein aussi, me chargent de te dire mille amitiés de leur part. Anna t'écrit elle-même[2].

Comment va la petite Marie? A distance il me semble que tu es injuste pour elle et que ses prétendus caprices ne sont que de gentillesses. Je me flatte que je la retrouverai dans l'état de santé le plus normal.

Adieu, ma chatte, je partirai sans faute le 21, car il y a des moments dans la journée où je me sens tout manchot, tout dépareillé.

J'oubliai de te dire que j'ai été dans la nécessité de me faire faire un pantalon de drap pour pouvoir me présenter à la cour. Il s'est trouvé que le Brochet avait oublié d'en prendre un. Mais

comme il ne voulait pas de prime abord convenir de cette négligence, il m'a tout bonnement apporté le sien, espérant que je prendrais ce change. Et cela lui aurait probablement réussi, si l'ampleur du pantalon, dans lequel il voulait m'endosser, ne m'avait pas fait éprouver un sentiment de bien-être inaccoutumé qui m'a fait aussitôt découvrir la superchérie. Rusé Brochet, va?..

Перевод:

Веймар. Суббота. 18 июня

Милая кисанька, читая твое письмо, я принужден был в очередной раз произнести: *благородное создание*... Но не хочешь ли ты мне польстить, говоря, что так сильно скучаешь без меня. В любом случае, разлука приближается к концу, и, вероятно, ты увидишь меня в ближайший четверг, поскольку я предполагаю уехать отсюда 21-го, то есть во вторник. Вчера я впервые видал великую герцогиню. Я уже дважды обедал при дворе и провел там один вечер, так и не увидав ее. Вчера состоялся первый ее выход.

Здесь столь радушны к иностранцам, что это почти трогательно. В приеме, какой им здесь оказывают, проглядывает благодарность. По правде говоря, жизнь здесь весьма скучная и нужно оставить в стороне всякую притязательность, чтобы долго переносить ее. Однако это не означает, что здесь нет общества. Вчера я провел вечер у прусского посланника[1], где собралось до полусотни гостей. Третьего дня был у невестки Гёте и т. д. Дело в том, что все живут тесным кругом, постоянно собираясь друг у друга, как на борту корабля. Что ты скажешь о такой перемене погоды? Я испытываю весьма неприятное ощущение, а ты, моя кисанька? А как подвигается твое лечение? Мне не терпится самому оценить достигнутые успехи.

Судя по тому, что ты пишешь о своем образе жизни после моего отъезда, я ясно вижу, что ты отказалась от намерения поспорить с популярностью г-жи <1 нрзб> в Киссингене и что хозяин hôtel de Russie не должен более рассчитывать на

приятность твоего присутствия, чтобы увеличить число обедающих за табльдотом. Все это заставляет меня надеяться, что я по возвращении не найду *свое место* занятым, если только великолепный и ловкий банкир уже не занял его. А *Люксбурги*, какова ты с ними?

Мальтиц часто говорит со мной о тебе. На днях он еще смеялся, вспоминая, как ты смотрела на *Северина*. Он прекрасно понял твое добродушно-пренебрежительное и веселое выражение, столь разительно отличающееся от явного и горячего негодования его жены, свойственного ей обыкновенно... В этом случае ее способность негодования имеет под собой еще меньше оснований. Вообще у нее она перешла в резкое расположение духа, теперь уже ко всем без разбора.

Впрочем, возможно, я ошибаюсь, либо у бедняжки есть какое-то тайное горе. Может, причиною то, что у нее нет детей, да к тому же она видит, что муж гораздо меньше теперь ее любит, чтобы можно было надеяться воплотить эту мечту. Увы, увы! Когда лежишь в постели с женой, читать ей стихи Шиллера — это еще не все. Оба они и старая Ганштейн кланяются тебе. Анна пишет тебе сама[2].

Как малышка Мари? На расстоянии мне кажется, что ты несправедлива к ней и что ее так называемые капризы всего лишь милые шалости. Льщу себя надеждой, что найду ее в более добром здравии.

Прощай, милая кисанька, я непременно выезжаю 21-го, потому что каждый день бывают минуты, когда я чувствую себя как без рук, совершенно разъятым на части.

Забыл сказать, что я был вынужден заказать себе шерстяные панталоны, чтобы иметь возможность представиться ко двору. Оказалось, что Щука забыл взять мои. Но как он не хотел поначалу признаваться в своей небрежности, он просто положил мне свои — в надежде, что я не замечу подмены. И это ему, вероятно, вполне бы удалось, если бы обширные панталоны, в которые он пытался меня вырядить, не заставили меня испытать непривычное ощущение свободы, и тем самым обман вскрылся. Каков хитрец Щука?..

72. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

1/13 сентября 1842 г. Мюнхен

Munich. Ce 1/13 septembre 1842

Je désire, chers papa et maman, que cette lettre vous parvienne avant celle que je vous ai écrite d'Ostende[1] et que vous soyez au plutôt rassurés relativement à l'argent que devait m'être transmis par Mr de Maltzoff. Deux jours après mon retour à Munich j'ai reçu les lettres de change en question, et il ne me reste plus qu'à vous remercier des soins que vous avez bien voulu donner à cette affaire. Nicolas vous aura informé, je suppose, du changement survenu dans ses projets et de la résolution qu'il a prise de passer l'hiver prochain à Vienne[2]. Bien que j'eusse compté sur lui pour faire en commun le voyage de Pétersbourg, je n'en persistais pas moins dans l'idée d'y aller passer l'hiver, comme je vous le disais dans ma dernière lettre, lorsqu'au moment de m'embarquer à Ostende, d'où il ne faut que six jours pour arriver à Kronstadt, j'ai appris, à mon très grand désappointement, que la Grande-Duchesse Marie de Leuchtenberg, dont la présence m'eût été si nécessaire à Pétersbourg, allait en partir pour tout l'hiver en Italie. Cette nouvelle m'arrêta tout court et m'a fait modifier mon plan en ce sens qu'au lieu de commencer par Pétersb<ourg> je commencerai par vous, et je suis convenu avec Nicolas que nous ferions le voyage ensemble et que de Vienne nous nous rendrions directement auprès de vous. Maintenant je suis tout à fait à sa disposition, et mon départ dépendra du sien.

Un autre désappointement qui m'attendait à Pétersb<ourg>, c'était l'absence de Mad. de Krûdener qui, elle aussi, passera cet hiver à l'étranger et qui se trouve en ce moment ici avec son amie la Comt<esse> Annette Chérémétieff[3]. J'ai un grand plaisir à la revoir, d'autant plus que je ne m'y attendais aucunement.

Nous sommes revenus ici après un absence de 4 mois à peu près, très satisfaits du voyage et même du succès de la cure, au moins de la dernière, de celle des bains de mer. Je vous ai déjà dit, je crois, que Kissingen n'avait pas réussi à ma femme, par contre, Ostende lui a fait un bien réel. J'y ai pris aussi quelques bains par pure curiosité et sans nécessité aucune.

Quant au voyage, c'est un des plus agréables qu'on puisse faire. Ces bords du Rhin que je ne connaissais encore ont tout à fait répondu à mon attente. Il est vrai que je les ai vus dans un moment plus favorable que mon pauvre oncle Николай Николаевич[4] qui en 1828, ne voulant pas quitter l'Allemagne sans avoir vu le Rhin, est parti de chez nous pour aller le visiter par une belle matinée du mois décembre, avec 14 degrés de froid et quatre pieds de neige. J'ai eu grand plaisir aussi à voir la Belgique, avec ses superbes villes et ses campagnes qui ne sont qu'un jardin continu que l'on traverse du Rhin jusqu'à la mer sur un espace de près de 300 verstes en 8 heures du temps grâce au chemin de fer.

A notre retour nous avons fait à Mayence une rencontre qui nous a fait grand plaisir et à laquelle certainement j'étais loin de m'attendre. C'est celle d'Евтих Ив<анович> Сафонов[5], et qui de plus est marié. Malheureusement, ce n'est pas à l'occasion de son mariage qu'on aura pu dire qu'on ne perdait rien pour attendu. Il est évident qu'il aurait mieux fait de se marier plus tôt. Il atteint là, sa femme et ses deux belles-soeurs, faire une tournée en Suisse et de là à Paris où il compte passer l'hiver. Ce n'est pas, vous le pensez bien, le seul compatriote que nous ayons rencontré dans notre voyage. C'est prodigieux, ce qu'il y a de Russes sur les grandes routes et combien leur nombre a augmenté depuis la nouvelle taxe sur les passeports. Le fisc a évidemment fait là une excellente affaire. A Kissingen, où j'ai passé six semaines, la colonie russe était la plus nombreuse de toutes. Il y avait là entr'autres la P<rinc>esse Чернышев, femme du Ministre de la guerre, Mad. Нарышкин, née Лобанов, que je connaissais déjà, Мальцов et sa femme, le général Тучков[6] et une des plus anciennes connaissances de papa qui je ne m'attendais guères à rencontrer, le vieux Новосильцов avec son fils et sa fille mariée. C'est même à Kissingen et le lendemain de son arrivée que le pauvre homme a eu la douleur d'apprendre la nouvelle de la mort de sa mère[7] qu'il quittait pour la première fois depuis plus de cinquante ans.

Nous sommes de retour ici depuis une semaine, et ma femme nous a déjà quittés pour aller à Tegernsee retrouver les enfants[8] qu'elle était impatiente de voir et qui n'ont cessé de se bien porter pendant tout ce temps de notre absence. Elle se réserve de vous

écrire elle-même sous peu et me charge en attendant de ses respects.

Je vous ai dit qu'à mon retour je comptais prendre un arrangement définitif à l'égard des deux petites. Après un examen je me suis décidé à les placer dans l'Institut des demoiselles nobles[9] qui est un établissement tout à fait recommandable et est placé sous la protection immédiate du Roi et de la Reine. L'éducation qu'on y reçoit est complète et ne laisse rien à désirer pour le fonds. L'a pension pour chacune des petites est de 800 roubles par an, excepté la première année, où elle est de 1200 roubles, à cause des frais que nécessite leur équipement, dont la charge est à l'Institut. J'ai tout lieu de croire qu'elles y seront bien et que cet arrangement n'est pas moins dans leur intérêt que dans le mien. Pour ce qui est de la religion, comme il y a dans l'Institut plusieurs élèves de la religion grecque, elles receveront un aumônier grec qui est ici, une instruction religieuse convenable. C'est pour pouvoir réaliser tous ces arrangements que je vous ai prié de me faire passer l'argent que je dois à vos bontés et que je tâcherai à employer dans sa totalité et du mieux que je pourrais à l'objet auquel je l'avais de tout temps destiné. Quant à Anna, elle est toujours auprès de sa tante Maltitz. J'ai été la voir au mois de juin dernier, de Kissingen[10]. Depuis j'ai appris qu'elle avait été malade, mais d'après des dernières nouvelles elle était de nouveau en voie de convalescence.

Voici, chers papa et maman, une lettre que vous aurez quelque peine à déchiffrer, tant à cause de l'écriture que du papier qui est abominable. Mais comme Nicolas avait aussi l'intention de vous écrire, je m'en rapporte à sa lettre pour vous expliquer les endroits peu lisibles de la mienne.

Adieu, je baise vos chères mains et suis à tout jamais votre très dévoué fils

T. T.

Перевод:

Мюнхен. 1/13 сентября 1842

Я желаю, любезнейшие папинька и маминька, чтобы это письмо дошло до вас ранее того, что я писал вам из Остенде[1],

дабы вы возможно скорее успокоились касательно денег, которые должен был передать мне г-н Мальцов. Спустя два дня по моем возвращении в Мюнхен я получил означенные векселя, и мне остается только благодарить вас за ваши хлопоты в этом деле. Полагаю, что Николушка известил вас об изменениях, возникших в его планах, и о принятом им решении провести будущую зиму в Вене[2]. Хотя я и рассчитывал отправиться в Петербург вместе с ним, тем не менее я не отказался от мысли провести там зиму, как говорил вам в моем последнем письме, — но в ту минуту, как я собирался садиться на пароход в Остенде, откуда до Кронштадта всего шесть дней, я узнал, к большому своему разочарованию, что великая княгиня Мария Николаевна Лейхтенбергская, присутствие коей было бы мне так необходимо в Петербурге, уезжает оттуда на всю зиму в Италию. Это известие сразу заставило меня изменить мой план в том отношении, что я начну не с Петербурга, а с вас, и мы условились с Николушкой путешествовать вместе и из Вены прямым путем ехать к вам. Теперь я вполне в его распоряжении, и мой отъезд будет зависеть от него.

Другим разочарованием, ожидавшим меня в Петербурге, было бы отсутствие госпожи Крюденер, которая также проведет эту зиму за границею и в данную минуту находится здесь со своей приятельницей графиней Анной Шереметевой[3]. Я был очень рад свидеться с нею, тем более что нисколько не ожидал этого.

Мы вернулись сюда после четырехмесячного отсутствия, очень довольные путешествием и даже успехом лечения, по крайней мере, последнего лечения морским купаньем. Я уже писал вам, кажется, что Киссинген не подошел моей жене, зато пребывание в Остенде принесло ей действительную пользу. Я тоже несколько раз купался, из одного любопытства и без всякой надобности. Что до путешествия, то оно из самых приятных, какое только можно сделать. Берега Рейна, которых я еще не знал, вполне оправдали мои ожидания. Правда, я видел их в более благоприятный момент, нежели мой бедный дядя Николай Николаевич[4], который в 1828 году не желал покинуть Германии, не побывав на Рейне, и с этой целью уехал от

нас в одно прекрасное декабрьское утро при четырнадцатиградусном морозе и четырех футах снега. Я также с большим удовольствием повидал Бельгию с ее великолепными городами и селениями, представляющими на пространстве трехсот верст от Рейна до моря один непрерывный сад, который, благодаря железным дорогам, проезжаешь в восемь часов времени.

На возвратном пути в Майнце нас ожидала встреча, доставившая нам большое удовольствие и, конечно, совсем не предвиденная мною. Это встреча с Евтихом Ивановичем Сафоновым[5], да еще женатым. К сожалению, слова о том, что время терпит, нельзя отнести к его женитьбе. Вполне очевидно, что он лучше сделал бы, если бы женился раньше. Он ожидает здесь свою жену и двух свояченец, дабы проехаться по Швейцарии, а оттуда направиться в Париж, где он рассчитывает провести зиму. Это, разумеется, не единственный соотечественник, которого мы встретили во время нашего путешествия. Достойно изумления, сколько русских разъезжает по большим дорогам и как возросло их число с введением новой пошлины на паспорта. Для государственной казны это оказалось, по-видимому, весьма выгодным делом. В Киссингене, где я провел шесть недель, русская колония была самой многочисленной из всех. Там были, между прочим, княгиня Чернышева, жена военного министра, госпожа Нарышкина, урожденная Лобанова, которую я уже знал, Мальцов с женой, генерал Тучков[6] и один из давнишних папинькиных знакомых, коего я ничуть не предполагал встретить, старик Новосильцов с сыном и замужней дочерью. И как раз в Киссингене, на другой день своего приезда, бедняга получил горестное известие о смерти своей матери[7], с которой он расстался в первый раз за пятьдесят с лишком лет.

Мы вернулись сюда неделю тому назад, и моя жена уже оставила нас, чтобы поехать в Тегернзее к детям[8], с которыми стремилась свидеться и которые были вполне здоровы в течение всего нашего путешествия. Вскорости она сама будет писать вам, пока же поручает мне передать вам ее почтение.

Я писал вам, что по моем возвращении рассчитываю заняться окончательным устройством двух младших девочек. По зрелом обсуждении, я решился поместить их в институт

благородных девиц[9], заведение вполне почтенное и состоящее под непосредственным покровительством короля и королевы. Там получают всестороннее образование, не оставляющее желать ничего лучшего, за содержание каждой девочки взимается ежегодно 800 рублей, кроме первого года, когда вносится плата в 1200 рублей для покрытия расходов по обмундированию, которые принимает на себя институт. Я имею полное основание думать, что им будет там хорошо и что подобное устройство столь же в их интересах, сколько и в моих. Что касается Закона Божьего, то они получат от здешнего греческого священника надлежащее духовное образование, ибо в институте есть несколько воспитанниц греческого вероисповедания. Вот для того-то, чтобы осуществить все это, я и просил вас переслать мне деньги, коими обязан вашей доброте и кои постараюсь употребить сполна и возможно лучше на тот предмет, на который всегда их предназначал. Что до Анны, то она все еще у своей тетушки Мальтиц. В прошлом июне я ездил навещать ее из Киссингена[10]. С тех пор я узнал, что она была больна, но, по последним известиям, она снова на пути к выздоровлению.

Вот, любезнейшие папинька и маминька, письмо, которое вы разберете не без труда, как из-за почерка, так и по причине отвратительной бумаги. Но поскольку Николушка тоже намеревался писать вам, то я полагаюсь на его письмо для разъяснения неразборчивых мест моего.

Простите, целую ваши дорогие ручки и остаюсь навсегда вашим преданнейшим сыном

Ф. Т.

73. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

23 сентября/5 октября 1842 г. Мюнхен

Mercredi. Ce 5 octobre

Ta lettre ne m'est parvenue que ce matin. Il était temps. Je suis toujours chez la *Feigel* et j'y resterai jusqu'au 11, car l'encan Dönhoff n'a commencé qu'aujourd'hui et ne sera guères terminé avant la fin de la semaine[1].

Hier j'ai rencontré chez Sévérine définitivement rentré, *Medem*, que j'ai conduit chez les Méjan et le Pr<in>ce Löwenstein[2] chez lequel j'ai dîné. Il y avait au nombre des convives *Luxbourg* et Eichthal qui te baisent les mains. Eichthal, en sus, t'envoie la lettre ci-jointe que j'ai lue ainsi qu'il m'appartenait.

Ce matin j'ai payé contre quittance la pension des enfants. Mais ce n'était que 800 fr<ancs>. Quant à aller les voir, j'attendrai pour le faire à l'arrivée de la *Hannstein* qui est attendue aujourd'hui.

Hier soir j'ai été chez les Pallavicini[3], avant-hier chez le Bouvreuil. Ce soir j'essaierai d'aller voir la Casimire[4].

Balgiano me quitte en ce moment, il a été terrifié, en apprenant que tu avais voyagé. Heureusement j'avais reçu la nouvelle de ton arrivée – autrement ses exclamations m'auraient consterné. Mais dorénavant il ne t'arrivera plus de voyager seule. C'est décidé.

Embrasse les enfants et puissent-ils t'ennuyer sérieusement.

T. T.

Перевод:

Среда. 5 октября

Я получил твое письмо только сегодня утром. Пора уже было. Я по-прежнему живу у *Фейгель* и пробуду здесь до 11-го числа, потому что торги у Дёнгофа начинаются только сегодня и продлятся до конца недели[1].

Вчера я встретил у Северина окончательно вернувшегося *Медема* и проводил его к Межанам и кн. Лёвенштейну[2], у которого я обедал. Среди приглашенных были *Люксбург* и Эйхталь, они целуют тебе ручки. Эйхталь, кроме того, передал для тебя прилагаемое письмо, которое я прочел, как и следовало.

Сегодня утром я оплатил по квитанции пенсион детей. Но это составило всего 800 франков. Что касается до посещения их, я отложу его до приезда *Ганштейн*, которую ожидают сегодня.

Вчера вечером я был у Паллавичини[3], третьего дня — у Снегиря. Сегодня вечером постараюсь побывать у Казимиры[4].

В эту минуту меня покинул *Бальджано*, он пришел в ужас, узнав о том, что ты путешествовала! К счастью, я получил твою весточку о благополучном прибытии, иначе его восклицания привели бы меня в уныние. Но впредь ты не будешь ездить одна. Это решено.

Обними за меня детей и пусть они тебе как следует докучают.

Ф. Т.

74. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

25 сентября/7 октября 1842 г. Мюнхен

Ce vendredi. 7 octobre

Ma chère chatte, je prévois des longueurs interminables pour le logement. L'encan ne fait que commencé et promet de durer longtemps. Tout s'y vend à des prix absurdement élevés. Mad. de Frannhofer qui m'a dernièrement rencontré au théâtre m'a supplié d'user de clémence à leur égard, vu l'impossibilité où ils étaient d'entrer dans leur logement avant le 18 ou le 20. Je ne lui ai accordé de répit que jusqu'au 16. Mais je prévois que ce jour-là il n'y aura encore rien de fait, et il serait désagréable de devoir recourir à la police pour hâter leur déménagement. La Méjanne m'a parlé d'une bonne Française qui pourrait, à ce qu'elle croit, nous convenir. Cette personne a servi chez Mr de Z<нрзб>, et le certificat qu'il lui a délivré est conçu dans les termes les plus affectueux et les plus favorables. On la recommande comme un trésor à toute famille qui pourrait avoir besoin d'une bonne, j'étais tenté de t'envoyer ce document, mais cela aurait nécessité une enveloppe dont la confection — comme dirait ton frère — excéderait la mesure de mon savoir-faire. Qu'il te suffise de savoir que c'est le nec plus ultra de la recommandation. Dans tous les cas je verrai la personne et je te dirai l'impression qu'elle aura produit sur moi.

Hier soir il y avait grand lever chez la Casimire. C'était toute la menue diplomatie au milieu de laquelle elle était à se pamant

d'aise et s'épuisant de paroles. C'était du enfin sans fin. Elle m'a dit que tu as dû passer la soirée d'hier chez la Dettlingen. Si la Yrsch[1] en était, j'estime que tu dois avoir à l'heure qu'il est les oreilles en sang et la tête percée de part en part.

Les préparatifs de fête[2] se poursuivent à travers toute sorte de nouvelles contradictions. Mais ce que paraît certain c'est que beaucoup de personnes manqueront à l'appel. Mad. de *Sévérine* n'y vient pas. Lady *Erskin* part pour l'Italie. La Bourgoing ne paraîtra qu'à la cérémonie. Les <2 нрзб> les Montgelas absents. En revanche Anna Arco[3] viendra. La Krüdener arrive demain.

Hier j'ai eu la visite de Schlagenweit[4]. Il a été très désappointé de ne plus te trouver. Car il avait, à ce qu' il prétend, une nouvelle à t'annoncer qu'il brûle de te dire. Cette nouvelle, tu l'as devinée — sa catin est grosse, grosse de 4 mois. Et tout cela, accompagné de détails les plus circonstanciés et les plus techniques sur la manière dont ce miracle s'est opéré. Il n'a pas manqué de résumer son récit par son adresse habituel. Il faut laisser la boule — le globe — le boulet, etc. etc. C'est-à-dire, *lasst die Kugel rollen*, c'est-à-dire encore.

Je sais la *Hannstein* arrivée et j'irai la voir dans journée. Je n'ai plus vu les enfants depuis ton départ. Mais j'engagerai la Hannst<ein> à les aller voir avec moi dimanche prochain.

J'oubliais de te dire, en parlant des fêtes, que ce n'est qu'au retour de Ratisbonne que les 3 *bals* et accepts auront lieu. Ainsi il n'y a pas d'apparence que les festivités soient entièrement terminées avant la fin du mois. Mais il n'est nullement nécessaire que tu attendes le dernier coup d'archet pour revenir ici. J'estime que nous ne serons pas casés d'ici à 4 semaines. As-tu des livres? Si décidément tu en manquais, je t'enverrai.

Adieu, ma chatte, je baise tes chers yeux et j'embrasse tout le reste.

Перевод:

Пятница. 7 октября

Милая кисанька, я предвижу, что дело с квартирой надолго затянется. Торги только начались и обещают продлиться

долгое время. Все здесь продается по безумно высоким ценам. Г-жа Франхофер, встретившаяся мне недавно в театре, умоляла меня проявить милосердие к ним, поскольку они не имеют возможности въехать в свою квартиру между 18 и 20-м числом. Я согласился на отсрочку только до 16-го. Но предвижу, что в этот день еще ничего не получится и придется прибегнуть к неприятному средству — поторопить их с переездом с помощью полиции. Г-жа Межан говорила мне о хорошей француженке, которая могла бы нам, по ее мнению, подойти. Эта особа служила у г-на Ц<нрзб> и рекомендация, данная ей, составлена в самых благожелательных и лестных выражениях. Она рекомендуется как сокровище для всей семьи, нуждающейся в бонне; я хотел послать тебе сей документ, но для него требуется конверт, изготовление коего, как сказал бы твой брат, превосходит степень моего умения. Придется тебе довольствоваться моим заверением, что эта рекомендация nec plus ultra*.

Во всяком случае, я увижу эту особу и сообщу тебе, какое впечатление она произвела на меня.

Вчера вечером у Казимиры состоялся большой прием. Собрался весь дипломатический свет, среди которого она млела от удовольствия и заливалась речами до самозабвения. Это продолжалось бесконечно. Она сказала мне, что ты, должно быть, провела вчерашний вечер у г-жи Деттлинген. Если там была Ирш[1], то, полагаю, что в настоящую минуту у тебя должны гореть уши и трещать голова.

Приготовления к празднику[2] продолжаются, несмотря на противоречивые слухи. Но что достоверно, так это то, что многие не отзовутся на призыв. Г-жа *Северина* не поедет на торжества. Леди *Эрскин* уезжает в Италию. Г-жа Бургуэн появится только на церемонии. <2 нрзб> и Монжела отсутствуют. Зато приедет Анна Арко[3]. Завтра приезжает Крюденерша.

Вчера у меня был с визитом Шлагенвейт[4]. Он очень огорчился, не застав тебя. У него для тебя новость, которую

* самой высшей степени (*лат.*).

ему не терпелось тебе сообщить. Новость эта, как ты уже догадалась, беременность его шлюхи, она на четвертом месяце. И все в самых обстоятельных и детальных подробностях о том, как совершилось это чудо. Он не преминул, по своему обыкновению, мастерски завершить рассказ: «Пусть растет ком — шар — ядро» и пр. То есть, *lasst die Kugel rollen**, иначе говоря.

Я известился о том, что приехала *Ганштейн*, и завтра днем навещу ее. После твоего отъезда я еще не был у девочек. Но я попрошу Ганштейн поехать со мной повидаться с ними в ближайшее воскресенье.

Забыл сказать тебе, когда писал о праздниках, что только по возвращении из Регенсбурга состоятся 3 *бала* и приемы. Так что торжества вряд ли полностью завершатся до конца месяца. Но тебе, конечно, совершенно не нужно дожидаться последнего удара смычка, чтобы возвращаться сюда. Полагаю, что мы не выберемся отсюда за месяц. Есть ли у тебя книги? Если совсем нет, то я пришлю.

Прощай, милая кисанька, целую твои милые глазки и обнимаю все остальное.

75. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

27 сентября/9 октября 1842 г. Мюнхен

Ce dimanche. 9 octobre

Ma chère Anna, je viens de voir tes sœurs à l'Institut qui y sont depuis huit jours. Elles me paraissent l'être fort contentes et fort heureuses, Kitty surtout qui est devenue plus turbulente que jamais, grâce à la faveur qu'elle a trouvée tant parmi ses compagnes qu'auprès des dames surveillantes. J'ai remis à tes sœurs tes deux lettres et j'aurai soin de te faire parvenir leurs réponses.

J'ai été fort en peine de ta santé, ma chère Anna, et suis tout heureux de la savoir rétablie. Mais que ceci te serve d'avertissement à ton âge, on peut déjà assez calculer les suites d'une indigestion pour trouver en soi-même la force et la raison nécessaire

---

* пусть все идет своим чередом. Дословно: пусть шар катится (*нем.*).

pour s'en garantir... Ainsi fais-moi le plaisir de me promettre de te bien porter.

Maman est toujours encore à la campagne où elle compte rester jusqu'après les fêtes.

Le nouveau logement que nous avons loué dans la Ludvigstrasse n'est pas encore prêt pour nous recevoir. La petite Marie se porte bien. Elle est très gentille, par moments d'une intelligence très précoce, mais elle a grandement besoin d'être sous la surveillance d'une bonne. Le petit Dimitri se porte aussi mieux et devient moins laid.

Je t'ai envoyé dernièrement une lettre de maman[1] qui a toujours grand plaisir à avoir de tes nouvelles.

Les deux tantes sont ici depuis quelques jours. J'ai été bien aise de faire la connaissance de la tante Millette[2] qui m'a l'air d'être une femme d'esprit. Nous avons quelque peine à causer ensemble, attendu qu'elle parle tout aussi peu le français que je parle mal l'allemand.

Mon frère m'a quitté pour aller passer l'hiver à Vienne où j'irai le rejoindre au printemps prochain pour aller de là en Russie visiter mes parents. J'espère toutefois qu'avant d'entreprendre ce voyage j'aurai eu la satisfaction de te voir et de t'embrasser.

Laisse-moi, ma chère Anna, finir ma lettre par une exhortation. C'est de soigner un peu davantage ton orthographe en français. C'est une chose si disgracieuse qu'une lettre mal orthographiée, presque aussi disgracieuse qu'une tête mal peignée, et dans un cas comme dans l'autre ce n'est que l'effet de la négligence et de la paresse.

Adieu, ma bonne et chère enfant. Je t'embrasse de tout mon cœur et te recommande à la grâce de Dieu.

T. T.

Перевод:

Воскресенье. 9 октября

Милая Анна, я только что повидал твоих сестер в институте, они там находятся уже неделю. Мне показалось, что они очень довольны и счастливы своим пребыванием там, осо-

бенно Китти, которая стала еще непоседливее, чем прежде, благодаря ласковому обращению, которая она встретила как среди подруг, так и среди наставниц. Я передал сестрам два твоих письма и позабочусь о том, чтобы переслать тебе их ответы.

Я сильно беспокоился о твоем здоровье, милая Анна, и очень обрадовался, узнав, что ты поправилась. Но пусть это тебе, в твоем возрасте, послужит предупреждением, теперь уже можно представить себе последствия расстройства пищеварения, чтобы найти в себе необходимые силы и разум для того, чтобы впредь избегать его... Так что сделай милость, обещай мне следить за своим здоровьем.

Мама все еще за городом и предполагает оставаться там до конца торжеств.

Новая квартира, снятая нами на Людвигштрассе, еще пока не готова для переселения. Малышка Мари благополучна. Она очень мила и порою бывает умна не по возрасту, но ей просто необходим присмотр няни. Маленький Дмитрий тоже чувствует себя лучше и стал уже не так некрасив.

Я послал тебе недавно письмо мама́[1], она всегда очень любит получать от тебя весточки.

Обе тетушки здесь вот уже несколько дней. Я был очень рад познакомиться с твоей тетушкой Милеттой[2], мне она показалась умной женщиной. Нам было довольно трудно беседовать, потому что она так же дурно говорит по-французски, как я по-немецки.

Мой брат уехал от меня на зиму в Вену, а я туда заеду за ним весной, чтобы вместе ехать к родителям. Надеюсь все же, что прежде чем отправиться в это путешествие, я буду иметь удовольствие увидеть и обнять тебя.

Позволь мне, милая Анна, закончить письмо назиданием. Тщательнее следи за своим французским правописанием. Безграмотное письмо так же неприятно, как и неприбранная голова — и то и другое следствие небрежности и лени.

Прощай, славная, милая девочка. Обнимаю тебя от всего сердца и поручаю на милость Божию.

Ф. Т.

76. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

28 сентября/10 октября 1842 г. Мюнхен

Ce lundi. 10 o<cto>bre

Ma chère amie. J'ai vu cette bonne qui est une femme d'une trente à* quarantaine d'années. Elle a une bonne figure, franche et résolue qui prévient en sa faveur. Elle parle sa langue purement. Je lui ai dit d'attendre ton arrivée du 18 au 20 que tu la verrais et déciderais. Elle a passé 6 ans chez les Z<нрзб> qui, à en juger par le certificat, en ont été extrêmement satisfait. Elle se nomme <1 нрзб>.

Hier, dimanche, je suis allé entre midi et 1 h<eure> voir les petites à l'Institut. J'y ai trouvé la Hannstein et l'excellent Meyer. Les petites m'ont paru tout à fait acclimatées, et Kitty surtout est devenue plus turbulente et plus *ausgelassen* que jamais. J'ai compris par les plaintes que Daria s'est hasardée à me faire en secret que sa sœur avait trouvé grande faveur tant parmi ses compagnes qu'auprès des maîtresses, qu'on lui passait tout et qu'en un mot elle s'était complètement émancipée vis-à-vis d'elle. J'ai remis à la Dietrich le châle et le dé.

Le soir il y a eu du monde chez Casimire en l'honneur de la Krüdener qui ne revient pas de notre excessive indulgence envers son amie. Aussi je ne doute pas qu'elle ne mette consciencieusement à profit le peu de temps qu'elle restera ici pour administrer à la pauvre petite à titre de correctif quelques bonnes doses d'une salutaire brutalité. La Chérémétieff n'a pas encore paru. Je compte aller la voir dans la matinée.

J'ai dîné hier chez l'ami *Sévérine* qui est plus absurde que jamais. Hier en présence de deux étrangers il me demanda comme s'il se référait à une chose de notoriété publique, si c'est bien le P<rince> Charles qui a eu le pucelage de <1 нрзб>. Mets-y le ton, le regard, la figure et tu comprendras l'impression qu'a dû faire ce propos.

J'ai revu la Hannstein et sa sœur. C'est une grande femme de 72 ans, très verte encore, et dont le parler m'a rappelé sa sœur la Comtesse Bothmer.

---

* Слова *trente à* вставлены над строкой с нарушением грамматического построения фразы.

Adieu, ma chatte. Embrasse Marie qui, je suppose, se console parfaitement de ne plus me voir et l'héritier. Ah, tu ne te sens pas encore suffisamment *embêtée*. Eh bien, attendons.

Перевод:

Понедельник. 10 октября

Милый друг, я видел няню, это женщина лет тридцати-сорока. У нее приятное лицо, открытое и решительное, располагающее к себе. Она чисто говорит на своем языке. Я просил ее дождаться твоего приезда 18–20-го числа. Ты посмотришь сама и примешь решение. Она прожила 6 лет у Ц<нрзб>, и, судя по рекомендации, они ею были очень довольны. Ее зовут <1 нрзб>.

Вчера, в воскресенье, между полуднем и 1 часом я отправился навестить малышек в институте. Я застал там Ганштейн и бесценного Мейера. Мне показалось, что малышки полностью освоились, особенно Китти стала более непоседливой и *ausgelassen**, чем прежде. Из того, что Дарья мне пожаловалась по секрету, будто ее сестра принята здесь с большой благосклонностью и подругами и наставницами, я понял, что ей спускается все, одним словом, она сильно злоупотребляет своей свободой по отношению к ней. Я передал Дитрих шаль и наперсток.

Вечером у Казимиры был прием в честь Крюденерши, которой не по вкусу пришлась наша чрезмерная снисходительность по отношению к ее приятельнице. Так что я не сомневаюсь в том, что она добросовестно употребит свой малый остаток времени для того, чтобы прописать бедной малышке в качестве компенсации изрядную дозу целительной грубости. Шереметева пока еще не появлялась. Завтра поутру я думаю навестить ее.

Вчера я обедал у милейшего *Северина*, который нелеп, как никогда. Вчера в присутствии двух иностранцев он спросил у меня как о чем-то общеизвестном, правда ли, что принц Карл

---

* резвой (*нем.*).

первым <1 нрзб>. Добавь к этому тон, взгляд, выражение лица и ты поймешь, какое впечатление произвели эти слова.

Я видел Ганштейн и ее сестру. Это высокая женщина 72 лет, еще свежая, говор ее напомнил мне ее сестру, графиню Ботмер.

Прощай, моя кисанька. Обними Мари, которая, наверное, совершенно утешилась без меня, а также наследника. Ах, ты пока еще не почувствовала *досады*, оттого что тебе докучают. Что ж, подождем.

77. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

1/13 октября 1842 г. Мюнхен

Ce jeudi. 13 octobre

Il me semble, ma chère chatte, que tu te passes merveilleusement bien de moi — c'est bon à savoir.

J'ai consulté la Guérout qui te fait dire que ni la poire, ni même le raisin ne sont des acides. Cela n'empêche pas, le raisin au moins, d'être passablement aigre.

Hier à une soirée chez Pallavicini je n'ai pas manqué d'entamer tes volontés à la veille Dettlingen.

C'est avant-hier que la jeune Princesse a fait son entrée. J'y ai assisté de la fenêtre du *Bouvreuil*[1]. C'était un magnifique coup d'œil que celui de la Ludwigstrasse qui dans toute sa prolongation était pavée de têtes d'hommes, tellement pressées qu'elles en paraissaient immobiles, et puis, lorsqu'à l'approche de la voiture de la Princesse elles se sont mises en branle, il y a eu quelque chose de si fort et de si impétueux dans le mouvement d'oscillation imprimé à la foule, qu'on ne pouvait pas le regarder sans en avoir un peu de vertige. Je n'avais jamais rien vu de pareil.

Sais-tu, ma chatte, que je suis dans l'heureuse possibilité de te faire cadeau de tout le galon de mes deux uniformes de cour. Il se trouve ainsi que l'ami Sévérine s'est donné la peine de me l'expliquer, qu'en quittant le service, on gardait bien la clef et le titre de chambellan, mais qu'on perdait l'uniforme. Ainsi me voilà dégalonné et au lieu de cette magnifique caparaçon dont tu m'as vu revêtu jusqu'à présent me voilà obligé de me contenter d'un uni-

forme comme celui que tu as pu voir, l'hiver dernier, au Prince Gallitzine. C'est pour le coup que tu peux à bon droit me qualifier de pauvre chambellan[2].

Cette métamorphose à opérer a fait que je me serai abstenu et m'abstiendrai de paraître aux fêtes, ne fût-ce que pour m'épargner les questions que le changement de costume ne manquerait pas de m'attirer.

La Krüdener est encore ici. J'ai revu la Chérémétieff qui est certainement la meilleure créature, que l'on puisse voir. Si parfaitement vraie, si profondément affectueuse, que j'ai été presque attendri de l'analogie que cette nature offrait avec la tienne.

La Casimire donne aujourd'hui une soirée en leur honneur. Je lui ai fait tes compliments et j'ai été chargé, comme tu penses bien, de te dire de sa part mille tendresses, — mille amitiés, — enfin — enfin.

Si dans une précédente lettre l'écriture était celle d'un *cochon*, quel est l'animal, à qui tu attribueras celle de cette lettre-ci?..

Quant au logement, on me promet qu'il me sera livré le 16. Sinon je m'adresserai bien acharnement à la police. Cependant sache qu'en ton absence, si même les choses se faisaient, elles se faisaient mal. Ne perds point cette vérité de vue.

Bonjour.

T. T.

Перевод:

Четверг. 13 октября

Сдается мне, дорогая моя кисанька, что ты превосходно обходишься без меня. — Приму это к сведению.

Я справлялся у Геру; она велит передать тебе, что ни груша, ни даже виноград не содержат кислот. Это не мешает — по крайней мере винограду — быть изрядно кислым. Вчера, на вечере у Паллавичини, я не преминул изложить старой Деттлинген твои пожелания.

Третьего дня состоялся въезд молодой принцессы. Я смотрел из окна *Снегиря*[1]. Людвигштрассе представляла собой великолепное зрелище, на всем своем протяжении она каза-

лась вымощенной человеческими головами, столь тесно прижатыми одна к другой, что они казались неподвижными, а затем, когда по мере приближения экипажа принцессы они приходили в движение — в мерцательном движении толпы было нечто столь мощное и бурное, что его нельзя было наблюдать без некоторого головокружения. Я никогда не видел ничего подобного.

Знаешь ли, кисанька, я имею теперь возможность подарить тебе весь галун с двух моих придворных мундиров. Оказывается, — как соблаговолил разъяснить мне наш друг Северин, — покидая службу, сохраняешь право на ключ и на звание камергера, но теряешь право на мундир. Вот я и лишен галунов. И вместо великолепного панциря, в котором ты видела меня доселе, — я вынужден довольствоваться мундиром, какой ты могла видеть прошлой зимой на князе Голицыне. Уж теперь-то ты в полном праве называть меня бедным камергером[2].

Из-за этой метаморфозы я воздерживаюсь и буду воздерживаться от участия в празднествах, — хотя бы для того только, чтобы избавить себя от вопросов, которые неминуемо вызовет эта смена мундиров.

Крюденерша все еще здесь. Я опять виделся с Шереметевой; это, несомненно, одна из прекраснейших личностей, какие только могут быть; она так правдива, так глубоко сердечна, что я почти расчувствовался, видя сходство ее характера с твоим. Казимира устраивает сегодня вечер в их честь. Я передал ей от тебя поклон и получил поручение, как ты можешь догадаться, передать тебе от ее имени самый нежный, самый сердечный привет и еще, и еще...

Если в одном из предыдущих писем мой почерк был *свинским*, какому же животному припишешь ты почерк этого письма?..

Что до квартиры — то мне обещают сдать ее 16-го. В противном случае я непременно обращусь к полиции. Впрочем, знай, что в твое отсутствие если что и делалось, то делалось плохо. Не упускай из виду эту истину. — Прощай!

Ф. Т.

78. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

2/14 октября 1842 г. Мюнхен

Je t'envoie par le cocher de Katty, mais à son insu, les 200 fl<orins> que tu m'as demandés et que tu trouveras dans la petite poche qu'il est chargé de te rapporter.

Quant à ta résolution de voyager avec les enfants, je ne l'approuverai que quand j'aurai vu l'état dans lequel tu seras en arrivant. Je me flatte qu'ils me laisseront au moins quelques restes de toi. Cette absorption si complète est certainement dans la nature — mais c'est bien contraire à la nature.

Ton nom n'est nullement proscrit chez le Bouvreuil, bien au contraire, il me demande presque tous les jours de tes nouvelles — et il me semble que chaque fois il y a une larme de plus dans le timbre de sa voix. C'est dans sa chère société que j'ai passé toutes les soirées de la fête. Il n'y a certainement pas de bal qui soit plus ennuyeux que cela.

Tes conjectures relatives à Sévérine sont, *je crois au moins*, mal fondées. S'il ne m'a pas fait d'observations plutôt, c'est qu'il ne m'a plus vu depuis une année. Quant à nos rapports, ils sont toujours les mêmes, bien qu'il soit devenu encore plus morbide que par le passé. Ainsi, p<ar> ex<emple>, il m'a déclaré aujourd'hui qu'il était las du mauvais traitement qu'on lui faisait subir ici et qu'il était décidé à l'avenir de faire succéder à ses allures faciles et conciliantes de la froideur et même un peu de *morgue*. Cela promet.

Le soir je suis allé exprès chez la Guérout pour lui faire part du bulletin de ta santé. Tes douleurs de foie ne l'inquiètent nullement. Elle m'a dit que l'homéopathie avait des moyens sûrs pour les faire cesser. Que ce n'était qu'une affaire de temps. De là je suis allé chez le Bouvreuil où j'ai pris congé de la *Krüd<ener>* et de son amie qui partent demain pour Paris. Tu penses, si notre homme a été ému.

Soupçonnes-tu, ma chère chatte, que depuis 3 jours Munich est magnifiquement décoré. Ce ne sont que guirlandes, chiffres, drapeaux etc. Il y avait des hôtels, tels que *Eichthal*, Pallavicini qui offraient réellement un très beau coup d'œil.

Hier, jour de la fête d'Octobre, il y avait au moins cent mille hommes sur la Theresien Wiese, et un ciel par-dessus qui était tout à fait de circonstance. La foule des étrangers est incroyable. A l'hôtel de Bavière, p<ar> ex<emple>, il y a tous ces jours-ci plus de 600 pers<onnes> à dîner.

Ce n'est que depuis ce matin que j'ai été mis en pleine possession du logement, et demain commence le travail d'*Hercule*. Katty, que le zèle enflamme, frémit de joie à la vue de la carrière où elle va s'élancer, le Brochet la suivra.

A quelle heure arriveras-tu? J'aimerais bien que ce fût un peu avant les 4 h<eures>, car j'ai eu la bêtise de me laisser p<our> ce jour-là engager à dîner chez Bourgoing. Mais peut-être est-ce un enfantillage de ma part de te supposer la même impatience <1 нрзб> de nous revoir. Il vient un temps où l'on n'est plus la première pensée de personne, et peut-être ai-je été de ceux pour qui ce temps a été plus lent à venir que d'ordinaire.

Adieu, je t'embrasse.

T. T.

Перевод:

Посылаю тебе с кучером Катти, но без его ведома, 200 флоринов, которые ты просила, ты их найдешь в маленьком мешочке, который он должен тебе передать.

Что касается до твоего решения путешествовать вместе с детьми, я соглашусь только после того, как по приезде увижу, в каком ты состоянии. Льщу себя надеждой, что они оставили мне хотя бы частичку тебя. Такое полное поглощение, конечно, естественно, но в то же время оно совершенно неестественно.

Твое имя вовсе не изгнано от Снегиря, напротив, он почти каждый день спрашивает о тебе, и мне кажется, что с каждым разом у него одной слезой в голосе больше. Я провел все праздничные вечера в его милом обществе. Разумеется, не найти бала скучнее, чем это времяпрепровождение.

Твои подозрения относительно Северина неосновательны, *по крайней мере, мне так кажется*. Если он не делал мне выговоров, то скорее оттого, что не видал меня целый год. Что до

наших взаимоотношений, они остались прежними, хотя он стал еще более мнительным, чем прежде. Так, к примеру, сегодня он заявил мне, что устал от скверного отношения к себе и решился впредь сменить свое мягкое и примиряющее поведение на холодность и даже некоторое *высокомерие*. То ли еще будет!

Вечером я нарочно отправился к Геру, чтобы посоветоваться с ней о твоем здоровье. Твои боли в печени ее ничуть не встревожили. Она сказала, что в гомеопатии имеются верные средства для их прекращения. Что это всего лишь вопрос времени. Оттуда я направился к Снегирю, где попрощался с *Крюденершей* и ее приятельницей, уезжающими завтра в Париж. Вообрази, как наш приятель был взволнован.

Можешь ли ты представить, милая кисанька, что вот уже 3 дня Мюнхен великолепно украшен. Всюду гирлянды, вензеля, флаги и пр. Некоторые особняки, например *Эйхталя*, Паллавичини, представляли поистине прекрасное зрелище.

Вчера, в день Октябрьского праздника, на Терезиенвизе собралось по меньшей мере сто тысяч человек, и солнце над головами вполне соответствовало случаю. Скопление иностранцев было просто невероятное. К примеру, в Баварской гостинице в эти дни к обеду сходилось более 600 человек.

Только сегодня утром я получил квартиру в свое полное владение, и завтра начнется *гераклов* труд. Катти, воодушевленная усердием, трепещет от радости перед ареной действий, на которую ей предстоит броситься, Щука последует ее примеру.

В каком часу ты приедешь? Я бы предпочел, чтобы это произошло около 4 часов, поскольку я имел глупость дать согласие обедать у Бургуэна. Но, может быть, с моей стороны ребячество полагать, будто ты с тем же нетерпением ждешь нашей встречи. У каждого наступает такое время, когда он уже ни в чьих мыслях не занимает первого места, и я, может быть, принадлежу к тем, к кому это время приходит позже обыкновенного.

Прощай, обнимаю тебя.

Ф. Т.

79. Ф. В. ТИРШУ

1/13 декабря 1842 г. Мюнхен

Je viens de lire votre article dans la Beilage de la *Gazette Univ<erselle>* d'aujourd'hui et j'éprouve le besoin de vous en remercier. Voilà les premiers mots de raison et de vérité qui aient été dits dans la presse européenne sur la Russie... Vous devez être fier d'avoir pris cette initiative. Quant à moi, votre article m'a fait éprouver le même sentiment de bien-être qu'on éprouve, en voyant tomber les premières larges gouttes de pluie après trois mois de sécheresse.

Agréez tous mes hommages.

T. Tutchef

Ce 13.X[bre] [1]

Перевод:

Я только что прочитал вашу статью в Приложении к сегодняшему номеру «Allgemeine Zeitung» и испытываю потребность поблагодарить вас за нее. Вот первые разумные и правдивые слова о России, сказанные в европейской печати... Вы должны гордиться тем, что взяли на себя эту инициативу. Что касается меня, то ваша статья вызвала у меня то же чувство благорастворения, которое испытываешь при виде первых обильных капель дождя после трехмесячной засухи.

Примите уверения в совершенном почтении.

Ф. Тютчев

13 декабря[1]

80. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

18/30 декабря 1842 г. Мюнхен

Munich. Ce 18/30 décembre 1842

Je ne veux pas laisser finir l'année, chers papa et maman, sans me rappeler à votre souvenir. Puisse celle qui commence être bonne et heureuse pour nous tous et ne pas s'écouler sans nous avoir vus réunis. C'est là mieux que le vœu que je forme, c'est un

espoir que j'exprime. Nicolas qui vous a écrit avant de quitter Vienne nous est revenu depuis quelques semaines. Il s'était fort ennuyé à Vienne, faute de société, et comme il en trouve ici, autant et plus qu'il ne lui en faut, le séjour de Munic jusqu'à présent du moins paraît lui convenir beaucoup. Sous le rapport de la dépense, il est de moitié moins cher que celui de Vienne. Nicolas a été présenté avant-hier au Roi et le sera dans le courant de la semaine au reste de la Famille Royale, dont la plus grande partie le connaissait déjà. Je vous donne ces détails à son sujet au lieu de lui laisser le faire à lui-même, parce que je prévois que je serai obligé d'expédier cette lettre avant qu'il ne se soit décidé à prendre résolument la plume. Je dis ceci avec l'accent de la plus parfaite conviction, car je ne puis parler de sa paresse épistolaire, sans faire le plus triste retour sur moi-même. C'est par Nicolas que j'ai eu la nouvelle de l'état de grossesse de Dorothée. Dites-lui, bien chère maman, tous les vœux que je forme pour elle et les espérances que je rattache à l'heureuse issue de sa grossesse, tant dans l'intérêt de sa santé que pour son bonheur à venir. Mille amitiés aussi à son mari, supposé qu'il se souvienne de moi.

Je vous ai déjà informés dans ma dernière lettre que je me suis décidé à l'Institut de Munich deux de mes petites, Daria et Kitty. Elles y sont depuis le 1er d'octobre et maintenant qu'elles ont surmonté ce que le noviciat en ait de pénible, elles se trouvent fort bien de leur nouvelle position. Nous allons les voir les dimanches, car sauf quelques cas d'exception le règlement de l'Institut interdit la sortie aux élèves. Cependant l'autre jour, le jour de la St-Nicolas[1], je les ai fait venir chez moi au sortir de la messe grecque. Quant à la petite Marie, je puis dire sans vanité que c'est une très gentille enfant. C'est bien aussi l'avis de Nicolas qui lui porte une très grande tendresse et se fait même aimable pour lui plaire. Mais je n'ai presque pas le courage de vous parler à mon intérieur, en pensant à la bizarrerie du sort qui l'a fixé dans un monde qui est si loin de vous et qui vous est si étranger. C'est là pour moi un sujet d'éternels regrets, c'est là un désaccord dans ma destinée qui se fait péniblement sentir à tous les moments de ma vie et mêle de l'amertume à mon bonheur même. Ce qui m'est surtout pénible, c'est l'idée que vous ne connaissez pas ma femme et que selon

toute apparence vous ne la connaîtrez jamais. D'autres vous diront que c'est une des femmes les plus gracieuses qu'ils en ont rencontrées, mais moi qui depuis neuf ans suis en possession de toutes ses affections, je ne puis dire rien d'elle, sinon qu'il faut la connaître, comme je la connais, pour croire à la possibilité d'une nature comme la sienne.

Vous ai-je dit que j'ai revu dernièrement Madame de Krüdener et son amie Annette Chérémétieff avec laquelle j'ai été charmé de renouveler la connaissance. Malgré le changement survenu dans sa destinée, je l'ai retrouvée parfaitement la même, comme je l'ai connu en 1837 à Pétersbourg, c'est-à-d<ire> parfaitement bonne, vraie, naturelle. Elle a eu beaucoup de succès ici et elle doit en avoir partout, car on a beau faire, on ne peut s'empêcher d'être agréablement surpris, en voyant tant de simplicité associée à tant de millions. Elle m'a vivement rappelé le temps où je l'ai connue enfant à Moscou, dans la maison de son père[2]. Ne venait-elle pas aussi à ces bals qui se donnaient chez nous et pour lesquels Dorothée faisait si scrupuleusement les listes d'invitation. Quel rêve que ces souvenirs. Ces dames ont passé une quinzaine de jours à Munich et sont allées d'ici à Paris, où elles doivent être encore.

En fait de Russes nous avons cet hiver la Princesse Горчаков[3], la même qui était ici l'hiver dernier et qui est une personne d'un vrai mérite. Nous la voyons beaucoup, surtout Nicolas. Puis il y a ici en ce moment la ci-devant célèbre Mad. Нарышкин, Марья Антоновна[4]. Mais celle-ci n'est plus qu'un débris d'elle-même. Le Duc de Leuchtenberg est venu ici pour quelques jours d'Italie pour assister au mariage de son cousin, le Prince Royal de Bavière[5]. Maintenant il est avec sa femme à Rome où ils passeront l'hiver. Ils sont attendus à Munic au mois d'avril prochain.

Тургенев[6] est-il encore à Moscou? Faites-lui, je vous prie, mes compliments, quand vous le rencontrez. Mais que j'aimerais bien mieux qu'au lieu de lui c'est moi qui vous rencontriez. J'espère qu'avec l'aide de Dieu le printemps prochain verra l'accomplissement de ce vœu. Il en serait bien temps.

Adieu, chers papa et maman, je baise vos mains et suis pour la vie votre tout dévoué fils

T. T.

Перевод:

Мюнхен. 18/30 декабря 1842

Я не хочу дать закончиться этому году, любезнейшие папинька и маминька, не напомнив вам о себе. Да будет наступающий год благополучным и счастливым для всех нас, и пусть он не завершится без того, чтобы мы свиделись. Это более чем пожелание, в этих словах я выражаю свою надежду. Николушка, который писал вам перед своим отъездом из Вены, вернулся к нам несколько недель тому назад. Он сильно скучал в Вене за недостатком общества, а так как здесь он нашел общество столь обширное и даже более обширное, чем ему нужно, то, по-видимому, пребывание в Мюнхене, по крайней мере до сих пор, приходилось ему по душе. В отношении расходов жизнь здесь наполовину дешевле, чем в Вене. Третьего дня Николушка представлялся королю, а на этой неделе будет представляться остальным членам королевской фамилии, большинство из коих уже с ним знакомы. Сообщаю вам эти подробности о нем, вместо того чтобы предоставить ему самому позаботиться об этом, так как предвижу, что буду вынужден отправить письмо раньше, чем он решится взяться за перо. Говорю это с полнейшим убеждением, ибо не могу говорить о том, как он ленив на переписку, не обратившись с грустью на самого себя. От Николушки я узнал о беременности Дашиньки. Передайте ей, любезнейшая маминька, мои пожелания, скажите ей также, что я надеюсь на благополучный исход ее беременности, это так необходимо и для ее здоровья, и для ее будущего счастья. Самый сердечный привет ее мужу, если он еще помнит обо мне.

Я уже сообщал вам в моем последнем письме о своем решении поместить в мюнхенский институт двух моих девочек, Дарью и Китти. Они поступили туда 1-го октября и теперь, когда преодолели трудное для новичков время, очень довольны своим новым положением. Мы навещаем их по воскресеньям, ибо устав института, за редкими исключениями, воспрещает воспитанницам выходить из учебного заведения. Однако ж намедни, в Николин день[1], по окончании

греческой обедни я взял их к себе. Что до маленькой Мари, могу без хвастовства сказать, что это очень милый ребенок. Таково же мнение и Николушки, который весьма нежен с ней и становится даже любезным, чтобы ей понравиться. Но у меня едва хватает духу рассказывать вам про свою домашнюю жизнь, когда я подумаю о своенравии рока, обосновавшего ее так далеко от вас и в мире столь для вас чуждом. Вот что является для меня предметом постоянных сожалений, вот в чем разлад в моей судьбе, который я тягостно ощущаю каждую минуту своей жизни и который примешивает горечь даже к моему счастью. Что для меня тяжелее всего, это мысль, что вы не знакомы с моей женой и, по всей вероятности, никогда с ней не познакомитесь. Другие скажут вам, что это одна из привлекательнейших женщин, которых они встречали, но я, кому вот уже девять лет принадлежит вся ее привязанность, могу сказать о ней разве то, что надо знать ее так, как я ее знаю, дабы поверить в возможность существования подобной натуры.

Сказывал ли я вам, что недавно свиделся с госпожой Крюденер и ее приятельницей Анной Шереметевой, с которой был очень рад возобновить знакомство. Несмотря на перемену, происшедшую в ее судьбе, я нашел ее совсем такой же, какой знавал в 1837 году в Петербурге, то есть исключительно доброй, искренней, естественной. Она пользовалась здесь большим успехом и должна иметь его повсюду, ибо, что ни говори, нельзя не быть приятно изумленным при виде такой простоты в сочетании со столькими миллионами. Она живо напомнила мне то время, когда я знавал ее ребенком в Москве, в доме ее отца[2]. Не бывала ли она также на тех балах, что давались у нас и для которых Дашинька так тщательно составляла пригласительные списки? Какой сон эти воспоминания! Эти дамы провели в Мюнхене около двух недель и поехали отсюда в Париж, где они должны быть и посейчас.

Из русских у нас этой зимой княгиня Горчакова[3], та самая, что провела здесь прошлую зиму, особа поистине достойная. Мы часто видимся с ней, особливо Николушка. Затем здесь сейчас находится некогда знаменитая госпожа Нарышкина,

Марья Антоновна[4]. Но она являет лишь обломки того, что представляла раньше. Герцог Лейхтенбергский приезжал сюда на несколько дней из Италии, чтобы присутствовать на бракосочетании своего двоюродного брата, наследного принца Баварского[5]. Теперь он с женой в Риме, где они проведут зиму. Их ожидают в Мюнхене в будущем апреле.

В Москве ли еще *Тургенев*?[6] Кланяйтесь ему от меня, пожалуйста, когда вы его встретите, но насколько больше мне хотелось бы, чтобы вместо него вы встретились со мной. Надеюсь, что с Божьей помощью это желание исполнится будущей весной. Давно бы пора.

Простите, любезнейшие папинька и маминька, целую ваши ручки и остаюсь на всю жизнь вашим преданнейшим сыном

Ф. Тт

81. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

18/30 марта 1843 г. Мюнхен

Munich. Ce 18/30 mars 1843

Nous attendons avec une vive impatience des nouvelles de la délivrance de Dorothée[1]. Dieu veuille que ce moment soit déjà passé et que vous soyez, chers papa et maman, délivrés de ce pénible sentiment d'anxiété qui accompagne pareille attente. Je sais par expérience ce qu'elle a de cruel et, malgré la répétition, je n'ai jamais pu m'y aguerrir. C'est dans quatre à cinq semaines, c'est-à-d<ire> dans les premiers jours du mois de mai n<ouveau> st<yle> que mon frère et moi nous comptons nous mettre en route. Je serais même parti plutôt sans arrivée de la Grande-Duchesse Marie qui est attendue ici le mois prochain et que je serais fâché de manquer. Elle m'a témoigné beaucoup de bienveillance dans le temps, à moi aussi bien qu'à mes enfants, et j'ai su depuis que même à Pétersbourg elle s'est exprimée sur mon compte d'une manière parfaitement gracieuse. De plus j'attends dans une quinzaine de jours les Maltitz qui doivent me ramener Anna qui me demande à cor et à cri d'être placée à l'Institut pour se trouver plus rapprochée de moi et d'être réunie à ses sœurs[2]. Après avoir hésité quelque temps j'ai, de l'avis même des Maltitz,

fini par céder à son désir qui, après tout, n'a rien de déraisonnable. Mais dès les premiers jours du mois de mai tous mes arrangements seront terminés, et j'ai toute confiance que je pourrai me mettre en route à cette époque. Maintenant, chers papa et maman, il s'agit de savoir où je vous trouverai? Je vous avouerais que je m'estimerais fort heureux, si vous pouviez vous décider à prolonger à une couple de mois votre séjour à Moscou. Il est bien entendu que je ne vous adresse cette demande que dans la supposition qu'elle n'a rien de trop contraire à vos projets et que vous pouviez me l'accorder sans vous imposer la moindre gêne. Pour moi un pareil arrangement aurait tout plein d'avantages dont le plus grand serait de pouvoir passer plus de temps avec vous. Dans ce cas je prendrai mon chemin par Pétersbourg, où je ne m'arrêterai à mon arrivée que quelques jours, juste le temps nécessaire pour reconnaître le terrain et surtout pour faire acte de présence auprès des personnes dont il m'importe d'avoir été vu. Cela fait, je pourrai avec une entière clarté d'esprit me livrer tout entier au bonheur de vous revoir et de vivre quelque temps auprès de vous. Oui, ce sera un grand bonheur pour moi que de vous revoir après les cinq années de séparation qui ont été si remplies et si cruellement mélangées.

Ce ne sera pas non plus une médiocre satisfaction pour moi que de me retrouver à Moscou que je n'ai pas vu depuis 18 ans et où je serais si heureux de retrouver quelque pauvres restes de cette jeunesse, déjà si loin de moi. Il est certain que si j'en étais encore à ce point de départ, j'arrangerais tout autrement ma destinée. Mais qui est-ce qui ne dit pas la même chose de la sienne. A l'habitide près de vivre en Russie, je ne crois pas qu'il soit possible d'être plus attaché à son pays que je ne le suis, d'être plus constamment préoccupé de tout ce qui a rapport à lui. Aussi me fais-je une véritable fête de m'y revoir.

Mais encore une fois, chers papa et maman, je vous supplie de ne prendre en considération la demande que je vous ai exprimée et à laquelle Nicolas déclare s'associer que si elle n'entraînait aucun dérangement notable pour vous. Cette lettre arrivera, j'espère, assez à temps, pour que je puisse avoir votre réponse avant mon départ.

Федор Иванович Тютчев. Петербург.
1848–1849. *Дагерротип*

Иван Николаевич и Екатерина Львовна Тютчевы — родители поэта. Первая половина 1840-х гг. *Дагерротип*

Александр Иванович Остерман-Толстой. 1827.
Гравюра Лазинио

Николай Иванович Тютчев — брат поэта.
Москва. Конец 1810-х гг. *Неизв. худ.*

Дарья Ивановна Сушкова — сестра поэта.
1830-е гг. *Неизв. худ.*

Мюнхен. Глиптотека. 1840-е гг.
Гравюра Й. Поппеля

Городская ратуша в Мюнхене. 1840.
Гравюра К. Герстнера по рисунку И. Хоффмейстера

Элеонора Федоровна Тютчева.
Середина 1820-х гг. *Неизв. худ.*

Клотильда фон Мальтиц.
1840-е гг. *Дагерротип*

Анна, Дарья, Екатерина Тютчевы — дочери поэта.
Мюнхен. 1843. *Худ. А. Саломе*

Николай I. 1852.
Худ. Ф. Крюгер

Александр Христофорович Бенкендорф.
Копия Е.И. Ботмана с портрета Ф. Крюгера

Карл Васильевич Нессельроде
Копия Е.И. Ботмана с портрета Ф. Крюгера

Mille tendres amitiés à Dorothée et à son mari, à qui je demande en retour de bonnes nouvelles. Je les attends avec une sollicitude dont je serai bien aise de me voir délivrer. Adieu, chers papa et maman. Je baise vos chères mains. Ma femme me charge de vous présenter ses respects. Sa santé a été assez bonne pendant tout cet hiver qui a été, comme saison, un des plus extraordinaires, dont on se souvienne. Comme Nicolas se propose d'ajouter quelques mots à ma lettre, je lui fais le sacrifice de la quatrième page.

Adieu. — Au revoir.

Перевод:

Мюнхен. 18/30 марта 1843

Мы с живейшим нетерпением ждем известий о разрешении Дашиньки[1]. Дай Бог, чтобы эта минута была уже в прошлом и чтоб вы освободились, любезнейшие папинька и маминька, от тяжелого чувства беспокойства, сопровождающего подобное ожидание. Я по опыту знаю, сколь оно тяжело, и, хотя это было не раз, никак не могу к этому привыкнуть. Через четыре или пять недель, то есть в первых числах мая месяца нового стиля, мы с братом рассчитываем пуститься в путь. Я бы уехал даже раньше, если бы не прибытие великой княгини Марии Николаевны, которую ожидают здесь в будущем месяце и которую досадно было бы не повидать. В свое время она очень благожелательно отнеслась и ко мне, и к моим детям, а позже мне стало известно, что даже в Петербурге она с большой благосклонностью отзывалась обо мне. Сверх того недели через две я ожидаю Мальтицев, которые должны привезти мне Анну; она настоятельно требует, чтобы я поместил ее в институт, дабы находиться поближе ко мне и быть вместе с сестрами[2]. После некоторого колебания я, по совету самих Мальтицев, уступил ее желанию, которое в конце концов не заключает в себе ничего неразумного. Но к первым числам мая все мои дела будут закончены, и я очень надеюсь, что к этому времени смогу пуститься в путь. Теперь, любезнейшие папинька и маминька, мне надобно знать, где я вас застану?

9 Зак 7508

Должен вам сказать, что был бы очень рад, если бы вы могли решиться месяца на два продлить свое пребывание в Москве. Само собою разумеется, я обращаюсь к вам с этой просьбой лишь в том предположении, что она не будет чересчур противоречить вашим планам и что, согласившись на нее, вы не причините себе ни малейшего стеснения. Для меня подобная договоренность имела бы много преимуществ, из коих самым важным была бы возможность больше времени провести с вами. В таком случае я поеду через Петербург, где по приезде остановлюсь всего на несколько дней, ровно настолько, сколько потребуется для того, чтобы нащупать почву, а главное, явиться к тем лицам, кому мне надлежит показаться. Сделав это, я смогу с полным душевным спокойствием весь отдаться счастью свидеться с вами и некоторое время пожить у вас. Да, для меня будет большим счастием увидеться с вами после пятилетней разлуки, исполненной стольких событий, среди коих были такие жестокие.

Немалым также удовольствием будет для меня попасть в Москву, я не был в ней 18 лет, и мне будет приятно найти коекакие жалкие остатки молодости, уже столь отдаленной. Не подлежит сомнению, что, будь я еще на этой исходной точке, я совсем иначе устроил бы свою судьбу, — но кто не говорит того же о своей.

Хоть я и не привык жить в России, но думаю, что невозможно быть более привязанным к своей стране, нежели я, более постоянно озабоченным тем, что до нее относится. И я заранее радуюсь тому, что снова окажусь там.

Но еще раз, любезнейшие папинька и маминька, умоляю вас лишь в том случае принять во внимание просьбу, которую я вам выразил и к коей Николушка заявляет, что и он присоединяется, если она не доставит вам никаких значительных неудобств. Надеюсь, что это письмо придет вовремя, и я успею получить от вас ответ до моего отъезда.

Самый сердечный и нежный привет Дашиньке и ее мужу, взамен я жду от них добрых известий. Ожидаю их с беспокойством, и очень рад буду от него избавиться. Простите, любезнейшие папинька и маминька. Целую ваши дорогие руч-

ки. Жена поручает передать вам ее почтение. Здоровье ее было довольно хорошо в течение всей зимы, которая, как время года, была из самых необычайных на памяти людей. Николушка намеревается присовокупить несколько слов к моему письму, и я жертвую ему четвертой страницей.

Простите. — До свидания.

82. ВАЦЛАВУ ГАНКЕ

16/28 апреля 1843 г. Мюнхен

Минхен. Сего 16/28 апреля 1843

Милостивый государь.

Как мне достойно благодарить вас за вашу память и за ваш драгоценный подарок? При виде этой пресловутой книжицы[1] в ее новом щегольском наряде, этих многоразличных, многозначительных письмен одной Великой Семьи — особливо при виде вашего имени, я снова очутился в Праге[2], над золотистыми струями вашей именитой Молдавы[3], на высотах Градчина[4], в тихой и минутной беседе с вами, милостивый государь.

Волшебный город эта Прага! — Я, москвич, должен сознаться, что ничего не видывал краше ее... Ни один город не оставил во мне такой живой памяти. Ни один город не смотрит на посетителя такими чудными, человечески-понятливыми глазами... В них столько жизни настоящей и столько пророческого... Вероятно, у вашей пророчицы *Ванды*[5] были такие же глаза. — В самом деле, нельзя, посетив Прагу, нельзя не чувствовать на каждом шагу, что на этих горах, под полупрозрачною пеленою великого былого, неотразимо и неизбежно зреет еще большая будущность!

Простите. — На днях я отправляюсь на несколько месяцев в Россию. По расстоянию я буду далее от вас, по чувству — ближе... Ибо я буду там, где ваше имя, милостивый государь, не просто ценится, как европейская именитость, но где дорожат им, как родовым достоянием, — где с каждым днем, по мере развития народного самопознания, растет и крепнет сочувствие с вами и с *вашими*.

Простите, будьте счастливы и действуйте долго и успешно на пользу и благо вашей родины и всего славянского мира. *Urbi et orbi*[6].

Поручая себя вашей памяти и дружбе, с искренним почтением и преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
ваш покорный слуга
Ф. Тютчев

83. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

13/25 июня 1843 г. Вена

Vienne. Ce 13 juin <18>43

C'est donc demain, ma chatte chérie, que nous nous lançons dans la haute mer. J'ai obtenu de mon frère qu'il abrégeât le temps de sa cure, si bien que c'est définitivement demain, le 14, que nous partons. Nous prenons le chemin de fer qui nous conduit à moitié chemin de Cracovie, puis par Cracovie à Varsovie où nous nous arrêterons quelques jours et d'où je t'écrirai.

Ce qui me contrarie souverainement, c'est de partir d'ici avant d'avoir ta lettre qui est en chemin en ce moment. J'aurai bien le soin de recommander ici qu'on me la transmette à Varsovie, mais m'y trouvera-t-elle? Si bien que maintenant je pourrais rester des 3 et 4 semaines sans avoir de tes nouvelles, car dès à présent c'est à Moscou qu'il faudra que tu m'adresses tes lettres. A Moscou...

Eh bien, ma chatte, commences-tu maintenant à croire à l'absence? Quant à moi, j'en suis pénétré... Il me semble qu'il y a six mois que je t'ai quitté... et cependant avant-hier, le 11, il y a eu juste un mois, que nous lisions, le soir, dans le grand salon quelques pages de Jocelin[1]. Te souviens-tu de cette soirée? Ah oui, je dois l'avouer, l'absence me réussit mal, les objets qui m'entourent, loin de me distraire par leur nouveauté, ne font que m'attrister. Ils s'interposent comme un mur entre moi et cette vie aimée que j'ai quittée et qui recule tellement dans le lointain, qu'il me semble impossible que jamais je parvienne à la ressaisir. Quant à toi, tu me fais l'effet d'un être fantastique impossible. Je

me demande si je suis bien le même homme qui il y a quelques jours encore s'appelait le bon loup, le vieux chien, etc. etc., qui était l'objet d'une préoccupation constante, d'une si affectueuse sollicitude. Décidément c'était un rêve et ce qui le prouve, c'est qu'il était si doux.

Allons, un peu de raison pour l'amour de Dieu, car si cette disposition d'esprit allait prendre le dessus, que deviendrai-je à Moscou, que je sentirai la distance croître entre nous, croître par centaines de lieues, et la chaîne s'alourdit de plus en plus, en s'allongeant?.. Un peu de raison me serait si nécessaire, ne fût-ce que pour faire aboutir ce maudit voyage à un résultat quelconque et pour ne pas perdre tout le fruit de sacrifice que je m'impose, car, je le prévois, je vais au-devant d'une foule d'impressions pénibles, des malentendus, de contradictions, tant à Moscou, qu'à Pétersbourg, et ce n'est qu'à force de calme et de raison que je puis espérer de les conjurer, en partie au moins...

Que fais-tu en ce moment, ma chatte chérie? A la réception de cette lettre tu seras probablement dans les préparatifs de ton déménagement pour Tegernsee. La bonne Casimire y est-elle déjà? Car à l'heure qu'il est je la suppose délivrée de la grossesse de sa belle-fille? Vas-tu quelquefois, pour l'amour de moi, saluer le Bouvreuil sur son perchoir? Sais-tu quelque chose de Sévérine et de son congé? La bonne humeur de ton frère se soutient-elle? Et l'inexorable belle-sœur[2] a-t-elle fait grâce à la figure de la Böhnen? Comment celle-ci se plaît-elle à Munich?* Mais avant toute chose parle-moi de ta santé, c'est-à-d<ire> de cette sacrée mâchoire qui brave tous les remèdes? Les sangsues et les poudres t-ont-elles procuré quelque soulagement? Et Marie? Maintenant que la voilà maîtresse absolue du terrain, comment puis-je me flatter que je n'en serai pas damné à tout jamais. Quoiqu'il en soit, embrasse-la mille et mille fois pour moi. Que ne donnerais-je pas pour la voir en ce moment, de cette table d'auberge où j'écris, remuer laborieusement les meubles dans ton coin?

Je quitterai Vienne demain matin à 7 h<eures>. Cette fois Vienne me laissera un souvenir beaucoup plus terne que les

* Далее 4 строки густо зачеркнуты так, что прорвана бумага.

précédentes. C'est après tout une petite ville comparativement à une ville comme Paris et de plus un fort maussade séjour pour tout étranger qui serait ici à demeure. L'autre jour le Brochet et moi, nous sommes allés fraternellement passer une demi-journée à Schönbrunn[3]. Nous avons grimpés à la *Gloriette*, située sur une hauteur en face du Château d'où l'on domine tout Vienne. La vue qu'on a de là est magnifique, et les deux amis sont restés plongés dans une muette extase, contemplation, sans songer même à se communiquer leurs impressions respectives. Après quoi ils se sont dirigés vers la ménagerie, où l'un d'eux a paru beaucoup s'amuser, et ont fini leur tournée par le casino où ils se sont fait servir l'un qui était encore à jeun un chétif dîner, et l'autre sa tasse de café au lait. Puis vers le soir ils sont rentrés ensemble, sans se parler beaucoup, il est vrai, mais heureux en apparence de la présence l'un de l'autre.

Après la figure du Brochet celle que j'ai vue ici avec le plus de plaisir est assurément la figure de *Jennyson*. Ne va pas te récrier contre ce témoignage. Il faudrait le voir, comme je le fais, à la lumière de Vienne et à travers le prisme des souvenirs de Munich. Il m'a fait d'ailleurs un accueil parfaitement aimable, et tu pourrais dans l'occasion en faire le compliment à Casimire. Je lui laisse par reconnaissance les 4 volumes de l'ouvrage de Custine[4], qu'il était très curieux de lire et qu'il est difficile de se procurer ici. Il m'a promis de les renvoyer à Munic aussitôt qu'il les aura lu et je l'ai même engagé à te les faire parvenir à Tegernsee. Alors, ma chatte, tu n'as qu'à lire le troisième volume, qui contient une description très animée et très pittoresque de Moscou, pour essayer de te faire une idée telle quelle d'une ville qui, à trente et un an de distance, aura été le théâtre des tribulations de Napoléon et des miennes[5].

Encore une figure bien connue que j'ai retrouvée ici, c'est l'ami Badeni, le duelliste Badeni, le cruel et sensuel Badeni. Il a passé l'hiver ici et se trouve si bien de sa cure de l'année dernière qu'il ne croit pas être dans le cas de la récidiver. Je le rencontre tous les jours chez le premier confiseur d'ici, où nous nous régalons de glaces à l'envi l'un de l'autre, après quoi il m'accompagne en devisant jusqu'à la porte de mon auberge.

Mon frère, qui est de retour de Bade depuis trois jours, me charge de te dire mille amitiés. Il est plus démonté, plus démoralisé encore que moi de l'horrible voyage que nous allons faire. Ah, qu'il aimerait être encore à l'heureux temps où il pouvait demander tous les jours à Marie: «*Wen hast du heute begegnet?*»

Adieu, ma chatte chérie. Que le bon Dieu te protège et te conserve, jusqu'à mon retour au moins. Car alors c'est moi qui m'en chargerai. Voici, par surcroît de précaution, le duplicata de mon adresse à Moscou dont tu prierais Viollier de munir une demi-douzaine d'enveloppes de lettre, avant ton départ p<our> Tegernsee.

Перевод:

Вена. 13 июня <18>43

Итак, милая кисанька, завтра мы пускаемся в путь. Я добился от брата, чтобы он сократил время своего лечения, так что мы решительно отправляемся завтра, 14-го. Мы проедем по железной дороге полпути до Кракова, затем от Кракова в Варшаву, где пробудем несколько дней, и оттуда я тебе напишу.

Мне в высшей степени досадно уезжать отсюда, не получив твоего письма, которое должно теперь быть в пути. Я позабочусь о том, чтобы мне переслали его в Варшаву, но застанет ли оно меня там? Я так могу остаться на 3–4 недели без весточки от тебя, так как с этого дня тебе следует адресовать свои письма ко мне в Москву. В Москву...

Ах, милая кисанька, начинаешь ли ты теперь думать о разлуке? Что до меня, я проникнут ею насквозь... Мне кажется, вот уже полгода, как я тебя покинул... и тем не менее третьего дня, 11-го, ровно месяц прошел с тех пор, как мы читали с тобой вечером в большой гостиной «Жоселена»[1]. Помнишь ли ты этот вечер? Да, должен сознаться, разлука мне плохо удается; окружающие меня предметы, вместо того чтобы привлекать меня своей новизной, только внушают грусть. Они встают словно стена между мною и той любимой жизнью, которую я оставил и которая течет вдали так, что мне кажется невозможным когда-нибудь соединиться с ней. Что до тебя, ты мне кажешься невероятно фантастическим существом.

Я спрашиваю себя, в самом ли деле я тот человек, который еще несколько дней назад звался славный волчище, старый пес п пр. и пр., который был предметом постоянных забот и самого любовного участия. Решительно это был всего лишь сон, а то, что он был так сладок, только подтверждает это.

Полно, дай Бог мне немного благоразумия, ибо если такое расположение духа возьмет верх, то что будет со мной в Москве, когда я почувствую, что расстояние между нами выросло, выросло на сотни верст, и цепь делается чем длиннее, тем тяжелее?.. Немного благоразумия так необходимо мне только ради того, чтобы мое проклятое путешествие имело хоть какой-то положительный результат и чтобы я не растерял те плоды, ради которых я принял на себя эту жертву; я предвижу, что мне придется пройти через множество тяжелых впечатлений, недоразумений, противоречий — как в Москве, так и в Петербурге, и только успокоившись и обретя благоразумие, я могу надеяться преодолеть их, хотя отчасти...

Что ты поделываешь в эту минуту, милая кисанька? Когда ты получишь это письмо, ты, наверное, будешь готовиться к отъезду в Тегернзее. Добрая Казимира, наверное, уже там, потому что, я думаю, ее невестка уже освободилась от бремени. Навещаешь ли ты хотя бы изредка ради любви ко мне Снегиря на его жердочке? Известно тебе что-нибудь о Северине и о его отпуске? Брат твой по-прежнему пребывает в добром настроении? А неумолимая невестка[2], смилостивилась ли она перед лицом г-жи Бёнен? Понравилось ли той в Мюнхене? Но прежде всего напиши мне о своем здоровье, то есть о злосчастной челюсти, не поддающейся никакому средству. Принесли хоть какое-то облегчение пиявки и порошки? А Мари? Теперь, когда она совершенная хозяйка положения, могу ли я льстить себя надеждой, что не останусь навек приговоренным к такому состоянию? Как бы то ни было, обними ее тысячу и тысячу раз за меня. Чего бы я не отдал, чтобы сейчас, сидя за столом в гостинице, на минутку увидеть ее, как она усердно двигает мебель в твоем уголке.

Я выезжаю из Вены завтра, в 7 часов утра. На сей раз Вена не оставит во мне ярких воспоминаний, как прежде. Это, в

конце концов, маленький городок сравнительно с таким городом, к примеру, как Париж, и пребывание для иностранца, вынужденного здесь жить, весьма унылое. На днях мы с Щукой братски провели полдня в Шёнбрунне[3]. Мы забрались в *Бельведер*, расположенный против замка, на одной с ним высоте, откуда видна вся Вена. Вид открывался великолепный, и два друга стояли, погрузившись в молчаливый восторг и созерцание, даже не пытаясь поделиться друг с другом переживаемыми впечатлениями. После чего они направились в зверинец, где одному из них, похоже, было очень занятно, и закончилось их турне в казино, где одному, еще не обедавшему, подали скудный ужин, а второму его обыкновенную чашку кофе с молоком. Затем к вечеру они вернулись вместе домой, хотя и без лишних разговоров, но явно довольные друг другом.

После Щуки особое удовольствие мне доставляет видеть *Иенисона*. Не удивляйся моему признанию. Надобно видеть его, как я вижу, в свете Вены и через призму мюнхенских воспоминаний. Между прочим, он был очень любезен со мной при встрече, и ты при случае можешь передать это Казимире. Из благодарности я оставил ему 4 тома сочинений Кюстина[4], ему очень хотелось их прочитать, а здесь их достать невозможно. Он обещал мне переслать их в Минхен после прочтения, и я даже попросил его переслать их тебе в Тегернзее. Тогда, моя кисанька, прочти только третий том, содержащий очень живое и живописное описание Москвы, и попытайся составить себе некоторое представление о городе, бывшем тридцать один год назад ареной злоключений Наполеона и моих[5].

Еще один знакомец встретился мне здесь — это приятель Бадени, дуэлянт Бадени, жестокий и чувственный Бадени. Он провел здесь зиму и так хорошо чувствует себя после прошлогоднего лечения, что и думать забыл о своей болезни. Я каждый день встречаю его у лучшего здешнего кондитера, где мы наперегонки угощаемся мороженым, и потом мы беседуем, пока он провожает меня до дверей гостиницы.

Мой брат, вернувшийся три дня назад из Бадена, велел тебе кланяться. Он еще больше, чем я, в замешательстве и уны-

нии от предстоящего нам ужасного путешествия. Ах, как бы он предпочел те благословенные времена, когда он мог каждый день спрашивать Мари: «*Wen hast du heute begegnet?*»*

Прощай, милая кисанька. Спаси и сохрани тебя милосердый Господь хотя бы до моего приезда. Потому что потом я сам о тебе позабочусь. Вот на всякий случай повторно тебе мой московский адрес, перед отъездом в Тегернзее вели Виолье написать его на полудюжине конвертов.

84. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

23 июня/6 июля — 24 июня/7 июля 1843 г. Варшава

Varsovie. Ce 23 juin

Ma chatte chérie, voilà 24 grands jours que nous sommes séparés et cela ne fait que commencer. C'est dur. Aujourd'hui j'avais compté recevoir une lettre de toi en réponse aux deux lettres que je t'ai écrite de Vienne, mais j'avais mal compté. Je n'ai reçu pendant mon séjour ici que la lettre d'Anna, non le petit billet suspect à l'adresse du Sr *Touma* que j'ai pris la liberté d'intercepter et qui m'a fort diverti. Ah, ma pauvre chatte, où en seraistu, si tu n'avais d'autres renseignements à espérer que ceux que le Brochet pourrait te fournir.

Voilà dix jours que nous avons quitté Vienne. Nous avons voyagé la première journée sur le chemin de fer et le lendemain nous sommes arrivés à Cracovie, où nous nous sommes arrêtés deux jours. Cracovie est une ville que tu aurais vu avec plaisir. C'est la digne sœur de Prague, mais ce n'est plus qu'une gracieuse morte. C'est aussi le dernier horizon pittoresque qui s'offre au voyageur dans la direction de l'Orient. Car à peine a-t-on quitté cette ville que vous entrez dans la formidable *plaine*, la plaine scythique qui t'a si souvent choqué sur ma carte en relief, où elle fait une si énorme plaque et qui n'est guère plus aimable en réalité. Représente-toi la contrée entre Munich et Freising sur un espace presque deux fois aussi grand que le reste de l'Europe. Ce n'est que cela. Tu comprends qu'un pays aussi fait console mal des

* «Кого ты сегодня встретила?» (*нем.*)

peines de l'absence. Me voilà à Varsovie séparé de toi par l'honnète distance de 120 milles d'Allemagne. Eh bien, cette distance est modeste comparativement à celle qui me sépare encore de Moscou*. Peste soit... je sais bien de qui. Et maintenant, ma bonne, résigne-toi à passer un mois à peu près sans avoir de mes nouvelles. Car il nous faudra bien 8 à 10 jours pour arriver au terme de notre voyage et il en faudra bien 15 à 18 à la lettre que je t'écrirai de Moscou pour parvenir jusqu'à Munich. Tout cela n'est rien moins que gai.

Nous sommes ici depuis le 19 et nous repartons demain. Varsovie m'a agréablement surpris. C'est presqu'une grande ville et fort animée en ce moment à cause de la foire. J'ai retrouvé ici une foule d'impressions qui avaient dormi depuis des années et que le premier pas que j'ai fait dans les rues de Varsovie a éveillées comme en sursaut. Car cette ville après tout et en dépit de tout a un air de famille avec Moscou, très frappant pour celui qui vient de l'Occident.

En outre des impressions, j'ai retrouvé aussi plusieurs personnes de connaissance, entre autres les parents de Jean Gagarine[1] et, comme de raison, inévitable *Tourguéneff* qui revient de Moscou et se dirige sur Kissingen, son calepin à la main. Quel homme! Ou plutôt quel cheval de poste. Il faudrait, je crois, aller jusqu'en Chine pour lui échapper. — Et toi, ma chatte, que fais-tu en ce moment? D'après tes calculs tu devrais être établie depuis le 20 à la Blitzhütte. Enveloppes-toi bien de tes montagnes pour faire compensation à l'horrible plaine où je vais m'absorber. Ton frère est-il aussi déjà installé à Tegernsee? Voilà des questions, dont il faudra que j'aille chercher la solution à 1200 verstes d'ici. Et ta chère santé? Tu comprends que maintenant tu es plus que jamais obligée à en avoir le plus grand soin. Tu ne saurais assez te pénétrer de ce devoir. La Böhnen se plaît-elle auprès de toi et voisinez-vous déjà avec la châtelaine de l'incomparable chaumière. A propos de Casimire, elle devrait bien entreprendre un jour le voyage que je fais en ce moment, ne fût-ce que pour mettre à une épreuve décisive le zèle et le talent de Barberie.

---

* Далее 2 строки зачеркнуты.

Sais-tu bien que dans l'aspiration de mes souvenirs ta chère figure est la seule que je ne parvienne jamais à ressaisir?..

Je suis certainement l'homme le plus mal organisé pour l'absence, car l'absence pour moi est comme un Néant qui aurait conscience de lui-même.

Ce 24. Nous passerons encore ici la journée d'aujourd'hui. C'est une petite chance que je me ménage pour avoir ta lettre. Mais garde-toi, si tu allais me désappointer. Je serai capable de m'en aller d'ici sans te dire adieu.

Hier, la veille de la St-Jean, il y a eu ici une espèce de fête populaire qui se célèbre tous les ans à pareil jour. Toute la population de la ville s'est portée sur les bords de la Visla. Une foule immense couvrait le pont. Ce jour-là les jeunes filles ont la coutume de jeter dans le fleuve des couronnes de fleurs, et de la manière, dont ces couronnes descendent le courant, elles tirent toute sorte de présages pour l'avenir. Voilà certes un détail très poétique, mais par malheur le détail, si même il est réel, est si parfaitement enseveli dans la presse, et la foule du monde réuni ce jour-là, qu'il faut en admettre l'existence sur la parade d'autrui. Quant à la grâce que le lieu commun généralement admis, attribue aux femmes polonaises, c'est différent; c'est mieux qu'un ouï-dire. C'est une très agréable réalité. Il y a en effet dans ces femmes une grâce toute particulière et une certaine câlinerie dans leur parler et dans le timbre de leur voix dont l'organe de Mad. Wyszkowska donne assurément une idée fort incomplète.

Les environs de Varsovie ne manquent pas de charme bien que le pays soit plat... Mais je m'aperçois que je tombe dans la phraséologie du touriste de profession... Ainsi donc adieu, ma chatte. J'embrasse tendrement l'heureuse Marie aussi que les autres enfants et j'écrirai à Anna quand Dieu voudra. Mille tendres baisers.

Перевод:

Варшава. 23 июня

Милая моя кисанька, прошло уже целых 24 дня со времени нашей разлуки, а это еще только начало. Тяжело. Я рас-

считывал получить от тебя сегодня письмо в ответ на два моих, посланных из Вены, но просчитался. Пока я живу здесь, я получил письмо только от Анны, — с подозрительной записочкой на имя синьора *Тума*, которую я имел дерзость перехватить и которая меня весьма позабавила. Ах, бедная киска, что сталось бы с тобой, если бы у тебя не было надежды получить другие сведения, кроме тех, которые может тебе доставить Щука!

Вот уже десять дней, как мы выехали из Вены. Первые сутки мы ехали по железной дороге и наутро прибыли в Краков, где остановились на два дня. Краков тебе понравился бы. Это достойный брат Праги, но это не более как прекрасный покойник. В то же время это последний живописный ландшафт, какой видит путешественник, направляющийся к Востоку. Ибо едва выедешь за ворота этого города, как попадаешь на необъятную *равнину*, скифскую равнину, которая так часто поражала тебя на моей рельефной карте, где она образует огромную плоскость, а в действительности она не привлекательней, чем на карте. Представь себе местность между Мюнхеном и Фрейзингом, на пространстве, вдвое большем, чем вся Европа. Вот и все. Ты сама понимаешь, что такие края плохо врачуют боль разлуки. Вот я и в Варшаве, где меня отделяет от тебя расстояние в добрых 120 немецких миль, а ведь это пустяк в сравнении с расстоянием, которое еще разделяет меня с Москвой. Черт бы побрал... — знаю, кого. А теперь, моя хорошая, примирись с мыслью, что приблизительно с месяц у тебя не будет вестей обо мне. Ибо до цели нашего путешествия остается дней 8–10, затем потребуется их 15–18 на то, чтобы письмо, которое я напишу из Москвы, дошло до Мюнхена. Все это далеко не весело.

Здесь мы с 19 числа и завтра уезжаем. Варшава приятно поразила меня. Это довольно большой город и в данное время, благодаря ярмарке, весьма оживленный. Здесь я вновь обрел множество впечатлений, дремавших во мне уже многие годы и пробудившихся словно от толчка, едва я ступил на улицы Варшавы. Ибо как-никак, несмотря ни на что, этот го-

род внешне чем-то родственен Москве, и это особенно бросается в глаза тому, кто едет с Запада.

Помимо этих впечатлений, я встретил здесь и несколько знакомых, в том числе родителей Ивана Гагарина[1], и, разумеется, неизбежного *Тургенева*, направляющегося из Москвы в Киссинген, с записной книжкой в руке. Что за человек! или, вернее, что за почтовая лошадь. Чтобы скрыться от него, пришлось бы, пожалуй, уехать по меньшей мере в Китай. — А ты, кисанька, что поделываешь сейчас? По твоим расчетам, ты с 20 числа должна жить в Блицхютте. Закутайся покрепче в свои горы, чтобы возместить для меня отвратительную равнину, в которую я погружаюсь. Поселился ли уже твой брат в Тегернзее? Вот вопросы, за ответом на которые мне следует отправиться за 1200 верст. А как твое драгоценное здоровье? Ты сама понимаешь, что теперь более чем когда-либо ты обязана заботиться о нем. Ты должна проникнуться этим сознанием. Нравится ли госпоже Бёнен у тебя, и бываете ли вы уже у владетельницы несравненной хижины? Кстати, Казимире следовало бы как-нибудь совершить то самое путешествие, которое я совершаю, — хотя бы для того, чтобы подвергнуть окончательному испытанию усердие и таланты Варвары.

Знаешь ли, что из всех моих воспоминаний единственное, чего я никак не могу уловить, — это твое милое лицо?..

Я, несомненно, менее чем кто-либо создан для разлуки. Ибо для меня разлука — как бы сознающее само себя небытие.

24-го. — Мы пробудем здесь еще сегодняшний день. Этим я создаю себе маленькую возможность получить от тебя письмо. Но берегись, если огорчишь меня! Я буду способен уехать отсюда, не попрощавшись с тобой.

Вчера, в канун Иванова дня, здесь был своего рода народный праздник, которым ежегодно отмечается этот день. Весь город высыпал на берега Вислы. Мост был заполнен громадной толпой. В этот день девушки по обычаю бросают в реку венки и по тому, как венки поплывут по течению, гадают о будущем. Вот — слов нет — поэтическая подробность, но если она и имела место, то, к сожалению, была так погребена в

толпе и давке собравшихся, что в существование ее приходится теперь верить лишь понаслышке. Что касается избитого и укоренившегося представления об изяществе полек — это другое дело; это более чем слух, это — очень приятная действительность. В здешних женщинах, действительно, есть особое изящество, и в говоре и в звуке голоса — своеобразная нежность, о которой голос госпожи Вышковской дает далеко не полное представление.

Окрестности Варшавы не лишены прелести, хотя и расположены на равнине... Однако я замечаю, что впадаю в тон присяжного туриста... Итак, прощай, моя кисанька. Нежно обнимаю счастливую Мари, равно как и остальных детей, а Анне напишу, когда Богу будет угодно. Нежно целую тебя тысячу раз.

85. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

29 июня/11 июля 1843 г. Москва

Moscou. Ce 11 juillet. Mardi

Mon cher ange, ma chatte chérie. Je t'écris ces quelques lignes à la hâte pour t'informer de mon arrivée. J'ignorai que c'est aujourd'hui jour de poste et qu'il n'y en aura plus avant samedi. C'est donc à samedi que je renvoie les détails. J'ai trouvé, heureusement, à mon arrivée à Moscou ta chère lettre qui m'avait précédé. Il ne fallait pas moins pour me refaire des fatigues de l'atroce voyage que je venais d'accomplir. Mes parents, ma mère surtout me charge de mille tendresses pour toi. Elle m'a accablé des questions à ton sujet et s'est de suite appropriée le portrait de Marie. Sais-tu bien qu'au moment où cette pauvre vieille excellente femme s'est jetée en sanglotant à mon cou, le tout premier mot qu'elle m'ait dit a été pour m'annoncer qu'*il y avait une lettre de toi*. Quant aux affaires, j'ai tout lieu d'espérer qu'elles s'arrangeront à souhait.

Mais encore une fois, à samedi dans quatre jours tu recevras ma lettre d'un volume satisfaisant, pour aujourd'hui je n'ai que le temps de fermer et de t'embrasser toi et les enfants. Ma chatte chérie, l'absence est une affreuse chose.

Перевод:

Москва. 11 июля. Вторник

Мой дорогой ангел, милая моя кисанька, пишу тебе эти несколько строк наспех, чтобы уведомить тебя о своем прибытии. Я не знал, что сегодня почтовый день и что следующий будет только в субботу. Итак — подробности откладываю до субботы. К счастью, в Москве меня ждало твое драгоценное письмо, оно меня опередило. Одно оно способно было развеять усталость от ужасного путешествия, которое я совершил. Родители мои, особенно маминька, поручают передать тебе сердечный поклон. Маминька засыпала меня вопросами о тебе и сразу же завладела портретом Мари. Представь себе, что когда эта добрая старушка, рыдая, бросилась мне на шею — первыми ее словами было, *что от тебя есть письмо*. Что касается дел, у меня есть все основания надеяться, что они устроятся как нельзя лучше.

Однако повторяю — до субботы. Через четыре дня ты получишь вполне удовлетворительное по объему письмо. А сейчас у меня есть время только на то, чтобы запечатать письмо и поцеловать тебя и детей. Милая кисанька моя, разлука — страшная вещь.

86. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

14/26 июля 1843 г. Москва

Moscou. Ce 14 juillet

Ma chatte chérie, que ne suis-je déjà à la 4ième page de ma lettre et que c'est un lourd poids sur ma pensée que cette horrible distance qui nous sépare. Il me semble que j'ai tout un monde à soulever pour pouvoir te parler. Voici de ta chère écriture sous ma main, sous mes yeux, et cette chère main qui a tracé ces caractères, que fait-elle en ce moment? L'absence pour qui sait la sentir est une énigme inexplicable.

Hier, le 13, entre deux et trois heures de l'après-midi, j'aurais beaucoup donné pour t'avoir à mes côtés. J'étais au Kremlin. Que tu aurais goûté et senti ce que s'offrait à mes yeux en ce moment.

J'en prends à témoin Mr de Custine lui-même qui certes n'est pas suspect. C'est un spectacle unique dans le monde. Je te renvoie au troisième volume de son ouvrage, toi qui sympathises avec Prague, qu'aurais-tu dit du Kremlin.

De là je suis allé visiter la maison qui a appartenu à mon père et où s'est écoulé toute ma première jeunesse[1]. C'était comme un rêve et comme je me suis senti vieux et usé en m'éveillant. Il a fallu me ressouvenir que je t'avais pour m'empêcher de sentir mon cœur défaillir et se dissoudre. Mais il est absurde de chercher à rendre ces impressions-là. Il y en a parfois de bien pénibles. Chaque fois que je suis sur le point de revoir une personne connue, j'éprouve une anxiété indicible. Non, je ne me suis jamais imaginé les ravages que vingt années opéraient sur la pauvre machine humaine. Quel horrible sortilège. Des personnes dont l'aspect des localités avait avivé le souvenir en moi, au point que je m'imaginais ne les avoir quittées que la veille, apparaissaient maintenant à mes yeux à peu près méconnaissables sous la flétrissure de l'âge. Ah l'horreur! Il m'est impossible de regarder toutes ces figures édentées, délabrées et pourtant si connues, sans croire à quelque horrible sortilège. Hier encore j'ai eu un de ces échantillons sous les yeux. C'était mon maître de langue russe[2] que j'avais laissé il y a vingt ans dans la force de l'âge et que j'ai retrouvé avec une petite figure vieillette privé de presque toutes ses dents et grimaçant pour ainsi dire sa physionomie d'autrefois. Je n'ai pu encore me remettre de la secousse. Et ai-je besoin de te dire qu'à chaque secousse semblable mon cœur se serre et se rejette vers toi. Et toi aussi tu vieilliras. Et il me semble qu'en mon absence, tu es plus complètement, tu es plus irrésistiblement livrée à l'horrible action de cette maladie qui s'appelle le temps.

Ma pauvre chatte, que ne donnerais-je pas pour te revoir un seul petit instant. Combien cela me rassurerait.

Une fois les fantômes écartés, je suis heureux de pouvoir te donner l'assurance que j'ai tout lieu de me féliciter de mon voyage. Tout s'arrange à souhait et même beaucoup mieux que je n'osais l'espérer. J'ai retrouvé à mon père et à ma mère leur vieille affection pour moi, vraiment touchante à force de dévouement et de résignation. Ils entrent dans toutes mes vues, dans toutes mes

convenances, ils acceptent tout, ils se résignent à tout. Quant aux affaires, voici l'arrangement que mon père nous a proposé. Il nous abandonne dès à présent en toute propriété les deux tiers de sa fortune, en nous assurant de repartir comme nous s'entendions entre nous le revenu des terres que nous posséderons en commun. Il va sans dire que comme mon frère aura à supporter toutes les charges et tout le poids de la gestion, je n'hésiterai pas à lui laisser la plus grosse part du revenu, les deux tiers, par exemple. Le tiers restant me vaudra bien toujours de 10 à 12 mille roubles par an, au dire de ceux qui connaissent l'état de nos affaires. Cet arrangement d'ailleurs ne sera valable que jusqu'au moment de la succession définitive[3], qui comme de raison sera réglée par un tout autre principe, celui du partage égal. Voilà où nous en sommes. Ce qui reste à faire pour compléter et consolider l'arrangement proposé, ne sont que des questions de pure forme, bien faciles à résoudre. L'essentiel maintenant dépendra de la bonne volonté et du savoir-faire de mon frère. Pour le moment il me paraît animé des meilleures dispositions. Il se dévoue à passer toute une année et d'avantage, s'il le faut à la campagne, sans désemparer. Il s'applique aussi à modifier quelque facile la manière d'être envers mon père qui est assurément le meilleur des hommes. Et tu ne sentiras pas de vanité ou d'illusion, si je te dis que dans l'intérêt de toutes ces conciliations ma présence ici n'a été rien moins qu'inutile.

Elle a eu un autre résultat qui n'est pas moins satisfaisant, c'est d'avoir redressé mon opinion sur le compte du beau-frère. Certes, je lui dois une amende honorable. Je l'avais mal jugé! Cela tenait probablement aux circonstances d'alors et à mon état de santé. Bien loin d'être un intrigant, comme je le croyais alors, c'est un homme qui s'est perdu il y a deux ans auprès du gouvernement par un excès de franchise et d'indépendance dans le caractère[4]. Il faudrait des détails à l'appui de ce que je dis là, mais qu'il te suffise de savoir que dans ce moment-ci et pour les arrangements à prendre sa conduite à notre égard a été parfaite de tout point. Voilà de bonnes nouvelles, n'est-ce pas?

Adieu, ma chatte chérie. Je ferme pour le moment cette lettre sauf à la continuer plus tard.

Перевод:

Москва. 14 июля

Милая моя кисанька, ах зачем я уже не на четвертой странице моего письма! Как тяжко гнетет мое сознание мысль о страшном расстоянии, разделяющем нас! Мне кажется, будто для того, чтобы говорить с тобою, я должен приподнять на себе целый мир. Вот у меня под рукою, перед глазами твой милый почерк, а любимая рука, что начертала эти буквы, — что делает она в эту минуту? Разлука представляется необъяснимой загадкой тому, кто умеет чувствовать.

Вчера, 13-го, между двумя и тремя часами пополудни я дорого дал бы за то, чтобы ты оказалась возле меня. Я был в Кремле. Как бы ты восхитилась и прониклась тем, что открывалось моему взору в тот миг! Беру в свидетели самого господина де Кюстина, которого, разумеется, нельзя заподозрить в пристрастии. Это единственное во всем мире зрелище. Отсылаю тебя к третьему тому его труда. Если тебе нравится Прага, то что же сказала бы ты о Кремле!

Оттуда я направился посмотреть на дом, который принадлежал некогда моему отцу и где протекло все мое детство[1]. Он представился мне как во сне, и каким постаревшим и изнуренным я почувствовал себя очнувшись! Мне пришлось вспомнить, что я обладаю тобою, дабы мое сердце не изнемогло и не растаяло. Однако нелепо пытаться передать эти ощущения. А как иные из них тягостны! Всякий раз, когда мне предстоит встреча со старым знакомцем, меня охватывает невыразимая тревога. Нет, я и не воображал, какие разрушения может произвести в бедном человеческом механизме двадцатилетний срок! Какое отвратительное колдовство! Люди, воспоминание о которых здешние места оживили во мне до такой остроты, что мне стало казаться, будто я только накануне расстался с ними, предстали передо мною почти неузнаваемыми от разрушений времени. О, что за ужас! Не могу не верить в некое страшное колдовство, когда вижу эти сморщенные, поблекшие лица, эти беззубые рты. Еще вчера мне попался на глаза такой пример. Это мой учитель русско-

го языка[2]; я расстался с ним двадцать лет тому назад, когда он был во цвете лет, а нынче это лишенный почти всех зубов человечек, со старческой физиономией, представляющей, так сказать, карикатуру на его прежнее лицо. Я никак не могу опомниться от этого удара.

Излишне говорить, что при каждом таком потрясении сердце во мне сжимается и устремляется к тебе. Но и ты постареешь. И мне кажется, что за время моего отсутствия ты совершенно и неотвратимо оказалась во власти этого недуга, именуемого временем.

Бедная моя кисанька, чего бы ни дал я, чтобы увидеть тебя хоть на единый краткий миг. Как бы это успокоило меня!

Покончив с призраками, могу с радостью уверить тебя, что у меня есть все основания быть довольным своим путешествием. Все устраивается как нельзя лучше, и даже лучше, нежели я смел надеяться. Со стороны родителей я встретил прежнюю привязанность ко мне; они, право, трогательны своею преданностью и покорностью. Они входят во все мои намерения, во все мои светские обязанности; они со всем соглашаются, со всем примиряются.

Что касается дел, то вот что предложил мне отец. Он теперь же передает нам в полную собственность две трети своего состояния, предоставляя поделить по своему усмотрению доходы с земель, которыми мы будем владеть сообща. Само собой разумеется, что, так как на брате будут лежать все обязанности и все бремя управления — я не премину предоставить ему значительную часть дохода, скажем — две трети. Остающаяся часть составит, по словам тех, кто знаком с нашими делами, никак не меньше 10–12 тысяч рублей в год. Такой порядок, впрочем, останется в силе лишь впредь до окончательной передачи наследства[3], которое, разумеется, будет разделено по совсем иному принципу — по принципу полного равенства.

Вот как обстоят дела. Для завершения и закрепления предложенных условий остается только разрешить несколько чисто формальных и несложных вопросов. Теперь все зависит от доброй воли и умения брата. Пока что, мне кажется,

он воодушевлен самыми лучшими намерениями. Он готов пожертвовать собой и целый год, а если нужно будет, то и больше, безвыездно прожить в деревне. Подчас он старается изменить свое отношение к отцу, лучше которого, право, нет человека на свете. И не сочти за тщеславие или самообольщение, если я скажу тебе, что для их примирения мое присутствие здесь было далеко не бесполезно. Оно дало и другой, не менее приятный результат — а именно: я изменил мнение о моем зяте. Право, я повинен перед ним, я ошибался на его счет. Это было вызвано, вероятно, тогдашними обстоятельствами и состоянием моего здоровья. Он далеко не интриган, как я думал раньше, два года назад он погубил себя во мнении правительства излишней прямотой и независимостью характера[4]. В подтверждение моих слов следовало бы привести некоторые подробности, но достаточно тебе знать, что сейчас, а также в отношении всех предстоящих хлопот, его поведение со всех точек зрения безупречно. Вот тебе добрые вести, не так ли?

Прощай, моя милая кисанька. Складываю это письмо, если только не вздумаю потом его продолжить.

87. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

13/25 июля 1843 г. Москва

Moscou. Ce 25 juillet 1843

Je ne t'écris pas aujourd'hui. Je ne m'en sens pas le courage. Je suis tout démoralisé par ton silence. Voilà cinq à six jours que j'aurais du avoir de tes nouvelles. Je t'avais écrit de Varsovie en date de 24 du mois dernier. Cette lettre a dû te parvenir dans les tous premiers jours de juillet. Si tu y avais répondu sur-le-champ, j'aurais dû avoir la lettre depuis cinq à six jours. Je ne veux ni ne puis entendre raison sur les retards, pas plus que sur les coups de bâton qu'on me donnerait. Tout ce que je puis faire c'est de les subir en silence. Aussi je me tais. Mes affaires ici sont terminées. Mon père nous a cédé les $^2/_3$ de son bien. Cela doit nous faire de 10 à 12 m<ille> fr<ancs> à chacun. De plus on me donnera à mon départ 3 m<ille> r<ou>bles pour payer mon voyage. Mais

tout cela m'est fort indifférent. Rien n'indemnise de ce que je souffre en ce moment. A la garde de Dieu.

T. T.

Перевод:

Москва. 25 июля 1843

Не пишу тебе сегодня. Не нахожу в себе мужества. Я в полном унынии от твоего молчания. Я должен был получить от тебя письмо уже пять или шесть дней назад. Я писал тебе из Варшавы 24-го числа прошлого месяца. Ты должна была получить это письмо в самые первые дни июля. Если бы ты тотчас ответила, я бы уже пять-шесть дней назад получил твое письмо. Я не хочу и не могу слышать ни о каких причинах такой задержки, это все равно что получать удары палкой. Все, что я могу сделать, это сносить их в молчании. Итак, я умолкаю. Дела мои здесь окончены. Отец уступил нам $^{2}/_{3}$ своего имущества. Это должно составить 10–12 тысяч франков на каждого. К тому же он даст перед отъездом 3 тысячи рублей, чтобы оплатить мне проезд. Но это все мне совершенно безразлично. Ничто не вознаградит меня за то, что я переживаю в эти минуты. Храни тебя Господь.

Ф. Т.

88. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

14/26–15/27 июля 1843 г. Москва

Moscou. Ce 26 juillet 1843

Ma chatte chérie. J'avais bien raison de penser que l'explosion de mon humeur hâterait l'arrivée de ta lettre. Car cette chère lettre du 8 si impatiemment attendue, je l'ai reçue hier, deux heures après avoir fait porter la mienne à la poste. C'est ma mère qui est venue me la remettre en triomphe. J'ai bien sincèrement maudit, tu peux m'en croire, ce nouvel accès de tes sacrés rhumatismes qui ont eu la lâcheté de s'attaquer à toi, même en mon absence, et je suis parfaitement de ton avis qu'il faut leur faire une guerre à outrance, une guerre d'extermination. Aussi j'approuve très fort

l'idée du voyage à Paris. Mais je prétends que tu ne l'entreprennes qu'à mon retour à Munich qui d'ailleurs ne se fera guères attendre, car je compte bien, Dieu aidant, pouvoir te rejoindre dans le courant de septembre.

Maintenant il serait à propos, je pense, de te donner quelques détails sur mon séjour d'ici. Tu sais que nous sommes arrivés ici le 8, précisément le jour, où tu as écrit ta lettre. Je ne hais pas ces coïncidences. Père et mère, prévenus depuis plusieurs jours de notre arrivée, avaient loué pour nous dans la maison, qu'ils occupent, un appartement au rez-de-chaussée[1] composé de trois chambres assez jolies, assez proprettes pour nous et d'une quatrième pour le fidèle Brochet, attenante à la mienne. La maison est située dans un quartier de la ville qui correspond parfaitement aux faubourgs extérieurs à Paris. C'est moins délabré toutefois et plus campagne. Nous avons voiture et chevaux à notre disposition absolue et exclusive.

Ma sœur et son mari demeurent dans le voisinage[2] et je dois convenir que j'ai été agréablement surpris du confort et de l'élégance de leur intérieur. Ils font d'ailleurs très bonne chère, et toute la famille y dîne deux ou trois fois par semaine. Mais même la cuisine paternelle s'est quelque peu améliorée, je t'ai déjà dit que le beau-frère s'est complètement réhabilité dans mon esprit. Il s'est montré très util et très secourable dans la grande affaire que nous venons de terminer, et la manière dont il s'y est employé suffirait seule pour conjurer tous les soupçons que j'avais conçu contre lui. C'est d'ailleurs un homme d'esprit et d'une vitalité inépuisable. Quant à ma sœur, qui se recommande tout naturellement à ton intérêt par la ressemblance qu'on dit très grande entr'elle et moi, est en ce moment dans la lune de miel de sa maternité. Son enfant l'absorbe entièrement et promet de devenir un gros garçon, pas joli, mais très robuste. Ma mère est toujours, comme tu l'as pressenti, roulée en boule sur son canapé. Je lui ai lu la phrase qui la concerne dans ta lettre, et elle y a été fort sensible. Elle me questionne beaucoup sur ton sujet et sympathise avec toi ses paroles. Sa chimère, c'est de te voir un jour en chair et en os, arrivant chez eux à la campagne avec Mlle Marie et Dmitri ou plutôt arrivant chez toi, car te voilà devenue, sans t'en douter, pro-

priétaire terrienne en Russie, maîtresse absolue de quelques trois à quatre cents paysans. Ma pauvre mère me fait vraiment de la peine. Il est impossible d'aimer ses enfants avec plus d'humilité qu'elle ne fait. C'est à peine si elle se permet d'exprimer le vœu de voir mon séjour se prolonger parmi eux, et elle fait semblant de croire, plutôt qu'elle ne croit en effet aux espérances que je lui donne d'une nouvelle entrevue pour l'année prochaine. Quant à mon père, il a mis tant de bonne grâce dans la cession qu'il vient de nous faire qu'il a entièrement justifié l'opinion que j'avais toujours qu'il n'y avait dans sa conduite à notre égard qu'un malentendu résultant de notre longue absence et de nos paresses respectives. Je le trouve moins vieilli, moins affaissé qu'il ne m'a paru au premier moment. Ses goûts et ses allures sont toujours les mêmes et offrent toujours la même prise au sarcasme de mon frère. C'est lui, pauvre garçon, que je plains de toute mon âme, car le voilà *obligé* de se réjouir et de se montrer reconnaissant d'un arrangement qu'il accepte, au fond du cœur, comme un arrêt d'exil. Ta sagacité ordinaire ne t'a pas trompé quand tu me soutenais que le séjour en Russie lui était plus contraire encore qu'à moi. Il en est ainsi en effet. Lui, si peu difficile à l'étranger sur le chapitre de l'élégance et du confort, se montre ici d'une exigence implacable, il déploie une verve de dépréciation qui serait remarquable même dans le feuilleton littéraire. En revanche il est tout tendresse et tout affection pour les marques de souvenir qui lui viennent de toi, et tel est le besoin qu'il éprouve de se rattacher à la vie qu'il a mené auprès de nous, qu'en me parlant des travaux qu'il va entreprendre à la campagne, il ne manque jamais d'y mêler l'idée de l'avenir de *Dmitri* et se complait dans la supposition de la belle fortune que lui et moi nous lui laisserons un jour. Il s'est fait lui lire hier ta lettre toute entière, et tu ferais une chose aimable, en lui en écrivant une, comme tu sais les écrire, quand tu es en verve de gracieuseté. Tu ferais bien d'y ajouter aussi quelques mots pour maman et pour ma sœur. Mais c'est probable que ce chef-d'œuvre ne me trouvera plus à Moscou.

En dehors de la famille il y a des tantes, des cousines, etc. etc., qui au premier moment avaient surgi comme des fantômes, mais qui petit à petit ont révélé les formes et les couleurs de la réalité.

J'ai retrouvé aussi parmi mes camarades d'université quelques hommes qui se sont fait un nom dans la littérature et sont devenus des hommes réellement distingués[3]. Le soir nous allons souvent au théâtre. Il y a ici une troupe française passable et une troupe russe, tellement bonne que j'en ai été confondu de surprise. Paris excepté, il n'y a certainement pas une troupe à l'étranger qui puisse rivaliser avec celle-ci. Cela tient évidemment à la race, car j'ai retrouvé la même supériorité de jeu dans les acteurs du théâtre polonais à Varsovie.

Ce 27. Jeudi.

Ma chatte chérie, me voilà de nouveau occupé à t'écrire. Mais l'idée qu'il y a 18 jours et plus de la moitié de l'Europe entre le bec de ma plume et le premier regard que tu laisseras tomber sur ces lignes, cette conviction est plus que saisissante pour glacer une veine épistolaire, comme la mienne. Il faut à la pensée de l'homme une ferveur presque religieuse pour ne pas se laisser accabler à cette terrible idée de la distance. Hier, en te quittant, je suis allé dîner au club. Il y a ici plusieurs clubs dans le genre de ceux de Londres et dont quelques-uns sont montés sur un pied tout à fait grandiose. On y dîne, on y joue aux cartes et on y trouve une collection de journaux russes et étrangers, livres, brochures, etc. Ce sont en ce moment les seuls points de réunion qu'il y ait, car la plus grande partie de la société a déjà quitté la ville. Le théâtre est peu suivi, les promenades sont aussi peu, bien qu'il y en ait des charmantes. Mais c'est la ville elle-même, la ville dans son immense variété que je voudrais pouvoir te montrer, toi qui vois tout, que de choses ne verrais-tu pas ici! Comme tu sentirais d'influent, ce que les anciens appelaient le *génie du lieu*, planant sur cet entassement grandiose des choses les plus variées, les plus pittoresques. Il y a je ne sais quoi de puissant et de serein, répandu sur cette ville.

Peste soit des interruptions. Il y a eu entre cette ligne et la précédente une visite paternelle qui a duré une heure et demie et qui a mis en complète déroute toutes les belles choses que j'avais à te dire.

Ma chatte chérie, quand tu recevras cette lettre, je serai sur le point de quitter Moscou. Ainsi je préviens qu'à partir du 15 août

tu feras bien de m'adresser tes lettres à Pétersbourg, en les recommandant à Stieglitz. Ici tout conspire à abréger mon séjour, et je crois que mon père lui-même tout affligé qu'il sera de me voir partir, attend avec quelque impatience le moment où il pourra s'en aller d'ici. J'ignore, combien de temps je resterai à Pétersbourg. Cela dépendra des chances que j'y rencontrerai. Dans tous les cas j'espère et je compte y avoir fini mes affaires assez tôt pour être rendu à Tegernsee bien avant l'époque que tu as fixée pour entreprendre ton voyage de Paris. Je te défends par conséqu<ent> de songer à le faire seule. En attendant, soigne bien ta santé, cette sacrée santé qui te débraie chaque instant. Mille tendresses les plus tendres à ton frère et à sa femme. Il est entendu qu'elles sont accompagnées de tant de vœux pour l'excellent résultat de la grossesse[4]. Mes hommages à Casimire et ajoute y, je te prie, quelque phrase spirituellement tendre que j'ai pas le temps d'élaborer. J'avais encore un volume des choses dans la plume, mais grâce à l'interruption elles s'y sont desséchées. Il n'y reste que deux baisers bien paternels pour *Marie*, le Herzblättchen, et un autre pour Dmitri.

Tout à toi, ma chatte.

Перевод:

Москва. 26 июля 1843

Милая моя кисанька, я был прав, предполагая, что взрыв моей досады ускорит прибытие твоего письма. Ибо драгоценное письмо твое от 8 числа, столь долгожданное, я получил вчера, два часа спустя после того, как отправил свое на почту. Мне с торжественным видом вручила его маминька. От души проклинаю, можешь мне поверить, новый приступ несносного ревматизма, который имел подлость напасть на тебя даже в мое отсутствие, и вполне согласен с тобою, что ему надо объявить войну насмерть, войну на полное уничтожение. А потому вполне одобряю твое намерение съездить в Париж. Но мне хочется, чтобы ты не уезжала раньше моего возвращения в Мюнхен, что, кстати сказать, произойдет довольно скоро. Ибо я надеюсь с Божьей помощью вернуться к тебе в сентябре.

Теперь уместно, думается мне, сообщить тебе некоторые подробности относительно моего житья здесь. Как тебе известно, мы приехали сюда 8-го, как раз в тот день, когда ты написала мне письмо. Это совпадение мне более чем приятно. Родители, предуведомленные о нашем приезде за несколько дней, сняли для нас в своем же доме квартиру в первом этаже[1], о трех довольно хороших и чистых комнатах для нас, да еще с четвертою для верного Щуки; его комната примыкает к моей. Околоток, в котором находится дом, очень напоминает парижский пригород, но не столь убог и больше похож на деревню. В нашем полном и безраздельном распоряжении имеется экипаж и лошади.

Сестра моя с мужем живет по соседству[2], и, должен признаться, меня приятно поразили комфорт и изящество их обстановки. К тому же они любят хороший стол, так что два-три раза в неделю у них обедает вся семья. Но и отцовская кухня несколько усовершенствовалась. Я тебе уже писал, что мой зять вполне реабилитирован в моем представлении. Он был очень полезен и услужлив в том важном деле, которое мы только что завершили, и одного того, как он предлагал свои услуги, было бы достаточно, чтобы отмести все подозрения, которые у меня зародились против него. Помимо всего, это человек большого ума и неисчерпаемой жизнестойкости. Что до сестры, которая вполне естественно должна интересовать тебя, раз по всеобщему мнению между мной и ею такое большое сходство, — то она в настоящее время переживает медовый месяц материнства. Ребенок поглощает ее всю целиком, он обещает стать со временем, может быть, и не красивым, но очень крепким мальчиком. Мать моя, как ты и предполагала, большею частью лежит, свернувшись на диване. Я прочел ей из твоего письма слова, относящиеся к ней, и она была ими весьма тронута. Она много расспрашивает о тебе и полюбила тебя по моим рассказам. Ее мечта — увидеть тебя в один прекрасный день во плоти, когда ты приедешь к ним в деревню вместе с м-ль Мари и Дмитрием, или, вернее, приедешь к себе, ибо теперь ты, сама того не ведая, стала русской землевладелицей, неограниченной властительницей трех-четырех сотен кресть-

ян. Мне, право, очень жаль мою бедную мать. Невозможно любить своих детей с большим смирением, нежели она. Она едва решается высказать пожелание, чтобы я подольше побыл возле них, и не столько верит, сколько делает вид, что верит моим обещаниям опять свидеться с ними в будущем году. Что до отца, то он проявил в деле о наследстве столько обходительности, что вполне оправдывает мое всегдашнее о нем мнение, а именно, что его отношение к нам было простым недоразумением, и вызвано оно было нашим долгим отсутствием и присущей нам леностью. Я нахожу его теперь не таким старым, не таким слабым, каким он казался первое время. Его вкусы и привычки все те же и по-прежнему дают моему брату повод к язвительным насмешкам. Его-то, беднягу, я от души жалею, ибо ему *приходится* радоваться и благодарить за решение, принятое в отношении его, которое он в глубине души принимает как приговор к ссылке. Обычная твоя проницательность не обманула тебя, когда ты уверяла меня, что жизнь в России будет ему еще неприятнее, чем мне. В действительности так оно и есть. Столь нетребовательный за границей в отношении роскоши и удобств, он проявляет здесь во всем такие высокие требования и так страстно все осуждает, что даже в литературном фельетоне это бросилось бы в глаза. Зато он с большой нежностью и теплотой встречает каждое доказательство того, что ты его не забываешь; его стремление сохранить связь с тою жизнью, которую он вел возле нас, настолько в нем сильно, что, говоря о работах, которые он собирается предпринять в деревне, — он никогда не упускает случая упомянуть о будущности *Дмитрия* и любит высчитывать прекрасное состояние, которое мы с ним со временем Дмитрию оставим. Вчера он попросил прочесть ему твое письмо от начала до конца, и с твоей стороны будет очень мило, если ты как-нибудь напишешь ему одно из тех любезных писем, какие ты умеешь писать, когда бываешь в ударе. Хорошо было бы добавить к письму несколько строк для маминьки и для сестры. Но возможно, что этот шедевр уже не застанет меня в Москве.

Помимо семьи, имеются еще тетки, кузины и пр. и пр., которые в первое время всплывали передо мной как призраки, но

мало-помалу они снова приняли обличье и оттенки действительности. Я встретил также несколько университетских товарищей, среди которых иные составили себе имя в литературе и стали действительно выдающимися людьми[3]. По вечерам часто бываем в театре. Здесь есть сносная французская труппа и столь хорошая русская, что я был поражен. Исключая Париж, нигде за границей нет труппы, которая могла бы соперничать с нею. Это, вероятно, расовая особенность, ибо такое же мастерство игры я наблюдал в польском театре в Варшаве.

27-го. Четверг

Милая моя кисанька, вот я снова пишу тебе. Но мысль, что между кончиком моего пера и первым взглядом, который ты бросишь на эти строки, простираются целых 18 дней и пол-Европы, — мысль эта более чем достаточна, чтобы охладить писательский пыл вроде моего. Человеческая мысль должна отличаться почти что религиозным рвением, чтобы не быть подавленной страшным представлением о дали. Вчера, расставшись с тобою, я пошел в клуб обедать. Здесь имеется несколько клубов в духе лондонских и некоторые из них поставлены прямо-таки на широкую ногу. Тут и обедают, и играют в карты; есть тут и целое собрание русских и заграничных газет, книг, брошюр и т. д. В настоящее время только в клубах и собираются. Ибо большая часть общества уже выехала из города. Театр посещается мало, также мало народу и на местах гуляния, хоть среди них есть и очень приятные. Но больше всего мне хотелось бы показать тебе самый город в его огромном разнообразии. Ты, умеющая разглядеть все,— чего бы ты только не высмотрела здесь. Как бы ты почуяла наитием то, что древние называли *гением места*, он реет над этим величественным нагромождением, таким разнообразным, таким живописным. Нечто мощное и невозмутимое разлито над этим городом.

Будь неладны все, кто мешает разговору! Между этой строкою и предыдущею состоялся отцовский визит, продлившийся полтора часа и совершенно рассеявший все прекрасное, что я собирался сказать тебе.

Моя милая кисанька, когда ты получить это письмо, я буду уже собираться к отъезду из Москвы. Итак, предупреждаю тебя, что с 15 августа письма мне лучше посылать в Петербург, поручая их Штиглицу. Тут все словно сговорилось, чтобы сократить мое здешнее пребывание, и мне кажется, что даже отец, хоть и будет огорчен моим отъездом, с нетерпением ждет дня, когда сможет уехать отсюда. Не знаю еще, сколько времени пробуду я в Петербурге. Это будет зависеть от того, какие возможности мне там откроются. Во всяком случае, я надеюсь и рассчитываю покончить с делами пораньше, чтобы приехать в Тегернзее задолго до срока, который ты наметила для поездки в Париж. Следственно, я запрещаю тебе уезжать без меня. А пока береги свое здоровье, злополучное здоровье, расстраивающееся то и дело. Передай самый нежный привет своему брату и его жене. Привет, само собою разумеется, сопровождается самыми сердечными пожеланиями относительно благополучного исхода ее беременности[4]. Привет Казимире, да прибавь к нему, прошу тебя, несколько остроумно-ласковых слов, которые мне недосуг придумывать. На кончике пера у меня было еще множество вещей сказать тебе, но благодаря помехе они высохли. Осталось только два истинно отеческих поцелуя — один для *Мари*, Herzblättchen*, другой — для Дмитрия.

Весь твой, моя кисанька.

89. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

11/23 августа 1843 г. Петербург

St-Pétersbourg. Ce 11 août 1843

Vous voyez bien, chers papa et maman, que je ne perds pas de temps pour vous annoncer l'heureuse issue de ce fameux voyage qui vous paraissait si formidable en raison de mon extrême jeunesse. Le voilà terminé non sans fatigue et sans quelques ennuis, mais au total le plus heureusement du monde. Nous sommes arrivés à 4 h<eures> de l'après-midi et après avoir fait

* сердечного дружка (*нем.*).

une inspection sommaire de tous les hôtels qui m'avaient été indiqués, je me suis décidé pour Demouth[1], où j'ai loué un appartement d'une chambre et demie pour moi et d'une autre demi-chambre pour mon domestique à raison de 13 roubles argent par semaine. C'est fort cher assurément, mais je prévois que ce sera là aussi ma plus grosse dépense, car, grâce à la position centrale que je viens de prendre, la dépense pour la voiture se réduira à peu de chose.

Parmi mes compagnons de voyage il y en avait un que je connaissais indirectement. C'est le jeune Dehay, fils du sénateur Dehay que j'ai vu l'année dernière à Kissingen et qui est un ami de Мих<аил> Ник<олаевич> Муравьев[2], l'autre était un très jeune homme, Жемчужников[3], le reste de la compagnie, à l'exception d'un fabriquant allemand, se trouvait être composé de nos trois domestiques.

Mais pour sortir de ces détails fort peu curieux, laissez-moi vous dire que ce qui me domine en ce moment exclusivement, c'est le souvenir de ces six semaines que nous venons de passer ensemble et de toute cette affection dont vous m'avez comblé. Que Dieu vous bénisse et vous conserve et qu'Il éxauce notre vœu mutuel de nous revoir l'année prochaine.

C'est demain que je me mettrai en cause[4] et je vous écrirais sitôt que j'aurai quelque chose à vous dire. Mais en vous parlant de mon voyage, j'oubliais de vous dire que j'ai parfaitement bien dormi les trois nuits consécutives, et je serais un ingrat, si je n'en attribuais le mérite, en grande partie au moins, au coussin de cuir de papa.

Pétersb<ourg> m'a de nouveau étonné. C'est une magnifique ville assurément, et dans ce moment, grâce à la magnificence du temps, elle a une physionomie tout à fait méridionale. Il est minuit et la perspective est encore peuplée de promeneurs.

Mille amitiés à Nicolas. Est-il donc vrai que nous voilà de nouveau séparés? Qu'est devenu le temps passé ensemble. Mille tendresses aussi à Dorothée et à son mari. Je vous aime tous du fond du cœur.

Adieu. Je baise vos mains.

T. T.

Перевод:

Петербург. 11 августа 1843

Видите, любезные папинька и маминька, я, не теряя времени, спешу сообщить вам о благополучном завершении поездки, которой вы когда-то так опасались по причине моей крайней молодости. Она наконец завершилась — не без усталости и некоторых неприятностей, но в общем благополучнее всего на свете. Мы прибыли в 4 часа пополудни, и после краткого знакомства со всеми указанными мне гостиницами я остановил свой выбор на гостинице Демут[1], где снял за 13 рублей серебром в неделю две комнаты — одну полностью для себя, а во второй отведен угол для слуги. Это, конечно, очень дорого, но я думаю, что это будут самые большие мои расходы, потому что благодаря расположению гостиницы в центре города расходы на коляску будут самыми ничтожными.

Среди моих спутников в поездке нашелся один, кого я косвенно знал ранее. Это молодой Дегай, сын сенатора Дегая, которого я встречал в прошлом году в Киссингене. Он приятель Михаила Николаевича Муравьева[2]. Другой спутник — совсем молодой человек, Жемчужников[3]. Остальная часть компании, за исключением одного немца фабриканта, как оказалось, состояла из трех наших слуг.

Но чтобы покончить с этими мало занимательными подробностями, позвольте мне сказать, что в эти минуты во мне живут исключительно воспоминания о шести неделях, проведенных с вами вместе, и о тех знаках любви, которыми вы меня осыпали. Благослови и сохрани вас Господь, и пусть исполнится наше общее желание — вновь увидеться в будущем году.

Завтра я приступлю к делу[4], и как только появится что сказать, я тут же напишу вам. Но, рассказывая о поездке, я забыл написать, что три ночи подряд я великолепно спал, и я бы был самым неблагодарным, если бы не отметил, что во многом это было благодаря кожаной подушке, подаренной папа́.

Петербург вновь удивил меня. Это, несомненно, величественный город, и в это время, благодаря великолепной погоде, он имеет совершенно южный вид. Сейчас уже полночь, а перспектива заполнена гуляющими.

Поклон Николушке. Неужели правда, что мы снова разлучились? Что сталось с временем, проведенным с ним вместе? Кланяюсь также Дашиньке и ее мужу. Люблю всех вас всем сердцем.

Прощайте. Целую ваши ручки.

Ф. Т.

90. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

14/26 августа 1843 г. Петербург

Ma chatte chérie, j'écris exprès en grosses lettres — *St-Pétersbourg*. Ce 26 août 1843 — pour te faire toucher au doigt de combien de couches s'est diminué la formidable distance qui nous sépare. Oui, ma bonne, me voilà depuis trois jours à Pétersb<ourg> en plein courant européen, entouré de nouveau de tous ses bruits et de toutes ses rumeurs, si bien que je pourrais au besoin y démêler le petit souffle de la petite Casimire. N'est-ce pas joli? Tu ne saurais croire, toi, combien à 300 lieues de distance il est doux de sentir l'effet de sa présence Casimirienne. C'est par le cher Cardenos que cette impression amie, que cette tiède bouffée m'est arrivée.

Une autre impression, bien autrement amie et restaurante avait été celle-ci: le jour même de mon départ, deux heures avant de monter en voiture, le sort a eu la très aimable attention de me faire parvenir ta lettre du 3 de ce mois. Elle arrivait à point*, car l'attente commençait à tourner à l'inquiétude, et d'ailleurs j'avais besoin d'une récompense pour les 3 jours d'horrible existence que j'allais passer enfermé dans la caisse de la diligence. Cette lettre fut donc la très bien venue, et bien qu'elle fut, ne t'en déplaise, une des plus fraîches et des plus calmes que tu n'eusses jamais écrites, telle est néanmoins l'horrible partialité du cœur humain que je sentais, en empruntant un chiffon du papier, qu'il m'était

* 1 слово утрачено, бумага порвана под нажимом пера.

10 Зак 7508

plus cher que tout ce que je laissais derrière moi. Et cependant c'est un monde bien uni, bien sympathique que celui que je quittais. Les adieux de mes bons vieux ont été des plus tendres, et ceux de ma mère en particulier m'ont été presque pénibles. Un certain degré de sensibilité maintenant, presque dans la vieillesse, devient un contresens. Toute la famille m'a accompagné jusqu'au bureau des diligences, et l'apparition de ma mère dans un pareil endroit était un fait sans précédant et sans analogue dans sa vie. Je n'ai pas besoin de te dire que dans la matinée du jour de mon départ qui était un dimanche il y a eu après la messe le *Te Deum* obligé, suivi d'une visite dans une des chapelles les plus révérées de Moscou, où se trouve une image miraculeuse de la *Ste Vierge d'Ibérie*. En un mot, tout c'est passé dans la forme de la plus stricte orthodoxie. Eh bien, pour qui ne s'y associe qu'en passant, pour qui peut en prendre à son aise, il y a dans ces formes, si profondément historiques, il y a dans ce monde russo-byzantin, où la vie et le culte ne font qu'un, et si vieux que Rome elle-même, comparé à lui, sent quelque peu d'innovation, il y a dans tout cela, pour qui a l'instinct de ces choses, une grandeur de poésie incomparable, une grandeur telle quelle subjugue l'inimitié la plus acharnée, car au sentiment de ce passé, déjà si vieux, vient fatalement s'ajouter le pressentiment d'un avenir incommensurable. Ce sera un éternel regret pour moi que de n'avoir pas te faire voir Moscou. Comme ta nature, la plus intelligente des natures humaines, aurait vite et bien compris ce qu'il y a dessous. — Mais pour changer de ton, parlons un peu des affaires personnelles à mon chétif individu. Me voilà à Pétersbourg, quelque peu pendu dans le vague de mes projets, car, à bien considérer les choses, je ne vois pas ce que j'ai à chercher ici, sinon un p<asse>port pour l'étranger. Demanderai-je ma réintégration au service, en me faisant attacher de nouveau à la légation de Munic. Mais ce serait là, à mon sens, une chose absurde, car ce serait de la dépendance accompagnée de quelques-uns de ses inconvénients et sans aucune de ses compensations. Je sais que c'était là le désir de Sévérine, tout comme c'est aussi l'avis de mon frère. Mais ni l'un, ni l'autre ne m'ont convaincu. Le fait est que ce qui pourrait me convenir dans le service, je ne suis plus en droit de le demander,

et que tout ce qui n'est pas cela ne ferait qu'entraver ma position au lieu de l'améliorer.

D'autre part, vivre ici dans l'attente de quelque coup favorable du sort serait aussi absurde que de se mettre à spéculer sérieusement sur les chances d'un gain à la loterie. Je n'ai d'ailleurs ni les moyens, ni surtout l'envie de m'éterniser ici à attendre ce miracle. Je suis donc résigné à ne tirer d'autre profit de mon voyage à Pétersb<ourg> que d'essayer de régulariser ma démission et puis aussitôt après je demanderai un p<asse>port pour l'étranger. Mais le mal est que même pour réaliser ce programme si modeste, je n'ai pas sous la main les intermédiaires dont j'aurais besoin. Les Krüdener sont à Péterhoff, où je compte aller les voir demain ou après-demain. La Gr<ande>-Duchesse Marie de L<euchtenberg> qui y est aussi, n'est pas encore relevée de couches et de plus, dans l'affliction et les larmes par suite de la mort de sa fille aînée[1]. Pauvre jeune femme. C'est le jour même de l'enterrement de son enfant, le 10ème après ses couches qu'elle a appris par l'Emp<ereur> que l'enfant était mort. Je parie, ma chatte, que ta pensée et la mienne se sont rencontrées sur le même sujet, en apprenant cette jeune mort.

L'impatience d'écrire commence à me gagner. J'abrège et je finis. Je ne puis ni *prétendre*, ni attendre. Et cependant, je le sais, de retour à Munic j'aurais des remords, comme si j'avais manqué la fortune d'un Roi. Et cependant le voyage n'aura pas été stérile, puisqu'il m'aura valu, selon toute probabilité, de 10 à 12 m<ille> de rente. Et à ce sujet je ne comprends pas ton raisonnement. Comment peux-tu préférer l'ancien ordre des choses, c'est-à-d<ire> rien, au nouvel arrangement. Et comment aurais-je pu éviter la dépendance, où je me trouve fatalement placé vis-à-vis de mon frère, à moins de m'établir à la campagne pour y servir mes affaires moi-même. D'ailleurs puis-je sérieusement le supporter capable de me voler ma part d'un bien qui nous a été donné en commun? Et quel autre arrangement aurais-je pu suggérer?

Ici, à Pétersbourg, je me suis retrouvé en plein Munic dans la diplomatie, Colloredo, Colobiano, Cardenos, le spongieux Waechter, Otterstedt[2], etc. etc. Et hier à un grand bal à 7 lieues de la ville et où j'ai été condamné à rester jusqu'à 4 h<eures> du

matin, grâce au chemin de fer — j'ai retrouvé la jolie Mad. Koutousoff, toujours maigre et jolie, la ci-devant Mlle Poltavtzoff et cette grosse Comtesse *Koutaissoff*[3] que tu as si peu goûtée à Gênes et qui maintenant s'est affectueusement enquis de tes nouvelles. Les réminiscences de l'Europe surgissent ici à chaque pas, et cela produit une illusion d'optique qui trompe sur les distances.

La même date

Peste soit des écritures! Quelle absurde mystification que les écritures! et qu'il devait être et niais, et lieu commun, et brumeux, le premier qui s'est avisé de prétendre qu'on parlait en écrivant. C'est comme si on prétendait faire un voyage de long cours, en sautant à cloche-pied. Voilà que j'ai écrit quatre grandes pages, sans te dire un seul mot qui m'intéressât, moi, c'est-à-d<ire> sans te dire un seul mot qui eût rapport à toi. J'ai calculé le jour, où je quittais Moscou, que ce jour-là même, c'était le 20 août, tu arrivais à Munic. Ah, quand viendra cet autre jour, où tu verras ma chienne de figure surgir inopinément devant toi? Sache, ma bonne amie, que l'absence m'excède au dernier point, qu'il y a longtemps que je ne t'ai vue et que je me sens très mal à cette privation. Je te dis cela avec l'abandon le plus complet de ma dignité, car je sais bien *qu'à l'heure qu'il est* je ne puis plus compter sur ta réciprocité. Je le sais. Je le sens. — Mais n'importe. Je suis trop vieux pour recommencer à aimer — et bon gré, mal gré, il faut que je m'habitue à me contenter d'une affection même partagée. On n'est plus digne d'autre chose. Quant à moi, vois-tu? Pour être entièrement vrai, je dois te dire qu'il n'y a que toi que j'aime véritablement au monde, tout le reste n'est qu'accessoire, tout le reste c'est un dessus de moi, tandis que toi, c'est moi-même, et cette affection n'est si vraie que parce qu'elle est de l'égoïsme tout pur.

Ainsi, en lisant ta dernière lettre, où rien ne trahit le malaise de la privation, le souvenir de tes lettres d'autrefois est venu me saisir à la gorge, et j'ai parfaitement compris ce qu'éprouve un vieillard, en retrouvant par hasard son portrait de jeune homme. — Le temps! Le temps! Ce mot résume tout.

Ma chatte chérie, tu as beau me rassurer sur ta santé! Je ne saurais m'y fier aussi longtemps qu'il peut être question de cette sacrée ankylose. Eh bien? Et ton projet d'aller consulter les médecins de Paris? Y persistes-tu? Ou n'était-ce qu'une boutade? J'attends sur tout cela des révélations complètes dans ta première lettre que j'aime à supposer très proche du terme de ton voyage. C'est à Stieglitz, n'est-ce pas, que tu l'as adressée.

Quant à moi, encore une fois, je ferai tout mon possible pour partir d'ici au plus tôt, et j'espère que ce sera dans une quinzaine de jours. Si d'ici-là je suis converti de tes lettres, je te promets de prendre la voie de terre, sinon j'irai par Lübeck.

Embrasse les enfants. J'embrasse Marie — tâche de lui faire comprendre que je m'attends à mon arrivée à être salué par elle par un petit fonds de phrases françaises. Je me plais à croire Anna à l'heure qu'il est aussi sereine qu'elle peut le souhaiter et je me représente Dimitri aussi bien que tu le désires. — Ah, quand te verrai-je?

Перевод:

Милая кисанька, я пишу нарочно большими буквами — *Петербург.* 26 августа 1843 г., — чтобы заставить тебя буквально убедиться, насколько уменьшилось чудовищное пространство, разделяющее нас. Да, моя славная, я уже три дня в Петербурге, в настоящем европейском потоке, вновь среди его гула и шума, среди которого я даже могу различить слабенький звук маленькой Казимиры. Не правда ли мило? Ты не поверишь, как приятно на расстоянии в 300 верст почувствовать Казимирино присутствие. Это дружеское воспоминание, от которого повеяло теплом, пришло ко мне благодаря любезному Карденосу.

Другое дружеское и подкрепляющее впечатление, хотя и несколько иного рода: в самый день моего отъезда, за два часа перед тем как я собирался садиться в коляску, судьба благосклонно вручила мне твое письмо от 3 августа. Оно прибыло вовремя, потому что мое ожидание уже стало превращаться в тревогу и к тому же я нуждался в вознаграждении за 3 дня ужасного существования, когда я был заперт в дилижансе.

Так что это письмо было долгожданным, и хотя оно, не в обиду тебе будь сказано, оказалось одним из самых холодных и сдержанных твоих писем, все же таково страшное пристрастие человеческого сердца, что, получив этот клочок бумаги, я почувствовал, что он для меня дороже всего того, что я оставлял. И однако я покидал очень уютный, очень симпатичный мир. Прощание с моими добрыми стариками было самым нежным, а с матерью мне особенно тяжело было расставаться. Некоторая чувствительность теперь, почти в старости, становится бессмыслицей.

Вся семья провожала меня до дилижанса, и появление моей матери в таком месте было для нее неслыханным и невиданным доселе делом. Нет нужды тебе говорить, утром в день моего отъезда — это было воскресенье, — состоялся непременный *молебен*, после чего мы посетили одну из самых почитаемых в Москве часовен, где находится чудотворная икона *Иверской Божией Матери*. Словом, все прошло в самом строгом православном духе. Конечно, тому, кто приобщается к нему лишь мимоходом, кто берет из него только то, что нравится, в этих глубоко исторических формах, в этом русско-византийском мире, где жизнь и вера составляют единое целое, столь древнем, что даже сам Рим сравнительно с ним отдает новизной, во всем этом для того, кто умеет чувствовать такие вещи, открывается величие несравненной поэзии, величие, покоряющее самую ожесточенную враждебность, ибо к чувству столь древнего прошлого неизбежно присоединяется предчувствие грандиозной будущности. Я буду вечно сожалеть о том, что не смог показать тебе Москву. Как бы ты, с твоей натурой, самой умной из всех человеческих натур, смогла быстро и верно понять ее внутреннюю суть.

Но, чтобы переменить тон, поговорим немного о делах, непосредственно касающихся моей бренной особы. Вот я и в Петербурге, в несколько подвешенном состоянии относительно моих планов, ибо, по правде говоря, я не вижу, чего, собственно, мне здесь искать, кроме разве что заграничного паспорта. Должен ли я просить о возвращении на службу с причислением к мюнхенской миссии? Но это, на мой взгляд,

бессмысленно, так как это будет зависимость со всеми вытекающими из нее неудобствами и без единого преимущества. Я знаю, что таково было бы желание Северина, и с ним согласен мой брат. Но ни тот, ни другой не убедили меня. Дело в том, что должности, которая могла бы мне подойти, я уже не вправе просить, а все остальное только бы усугубило мое положение вместо того, чтобы улучшить его.

С другой стороны, жить здесь в ожидании благоприятного поворота судьбы так же нелепо, как и всерьез полагаться на выигрыш в лотерее. Притом у меня нет лишних средств, ни тем более желания застрять здесь навечно в ожидании подобного чуда. Так что я смирился с тем, что не сумею извлечь иной выгоды из моего пребывания в Петербурге, кроме попытки оформить мою отставку, и сразу после этого выправлю заграничный паспорт. Но беда в том, что даже для осуществления столь скромной программы я не имею под рукой нужных посредников. Крюденеры в Петергофе, я думаю навестить их там завтра или послезавтра. Великая княгиня Мария Лейхтенбергская тоже находится там, но она еще не оправилась после родов да к тому же пребывает в горе и слезах после смерти старшей дочери[1]. Бедная молодая женщина! О том, что ее девочка умерла, она известилась от государя в самый день похорон, это был десятый день после родов. Готов поклясться, милая кисанька, что ты в эту минуту, узнав о смерти ребенка, подумала о том же, что и я.

Но мною начинает овладевать нетерпение. Я останавливаюсь и заканчиваю письмо. Я не могу ничего ни *требовать*, ни ждать. И однако я знаю, что по возвращении в Мюнхен меня одолеют угрызения совести, будто я упустил королевскую удачу. Тем не менее поездка не была бесплодной, поскольку принесла мне, по всей вероятности, 10–12 тысяч ренты. И я не понимаю твоих возражений по этому поводу. Как ты можешь предпочитать старый порядок вещей, то есть ничего, — новому устройству дел? И как бы я мог избежать зависимости от брата, в какую я неизбежно попадаю, если только сам не поселюсь в деревне и не займусь хозяйством? Впрочем, могу ли я всерьез полагать его способным украсть у меня мою долю имущества, которое

нам дано в общее владение? И какое иное устройство дел мог бы я предложить?

Здесь, в Петербурге, я оказался в среде мюнхенских дипломатов — Коллоредо, Колобиано, Карденоса, ноздреватого Вехтера, Оттерштедта[2] и пр. А вчера на большом балу в 7 верстах от города, где я из-за расписания железной дороги принужден был оставаться до 4 часов утра, — я встретил хорошенькую г-жу Кутузову, по-прежнему худощавую и привлекательную, бывшую м-ль Полтавцову и толстую графиню *Кутайсову*[3], которую ты так мало ценила в Генуе и которая теперь дружески расспрашивала о тебе. Воспоминания о Европе возникают здесь на каждом шагу. И это действует как оптический обман, вводящий в заблуждение относительно расстояний.

Тем же числом

Будь неладно это писанье! Какая нелепая мистификация — эти письма! Как должен быть и глуп и банален и бестолков тот, кто первым выдумал, будто в письмах можно разговаривать. Это все равно что отправиться в длительное путешествие, прыгая на одной ноге. Вот и я исписал четыре больших страницы, не сказав ни единого слова о том, что меня по-настоящему волнует, то есть не сказав ни слова, имеющего отношение к тебе. Я подсчитал в тот день, когда уезжал из Москвы, что в тот самый день, 20 августа, ты приедешь в Мюнхен. Ах, когда настанет тот час, когда ты увидишь, как моя скверная физиономия неожиданно возникнет перед тобой. Знай, мой славный друг, что разлука доводит меня до крайнего исступления, что я слишком долго тебя не видел и страдаю от этого лишения. Говорю тебе это с полным забвением собственного достоинства, потому что знаю, что *в настоящее время* не могу более рассчитывать на твою взаимность. Я это знаю. Я это чувствую.

Но неважно. Я слишком стар, чтобы снова начать любить — так или иначе надобно привыкать довольствоваться дружбой, пусть даже взаимной, если уже не достоин большего. Что касается до меня, знаешь, чтобы быть совершенно чистосердечным, должен сказать тебе, что по-настоящему я люблю одну тебя на всем свете, все остальное только второ-

степенное, все остальное находится вне меня, в то время как ты — это я сам, и моя привязанность тем более настоящая, что происходит из чистого эгоизма.

Так, читая твое последнее письмо, в котором ничто не выдает горечи от разлуки, я вспомнил о твоих прежних письмах и у меня перехватило горло, я вполне осознал, что чувствует старик, случайно обнаруживший свой юношеский портрет. — Время! Время! Это слово вмещает в себя все.

Милая кисанька, ты напрасно успокаиваешь меня насчет твоего здоровья! Я не могу быть спокойным, пока речь идет о проклятом анкилозе. И что же твой план поехать в Париж, чтобы посоветоваться с тамошними докторами? Ты не отказалась от него? Или это всего лишь мимолетная прихоть? Я жду полных разъяснений по этому поводу в твоем ближайшем письме, которое надеюсь получить скоро после твоего возвращения. Ты ведь послала его на имя Штиглица, не так ли?

Что касается до меня, повторяю, я сделаю все возможное, чтобы уехать отсюда как можно скорее, и надеюсь, что это произойдет недели через две. Если я буду побуждаем твоими письмами, то обещаю тебе отправиться наземным путем, в противном случае я поеду через Любек.

Обними за меня детей. Я обнимаю Мари — постарайся внушить ей, что к моему возвращению я жду, что она будет владеть небольшим запасом французских фраз, чтобы поприветствовать меня. Надеюсь, что Анна в настоящее время в самом безмятежном расположении духа, какого только она может пожелать, и воображаю Дмитрия в таком цветущем виде, какого ты для него желаешь. — Ах, когда же я тебя увижу?

91. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

28 августа/9 сентября 1843 г. Петербург

St-Pétersbourg. Ce 9 septembre 1843

Ma chatte chérie. Ce ne sont que quelques lignes que je t'écris pour te dire que dans quelques heures j'aurai quitté Pétersb<ourg>. Je vais rejoindre les Krüdener à *Péterhoff* et de là le Comte Benkendorff emmène nous dans son château de Fall,

proche de Réval. Il a mis une si obligeante insistance pour m'engager à l'y accompagner qu'il me fût impossible de refuser, sans impolitesse, sa proposition. Cette excursion, d'ailleurs, ne me détourne pas beaucoup de ma direction, et il n'y aura de retard que les quelques jours que je passerai chez lui. Comme j'ajourne les détails, je te dirai en peu de mots que j'ai vu dernièrement dans sa délicieuse maison de campagne la pauvre Grande-Duchesse Marie, bien triste encore de la perte de son enfant, mais toujours parfaitement bonne et aimable pour moi. Puis j'ai vu — mais qui n'ai-je pas vu? Tout le monde de connaissances de diverses dates et de divers grades m'a fait fort bon accueil. Mais pour obtenir ici quelque chose de plus substantiel que de politesses il faudrait passer dans ce pays non pas trois semaines, mais un an et même deux. Or, c'est là un sacrifice que je n'ai ni les moyens, ni la volonté de m'imposer.

J'oubliais, ma chatte, de te remercier de ta lettre du 16 du mois dernier. Maintenant tu vas m'écrire une à Berlin que tu adresseras à notre légation et par présomption tu m'écriras aussi quelques lignes *poste restante* à Lübeck. — Ce n'est pas que j'ai changé d'avis, quant à la route que je vais prendre, mais comme à la rigueur il serait possible que je fusse obligé de me rabattre sur Lübeck, je veux, quelque parti que je prenne, avoir la chance de trouver à mon arrivée en Allemagne quelques mots de toi. Que toi sois avertie! — Quelqu'un qui s'est mis particulièrement en frais d'amabilité, c'est l'ami *Guédéonoff* que j'ai rencontré par hasard dans un café. Je l'avais si complètement oblitéré que je me suis vu finalement obligé de recourir à un tiers pour savoir qu'il était. Quant à lui, il est tout plein encore des souvenirs d'Ostende[1] et vous porte religieusement dans son cœur, ta belle-sœur et toi. Pour preuve il m'a chargé de vous porter de sa part je ne sais quels objets en cuir de Russie. Avec cela il est bien sûr de rester en bonne odeur auprès de vous.

Adieu, ma chatte chérie. Puisse mon départ d'ici pour Péterhoff être un acheminement vers mon retour. Je compte toujours que je serai près de toi dans les derniers jours de ce mois. Mais j'ai pei<ne> à croire à tant de bonheur. — Mes amitiés à t<on> frère et à Casimire. J'embrasse les enfants.

C'est une triste date pour moi que la date d'aujourd'hui — 9 sept<embre>. Cela a été le plus affreux jour de ma vie, et *sans toi* il en aurait probablement été le dernier[2]. Que Dieu te conserve.

Перевод:

С.-Петербург. 9 сентября 1843

Милая моя кисанька, пишу тебе лишь несколько строк, дабы сообщить, что через несколько часов выезжаю из Петербурга. Я заеду к Крюденерам в *Петергоф*, а оттуда граф Бенкендорф повезет нас к себе в замок Фалль, под Ревелем. Он с такою любезной настойчивостью приглашал меня сопутствовать им, что отклонить его предложение было бы невежливо. К тому же эта поездка не слишком отклоняет меня от моего пути и задержка выразится лишь в нескольких днях, которые я проведу у него. Подробности я пока откладываю, а скажу только в нескольких словах, что намедни я посетил в прелестном загородном дворце великую княгиню Марию Николаевну, которая все еще сильно горюет о смерти ребенка, но по-прежнему безукоризненно добра и любезна со мной. Видел еще — да кого только я не видел! Все это сонмище знакомцев разного времени и разных чинов оказало мне отменный прием. Но, чтобы добиться тут чего-нибудь посущественнее проявлений вежливости, надо было бы прожить не три недели, но год, а то и все два. Это, однако, жертва, на которую обречь себя я не имею ни возможности, ни желания.

Чуть было не позабыл, кисанька, поблагодарить тебя за письмо от 16 числа минувшего месяца. Теперь напиши мне одно письмо в Берлин, в адрес нашей миссии, и на всякий случай напиши несколько слов также и в Любек, *до востребования*. Не то чтобы я изменил свои намерения относительно пути, но может случиться, что я буду вынужден свернуть на Любек, и мне хочется, вне зависимости от того, на что я решусь, найти по приезде в Германию несколько строк от тебя. Итак, я тебя предупредил. — Кто особенно рассыпался в любезностях, так это наш приятель *Гедеонов*, которого я случай-

но повстречал в кофейне. Я настолько забыл его, что в конце концов мне пришлось обратиться к третьему лицу, чтобы узнать, кто он такой. А он так полон воспоминаниями об Остенде[1] и так благоговейно хранит в своем сердце и твою невестку и тебя. В доказательство сего он поручил мне отвезти вам от его имени какую-то вещицу из русской кожи. Этим он твердо рассчитывает сохранить ваше благоволение.

Прости, милая моя кисанька. Да будет мой отъезд в Петергоф началом моего возвращения к тебе. Я по-прежнему рассчитываю, что приеду к тебе в последних числах сего месяца. Но мне с трудом верится в такое счастье. — Мой самый дружеский поклон твоему брату и Казимире! Целую детей.

Сегодняшнее число — 9 сентября — печальное для меня число. Это был самый ужасный день в моей жизни, *и не будь тебя*, он был бы, вероятно, и последним моим днем[2]. Да хранит тебя Бог.

92. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

3/15 сентября 1843 г. Ревель

Réval. Ce 3 septembre <18>43

Je ne m'attendais pas à vous adresser une lettre de Réval. J'arrive de Fall, où j'ai passé cinq jours chez le Comte Benkendorff[1] avec les Krüdener. C'est chez eux que j'ai fait la connaissance du Comte, et comme il était convenu qu'aussitôt après le départ de l'Empereur[2] ils iraient à *Fall*, il a insisté avec une très grande obligeance pour que je sois de la partie. Nous nous sommes en conséquence embarqués samedi dernier sur *le Bogatir* dans la rade de Kronstadt et dimanche à 11 h<eures> du matin nous sommes arrivés à Fall. J'ai peu vu d'hommes qui m'aient de prime abord été plus sympathiques que le Comte B<enkendorff>, et je ne puis assez me louer de l'accueil qu'il m'a fait, — il est vrai que grâce à la Krüdener, je ne lui étais rien moins qu'inconnu, et ceci joint à son bon naturel a fait qu'aujourd'hui, en nous séparant, nous nous sommes quittés comme de vieilles connaissances. Il a eu l'amabilité de m'accompagner avec les Krüdener jusqu'à Réval, et il n'y a sorte d'amitiés et de préve-

nances dont il ne m'ait comblé pendant le peu de jours que j'ai passé chez lui.

Mais ce qui m'a été particulièrement agréable, c'est l'accueil qu'il a fait à mes idées relativement au projet[3] que vous savez, et l'empressement qu'il a mis à les appuyer auprès de l'Empereur, car le lendemain même du jour où je lui en avais parlé il a profité de la dernière entrevue qu'il a eue avec l'Empereur avant son départ pour les porter à sa connaissance. Il m'a assuré que mes idées ont été accueillies assez favorablement et qu'il y avait lieu d'espérer qu'il pourra y être donné suite. Je lui ai demandé de me laisser cet hiver pour préparer les voies, et je lui ai promis de venir le trouver l'année prochaine, soit ici, soit ailleurs, pour prendre des arrangements définitifs. Au reste, il n'est pas le seul ici qui s'intéresse à la question, et je crois que le moment était opportun pour la soulever, nous verrons.

La Grande-Duchesse Marie m'a fait aussi un accueil des plus gracieux. Bien qu'au moment de mon arrivée elle fût encore en retraite, tant par suite de ses couches, que de la mort de son enfant, elle a bien voulu faire une exception en ma faveur et m'a fait écrire par Wielhorsky pour m'inviter à venir la voir dans sa délicieuse villa de Serghieffsk<oé>[4]. C'était le lendemain du départ de son mari qui, comme vous savez, a accompagné l'Empereur à Berlin pour se rendre de là à Munic.

Au total, j'ai passé assez agréablement les 3 semaines de mon séjour de Pétersbourg et sans avoir fait une dépense excessive, car à l'heure qu'il est il me reste encore plus de la moitié de la somme qui m'a été donnée par papa à mon départ. Qu'en dit Nicolas?

Il serait trop long de vous nommer toutes les personnes de connaissance que j'ai rencontrées à Pétersb<ourg>, tant dans le corps diplomatique que dans la société indigène. Quelqu'un qui était particulièrement aimable pour moi, c'est *Вяземский*, dont je comptais trouver la femme ici, à Réval[5], mais j'apprends qu'elle est déjà repartie.

Quant au positif de mes rapports de service, je me suis décidé, après un mûr examen, de ne pas prendre ma démission, mais de me contenter d'un attestat[6] du Ministère que j'ai obtenu dans les

termes parfaitement honorables par l'entremise de Мих<аил> Н<иколаевич> Муравьев. Ce terme moyen me facilitera plus tard ma rentrée en activité, et quant à mon titre de chambellan qui est la seule chose à laquelle j'attache quelque prix, j'ai tout lieu d'espérer que l'intercession du Comte Benkendorff me le fera restituer sans beaucoup de peine.

Voici, chers papa et maman, ce que j'ai fait en 3 semaines, et je crois qu'il aurait été difficile d'obtenir davantage dans un si court espace de temps.

Demain j'irai coucher à Helsingfors, d'où le bateau à vapeur me conduira par Abo à Stockholm. J'y resterai un jour ou deux. Puis de là je me dirigerai par Stettin ou Lübeck sur Berlin, où je compte aussi m'arrêter. Malgré ces haltes j'espère bien être rendu à Munic dans une quinzaine. Il fait un temps magnifique, la mer est calme comme un lac et la navigation superbe.

J'aurais encore mille choses à vous dire, mais comment les écrire? Dites à Nicolas que je ne cesse de penser à lui, — et que j'attends avec anxiété la nouvelle de ses débuts. Adieu. Je me recommande mille fois à votre tendresse et je vous recommande à Dieu.

T. T.

Перевод:

Ревель. 3 сентября <18>43

Я не думал писать к вам из Ревеля. Я прибыл сюда из Фалля, где провел пять дней у графа Бенкендорфа[1] вместе с Крюденерами. Это у них я познакомился с графом. И поскольку было условлено, что после отъезда государя[2] они едут в *Фалль*, он очень любезно и настоятельно пригласил меня составить им компанию. Вследствие этого в прошлую субботу мы взошли на борт «Богатыря» на Кронштадтском рейде и в воскресенье в 11 часов утра прибыли в Фалль. Немного я видал людей, которые мне с первого взгляда казались так симпатичны, как граф Бенкендорф, и я чрезвычайно польщен тем приемом, какой он мне оказал, — конечно, благодаря Крюденерше, я вовсе не был для него незнаком-

цем. И все это в соединении с его добрым нравом произвело то, что сегодня, прощаясь, мы расставались как добрые знакомые. Он любезно проводил меня вместе с Крюденерами до Ревеля, и за те немного дней, что я у него провел, нет такой любезности и предупредительности, каких бы он мне не оказал.

Но что мне особенно приятно, это прием, какой он оказал моим мыслям относительно известного вам проекта[3], и готовность отстаивать их перед государем, ибо на другой день после того, как я их ему изложил, он воспользовался последним своим свиданием с государем перед его отъездом и довел их до его сведения. Он заверил меня, что мои мысли были восприняты весьма благосклонно и что можно надеяться, что им будет дан ход. Я просил его дать мне эту зиму на подготовку путей и обещал найти его в следующем году либо здесь, либо в другом месте для принятия решительных соглашений. Впрочем, он здесь не единственный, кто интересуется этим вопросом, и мне кажется, что момент для его постановки выбран подходящий, посмотрим.

Великая княгиня Мария Николаевна также приняла меня очень любезно, хотя ко времени моего появления она жила еще очень уединенно вследствие родов и смерти своего ребенка. Она пожелала сделать исключение для меня и велела Виельгорскому написать мне, что приглашает меня в свой прелестный загородный дворец в Сергиевском[4]. Это было на другой день после отъезда ее мужа, который, как вы знаете, сопровождет государя в его поездке в Берлин и оттуда в Мюнхен.

В общем, я провел довольно приятно 3 недели в Петербурге, и без чрезмерных трат, так что к настоящему времени у меня осталось больше половины той суммы, какую мне дал папа́ перед отъездом. Что скажет на это Николушка?

Было бы слишком долго перечислять всех знакомых, встреченных мною в Петербурге, как из числа дипломатов, так и из местного общества. Кто был особенно любезен со мною, так это *Вяземский*, чью жену я полагал застать здесь, в Ревеле[5], но, как я известился, она уже уехала.

Что касается до моих дел по службе, положительно то, что я решился не брать отставку, но удовольствоваться аттестатом[6] из министерства, который я и получил на совершенно приличный срок, благодаря посредничеству Михаила Николаевича Муравьева. Этот срок облегчит мне впоследствии возвращение на службу, а что до моего камергерского звания — единственного, чему я приписываю некоторую важность, я имею все основания надеяться, что вмешательство графа Бенкендорфа позволит мне восстановить его без труда.

Вот, любезные папинька и маминька, чем я занимался в течение 3 недель. И я думаю, что было бы трудно добиться большего за такой короткий промежуток времени.

Завтра я ночую в Гельсингфорсе, оттуда пароход довезет меня через Або в Стокгольм. Я задержусь там на день или два. Затем направлюсь оттуда через Штеттин или Любек в Берлин, где также думаю задержаться. Несмотря на эти остановки, я надеюсь через две недели попасть в Мюнхен. Погода стоит великолепная, море спокойно как озеро, и плавание восхитительно.

Можно было бы рассказать вам еще очень о многом, но как это написать? Передайте Николушке, что я непрестанно думаю о нем и с тревогой ожидаю известий о его первых шагах.

Простите. Поручаю себя вашей бесконечной нежности, а вас поручаю Богу.

Ф. Т.

93. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

15/27 сентября 1843 г. Берлин

Berlin. Ce 27 septembre <18>43

Terre, terre, ma chatte chérie, me voilà à Berlin, et pour rendre la fête complète en possession de ta lettre. Avant-hier encore à pareille heure, il est huit heures, je me trouvais sur la côte de Suède, dans une petite ville perdue qui s'appelle Istadt, attendant depuis trois jours l'arrivée du bateau sauveur qui devait me transporter en Allemagne. Je pensais que la fin du monde arriverait

plutôt que ce malheureux bateau. Eh bien, le monde dure encore et je suis à Berlin. Mais pour mettre un peu d'ordre dans le narré de mon écriture, je dois te dire, comment et pourquoi je me trouvais à Suède. C'est qu'au départ de la terre du Comte de Benkendorff proche de Réval je n'avais que deux voies ouvertes devant moi: ou de rétrograder sur Pétersb<ourg> pour y prendre la malle-poste, ou de prendre le bateau à vapeur qui fait le tour de la Baltique, en passant par les ports de la Finlande — Helsingfors, Abo — à Stockholm, et de là par Colmar, Istadt, en Allemagne. C'est à ce dernier parti que je m'arrêtais bravement, et je viens d'accomplir cette intéressante Odyssée dans l'espace de 10 jours, y compris les trois jours de relâche forcée, dont je t'ai parlé plus haut. Pour les détails et le descriptif je t'envoie à Mr Marmier[1] qui a fait cette même tournée il y a deux ans et qui l'a publié heureusement pour moi dans la «Revue des Deux Mondes». C'est lui qui te parlera du pittoresque sauvage des côtes de la Finlande, de la position vraiment admirable de Stockholm, etc. etc., tout cela est ainsi, mais ce qui n'est pas moins vrai, c'est que j'ai eu beaucoup d'ennui dans les intervalles de mes admirations. Le temps, aux brouillards près, qui dans ces parages ont le très grand désagrément d'empêcher le bateau de bouger de place,— nous a constamment favorisé, notre navigation a été aussi douce que peut-être celle du lac de Tegernsee, et rien de tout cela néanmoins n'a pu me réconcilier avec le bateau à vapeur que je trouve le plus triste des véhicules à moi connus.

Ma visite chez le Comte Benkendorff a été de cinq jours fort agréablement passés. Indépendamment de la localité qui serait réputée belle, même au milieu des pays les plus pittoresques, je ne puis assez me féliciter d'avoir fait la connaissance du brave homme qui en est le propriétaire. C'est certainement une des meilleures natures d'hommes que j'aie jamais rencontrées. Mais ce que je t'en dis là, ne t'avise pas de le dire à Sévérine, dans l'esprit duquel un pareil témoignage de ma part suffirait pour me perdre à tout jamais[2]. Benkendorff, comme tu sais, peut-être, est un des hommes des plus influents de l'Empire, exerçant par la nature de ses fonctions une autorité presque aussi absolue que celle du maître. Voilà ce que je savais et ce n'est pas certainement

cela qui pouvait me prévenir en sa faveur. — J'ai été par conséquent d'autant plus aise de me convaincre que c'était en même temps un homme parfaitement bon et honnête. Ce brave homme m'a comblé d'amitiés, beaucoup à cause de la Krüdener et un peu aussi par sympathie personnelle, mais ce dont je lui sais plus de gré encore que de son accueil, c'est de s'être fait l'organe de mes idées auprès de l'Empereur qui leur a accordé plus d'attention que je n'osais l'espérer. Quant au public, j'ai été à même de m'assurer par l'écho que ces idées y ont trouvé, que j'étais dans le vrai, et maintenant, grâce à l'autorisation tacite qui m'a été accordée, il sera possible d'essayer quelque chose de sérieux. Mais tout ceci rentre dans cet étroit cercle de rabâchage politique que tu méprises avec tant de raison et dont je consens à te faire grâce pour le moment.

Ma chatte chérie, ce qui vaut mieux que toute la politique du monde, ce qui vaut mieux que tout au monde, c'est l'espoir que j'ai de te revoir dans quelques jours. Et moi aussi, j'ose à peine croire à tant de bonheur et à prétendre sérieusement que le monde ne finisse avant la fin de la semaine prochaine, car, comprends bien ceci, je compte être à Munich du 5 au 7 ou plus tôt.—

Adieu, ma chatte.

Перевод:

Берлин. 27 сентября <18>43

Земля, земля, милая кисанька, вот я и в Берлине, и в довершение к моему ликованию держу в руках твое письмо. Еще третьего дня, в это самое время, а сейчас восемь часов, я находился на шведском берегу, в маленьком забытом городке под названием Истад, в течение трех дней дожидаясь прибытия спасительного судна, которое должно было доставить меня в Германию. Я уже думал, что скорее наступит конец света, чем появится этот злосчастный пароход. И что же, свет еще стоит, а я уже в Берлине. Но чтобы внести немного последовательности в ход моего повествования, я должен тебе сказать, как и почему я оказался в Швеции. Покидая владения графа Бенкендорфа вблизи Ревеля, я мог воспользоваться

только двумя путями — вернуться в Петербург, чтобы сесть в мальпост, либо попасть на пароход, совершающий плавание по Балтийскому морю и заходящий в порты Финляндии — Гельсингфорс, Або, затем направляющийся в Стокгольм и оттуда через Кольмар и Истад — в Германию. Этот последний путь я и избрал отважно и только что завершил эту любопытнейшую Одиссею, продолжавшуюся 10 дней, включая 3 дня вынужденной остановки, о которой я сообщил тебе выше. За подробностями и описанием я отсылаю тебя к г-ну Мармье[1], который совершил подобное турне два года назад и, к моему счастью, напечатал описание его в «Revue des Deux Mondes». Он тебе поведает о живописных диких берегах Финляндии, о поистине восхитительном расположении Стокгольма и пр. и пр. Все это верно, но верно также и то, что в промежутках между восторгами я нестерпимо скучал. Погода, если не брать во внимание туманы, которые в этих краях имеют неприятное свойство не давать судам двинуться с места, — постоянно благоприятствовала нам, плавание наше проходило словно по озеру Тегернзее, но даже все это не могло примирить меня с путешествием на пароходе, который я считаю самым унылым из всех известных мне средств передвижения.

Мое пребывание у графа Бенкендорфа продлилось пять дней и было очень приятным. Кроме того, что сама местность могла бы почитаться красивой даже в самых живописных краях, я очень рад, что познакомился с ее хозяином, замечательным человеком. Это поистине одна из самых лучших человеческих натур, какие мне доводилось встречать. Но то, что я пишу тебе о нем, остерегись передавать Северину, подобного свидетельства с моей стороны достаточно, чтобы навсегда потерять себя в его глазах[2]. Бенкендорф, как ты, вероятно, знаешь, один из самых влиятельных людей в Империи, по роду своей деятельности обладающий почти такой же абсолютной властью, как и сам государь. Это и я знал о нем, и, конечно, не это могло расположить меня в его пользу. Тем более отрадно было убедиться, что он в то же самое время безусловно честен и добр. Этот славный человек осыпал меня любезностями, главным образом благодаря Крюденерше

и отчасти из симпатии ко мне. Но еще более чем за прием я благодарен ему за то, что он довел мои мысли до сведения государя, который уделил им более внимания, чем я смел надеяться. Что касается до общественного мнения, я также уверился по откликам, которые нашли в нем мои мысли, что я на верном пути, и теперь, благодаря данному мне молчаливому разрешению, будет возможно попытаться предпринять коечто серьезное. Но все это становится похожим на политическую болтовню, которую ты так справедливо презираешь, и я сейчас готов избавить тебя от нее на время.

Милая кисанька, дороже всей политики на свете, дороже всего на свете для меня надежда увидеть тебя через несколько дней. Я также с трудом осмеливаюсь верить в такое счастье и всерьез полагаю, что конец света не наступит до конца следующей недели, ибо, запомни хорошенько, я полагаю быть в Мюнхене между 5 и 7 числом или раньше.

Прощай, моя кисанька.

94. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

1/13 октября 1843 г. Мюнхен

Munich. Ce 1/13 octobre 1843

Enfin, chers papa et maman, me voilà à Munich, où je suis arrivé, sain et sauf, dimanche dernier, c'était le 26 septembre v<ieux> st<yle>. Vous savez par ma lettre de Réval que j'ai dû m'embarquer le 4 sept<embre> pour Helsingfors, de là je me suis rendu par Abo, à Stockholm, où je n'ai pu m'arrêter qu'un jour. Je suis allé attendre dans un petit endroit de la côte de Suède, *Istadt*, le bateau à vapeur qui m'a transporté à Stralsund, d'où j'ai gagné, par le nouveau chemin de fer, Berlin. J'ai été singulièrement favorisé par le temps, si bien que dans toute cette tournée que j'ai faite de la Baltique, j'en ai une navigation aussi douce et aussi paisible que pourrait l'être celle d'un lac. Stockholm que je n'ai vu qu'en passant est un magnifique panorama et une pauvre ville. A Berlin, où je me suis arrêté cinq jours, j'ai beaucoup vu les Lerchenfeld et les Meyendorff[1]; lui, Meyendorff, m'a chargé de faire ses compliments à Nicolas qu'il a connu d'autre temps à

Vienne. Quant à sa femme, dont j'avais beaucoup entendu parler comme d'une personne très spirituelle, très originale et passablement capricieuse, elle m'a fait l'accueil le plus gracieux, et nous nous sommes quittés les meilleurs amis du monde. C'est une cousine à Lerchenfeld et une amie à Mad. de Krüdener qui m'avait donné une lettre pour elle. J'ai eu par elle beaucoup de détails sur J. Gagarine qu'elle affectionne tout particulièrement et qu'elle a vu tous les jours l'hiver dernier à Berlin.

De Berlin, grâce au chemin de fer, il ne m'a fallu que 7 h<eures> pour arriver à Leipsick, de là en une heure à Altenbourg, où j'ai pris la diligence qui m'a emmené à bon port à Munich en deux fois vingt quatre heures. J'y ai trouvé ma femme, rentrée depuis deux jours en ville de Tegernsee, se portant à charme, ainsi que les enfants que j'ai trouvés considérablement grandis et développés, surtout le petit garçon. Hier j'ai fait venir les trois petites qui sont à l'Institut, etc. etc. Et maintenant que me voilà réussi dans mes impressions habituelles, je pourrais croire que ces cinq derniers mois que je viens de passer n'ont été qu'un rêve, si je n'éprouvais, en pensant à vous, et un regret réel de vous avoir quittés, et un désir très positif de vous revoir. Aussi comptez bien qu'à moins d'obstacle imprévu et tout à fait inattendu, vous me reverrez en Russie dans le courant de l'année prochaine. Munich depuis longtemps n'a plus d'intérêt pour moi, et ma femme en est encore plus fatiguée que moi-même. Le voyage que je viens de faire, en secouant ma paresse, a ranimé en moi le désir d'un déplacement. Je n'ai plus trouvé ici les Sévérine, partis pour Pétersb<ourg>, et je dois les avoir rencontrés en chemin sans les reconnaître.

Ici j'ai trouvé tout le monde très préoccupé des événements qui viennent de se passer en Grèce[2]. On a des inquiétudes non pas précisément pour la personne du Roi Othon, mais pour son autorité, pour sa Royauté — et je crois, quant à moi, les inquiétudes parfaitement fondées. Mais ce qui m'intéresserait bien plus que les événements qui se passent à Athènes, ce serait de savoir ce qui se passe à *Овстуг*. Il n'y a pas de soirées qui commencent déjà à devenir longues que je ne pense à vous et que je ne cherche à deviner quelle est l'humeur de Nicolas.

Quelles nouvelles avez-vous de Dorothée et de son mari? Je compte leur écrire prochainement. Il me semble encore me voir chez eux, dans leur salon voûté, à leur table — sous le coup de la parole facile, intarissable et quelque peu paradoxale de Николай Васильевич. Je suis fort heureux de les avoir revus.

Простите. Опять то же пространство между нами — но, надеюсь, ненадолго. Да сохранит вас Бог и утешит нас новым свиданием. С нетерпением жду известий от вас. Живите, будьте покойны, по возможности здоровы и вполне уверены, как вы нежно любимы.

Перевод:

Мюнхен. 1/13 октября 1843

Наконец-то, любезнейшие папинька и маминька, я в Мюнхене, куда прибыл целым и невредимым в прошлое воскресенье,— это было 26 сентября старого стиля. Из моего письма из Ревеля вы знаете, что 4 сентября я должен был сесть на пароход, чтобы плыть в Гельсингфорс,— оттуда я поехал через Або в Стокгольм, где мог остановиться всего лишь на один день. Я отправился в *Истад*, местечко на шведском побережье, ожидать парохода, который доставил меня в Штральзунд, откуда я по новой железной дороге прибыл в Берлин. Погода необыкновенно благоприятствовала мне, так что во время всего моего путешествия по Балтийскому морю плавание было столь же приятным и спокойным, как могло бы быть на озере. Стокгольм, виденный мной лишь мельком, великолепен как панорама и беден как город. В Берлине, где я провел пять дней, я часто виделся с Лерхенфельдами и Мейендорфами[1]. Он, Мейендорф, поручил мне кланяться Николушке, коего знавал когда-то в Вене. Что до его жены, о которой я много слышал как об особе весьма остроумной, весьма оригинальной и довольно-таки капризной, то она оказала мне самый ласковый прием и мы расстались наилучшими друзьями. Письмо к ней дала мне кузина Лерхенфельдов и приятельница госпожи Крюденер. Я узнал от нее много подробностей об И. Гагарине, к коему она питает особливое рас-

положение и коего она видела ежедневно прошлой зимой в Берлине.

Из Берлина, благодаря железной дороге, мне потребовалось всего семь часов, чтобы приехать в Лейпциг, оттуда один час до Альтенбурга, где я сел в дилижанс, в двое суток благополучно доставивший меня до Мюнхена. Здесь я застал мою жену, за два дня перед тем возвратившуюся из Тегернзее, вполне здоровой, равно как и детей, коих я нашел значительно выросшими и развившимися, в особенности мальчика. Вчера я вызвал к себе трех девочек, которые в институте, и т. д. и т. д. А теперь, когда я вновь окунулся в свои обычные впечатления, я мог бы предположить, что проведенные мной последние пять месяцев были лишь сном, если бы, думая о вас, я не ощущал весьма живого сожаления о том, что покинул вас, и весьма положительного желания свидеться с вами. А потому, если не случится важных и совсем непредвиденных препятствий, рассчитывайте увидеть меня в течение будущего года. Мюнхен уж давно не имеет для меня интереса, а моей жене он надоел еще больше, чем мне. Путешествие, только что совершенное мной, встряхнув мою лень, пробудило во мне желание переменить место. Я уже не застал здесь Севериных, которые уехали в Петербург и которых я, должно быть, встретил в пути, не узнав их.

Здесь я нашел всех весьма озабоченными событиями, только что происшедшими в Греции[2]. Опасаются не столько за особу короля Оттона, сколько за его авторитет, за его королевскую власть, и, что до меня, я считаю эти опасения вполне основательными. Но что интересовало бы меня гораздо более, нежели события, совершающиеся в Афинах, это то, что делается в *Овстуге*. Нет вечера, а они становятся уже длинными, чтобы я не думал о вас и не старался угадать, каково расположение духа Николушки.

Какие известия имеете вы о Дашиньке и ее муже? Рассчитываю вскорости написать им. Мне кажется, что я еще вижу себя у них, в их сводчатой гостиной, за их столом — под огнем легкой, неистощимой и слегка парадоксальной речи Николая Васильевича. Я весьма счастлив, что свиделся с ними.

Простите. Опять то же пространство между нами — но надеюсь, ненадолго. Да сохранит вас Бог и утешит нас новым свиданием. С нетерпением жду известий от вас.

Живите, будьте покойны, по возможности здоровы и вполне уверены, как вы нежно любимы.

95. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

10/22 марта 1844 г. Мюнхен

Munich. Ce 10 mars

En vérité, chers papa et maman, je ne comprends rien à votre silence, ni à celui de mon frère. Voilà plus de dix semaines que je vous ai écrit pour la dernière fois[1]. C'était dans les derniers jours de l'année passée, et depuis quatre semaines j'aurais fort bien pu avoir un mot de réponse. Nicolas surtout me paraît inexplicable, car depuis le moment, où j'ai pris congé de lui au bureau de diligences à Moscou, il ne m'a plus donné signe de vie, et cependant il me semble que depuis tout ce temps il aurait bien eu quelque chose à me dire...[2]

Tout ceci m'afflige et me contrarie beaucoup et de plus cela me fait éprouver par rapport à vous des inquétudes, dont je ne puis me défendre. Ce n'est pas quand je vous sais, à votre âge, établis à la campagne et loin de tout secours, que je puis me contenter d'avoir des nouvelles de votre santé une fois tous les six mois. J'avais adressé ma dernière lettre directement à Orel. Quant à celle-ci, je vais par surcroît de précaution l'adresser à Dorothée, en la priant de vous la faire parvenir. Sévérine qui est en ce moment à Moscou n'aura pas manqué, je suppose, de l'aller voir. J'ai eu dernièrement de ses nouvelles de Pétersbourg. Il paraît très satisfait de l'accueil qu'il y a trouvé et m'annonce son retour en Allemagne pour la fin de ce mois. Ma correspondance avec Pétersb<ourg> a été cet hiver plus active que de coutume. J'ai reçu dernièrement avec des nouvelles des Krüdener une lettre fort aimable du Comte de Benkendorff qui vient aussi en Allemagne dans le courant de cet été pour prendre les eaux, et il se pourrait même qu'il vient à Kreuth, dont le séjour il y a quelques années a fait grand bien à sa santé. Je me félicite grandement de le revoir.

C'est à Vienne qu'il se fait de grands préparatifs de fête en vertu de l'arrivée de l'Empereur qui y est attendu au mois de mai, après quoi il ira prendre les eaux à Töplitz. On parle beaucoup d'un mariage pour la Grande-Duchesse Olga avec Archi-Duc Etienne[3], récemment nommé gouverneur de Bohême et la mission du Comte Orloff à Vienne n'a fait qu'accréditer ces bruits. Il serait à désirer que cela se fit. Il y aurait beaucoup d'avenir dans un tel mariage.

Ici l'hiver s'est passé assez doucement sauf les maladies, la scarlatine surtout qui a fait des ravages parmi les enfants. Je connais des familles, où elle a emporté jusqu'à trois enfants dans l'espace de quinze jours. Les nôtres, grâce au Ciel, ont été épargnés, tant les petites qui sont à l'Institut que les deux qui sont à la maison. J'ai là une lettre d'Anna pour vous qui devait vous être expédiée il y a plus que 9 semaines. Mais je prends la liberté de la supprimer définitivement, car en vérité elle ne vaut pas le port qu'elle vous coûterait. C'est une très bonne enfant, ainsi que ses sœurs, et je suis fort content d'elles. Mais leur avenir ne laisse pas parfois de me préoccuper très sérieusement.

La santé de ma femme a été passable cet hiver à ses rhumatismes près. Aussi les médecins insistent-ils plus que jamais pour qu'elle prenne des bains de mer l'été prochain. Je l'exhorte aussi pour ma part et je désire d'autant plus vivement qu'elle se débarrasse une bonne fois de ses rhumatismes que nous avons plus que jamais l'intention de nous acheminer en automne vers vous. Notre plus grand désir, ce serait de passer l'hiver prochain avec vous à Moscou. Quant à Munich, nous en avons assez tous les deux, et ma femme en est encore plus excédée peut-être que moi.

Il y a eu ici quelques changements dans le corps diplomatique. Un nouveau Ministre d'Autriche, d'Angleterre, de Würtemberg. Un jeune Prince *Оболенский*, neveu du P<rin>ce Wiasemsky, a été attaché à la mission. C'est un bon jeune homme et qui m'a été vivement recommandé par Meyendorff de Berlin.

J'apprends en ce moment-même que la pauvre tante Hannstein est subitement tombé malade et qu'elle était au plus mal. Je cours voir ce que c'est.

Перевод:

Мюнхен. 10 марта

По правде говоря, любезные папинька и маминька, я никак не возьму в толк ни вашего молчания, ни молчания брата. Вот уже два с половиной месяца прошло с тех пор, как я писал к вам в последний раз[1]. Это было в последние дни прошлого года, и месяц спустя я мог бы вполне получить ваш ответ. Николушкино молчание особенно кажется мне необъяснимым, потому что с тех пор, как я простился с ним в конторе дилижансов в Москве, он ни разу не подал мне признаков жизни. И тем не менее мне кажется, что за это время у него все-таки есть что мне сказать...[2]

Все это меня очень обижает и огорчает и, кроме того, заставляет беспокоиться о вас. И я ничего с этим не могу поделать. Я не могу довольствоваться тем, что получаю весточку о вашем здоровье раз в полгода, когда я знаю, что вы находитесь в деревне, вдали от всякой помощи. Я отправил свое последнее письмо прямо на Орел. Что касается до этого письма, я из предосторожности отправлю его на имя Дашиньки и попрошу ее передать его вам. Северин, находящийся теперь в Москве, наверное, не преминул навестить ее. Я недавно получил от него письмо из Петербурга. Он, кажется, весьма доволен оказанным ему приемом и извещает меня о своем возвращении в Германию в конце этого месяца. Моя переписка с Петербургом этой зимой была гораздо оживленнее обыкновенного. Недавно с вестями от Крюденеров я получил письмо от графа Бенкендорфа, который собирается этим летом приехать в Германию на воды, и может даже, что он приедет в Кройт, пребывание в котором несколько лет назад было очень благотворным для его здоровья. Я буду очень рад его увидать.

В Вене идут большие приготовления к торжествам в честь приезда государя; его ожидают в мае, после чего он поедет на воды в Теплиц. Здесь ходят слухи о свадьбе великой княжны Ольги Николаевны с эрцгерцогом Стефаном[3], недавно назначенным правителем Богемии, и миссия графа Орлова в Вене только подкрепляет эти слухи. Было бы желательно, чтобы

это произошло. Такой брачный союз обещает большую будущность.

Зима у нас прошла довольно спокойно, если не считать болезни, особенно скарлатину, унесшую много детей. Я знаю семьи, где она унесла до трех детей за две недели.

Наши, слава Богу, избежали этой участи — и малышки в институте, и двое младших дома. У меня в руках письмо Анны к вам, которое я должен был отправить более двух месяцев назад. Но я взял на себя смелость не посылать его вовсе, ибо, по правде говоря, оно не стоит почтовых расходов, которые на него уйдут. Она славная девочка, как и ее сестры, и я очень доволен ими. Но их будущее порой заставляет меня серьезно задумываться.

Здоровье моей жены этой зимой было довольно сносно, если бы не ее ревматизмы. Доктора более чем когда-либо настаивают на том, чтобы этим летом она брала морские ванны. Я тоже со своей стороны призываю ее к этому, чтобы она раз и навсегда избавилась от своих ревматизмов, потому что мы как никогда решительно настроены этой осенью ехать к вам. Наше самое большое желание — провести зиму с вами в Москве. Что касается до Мюнхена, он обоим нам надоел, и моей жене, наверное, еще больше, чем мне.

Здесь в дипломатическом корпусе произошли некоторые перемены. Новые австрийский, английский и вюртембергский посланники. Молодой князь *Оболенский*, племянник князя Вяземского причислен к миссии. Это славный молодой человек, горячо рекомендованный мне также Мейендорфом в Берлине.

В эту самую минуту я известился, что бедная тетушка Ганштейн внезапно слегла и ей очень худо. Бегу узнать, что с ней.

96. А. И. ТУРГЕНЕВУ

6/18 мая 1844 г. Париж

Ce samedi. 18 mai <18>44

A mon arrivée à Paris, j'ai commencé par demander après vous, cher Александр Иванович, et j'ai appris, non sans désappointement, que vous étiez à la campagne depuis une quinzaine

de jours. Si vous ne voulez pas rendre ce désappointement définitif, soyez assez bon, la première fois que vous rentrerez en ville, de me faire savoir l'heure où je pourrai vous voir. Nous demeurons dans votre voisinage le plus proche. Rue St-Honoré, № 383.

Ma femme me charge de la rappeler à votre bon souvenir et aime à espérer que vous lui procurerez aussi le plaisir de vous voir.

Простите — не забудьте моей просьбы.

Вам душевно преданный
Ф. Тютчев

Перевод:

Суббота. 18 мая <18>44

По приезде моем в Париж я тотчас стал справляться о вас, любезный Александр Иванович, и узнал не без разочарования о том, что вы уже недели две как в деревне. Ежели вы не хотите сделать это разочарование окончательным, будьте столь добры, в первый же раз, как вернетесь в город, дайте мне знать, в котором часу я могу повидать вас. Мы живем по соседству с вами. Улица Сент-Оноре, № 383.

Жена моя поручает мне передать вам привет и льстит себя надеждой, что вы также доставите ей удовольствие видеть вас.

Простите — не забудьте моей просьбы.

Вам душевно преданный
Ф. Тютчев

97. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Июль 1844 г. Париж

Paris. Ce juillet 1844

Ma bonne et chère Anna. J'ai reçu il y a quelques jours ta lettre qui, je le t'avoue, m'a fait jusque autant de peine que de plaisir. Tu voilà donc bien malheureuse, bien désespérée d'être dans ce même Institut où tu désirais entrer avec tant d'ardeur, où tu es entrée avec tant de jubilations[1]. Souviens-toi, je t'en prie, des

instances, des supplications, des persécutions que tu m'as fait subir pour me décider à te retirer de Weimar et à te réunir à tes sœurs. Et maintenant tu serais toute disposée à recommencer toute cette même agitation en sens inverse. Ne prends pas ce que je te dis ici pour un reproche, ma bonne amie, il n'est pas dans ma nature d'être un juge sévère des inconséquences d'autrui. Le souvenir de mes propres inconséquences suffirait pour me rendre indulgent, et d'ailleurs tu sais, si je suis naturellement disposé à l'indulgence envers toi. Si donc je te rappelle tes contradictions, c'est pour venir en aide à ta raison et la mettre à même d'apprécier plus sainement ta situation actuelle, tu dois comprendre, ma bonne Anna, en faisant un retour sur le passé, qu'il peut y avoir tout autant d'exagération dans le désir que tu as maintenant de quitter l'Institut qu'il y en avait il y a quelques mois dans ton impatience à y entrer. Au reste, tranquillise-toi. Je ne prétends assurément pas prolonger indéfinitivement ton séjour à l'Institut, l'âge où tu es, devrait déjà te rassurer à cet égard — dans quelques semaines nous serons de retour à Munich et je verrai alors ce qu'il y aura à faire.

Nous sommes plus que jamais dans l'intention d'aller cette année en Russie, et je n'hésiterais pas à t'amener avec nous, si je pensais que nous y allions pour y rester. Mais comme il est plus que probable que tel n'est pas le cas et que nous reviendrons en Allemagne au printemps prochain[2], tu comprends, ma bonne amie, que je ne pourrai pas t'associer à tous ces voyages sans interrompre toute la coulée de tes études, sans te faire perdre un temps bien précieux à ton âge. Voilà pourquoi je préférerais que tu ailles passer cet hiver auprès de ta tante Clotilde à Weimar, supposé qu'elle soit disposée à se charger de toi. Je m'en vais lui écrire à ce sujet, et sitôt que j'aurai sa réponse, je te la ferai savoir. De ton côté, tu pourrais, bien aussi dans tes lettres que tu lui écris, lui parler de ton désir de retourner auprès d'elle et faire un appel à l'amitié et à la tendresse qu'elle a pour toi. Tu comprends que je ne te propose cette idée que comme un simple projet et qui pour se réaliser a besoin avant tout du consentement de ta tante. Tu dois bien te garder par conséquent d'y compter comme sur une chose parfaitement certaine. D'autre part, il est possible que tu

viennes à changer de sentiment à l'égard de l'Institut et que le chagrin que tu aurais à te séparer de tes sœurs, te fasse faire de nouvelles réflexions.

Quant à moi, s'il arrivait que nous nous décidions dans le courant de cet hiver à nous fixer pour quelques années en Russie, je ne manquerai pas de vous faire chercher ou de venir vous chercher moi-même au printemps prochain.

Voilà, ma bonne Anna, quelles sont mes intentions pour le moment, et toi qui aimes tant à échaffauder des projets pour l'avenir, tu trouveras, je n'en doute pas, dans le peu que je t'ai dit là de quoi bâtir plus d'un château en Espagne. Tâche de faire en sorte que tu sois plus contente du moment présent et que les autres le soient aussi de toi. Utilise bien ton temps et parle-moi avec quelque détail de tes occupations. J'espère vous revoir bientôt et je n'ai pas besoin de te dire quel plaisir j'aurai à vous embrasser. Quand tu verras tes oncles, dis-leur mille amitiés de ma part. Je ne leur écris pas d'abord parce que je suis excessivement paresseux et puis aussi parce que j'ignore lequel d'entre eux est en ce moment à Munic.

Adieu, ma chère enfant. Je t'embrasse mille fois et du fond du cœur, toi et tes sœurs. Que Dieu vous garde!

Перевод:

Париж. Июль 1844

Моя добрая, милая Анна, я получил несколько дней тому назад твое письмо, которое, признаться, почти столько же огорчило меня, сколько доставило удовольствия. Итак, ты чувствуешь себя несчастной, ты в отчаянии от того, что находишься в том самом институте, куда так страстно стремилась, куда вступила с таким восторгом[1]. Вспомни, пожалуйста, те настояния, те мольбы, коими ты неотступно преследовала меня, чтобы заставить взять тебя из Веймара и устроить вместе с сестрами. А теперь ты, кажется, вполне готова начать сызнова всю эту кутерьму, но только в обратном направлении. Не принимай того, что я говорю тебе здесь, за упрек, моя славная Анна; не в моем характере быть строгим судьей чужой непо-

следовательности. Напоминания о моей собственной было бы достаточно, чтобы склонить меня к снисходительности, а ты знаешь сама, как я от природы расположен быть снисходительным к тебе; так что, если я упоминаю о твоей непоследовательности, это для того, чтобы помочь твоему рассудку здраво оценить твое настоящее положение. Бросив взгляд на прошлое, ты должна понять, моя добрая Анна, что твое теперешнее желание покинуть институт может быть столь же преувеличено, как было несколько месяцев тому назад твое нетерпение поступить туда. Впрочем, успокойся. Я, конечно, не намереваюсь продлить твое пребывание в институте на неопределенно долгое время; самый твой возраст должен бы успокоить тебя на этот счет. Через несколько недель мы вернемся в Мюнхен, и тогда я посмотрю, что делать.

Мы совершенно определенно намерены ехать в этом году в Россию, и я бы не колеблясь взял тебя с собой, если бы думал, что мы останемся там навсегда; но ведь более чем вероятно, что этого не случится и что мы вернемся в Германию будущей весною[2]. Поэтому ты понимаешь, мой добрый друг, что я не могу брать тебя во все эти путешествия, не прерывая хода твоих занятий и не заставив тебя потерять времени, столь драгоценного в твои годы. Вот почему я предпочел бы, чтобы ты провела будущую зиму у твоей тетушки Клотильды в Веймаре, если она согласится взять тебя к себе. Я напишу ей об этом и, как только получу от нее ответ, сообщу тебе. Со своей стороны ты тоже могла бы в письме сказать ей о своем желании вернуться к ней, взывая к любви и нежности, кои она питает к тебе. Ты понимаешь, что я даю тебе эту мысль лишь в виде проекта и для осуществления его нужно предварительно согласие твоей тетушки. Следственно, не стоит рассчитывать на это как на дело безусловно верное. С другой стороны, возможно, что твое отношение к институту переменится и что огорчение от предстоящей разлуки с сестрами заставит тебя вновь обдумать положение.

Что касается меня, то если случится, что будущей зимой мы решим основаться на несколько лет в России, я не премину послать за вами или же сам приеду взять вас будущей весною.

Вот, моя добрая Анна, каковы мои намерения в настоящее время. Ты ведь так любишь строить планы на будущее. В том немногом, что я сказал тебе здесь, ты, несомненно, найдешь достаточно материала для возведения не одного воздушного замка. Постарайся устроить так, чтобы быть более довольной настоящим и чтобы другие, в свою очередь, были довольны тобою. Проводи время с пользой и пиши мне более подробно о своих занятиях. Надеюсь вскоре увидеться с вами, и нет надобности говорить, какое удовольствие мне доставит обнять вас. Когда увидишь твоих дядей, передай им от меня самый сердечный привет. Не пишу никому из них, во-первых, потому, что чрезвычайно ленив, а во-вторых, потому что не знаю, который из них в настоящую минуту в Мюнхене.

Прости, мое милое дитя, обнимаю тысячу раз от всего сердца тебя и твоих сестер. Храни вас Бог!

98. А. Ф., Д. Ф., Е. Ф. ТЮТЧЕВЫМ

4/16 сентября 1844 г. Мюнхен

Lundi. Ce 16 septembre 1844

Pardonne-moi, ma bonne Anna, et vous aussi, mes chères petites, si je suis parti sans prendre congé de vous[1]. Je ne me suis pas senti le courage de vous faire mes adieux. Cela m'aurait fait trop de mal et à vous aussi. Ah, mes chères enfants, Dieu sait si je vous quitte à regret. Prenons courage. Le temps passe vite, quelques mois seront bien vite écoulés, et alors, mes enfants, quand nous nous reverrons, ce sera pour ne plus nous séparer. — Que la bénédiction du Ciel soit sur vous. Anna, je te recommande tes sœurs. Adieu, mes enfants chéries. Je vous embrasse mille et mille fois.

Перевод:

Понедельник. 16 сентября 1844

Прости мне, моя добрая Анна, и вы также, милые малютки, что я уехал, не попрощавшись с вами[1]. У меня не хватило духа на это. Мне это было бы слишком тяжело и вам так-

же. Ах, мои дорогие дети, видит Бог, как мне жалко расставаться с вами. Но будем мужественны! Время идет быстро, несколько месяцев протекут скоро, и когда мы снова увидимся, дети мои, мы уже не разлучимся более.— Да будет с вами Божье благословение. Анна, поручаю тебе сестер. Прощайте, мои милые девочки. Обнимаю вас несчетное количество раз.

99. Н. И. ТЮТЧЕВУ

4/16 сентября 1844 г. Мюнхен

Рукой Эрн. Ф. Тютчевой:

Munich. Ce 16 septembre 1844

Cher frère,

Nous avons heureusement accompli notre retour en Allemagne et demain nous nous remettrons en route pour nous rendre auprès de vous. Nous serons à Stettin le 26 de ce mois, et le 28 nous nous embarquerons, selon toute probabilité. Nous serons donc à Pétersbourg dans les tous premiers jours du mois prochain, et nous nous prions de nous y adresser vos indications pour ce que nous aurons à faire ensuite. Nous voudrions ne rester à Pétersbourg que le moins de temps possible, afin de nous caser pour l'hiver avant la mauvaise saison et puis aussi pour éviter la dépense à l'auberge que nous occasionnerait un séjour dans cette ville. Vous devez penser que tous nos voyages[1] n'ont pas contribué à remettre les affaires en ordre, et celui que nous allons entreprendre n'est pas de nature à porter remède au mal déjà existant.

Au revoir, mon cher frère, je me réjouis immensément de nous revoir et j'espère trouver de vos nouvelles à notre arrivée à Pétersbourg.

Toute à vous de cœur

E. Tutchef

Рукой Тютчева:

Oui, mon cher ami, c'est demain que nous nous lançons. Je vous avoue que ce n'est pas sans une certaine appréhension que je m'envisage ce voyage...

La saison est déjà bien avancée pour une traversée par mer, et cependant c'est la seule voie que nous puissions prendre. Ce qui

ajoute encore à mes perplexités, c'est l'ignorance où je suis de ce qui vous concerne. Êtes-vous encore à Ovstoug et quand comptez-vous vous rendre à Moscou? Nous espérons pouvoir nous embarquer sur le dernier bateau à vapeur qui part de Stettin. Ce sera le 28/16 de ce mois. Et par conséquent, avec l'aide de Dieu, nous pourrions être arrivés à Pétersb<ourg> dans les tout premiers jours du mois prochain. Fais qu'à notre arrivée nous trouverions des directions de votre part. Il serait trop beau de vous y trouver vous-même.

Dieu veuille que je vous trouve tous en bonne santé. L'idée de revoir mon père et ma mère, de pouvoir passer auprès d'eux non pas des semaines, mais plusieurs mois de suite, à leur présenter ma femme qui les aime, comme si elle les connaisse — voilà ce qui seul pouvait me décider à toutes les tribulations que je prévois.

Ma séparation d'avec mes filles qui je laisse à l'Institut m'a été beaucoup plus sensible que je ne pensais. Je ne m'étais pas cru un cœur aussi <1 нрзб> il est vrai qu'il suffit de vivre pour tant éprouver.

Adieu, mon cher Nicolas. — Qu'y a-t-il entre cet adieu et le premier bonjour?

T. T.

Перевод:

Рукой Эрн. Ф. Тютчевой:

Мюнхен. 16 сентября 1844

Любезный брат,

Мы благополучно вернулись в Германию и завтра отправляемся в путь, чтобы соединиться с вами. Мы будем в Штеттине 26 числа этого месяца и, по всей вероятности, сядем на пароход 28-го. Так что мы прибудем в Петербург в самые первые дни будущего месяца, и мы просим вас прислать туда указания, как нам действовать дальше. Нам бы хотелось оставаться в Петербурге самое короткое время, чтобы устроиться на зиму прежде, чем наступит поздняя осень, и вместе с тем чтобы избежать расходов на гостиницу, которые неизбежно вызовет пребывание в этом го-

роде. Вы, конечно, понимаете, что все наши поездки[1] отнюдь не способствовали тому, чтобы мои дела поправились, а та, что нам теперь предстоит, тоже не поможет выйти из существующего затруднения.

Прощайте, любезный брат, я безмерно рада увидеться с вами и надеюсь по прибытии в Петербург получить от вас весточку.

Душевно преданная вам

Э. Тютчева

Рукой Тютчева:

Да, любезный друг, завтра мы отправляемся. Признаться, я смотрю на это путешествие не без некоторой доли опасения... Время для поездки по морю уже позднее, и однако это единственный путь, который мы можем выбрать. К моим тревогам добавляется еще полное мое неведение относительно вас. Вы по-прежнему в Овстуге, и когда вы предполагаете возвращаться в Москву? Мы надеемся отплыть с последним пароходом, идущим из Штеттина. Это будет 16/28 сентября. Таким образом, с Божьей помощью мы можем оказаться в Петербурге в самые первые дни следующего месяца. Постарайся, чтобы к нашему приезду мы нашли твои указания. Было бы слишком хорошо застать там тебя самого.

Дай Бог, чтобы мы нашли всех вас в добром здравии. Мысль о том, что я увижу отца и мать, что смогу провести рядом с ними не только несколько недель, но и несколько месяцев подряд, смогу представить им мою жену, которая их уже любит, как будто давно знает их, — одно это могло бы подвигнуть меня решиться на трудности, которые я предвижу.

Разлука с дочерьми, которых я оставляю в институте, оказалась для меня тяжелее, чем я мог предполагать. Я не думал, что у меня такое <1 нрзб> сердце, поистине — стоит жить, чтобы так остро чувствовать.

Прости, любезный Николушка. — Что-то нас ждет между этим прости и первым здравствуй?

Ф. Т.

100. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

10/22 октября 1844 г. Петербург

Ce 22/10 octobre

Je n'ai pas besoin de vous assurer, chers papa et maman, combien je suis impatient de me retrouver au milieu de vous. Mais on me dit de toute part que je ne peux pas de m'en aller d'ici sans avoir vu le C<om>te N<esselrode>. – Soit, bien que pour mon compte je n'attends rien de cette entrevue. Il est arrivé ici la semaine dernière, et j'espère arriver jusqu'à lui, d'ici à quelques jours[1]. Ici d'ailleurs on nous fait généralement l'accueil le plus aimable. Ma femme est toute émerveillée de cette sociabilité sans égale. Au bout de quelques jours elle se trouve avoir un cercle de connaissances presque aussi étendu que celui qu'elle a laissé en Allemagne. Moi-même, je ne m'attendais guères, j'avoue, à tant de bienveillance et d'empressement. Mais ce qui au milieu de toutes ces démonstrations me fait le plus de plaisir, ce sont les marques d'intérêt que je rencontre de toute part pour le compte de notre pauvre et chère Dorothée[2]. Tout le monde me parle d'elle et me demande de ses nouvelles.

Que savez-vous de Nicolas? Songe-t-il à venir à Moscou?

Encore une fois, j'ai hâte de vous revoir et je m'en veux de cette sotte différence pour l'opinion d'autrui qui me retient ici. Adieu. Je baise vos mains.

T. T.

Перевод:

22/10 октября

Мне нечего уверять вас, любезнейшие папинька и маминька, сколь нетерпеливо я желаю оказаться среди вас. Но мне говорят со всех сторон, что я не могу уехать отсюда, не повидавшись с графом Нессельроде. – Ну хорошо, хотя я лично ничего не жду от этого свидания. Он приехал сюда на прошлой неделе, и я надеюсь попасть к нему через несколько дней[1]. К тому же здесь нам оказывают обычно самый любезный прием. Моя жена совсем изумлена этой общитель-

ностью, не имеющей себе равной. К концу двух недель у нее оказался круг знакомых почти столь же обширный, как тот, что она оставила в Германии. Признаюсь, я сам ничуть не ожидал такой благожелательности и предупредительности. Но что посреди всех этих изъявлений доставляет мне наибольшее удовольствие, это знаки сочувствия, которые я со всех сторон встречаю по отношению к нашей бедной и милой Дашиньке[2]. Все говорят мне о ней и спрашивают про нее.

Что знаете вы о Николушке? Думает ли он приехать в Москву? Еще раз, мне не терпится свидеться с вами и я сетую на себя за это глупое уважение к чужому мнению, которое удерживает меня здесь. Простите. Целую ваши ручки.

Ф. Т.

101. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

12/24 октября 1844 г. Петербург

St-Pétersbourg. Ce 12/24 oct<obre> 1844

Je suis bien coupable envers toi, ma bonne et chère Anna. Mais nullement d'intention, je t'assure. Car il ne s'est pas passé de jour depuis mon arrivée à Pétersb<ourg>, où je ne me fusse pas trouvé impardonnable de ne t'avoir pas encore écrit. Mais le genre de vie que l'on mène ici est si plein de dissipation que l'on a à peine un moment dans la journée pour se recueillir. Tout cela ne m'empêche pas néanmoins d'être constamment et bien entièrement préoccupé de ton souvenir, ma chère enfant, et de celui de tes sœurs. Cette fois la séparation d'avec vous m'est beaucoup plus pénible qu'elle ne l'avait jamais été, et j'ai besoin de me dire pour me consoler que ce sera la dernière. Aie bon courage, ma chère Anna, et si tu te sentais quelquefois disposée à te laisser envahir par l'ennuie inséparable de ton existence actuelle, pense que c'est ta dernière année d'épreuve.

Ici j'ai retrouvé ton frère aîné Charles[1], le seul qui soit ici en ce moment. Il vient nous voir très souvent et paraît nous avoir pris en grande affection. La lettre, qu'il t'a écrite et que tu recevras par cette occasion, t'apprendra les détails de ce qui le concerne, lui et ses frères. Il désirerait beaucoup aller en

Allemagne et se ferait une fête de vous revoir. Tout cela se fera encore, Dieu aidant. Un peu de patience seulement.

De mon arrivée à Pétersb<ourg> j'ai eu le chagrin d'apprendre que ta pauvre tante Dorothée venait de perdre son enfant. C'est une perte bien cruelle pour elle — et c'est la seconde fois qu'elle en subit une semblable.

Nous ne sommes pas encore décidés quant à l'époque de notre départ pour Moscou. Tes grands-parents y sont déjà et nous attendent avec impatience.

Adieu, ma bonne et chère Anna. Sois bien persuadée, ma chère enfant, que ma pensée visite souvent votre salle de récréation où j'allais vous voir dans les derniers temps. Encore quelques mois et vous m'y reverrez de nouveau, et cette fois le plaisir que nous aurons de nous revoir ne sera pas gâté par le pressentiment d'une prochaine séparation.

Fais mes amitiés de ma part à tes oncles, aussi qu'à toutes les personnes qui vous témoignent de l'intérêt. Parle-moi dans tes lettres tout au long de tes occupations, aussi que de tes peines, si par hasard tu les avais. Tu peux être convaincue que malgré la distance mon affection pour toi ne te quittera pas un seul instant. Embrasse tes sœurs et dis-leur de m'écrire aussi. Adieu, mes chères enfants. Que Dieu vous bénisse et vous protège.

Ti Ti

Перевод:

С.-Петербург. 12/24 октября 1844

Я очень виноват перед тобою, милая, добрая Анна, но вовсе не преднамеренно, уверяю тебя, ибо со времени моего приезда в Петербург не проходило дня, чтобы я не находил непростительным, что до сих пор не написал тебе. Но здесь приходится вести образ жизни до того рассеянный, что в течение дня едва находишь минуту, чтобы сосредоточиться. Тем не менее все это не мешает мне, моя милая девочка, непрестанно думать о тебе и твоих сестрах. На этот раз разлука с вами была для меня тяжелее, чем когда-либо, и чтобы утешиться, мне нужно уверять себя, что она будет последней. Будь

мужественна, милая Анна, и если порой ты чувствуешь, что тобою овладевает скука, неизбежная при твоем теперешнем образе жизни, помни, что это последний год твоих испытаний.

Здесь я вижусь с твоим старшим братом Карлом[1], он один из всех находится в настоящее время в Петербурге. Он очень часто бывает у нас и, похоже, чувствует к нам большое расположение. Его письмо ты получишь с этой же оказией и из него узнаешь подробности о нем самом и его братьях. Он очень бы желал поехать в Германию и был бы счастлив повидаться с вами — все это еще может осуществиться с Божьей помощью. Нужно только немного терпения.

По приезде в Петербург я был огорчен известием, что твоя бедная тетушка Дарья только что потеряла ребенка. Это очень жестокая потеря для нее, и она постигает ее уже второй раз.

Мы еще не решили, когда поедем в Москву. Твои дедушка и бабушка уже там и ждут нас с нетерпением.

Прости, моя добрая, милая Анна. Будь уверена, моя дорогая девочка, что мысленно я часто посещаю вашу рекреационную залу, куда в последнее время приходил на свидание с вами. Еще несколько месяцев, и вы снова увидите меня там, и на этот раз радость свидания не будет омрачена предчувствием близкой разлуки.

Передай от меня самый сердечный поклон дядюшкам, равно как и всем, кто принимает в вас участие. Пиши мне подробно про свои занятия, а также и про горести, если вдруг они у тебя появятся. Ты можешь быть уверена, что несмотря на расстояние моя любовь к тебе не покинет тебя ни на минуту. Обними сестер и скажи им, чтобы они тоже написали мне. Прощайте, мои милые дети. Благослови и храни вас Господь.

Ф. Т.

102. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Между 12 и 16 октября 1844 г. Петербург

J'avais espéré, chers papa et maman, vous porter moi-même ma félicitation à l'occasion de vos trois anniversaires[1] et je m'en veux beaucoup de n'être pas reparti d'ici aussitôt après mon

arrivée. Mais on m'a si souvent reproché de ne pas savoir m'occuper sérieusement de mes intérêts que je veux une bonne fois faire violence à mes habitudes. Je veux en un mot savoir à quoi m'en tenir sur les chances qu'on prétend que j'ai ici. Vous dire ce que c'est, serait trop long et exigerait des écritures infinies. Je verrai le C<om>te N<esselrode> demain ou après-demain. Beaucoup de personnes ici me témoignent un zèle pour mes intérêts, dont j'aurais tout lieu d'être satisfait, s'il était aussi efficace qu'il est sincère. Ce sont particulièrement Вяземский, les frères Wielhorsky[2], etc. qui tous insistent pour que je rentre au service. Pour mon compte, je ne demande pas mieux. Mais je ne puis ni ne veux le faire qu'à certaines conditions.

Quant à la société, elle continue toujours à nous faire fort aimable, et je ne puis m'empêcher d'être surpris de la quantité de connaissances que j'avais ici pour m'en douter. Tout cela serait assez agréable sans l'horrible cherté du séjour qui est telle que si j'étais obligé de passer une quinzaine de jours ici, je prendrai le parti de quitter l'hôtel Coulon pour aller chercher un gîte moins ruineux.

Nous avons reçu ces jours-ci une lettre de Nicolas qui écrit à ma femme qu'il ne quittera Ovstoug que quand il nous saura à Moscou. Quant à Dorothée, j'en ai des nouvelles grâce à ses excellentes amies les P<rinc>esses Шаховской[3] qui sont nos plus proches voisines. Elles viennent nous voir souvent, je n'ai pas besoin de dire à Dorothée qu'en son honneur et gloire nous nous adorons réciproquement. Mais je n'ai pas le courage de lui parler d'autre chose que d'elle-même. Il me tarde bien de la revoir et de juger par moi-même de son état.

Nicolas trouve aussi que ce que nous avons de mieux à faire, à notre arrivée à Moscou, c'est de commencer par descendre dans quelque hôtel, comme celui de Howard. Je voudrai déjà y être.

Entre autres anciennes connaissances j'ai revu la vieille Mad. Dournoff[4] qui m'a chargé de vous dire mille tendresses de sa part. Quant à sa belle-fille[5], je n'ai pas encore réussi à la trouver chez elle, malgré le désir qu'elle prétend avoir de me rencontrer. Elle est venue l'autre jour voir ma femme qui avait fait sa connaissance chez sa mère, la P<rinc>esse S. Wolk<onsky>[6], mais

j'étais sorti. Nous allons assez souvent à l'opéra italien, mais *par invitation* tant dans la loge du ministre de Sardaigne[7], tant dans celle de Wielhorsky.

L'autre jour des jeunes gens du corps diplomatique, nouvellement revenus de Moscou, nous ont dit qu'ils s'y sont royalement amusés et ils ne pouvaient assez se louer de l'hospitalité qu'ils y ont trouvée.

En vérité, c'est un bon pays et un bon peuple que cette Russie, mais pour dire cela avec une entière conviction il faut avoir connu l'étranger, comme moi je le sais.

Adieu, chers papa et maman. Je baise vos chères mains.

T. T.

Ma femme qui a été empêchée de vous écrire me charge de vous présenter ses vœux. Elle se plaît beaucoup ici, bien qu'elle soit persuadée qu'elle se plaira encore davantage à Moscou. Je le pense comme elle.

Adieu. Mille amitiés à Dorothée et à H<иколай> Васильевич. Je ne crois pas l'intéresser grandement, en lui disant que je rencontre souvent sa poétique nièce[8], surtout chez son amie Mad. Smirnoff, où j'ai dîné l'autre jour avec elle. Je ne sais si elle a grandie en vertus, mais ce qui est certain, ce qu'elle n'a pas acquis plus de tact que par le passé. Il y a sa belle-sœur, Mad. Нарышкин[9], qui loge dans le même hôtel que nous et qui nous voyons souvent. Celle-là est une femme sensée et a l'air d'être une bonne femme. Adieu, chers papa et maman. Je suis honteux de tous ses bêtes de détails. Mais les lettres quoiqu'on fasse en sont toujours remplies. Voilà pourquoi j'ai hâte de les remplacer par la parole.

Перевод:

Я надеялся, любезнейшие папинька и маминька, лично принести вам свои поздравления по случаю ваших трех годовщин[1] и очень досадую на себя за то, что не уехал тотчас после своего прибытия. Но меня так часто укоряли в том, что я не умею серьезно заниматься своими интересами, что я хочу на сей раз пересилить эту привычку. Одним словом, я хочу знать, могу ли верить тем возможностям, которые, как

утверждают, у меня здесь имеются. Объяснять вам, в чем они заключаются, было бы слишком долго и потребовало бы бесконечного писания. Завтра или послезавтра я увижу графа Нессельроде. Здесь весьма многие проявляют к моим интересам внимание, коим я мог бы быть вполне удовлетворен, если бы оно было столь же действенно, сколь искренно. В особенности же Вяземский, братья Виельгорские[2] и т. д., которые все настаивают на том, чтобы я оставался на службе. Со своей стороны я вполне согласен на это, но могу и хочу сделать это только на известных условиях.

Что касается общества, то оно продолжает оказывать нам весьма любезный прием, и я не могу не надивиться тому количеству знакомых, которые у меня здесь были и о коих я и не подозревал. Все это было бы довольно приятно, если бы не ужасная дороговизна, такая, что, будь я вынужден провести здесь недели две, я решился бы покинуть гостиницу Кулона и искать менее разорительное пристанище.

На этих днях мы получили письмо от Николушки, который пишет моей жене, что он выедет из Овстуга, только когда узнает, что мы в Москве. Что касается Дашиньки, то я имею известия о ней благодаря ее добрейшим приятельницам, княжнам Шаховским[3], нашим ближайшим соседкам. Они часто бывают у нас, и мне нечего говорить Дашиньке, что в ее честь и славу мы взаимно обожаем друг друга. Но у меня духу не хватает говорить ей о чем-либо другом, кроме как о ней самой. Не могу дождаться, когда увижусь с ней и буду иметь возможность лично судить о ее состоянии.

Николушка тоже находит, что по приезде в Москву нам лучше всего остановиться в какой-нибудь гостинице, вроде гостиницы Говард. Хотел бы я уже быть там.

Среди других прежних знакомых я свиделся со старой госпожой Дурново[4], которая поручила мне передать вам тысячу нежностей. Что до ее невестки[5], мне еще не удалось застать ее, несмотря на то, что она будто бы желает встретиться со мной. На днях она была у моей жены, которая познакомилась с ней у ее матери, княгини С. Волконской[6], но меня не было дома. Мы довольно часто бываем в итальян-

ской опере, но по *приглашению*, то в ложе сардинского посланника[7], то у Виельгорского.

Намедни молодые люди из дипломатического корпуса, только что приехавшие из Москвы, сказывали нам, что они там веселились на славу, и не могли достаточно нахвалиться встреченным гостеприимством. Поистине Россия хорошая страна и хороший народ, но дабы говорить это с полным убеждением, следует знать заграницу так, как я ее знаю.

Простите, любезнейшие папинька и маминька. Целую ваши дорогие ручки.

Ф. Т.

Моя жена, которой не удалось вам написать, поручает мне передать вам ее пожелания. Ей очень нравится здесь, хотя она убеждена, что ей еще больше понравится в Москве. Я того же мнения. Простите. Тысячу дружеских приветствий Дашиньке и Николаю Васильевичу. Не думаю, чтобы я очень заинтересовал его, сказав, что я часто встречаю его поэтическую племянницу[8], особенно у ее приятельницы госпожи Смирновой, где на днях я обедал с ней. Не знаю, умножились ли ее добродетели, но достоверно то, что она не приобрела более такта, нежели было у нее в прошлом. В одной гостинице с нами живет ее золовка, госпожа Нарышкина[9], с которой мы часто видимся. Вот она разумная женщина и, кажется, добрая. Простите, любезнейшие папинька и маминька. Мне стыдно за эти глупые подробности, но письма, что ни делай, всегда ими наполнены. Вот почему я спешу заменить их живой речью.

103. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

27 октября 1844 г. Петербург

Pétersbourg. Ce 27 octobre

J'ai reçu, cher papa, vos deux dernières lettres et je ne puis vous dire, combien j'ai été touché de la bonté que vous avez eu de prendre soin de notre établissement futur à Moscou. D'autre part, la dépense que vous aviez faite pour nous mettre en possession d'un logement, me contrarie un peu. Car, de la manière dont

les choses se sont engagées ici, je ne prévois pas à quelle époque je pourrai m'en aller d'ici. Voici ce qui eusse. J'ai vu la semaine dernière le Vice-Chancelier et l'accueil qu'il m'a fait a de beaucoup surpassé mon attente. Je ne sais si je vous ai écrit que l'année dernière nous avions été en rapports suivis et que plusieurs de mes lettres, relatives aux affaires du jour avaient été mises tant sous ses yeux que sous les yeux de l'Empereur[1]. Aussi après un quart d'heure de conversation sur ce qui avait été le sujet de notre correspondance, il m'a fut obligeamment demandé, si je ne consentirai pas à rentrer au service. Comme j'avais de longue main pour cette question, je lui ai dit que *oui* et comment j'entendais à y rentrer. Il m'a alors demandé de prolonger mon séjour à Pétersbourg, en me disant qu'il reconnaissait, qu'il y avait quelque chose à faire, qu'il y penserait et que sous peu j'aurai de ses nouvelles. En un mot et pour abréger les écritures que je fais, j'ai été entièrement satisfait de cette entrevue, moins encore dans mon intérêt personnel, que dans l'intérêt de la chose qui seule m'intéresse.

Ces jours-ci j'ai fait aussi la connaissance de la Comtesse de Nesselrode[2] qui a été pour moi d'une gracieuseté et d'une amitié peu commune. C'est chez le P<rin>ce Wiasemsky que je l'ai rencontrée. Nous étions à quatre, les deux Wiasemsky, elle et moi, et nous ne nous sommes qu'à 3 heures du matin. Le surlendemain elle m'a invité chez elle, et l'accueil qu'elle m'a fait a été des plus gracieux. C'est une femme de beaucoup d'esprit et parfaitement aimable pour les gens qui lui plaisent. Je supprime les détails, car dans une lettre cela aurait l'air de commérage. Mais ce que je ne puis passer sous silence, c'est l'amitié que le Prince Wiasemsky me témoigne en toute occasion. Le plus proche parent ne pourrait pas mettre plus de zèle et empressement à servir mes intérêts qu'il ne le fait.

J'ai retrouvé ici encore un *zélateur*. C'est L. Narischkin[3], l'aide de camp général. J'ai été le voir au jour de son retour de *Gatchina*, et il m'a dit qu'ayant lu par hasard une brochure que j'ai publiée l'été dernier en Allemagne[4], il en avait, suivant son habitude, parlé à tout le monde et avait finalement réussi à la faire lire à l'Empereur qui, après l'avoir lue, a déclaré qu'il y retrouvait

toutes ses idées et a paru curieux de savoir qui en était l'auteur. Je suis assurément très flatté de cette coïncidence, mais par des motifs qui, puis-je le dire, n'ont rien de personnel.

J'aurais encore une foule de choses à ajouter sur ma position actuelle à Pétersb<ourg>, mais ce sera pour une autre fois. Adieu, chers papa et maman. Comme nous avons déménagé, vous aurez la complaisance d'adresser vos lettres, ainsi qu'il suit.

На Английской набережной, в доме Маркевича, у *г-жи Бенсон.*

Перевод:

Петербург. 27 октября

Я получил, любезнейший папинька, ваши два последние письма и не могу передать вам, сколь я был растроган добротой, с какой вы позаботились о нашем будущем устройстве в Москве. С другой стороны, мне несколько досадно, что вы потратились, дабы предоставить нам пользование квартирой. Ибо, судя по тому, как складываются здесь дела, я пока не вижу, когда смогу уехать отсюда. Вот как они обстоят. На прошлой неделе я виделся с вице-канцлером, и прием, оказанный им мне, намного превзошел мои ожидания. Не знаю, сказывал ли я вам, что в прошлом году мы были в постоянных сношениях и что некоторые мои письма, относящиеся до вопросов дня, были представлены и ему и государю[1]. И вот после четвертьчасовой беседы о том, что служило предметом нашей переписки, он весьма любезно спросил меня, не соглашусь ли я вернуться на службу. Так как я уже давно предвидел этот вопрос, я сказал ему, что *да* и как я мыслю это возвращение. Тогда он попросил меня продлить мое пребывание в Петербурге, говоря, что считает необходимым что-то устроить, что он об этом подумает и вскорости я о нем услышу. Одним словом, и дабы сократить ненавистное мне писание, — я был вполне удовлетворен этим свиданием, даже не столько из своих личных интересов, сколько в интересах дела, единственно меня затрагивающего.

На днях я познакомился также с графиней Нессельроде[2], которая отнеслась ко мне чрезвычайно ласково и любезно. Я встретился с ней у князя Вяземского. Мы были вчетвером, оба Вяземские, она и я, и разошлись только в три часа утра. Через день она пригласила меня к себе. Мне оказан был самый ласковый прием. Это весьма умная женщина и отменно любезная с теми, кто ей нравится. Опускаю подробности, ибо в письме они походили бы на сплетни. Но о чем я не могу умолчать, это о приязни, какую при всяких обстоятельствах выказывает мне князь Вяземский. Самый близкий родственник не мог бы с большим рвением и усердием, нежели он, заботиться о моем благе.

Я нашел здесь еще одного *радетеля*. Это Л. Нарышкин[3], генерал-адъютант. Я был у него сегодня по его возвращении из *Гатчины*, и он сказал мне, что, случайно прочитав прошлым летом брошюру, напечатанную мною в Германии[4], он, следуя своей привычке, всем говорил о ней, и в конце концов ему удалось представить ее государю, который, прочитав ее, объявил, что нашел в ней все свои мысли, и будто бы поинтересовался, кто ее автор. Я, конечно, весьма польщен этим совпадением взглядов, но, смею сказать, — по причинам, не имеющим ничего личного.

Я еще многое мог бы прибавить касательно моего настоящего положения в Петербурге, но это останется до другого раза. Простите, любезнейшие папинька и маминька. Ввиду того, что мы переехали, будьте любезны направлять ваши письма по нижеследующему адресу: на Английской набережной, в доме Маркевича, у *г-жи Бенсон.*

104. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

13 ноября 1844 г. Петербург

St-P<étersbourg>. Ce 13 novembre 1844

Comment, chers papa et maman, avez-vous pu imaginer que quelque chose qu'il arrive, je quitterai la Russie, je ne dis pas sans vous avoir revu, mais même sans avoir passé plusieurs mois avec vous. On me nommerait ambassadeur à Paris, à la condition de

m'en aller immédiatement de Russie, que j'hésiterais à accepter. C'est pour vous dire, combien peu je suis pressé de m'en aller, et ma femme c'est encore moins. L'idée seule de retourner à Munich lui donne le cauchemar – et ce n'est qu'à présent que par le contraste elle éprouve dans sa plénitude l'ennui qu'elle y a subi dans les derniers temps. Et puis pourquoi ne l'avouerions-nous pas – Pétersb<ourg> comme société est peut-être un des plus agréables séjours qu'il y ait en Europe. Et quand je dis Pétersbourg, c'est la Russie, c'est le caractère russe, c'est la sociabilité russe. Voilà ce qui lui plaît et voilà ce qui fait qu'elle est si impatiente d'aller à Moscou, parce qu'elle est sûre de retrouver tout cela à Moscou, à un plus haut degré encore.

Pour moi, arrivé à l'âge de 40 ans, sans avoir p. ad. jamais venu au milieu de la société russe, je me trouve très satisfait d'y être et je me trouve très agréablement impressionné de la bienveillance peu commune qu'on m'y témoigne. Ce n'est pas une vanité seulement qui s'en trouve flattée. C'est encore un autre sentiment, un sentiment meilleur que la vanité.

Quant à mes intérêts, à mes affaires de service, j'ai tout lieu d'espérer qu'en définitive elles profiteront aussi de ce séjour. Ce qui m'a fait manquer ma carrière jusqu'à présent, c'est précisément mon absence continuelle du pays. Toutes mes relations russes c'est à l'étranger que je les ai formées. Le Vice-Chancelier me témoigne de l'intérêt, et ce qui est mieux encore, c'est qu'il en prend aussi à l'affaire, à la cause que je plaide devant lui. Quant à Comtesse N<esselrode>, elle a été d'une amabilité peu ordinaire pour moi et elle a fait aussi un accueil des plus gracieux <à ma femme> qui est allée l'autre jour à sa soirée. Malheureusement elle est partie hier pour Mitau, pour faire une visite à une amie, chez laquelle elle restera quatre semaines. C'est un contretemps. Nous avons fait aussi une connaissance assez intime avec Mad. de Seebach, la fille du Comte de Nessel<rode>[1], bonne et sympathique personne. Nous avons dîné l'autre jour chez la Comtesse Woronzow[2] qui a un jour dans la semaine, etc. etc. Ce soir je vais chez Mad. Smirnoff, où il y aura le Grand-Duc Michel[3]. Quant à la G<rande>-Duchesse M<arie> qui est rentrée en ville, j'espère la voir ces jours-ci. Voilà de puérils détails, mais que je vous écris

pour faire preuve de bonne volonté. Quant à moi, je ne vous demande qu'une chose, chers papa et maman, et d'être bien persuadés que votre désir de me voir à Moscou n'est pas plus grand que le mien d'y être et que je ne quitterai Pétersb<ourg> que pour y aller. Mes tendresses les plus tendres à Dorothée et à son mari.

Перевод:

С.-Петербург. 13 ноября 1844

Как могли вы подумать, любезнейшие папинька и маминька, чтобы я, как бы ни сложились обстоятельства, покинул Россию — уж не говорю не повидавшись с вами, но даже не проведя с вами нескольких месяцев. Будь я назначен послом в Париж с условием немедленно выехать из России, и то я поколебался бы принять это назначение. Говорю вам это, чтобы доказать, сколь мало я расположен уезжать, — а жена моя еще того меньше. Одна мысль вернуться в Мюнхен действует на нее как кошмар, и она только теперь, при сопоставлении, во всей полноте ощущает ту скуку, какую испытывала там в последнее время. А затем — почему бы не признаться в этом? — Петербург, в смысле общества, представляет, может статься, одно из наиболее приятных местожительств в Европе, а когда я говорю — Петербург, это Россия, это русский характер, это русская общительность. Вот что ей нравится и вот почему она так стремится в Москву, ибо уверена, что в Москве найдет это в еще большей степени.

Что касается меня, то, достигнув сорокалетнего возраста и никогда, в сущности, не живши среди русских, я очень рад, что нахожусь в русском обществе, и весьма приятно поражен выказываемой мне благожелательностью. Это не только льстит моему тщеславию. Тут другое чувство — чувство, которое лучше тщеславия.

Что до моих интересов, до моих служебных дел, я имею полное основание надеяться, что в конце концов пребывание здесь и им послужит на пользу. До сих пор моя карьера терпела неудачу именно вследствие постоянного моего отсутствия.

Все мои русские отношения завязались за границей. Вице-канцлер выказывает мне внимание и, что еще важнее, интересуется также делом — тем делом, которое я перед ним отстаиваю. Что до графини Нессельроде, она была необычайно любезна со мной и также весьма ласково приняла мою жену, которая намедни была у нее на вечере. К сожалению, она уехала вчера в Митаву навестить приятельницу, у коей пробудет четыре недели. Это некстати. Довольно близко познакомились мы также с госпожой Зеебах, дочерью графа Нессельроде[1], доброй и симпатичной особой. На днях мы обедали у графини Воронцовой[2], которая принимает раз в неделю, и т. д. и т. д. Сегодня вечером я еду к госпоже Смирновой, у которой будет великий князь Михаил Павлович[3]. Что касается до великой княгини Марии Николаевны, которая вернулась в город, я надеюсь увидеть ее на этих днях. Вот пустые подробности, но я сообщаю их вам как доказательство своего усердия. Что до меня, то прошу вас только об одном, любезнейшие папинька и маминька, это быть вполне уверенными, что ваше желание видеть меня в Москве не сильнее моего желания оказаться там, и я уеду из Петербурга для того лишь, чтобы туда отправиться. Самый нежный привет Дашиньке и ее мужу.

105. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Ноябрь–декабрь 1844 г. Петербург

Jeudi

Voici, mon Prince, l'article non-mutilé[1]. J'oserai seulement vous prier de le lire un peu vite pour que je puisse au plutôt restituer le livre au propriétaire qui le réclame. Lisez seulement les trois derniers chapitres de l'article, *les Polonais, les Russes* et *l'aperçu général*. Tout le reste se trouve à peu près intact dans votre exemplaire. Mais n'est-il pas attristant de voir qu'un étranger, un ennemi presque, a de nous-même, de ce que nous sommes et pouvons être, toute cette intelligence, toute cette conscience historique qui nous manque si complètement et ce qui le prouve, c'est que bien des hommes, même les plus avancés parmi nous, auront lu cet article sans y rien comprendre... Il y a plus. Il

y a sous la haine de cet étranger non seulement plus d'intelligence, mais encore plus de sympathie. Comparez, je vous prie, le coup d'œil si poétique et pourtant si vrai qu'il jette sur la carte de la Russie, avec toutes les ignobles petites caricatures, prétendues nationales, dont nous nous sommes mis depuis quelque temps à illustrer le pays...

Une des dispositions les plus chagrinantes qui se remarquent en nous, c'est cette disposition à entrer dans toutes les questions par leur côté le plus mesquin et le plus ignoble. Ce besoin d'aborder le château par la basse-cour. Ceci est mille fois pis qu'ignorance. Car l'ignorance, dans une nature saine, est croyante et merveilleuse, tandis que cette disposition-là est à tout jamais stérile.

Quand on lit quelques-unes de nos productions nouvelles inspirées par cet amour exclusif de la caricature on est souvent obligé de convenir que parmi nous la caricature est bien moins affaire d'imagination qu'affaire de caractère, ce qui n'est pas du tout la même chose. C'est la différence qui sépare l'esprit d'Aristophane de ce génie d'esprit qu'à défaut de périphrase on pourrait tout bonnement appeler l'esprit goujat.

Si je ne savais pas, mon Prince, quelle est votre répugnance à prêter des livres, je me hasarderais à vous demander quelques livres russes, p<ar> e<xemple>, un volume ou deux de Gogol, de la dernière édition[2], où se trouvent des morceaux détachés que je ne connais pas.

Où en est votre notice sur Kriloff?[3] Où vous verra-t-on ce soir? Moi, je compte aller ce soir chez les Karamzine.

Mille respects.

T. T.

Перевод:

Четверг

Вот, князь, статья в неизувеченном виде[1]. Осмелюсь только просить вас прочесть ее скорее, дабы я мог незамедлительно вернуть книгу владельцу, который ее требует. Читайте только три последние главы: *поляки, русские* и *общий обзор,*

все остальное находится почти без изменений в вашем экземпляре. Но не прискорбно ли видеть, что иностранец, почти враг, имеет о нас, — о том, что мы есть и чем можем быть, — такое точное понятие и такой ясный на нас взгяд, чего мы совершенно лишены; доказательством этому служит то, что у нас весьма многие, даже из числа наиболее передовых людей, прочтут эту статью и ничего в ней не поймут... Скажу больше: в ненависти этого иностранца заключается не только больше понимания, но и больше симпатии. Сравните, прошу вас, его столь поэтический и, однако же, столь верный очерк карты России с теми гнусными мелкими карикатурами, якобы народными, коими мы принялись с некоторых пор прославлять нашу страну...

Одна из наиболее прискорбных наклонностей, замечаемых у нас, — это наклонность подходить ко всем вопросам с их самой мелочной и гнусной стороны, потребность проникать в хоромы через задний двор. Это в тысячу раз хуже невежества. Ибо в простой здоровой натуре невежество простодушно и забавно, тогда как эта наклонность изобличает и вседа будет изобличать одну лишь злость.

Читая некоторые из наших новых произведений, вдохновленных этой исключительной любовью к карикатуре, приходится зачастую сознаваться, что у нас карикатура — гораздо менее плод творческой фантазии, чем потребность самой натуры, а это совсем не одно и то же. Тут такая же разница, как между остроумием Аристофана и тем родом остроумия, которое, за неимением подходящего иносказания, можно было бы назвать просто-напросто площадным.

Если бы я не знал, князь, как вы не любите одолжать книги, я решился бы попросить у вас несколько русских книг: один или два тома Гоголя, последнего издания[2], где находятся отдельные произведения, с которыми я еще не знаком.

В каком положении ваша заметка о Крылове[3]? Где можно видеть вас сегодня вечером? Я предполагаю отправиться вечером к Карамзиным.

Усердно кланяюсь.

Ф. Т.

106. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

7 декабря 1844 г. Петербург

St-Pétersbourg. Ce 7 décembre

Malgré la recommandation de papa je ne suis pas sans inquiétude, chère maman, au sujet de votre santé et je ne serai tranquille que quand j'aurai revu de votre écriture, et je ne le serai tout à fait que quand je vous aurai revu vous-même. Je n'ai guères lieu non plus d'être grandement satisfait de ma santé depuis mon arrivée. Si le séjour de ce pays convient à tous mes goûts et instincts, ce terrible climat est décidément contraire à ma nature. Je ne sens que trop que j'ai entièrement perdu l'habitude de l'hiver russe. C'est le premier depuis 1825 que je subis. La vie de Pétersb<ourg> n'est guères propre, non plus, à conserver la santé. Il est rare que je rentre chez moi avant deux heures du matin, et cependant il n'y a eu jusqu'à présent qu'un seul bal. La plupart du temps ce ne sont que de simples soirées de causerie. Ce soir nous allons chez la C<om>tesse Woronzow, où il y aura, dit-on, une réunion de 400 p<ersonnes> et où l'on fera de la musique. La C<om>tesse de Nesselrode est attendue dans le courant de la semaine prochaine. Je compte un peu sur sa présence pour activer les dispositions favorables qu'on m'assure exister à mon égard. Au reste, quelques personnes qui sont dans l'intimité du V<ice>-Chancelier m'assurent que j'aurai tout lieu d'être satisfait de lui et qu'on allait commencer par me rendre la clef[1].

L'autre jour j'avais été invité à une petite soirée chez la G<rande>-Duchesse Hélène[2], mais par une sotte méprise au lieu de moi c'est un Mr Тучков qui a eu l'invitation, un vieux Mr Тучков, peu causeur de son métier et n'allant guères dans le monde. Il se rendit pourtant à l'appel et ce n'est que dans l'antichambre du palais Michel qu'il recouvert la méprise. Mais il était trop tard pour la réparer.

Je suppose Nicolas arriver ou sur le point d'arriver. Ce n'est pas le manque de neige qui le retiendra dorénavant. Car depuis quelques heures il en est tombé en immense quantité. Au reste, j'accepte la neige, ainsi que tous les autres attributs de l'hiver. Il n'y a que le grand froid que je n'accepte pas, et nous commençons

à nous apercevoir, ma femme et moi, que nos vêtements d'hiver allemand ne sont plus à la hauteur de la circonstance.

J'ai revu l'autre jour Евт<их> Ив<анович> Сафонов qui se conserve étonnamment bien. Nous sommes très satisfaits de notre établissement[3], et mon seul regret c'est qu'il ne soit pas à Moscou.

Adieu, chers maman et papa. Je baise tendrement vos mains.

T. T.

Перевод:

С.-Петербург. 7 декабря

Несмотря на наставление папиньки, я продолжаю беспокоиться касательно вашего здоровья, любезнейшая маминька, и успокоюсь лишь тогда, когда увижу ваш почерк, а вполне перестану тревожиться, только увидев вас самих. Я тоже не имею причины быть весьма довольным своим здоровьем со времени моего приезда. Ибо если пребывание в этих краях соответствует всем моим вкусам и влечениям, ужасный климат решительно противен моей природе. Я слишком хорошо ощущаю, что совершенно отвык от русской зимы. Эта зима первая, которую я переношу с 1825 года. Петербургская жизнь также вовсе не способствует сохранению здоровья. Я редко возвращаюсь домой ранее двух часов утра, и однако до сих пор был только один бал; по большей части это просто вечера, посвященные беседе. Сегодня вечером мы едем к графине Воронцовой, у которой, говорят, будет собранье в 400 человек и будет музыка. Графиню Нессельроде ожидают на этой неделе. Я несколько рассчитываю на ее присутствие, чтобы дать ход тем благоприятным намерениям, которые, как меня уверяют, существуют касательно меня. Впрочем, несколько лиц, близких вице-канцлеру, утверждают, что я буду иметь полное основание остаться довольным и что начнут с того, что вернут мне ключ[1].

На днях я был зван на маленький вечер к великой княгине Елене Павловне[2], но по глупому недоразумению вместо меня приглашение получил некий г-н Тучков, старый Тучков,

малоразговорчивый и совсем не бывающий в свете. Он, однако, явился на зов и понял ошибку только в передней Михайловского дворца. Но было уже поздно ее исправить.

Полагаю, что Николушка уже приехал или приедет на днях. Отныне недостаток снега уж не может послужить ему помехой, ибо за несколько часов его насыпало в огромном количестве. Впрочем, я согласен на снег, так же как на все остальные принадлежности зимы. Я не согласен только на сильные морозы, и мы с женой начинаем ощущать, что наши одеяния, пригодные для немецкой зимы, не удовлетворяют требованиям здешней.

Я свиделся на днях с Евтихом Ивановичем Сафоновым, который удивительным образом не меняется. Мы очень довольны тем, как устроились[3], и я единственно сожалею, что не в Москве.

Простите, любезнейшие папинька и маминька. Нежно целую ваши ручки.

Ф. Т.

107. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

29 декабря 1844 г. Петербург

St-P<étersbourg>. Ce 29 décembre <18>44

Laissez-moi d'abord, chers papa et maman, vous remercier bien tendrement de vos cadeaux[1]. Mais je devrais vous en vouloir. A quoi bon cette dépense nouvelle? Ne vous êtes-vous pas déjà suffisamment dépouillés pour nous? et ne serait-il pas temps de s'arrêter?

Je vous écris dans une assez triste disposition d'esprit. La santé de ma femme me donne plus que du souci. Voilà quinze jours qu'elle est très souffrante, et toute à l'heure, en s'éveillant, elle a senti un si épouvantable mal de tête qu'elle a crié de douleur et a maugréé se trouver mal. Suivant toute apparence, c'est un rhumatisme aigu qui s'est porté à la tête. Il est possible que la température qu'il fait y contribue. Car pendant tout le temps qu'il y a eu les grands froids, elle se portait à charme et s'est sentie plus forte que depuis longtemps. Ce qu'il y a de plus triste,

c'est qu'elle, aussi bien que moi, nous avons perdu toute confiance dans l'efficacité des remèdes de l'ail. Et certes, on l'aurait perdue, à moi, jusqu'à présent de tous les traitements qu'on lui a fait suivre, pas un ne lui a profité, et j'ai l'intime conviction que le dernier, la cure de Vichy, lui a fait plus de mal que de bien. Maintenant, pour faire quelque chose, elle s'est adressée à un médecin homéopathe, *Oche*, qui a beaucoup de réputation ici. J'y ai acquiescé non pas que j'aie une opinion arrêtée sur la valeur de l'homéopathie. Mais j'en ai une très positive sur l'absurdité du traitement ordinaire. Tout cela me décourage et me contrarie beaucoup, et je suis fâché de devoir commencer la nouvelle année sous des auspices aussi peu riants. Moi qui m'étais flatté de pouvoir la commencer au milieu de vous.

Pour ce qui est de ma position dans le monde d'ici — il ne tiendrait qu'à moi de la trouver parfaitement agréable. Elle confirme à me faire plus d'accueil que je ne pense en attester. J'ai revu dernièrement chez la Gr<ande>-Duchesse Michel la Gr<ande>-Duchesse Marie que j'ai retrouvée aussi aimable que sur le passé. Elle m'a dit que *papa et maman* désiraient faire ma connaissance et qu'elle s'occupait à me ménager cette entrevue[2]. Tout cela est fort gracieux assurément — et voilà tout.

Quant à la question essentielle, on me dit toujours que le Vice-Chancelier était fort bien disposé pour moi et ne demandait pas mieux que de me le prouver. Mais qu'il fallait lui laisser toute latitude et toute liberté. Grâce à ma pousse naturelle et à quelque chose en moi, plus fort encore que cette pousse, — à ma haine pour les jolies citations, je m'arrange parfaitement de ce système de non-intervention. — Je ne suis nullement pressé de quitter la Russie, et si j'étais seulement à Moscou, j'attendrais si patiemment leur décision.

La Comtesse de Ness<elrode> est de retour depuis quelques jours, et je dois aller passer la soirée de demain avec elle chez les Wiasemsky.

Vous ai-je dit qu'entre autres nouvelles connaissances j'ai fait celle d'Ouvaroff[3], dont j'ai eu tout lieu d'être entièrement satisfait. Lui aussi ne demande pas mieux que de me servir.

J'aurais de toute manière mille choses à vous dire, mais il faudrait se voir et se parler. Que fait Nicolas? Je l'attends toujours.

Quant à Dorothée et à son mari, dites-leurs mille tendresses de ma part. Je n'ose pas leur parler de la lettre que je viens de recevoir d'eux et qu'ils m'ont écrite l'été dernier. Cela ne servirait à rien qu'à renouveler de bien tristes impressions[4].

Adieu, chers papa et maman. Je n'ai pas besoin de vous exprimer les vœux que je fais pour vous et pour moi-même à l'occasion du nouvel an. Ils se résument tous dans un seul: puissions-nous nous revoir le plutôt possible.

T. T.

Перевод:

С.-Петербург. 29 декабря <18>44

Позвольте мне прежде всего, любезнейшие папинька и маминька, от души поблагодарить вас за подарки[1]. Но я должен вам за них попенять. Для чего эти новые траты? Разве вы уже недостаточно разорились на нас? и не пора ли остановиться?

Я пишу к вам в весьма печальном расположении духа. Здоровье жены доставляет мне одни тревоги. Вот уже две недели как она очень больна, и сегодня, проснувшись, она почувствовала такую страшную головную боль, что даже вскрикнула и пробормотала, что ей плохо. По всей вероятности, это обострение ревматизма, отдающее в голову. Возможно, способствует этому и погода, потому что все время, пока стояли сильные морозы, она чувствовала себя превосходно и была бодрее, чем когда-либо. Самое печальное, что мы оба, и она и я, потеряли веру в действенность снадобий из чеснока. До сих пор из всех видов лечения, которые ей назначали, не помогало ни одно, и я даже твердо убежден, что последнее лечение в Виши принесло ей более вреда, нежели пользы. Теперь, чтобы предпринять хоть что-нибудь, она обратилась к врачу-гомеопату *Ошу*, который славится здесь. Не скажу, что имею твердое представление о пользе гомеопатии, но зато безусловно убежден в бессмысленности обычного лечения. Все это меня огорчает и раздражает, и я раздосадован тем, что приходится начинать новый год в та-

кой недобрый час. А я ведь так надеялся начать его рядом с вами.

Что касается до моего положения в свете, только от меня зависит, находить ли мне его приятным. Оно подтверждает, что мне оказывают такой прием, о каком я и не предполагал. Я видал недавно у великой княгини Елены Павловны великую княгиню Марию Николаевну, она так же любезна, как и прежде. Она сказала, что *папá и мамá* желают познакомиться со мной и что она займется устройством этой встречи[2]. Разумеется, все это чрезвычайно любезно, но не более того.

Что касается до главного вопроса, мне всегда отвечают, что вице-канцлер весьма расположен ко мне и горит желанием доказать это на деле. Но что надобно предоставить ему полную свободу действий. Благодаря моей природной жилке и даже чему-то более сильному, чем эта жилка, — ненависти к прекрасным обещаниям, я вполне довольствуюсь этой позицией невмешательства. — Я вовсе не спешу покинуть Россию, и если бы только я был в Москве, я бы терпеливо дожидался их исполнения.

Графиня Нессельроде вернулась несколько дней назад, и я должен завтрашний вечер провести вместе с ней у Вяземских. — Говорил ли я вам, что среди моих новых знакомых появился Уваров[3], и я имею все основания быть полностью удовлетворенным этим знакомством. Он тоже горит желанием помочь мне.

Мне бы хотелось очень многим с вами поделиться, но для этого нужно видеться и говорить. Что поделывает Николушка? Я все жду его. Что касается Дашиньки и ее мужа, передайте им тысячу нежностей от меня. Я не осмеливаюсь говорить им о письме, которое я только что получил и которое отправлено ими прошлым летом. Это только бы усугубило тяжелые воспоминания[4].

Простите, любезные папинька и маминька, нет нужды говорить о том, чего я желаю для вас и для себя в новом году. Все пожелания сводятся к одному — дай Бог нам увидеться как можно скорее.

Ф. Т.

108. Н. И. ГРЕЧУ

1840-е гг.

Позвольте, почтеннейший Николай Иванович, усердно поблагодарить вас за вашу память и подарок. Но не для одного меня это подарок — для всей русской современной литературы, которая более, нежели когда, нуждается в вашем руководстве. В этот век, не признающий властей, и власть грамматики сильно потрясена, и потому честь и слава вам, что вы, как ее верноподданный, вступились за ее законное право.

Я верю и надеюсь, что ваш легитимизм удачнее будет легитимизма французских роялистов.

Еще раз прошу принять мое искреннее, душевное спасибо.

Ф. Тютчев

109. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Начало 1845 г. Петербург

St-Pétersbourg

Ma bonne et chère Anna. Voilà une lettre qui pour s'être fait attendu, te fera un double plaisir, car elle te sera remise par ton frère Charles. Vous aurez quelque peine à vous reconnaître l'un l'autre. Vous aurez plutôt fait de faire nouvelle connaissance. Je n'ai pas besoin de te dire, ma chère enfant, que ce n'est pas sans quelque envie que je le vois partir pour vous aller embrasser, toi et tes sœurs. Il se chargera de vous donner tous les détails que nous concernent. Mais ce qu'il ne pourra jamais t'expliquer suffisamment, c'est combien vous m'êtes chères et les reproches que je me fais de ne pas vous le témoigner assez soit par mes lettres, soit autrement. Mais cette paresse détestable ne m'empêche pas, sois en bien persuadée, d'être constamment préoccupé de votre souvenir et surtout de votre avenir.

Je suis bien fâché que ton frère Charles ne pourra vous donner que fort peu de temps, mais maintenant qu'il est en Allemagne, il y a plus de chances que par le passé de vous voir de temps en

temps. Nous sommes toujours encore à Pétersb<ourg> où nous attendons les premiers jours de printemps pour faire le voyage de Moscou. Mais que ceci ne t'effraie pas. Nous n'en sommes pas moins décidés à revenir en Allemagne dans le courant de l'été prochain — et une fois réunis ce sera, je l'espère, pour ne plus nous quitter de sitôt.

Continue, ma chère Anna, à me donner de tes nouvelles. Parle de moi à tes sœurs et charge-toi de présenter mes respects à Madame la Directrice et mes amitiés à tes oncles.

Adieu, mon enfant. Que Dieu vous protège toutes les trois.

T. T.

Перевод:

С.-Петербург

Моя добрая и милая Анна, вот письмо, которое заставило себя ждать, зато оно будет тебе вдвойне приятно, ибо передаст его тебе твой брат Карл. Вам будет несколько трудно узнать друг друга, вы как будто вновь познакомитесь. Мне нечего тебе говорить, моя милая девочка, что я не без некоторой зависти смотрю на его отъезд, который доставит ему случай обнять тебя и твоих сестер. Он берется сообщить тебе все подробности касательно нас, но чего он никогда не сможет достаточно объяснить, это того, как вы мне дороги и как я себя упрекаю в том, что не умею этого как следует выразить в письмах или иначе. Но эта отвратительная лень не мешает мне, будь уверена, беспрестанно вспоминать вас и в особенности быть озабоченным вашей будущностью.

Жаль, что твой брат Карл сможет посвятить вам лишь очень мало времени, но, поскольку он теперь будет в Германии, вам представится более, нежели прежде, случаев видаться время от времени. Мы все еще в Петербурге и ждем первых весенних дней, чтобы совершить путешествие в Москву. Но не пугайся. Мы все-таки твердо намерены вернуться в Германию в течение будущего лета — и, раз соединившись, мы уже, надеюсь, не расстанемся так скоро.

Продолжай, милая Анна, сообщать мне о себе. Говори обо мне твоим сестрам и потрудись передать мое почтение госпоже директрисе, а твоим дядям мои дружеские приветствия.

Прости, дитя мое. Да хранит вас Бог всех трех.

Ф. Т.

110. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

2 марта 1845 г. Петербург

St-Pétersbourg. Ce 2 mars

Je suis très contrarié, chers papa et maman, de ne pouvoir vous annoncer rien de positif relativement à mes affaires, et c'est là en partie la raison qui a fait que je me suis si longtemps privé du plaisir de vous écrire. On continue toujours à me donner les plus douces paroles et les assurances les plus satisfaisantes, et je crois en effet qu'on est très disposé à faire quelque chose pour moi. — Mais ce qui les embarrasse, c'est la forme à donner à leur bonne volonté.

La Gr<ande>-Duchesse m'a dit qu'elle était très disposée à se charger de l'une des petites et qu'elle demanderait à l'Impératrice de se charger de l'autre, en les plaçant toutes deux dans le même Institut. — Il est certain que ce n'est qu'à cette condition que je pourrai mettre à profit la bienveillante disposition. Car je suis très décidé à ne pas séparer les deux petites. Quant à Anna, elle n'est plus d'âge à recommencer l'Institut, et sa place pour le moment, c'est-à-dire pour les trois ou quatre années à venir ne peut-être ailleurs qu'auprès de moi.

Nicolas vous aura, malgré son <1 нрзб> implacable, donné sur nous et sur notre séjour à Pétersb<ourg> plus de détails que ne comportent les écritures. — Mes rapports avec la C<om>tesse N<esselrode> sont toujours des plus agréables. Je la vois presque tous les jours — et me sens pour elle une véritable sympathie qui, je crois, est réciproque. C'est chez elle que nous avons dimanche dernier terminer le carnaval. La veille nous avons eu un grand bal chez l'ambassadeur d'Autriche. — C'est tout ce qu'on a pu servir du carnaval, compromis par le deuil qui, du reste, vient d'être brusquement terminé par le fait des couches de la Gr<ande>-Duchesse Héritière[1].

Mais si la société de St-Pétersb<ourg> est des plus douces, on ne peut pas en dire au tour du climat, et il n'a pas de jour, où je ne sois dans le cas de bénir deux autres fois la pelisse que vous m'avez donnée. C'est là un cadeau qui réunit dans un très haut degré l'utilité à l'agrément. — Ce matin encore, le 2/14 mars, nous avons eu 23 degrés de glace. Quel printemps.

J'ai bien hâte cependant de voir toutes les rigueurs s'adoucir pour pouvoir songer avec quelque suite à mes dispositions de voyage pour aller vous trouver[2]. Il me tarde bien, je vous assure, d'être auprès de vous, — et ni les lettres que je vous écris de loin en loin, ni les longs intervalles de silence ne sauraient vous donner une idée vraie de mon impatience à cet égard.

J'ai eu l'autre jour la visite de Mr Похвиснев, et jusqu'à présent je ne suis pas parvenu à découvrir, où il s'est arrêté. Parmi les personnes que je vois pas une n'a su me l'indiquer — pas même les Муравьев[3]. Et d'autre part, je n'ai pas cru de voir faire intervenir la police pour me faciliter cette recherche.

Mille tendres amitiés à Dorothée et à son mari. J'ai bon espoir de faire accepter par la Directrice la comédie qu'il m'a envoyée et je lui demande pour prix de mes soins la recette de la première représentation[4].

Adieu, chers papa et maman. Je baise vos chères mains et suis pour la vie

votre t<rès> dévoué fils Ti Tutchef.

Перевод:

С.-Петербург. 2 марта

Я очень огорчен, любезные папинька и маминька, что не могу сообщить вам ничего положительного о моих делах, и в этом отчасти причина того, что я так долго не имел удовольствия писать к вам. Я по-прежнему слышу великолепные обещания и самые лестные заверения, и я на самом деле полагаю, что для меня искренне хотят что-то сделать. — Но чего им недостает, так это формы, в какой можно выразить их желание.

Великая княгиня сказала, что очень бы желала заняться судьбой одной из девочек и что она попросит государыню

заняться другой, чтобы поместить обеих в один институт. Разумеется, что только при этом условии я могу согласиться на это великодушное предложение. Ибо я твердо решился не разлучать двух младших. Что касается до Анны, она вышла из возраста, когда можно поступить в институт, и ее место на ближайшие три-четыре года только рядом со мной.

Николушка, несмотря на свою неистребимую <1 нрзб>, передаст вам подробности нашей петербургской жизни, которых не выскажешь в письме. — Мои отношения с графиней Нессельроде по-прежнему очень теплые. Я ее вижу почти ежедневно — и испытываю к ней настоящую симпатию, и она, по-моему, взаимная. У нее мы в прошлое воскресенье отметили окончание Масленицы. Накануне состоялся большой бал у австрийского посланника. — Это все, что удалось извлечь из Масленицы, испорченной трауром, который, впрочем, был прерван так же внезапно, как и начался, благодаря родам великой княгини цесаревны[1].

Но если петербургское общество весьма любезно, то этого никак нельзя сказать о здешнем климате, и нет дня, когда бы я не вспоминал с благодарностью вас за то, что вы подарили мне шубу. Этот подарок в высочайшей мере соединяет в себе полезность и приятность. — Еще сегодня утром, 2/14 марта, у нас было 23 градуса мороза. Что за весна!

Мне, однако, не терпится дождаться, когда потеплеет, чтобы уже основательно продумать планы поездки к вам[2]. Мне очень хочется, уверяю вас, быть рядом с вами,— и ни письма, которые я пишу вам время от времени, ни долгое молчание между ними не могут дать вам настоящего представления о моем нетерпении.

На днях у меня был с визитом г-н Похвиснев, и я до сих пор не обнаружил, где он остановился. Среди тех, кого я вижу, никто не мог не указать — даже Муравьевы[3]. А с другой стороны, мне не хотелось прибегнуть к помощи полиции, чтобы облегчить мои поиски.

Тысяча нежностей Дашиньке и ее мужу. Я твердо надеюсь передать через директрису комедию, которую он мне при-

слал, и в качестве платы за услугу прошу программку первого представления пьесы[4].

Простите, милые папинька и маминька. Целую ваши милые ручки и остаюсь навеки

преданный ваш сын Ф. Тютчев.

111. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

11 апреля 1845 г. Петербург

Середа

Je ne pourrais vous dire, chers papa et maman, combien je suis contrarié et triste de devoir passer ces jours-ci loin de vous. — Me voilà depuis de longues années, pour la première fois en Russie, à l'époque de cette fête qui me faisait chaque fois péniblement sentir notre séparation, et il était dit que cette fois encore, je la passerai seul. — Je suis non seulement triste de ce contretemps, mais je ne saurais m'empêcher de m'en imputer la faute. Il eut été si facile de prendre d'autres arrangements. Mais plus je vois et plus je me sens accabler du poids de mon indolence.

Vous savez, n'est-ce pas, que je suis rentré au service. L'autre jour j'ai reprêté serment[1]. On va me rendre ma clef et probablement on m'avancera[2]. Le Comte de N<esselrode> est plein de bienveillance. Il m'a demandé l'autre jour ce que je comptais faire pour le moment. Je lui ai dit que je n'avais qu'un seul désir, c'est d'aller passer l'été avec vous. Pour mon retour on m'aura trouvé une place, c'est-à-d<ire> on aura trouvé un prétexte de me donner quelques milliers de roubles. C'est très aimable et je lui en remercie. Il s'agit maintenant de régler définitivement l'affaire des enfants. J'ai la parole de la Grande-D<uchesse> et j'espère avoir la possibilité de la revoir et de lui parler avant mon départ.

Vous avez bien raison de savoir gré à Madame de Nesselrode de l'intérêt qu'elle me témoigne. Il est impossible d'être meilleure qu'elle n'est. Elle ne demanderait pas mieux que de me servir encore plus activement qu'elle ne fait, mais elle trouve un terrible obstacle dans ma détestable incurie[3].

Nous sommes ici dans l'attente du printemps qui n'arrive pas. Le moment présent est détestable. C'est un vrai gâchis.

C'est le Dimanche de Pâques que je compte faire communier les deux enfants dans la chapelle de la Comtesse Шереметев. C'est Палагея В<асильевна>[4] qui veut bien se charger de ce soin.

Quant à moi, je suis décidé à attendre jusqu'à Moscou pour faire mes dévotions. Je les ferai cet été avec vous. Ici tout l'arrangement matérialisé, mon existence est tel que je ne pourrai guères les faire comme je le voudrais.

Vous savez, je suppose, que Палагея В<асильевна> est devenue бабушка.

Прошу поздравить прабабушку[5]. Еще раз, любезнейшие папинька и маминька, поздравляю вас всех от души с наступающим праздником и от души жалею, что мы проведем его розно.

Целую ваши ручки.

Ф. Т.

Перевод:

Середа

Не могу выразить, любезнейшие папинька и маминька, как мне досадно и грустно не быть рядом с вами в эти дни. — Впервые за долгие годы я нахожусь в России в этот праздник, который всякий раз заставлял меня остро переживать нашу разлуку, и вот опять, как сказано, я проведу его в одиночестве. — Мне грустно не только из-за невозможности увидеться, но я не могу не испытывать своей вины в этом. Так просто было устроить все по-другому. Чем больше я смотрю, тем больше меня угнетает моя собственная небрежность.

Вы знаете, не так ли, что я вернулся на службу. На днях я принял присягу[1]. Мне вернут ключ камергера и, наверное, повысят в чине[2]. Граф Нессельроде исполнен благожелательства. На днях он спросил меня, что я полагаю делать в ближайшее время. Я ответил, что у меня единственное желание — провести лето вместе с вами. К моему возвращению мне подыщут место, то есть найдут предлог выплачивать мне несколько тысяч рублей. Это очень любезно с его стороны, и я ему весьма за это благодарен. Теперь предстоит окончатель-

но решить вопрос с девочками. Я имею обещание великой княгини Марии Николаевны и надеюсь до моего отъезда получить возможность повидать ее и поговорить об этом.

Вы совершенно правы, когда говорите о своей благодарности к графине Нессельроде за ее расположение ко мне. Невозможно быть внимательнее, чем она. Она была готова еще усерднее помогать мне, если бы не встретила страшное препятствие в лице моей скверной беспечности[3].

Мы живем в ожидании весны, которая никак не приходит. Нынешняя пора отвратительная. Настоящее грязное месиво.

Я хочу, чтобы дети в Святое Воскресенье пошли к Причастию в домовую церковь графини Шереметевой. Заботу об этом берет на себя Палагея Васильевна[4].

Что касается до меня, я решил отложить Причастие до Москвы. Я буду говеть летом вместе с вами. Здесь же, при любом устройстве дел, мое существование таково, что я не смогу этого сделать, как хотелось бы.

Вы уже известились, я думаю, о том что Палагея Васильевна стала бабушкой.

Прошу поздравить прабабушку[5]. Еще раз, любезнейшие папинька и маминька, поздравляю вас всех от души с наступающим праздником и от души жалею, что мы проведем его розно.

Целую ваши ручки.

Ф. Т.

112. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Июль–август 1845 г. Москва

Москва

Je me figure, ma bonne et chère Anna, la révolution que nos lettres d'aujourd'hui vont produire parmi vous. Je t'avais promis de vous réunir à nous le plutôt qu'il me serait possible, et je viens, comme tu vois, m'acquitter de ma promesse. Les circonstances nous obligeant à passer encore l'hiver prochain à Pétersb<ourg>, nous avons décidé, maman et moi, de vous y faire venir, tes deux sœurs pour continuer leurs études dans un Institut de la

couronne où la Gr<ande>-Duchesse veut bien se charger de les placer, et toi, qui as le malheur d'être trop vieille, pour vivre auprès de nous. Je me flatte que tu approuveras cet arrangement et que tu voudras bien me pardonner l'embarras du déplacement que je t'impose. Mais le point principal décidé, je t'avoue, que je ne suis pas sans de vives inquiétudes quant à la manière dont la chose pourra être mise à l'exécution. L'idée de ce voyage que vous allez faire sous la garde d'une personne qui est encore à trouver me donne beaucoup de soin – tu apprendras par les personnes, à qui maman vient d'écrire à ce sujet, les arrangements que nous voudrions voir adoptés, mais à la distance, où nous sommes, toutes les indications que nous pouvons fournir d'ici seront nécessairement très insuffisantes. Le plus sûr comme le plus simple, c'est de vous recommander plus que jamais à la protection de Dieu.

Ici, ma bonne Anna, tout le monde te porte, à toi aussi qu'à tes sœurs, le plus tendre et le plus vif intérêt. Tu pourras en juger par ces quelques lignes que ma mère et ma sœur t'adressent[1]. Je leur ai fait lire les lettres que j'ai reçues de toi dans ces derniers temps, et elles en ont éprouvé presque autant de plaisir que moi-même. Elles t'aiment comme si tu vivais constamment au milieu d'elles.

Dieu aidant, je me flatte, que tu trouveras plus d'affection en Russie que tu n'en trouverais partout ailleurs. Jusqu'à présent tu ne connais le Pays auquel tu appartiens que par le témoignage des étrangers, et tu comprendras plus tard pourquoi ce témoignage, de nos jours surtout, mérite peu de confiance. Et lorsque plus tard tu seras en état de comprendre par toi-même tout ce qu'il y a de grandeur dans le Pays et de bonté dans le peuple, tu te sentiras fière et heureuse d'être née Russe[2].

Dis mille tendresses de ma part à tes oncles Bothmer. J'ai eu dernièrement une longue lettre de ton frère Charles qui me parle beaucoup de toi. Quant à tes deux autres frères Othon et Alfred, tu les trouveras à Pétersbourg. Lorsque tu écriras à Weimar, n'oublie pas de parler de moi à l'oncle Maltitz et dis-lui que je me sens l'homme le plus indigne et le plus abominable vis-à-vis de lui. Il m'a écrit deux fois pendant mon séjour à Pétersb<ourg> sans obtenir un mot de réponse de mon exécrable paresse, et Dieu

sait pourtant que ses lettres, son souvenir et son amitié me sont bien précieux et bien chers. J'espère pourtant que je réussisse à secouer le cauchemar qui pèse sur notre correspondance.

Mais avant tout, ma chère Anna, n'oublie pas de présenter mes respects à Madame de Dietrich et de la remercier bien particulièrement en mon nom de toutes les bontés qu'elle a eu pour vous.

J'aurais encore mille choses à te dire, mais toutes peuvent se réduire à celle-ci: c'est que je vous aime tendrement toutes les trois, que je fais les vœux les plus fervants pour l'heureux succès de votre voyage et que je m'estimerai particulièrement heureux, quand je vous verrai arrivées saines et sauves à Pétersb<ourg>. Je t'embrasse mille et mille fois.

Перевод:

Москва

Моя добрая и милая Анна, воображаю, какое возбуждение произведут среди вас наши сегодняшние письма. Я обещал тебе вызвать вас к нам, как только это окажется возможным, и вот, как видишь, я исполняю свое обещание. Ввиду того, что обстоятельства заставляют нас провести еще и будущую зиму в Петербурге, мы порешили, мама́ и я, выписать вас туда: твоих сестер, чтобы они продолжали свое учение в одном казенном институте, куда великая княгиня берется их поместить, тебя же — имеющую несчастье быть слишком старой — чтобы жить с нами. Льщу себя надеждой, что ты одобришь такое устройство и соблаговолишь простить мне трудности передвижения, которые я вам навязываю. Но, разрешив главный вопрос, я, признаюсь, все же весьма озабочен, каким образом все это должно осуществиться. Мысль, что вам придется совершить это путешествие под охраной человека, которого еще следует отыскать, очень меня заботит. Ты узнаешь от тех, кому мама́ пишет по этому поводу, как мы желали бы все это устроить, но из-за расстояния, разделяющего нас, все указания, которые мы могли бы дать отсюда, поневоле будут слишком недостаточны. Самое верное, как и самое про-

стое, — это поручить вас более чем когда-либо покровительству Божию.

Здесь все, моя добрая Анна, относятся к тебе и к твоим сестрам с самым живым и нежным интересом: об этом ты можешь судить по нескольким строкам, которые посылают тебе моя мать и сестра[1]. Я дал им прочесть твои письма, полученные мною за последнее время, и они доставили им почти такое же удовольствие, как и мне самому. Они любят тебя так, как будто ты постоянно жила с ними.

Льщу себя надеждой, что, с Божьей помощью, ты найдешь в России больше любви, нежели где бы то ни было в другом месте. До сих пор ты знала страну, к которой принадлежишь, лишь по отзывам иностранцев. Впоследствии ты поймешь, почему эти отзывы, особливо в наши дни, заслуживают малого доверия. И когда потом ты сама будешь в состоянии постичь все величие этой страны и все доброе в ее народе, ты будешь горда и счастлива, что родилась русской[2].

Передай от меня тысячу нежностей твоим дядям Ботмер. Я получил недавно длинное письмо от твоего брата Карла, который много говорит о тебе. Что касается двух других твоих братьев — Оттона и Альфреда, то ты встретишь их в Петербурге. Когда будешь писать в Веймар, не забудь сказать обо мне дяде Мальтицу и передать ему, что я чувствую себя по отношению к нему самым недостойным и самым мерзким человеком. Он мне писал два раза во время моего пребывания в Петербурге и не получил ответа из-за моей отвратительной лени, но видит Бог, что его письма, его память и дружба мне в высшей степени ценны и дороги. Надеюсь, однако, что вскоре мне удастся стряхнуть кошмар, тяготеющий над нашей перепиской.

Но прежде всего, милая Анна, не забудь передать мое почтение госпоже Дитрих и поблагодарить ее от моего имени за всю ее доброту к вам.

Я еще многое хотел бы сказать тебе, но все это может свестись к одному: я нежно люблю вас всех трех, горячо желаю вам успешного и счастливого путешествия и почту за особенное счастье увидеть вас в Петербурге здравыми и невредимыми. Тысячу и тысячу раз обнимаю тебя.

113. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

25 ноября 1845 г. Петербург

J'ai reçu votre lettre, chers papa et maman, l'avant-veille de ma fête et je vous remercie de vous en être souvenu. Hier nous avons célébré celle de maman, mais nous n'étions plus au grand complet. Les deux petites sont, Dieu merci, entrées à l'Institut mercredi dernier, le 21[1]. Tout me fait espérer qu'elles y seront bien. Elles ont été, au moins, accueillies avec beaucoup d'affection par tout le monde. La Directrice de l'Institut est une Madame *Леонтьева*[2] qui avait été placée pendant quelque temps auprès de Mad. la Grande-Duchesse Marie, et c'est encore cette circonstance qui l'a décidée en faveur de Смольный. L'inspectrice est une demoiselle Денисова[3] qui paraît être une excellente personne. Et dans la classe, où les petites sont entrées, le hasard a voulu qu'une des dames de classe fût Madame Pierling, la fille de Cartemont[4]. De là reconnaissance, satisfaction réciproque et générale, adoption et tout ce qui s'en suit.

Vous savez qu'une des deux petites, Kitty, a été placée aux frais de Msr le Gr<and>-Duc Héritier. Rien de plus aimable que la manière dont il m'a accordé cette faveur. Je lui avais écrit la veille pour l'en prier, et le lendemain il m'a fait répondre par son Grand-Maître Олсуфьев[5] que ma demande m'était accordée. Ici encore le hasard m'avait très bien servi. Il se trouve que cet excellent Олсуфьев qui, à ce qu'il m'a dit, était votre voisin de campagne, vous connaît et vous aime beaucoup et même il m'a chargé de le rappeler à votre souvenir. De plus il a beaucoup connu il y a 25 ans de cela feue ma femme, et je crois même qu'à cette époque il en a été un peu amoureux. J'ai revu le Grand-Duc il y a huit jours aujourd'hui à un bal qui s'est donné chez lui, à Царское, et je ne puis assez me louer de l'accueil que j'y ai reçu tant de lui que de sa femme qui est vraiment charmante. Il est impossible de voir des maîtres de maison plus aimables. Le bal s'est donné dans les grands appartements de l'Impératrice Catherine. Quant à la Gr<ande>-Duchesse Marie, elle est toujours la même, c'est-à-d<ire> Adorable. Lundi dernier j'ai passé la soirée chez elle avec trois à quatre personnes de son intimité. — Mais je m'aperçois

que je tombe dans le genre Северин et je m'arrête comme de raison tout court...

Merci, chers papa et maman, pour vos offres relativement à Anna. Mais pour le moment, c'est-à-d<ire> pour cet hiver, j'aime mieux la garder près de moi. Elle ne nous gêne en rien, et ses rapports avec ma femme sont tout à fait bien. En ce moment elle est à un bal de jeunes personnes de son âge avec la cousine Mouravieff que je ne puis assez remercier de l'amitié qu'elle n'a cessé de témoigner à mes enfants depuis leur arrivée. J'en suis pénétré. Aussi vous m'obligerez d'en dire un mot la première fois que vous écrirez à la tante Шереметев.

Quant à moi, j'aurais encore beaucoup de mots à vous dire, s'il ne fallait pas les écrire. — J'attends avec grande impatience l'arrivée de Dorothée et de son mari.

Перевод:

Я получил ваше письмо, любезнейшие папинька и маминька, накануне дня моего рождения и благодарю вас, что вы вспомнили о нем. Вчера мы праздновали именины маминьки, но уже не в полном составе. Благодарение Богу, обе девочки поступили в институт в прошлую среду, 21-го[1]. Все заставляет меня надеяться, что им будет там хорошо. По крайней мере, они были встречены всеми очень сердечно. Начальницей института госпожа *Леонтьева*[2], состоявшая некоторое время при великой княгине Марии Николаевне; это обстоятельство и побудило ее остановить свой выбор на Смольном. Инспектрисой госпожа Денисова[3], по-видимому, прекрасная особа. А в классе, куда поступили девочки, по счастливой случайности оказалось, что одна из классных дам госпожа *Пирлинг*, дочь Картемона[4]. Отсюда обоюдное признание, взаимное и всеобщее удовлетворение, принятие под свое покровительство и все, что из этого следует.

Вы знаете, что одна из девочек, Китти, помещена на стипендию великого князя наследника. Он самым любезным образом даровал мне эту милость. Накануне я написал ему прошение, а на другой день он приказал ответить мне через заведующего

своим двором Олсуфьева[5], что мое ходатайство удовлетворено. Здесь также случай оказал мне большую услугу. Дело в том, что этот милейший Олсуфьев, по его словам, ваш сосед по имению, знает вас, очень вас любит и даже поручил мне передать вам поклон. Сверх того, 25 лет тому назад он хорошо знал мою покойную жену и, мне сдается, был немножко влюблен в нее. Я свиделся с великим князем неделю тому назад на балу, данном им в Царском, и не могу достаточно нахвалиться приемом, который встретил как с его стороны, так и со стороны его жены, которая поистине прелестна. Более любезных хозяев не встретишь. Бал состоялся в больших покоях императрицы Екатерины. Что касается великой княгини Марии Николаевны, то она все та же, то есть по-прежнему восхитительна. В прошлый понедельник я провел у нее вечер с тремя или четырьмя из близких ей лиц. — Но я замечаю, что стал впадать в стиль Северина, — и, разумеется, обрываю на полуслове...

Благодарю вас, любезнейшие папинька и маминька, за ваши предложения касательно Анны, но в данный момент, то есть на эту зиму, я предпочитаю оставить ее при себе. Она ни в чем нас не стесняет, и ее отношения с моей женой вполне хороши. Сейчас она на балу для молодых людей ее возраста с двоюродной сестрой Муравьевой, которую я не знаю как и благодарить за приязнь, постоянно выказываемую ею детям со времени их приезда. Я глубоко этим растроган. Поэтому вы обязали бы меня, если бы сказали несколько слов по этому поводу, когда в следующий раз будете писать тетушке Шереметевой.

Что до меня, я мог бы сказать вам много слов, если бы не приходилось их писать. — С большим нетерпением ожидаю приезда Дашиньки и ее мужа.

114. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

26 декабря 1845 г. Петербург

С.-Петербург. 26-го декабря

Если бы не чудовищная лень моя и глупая непривычка писать по-русски, я бы давно, любезнейшая тетушка, завел с вами постоянную, бесконечную переписку. Много вы утеши-

ли нас, жену и меня, письмом вашим. Вы, надеюсь, не сомневаетесь в нашей к вам привязанности и признательности за ваше родственно-дружеское расположение. Жена в особенности поручила мне благодарить вас, что вы частичку этого уделили и на ее портрет, который и сам бы, вероятно, высказал вам тоже свою благодарность, если бы, при свидании с вами, удалось ему промолвить хоть одно словечко. Но по объясненной вами причине, это, хоть бы и не для портрета, при данных обстоятельствах была вещь невозможная, как мы теперь ежедневно и ежечасно в том удостоверяемся.

Вчера, в день праздника, мы все обедали у Палагеи Васильевны. Давно уж я сбираюсь, любезнейшая тетушка, попросить вас, чтобы вы и от себя поблагодарили Палагею В<асильевну> за всю ее любовь и ласку к моим иноземным дочерям. С их самого приезда в Россию она была для них чрезвычайно хороша, что меня гораздо более радует, нежели я сам ожидать мог от моей весьма умеренной родительской нежности. Вам, может быть, уже известно, что обе меньшие дочери помещены в здешнем Смольном институте, где, по-видимому, им очень хорошо. Многому они, я думаю, там не научатся, но об их учености я мало и забочусь. Главное для меня — это чтобы они как можно скорее привились к России. А для этого общественное воспитание есть, конечно, самое верное и надежное средство. Касательно же присмотра и обращения с ними можно также быть совершенно довольными. Их не только любят, но, по-моему, даже и балуют... Но я в этом не судья...

О брате Николае я, как оно и следует, с самой минуты его отъезда никакого известия не имею, а предполагаю, что он теперь в Риме... скучает. Когда же он намерен свою заграничную скуку променять на отечественную, не знаю и вероятно, что из переписки нашей этого скоро и не узнаю.

Мне приятно было слышать, что вы познакомились с Смирновой: умная и очень, очень любезная женщина. Но что же касается до ее несчастной участи, в этом я с вами не могу согласиться, так как я и с нею самою не соглашался... Об ее, как и о многих из нас, несчастии можно со всею справедливостию сказать, что оно *с грехом* пополам...

Вы, конечно, пожалели о Тургеневе. При всем его легкомыслии и пустословии в нем было много доброго, много души.

По делу Щепкина я, вопреки вашему необычайному и несправедливому предубеждению, тотчас же снесся с Григ<орием> В<асильевичем>, который вторым опекуном, — и не замедлил известить Палагею В<асильевну> об ответе.

Кончаю, любезнейшая тетушка, с чего бы начать следовало, т. е. поздравлениями с праздником, Н<овым> годом, и поручаю себя вашей любви и памяти.

115. НЕИЗВЕСТНОМУ

14 марта 1846 г. Петербург

Monsieur,

Voici en peu de mots la situation actuelle du jeune Péterson[1] dont j'ai eu l'honneur de vous entretenir ce matin. Ce jeune homme se trouve depuis plusieurs mois dans un état d'exaltation mentale très violente. Cette disposition d'esprit ayant empiré dans ces derniers temps, on avait essayé de le placer dans une maison de santé pour le soustraire au danger qu'un état d'entière liberté pouvait avoir pour lui. Les médecins qui l'ont visité dans cet établissement, après avoir constaté la nature de sa maladie, ont reconnu toutefois que le genre de folie dont il était atteint ne présentait pas un caractère de gravité, suffisant pour rendre la réclusion indispensable et que dès lors loin de lui être favorable elle ne pouvait qu'aggraver son état, en exaspérant l'humeur du malade. D'autre part il y avait plus d'un inconvénient à lui rendre une pleine et entière liberté d'action, surtout à Pétersbourg, où il savait plus difficile qu'ailleurs d'exercer sur lui une surveillance assez active.

Nous avons donc pensé que ce qu'il y avait de mieux à faire dans la situation donnée, c'était de le faire conduire à Riga où il pourrait être confié aux soins de son oncle, le Comte Bothmer[2], établi dans les environs de cette ville, ainsi qu'à ceux de son tuteur Monsieur Hay[3]. Il trouverait auprès d'eux ce qu'il serait si

difficile de lui procurer ici, c'est-à-dire une liberté suffisante jointe à une continuelle surveillance — double condition jugée également indispensable par les médecins au rétablissement du malade.

Je prends en conséquence la liberté, Monsieur, de m'adresser à la bienveillance éprouvée de Votre Excellence, pour lui demander ses bons offices auprès de Monseigneur le Grand-Duc Héritier à l'effort d'obtenir au jeune Péterson un congé tel que sa triste situation le réclame. Je n'ose rien préciser à cet égard, mais je ne puis m'empêcher d'exprimer le vœu que ce congé que je sollicite pour lui, tout en lui laissant la latitude nécessaire pour sa guérison, ne soit pas de nature à compromettre l'avenir de son service. De plus, comme dans l'état de santé où il se trouve, il serait impossible de lui laisser entreprendre à lui tout seul le voyage de Pétersbourg à Riga, il serait fort à désirer que son frère cadet, officier de marine comme lui, obtint la permission de l'accompagner jusqu'au terme de son voyage.

Je ne vous dissimulerai pas, Monsieur, que d'après l'avis des médecins l'état du malade exigerait que son départ put s'effectuer le plus tôt possible.

Je place avec confiance toute cette affaire entre les mains de Votre Excellence, persuadé d'ailleurs, comme j'ai toute raison de l'être, qu'une aussi triste situation que celle dont je viens de vous entretenir a des droits acquis à l'intérêt si généreux et toujours si accessible de Son Altesse Impériale.

Agréez, Monsieur, l'assurance bien sincère de ma haute considération ainsi que celle de mon entier dévouement.

St-Pétersbourg, le 14 mars 1846

Ti Tutchef

Перевод:

Милостивый государь,

Вот в нескольких словах нынешнее положение молодого Петерсона[1], о котором я имел честь говорить с вами сегодня утром. В продолжение нескольких месяцев этот молодой человек находится в состоянии очень сильного умственного

возбуждения. С ухудшением за последнее время этого душевного состояния была сделана попытка поместить его в лечебницу для душевнобольных, поскольку пребывание на полной свободе становилось для него опасным. Врачи, осмотревшие его в этом учреждении, определив природу болезни, сочли все же, что род безумия, которым он поражен, не носит настолько серьезного характера, чтобы сделать изоляцию необходимой, и что отныне она не только неблагоприятна для больного, но может даже ухудшить его состояние и усилить его раздражительность. С другой стороны, есть немало препятствий к тому, чтобы предоставить ему полную и всецелую свободу, особенно в Петербурге, где было бы труднее, чем где-либо, иметь над ним достаточно бдительный надзор.

Тогда мы решили, что самое лучшее в нынешнем положении — препроводить его в Ригу, где он может быть поручен попечению его дяди графа Ботмера[2], живущего в окрестностях этого города, а также заботам его опекуна господина Гея[3]. У них он нашел бы то, что так трудно будет предоставить ему здесь, то есть достаточную свободу, соединенную с постоянным надзором, — двойное условие, полагаемое равно необходимым врачами того учреждения, где находится больной.

Вследствие этого я беру на себя, милостивый государь, смелость обратиться к испытанной благожелательности вашего превосходительства, чтобы просить вашего благосклонного ходатайства перед великим князем наследником о получении для молодого Петерсона такого отпуска, какого требует его печальное положение. Не смею ничего уточнять на этот счет, но не могу не выразить пожелания, чтобы отпуск, который я для него испрашиваю, предоставив ему достаточно продолжительное время, необходимое для его выздоровления, не был такого рода, чтобы мог повредить его будущей службе. Более того, поскольку в том состоянии здоровья, в котором он находится, было бы невозможно позволить ему совершить совсем одному путешествие из Петербурга в Ригу, было бы очень желательно, чтобы его младший брат, как и он — морской офицер, получил бы разрешение сопровождать его до конца его путешествия.

Не скрою от вас, милостивый государь, что, по мнению врачей, состояние больного требует, чтобы отъезд состоялся как можно скорее.

С доверием отдаю все это дело в руки вашего превосходительства, уверенный к тому же — поскольку у меня есть к тому все основания, — что столь печальное положение, о котором я только что вам рассказал, имеет законные права на великодушное и всегда такое отзывчивое участие его императорского высочества.

Примите, милостивый государь, искреннейшее уверение в моем высоком уважении и полной преданности.

С.-Петербург, 14 марта 1846

Ф. Тютчев

116. А. С. МЕНШИКОВУ

16 апреля 1846 г. Петербург

Mon Prince,

L'intérêt que Votre Altesse a bien voulu prendre à la déplorable situation du jeune Othon de Péterson justifiera, j'espère, à ses yeux la liberté que je prends de m'adresser à elle dans l'intérêt de ce jeune homme.

Je viens d'avoir la nouvelle qu'à son arrivée à Riga il a été décidé par les personnes de sa famille qui s'y trouvent réunies, que le malade serait conduit à Prague pour y être placé dans une maison de santé, et c'est son frère aîné Charles de Péterson, employé actuellement à notre consulat de Danzig qui sera chargé du soin de l'y accompagner. On m'écrit en conséquence de Riga pour m'engager à supplier Votre Altesse de vouloir bien donner l'autorisation nécessaire pour la sortie du pays d'Othon de Péterson, et je ne vous dissimulerais pas, mon Prince, qu'il serait urgent que cette autorisation lui parvint sans retard, attendu que son frère Charles qui doit aller le chercher à Riga, et qui est la seule personne de sa famille qui puisse se charger de ce soin, ne dispose que d'un temps très limité, à cause de son service, pour s'acquitter de cette triste mission.

Je n'ai pas osé, mon Prince, solliciter la faveur d'une audience particulière, n'ayant pas l'honneur d'être personnellement connu

de Votre Altesse, mais ce que je sais de la bienveillante générosité de son caractère, joint à la triste circonstance qui motive ma démarche auprès d'elle, me fait espérer qu'elle voudra bien ne pas la trouver indiscrète et qu'elle acueillera avec bonté la demande que je lui adresse.

Je suis avec un profond respect,
mon Prince,
de Votre Altesse
le très humble et très
obéissant serviteur
Ti Tutchef

St-Pétersbourg
Ce 16 avril 1846

Перевод:

Милостивый государь князь,

Участие, которое ваша светлость пожелали принять в прискорбном положении молодого Оттона Петерсона, оправдает, я надеюсь, в ваших глазах смелость, какую я беру на себя, обращаясь к вам в интересах этого молодого человека.

Я только что получил известие, что по прибытии его в Ригу члены его семьи, находящиеся там в сборе, решили, что больного следует отправить в Прагу с тем, чтобы там поместить его в психиатрическую лечебницу, и сопровождать его будет старший брат Карл Петерсон, служащий в настоящее время в нашем данцигском консульстве. Вследствие этого мне пишут из Риги, чтобы я умолял вашу светлость приказать дать необходимое разрешение на выезд из России молодого Петерсона, и я, князь, не скрою от вас, что было бы важно, чтобы это разрешение было дано ему без промедления, поскольку его брат Карл, который должен поехать за ним в Ригу и который единственный в семье может взять на себя эту заботу, располагает только очень ограниченным, по причине своей службы, временем, чтобы заняться этой печальной миссией.

Я не посмел, милостивый государь князь, добиваться особого приема, не имея чести быть лично известным вашей светлости, но то, что я знаю о доброжелательном великодушии вашего характера, в соединении с печальным обстоятельством, объясняющим мое ходатайство перед вами, заставляет меня надеяться, что вы не найдете его нескромным и что вы с добрым расположением примете просьбу, которую я к вам обращаю.

Пребываю, милостивый государь князь,
с глубоким уважением
вашей светлости
нижайший и покорнейший слуга
Ф. Тютчев

С.-Петербург
16 апреля 1846

117. П. В. МУРАВЬЕВОЙ

Май 1846 г. Петербург

St-Pétersbourg

Merci, grand merci, ma chère cousine, d'avoir songé à m'envoyer la lettre de ma mère[1]. Je n'ai pas besoin de vous dire quelle triste et chère consolation cette lettre m'a fait éprouver... Que de douleur et de résignation il y a là-dedans... On a beau dire, il y a une énergie de l'âme qu'elle ne tire pas d'elle-même. Le sentiment chrétien peut seul la lui communiquer...

J'avais certainement bien des raisons de prévoir comme prochaine la perte que nous venons de faire, et depuis plusieurs années, à chacune de nos séparations, je ne pouvais me défendre d'un triste pressentiment... et cependant jusqu'à présent encore je ne puis m'habituer à l'idée qu'il n'est plus parmi nous, que nos adieux de Moscou ont été des adieux éternels... Peu d'hommes, je le sais, conservent leurs parents jusqu'à l'âge où nous sommes arrivés — et cependant il y a dans le premier moment de cette perte, à quelqu'âge qu'on la subisse, un sentiment tout particulier d'abandon et de délaissement. On se sent vieilli de vingt ans, car on sent qu'on a avancé de toute une génération vers le terme fatal... Je suis très impatient d'avoir par les Сушков[2] les détails que

me manquent. Sa mort paraît avoir été aussi douce que sa vie avait été bonne et aimante. C'était une nature excellente parmi les meilleures, une âme bénie du Ciel... Ce sera sans doute un éternel sujet de regret pour moi et pour nous tous qu'aucun de ses enfants ne se fût trouvé présent à ses derniers moments. Mais j'ai vu avec bonheur par la lettre de ma mère ce que d'ailleurs il était si facile de prévoir, c'est que tous ceux qui l'entouraient l'ont pleuré comme on pleure son père... J'en ai eu ici un petit échantillon par *Лукьян*[3] que j'ai vu pleurer à chaudes larmes, en apprenant la nouvelle... Quant à moi, je n'aurais pas cru possible qu'à la réception d'une pareille nouvelle j'eusse hésité un instant d'aller rejoindre ma mère. Et cependant les circonstances se sont combinées de manière à me rendre dans ce moment-ci le départ tout à fait impossible. J'ai calculé que quelque diligence que j'eusse faite, je n'aurais guères eu que le temps d'y aller et de repartir aussitôt, pour être de retour ici pour le moment des couches de ma femme...[4] C'est une contrariété qui m'a été sensible plus que je ne puis le dire... Une chose bien contrariante aussi, c'est l'ignorance complète où nous sommes de ce que devient mon frère Nicolas[5].

Adieu, ma chère cousine. Encore une fois merci de votre intérêt et de votre amitié. — Mes hommages les plus affectueux à ma tante Над<ежда> Н<иколаевна>[6] que je suis désolé de savoir souffrante. Ma femme vous dit mille tendresses.

T. Tutchef

Перевод:

С.-Петербург

Спасибо, большое спасибо, любезная кузина, за то, что вы позаботились послать мне письмо моей маминьки[1]. Мне нет надобности говорить вам, сколь драгоценным и вместе с тем печальным утешением было для меня это письмо... Сколько в нем скорби и смирения... Что ни говори, в душе есть сила, которая не от нее самой исходит. Лишь христианское чувство может сообщить ей эту силу...

Конечно, у меня было много причин предвидеть в недалеком будущем ту утрату, которую мы только что понесли, и

уже несколько лет при каждой нашей разлуке я не мог освободиться от грустного предчувствия... и, однако, даже посейчас я не могу привыкнуть к мысли, что его нет более среди нас, что наше прощание в Москве было прощанием навеки... Я знаю, лишь немногие сохраняют своих родителей до того возраста, коего достигли мы, — и все же в первую минуту этой утраты, независимо от возраста, в котором она настигает нас, испытываешь совсем особое чувство покинутости и беспомощности. Ощущаешь себя постаревшим на двадцать лет, ибо сознаешь, что на целое поколение приблизился к роковому пределу... С нетерпением жду от Сушковых[2] подробностей, которые мне неизвестны. По-видимому, смерть его была столь же спокойной, сколь благостной и любвеобильной была его жизнь. Это была натура лучшая из лучших, душа, которую благословило Небо... Без сомнения, и я, и все мы будем вечно сожалеть, что никто из его детей не присутствовал при его последних минутах. Но я с отрадой узнал из письма маминьки то, что, впрочем, легко было предугадать, — что все, кто его окружали, оплакивали его так, как оплакивают родного отца... Здесь я убедился в этом на примере *Лукъяна*[3], который залился горючими слезами, известившись о случившемся... Что до меня, я бы не поверил, что при получении подобного известия мог бы хоть мгновение колебаться, ехать ли мне к маминьке. И, однако, обстоятельства сложились так, что в ту минуту отъезд был для меня совершенно немыслим. Я рассчитал, что как бы я ни торопился, я должен был бы, едва примчавшись, тотчас пуститься в обратный путь, дабы вернуться сюда к родам жены...[4] Не могу выразить, как расстроила меня эта незадача... Весьма неприятно также полное неведение, в коем мы находимся касательно моего брата Николая[5].

Простите, любезная кузина. Еще раз благодарю вас за ваше участие и дружбу. — Засвидетельствуйте мое самое глубокое почтение тетушке Надежде Николаевне[6], о болезни коей я весьма сожалею. Жена поручает передать вам самый сердечный привет.

Ф. Тютчев

118. Е. Л. ТЮТЧЕВОЙ

Начало мая 1846 г. Петербург

С.-Петербург

Dieu veuille permettre, chère maman, que cette lettre, quand elle vous parviendra, vous trouve un peu remise et soulagée... Je n'ai pas de mots pour vous dire ce que j'ai éprouvé... Depuis quatre jours que je sais la nouvelle, je ne puis pas relire le terrible billet que vous avez écrit à Dorothée, que vous devez avoir écrit dans le moment même... Sans éprouver le même serrement de cœur que la première fois... Dix fois par jour le souvenir de ce qui est arrivé me réveille comme en sursaut... C'était là un terrible coup... Cette lettre que j'écris en ce moment, il ne la lira plus...

Ce n'est pas à moi dans l'état d'esprit où je suis à vous offrir des consolations. Ce n'est que de vous, de votre présence que je pourrais en recevoir. Ma seconde pensée, en apprenant la nouvelle, c'était celle de mes torts envers lui. Que d'occasions négligées pour lui donner les preuves d'affection qu'il appréciait tant. Lui qui était tout bonté et tout affection... C'est là une cruelle pensée et je sens que ce n'est qu'auprès de vous que je pourrais trouver à me rassurer un peu...

Que de fois ne m'a-t-il pas dit et écrit, en se plaignant de ma paresse à lui donner de mes nouvelles, que je n'avais plus pour longtemps à lui écrire et que je regrettai un jour de ne l'avoir pas fait plus souvent. Il avait bien raison. Je ne le sens que trop. Cela n'est une affreuse pensée que de me dire que plus d'une fois j'ai dû lui paraître ingrat. — Je repasse sans cesse dans ma pensée les derniers adieux, les tous derniers moments que nous avons passés ensemble dans cette voiture dans laquelle il m'avait conduit jusqu'au-delà des portes de la ville...[1] Il était si bon, si calme et si serein... et tant d'autres souvenirs de mon dernier séjour auprès de vous. Toute cette bonté, toute cette affection inépuisable et qui se contentait de si peu de chose, qui était si peu exigente...

Maintenant je n'ai qu'un désir. C'est de vous revoir le plutôt qu'il se pourra et d'avoir par vous des détails sur ses derniers instants. Par le peu que j'en sais, j'ai la consolation de penser que sa fin a dû être exempté de souffrance et qu'il a peu senti les

angoisses du dernier moment. — Mais vous, pauvre, chère maman, dans quel état vous deviez être dans ce moment-là... Je sais par expérience ce que c'est que d'être seul auprès du lit d'un mourant qui vous est cher... Mais *vous*, je me le dis avec bonheur, vous aviez pour vous soutenir votre inébranlable foi en Dieu — et ce divin secours ne vous aura pas manqué dans cette terrible épreuve... Je ne le sens que trop bien. Ce n'est que de là que peut venir toute force et toute résignation.

D'après mon calcul, Dorothée et son mari doivent vous avoir rejoint depuis un jour ou deux. Je voudrais bien en avoir la certitude... C'est donc huit à dix jours que vous serez restée toute seule... Cette idée m'est pénible plus que je ne puis le dire. Car j'ai cru comprendre que même Pauline Tutchef[2] vous avait quitté le jour d'avant. Tout ceci est bien cruel. Mais je me dis, je me répète qu'à l'heure qu'il est vous devez avoir certainement revu Dorothée et que son arrivée vous aura fait éprouver un premier moment de consolation et de soulagement... Quant à Nicolas, s'il a suivi son premier projet qui était de revenir directement à Ovstoug, il est probable que lui aussi ne tardera pas à vous arriver[3]. Je n'ose penser à tout ce qu'il y aura d'amer dans la douleur qu'il éprouvera...

Je sens, chère maman, que j'aurais dû vous écrire tout autrement. Cette lettre ne saurait vous faire du bien. Mais il faudrait pour cela être plus maître de ses nerfs que je ne le suis. Je vous écrirai mieux et plus en détail dès que j'aurai recouvré un peu plus de calme... Dans ce moment-ci laissez-moi vous dire seulement une chose: c'est que tout ce que je suis et tout ce que j'ai, est à vous... Mais qu'est-il besoin de pareilles assurances. Je vous baise mille fois les mains et vous demande votre bénédiction pour moi et les miens.

Перевод:

С.-Петербург

Дай Бог, любезнейшая маминька, чтобы это письмо, когда оно дойдет до вас, застало вас несколько оправившейся и успокоенной... У меня нет слов сказать вам, что я почувство-

вал... С тех пор, как четыре дня тому назад я известился о случившемся, я не могу перечитывать ту ужасную записку, что вы написали Дашиньке и которую вы должны были написать в ту самую минуту... без того, чтобы не испытывать такое же сердечное стеснение, как и в первый раз... Десять раз на день воспоминание о том, что совершилось, заставляет меня вздрагивать, как при внезапном пробуждении. То был ужасный удар... Он уже не прочтет письма, что я пишу сейчас...

В том душевном состоянии, в коем я нахожусь, не мне предлагать вам утешения. Получить их я мог бы только от вас, от вашего присутствия. Второй моей мыслью при известии о его смерти было сознание того, как я бывал виноват перед ним. Сколько было упущено случаев доказать ему мою привязанность, которую он так ценил, — он, бывший воплощением доброты и любви... Вот это горькая мысль, и я чувствую, что лишь около вас смогу найти некоторое успокоение...

Сколько раз он и говорил и писал мне, сетуя на меня за то, что я ленился извещать его о себе, что мне уж недолго придется писать ему и когда-нибудь я пожалею о том, что не делал этого чаще. Он был вполне прав. Я глубоко это чувствую. Сознание, что я не раз должен был казаться ему неблагодарным, для меня ужасно. Я беспрестанно переношусь мыслью к нашему последнему прощанью, к тем самым последним минутам, что мы провели вместе в карете, в которой он провожал меня за городские ворота...[1] Он был так добр, так спокоен и так ясен... и столько других воспоминаний о моем последнем пребывании у вас... вся эта доброта, вся эта неистощимая любовь, довольствовавшаяся столь малым, столь нетребовательная...

Теперь у меня лишь одно желание. Это возможно скорее свидеться с вами и узнать от вас подробности о его последних мгновениях. Из того немногого, что мне известно, я имею утешение предполагать, что его кончина была безболезненна и что он мало ощущал томления последней минуты. — Но вы, бедная любезнейшая маминька, в каком состоянии должны были находиться вы в эту минуту... Я на опыте уверился, что

значит остаться одному у постели умирающего, который нам дорог... Но *вы*, я счастлив, что могу сказать себе это, вы имели поддержку в вашей неколебимой вере в Бога, — и эта божественная помощь не могла изменить вам в столь страшном испытании... Я хорошо сознаю это. Лишь там источник всяческой силы и всяческой покорности.

По моим расчетам, Дашинька и ее муж должны были приехать к вам день или два тому назад. Очень желал бы в этом увериться... Следственно, вы оставались совсем одна восемь или десять дней... Не могу выразить, как тяжела мне эта мысль. Ибо, сколько я понял, даже Полина Тютчева[2] уехала от вас накануне. Все это весьма жестоко. Но я говорю себе, я себе повторяю, что сейчас вы наверное свиделись с Дашинькой и что ее приезд доставил вам первый миг утешения и облегчения... Что касается Николушки, то, если он последовал своему первоначальному намерению прямо вернуться в Овстуг, возможно, что и он тоже не замедлит к вам приехать[3]. Не решаюсь думать о том, сколько горечи будет в его скорби...

Я чувствую, любезнейшая маминька, что должен был бы писать вам совсем иначе. Это письмо не сможет принести вам облегчения, но для того надобно было бы лучше владеть нервами, чем владею ими я. Напишу вам более связно и более подробно, как только несколько успокоюсь. Теперь же позвольте мне сказать вам одно: и я, и все, что я имею, — принадлежит вам... но к чему подобные уверения? Тысячу раз целую ваши ручки и прошу вашего благословения для меня и моих.

119. Е. Л. ТЮТЧЕВОЙ

Май 1846 г. Петербург

Votre dernière lettre, chère maman, nous a un peu tranquillisé sur votre compte, et cependant il y a en vous une telle habitude de vous dévouer et de vous renier pour les autres que j'ose à peine me fier à cette apparence de calme. Ce qui me rassure encore le mieux, c'est ce sentiment de résignation chrétienne qui est aussi vivant et aussi profond en vous que c'est en vous la faculté d'aimer et de souffrir... Ce qui me rassure aussi, c'est la présence

de Dorothée, j'ai respiré plus librement, en apprenant qu'elle vous avait rejoint. Je m'imagine ce qui doit être cette entrevue...

Chère maman, ai-je besoin de vous dire, si je me sens malheureux de n'être pas en ce moment auprès de vous... Cela a été sans contredit une des plus grandes contrariétés de ma vie... A quelle époque et dans quelle circonstance puis-je espérer que mon affection vous sera bonne à quelque chose, puisqu'elle vous a manqué dans un pareil moment... Je sais bien que vous vous me le pardonnez, mais cette fois toute votre bonté ne me console pas... Il ne fallait pas moins, il est vrai, pour me faire renoncer à partir sur-le-champ, que la certitude où j'étais qu'il m'aurait été impossible de revenir à temps ici pour les couches de ma femme, à moins de me résigner de ne passer auprès de vous que quelques jours seulement... et un aussi court séjour, empoisonné par toute sorte d'inquiétudes, n'aurait pu faire du bien ni à vous, ni à moi. Même, en me trouvant sur les lieux, je ne puis, je vous l'avoue, me défendre de la plus pénible anxiété à l'approche du moment décisif. J'ai beau me dire tout ce que je puis raisonnablement trouver de rassurant. Mais parfois elle se sent si faible, si souffrante, les accidents possibles sont si fréquents, tout est tellement chanceux et inquiétant — et mes nerfs, d'ailleurs, sont si disposés à prendre l'alarme, que je ne vis plus que d'inquiétude et d'appréhension...

C'est dans la première quinzaine de juin que j'attends sa délivrance. Ce sera un rude moment. Que le Ciel nous soit en aide...

Enfin j'ai reçu aujourd'hui des nouvelles de mon frère. Il vient d'arriver à Dresde, où il s'est arrivé pour faire une cure de soufre, comme celle qu'il a faite il y a trois ans à Vienne. Le pauvre garçon ne savait rien encore de notre malheur, mais on voit dans sa lettre qu'il en avait le pressentiment le plus positif et le plus certain. Je n'ai jamais rien vu de semblable. Je ne vous envoie pas sa lettre, parce qu'elle vous ferait trop de peine. Il ne me parle que de ses craintes et de l'appréhension, où il est, de recevoir de mauvaises nouvelles...

Tout cela, outre le chagrin que cela me cause, me jette dans de grandes perplexités. Bien que la cure qu'il a commencé aurait fort

bien pu, d'après ce qu'il dit lui-même, être ajournée jusqu'après son arrivée en Russie — mais puisqu'il l'a commencé, je ne voudrais pas l'interrompre. Or, sitôt qu'il serait informé de notre malheur, il ne manquerait pas de tout quitter pour revenir au plus vite, et une aussi brusque interruption pourrait faire du mal à sa santé. Il vaudrait beaucoup mieux pour mille raisons qu'il n'apprit la triste nouvelle qu'à son retour parmi nous... Quinze jours de retard ne feraient pas une différence sensible. J'espère aussi que vu l'époque, où il viendra ici, je serai à même de m'absenter de Pétersbourg, et nous pourrions faire le voyage ensemble, pour aller vous rejoindre. Il est bien entendu que je m'arrangerai de manière à passer auprès de vous, chère maman, plus de temps qu'il me sera possible et peut-être même réussirai-je à arranger les choses de manière à passer tout l'hiver prochain à Moscou.

Je prévois que l'état de nos affaires réclamera de quelque parti décisif à prendre et que tout ceci nécessitera un séjour de plusieurs mois, à portée les uns des autres... Mais en attendant, que Dieu veille sur vous, chère maman, vous protège de Sa miséricorde et vous conserve à vos enfants...

Mes amitiés les plus tendres à Dorothée et à son mari.

T. T.

Перевод:

Ваше последнее письмо, любезнейшая маминька, несколько успокоило нас на ваш счет, и однако вы так привыкли жертвовать собой и забывать себя для других, что я едва смею поверить в то, что все благополучно. Что меня несколько подбадривает, это чувство христианского смирения, которое в вас столь же сильно и глубоко, сколь ваша способность любить и страдать... Успокаивает меня также и присутствие с вами Дашиньки. Я вздохнул свободнее, узнав, что она с вами. Представляю себе, каким было это свидание!..

Любезнейшая маминька, надо ли мне говорить вам, сколь я чувствую себя несчастным, что сейчас не с вами... Это, без сомнения, одно из самых досадных обстоятельств в моей жизни... Когда и в каком случае могу я надеяться на то, что

моя любовь будет сколько-нибудь полезной вам, раз она не поддержала вас в подобную минуту... Я хорошо знаю, что вы меня прощаете, но в этом случае даже ваша доброта не утешает меня... Правда, заставить меня отказаться от мысли тотчас же выехать к вам могло лишь соображение, что я никак не поспел бы вернуться сюда к родам жены, разве только если бы я покорился необходимости провести с вами всего несколько дней... а столь короткое посещение, отравленное всякого рода волнениями, не было бы полезным ни вам, ни мне. Признаюсь вам, что, даже находясь здесь, я не могу отделаться от самого тягостного, томительного чувства при приближении решительного момента. Хоть я и говорю себе все, чем можно разумно ободрить себя, но порой она ощущает такую слабость, такое недомогание, несчастные случайности столь часты, все так сомнительно и тревожно, а мои нервы к тому же так легко поддаются беспокойству, что меня постоянно терзают тревога и опасения...

Она должна разрешиться в первой половине июня. Это будет тяжелое время. Да поможет нам Бог...

Сегодня наконец я получил известия от брата. Он только что прибыл в Дрезден, где остановился, чтобы провести курс лечения серой, как три года тому назад в Вене. Бедняга еще ничего не знал о нашем несчастье, но из его письма видно, что у него было самое определенное и ясное предчувствие. Я никогда не видывал ничего похожего на это. Не пересылаю вам его письма, ибо оно чересчур расстроило бы вас. Он только и говорит мне, что о своих страхах и опасениях получить плохие известия...

Все это, помимо огорчения, приводит меня в большое замешательство. По его словам, предпринятое им лечение вполне можно было бы отложить до возвращения в Россию, — однако, раз уж оно начато, я не хотел бы его прерывать. А как только он узнает о нашем несчастье, он не преминет все бросить, чтобы вернуться возможно скорее, и как бы то, что он так внезапно прервет лечение, не повредило его здоровью. По многим причинам было бы гораздо лучше, если бы он узнал печальную новость лишь по возвращении к нам...

Двухнедельная отсрочка ничего существенно не изменит. Я надеюсь также, что ко времени его приезда буду в состоянии отлучиться из Петербурга и мы сможем вместе приехать к вам. Само собою разумеется, я устроюсь так, чтобы прожить с вами возможно дольше, быть может мне удастся, любезнейшая маминька, и всю будущую зиму провести в Москве.

Я предвижу, что положение наших дел потребует от нас принятия каких-либо решительных мер, а все это вызовет необходимость несколько месяцев находиться поблизости друг к другу... Пока же храни вас Господь, любезнейшая маминька, огради он вас Своим милосердием и сохрани вас для ваших детей...

Мой самый сердечный привет Дашиньке и ее мужу.

Ф. Т.

120. Е. Л. ТЮТЧЕВОЙ и Д. И. СУШКОВОЙ

30 мая 1846 г. Петербург

St-Pétersbourg. Jeudi. 30 mai 1846

J'adresse cette lettre à Ovstoug dans l'espoir, chère maman, qu'elle vous y trouvera encore. Aujourd'hui vers les 4 h<eures> de l'après-midi ma femme est heureusement accouchée d'un garçon. Puisse cette nouvelle, chère et bonne maman, vous faire éprouver quelque consolation au milieu de vos peines. — Jusqu'à présent tout est allé de la manière la plus satisfaisante. Puisse la bonté Divine nous protéger jusqu'au bout. — Cette fois elle aussi, bien que moi, nous désirions vivement un garçon, et je n'ai pas besoin de vous en dire la raison.

Il y a eu 37 jours aujourd'hui que celui qui devait être son parrain nous a quittés... Mais qu'il nous soit permis d'espérer et de croire qu'il daignera l'être dans le Ciel, comme il voulait l'être ici-bas... Et c'est vous, n'est-ce pas, qui serez sa marraine, chère maman...

La délivrance a eu lieu beaucoup plus tôt qu'elle ne l'avait supposé. Ce matin elle se disposait à écrire à Dorothée, lorsque les douleurs ont commencé, et ce n'est qu'au tout dernier moment qu'elle a consenti à faire chercher sa sage-femme. C'est

moi alors qui pour ma satisfaction personnelle lui ai adjoint un accoucheur...

Chère maman, si cette lettre vous trouve encore à Ovstoug, ce sera au moment même, où vous le quitterez. Croyez bien que depuis longtemps je partage avec vous toute l'amertume de ces derniers instants. J'ose à peine vous en parler. Mais ma pensée ne vous quitte pas... Ce me sera un grand soulagement que de vous savoir à Moscou... Et vous, ma chère Dorothée, que je vous remercie, au nom de ma femme, de la lettre que vous lui avez écrite et des détails qu'elle contient. J'ai eu de la peine à empêcher Nesty de vous écrire au moment même, où l'on était occupé à faire sa toilette d'accouchée... Jusqu'à présent dans aucune de mes lettres je ne vous ai parlé de Pauline Tutchef, ne sachant pas, si elle était avec vous. Mais d'après les nouvelles que vous m'en donnez je vous supplie, ma bonne amie, de lui dire de ma part tout ce que votre cœur vous suggéra. Dites-lui bien que l'affection qu'elle avait trouvé dans notre père, elle ne cessera de la trouver dans aucun de ses enfants et que quelque soit le parti qu'elle prenne, elle trouvera dans mon frère aussi bien que dans moi la plus vive et la plus sincère sollicitude pour son sort.

Мне бы хотелось также, Дашинька, чтобы ты сказала от меня доброму Василию[1], что я очень знаю и живо чувствую, чем папинька был для него и чем он был для папиньки... Я помню очень папинькины слова про него в последние дни нашего свидания в Москве, и хотя до сих пор Василий и я, мы мало друг друга знаем, но он, конечно, не сумневается, что тот, кто, как он, любил покойного отца с сыновнею нежностью, найдет во мне и в брате самую родственную дружбу.

Adieu, chère amie. Mes plus tendres amitiés à votre excellent mari.

Je baise les mains à maman...

Перевод:

С.-Петербург. Четверг. 30 мая 1846

Адресую это письмо в Овстуг, любезная маминька, в надежде, что оно застанет еще вас там. Сегодня в 4 часа попо-

лудни моя жена благополучно разрешилась мальчиком. Дай Бог, чтобы это известие, милая, добрая маминька, хоть немного утешило вас в вашем горе. — До сих пор все шло самым благополучным образом. Пусть милость Божия не оставит нас до конца. — В этот раз мы оба горячо желали мальчика и нет нужды объяснять вам, почему. Сегодня исполнилось 37 дней с того времени, как тот, кто должен был стать его крестным отцом, покинул нас... Но мы смеем надеяться и верить, что он станет его заступником там, на небесах, как он желал быть им здесь, на земле... А вы, любезная маминька, конечно, не откажетесь стать крестной матерью...

Роды прошли гораздо раньше, чем она предполагала. Сегодня утром она собралась писать Дашиньке, но начались схватки, и только в самую последнюю минуту она согласилась послать за акушеркой. И к моему великому удовлетворению, я принял на себя роль помощника акушерки...

Любезная маминька, если это письмо еще застанет вас в Овстуге, то перед самым отъездом. Поверьте, что все это время я разделяю с вами все горе последних минут. Я едва осмеливаюсь писать вам это. Но мысль моя не покидает вас... Для меня будет большим утешением знать, что вы в Москве... А тебя, милая Дашинька, я благодарю от имени жены за твое письмо к ней и за все сообщенные подробности. Я с трудом помешал Нести писать к тебе в те самые минуты, когда ее начали готовить к родам... До сих пор ни в одном из моих писем я не говорил тебе о Полине Тютчевой, потому что не знал, с вами ли она. Но теперь, после того, что ты мне сообщила, умоляю тебя, любезный друг, скажи ей от меня все то, что подскажет твое сердце. Скажи, что привязанность, какую питал к ней наш отец, она найдет неизменной во всех его детях, и какое бы она ни приняла решение, она найдет и во мне и в брате самое искреннее участие к ее судьбе.

Мне бы хотелось также, Дашинька, чтобы ты сказала от меня доброму Василию[1], что я очень знаю и живо чувствую, чем папинька был для него и чем он был для папиньки... Я помню очень папинькины слова про него в последние дни нашего свидания в Москве, и хотя до сих пор Василий и я, мы мало друг друга знаем, но он, конечно, не сумневается, что

тот, кто, как он, любил покойного отца с сыновнею нежностью, найдет во мне и в брате самую родственную дружбу.

Прощай, любезный друг. Мой дружеский поклон твоему бесценному мужу.

Целую ручки у маминьки...

121. Е. Л. ТЮТЧЕВОЙ

26 июня 1846 г. Петербург

A maman

Si j'ai voulu, chère maman, vous laisser ignorer la lettre de Nicolas[1], c'est que j'avais bien prévu qu'elle vous causerait des inquiétudes tout à fait inutiles. Les nouvelles que me donne Stieglitz[2] relativement à sa santé, sont des plus rassurantes, et je m'attends d'un jour à l'autre à le voir arriver parmi nous. Je n'ai pas besoin de vous dire que je n'attends que son arrivée pour aller vous rejoindre à Moscou. Cela m'est une grande consolation que de vous y savoir. Le séjour d'Ovstoug ne pouvait à la longue vous convenir, quelque pénible et profondément douloureux qu'ait été le moment du départ.

Remerciez, je vous prie, Dorothée de la promptitude toute aimable qu'elle a mise à nous envoyer l'argent. Je ne manquerai pas d'écrire sans retard à Василий pour l'engager à lui restituer la somme qu'elle vient de nous avancer et je lui enverrai aussi quittance de l'argent que je lui demande. C'est avec la plus grande répugnance que je me vois obligé d'en dépenser une part beaucoup trop considérable pour compléter la bêtise de mon équipement[3]. Mais il n'y avait pas moyen de s'y soustraire. Comme les fêtes dureront plusieurs jours, je logerai à la campagne de la Gr<ande>-Duchesse Marie chez son Grand-Maître, le Comte M. Wielhorsky qui a eu l'amabilité de m'offrir un gîte[4].

Hier j'ai conduit Anna et Mad. Dugaillon[5] à Pétersb<ourg>. C'était hier le jour des fiançailles, et le temps était magnifique. Depuis quelques jours nous avons le plus magnifique temps du monde.

Vous savez que Mad. Dugaillon nous quitte, bien à contrecœur toutefois. Nous la regrettons aussi, d'autant plus que je sais

par expérience la difficulté qu'il y a de trouver à remplacer une gouvernante dont on est satisfait.

Anna me charge de baiser bien tendrement vos mains et de vous remercier de ce que vous voulez bien lui faire dire par moi. Elle aussi a une très grande envie d'aller vous rejoindre. Vous trouverez en elle un naturel très affectueux et très aimant — et un cœur qui vous est déjà tout dévoué. C'est pour elle surtout que je désire Moscou[6].

La santé de ma femme, Dieu merci, s'est remise cette fois beaucoup plus vite que je n'osais l'espérer. C'est grâce, en grande partie, au traitement homéopathique qu'elle a suivi et qui entre les mains d'un médecin intelligent, comme est le sien, est le seul qui convienne à sa nature.

J'ai eu par la cousine Mouravieff des détails sur votre arrivée à Moscou et sur votre première entrevue avec la tante Надежда Ник<олаевна>... Cela m'a fait penser à celle qui nous attend...

De grâce, chère maman, ne soyez pas en peine, plus qu'il n'y a lieu de l'être, de Nicolas. L'état de sa santé est satisfaisante, c'est l'essentiel et quant à son moral, eh bien, il se remettra aussi dès qu'il sera parmi nous.

Mille tendresses à Dorothée et à Ник<олай> Васильевич.

Перевод:

Маминьке

Если я решил, любезная маминька, не посылать вам письмо Николушки[1], то лишь потому, что я предвидел, что оно принесет вам только ненужное беспокойство. Известия о его здоровье, сообщенные мне Штиглицем[2], самые обнадеживающие, и я его ожидаю со дня на день к нам. Нет нужды говорить, что я жду только его приезда, чтобы вместе с ним отправиться к вам в Москву. Для меня большое утешение знать, что вы уже там. Длительное пребывание в Овстуге для вас не годится, какой бы тяжелой и болезненной ни была минута отъезда.

Прошу вас, поблагодарите Дашиньку за то, что она так любезно и скоро послала нам деньги. Я не премину немедля

написать Василию и попрошу его возместить сумму, посланную ею нам, и пошлю ему также расписку за деньги, которые у него прошу. С чрезвычайною неохотою я вынужден истратить гораздо большую, чем предполагалось, сумму, чтобы восстановить мое обмундирование[3]. Но избежать этого нет возможности. Поскольку праздники продолжались несколько дней, я провел их в загородной усадьбе великой княгини Марии Николаевны, у ее управляющего двором графа Виельгорского, любезно приютившего меня[4].

Вчера я отвез Анну и м-м Дюгайон[5] в Петербург. Помолвка состоялась вчера, день стоял великолепный. Вот уже несколько дней мы наслаждаемся самой восхитительной погодой на свете.

Вы знаете, что м-м Дюгайон покидает нас, хотя и весьма неохотно. Мы тоже сожалеем о ней, тем более что я по опыту знаю, как трудно найти замену гувернантке, которой все были довольны.

Анна поручает мне нежно поцеловать ваши ручки и поблагодарить вас за те слова, что вы передали ей через меня. Она тоже испытывает великое желание повидать вас. Вы найдете у нее очень ласковый и любящий характер и сердце, уже исполненное преданности к вам. Мне особенно хочется, чтобы она побывала в Москве[6].

Здоровье жены, слава Богу, на этот раз поправилось гораздо скорее, чем я предполагал. Во многом это произошло благодаря гомеопатическому лечению, которое, в руках такого толкового доктора, каким является ее доктор, одно лишь ей подходит.

Я известился через кузину Муравьеву о подробностях вашего приезда в Москву и вашего первого свидания с тетушкой Надеждой Николаевной... При этом я думал о предстоящем нашем с вами свидании...

Ради Бога, любезная маминька, не тревожьтесь чересчур о Николушке. Здоровье его удовлетворительное, а что касается настроения, что же, он несколько утешится, когда окажется рядом с нами.

Кланяюсь Дашиньке и Николаю Васильевичу.

122. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

8 августа 1846 г. Москва

Moscou. Ce 8 août

Quand je t'ai eu perdu de vue et que j'ai senti l'exécrable boîte m'enserrer et m'entraîner au loin, j'ai sérieusement songé à sauter dehors[1]. Heureusement, à défaut de raison, la présence de mon frère m'a retenu. Mais le paroxysme a été violent. Je sais maintenant, comment on saute à l'eau.

Nous avions pour compagnon de voyage un Suisse arrivé depuis trois jours en Russie. Il venait de Genève, il m'en a longuement parlé, — comme un imbécile, il est vrai, et pourtant cela m'a fait du bien — Genève — Hôtel des Bergues — le Rhône — vous, moi — et 8 ans en arrière...[2]

C'est horrible de rester 3 jours et 3 nuits dans une boîte qui roule. Comme on sent alors, combien on est bête.

Cette fois j'arrivais à Moscou par une splendide soirée. J'ai regardé ses coupoles et ses toits bariolés avec vos yeux et à votre intention, car pour mon propre compte, je ne me soucie plus de rien voir. En revoyant les objets, je suis toujours étonné de leur réalité. L'impression qu'on en conserve est toujours si pâle et si terne. Le souvenir n'est jamais qu'un fantôme.

J'ai revu ma mère, et les premiers moments passés j'ai vu avec plaisir qu'elle était beaucoup plus tranquille que je ne l'avais cru. Sa santé est bonne et son existence actuelle lui convient. Elle parle volontiers de la perte qu'elle a faite, et dès qu'on en parle, on l'a acceptée... Peut-être ai-je tort.

Ici, tu penses bien, on fait les vœux les plus ardents pour que nous venions passer l'hiver prochain à Moscou. En attendant la maison dont Dorothée t'a parlé est déjà prise et à vue de pays il nous sera difficile d'en trouver une telle qu'il nous la faut à moins de 4 mille roubles *sans le bois*. Bref, le mot de la situation, c'est ce que tu en as dit. Il y aurait une notable économie à venir s'établir à Moscou d'une manière définitive, mais s'il n'est question que d'y passer un hiver seulement, il y aurait à cela un notable surcroît de dérangement. Voilà le vrai. Maintenant que faut-il faire? Ma foi, je n'en sais rien et à force de peser le pour et le contre, je

me sens moins que jamais en état de prendre une résolution. – Mais je bénirai le Ciel si tu te trouvais assez en fonds d'inspiration pour en prendre une[3]. Ce que j'ai su ici de nos affaires est satisfaisant. J'ai appris ici... mais je te dirai cela une autre fois. Au fait toute cette fortune te regarde maintenant beaucoup plus que moi, car en vertu de la loi elle appartient presque exclusivement aux deux garçons[4].

Les tantes te font dire mille tendresses. La tante Nadine a changé de domicile, mais c'est toujours dans la même nuance. Il y a ici en ce moment une 3ème tante que tu ne connais pas. Elle a vu dernièrement à Kalouga Madame Smirnoff[5] qui, à ce qu'elle m'a dit, lui a beaucoup parlé de moi et lui a demandé, sur ma jeunesse et mon enfance une foule de détails que celle-ci s'est trouvée dans l'absolue impossibilité de lui fournir. Elle m'a dit aussi que la santé de la pauvre femme est dans un état déplorable. Je suis très décidé à l'aller voir à mon retour. C'est la semaine prochaine que nous comptons partir, mais je sais bien une chose. C'est que le *redépart* de là-bas suivra de très près l'arrivée.

Il me faut une lettre de toi pour aujourd'hui. Adieu, ma chatte. Il fait ici des chaleurs accablantes, le Kremlin a grandi encore, maintenant que la masse du Palais est plus en évidence[6]. J'irai en voir l'intérieur un de ces 4 matins. Hier j'ai vu Mollerus[7] qui repartait de Moscou, enchanté de tout ce qu'il avait vu et mettant Moscou à cent degrés au-dessus de Pétersbourg, il se proposait de l'aller voir à son retour — ce qui vaut mieux que tout au monde. Encore une fois adieu, ma chatte. N'ayez qu'un souci, celui de vous conserver. J'embrasse Anna et les enfants. Mes amitiés aux Wiasemsky et aux Karamzine, à Sophie[8] surtout.

T. T.

Перевод:

Москва. 8 августа

Когда я потерял тебя из виду и почувствовал, что заперт в ненавистном ящике, который влечет меня вдаль, я всерьез подумал, а не выскочить ли мне вон[1]. Не благоразумие мое, а присутствие брата, к счастью, удержало меня. Но порыв был

безудержно бурный. Теперь я понимаю, как люди бросаются в воду.

В спутники нам достался швейцарец, приехавший в Россию три дня тому назад. Он прибыл из Женевы, долго говорил со мной о ней — говорил, правда, как болван, — и все же это принесло мне облегчение. — Женева, гостиница Бергов, Рона, ты, я — восемь лет назад...[2]

Как отвратительно пребывать трое суток в катящемся ящике! Так ясно тогда сознаешь, как ты глуп.

На этот раз я приехал в Москву в чудесный вечер. Я смотрел на ее купола и пестрые крыши твоими глазами и имея тебя в виду, ибо сам я ничего уже не хочу видеть. Видя вновь знакомые предметы, я всегда удивляюсь тому, что они действительно существуют. Впечатление, которое сохраняешь от них, всегда бывает таким бледным и тусклым. Воспоминание — лишь призрак.

Я снова свиделся с матерью, и когда прошли первые минуты свидания, заметил, что она гораздо спокойнее, нежели я думал. Она здорова и теперешней своею жизнью удовлетворена. Она охотно говорит о своей утрате, а раз человек начинает о ней говорить, значит, примирился с нею... Быть может, я и не прав.

Здесь, конечно, очень желают, чтобы мы приехали на будущую зиму в Москву. Однако дом, о котором говорила тебе Дашинька, уже сдан, и поблизости нам трудно будет найти подходящий дешевле чем за 4 тысячи рублей, *не считая платы за дрова*. Словом, положение именно такое, как ты и говорила. Было бы значительно экономнее окончательно переселиться в Москву, но если речь идет об одной только зиме, то к выгоде прибавится значительная доля забот. Таково истинное положение дел. Как же нам теперь быть? Ей-богу, не знаю; я столько раз взвешивал все за и против, что чувствую себя менее, чем когда-либо, способным принять решение. Поэтому я буду благословлять судьбу, если на тебя найдет вдохновение и ты примешь какое-либо решение[3]. Все, что я узнал здесь о наших делах, удовлетворительно. Я узнал тут... Но об этом я скажу тебе в другой раз. В сущности, наследство теперь каса-

ется тебя гораздо больше, чем меня, ибо в силу закона оно принадлежит почти всецело нашим двум мальчикам[4].

Тетушки просят передать тебе сердечный поклон. Тетушка Надежда Николаевна переехала на новую квартиру, но все в том же духе. В настоящее время тут проживает еще третья тетушка, которую ты не знаешь. Она недавно видела в Калуге госпожу Смирнову[5], и та, по ее словам, много говорила с ней обо мне и интересовалась множеством подробностей из моей юности и детства, о которых тетушка совершенно ничего не могла ей сообщить. Тетушка сказала мне также, что здоровье бедной Смирновой находится в плачевном состоянии. Я твердо решил по возвращении своем навестить ее. Мы рассчитываем выехать на будущей неделе, но я знаю только одно, а именно, что *отъезд* оттуда последует вскоре же за прибытием.

Сегодня мне непременно нужно получить письмо от тебя. Прости, моя кисанька. Здесь стоит удручающая жара. Кремлевский дворец стал еще выше, — теперь его громада стала виднее[6]. Как-нибудь утром я пойду осматривать его изнутри. Вчера видел Моллеруса[7]; он в восторге от всего виденного в Москве и ставит ее бесконечно выше Петербурга. Он предполагает навестить тебя по своем возвращении, а что может быть на свете лучше этого. Еще раз — прости, моя кисанька. Заботься лишь об одном — береги себя. Поцелуй Анну и детей. Поклон Вяземским и Карамзиным, а Софи[8] — особенный.

Ф. Т.

123. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

14 августа 1846 г. Москва

Moscou. Ce 14 août 1846

Ma chatte chérie, j'ai reçu ta chère lettre du 8–9. Sais-tu bien que tes lettres me rajeunissent bien cruellement. Elles me font éprouver absolument tout ce qu'elles me faisaient éprouver autrefois, de sentiment d'angoisse et de serrement de cœur, le besoin d'air, c'est-à-dire, le besoin de te revoir à tout prix. Il me semble en les lisant que mon cœur n'est pas plus en moi, qu'il bat à 100 lieues loin de moi, à la merci de cent mille hasards que je ne

puis ni contrôler, ni prévoir. Hélas, est-ce bien la peine de vieillir, si avec des forces de plus en plus défaillantes on reste toujours livré aux mêmes agitations. Il y a surtout à la fin de ta lettre quelques lignes si tristes et si résignées, un retour vers notre passé, si reconnaissant et si affectueux, qu'en les lisant, je me suis senti crier en dedans et que pour ne pas étouffer, j'ai tourné au boulevard de la Tverskoy que j'ai descendu et remonté bien des fois avant de pouvoir recouvrer un peu de calme et de raison... Ah, mon Dieu, mon Dieu, c'est donc toujours la même chose... C'est que, même toi présente, je ne puis regarder dans le passé, sans avoir le vertige, qu'est-ce donc quand tu n'y es pas...

Et cependant je lis tes chères lettres avec un plaisir infini, c'est qu'elles sont très jolies, tes lettres, tu peux m'en croire, et il n'arrive pas souvent d'en lire de pareilles... Je te sais un gré extrême des détails que tu me donnes et qui m'occupent beaucoup, car il est convenu entre Mad. de Sévigné et nous qu'on ne saurait avoir assez de détails sur les personnes qu'on aime. Je ne te sais pas moins de gré des visites que tu fais et comptes faire à mon intention, des distractions que tu t'imposes si laborieusement par amour pour moi, fût-ce même aux dépens des dernières restes de vie des deux malheureuses bêtes qui ont le bonheur de te traîner. J'aime, en un mot, te savoir pensante à moi au milieu du monde, au risque même d'ajouter à tes distractions habituelles, et j'attends avec impatience la continuation de ton journal.

Me voilà à peu près quitte de mes irrésolutions et fixé, je pense, sur ce que nous avons à faire. Décidément pour cet hiver nous ne bougerons pas de Pétersb<ourg>, car un déplacement dans les circonstances données nous ruinerait. Il nous serait impossible de trouver à nous loger ici à moins de cinq mille roubles. Ce qui joint au frais du voyage, ne laisserait que de faire une certaine différence que toutes les économies locales ne parviendraient pas à combler. D'ailleurs quitter Pétersb<ourg>, c'est à peu près quitter le service, et je ne puis ni ne veux le faire. Ainsi nous restons. Mais j'ai promis à ma pauvre mère, que cette résolution désole, que nous viendrons tous, tant que nous sommes, passer avec elle l'été prochain à Ovstoug. Elle s'est attachée à cette idée avec une ferveur affreuse, et tu pourrais bien dans tes lettres à ma sœur dire

quelques mots à l'appui de cet espoir que je lui donne, d'autant mieux que je le crois très réalisable. En effet, il n'y aurait rien de très difficultueux d'aller le printemps prochain établir les enfants auprès d'elle à la campagne pour 3 ou 4 mois de l'été, et quant à nous deux, dès que nous sentirions l'ennui nous gagner, nous aurions la ressource de faire dans le plus beau moment de la saison une tournée dans le midi de la Russie, Kiew, Odessa, la Crimée. Voilà bien des projets... Revenons au présent.

Moscou cette fois-ci est pour moi comme une lanterne magique dont on aurait éteint la lumière. Je te laisse à deviner qui est cette lumière absente.

Non, je n'irai pas, ne t'en déplaise, voir ni Simonoff, ni aucun des endroits que nous avons visités ensemble. J'ai mes raisons pour cela.

La ville est d'un vide qui n'a rien de poétique. Je dîne et passe la moitié de la journée chez les Souchkoff, puis le soir je vais quelquefois au club. L'autre jour nous avons été à Sokolniky, etc. etc. Mais tu sais, il m'est tout à fait insipide de parler de ce que je fais, tant j'y prends peu d'intérêt.

En fait de connaissances j'ai revu *Чадаев* qui est dans une bien triste disposition d'esprit et de santé. Il se croit mourant et demande à tout le monde des avis et des consolations.

Ce qui est d'un intérêt plus général, c'est la crise qui a eu lieu hier, le 13, par rapport au temps et dont les effets, je suppose, se sont étendus jusqu'à vous. C'est hier que le charme a cessé et que l'été a probablement pris congé de nous.

Ma chatte chérie, j'aurais mille choses à te dire. Mais mon horrible écriture m'a rendu nerveux au dernier point, et j'ai hâte d'en finir. Adieu. Je n'aurais jamais dû te quitter. J'embrasse Anna et la remercie de sa lettre, mais dans l'absence je ne puis songer qu'à toi... Adieu, ma chatte. Conserve-toi.

Перевод:

Москва. 14 августа 1846

Милая моя кисанька, получил твое милое письмо от 8–9-го. Знаешь ли ты, что твои письма весьма жестоко молодят меня?

Они вызывают во мне все то, что вызывали некогда, вызывают чувство тоски и отчаяния, от них сжимается сердце, появляется жажда воздуха, то есть жажда видеть тебя во что бы то ни стало. Когда я читаю их, мне кажется, будто сердце мое находится вне меня, что оно бьется за 100 верст от меня, что оно отдано на милость ста тысячам случайностей, которых я не могу ни обуздать, ни предвидеть. Увы, стоит ли стариться, если несмотря на все убывающие силы, остаешься по-прежнему во власти все тех же волнений. Особенно в конце твоего письма есть несколько строк столь грустных и смиренных, ты обращаешься мыслью к нашему прошлому с такой благодарностью и так задушевно, что, читая эти строки, я почувствовал, как в душе моей все кричит, и бросился, чтобы не задохнуться, на Тверской бульвар, и все ходил по нему взад и вперед, пока немного не успокоился и не пришел в себя. Ах, Боже мой, значит, все попрежнему, вечно будет одно и то же... Ведь даже когда ты находишься возле меня, я не могу без волнения вспомнить о нашем прошлом, не почувствовав головокружения; что же я должен чувствовать, когда тебя нет со мною...

А между тем я с бесконечным наслаждением читаю оба твоих письма. Они очень милы, можешь поверить мне, не часто случается читать подобные им... Я крайне признателен тебе за подробности, которые ты сообщаешь, они очень меня занимают, ибо мы вполне согласны с госпожою де Севинье в том, что не может быть излишка в подробностях, касающихся любимых людей. Не менее признателен я тебе и за визиты, которые ты делаешь или собираешься сделать ради меня, за развлечения, к которым ты так усердно понуждаешь себя из любви ко мне, — пусть даже за счет остатка жизни двух жалких кляч, которые имеют счастье возить тебя. Словом, мне приятно знать, что среди светской суеты ты думаешь обо мне, — пусть даже твои обычные развлечения и умножатся, — и я с нетерпением жду продолжения твоего дневника.

Теперь я почти что избавился от колебаний и, кажется, решил, как нам быть. Разумеется, этой зимою мы не тронемся из Петербурга, ибо при теперешних обстоятельствах переселение разорило бы нас. Нам не удастся найти тут квартиру де-

шевле, чем за пять тысяч рублей, а если добавить сюда расходы по переезду — это вызовет известное нарушение нашего бюджета, которое не смогут возместить никакие выгоды здешней жизни. К тому же покинуть Петербург в известной мере значит покинуть службу, а этого я не могу и не хочу делать. Итак, мы не переезжаем, — но я обещал маминьке, которую такое решение очень огорчает, что мы все, сколько нас ни есть, приедем к ней будущим летом в Овстуг. Она крайне горячо ухватилась за эту мысль, и хорошо бы тебе в письме к моей сестре сказать несколько слов в подкрепление этой надежды, тем более что я считаю ее вполне осуществимой. Действительно, нам совсем не затруднительно отвезти будущей весною детей к маминьке в деревню месяца на 3–4, а что до нас самих, то, как только мы заскучаем, — мы сможем совершить в это лучшее время года поездку по югу России — в Киев, Одессу, Крым. Но все это планы... Вернемся к настоящему.

Москва на этот раз является для меня как бы волшебным фонарем, в котором погашен свет. Предоставляю тебе отгадать, кто этот отсутствующий свет.

Нет, воля твоя, а я не буду ни в Симоновом, ни в других местах, где мы были с тобою вместе. У меня на это свои причины.

Город стал пустыней, лишенной всякой поэзии. Я обедаю и полдня провожу у Сушковых, а вечером иногда бываю в клубе. Намедни ездили в Сокольники и пр. и пр., но, знаешь ли, я решительно не могу говорить о том, что я делаю, — до такой степени мне это безразлично.

Из знакомых я видался с *Чаадаевым*, который находится в весьма плачевном состоянии как в отношении здоровья, так и умонастроения. Он мнит себя умирающим и у всякого просит советов и утешения.

Более интересен, пожалуй, перелом в погоде, наступивший вчера, 13-го, и действие которого, думаю, дошло и до вас. Именно вчера настал конец очарованиям, и лето, по-видимому, распростилось с нами.

Милая моя кисанька, мне хотелось бы сказать тебе еще так много. Но отвратительный мой почерк раздражает меня до

крайности и мне не терпится кончить писание. Прости. Мне ни в коем случае не следовало бы расставаться с тобою. Целую Анну и благодарю ее за письмо, но в разлуке я могу думать лишь о тебе одной... Прости, моя кисанька. Береги себя.

124. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

20 августа 1846 г. Москва

Mardi. Ce 20 août 1846

Ma chatte chérie, enfin après bien des délais et des hésitations sans nombre nous sommes, je crois, sur le point de partir pour la campagne. Encore un peu, et j'allais y renoncer... Mais sais-tu ce qui m'a décidé? Voilà plusieurs jours que je n'ai plus de lettres de toi, et d'après ce que tu me dis dans ta dernière, j'ai beau de croire que j'en trouverai à *Briansk*. C'est donc ta lettre que je vais y chercher. Nous passons par Kalouga, et je pense bien que j'y verrai Mad. Smirnoff soit à présent, soit en y repassant à mon retour, à moins que dans le moment même où je forme, elle ne soit de sa personne allée me chercher à Pétersb<ourg>. On fait toujours bien de comptes sur des pareils contretemps, si l'on veut s'épargner du désappointement.

En vérité, je ne sais trop dans quel but je vais faire le voyage en question. Dans tous les cas ce n'est pas dans l'intérêt des affaires, car j'ai appris ici que le partage du bien ne pourra guères être mis à exécution avant neuf à dix mois, et c'est ici, à Moscou, que cette affaire se fera. Ce n'est donc que par pure amitié et complaisance pour mon frère que je m'y détermine. Ce pauvre garçon est au fond si malheureux de son isolement et le sort sous ce rapport, comme pour beaucoup d'autres, m'a accordé tant d'avantages sur lui que je me serais reproché, comme un manque de générosité, de ne pas acquiescer à l'extrême désir qu'il avait que je l'accompagne dans ce voyage.

Vous voyez bien, ma chatte chérie, que c'est encore vous qui êtes au fond de cette détermination, comme de tout ce que je fais et de tout ce que je suis...

D'ailleurs, il mérite bien quelque petit sacrifice pour son propre compte pour l'amitié qu'il nous porte. Tout à l'heure encore

dans le partage qu'il va se faire, il veut à toute force me faire accepter, de vue de la famille, une terre de cent et quelques paysans en sus de la part qui me revient. A mon arrivée dans l'endroit je ne manquerai pas de vous mettre au fait de l'état des affaires qui sont plus particulièrement encore les vôtres, puisque c'est patrimoine de vos fils. Et il faut que je me dise cela pour y prendre quelque intérêt.

Tout ce que tu me dis dans ta lettre de la nécessité de prendre un part définitif et de la convenance qu'il y aurait pour nous à nous établir à Moscou est parfaitement vrai et incontestable, et tu penses, si le point de vue a été goûté et opprimé de la famille. Pour ma part, je n'y fais pas la moindre objection et je ne demande pas mieux que d'employer cet hiver à préparer ce bienheureux définitif. Mais cet hiver-ci il faudra bien le passer encore à Pétersb<ourg>, ne fût-ce que par l'économie, car rien que l'histoire du loger nous ferait une différence en moins de plusieurs milliers de roubles.

C'est donc une chose décidée, je pense que nous serons les hôtes de Safonoff encore pour quelques mois, et à cette occasion il serait bon d'engager le maître d'hôtel à faire sans perte de temps les provisions nécessaires pour cet hiver.

Le beau temps se soutient jusqu'à présent, et c'est ce qui me reconcilie un peu avec l'idée de ce voyage. D'ailleurs, il n'y a de vraiment déplaisant que la seconde moitié, c'est-à-d<ire> à partir de Kalouga. Mais là, ce sont les *Maltzoff*[1] qui viendront à notre secours, car c'est en grande partie sur leurs terres que se fait cette seconde moitié du voyage, et ce sont eux qui très aimablement s'engagent à nous fournir les chevaux aussi bien que le gîte. Au moment même où j'étais en train de te vanter la beauté de la saison voilà le temps qui a l'air de vouloir se gâter. Je proteste...

J'ignore encore l'impression que me fera la vue du lieu natal, quitté depuis 27 ans et si peu regretté... Je crains qu'en fait de mélancolie je n'y trouve que de l'ennui. C'est qu'aucun de mes souvenirs vivants ne remonte à l'époque, où j'y ai été pour la dernière fois. Ma vie a commencé plus tard, et tout ce qui est autrui à cette vie-là, m'est aussi étranger que la veille du jour de ma naissance. Il n'est pas ainsi de toi, ma chatte chérie, dont

j'aime tous les récits souvent répétés et toujours bienvenus de ta première enfance[2].

La tante Chérémétieff, arrivée ici depuis hier, me charge de ses amitiés pour toi... Adieu. Je me sens tout triste et tout découragé de la sotte lettre que je viens de t'écrire. C'est si peu satisfaisant, les écritures. Mais j'ai hâte de recevoir les tiennes qui m'amusent et me tranquillisent. Adieu, ma chatte, conserve-toi, je t'en prie.

Перевод:

Вторник. 20 августа 1846

Милая моя кисанька, наконец-то, после многих отсрочек и бесчисленных колебаний, мы, кажется, уезжаем в деревню. Еще немного, и я отказался бы от этого намерения... А знаешь, что повлияло на мое решение? Вот уже несколько дней я не получаю от тебя писем, а судя по последнему письму, мне кажется, что твое следующее письмо ждет меня в *Брянске*. Итак, я еду туда за твоим письмом. Мы отправляемся через Калугу, и там я рассчитываю повидать госпожу Смирнову — будь то теперь или на обратном пути, если только она не поехала сейчас, пока я строю эти планы, повидаться со мной в Петербург. Всегда полезно учитывать такие неожиданности, если хочешь избавить себя от разочарований.

По правде говоря, я не вполне знаю, для какой надобности пускаюсь в эту поездку. Во всяком случае — не дела ради, ибо я узнал, что раздел имения может произойти не ранее как через 9–10 месяцев и совершится это здесь, в Москве. Так что только по дружбе и из любезности к брату решаюсь я на это. Бедняга, в сущности, так тяготится своим одиночеством, и судьба в этом отношении, как и во многих других, наделила меня столькими преимуществами сравнительно с ним, что я стал бы винить себя в недостатке великодушия, если бы не снизошел к его горячему желанию, чтобы я сопутствовал ему в этой поездке.

Вот видишь, моя милая киска, и тут ты являешься основою моего решения, как являешься ею во всем, что я делаю и во всем, что я есмь...

Впрочем, он и сам по себе вполне заслуживает этой маленькой жертвы за дружбу, которую он питает к нам. Вот и теперь, в предстоящем разделе, имея в виду мою семью, он во что бы то ни стало хочет заставить меня принять сверх того, что мне причитается, имение, насчитывающее более сотни душ крестьян. По приезде на место я не премину сообщить тебе о состоянии дел, которые особенно касаются тебя, раз это наследие твоих сыновей. И мне приходится напоминать себе об этом, чтобы относиться к этим делам с некоторым интересом.

Все, что ты мне пишешь о необходимости принять окончательное решение и о том, что стоило бы поселиться в Москве, все это совершенно верно и бесспорно, и ты легко можешь себе представить, насколько такая точка зрения нравится всей семье и одобряется ею. Со своей стороны я ничуть не возражаю и только и думаю о том, чтобы предстоящей зимой подготовить благословенный переезд. Но эту зиму придется еще провести в Петербурге, хотя бы ради экономии, ибо один только расход на квартиру составит разницу по крайней мере в несколько тысяч рублей. Итак, мне думается, это дело решенное, еще несколько месяцев мы будем постояльцами Сафонова, а потому следовало бы приказать дворецкому приступить не теряя времени к закупке необходимых запасов на зиму.

До сих пор держится хорошая погода, и это немного примиряет меня с мыслью о предстоящей поездке. Впрочем, действительно, неприятна только вторая половина, то есть после Калуги. Но тут придут нам на помощь *Мальцовы*[1], ибо эта вторая часть пути пролегает главным образом по их владениям и они любезно обещали предоставить нам и лошадей и кров. Я только что похвалил тебе погоду, а она как будто собирается испортиться. Возмутительно...

Не знаю еще, какое впечатление произведут на меня родные места, которые я покинул 27 лет тому назад и о которых так мало сожалел... Боюсь, что буду чувствовать не столько грусть, сколько скуку. Ибо ни одно из живущих во мне воспоминаний не восходит к тому времени, когда я был там в по-

следний раз. Жизнь моя началась позже, и все, что предшествовало этой жизни, мне так же чуждо, как все, что было накануне моего рождения. У тебя все было иначе, милая моя киска; я так люблю твои столь часто повторяемые и всегда столь интересные рассказы о раннем твоем детстве[2].

Тетушка Шереметева, приехавшая сюда вчера, поручила мне передать тебе привет. Прости. Мне взгрустнулось, и я совсем пал духом от своего глупого письма. Письма так мало удовлетворяют! Но я с нетерпением жду твоих — они занимают и успокаивают меня. Прости, моя кисанька; умоляю, береги себя.

125. Е. Л. ТЮТЧЕВОЙ

31 августа 1846 г. Овстуг

Овстуг. Августа 31-го. Суббота. 1846

Pardon, chère maman, de ne vous avoir pas écrit plutôt. Mais le jour de poste était purement le jour même de notre arrivée, et il m'aurait été impossible de vous écrire avec quelque suite dans le premier moment. Je n'ai pas besoin de vous dire pourquoi.

Je vous écris de son cabinet[1], à deux pas du canapé... et entouré d'objets qui lui ont appartenu...

Le lendemain de notre arrivée était un jour de fête* Иоанна Постника[2]. После обедни мы слушали панихиду на его могиле. Народу было довольно, и все были тронуты, глядя на Николушку, который горько плакал. Он в самый тот день получил письмо руки покойного, которое отправлено было к нему в Вену и не нашло его там.

Je n'ai pas besoin de vous dire, si j'ai été ému, en me retrouvant ici après 26 ans d'absence[3]. Mais de tout mon passé

---

* Простите меня, любезнейшая маминька, что я не писал вам раньше, но почтовый день совпал как раз с днем нашего приезда, и в первую минуту я не мог бы написать вам хоть сколько-нибудь последовательно. Нечего говорить вам, почему.

Я пишу вам из его кабинета[1], в двух шагах от дивана... окруженный вещами, которые ему принадлежали.

На другой день нашего приезда был праздник... (*фр.*)

d'Ovstoug je n'ai retrouvé debout tant bien que mal que deux débris seulement — la vieille maison et Матвей Иванович[4]. Mais l'homme est plus robuste et mieux conservé que la baraque.

Quant à la nouvelle maison, elle est vraiment fort bien, et la vue qu'on a du côté du jardin très jolie. Je serais fort heureux, je vous assure, d'y voir tout mon monde l'été prochain, et ce sera fort heureux aussi pour Ovstoug qui a besoin, pour s'animer, de la présence d'êtres plus vivants et plus gais que nous ne le sommes, mon frère et moi*.

Вчера мы были у *Небольсиных*[5], которые гораздо живее были у меня в памяти, чем я думал. С первого взгляда мне все припомнилось. Тот же Н<иколай> Павл<ович>, немного пожелтее и постарее, но так же отменно добродушно-вежлив и гостеприимен, с некоторою изысканностью в языке и приемах, та же старушка сестра с своим угощением вареньями — и их умная, всеми и всем заведывающая кузина. Прежде них мы были у их брата, что женат на Озеровой[6]. Тут уж не то. Нет того патриархального лоску, что на старших.

Завтра, воскресенье, мы пируем у Яковлева[7], а сегодня поутру явился к нам старичок Правиков...

О Варваре Андр<еевне> я и не говорю[8]. Она по вечерам наша отрада, наше Провидение, наше все.

Часов угрюмых облегчает бремя,
Живит беседу, окриляет время.

Но, несмотря на это окриление, вечера невыносимо скучны, и день в этом отношении малым чем уступает вечеру. Так

---

* Нечего говорить вам, как я был взволнован, очутившись здесь после двадцатишестилетнего отсутствия[3]. Но из всего моего овстугского прошлого я нашел лишь два обломка, которые еще кое-как держатся: старый дом и Матвея Ивановича[4]. Но человек более крепок и лучше сохранился, чем строение.

Что до нового дома, то он, право, весьма хорош, и вид со стороны сада очень красив. Я буду чрезвычайно счастлив, уверяю вас, видеть здесь всех моих будущим летом. Это будет также весьма удачливо и для Овстуга, который нуждается для своего оживления в присутствии существ более живых и более веселых, нежели мы с братом (*фр.*)

что по этой и по многим другим причинам я в будущую середу, т. е. пятого числа, ровно через неделю по приезде, решился — еду отсюда, как, впрочем, мне ни жаль Николушки... Следственно, я надеюсь быть с вами к 10-му или, поздно, 12-му числу сентября. Посему и прошу любезнейшего, деятельнейшего, всевспомоществующего Николая В<асильевича> приказать взять для меня два места в новой почтовой карете *extra-post* к 18-му, если можно.

Ваше письмо, любезнейшая маминька, получили мы вчера. Очень рад и очень вам благодарен, что вы отменили поездку вашу к Троице. Надеюсь найти вас совершенно оправившимися. Брат будет писать к вам после.

Дашиньку и Н<иколая> Василь<евича> обнимаю и еще раз благодарю за их прошлое и будущее гостеприимство.

Простите. Целую ваши ручки.

Ф. Тютчев

126. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

31 августа 1846 г. Овстуг

Ovstoug. Ce 31 août 1846

Ma chatte chérie. Il me semble que je t'écris des antipodes et qu'il y a une sorte de naïveté à croire que cette feuille de papier qui est sous ma main puisse jamais arriver jusqu'à toi, tant j'ai le sentiment d'être au fin bord du précipice... et cependant je ne suis entouré que d'objets qui sont mes plus vieilles connaissances dans ce monde, d'une priorité de date, heureusement très considérable sur toi... Eh bien, c'est peut-être cette ancienneté qu'ils ont sur toi qui me les fait considérer d'un œil peu bienveillant. Il me faudrait pas moins que ta présence ici pour la leur faire pardonner. Oui, ta présence seule pourrait combler l'abîme et renouer la chaîne.

La chambre, où je t'écris, est le cabinet de mon père, la chambre même, où il est mort. A côté est sa chambre à coucher, où il n'est plus entré. Derrière moi est le canapé fonçant l'encoignure, où il s'est couché pour ne plus se relever. Tout autour de la chambre sont de vieux portraits bien connus de mon enfance et qui ont

rien moins vieilli que moi. En face de moi est cette vieille relique de maison que nous avons jadis habitée et dont il ne reste plus que le corps du logis que mon père avait pieusement fait conserver, pour qu'un jour, à mon retour dans le pays, je puisse encore retrouver quelque trace, quelque débris de notre existence d'autrefois... En effet, dans le premier moment de mon arrivée j'ai eu un souvenir très vif et comme une révélation de ce monde enchanté de l'enfance, depuis si longtemps abîmé et anéanti – l'ancien jardin, 4 gros tilleuls, très connus dans les environs, une assez chétive allée d'une centaine de pas de long et qui me paraissait incommensurable, tout ce magnifique univers de mon enfance, si peuplé et si varié – tout cela renfermé dans un enclos de quelques pieds carrés... enfin j'ai éprouvé là pendant quelques instants ce que tant de milliers d'êtres semblables à moi ont éprouvé en pareille occurence, ce que tant d'autres éprouveront après moi et ce qui après tout n'a de valeur que pour la personne qui le ressent et aussi toujours qu'elle est sous le charme... Mais tu penses bien que le charme n'a pas tardé à s'évanouir et que l'émotion est allée bien vite s'éteindre dans un sentiment d'ennui complet et définitif... Heureusement on est venu me remettre ta lettre, arrivée ici trois ou quatre jours avant moi et qui m'attendait aimablement sur le seuil pour me souhaiter la bienvenue.

Le voyage a été fastidieux, sans être fatigant, les chemins passables, les gîtes de même. Comme nous avons couché toutes les nuits, nous ne sommes arrivés ici que le cinquième jour... Cette fois, en passant par Kalouga, je n'ai pu m'arrêter pour voir Mad. Smirnoff, mais je compte bien le faire à mon retour... Sa vue qui me serait agréable en tout lieu et en toute circonstance, me le sera doublement à mon retour du pays des ombres...

C'est aujourd'hui samedi, le 31 août. Je partirai à coup sûr le 4 ou 5 septembre et j'espère être rendu à Moscou vers le 10, où je ne compte rester que tout juste le temps nécessaire pour prendre des places dans la malle-poste qui doit me ramener auprès de toi... Si bien qu'entre le 15 ou le 18, j'espère, Dieu aidant, avoir accompli la laborieuse tâche que je me suis imposé. Mais il est entendu qu'à mon arrivée à Moscou j'y trouverai une lettre de toi. Ceci est de rigueur...

Pour ce qui est des affaires, elles sont, autant que je puis en juger, dans un état satisfaisant. L'intendant chargé de la régie, ce Basile, dont on t'a souvent parlé est en effet une bonne, honnête et dévouée créature qui mérite, je crois, toute confiance. Le partage aura lieu dans le courant de l'hiver[1], en attendant l'argent qui est en caisse sera partagé par moitié. Quant au revenu définitif, il sera pour la part de chacun de quinze à vingt mille roubles *au moins*, et il y a tout lieu d'espérer qu'il ne tardera pas à s'accroître... De toute manière l'avenir vaudra mieux que le présent, et les chances pour les enfants sont meilleures que les nôtres... L'a seule à laquelle je tienne pour mon compte, c'est celle de te revoir...

Adieu, ma chatte chérie, je ne perds pas l'espoir d'avoir de tes nouvelles avant mon départ d'ici, il me tarde de savoir tes faits et gestes depuis *le 19*... Dis à Anna que je m'en veux beaucoup et très sérieusement de ne lui avoir pas encore écrit et que je lui en demande pardon avec toute l'humilité qui comporte la dignité paternelle. Mais qu'elle prenne pitié de mes nerfs que les écritures multipliées irritent au dernier point.

Adieu, j'embrasse les enfants et beaucoup leur mère.

Перевод:

Овстуг. 31 августа 1846

Милая моя кисанька, мне кажется, словно я пишу тебе с противоположного конца земли, и наивной представляется мысль, будто клочок бумаги, лежащий у меня под рукою, когда-нибудь до тебя дойдет — до такой степени я чувствую себя как бы на самом дне бездны...

А между тем я окружен вещами, которые являются для меня самыми старыми знакомыми в этом мире, к счастью, значительно более давними, чем ты... Так вот, быть может, именно эта их давность сравнительно с тобою и вызывает во мне не особенно благожелательное отношение к ним. Только твое присутствие здесь могло бы оправдать их. Да, одно только твое присутствие способно заполнить пропасть и снова связать цепь.

Я пишу тебе в кабинете отца — в той самой комнате, где он скончался. Рядом его спальня, в которую он уже больше не войдет. Позади меня стоит угловой диван — на него он лег, чтобы больше уже не встать. Стены увешаны старыми, с детства столь знакомыми портретами — они гораздо меньше состарились, нежели я. Перед глазами у меня старая реликвия — дом, в котором мы некогда жили и от которого остался один лишь остов, благоговейно сохраненный отцом, для того чтобы со временем, по возвращении моем на родину, я мог бы найти хоть малый след, малый обломок нашей былой жизни... И правда, в первые мгновенья по приезде мне очень ярко вспомнился и как бы открылся зачарованный мир детства, так давно распавшийся и сгинувший. Старинный садик, 4 больших липы, хорошо известных в округе, довольно хилая аллея шагов во сто длиною и казавшаяся мне неизмеримой, весь прекрасный мир моего детства, столь населенный и столь многообразный, — все это помещается на участке в несколько квадратных сажен... Словом, я испытал в течение нескольких мгновений то, что тысячи подобных мне испытывали при таких же обстоятельствах, что вслед за мною испытает еще немало других и что, в конечном счете, имеет ценность только для самого переживающего и только до тех пор, покуда он находится под этим обаянием. Но ты сама понимаешь, что обаяние не замедлило исчезнуть и волнение быстро потонуло в чувстве полнейшей и окончательной скуки... К счастью, мне подали твое письмо, прибывшее сюда за три или четыре дня до меня и любезно ждавшее меня на пороге, чтобы приветствовать мой приезд.

Путь был скучен, но не утомителен; дорога и постоялые дворы сносны. Мы каждую ночь останавливались на ночлег, а потому приехали сюда только на пятый день... На этот раз мне не удалось остановиться в Калуге и повидаться с госпожой Смирновой, но рассчитываю сделать это на обратном пути... Свидание с нею, приятное всюду и при любых обстоятельствах, будет мне сугубо приятным при возвращении из царства теней...

Сегодня суббота, 31 августа. Я уеду, наверно, числа 4–5 сентября и надеюсь быть в Москве к 10-му, где располагаю про-

быть лишь столько времени, сколько потребуется на покупку мест в почтовой карете, которая должна привезти меня к тебе, — так что числу к 15–18-му надеюсь, с Божьей помощью, завершить многотрудную задачу, которою я возложил на себя. Но я не сомневаюсь, что по приезде в Москву я получу от тебя письмо. Это совершенно необходимо...

Что касается дел — они, насколько я могу судить, находятся в удовлетворительном состоянии. Приказчик, которому поручено управление, тот Василий, о коем ты так много слышала, действительно хорошее, честное и преданное существо, заслуживающее, мне кажется, полного доверия. Раздел совершится зимою[1]; а до того времени наличные деньги будут разделены пополам. Что до окончательного расчета, то каждому достанется *по крайней мере* тысяч пятнадцать-двадцать доходу, и есть надежда, что в дальнейшем он еще возрастет... Во всяком случае, будущее предвидится лучше настоящего и дети могут рассчитывать на большее, чем мы сами... Единственная надежда, которою лично я дорожу, — это надежда увидеться с тобою...

Прости, милая моя кисанька. Все еще надеюсь получить от тебя весточку еще до отъезда отсюда.

Мне не терпится узнать о твоих делах и деяниях после *19-го*... Скажи Анне, что я очень досадую на себя, что все еще не написал ей, и прошу у нее прощения со всем смирением, какое только допускает отцовское достоинство. Но пусть она пожалеет мои нервы, которые от писания расстраиваются до последней степени. — Прощай. Обнимаю детей, особенно же их мать.

127. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

13 сентября 1846 г. Москва

Moscou. Ce 13 septembre <18>46

Enfin, ma chatte chérie, me voilà revenu ou plutôt remonté à la surface. Ce n'a pas été sans peine, je t'assure. Je me sens tout heureux d'être de plain-pied avec toi. C'est hier, le 12, que je suis arrivé après avoir quitté le 8 la ville historique, mais très peu

magnifique de Briansk. Mon frère m'avait accompagné jusque là, et c'est sur la vue de la *Desna* que nous nous sommes dit adieu.

Mon intention, tu le sais, avait été de prendre le chemin de Kalouga, où je devais aller me reposer un jour ou deux aux pieds de Mad. Smirnoff et puis faire deux autres visites qui se trouvaient tout naturellement échelonnées sur mon chemin. Mais à mesure que j'avançais dans cette direction, les routes devenaient très impraticables, les chevaux de poste si rares, les retards et les embarras de tout genre par suite de cette disette des chevaux si intolérables que finalement je perdis patience et courage, et compris que je n'étais pas de force à remonter ce courant. Si bien qu'arrivé sur cette odieuse route de Kalouga aux postes les plus rapprochées de celle de *Toula* (tu vois bien que je te fais faire un cours de géographie indigène et que tu aurais besoin d'avoir sous les yeux une carte pour me lire avec fruit) — arrivé donc à l'endroit le plus rapproché de la route de Toula qui est *chaussée*, je me suis senti tout naturellement aller à la dérive et finis par tomber dans cette voie meilleure qui mit fin à toutes mes perplexités et me conduisit en vingt-quatre heures à Moscou, où je ne serais pas arrivé avant cinq à six jours, si j'eusse persévéré dans mes *premiers errements*... Telle est la version *officielle* que je te pris de communiquer à ceux qui auraient peut-être la curiosité de te demander, comment il se fait qu'ayant été si proche de Kalouga j'ai pu renoncer à y aller... les mauvaises routes ont tout fait. Mais la véritable, celle que je ne dis qu'à toi pour le sceau du plus grand secret, c'est qu'il y avait vingt et quelques heures que je n'avais plus lu de tes nouvelles et que grâce à cette habitude laissée à mon imagination, elle y prenait de si furieux retours que je ne pouvais loin les endurer. Ma sœur m'avait bien écrit qu'il y avait une lettre de toi qui m'attendait à Moscou. Mais j'ai fait la réflexion que la suscription de la lettre n'étant pas de ton écriture, cette lettre, après tout, ne prouvait rien. Qu'en dis-tu? N'était-ce pas ingénieux de s'aviser d'une réflexion. Aussi, à peine avais-je lu à mon arrivée ces deux lettres qui étaient là que j'ai senti, je l'avoue, un vif regret et comme un remords d'avoir si résolument brûlé la Smirnoff, et le remords était d'autant plus fondé que j'ai su par une de mes tantes qui demeurent dans le

gouvernement de Kalouga que Mad. Smirnoff lui avait parlé avec beaucoup d'affection de moi, lui faisant toute sorte de questions sur mon passé le plus reculé, dont elle s'imaginait que cette bonne tante devait être amplement instruite. Enfin quoiqu'il en soit, tu vois bien que ton livre d'oracle a dit vrai, au moins sur une question, et s'il est aussi renseigné sur l'autre, nous pouvons dès à présent commencer nos préparatifs pour célébrer notre prochain jubilé...[1]

Hier j'ai dîné chez les Souchkoff avec la cousine Mouravieff et Sophie[2] qui devaient partir aujourd'hui pour la campagne. Leur présence m'a valu un complément de nouvelles sur vous et j'ai su à cette occasion que tu t'es mise sérieusement à l'étude du russe. C'est bien fait. Il y a là assurément de quoi combler bien des loisirs. En attendant je vois, ma chatte chérie, que tu t'ennuies considérablement, comme de coutume, et que mon absence ne t'a pas jeté dans les distractions, comme je m'en étais flatté. Puisqu'elle n'a pas eu le résultat, elle n'est donc pas bonne à rien, et je m'en vais aussi à y mettre un terme le plutôt possible.

C'est le 18, mercredi, que je partirai d'ici par la nouvelle voiture de poste qui fait le trajet en 46 heures, et c'est par conséq<uent> le vingt au soir que je puis me flatter de vous revoir...* Je te ramène *Loukiane*[3], puisqu'on m'a dit que tu le regrettes. Et tu peux compter qu'il ne te regrettait pas mieux, car depuis trois semaines qu'il avait son congé, il était sur le pavé et y serait probablement resté...

J'embrasse les enfants et Anna à qui j'écris incessamment pour bien finir.

Voici un poste-scriptum pour le Prince Wiasemsky à qui j'envoie une pièce de vers du jeune *Aksakoff*, celui qui est auprès de Mad. Smirnoff[4]. Ces vers, à ce qu'il paraît, ont été écrits à la suite d'une orageuse discussion, où l'indulgence quelque peu intéressée de la dame pour les faiblesses humaines est venue se heurter contre la vertueuse intolérance du jeune homme. Ces vers seraient assurément une impertinence pour la personne à qui ils sont adressés, s'il n'était pas convenu et accepté qu'en vers comme sous le masque on

* Далее две строки густо зачеркнуты.

peut dire à peu près tout impunément. En effet, les vers n'ont jamais prouvé qu'une chose: c'est le plus ou le moins de talent de celui qui en fait... Et ceci commence à devenir vrai même pour la prose. J'en excepte toutefois celle que je t'adresse.

Adieu, ma chatte.

T. T.

Перевод:

Москва. 13 сентября <18>46

Вот, моя милая кисанька, я и вернулся, вернее сказать, выплыл на поверхность. Уверяю тебя, это было непросто. Я чувствую себя совершенно счастливым, оттого что нахожусь теперь на одном уровне с тобой. Вчера, 12-го, я прибыл сюда, покинув 8-го числа исторический, но не отличающийся великолепием город Брянск. Брат проводил меня, и мы простились с ним на берегу *Десны.*

Ты знаешь, что я намеревался ехать через Калугу, где предполагал передохнуть день-два у ног г-жи Смирновой и затем сделать еще два визита прямо по пути. Но по мере того, как я продвигался в этом направлении, дороги становились все непролазнее, почтовые лошади так редки, задержки и препятствия всякого рода из-за отсутствия лошадей так нестерпимы, что в конце концов я потерял терпение и мужество и понял, что я не в состоянии плыть против течения. И так проехав по отвратительной калужской дороге до почтовой станции, ближайшей к дороге, ведущей на *Тулу* (видишь, я преподаю тебе курс местной географии, и для того, чтобы с пользой прочитать мое письмо, тебе следует иметь перед глазами карту), итак, прибыв на станцию, ближайшую к тульской дороге, которая представляет собой *шоссе,* я почел совершенно естественным отклониться от намеченного пути и в конце концов ступил на этот лучший путь, положивший конец моим злоключениям и приведший меня через сутки в Москву, куда я бы прибыл на пять-шесть дней позже, если бы упорствовал *в первых своих заблуждениях...* Такова *официальная* версия, которую я прошу тебя сообщать всем, кто

вздумает поинтересоваться, как получилось, что, будучи так близко от Калуги, я не заехал в нее... Все совершили дурные дороги. Но настоящая причина, которую я сообщаю только тебе и под большим секретом, та, что будучи уже более двадцати часов без весточки от тебя, я почувствовал, что привычка читать твои письма, уступившая было воображению, вдруг так взыграла во мне, что я ничего не мог с собой поделать. Сестра писала мне, что в Москве меня дожидалось твое письмо. Но я подумал, что раз надпись на конверте сделана не твоей рукой, то это письмо в конце концов ничего не доказывает. Что ты скажешь на это? Что отнюдь не умно руководствоваться предположениями? Вот и я по своем прибытии прочитал два дожидавшихся меня письма и, признаться, испытал глубокое сожаление и даже некоторое угрызение совести за то, что так решительно проехал мимо Смирновой, угрызение это тем более имело свои основания, что от одной из своих тетушек, живущей в Калужской губернии, я известился, что г-жа Смирнова говорила обо мне с большим участием, расспрашивала ее о моем самом отдаленном прошлом, воображая, что милейшая тетушка всецело о нем осведомлена. Словом, как бы то ни было, ты видишь, что твоя книга оракула не обманула, по крайней мере в одном, и если она скажет правду и о другом, мы можем уже теперь начать готовиться к празднованию нашего близкого юбилея...[1]

Вчера я обедал у Сушковых с кузиной Муравьевой и Софьей[2], которые сегодня уезжают в свое имение. Благодаря их присутствию я получил дополнительные сведения о вас и узнал, что ты всерьез принялась за изучение русского языка. Это хорошо. Этим занятием действительно можно наполнить свои досуги. А пока я вижу, моя милая кисанька, что ты, по своему обыкновению, сильно скучаешь и что мое отсутствие не подвигнуло тебя броситься с головой в развлечения, как я льстил себя надеждой. А раз оно не дало своих плодов, то оно и вовсе напрасно и я поспешу положить ему конец как можно скорее.

Я выезжаю отсюда 18-го, в среду, и еду в новой почтовой карете, которая совершает поездку в 46 часов, и, следователь-

но, двадцатого вечером я могу льстить себя надеждой увидеть тебя... Я привезу тебе *Лукьяна*[3], поскольку мне сказали, что ты с сожалением вспоминаешь о нем, и ты можешь рассчитывать на то, что и он не меньше вспоминает о тебе, потому что эти три недели, что он был отставлен от дела, он был без пристанища и, возможно, так бы и оставался...

Обнимаю детей и Анну, которой напишу тотчас же, не откладывая.

Вот постскриптум для князя Вяземского, я посылаю ему стихи молодого *Аксакова*, который теперь находится при г-же Смирновой[4]. Стихи эти были написаны, по-видимому, после бурного спора, в коем несколько пристрастная снисходительность дамы к человеческим слабостям натолкнулась на добродетельную нетерпимость молодого человека. Эти стихи, конечно, можно было бы счесть дерзостью по отношению к особе, которой они адресованы, если бы не условлено и не принято было считать, что в стихах, как под маской, можно сказать почти все безнаказанно. В самом деле, стихи всегда доказывали только одно: больший или меньший талант их сочинителя... И это начинает становиться верным и для прозы. За исключением все же той, что я адресую тебе.

Прощай, моя кисанька.

Ф. Т.

128. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

14 сентября 1846 г. Москва

Moscou. Ce 14 septembre 1846

Oui, tu as raison, ma fille, tu as un vilain père, bien peu digne sinon de la tendresse, au moins de tes écritures. Et cependant je les ai toutes lues avec un très grand plaisir et il y a bien peu de moments dans la journée où tu ne sois présente à ma pensée. Bien décidément tu n'es pas le *cadet* de mes soins...

Tu as bien fait de penser à moi dans la journée du 9 septembre[1]. Ce jour j'arrivais dans notre terre d'Ovstoug, où s'est passé tout mon enfance, que je me rappelle vaguement et que je

regrette encore moins. Car la vie a commencé plus tard pour moi. Il y avait vingt-six ans que je n'y avais plus été. Quand je quittais le pays, j'avais à peine pris ton âge (s'il est vrai que tu as l'âge que tu t'attribues). J'avais tout entier destin* devant moi, et maintenant le voilà devenu du passé, c'est-à-d<ire> quelque chose qui serait du néant, s'il n'y avait dans ce néant tant de fatigue et tant de tristesse — trois ou quatre anniversaires tous bien chers, quelques-uns pénibles et dont il y en aura un, celui de ta lettre qui me sera à tout jamais douloureux...

J'ajourne jusque mon retour le récit de mon voyage qui a été après tout moins fatigant et moins ennuyeux que je l'avais appréhendé. Ce qui m'en reste encore à faire n'est que de l'agrément tout pur, puisque c'en est la fin et que cela me ramène parmi vous... C'est dans la journée du 24 que je compte vous réjouir de ma présence. Vous voilà prévenues...

Ici, ma bonne Anna, tout le monde, c'est-à-d<ire> toute la parenté est remplie d'affection pour toi. Ta vieille grand-maman a une extrême envie de te voir, et maintenant qu'elle a son logement à elle, elle se trouverait trop heureuse de pouvoir t'héberger chez elle pour quelques semaines. La tante Dorothée s'emploierait aussi bien volontiers à te faire les honneurs de Moscou. Puis il y a une cousine *Zavalichine*, une fille excellente par le cœur et par l'esprit et qui ne demanderait pas mieux que de t'aimer beaucoup et de s'occuper de toi. En un mot, je suis persuadé que tu aurais pu passer quelques semaines fort agréablement dans le milieu de Moscou, et je regrette vraiment que la tante Mouravieff[2] ne se soit pas décidée à t'emmener avec elle... Ici tu trouverais avec abondance ce qui te manque un peu trop parmi nous, c'est-à-d<ire> l'occasion de parler, de te communiquer, etc. etc. et tu n'aurais pas à craindre l'inévitable livre d'estampes...[3]

A propos de société, comment se fait-il que vous n'ayez pas encore de nouvelles, si nous aurons pour cet hiver celle de Mad. Dugaillon? Il serait très fâcheux qu'elle soit à nous manquer, car comment espérer que nous réussirions sans elle à maîtriser cher Dmitri? J'ai su par la cousine M<ouravieff> sa tension de déser-

* Слово читается предположительно, т. к. на нем чернильная клякса.

tion, et je ne doute nullement qu'il n'essaie plus d'une fois encore à la renouveler...

Adieu, ma bonne fille. J'abrège dans l'espoir d'un prochain et plus ample et plus commode entretien. Mes compliments les plus affectueux à Mlle Denissieff.

Tout à toi.

Перевод:

Москва. 14 сентября 1846

Да, дочь моя, ты права, у тебя скверный отец, весьма мало заслуживающий если не любви твоей, то во всяком случае твоих писем. И все же я читал их все с великим удовольствием и лишь в редкие минуты дня не слежу за тобою мысленно. Положительно, ты составляешь не *меньшую* из моих забот.

Ты хорошо сделала, что думала обо мне в день 9 сентября[1]. В этот день я прибыл в наше имение Овстуг, где протекло все мое детство, которое я лишь смутно помню и о котором еще менее сожалею, ибо жизнь началась для меня позже. Двадцать шесть лет прошло с тех пор, как я был там. Когда я покинул родину, я был приблизительно твоих лет (если правда, что тебе столько лет, сколько ты себе приписываешь). Целая будущность была передо мною... а теперь она стала прошедшим, то есть чем-то, что равнялось бы небытию, если бы в небытии могло заключаться столько усталости и печали — три или четыре годовщины, все очень для меня дорогие, а некоторые и тяжелые, и в их числе одна — та годовщина, о которой ты говоришь в своем письме и которая останется для меня горестной навсегда...

Откладываю до возвращения рассказ о своем путешествии, которое в конце концов оказалось менее утомительным и менее скучным, чем я опасался. Часть его, которую мне еще остается проделать, будет только удовольствием, ибо будет концом пути и приведет меня к вам... Надеюсь, что 24 числа днем обрадую вас своим появлением. Вот вы и предупреждены...

Здесь, милая Анна, все, то есть вся родня, преисполнены любви к тебе. Твоя старая бабушка чрезвычайно желает ви-

деть тебя, а так как у нее теперь отдельная квартира, то она была бы в высшей степени счастлива приютить тебя у себя на несколько недель. Тетушка Дарья тоже охотно взялась бы показать тебе Москву. Потом здесь есть еще моя кузина *Завалишина*, которая отличается необычайной добротой и умом, она только и желает приласкать тебя и заняться тобою. Словом, я убежден, что ты могла бы очень приятно провести несколько недель в московской среде, и я, право, жалею, что тетушка Муравьева[2] не решилась взять тебя сюда с собою... Здесь ты бы нашла, даже с избытком, то, чего лишена у нас, то есть возможности говорить, общаться и т. д. и т. д., и тебе не угрожала бы неизбежная книга с гравюрами...[3]

Кстати об обществе: как это вышло, что вы до сих пор не знаете, будем ли мы пользоваться этой зимой обществом г-жи Дюгайон? Будет очень досадно, если мы лишимся ее, так как без нее можно ли надеяться справиться с любезным Дмитрием? Я узнал от кузины Муравьевой о его склонности к бегству и ничуть не сомневаюсь, что он попытается еще не раз осуществить ее...

Прости, милая дочь. Сокращаю письмо в надежде на то, что в ближайшем будущем смогу поговорить с тобой более подробно и в более подходящих условиях. Мой самый сердечный привет г-же Денисьевой.

Весь твой.

129. Е. Л. ТЮТЧЕВОЙ

4 ноября 1846 г. Петербург

St-P<étersbourg>. 4 novembre 1846

Chère maman, voici Anna. Je n'ai pas besoin, je le sais, de la recommander à votre tendresse qui lui est toute acquise. Puisse sa présence vous être de quelque consolation. J'aimerais bien y joindre la mienne, vous n'en doutez pas... Anna est une bonne enfant qui vous plaira. Elle m'est très attachée, et il m'en coûterait de me séparer d'elle, même pour peu de temps, si ce n'eût pas été pour lui procurer le bonheur de vous voir et de se

sentir aimée de vous... Que le bon Dieu la protège et la conduise vers vous à bon port.

Je la recommande à l'affection de Dorothée et à l'amitié des tantes et de la cousine Zavalichine à qui je voulais écrire par Anna, mais ce sera pour une autre fois. Pour le moment c'est Anna que je charge du soin de lui parler de l'amitié que je lui porte. C'est elle aussi qui vous donnera tout le menu détail des nouvelles qui nous concernent.

Adieu, chère maman. Conservez-vous et ne vous laissez pas, pour l'amour du Ciel, trop aller à votre chagrin. Laissez-moi compter sur le bonheur de vous revoir au printemps. Adieu, je baise vos chères mains.

T. T.

Любезнейшему Ник<олаю> В<асильевичу> искренне родственный поклон. Все наши общие знакомые, кн<язь> Вяземский, Соллогуб и пр. и пр. поручили мне ему кланяться. Что его московская драма?[1]

Перевод:

С.-Петербург. 4 ноября 1846

Любезнейшая маминька, вот вам Анна. Я знаю, что мне нечего поручать ее вашей нежности, которою она уже вполне обладает. Пусть ее присутствие послужит вам хоть некоторым утешением. Вы не сомневаетесь в том, что мне очень хотелось бы присоединиться к ней... Анна — доброе дитя, она вам понравится. Она очень ко мне привязана, и мне трудно было бы расстаться с ней даже на короткое время, если бы этим я не имел в виду доставить ей счастье видеть вас и чувствовать себя любимой вами... Да хранит ее милосердный Бог и да пошлет ей благополучную дорогу к вам.

Поручаю ее приязни Дашиньки и расположению тетушек и кузины Завалишиной, которой я хотел написать с Анной, но отложил это до другого раза. А пока я поручаю Анне передать ей дружеские чувства, которые я к ней питаю. Она же сообщит вам все мельчайшие подробности, касающиеся нас.

Простите, любезнейшая маминька. Берегите себя и, ради Бога, не чрезмерно предавайтесь вашему горю. Позвольте мне надеяться на счастье свидеться с вами будущей весной. Простите. Целую ваши дорогие ручки.

Ф. Т.

Любезнейшему Николаю Васильевичу мой искренне родственный поклон. Все наши общие знакомые, князь Вяземский, Соллогуб и пр. и пр. поручили мне ему кланяться. Что его московская драма?[1]

130. Е. Л. ТЮТЧЕВОЙ

Ноябрь 1846 г. Петербург

Chère maman, voici une lettre qui vous portera mes félicitations et mes vœux pour votre jour de fête. Au moins, cette fois-ci j'ai auprès de vous mon représentant naturel. Je suis très heureux de savoir Anna avec vous et je donnerais beaucoup pour être avec vous et elle en ce moment.

Je vois par ses lettres que vous tous la gâtez à qui mieux mieux, et j'y souscris volontiers... Car au fond cela ne gâte rien que d'être un peu gâtée... Je la charge de vous baiser bien tendrement les mains pour son propre compte et pour le mien.

Et Nicolas, que fait-il? J'aime à le croire revenu en ce moment auprès de vous. Car je ne puis m'imaginer qu'il prolonge indéfiniment, dans cette saison, son séjour à la campagne. Cela finirait par devenir inquiétant, et pour m'expliquer un pareil renoncement à soi-même je serais obligé de supposer une amourette avec *Варвара Андреевна*. Mais serait-il possible que les amours enchantées lui fissent oublier qu'il nous a promis de venir nous voir au mois de décembre.

Ici nous sommes en plein hiver et en plein deuil[1]. Pas moins, la société va son train, comme de coutume. Je vais beaucoup dans le monde. Sortons chez la Comtesse N<esselrode> qui cette année ne sort guères et reçoit tous les soirs.

Mille tendresses reconnaissantes, pour le compte d'Anna, à Dorothée, aux deux tantes, à la cousine Z<avalichine>, enfin à tous ceux et celles qui lui font bon accueil.

Quant à cette chère fille, vous lui direz qu'elle doit considérer comme écrite la lettre en réponse à celles que j'ai reçues d'elle, et me tenir compte de mes intentions qui sont excellentes. Qu'elle continue à m'écrire dans de plus grand détail. Cela me dédommagera un peu de n'être pas, de ma personne, présent au milieu de vous.

Adieu, chère maman. Je recommande à Dieu votre chère santé et je vous prie vous aussi d'en avoir le plus grand soin.

T. T.

Перевод:

Милая маминька, это письмо донесет до вас мои поздравления и пожелания к вашим именинам. На этот раз, по крайней мере, рядом с вами находится моя законная наследница. Я очень счастлив тому, что Анна с вами, и много бы отдал за то, чтобы быгь в эти минуты вместе с вами.

Из ее писем я вижу, что вы все наперебой балуете ее, и я этому весьма рад... Ибо когда тебя немного балуют, это ничему не вредит... Я поручаю ей нежно поцеловать ваши руки от нее лично, а также и за меня.

А что поделывает Николушка? Мне бы хотелось думать, что в эту минуту он уже вернулся к вам, потому что не могу вобразить, чтобы он оставался в деревне в такую пору до бесконечности. Это в конце концов начинает беспокоить, и чтобы объяснить самому себе такое самоотвержение, я вынужден предположить, что у него интрижка с *Варварой Андреевной*. Но возможно ли, чтобы восторги страсти заставили его забыть, что он обещал нам приехать повидаться в декабре.

У нас здесь царит глубокая зима и не менее глубокий траур[1]. Тем не менее общество живет своей привычной жизнью. Я много выезжаю в свет. Собираемся у графини Нессельроде, она в этом году совсем не выезжает и каждый вечер принимает у себя.

Тысяча благодарностей за Анну Дашиньке, обеим тетушкам, кузине Завалишиной, словом, всем тем, кто ласково принял ее.

Что касается до моей милой девочки, передайте ей, чтобы она считала, что получила от меня письмо в ответ на те, что я имею от нее, и отдала должное моим великолепным намерениям. Пусть она продолжает писать мне как можно подробнее обо всем. Это отчасти вознаградит меня за то, что я не нахожусь рядом с вами.

Прощайте, любезная маминька. Я поручаю Богу ваше бесценное здоровье, но прошу и вас также о нем заботиться.

Ф. Т.

131. Н. В. СУШКОВУ

Январь–апрель 1847 г. Петербург

Cher Николай Васильевич, j'ai bien tardé à vous remercier de votre aimable envoi. Mais je n'ai pas tardé à vous lire. Car, bien avant que vos deux exemplaires ne me fussent parvenus, nous avions déjà lu votre drame-poème[1]. Je dis *nous*, et c'est littéralement vrai. Car la plupart des personnes à qui j'ai eu occasion d'en parler en avaient déjà pris connaissance. Le P<rin>ce Wiasemsky me charge de vous transmettre ses remerciements et ses compliments. Il a été, comme moi, très satisfait de plusieurs morceaux de détail. Quant à moi, ce qui m'a le plus touché et enchanté dans votre œuvre: c'est la langue. Voilà, grâce au Ciel, une langue vivante, une langue qui a ses racines dans le sol. Aussi on s'en aperçoit bien à son éclat et à son parfum.

Mais c'est précisément ce mérite incontestable de votre poème, ce cachet de nationalité que vous lui avez imprimé, qui lui vaudra des injures de la part de cette infâme clique de quelques journalistes d'ici qui haïssent d'instinct tout ce qui a une apparence ou une saveur de nationalité. C'est là une bien mauvaise graine et qui portera de tristes fruits, si on la laisse se developper.

J'ai bien entendu parler de vos griefs contre l'ami *Glinka*[2] et je ne demanderai pas mieux que d'en être indigné, comme il convient, si je savais d'une manière un peu plus exacte les détails de la trahison dont il s'est rendu coupable envers vous.

Ce que je sais fort bien, c'est qu'il y a dans votre ouvrage beaucoup de choses qui ont assurément assez de valeur pour tenter le voleur.

При свидании с Чадаевым скажите ему, пожалуйста, что я все еще в ожидании обещанного и до сих пор не полученного портрета[3]. И если я до сих пор еще не благодарил его, то это потому, что я слишком дорожу самым делом, чтобы удовольствоваться одним благим намерением.

На днях, вероятно, явился к вам с письмом от нас к вам и к Дашиньке французский литер<атор> граф *Сюзор*[4], о котором вы, конечно, уже извещены были из здешних журналов. Я уверен, что он найдет в Москве не менее сочувствия, если не литературного, то, по крайней мере, христианского, ибо он поистине добрый и благородный человек.

Простите, любезнейший Н.В., еще раз благодарю вас от всей души. Сестру обнимаю. Скажите Николаю, что у меня два письма к нему из Брянска. Что с ними делать?

Ф. Т.

Перевод:

Любезнейший Николай Васильевич, я сильно запоздал поблагодарить вас за вашу любезную посылку, зато я не опоздал прочесть ваше произведение. Гораздо раньше, чем я получил ваши два экземпляра, мы уже прочли вашу драму-поэму[1]. Говорю *мы*, и это так и есть, ибо большинство лиц, с которыми мне пришлось говорить о ней, уже успели ознакомиться с нею. Князь Вяземский просит меня передать вам его благодарность и хвалебный отзыв. Ему, как и мне, очень понравилось ваше сочинение в целом, и более чем понравились отдельные места. Что касается до меня лично, — наиболее тронул и восхитил меня в вашем сочинении его язык. Вот, благодарение Богу, язык живой, язык, имеющий корни в родной почве. И это сразу чувствуется по его яркости, его благоуханию. Но именно эта-то бесспорная заслуга вашей поэмы, — печать народности, которою вы ее запечатлели, — и навлечет на вас ругань со стороны гнусной клики, состоящей

из нескольких здешних журналистов, которые инстинктивно ненавидят все, что имеет вид и вкус народности. Дурное это семя, и если дать ему развиться, — оно принесет весьма печальные плоды.

Я слышал кое-какие толки о ваших обидах на приятеля *Глинку*[2] и пришел бы по этому поводу в должное негодование, если бы знал несколько точнее подробности предательства, которое он совершил по отношению к вам. Однако в вашем сочинении имеется безусловно немало ценного, чтобы ввести вора в искушение, — это я очень хорошо знаю.

При свидании с Чаадаевым скажите ему, пожалуйста, что я все еще в ожидании обещанного и до сих пор не полученного портрета[3]. И если я до сих пор еще не благодарил его, то это потому, что я слишком дорожу самым делом, чтобы удовольствоваться одним благим намерением.

На днях, вероятно, явился к вам с письмом от нас к вам и к Дашиньке французский литер<атор> *Сюзор*[4], о котором вы, конечно, уже извещены были из здешних журналов. Я уверен, что он найдет в Москве не менее сочувствия, если не литературного, то, по крайней мере, христианского, ибо он поистине добрый и благородный человек.

Простите, любезнейший Н<иколай> В<асильевич>, еще раз благодарю вас от всей души. Сестру обнимаю. Скажите Николаю, что у меня два письма к нему из Брянска. Что с ними делать?

Ф. Т.

132. Е. Л. ТЮТЧЕВОЙ

19 марта 1847 г. Петербург

Середа на Страстной неделе

Dieu veuille, chère maman, que cette lettre qui doit vous parvenir la veille des fêtes[1] vous trouve en bonne santé. C'est une bien réelle privation pour moi que de ne pouvoir passer ces jours-ci au milieu de vous. Il y a si longtemps que cela ne m'est arrivé... Ce n'est que dans mes souvenirs d'enfance que je retrouve l'im-

pression complète de cette grande et glorieuse fête... Quoiqu'il en soit, Христос воскрес — и Христос с вами.

Après votre santé, ce qui me préoccupe le plus, c'est votre disposition d'esprit dans le moment actuel. Je m'identifie si bien avec les chers et cruels souvenirs que ces jours-ci vous plus que jamais ravivez en vous. — Le curé d'Ovstoug l'été dernier m'a souvent parlé de ce dernier Dimanche de Pâques où il avait vu mon père assister aux offices du matin et où, je crois, vous, chère maman, vous avez été empêchée par une indisposition de vous y rendre... Que tous ces souvenirs vont vous assaillir maintenant! Que Dieu vous envoie, en retour de vos prières, force et courage pour les supporter...

Il me tarde bien de vous voir et de vous embrasser.

Que fait donc Nicolas? Est-ce qu'il a donc définitivement renoncé à venir ici? J'ai appris par *Cons<tantin> Tolb<oukhine>* qu'il a vendu le bien en question à son frère cadet[2]. Je lui en fais mon compliment. J'aime sa manière de faire. Elle simplifie beaucoup les choses...

Je ne vous demande pas de m'écrire, chère maman, si cela vous fatigue... Mais faites-moi écrire par Dorothée le plus de détails possible sur vous, sur votre santé, sur vos projets, en un mot, sur tout ce qui vous concerne...

J'éprouve continuellement le besoin de me sentir rassuré sur votre compte. Je crains que vous ne vous imposiez trop de privation...

Quant à nous, j'aurais des nouvelles à vous donner qui vous intéressaient, bien certainement. Mais on cause si mal, quand on n'est pas ensemble... J'ajourne donc les détails jusqu'à notre entrevue. *Толбухин* est toujours encore auprès de nous. Il est très attaché à *Anna*, et il est possible qu'Anna finisse par éprouver assez d'attachement pour lui pour se décider au mariage. Mais ce moment n'est pas encore venu[3]. Tous les autres enfants se portent bien, tant ceux de l'Institut, tant ceux de la maison. Nous sommes enfin en possession d'une gouvernante qui nous convient fort... Ma femme se propose de vous écrire de son propre <1 нрзб>[4]. Il ne me reste donc qu'à vous baiser vos chères mains.

Перевод:

Середа на Страстной неделе

Дай Бог, любезная маминька, чтобы это письмо пришло к вам в канун праздника[1] и нашло вас в добром здравии. Для меня настоящее лишение не иметь возможности провести эти дни вместе с вами. Этого не случалось уже так давно... Только в моих детских воспоминаниях я нахожу полное впечатление об этом великом и торжественном празднике... Как бы то ни было — Христос воскресе — и Христос с вами.

Более всего после вашего здоровья меня тревожит ваше расположение духа в эти минуты. Я так ясно ощущаю, какие дорогие и тяжелые воспоминания как никогда оживают в вас в эти дни. — Овстугский священник прошлым летом часто рассказывал мне о том, как папинька присутствовал на пасхальной заутрене, кажется, без вас, любезная маминька, поскольку вам пойти помешало недомогание... Как теперь, должно быть, вы находитесь во власти этих воспоминаний. Пошли вам Господь в награду за ваши молитвы силы и мужество их перенесть...

Мне не терпится скорее увидать и обнять вас.

Что поделывает Николушка? Неужели он окончательно отказался от мысли приехать сюда? Я известился через *Константина Толбухина*, что он продал пресловутое имение его младшему брату[2]. Поздравляю его с этим. Мне нравится его манера принимать решения. Это облегчает очень многое...

Я не прошу вас писать ко мне, любезная маминька, это сишком для вас утомительно... Но велите Дашиньке сообщить мне как можно подробнее о вас, о вашем здоровье, планах, словом, обо всем, что до вас касается... Я испытываю постоянную потребность быть успокоенным на ваш счет. Боюсь, что вы лишаете себя слишком многого...

Что касается до нас, у меня, конечно, есть известия, которые были бы для вас интересны. Но так трудно говорить, когда ты не рядом... Так что я откладываю подробности до нашей встречи. *Толбухин* все еще с нами. Он очень привязался к *Анне*, может быть, и она в конце концов почувствует к нему до-

статочно привязанности, чтобы решиться выйти за него замуж. Но эта минута еще не подошла[3]. Другие дети благополучны, и те, что в институте, и те, что дома. Мы наконец-то обрели гувернантку, которая нам очень нравится... Жена предполагает сама написать вам[4]. И потому мне остается только поцеловать ваши дорогие ручки.

133. П. Я. ЧААДАЕВУ

13 апреля 1847 г. Петербург

St-Pétersbourg. Ce 13 avril 1847

Me voilà donc enfin en possession, cher Monsieur Чадаев, du beau cadeau que votre amitié a bien voulu me faire. J'en ai été flatté et touché plus que je ne puis vous le dire. En effet, moi qui ne m'attendais qu'à une modeste lithographie, je vous laisse à penser avec quelle reconnaissante surprise j'ai reçu quelque chose d'aussi complètement satisfaisant et d'aussi obligeamment personnel que le beau portrait[1] que vous m'avez envoyé... Je suis, pour parler la langue du pays, comme un homme qui ne s'attendait qu'à un simple Stanislas et qui se voit décoré d'une Ste-Anne au cou, en diamants... Encore une fois, agréez en mes plus sincères remerciements. Le portrait est très bien, très ressemblant et d'une ressemblance qui fait grand honneur à l'intelligence du peintre. Cette ressemblance est assez frappante pour m'avoir suggéré la réflexion qu'il y a certains types humains qui sont comme les médailles de l'humanité: tant ils paraissent avoir été frappés avec soin et intelligence par le Grand Artiste et tant ils se distinguent du type ordinaire de la monnaie courante.

Votre portrait, cher Monsieur et ami, ne m'aurait rien laissé à désirer, s'il avait pu me donner tous les renseignements que j'aimerais à avoir sur vous, sur l'état actuel de votre santé, en un mot, sur tout ce qui a rapport à votre personne physique et morale. Que serait-ce, si dans un de vos moments de loisir vous lui veniez en aide, et le mettiez à même de m'apprendre sur vous tout ce que me laisse ignorer son silence obligé... en dépit de sa ressemblance.

14 Зак 7508

Les dernières nouvelles que nous avons eues de vous, nous ont été, si je ne me trompe, apportées par *Popoff*[2] à son retour de Moscou, et elles étaient loin d'être aussi satisfaisantes que je les eusse désirées... quant à ce qui concerne votre santé... Est-ce que vous ne vous décideriez donc pas d'entreprendre l'été prochain quelque chose de plus éfficace que tout ce que vous avez fait jusqu'à présent pour cet objet? Et pourquoi, par exemple, ne songeriez-vous pas sérieusement à essayer des eaux de l'Allemagne au retour de la belle saison, si tant est que la belle saison songe cette année à revenir parmi nous?.. Je suis convaincu que dans la disposition de santé où vous êtes, le voyage en lui-même, c'est-à-dire un déplacement physique et moral, serait déjà un bon commencement de cure, et ferait peut-être à lui seul tous les frais de la guérison... Pensez-y, cher Monsieur Чадаев, et faites un généreux effort dans l'intérêt de la plus belle des causes, qui est celle de la santé.

Maintenant, après vous avoir parlé de l'essentiel, j'aimerais bien vous parler à loisir de quelques-unes de nos préoccupations littéraires et autres de l'hiver dernier, telles que les lettres de Gogol[3], votre Сборник-monstre de Moscou[4], etc.; mais, hélas, on cause mal à six cents verstes de distance, et quoiqu'on en dise la causerie épistolaire est une chose presque aussi fatigante qu'une partie d'échecs par lettres... J'ai, d'ailleurs, l'espoir, que d'une manière ou d'autre, nous nous verrons dans le courant de l'été prochain, et c'est pourquoi je vous prie de considérer cette lettre comme le reçu du beau cadeau que vous m'avez fait, bien plus que comme une expression tant soit peu complète de l'amitié et de l'affection de votre

tout dévoué

T. Tutchef.

Перевод:

С.-Петербург. 13 апреля 1847

Наконец-то, любезный Чаадаев, в моих руках прекрасный подарок, вручаемый мне вашей дружбой. Я был польщен и тронут более, чем могу то выразить. В самом деле, я

мог ждать только скромной литографии; судите же, с каким признательным удивлением я получил от вас прекрасный портрет[1], столь удовлетворяющий всем желаниям и обращенный... столь обязательно именно ко мне... Говоря поздешнему, я уподобился человеку, ожидавшему простого Станислава и вдруг увидевшему себя украшенным Анной на шее с бриллиантами... Еще раз примите выражения моей сердечнейшей благодарности. Портрет очень хорош, очень похож, и притом это сходство такого рода, что делает великую честь уму художника. Это поразительное сходство навело меня на мысль, что есть такие типы людей, которые словно медали среди человечества: настолько они кажутся делом рук и вдохновения Великого Художника и настолько отличаются от обычных образцов ходячей монеты.

Ваш портрет, любезнейший друг мой, вполне удовлетворил бы всем моим желаниям, если бы вдобавок мог сообщить мне сведения, которые я желал бы иметь о вас, — о теперешнем состоянии вашего здоровья и вообще обо всем, что имеет отношение к вашему телесному и духовному существу. Почему бы вам в один из свободных часов не прийти к нему на помощь и не дать мне возможность узнать о вас все, что скрыто от меня его вынужденным безмолвием... несмотря на все его сходство?

Последние известия о вас, если не ошибаюсь, были нам доставлены *Поповым*[2] при его возвращении в Москву и оказались далеко не так удовлетворительны, как я бы того желал, по крайней мере в отношении вашего здоровья... Не решитесь ли вы предпринять наступающим летом что-нибудь более существенное, нежели все, что делали до сих пор в этом направлении? Почему, например, серьезно не подумаете вы о том, чтобы с возвращением хорошей погоды испробовать немецкие воды, если только хорошая погода в этом году намерена возвратиться к нам?.. Я убежден, что при вашем состоянии здоровья путешествие, то есть просто перемена места и настроения, было бы добрым началом поправки и, может быть, само по себе послужило бы уже исцелением. Подумайте об этом, любезный Чаадаев, и

сделайте мужественное усилие во имя лучшего из благ — здоровья.

Теперь, сказавши все существенное, я охотно поболтал бы с вами вволю о литературных и других наших занятиях прошедшей зимы, каковы «Переписка» Гоголя[3], ваш огромный «Московский сборник»[4] и т. п., но увы! трудно беседовать на расстоянии шестьсот верст, и что бы там ни говорили, а письменная беседа утомляет почти так же, как партия в шахматы по переписке... К тому же у меня есть надежда, что так или иначе мы свидимся в продолжение этого лета, вот почему прошу вас смотреть на это письмо более как на свидетельство о получении сделанного вами прекрасного подарка, чем как на выражение, хотя бы и не полное, дружественных чувств и неизменной любви

преданного вам

Ф. Тютчева.

134. Е. Л. ТЮТЧЕВОЙ

19 апреля 1847 г. Петербург

19 апреля 1847

Рукой Тютчева:

Любезнейшая маминька. Вы получите эти строки в горестный — несказанно грустный для нас день[1]. Я хотел, чтобы вы наверное знали, что в этот день я весь с вами духом, мыслью и молитвою. Да подкрепит вас Господь Бог и утешит... Чрезвычайно тяжела для меня ваша горесть. Но... слов для этого нет.

Я надеюсь скоро с вами увидеться. Простите. Бог с вами. Целую ваши ручки.

Ф. Тютчев

Рукой Эрн. Ф. Тютчевой:

Je veux aussi ajouter quelques mots à ceux de Théodore, chère maman, et vous dire combien je penserai plus particulièrement à vous le 23. Je prie Dieu qu'Il vous soutienne et qu'Il vous donne le courage de détourner vos pensées du triste objet qui les occupe si exclusivement. Nous espérons bien certainement nous revoir à la fin du mois prochain;

les petits enfants se réjouissent beaucoup de cette perspective. Jean a eu aujourd'hui sa première dent!! Le cher petit se porte bien et promet de devenir bien gentil. Je me réjouis beaucoup de vous le présenter. Le cousin Constantin[2] nous quittera mardi; il compte ne s'arrêter qu'un jour à Moscou. Mille grâces, chère maman, pour votre lettre russe que j'ai lue toute seule et très bien comprise.

Je vous baise tendrement les mains et je vous prie d'aimer votre bien affectueuse fille

E. Tutcheff.

Перевод:

Рукой Эрн. Ф. Тютчевой:

Я тоже хочу добавить несколько слов к письму Теодора, любезная маминька, и сказать, что я особенно буду думать о вас 23-го. Молю Бога о том, чтобы Он укрепил вас и дал мужество отойти мыслями от печального предмета, всецело занимающего вас. Мы очень надеемся увидеться с вами в конце следующего месяца, младшие дети заранее очень радуются этой встрече. У Ивана сегодня прорезался первый зуб!! Милый малыш благополучен и обещает быть очень славным. Я буду очень рада показать его вам. Кузен Константин[2] уедет от нас во вторник, он предполагает остановиться в Москве всего на один день. Премного благодарна, любезная маминька, за ваше русское письмо, я читала его сама и все хорошо поняла.

Нежно целую ваши ручки и прошу любить вашу преданную дочь

Э. Тютчеву.

135. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

19 июня/1 июля 1847 г. Петербург

Ce jeudi. 19 juin/1 juillet 1847

Дача Строгановых

Casa Colobiano

Ma chatte chérie, j'ai reçu avant-hier votre lettre de Réval qui m'a fait grand plaisir, mais cela ne me suffit pas. J'ai besoin de vous savoir à *Hapsal* ayant déjà franchi les problématiques cent verstes

de distance qui vous en séparaient[1]. Je veux aussi connaître dans leur naïve sincérité les premières impressions que ce lieu de plaisance aura produit sur vous. Ainsi donc la physionomie allemande de Réval vous a donné à penser et il n'a pas fallu moins qu'une barbe de cocher russe pour vous rassurer.

L'excellente Princesse[2] à qui j'ai fait part de cette impression en a ri, sans trop savoir, comment se l'expliquer.

Maintenant vous voilà depuis plusieurs jours à *Hapsal*, et il me tarde d'apprendre quels sont les souvenirs que cet endroit-là réveillera en vous...

Mais si je pense toujours à vous avec la même sollicitude, l'idée de vous savoir hors de ma portée, me met du calme dans l'esprit, et je suis tenté de vous appliquer le mot qu'une amie de madame de Staël a dit, en apprenant qu'elle venait d'accoucher d'une fille: *«La pauvre petite, la voilà au moins tranquille maintenant»*.

Ici longue interruption. Déjeuner avec ses conséquences. Puis une visite de l'excellentissime Colombine dans la chambre d'Anna qui me quitte à l'instant pour aller à mon exemple vaguer aux soins de sa correspondance. Il est impossible d'être meilleur que cet excellente couple Colobiano, lui, le mari, tout à fait bon et distingué. Elle, la femme, toute à fait bonne et bonne[3]. A mon retour de Péterhof, j'ai trouvé Anna si bien installée chez eux, qu'elle ne songeait pas plus à entrer en ville, pas plus qu'eux ne voulaient entendre parler de la laisser partir.

Voilà de quoi rassurer la Capello[4] sur les suites de ma tyranie paternelle. Non contents d'héberger Anna, ils se mirent en tête de m'y associer aussi et ils mirent tant d'insistance pour m'y faire consentir, qu'après leur avoir opposé une résistance convenable, je me décidais, dimanche dernier, à venir coucher sous leur toit, au sortir d'un grand bal qui s'est donné ce jour-là chez la Comt<esse> J<ulie> Stroganoff[5] et où nous avions été tous convives. Depuis je ne les ai plus quittés, dînant tous les jours et dînant très bien avec eux et passant mes soirées soit chez les Wiasemsky, soit ailleurs. Grâce au beau temps qu'il a fait ces jours-ci, les îles ont été un fort agréable séjour. Mais pour en jouir, comme il convient, il faut y être

établi à demeure. Autrement ce n'est qu'une promenade qui devient bientôt fatiguante et monotone.

J'ai utilisé le voisinage pour renouer avec la Comt<esse> Julie et qui m'a chargé de mille choses aimables pour toi. Son bal, dimanche dernier, m'a fait passer en revue tout ce qu'il restait encore de monde aux îles. Hier grande soirée chez les Wiasemsky en l'honneur de Mad. *Lazareff*, née Biron, et de sa belle-sœur qui est née *Mestchersky*, la fille de Basile[6]. Outre ces deux dames auxquelles je me suis fait présenter, mais sans leur parler, il y avait encore Mad. *Toumansky*, la docte *Séniavine*, avec sa fille accomplie[7], mais trop rouge, trop robuste, etc. etc. Quant à la maîtresse de la maison, elle était dans sa saute d'humeur bon enfant. La *Valoueff*[8], très décidée encore l'autre jour à l'endroit de *Hapsal*, n'en parlait plus hier soir qu'avec doute et hésitation. Mais je me noie dans les détails niais et oiseux, et je les raconte très mal pour m'y plaire. Les noms propres et les faits ne me réussissent guères, et je me sens trop fatigué, cœur et âme, pour parler d'autre chose. Le temps en est passé...

Aujourd'hui je dîne à 5 h<eures> chez le Ministre *Ouvaroff* qui n'a pas voulu me laisser partir sans avoir rempli une certaine promesse qu'il se souvenait de m'avoir faite depuis longtemps.

A propos de mon voyage, voici ce que j'ai de nouveau à t'apprendre. L'autre jour je suis mandé à la chancellerie, où l'on me propose de la part du Chancelier de me charger, outre une expédition pour Berlin, d'en porter une autre à *Zürich*. Mon premier mouvement a été de refuser par instinct de paresse, car la proposition était tout à fait acceptable, puisque l'expédition pour Z<ürich> défrayait mon voyage à Bade. Aussi, rentré chez moi, je me ravisais. Mais il aurait fallu faire des démarches... Cela m'ennuyait, je laissais tomber les choses. Heureusement j'ai rencontré hier le Chancelier à la promenade. Je lui ai parlé, j'acceptais, et maintenant me voilà en route pour Z<ürich>. Je passerai toujours par Weimar, et c'est là, ma chatte chérie, où je te prie de m'adresser tes lettres...

Que le bon Dieu te conserve, comme ce qu'il y a de plus précieux au monde. J'embrasse les enfants... Mais écrire me dégoûte et m'ennuie, car j'écris trop mal.

T. T.

Перевод:

Четверг. 19 июня/1 июля 1847

Дача Строгановых
Casa Colobiano

Милая моя кисанька, третьего дня получил твое письмо из Ревеля, весьма меня порадовавшее; но этого мне мало. Мне необходимо знать, что ты уже в *Гапсале* и что сто загадочных верст, отделявших тебя от него, преодолены[1]. Мне хочется также узнать о первых простодушно-искренних впечатлениях твоих от этого приятного местечка. Итак, немецкий облик Ревеля заставил тебя призадуматься, и только борода русского извозчика смогла успокоить тебя. Милейшая княгиня[2], с которой я поделился этим твоим впечатлением, посмеялась ему, хоть и не знала, как это следует понимать.

А теперь ты уже несколько дней как в *Гапсале*, и мне не терпится узнать, какие воспоминания пробудит в тебе этот городок...

Но хоть я и продолжаю думать о тебе с обычным беспокойством — мысль, что ты стала недосягаема для меня, принесла уму моему умиротворение, и мне хочется применить к тебе слова, сказанные одной приятельницею госпожи де Сталь при известии о том, что та родила девочку: «*Бедная малютка, теперь-то ей хоть поспокойнее стало*».

Тут произошла долгая заминка: завтрак со всеми последствиями. Потом визит наипревосходнейшей Коломбины, которая сидела в комнате Анны и только что рассталась со мною, чтобы по моему примеру заняться перепиской. Невозможно быть лучше этой превосходной четы. Колобиано, муж, хороший во всех отношениях и благовоспитанный человек, она, жена, хорошая во всех отношениях и просто хорошая[3]. По возвращении из Петергофа я увидел, что Анна столь хорошо у них устроилась, что и думать не хотела о переезде в город, а они не хотели и слышать о том, чтобы отпустить ее от себя.

Уж теперь-то Капелло[4] может не волноваться по поводу того, к чему приводит моя отцовская тирания. Не довольст-

вуясь тем, что они приютили Анну, они вздумали включить в свое общество и меня, и так настойчиво добивались моего согласия, что после приличного случаю сопротивления я решился в прошлое воскресенье переночевать под их кровом после большого бала, заданного в этот день графиней Юлией Строгановой[5], на который все мы были приглашены. С тех пор я с ними так и не расстаюсь, обедаю у них — и обедаю прекрасно — каждый день, а вечера провожу то у Вяземских, то еще где-нибудь. Благодаря хорошей погоде, которая стояла эти дни, на Островах было очень приятно. Но чтобы наслаждаться ими как следует, надо там жить. В противном случае это всего лишь прогулка, становящаяся со временем и утомительной и однообразной.

Я воспользовался соседством, чтобы возобновить знакомство с графиней Юлией Строгановой; она поручила передать тебе сердечный привет. На балу у нее прошлым воскресеньем передо мною прошли все остатки общества, еще находившиеся на Островах. Вчера был большой вечер у Вяземских в честь госпожи *Лазаревой*, урожденной Бирон, и ее свояченицы, урожденной *Мещерской*, дочери Василия[6]. Кроме этих двух дам, которым я представился, но с которыми не разговаривал, была еще госпожа *Туманская*, ученая *Сенявина*, со своей дочерью на возрасте[7], но не в меру красной и не в меру рослой, и пр. и пр. Что до хозяйки дома, то в тот день она была в своем ребячливо-добродушном настроении. *Валуева*[8], еще намедни вполне определенно говорившая о *Гапсале*, вчера стала высказывать сомнения и проявлять нерешительность. Но я утопаю в глупых и праздных подробностях; и рассказываю я их слишком скверно, так что и самому мне не нравится. Имена и события не даются мне, а я слишком устал и сердцем и душою, чтобы говорить о другом. Прошло то время...

Сегодня в 5 часов я обедаю у министра Уварова, которому не хотелось отпустить меня, не исполнив одного своего давнишнего обещания. — Касательно моей поездки могу сообщить тебе следующие новости. Намедни меня вызвали в министерство и от имени канцлера предложили мне взять на себя курьерскую посылку помимо Берлина еще и в *Цюрих*.

Сначала я было отказался — по врожденной лени, ибо предложение было вполне приемлемое, поскольку командировка в Цюрих снимает расходы на поездку в Баден. А потому, вернувшись, одумался. Но пришлось бы похлопотать... Это мне было не по душе, и я махнул рукой. К счастью, вчера на гулянии я встретил канцлера. Я с ним переговорил — согласился, и вот собираюсь в путь — в Цюрих. Я все же проеду через Веймар и туда-то, милая моя кисанька, я и прошу писать мне...

Храни тебя Господь как самое ценное, что есть на свете. Целую детей... Но писать мне противно и скучно... Ибо пишу я уж слишком плохо.

Ф. Т.

136. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

21 июня/3 июля 1847 г. Петербург

St-Pétersbourg. Ce 21 juin/3 juillet

Ma chatte chérie, voilà donc le grand jour arrivé, et je sens que c'est encore une séparation dans la séparation. Un trou dans un vide. Hier je suis rentré en ville et suis allé prendre congé du Chancelier. Il m'a touché par sa bonhomie. Il m'a très naïvement conjuré de n'aller voir sa femme à Bade qu'après avoir remis mon expédition à Zürich, car elle est un peu pressée, a-t-il ajouté. Au reste on m'a traîté plus généreusement que je ne m'y attendais. On m'a donné la somme de 250 ducats, ce qui est beaucoup, attendu que sur cette route il y a chemin de fer presque continu de Stettin à Zürich. J'en porterai avec moi, toutes les dépenses payées, au-delà de 1000 r<oubles> arg<ent>. Que je m'en veux et que je me détracte d'avoir permis que tu le dépouillasses ainsi à mon profit, ton dévouement me consterne et m'épouvante. Je viens d'écrire à Nicolas pour lui recommander de la manière la plus pressante de t'aller voir coûte que coûte à Hapsal. Mais ce Hapsal! C'est donc une insigne sottise que nous avons fait là. La description que tu m'en fais dans ta lettre m'a fait venir la chair de poule. Et c'est dans un pareil chenil que tu vas te confiner pour deux mois, tandis qu'avec l'argent que ce stupide séjour te coûtera, tu aurais fort bien pu, comme nous nous en sommes

assurés, avoir une très jolie maison de campagne soit aux îles, soit à Pavlovsk. Mais il faut que les bons soient bien efficaces pour me combler d'une pareille sottise. Et tandis que toi, tu vas te morfondre ainsi, moi bêtement je me donne les apparences d'aller courir l'Europe pour mon plaisir. Et personne ne se doute de ce que c'est pour moi que la séparation.

Tu comprends, je suppose, pourquoi j'ai accepté Zürich. C'était une expiation, cela fera du moins que le voyage, tout bête qu'il est, ne coûtera pas une ruine. Maintenant je ne m'arrêterai guères ni à Stettin, ni à Weimar qu'à mon retour. J'irai d'un trait p<ar> Francfort et Berlin à Z<ürich>, puis de là à Bade pour voir la C<om>tesse N<esselrode>, après quoi je tâcherai de voir joindre ton frère et de m'enlever les bords du Rhin... Tout cela est bien long et bien inutile. Toi, en attendant, écris-moi à Weimar. Tu auras de mes nouvelles de la route, soit par moi, soit par les autres. Mais avant tout conserve-toi, comme ce que j'ai au monde de plus cher. A Dieu. Il est 9 heures, à 4 j'irai chercher tes traces de l'autre jour dans les eaux de Kronstadt.

Ti Ti

P. S. Mon cher ange, ma prière, une recommandation, mais ne la néglige pas, quelque stupide qu'elle te paraisse... J'ai promis à ce malheureux *Rosaglio*[1] qui va partir p<our> Moscou, de le recommander aux *Souchkoff*. Je le lui ai promis, juré et enfin j'ai menti, en disant que c'était déjà fait. Il va partir, et je suis un homme compromis, s'il allait se présenter à eux, avant qu'ils n'en fussent avertis. Ecris-leur donc, de grâce, à son sujet. Mais de grâce, ne l'oublie pas. Cela me tourmente. *Ne l'oublie pas.*

J'embrasse mille fois les enfants. Hier j'ai été voir ceux de Smolna. Anna y est en ce moment. J'espère utiliser quelque peu ce voyage pour l'avenir d'Anna[2].

Ce que tu me dis de ta santé m'a fait grand plaisir, si c'est parfaitement exact. Quant à moi, je ne te dissimulai pas que depuis ton départ mes accès de rhumatismes m'ont beaucoup tourmenté et j'ignore quelle influence le voyage aura sur cette indisposition.

Nous serons, à ce qu'on m'assure, extrêmement bien à bord de notre bateau. J'ai troqué mes deux places, contre une cabine à

deux lits, le prix étant à peu près le même. Mais moi, de ma personne, je compte, s'il est possible, coucher sur le pont. C'est mardi à quatre heures de l'après-m<idi> que nous devons être arrivés à Stettin. Puissé-je trouver une lettre de toi à Berlin. Voyager, pour moi, c'est courir après tes lettres, combien c'est ridicule. Et toi, es-tu bien aise de m'avoir secoué?..

Перевод:

С.-Петербург. 21 июня/3 июля

Милая кисанька, вот и настал великий день, и я чувствую, что это новая разлука в разлуке. Дыра в пустоте. Вчера я вернулся в город и отправился проститься с канцлером. Он тронул меня своей простотой. Он очень простодушно убеждал меня навестить его жену в Бадене только после того, как я сдам экспедицию в Цюрихе. «Поскольку она очень срочная», — добавил он. Впрочем, ко мне были более щедры, чем я ожидал. Мне вручили сумму в 250 дукатов, и это много, если иметь в виду, что почти на всем протяжении моего пути имеется железная дорога — от Штеттина до Цюриха. Я беру с собой после уплаты всех долгов более 1000 рублей серебром. Как я досадую и ругаю себя, что позволил тебе так разориться ради меня, твое самоотвержение меня удручает и пугает. Я только что написал Николушке и просил его как можно скорее и во что бы то ни стало приехать к тебе в Гапсаль. Ах уж этот Гапсаль! Мы совершили в этом отношении неслыханную глупость. От его описания в твоем письме у меня мурашки идут по коже. И в этом хлеву тебе предстоит сидеть взаперти в течение двух месяцев, в то время как за ту сумму, в которую тебе обошлось это дурацкое пребывание, ты могла бы, как мы с тобой убедились, прекрасно снять хорошенький загородный домик либо на Островах, либо в Павловске. Поистине понадобилась изрядная энергия добрых людей, чтобы подвигнуть меня на эту глупость. И в то время как ты будешь умирать со скуки, будет выглядеть попросту, будто я разгуливаю по Европе ради собственного удовольствия. И никто не подозревает того, что значит для меня разлука.

Ты понимаешь, я полагаю, почему я согласился на Цюрих. Это расплата, благодаря которой мое путешествие, каким бы несносным оно ни было, хотя бы меня не разорит. Теперь я остановлюсь в Штеттине и Веймаре только на возвратном пути. Я поеду прямо через Франкфурт и Берлин в Цюрих, затем оттуда в Баден, чтобы повидать графиню Нессельроде, после чего постараюсь свидеться с твоим братом и подняться вверх по Рейну... Все это очень долго и очень бесполезно. Ты тем временем пиши мне в Веймар. Ты получишь обо мне известия с пути, либо от меня, либо от других. Но прежде всего береги себя, ибо ты для меня дороже всего на свете. С Богом. Сейчас 9 часов, в 4 часа я отправлюсь по твоим недавним следам, но кронштадтским волнам.

Ф. Т.

P. S. Милый ангел, вот моя просьба, наставление, не пренебрегай им, каким бы глупым оно тебе ни казалось... Я обещал несчастному *Розальо*[1], отъезжающему в Москву, представить его *Сушковым*. Я ему клятвенно обещал это сделать и в конце концов солгал, сказав, что уже сделал это. Он уедет, и я буду опорочен, если он явится к ним прежде, чем они будут предупреждены. Так напиши им, будь любезна, об этом. Но прошу тебя, не забудь. Это меня мучит. *Не забудь.*

Обнимаю тысячу раз детей. Вчера я навестил девочек в Смольном. Анна в эти минуты находится там с ними. Я надеюсь по возможности использовать эту поездку для обеспечения будущего Анны[2].

То, что ты пишешь мне о своем здоровье, меня очень порадовало, если только это правда. Что до меня касается, не скрою, что после твоего отъезда приступы ревматизма сильно мучили меня, и я не знаю, какое действие на них произведет эта поездка.

Нас уверяют, что мы будем необыкновенно хорошо устроены на борту нашего парохода. Я поменял два своих места на двухместную каюту, поскольку цена почти одна и та же. Но лично я рассчитываю, если возможно, лечь на палубе. Во вторник, в четыре часа пополудни, мы должны прибыть в

Штеттин. Хотелось бы в Берлине получить от тебя письмо. Путешествовать для меня означает бежать вслед за твоими письмами. Как это смешно. А ты, довольна ли ты, что расшевелила меня?..

137. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

25 июня/7 июля 1847 г. Берлин

Berlin. Ce 7 juillet

Ma chatte chérie, me voilà depuis hier à Berlin, sous les Linden — et il me semble que je touche encore aux îles, au quai Anglais où je me trouve entouré des Colobiano, Gise, Seebach et tutti quanti. Wiasemsky a été comme de raison le dernier à qui j'aie serré la main, en lui remettant ma lettre pour toi que tu dois avoir reçue en ce moment. Hélas, je touche ainsi à tout excepté à Hapsal qui est pour moi un séjour de raison ou plutôt de déraison. Dans la nuit de dimanche à lundi nous avons passé à la hauteur de l'île de Dago, ainsi dans une certaine proximité de toi, mais je suis bien aise que tu ne m'aies pas pu apercevoir dans ce moment. car j'étais tristement roulé sur le pont, couché sur le plancher nu sous une traîtresse de pluie fine qui me molestait beaucoup et en proie pour la première fois de ma vie aux angoisses du mal de mer. Mais aussi la mer était passablement mauvaise et le mouvement du bâtiment des plus désagréables. Dans ces moments-là on se trouve étrangement stupide de s'être mis sous une suite dans une passe semblable. Et puis tout cela s'oublie, comme si tout cela avait été éprouvé par votre prochain. La société sur le bateau se composait d'éléments tout à fait étrangers. Personne de la société de Pétersbourg. Une famille de Moscou, les *Чертков*, dont le père est un camarade de Nicolas. Lui, sa femme et les trois filles, se risquant pour la première fois sur mer et éprouvant à chaque instant les trances les plus incroyables[1].

A Stettin j'ai revu *Méjan*[2], consul, qui te fait dire mille amitiés et s'y plaît moins qu'à Moscou, mais il y paraît déjà entièrement domicilié. Notre entrevue avec Clotilde à Sevinemünde avait manqué par suite de je ne sais quel malentendu, et j'étais déjà sur le point d'emmener Anna jusqu'à Berlin[3], lorsque nous avons vu

annoncer ce matin la femme de chambre de Maltitz qui nous avait suivi à la poste jusqu'ici[4].

Aujourd'hui j'ai dîné chez la Meyendorf avec Max Lerchenfeld[5], et tout un monde d'impressions connues s'est de suite reformé autour de moi. Je ne hais pas, tant s'en faut, ces résurrections — cela renoue la chaîne. Demain, en partant d'ici à midi, j'irai coucher à Weimar. Les chemins de fer combinés avec le beau temps, pour mon véritable enchantement, on va aux uns sans quitter les autres, les villes se donnant les mains. Je t'écrirai peut-être de Weimar, mais très probablement de Francfort[6].

Перевод:

Берлин. 7 июля

Милая моя кисанька, вот я со вчерашнего дня и в Берлине, под Липами. А мне все еще кажется, что я где-то возле Островов, возле Английской набережной и что около меня Колобиано, Гизе, Зеебах и все прочие. Вяземский, как и полагается, был последним, кому я пожал руку; я передал ему для тебя письмо, которое ты в настоящую минуту, вероятно, уже получила. Увы, я близок ко всему, кроме Гапсаля, — куда тебя увлек рассудок или, вернее, безрассудство. В ночь с воскресенья на понедельник мы прошли на широте острова Даго, следственно, близко от тебя, но я рад, что ты не могла видеть меня в это время, ибо я жалким образом лежал на палубе на голом полу под отвратительным мелким дождем, который хлестал по мне, и в первый раз в жизни находился во власти ужасного приступа морской болезни. Но зато и море было очень бурно и судно качало неприятнейшим образом. В такие минуты думаешь, как ты глупо сделал, что без нужды попал в такое положение. А потом все это забывается, словно все это испытал ваш ближний. Общество на пароходе состояло из совершенно чужих лиц. Из петербургского общества не было никого. Была одна московская семья, *Чертковы*, отец их — товарищ Николая; сам он, его жена и три дочери в первый раз пустились по морю и поминутно приходили в невероятнейший ужас[1].

В Штеттине я встретил *Межана*[2], консула, который просил передать тебе сердечный привет. Ему нравится там меньше, чем в Москве, но он, по-видимому, уже вполне там прижился. Наше свидание с Клотильдой в Свинемюнде не состоялось из-за какого-то недоразумения, и я уже собирался везти Анну в Берлин[3], как вдруг сегодня утром к нам явилась горничная Мальтицев, следовавшая за нами по пятам в почтовом вагоне[4].

Сегодня я обедал у госпожи Мейендорф в обществе Макса Лерхенфельда[5] и тотчас же погрузился в целый мир знакомых впечатлений. Я не против — отнюдь не против таких воскрешений, они связывают порвавшуюся цепь. Завтра в полдень я уеду отсюда, а ночевать буду в Веймаре. Железные дороги в соединении с хорошей погодой — истинное очарование. Едешь к одним, не расставаясь с другими. Города подают друг другу руки. Быть может, напишу тебе из Веймара, но вернее всего — из Франкфурта[6].

138. К. ПФЕФФЕЛЮ

8/20 июля 1847 г. Баден-Баден

Bade-Bade. Ce 20 juillet 1847

Me voilà depuis une quinzaine de jours en Allemagne et je n'ai pas besoin de vous dire, cher ami, que ce qui a le plus contribué à me faire revoir ce pays avec un véritable plaisir, c'est l'espoir de vous y rencontrer, vous et les vôtres. Vous connaissez l'horreur que j'ai des écritures, ainsi vous m'aurez pardonné sans peine la persistence de mon silence, mais les lettres de votre sœur ne vous auront pas laissé ignorer, combien souvent vous avez été regretté et desiré pendant la durée de ces trois années d'absence.

J'aurais été tout de suite vous chercher à Munich, mais je savais que vous étiez sur le point de quitter cette ville et j'ai pensé que notre entrevue pourrait tout aussi bien avoir lieu ailleurs soit sur les bords du Rhin, soit même à Ostende, où vous devez faire un séjour de quelques semaines. Je serais même bien aise de la soustraire à l'influence des impressions locales d'une ville, dont une absence de trois ans n'a pas entièrement triomphé en moi du

sentiment de satiété qu'elle m'a laissé. Je me figure après cela ce que doit être l'intime et profond dégoût que vous vous en emporterez... Ainsi choisissons, s'il vous plaît, pour lieu de notre rendez-vous quelque localité moins fanée. Faites-moi seulement part des *dates* de votre itinéraire, et il me sera facile, grâce à mon entière indépendance de mouvement, d'aller vous joindre partout où vous serez. Adressez-moi le mot d'avertissement que je vous demande à Bade-B<ade>.

Je reviens en ce moment de la Suisse, où j'avais été chargé de porter de nouvelles instructions à notre mission à Zürich. Eh bien, voilà un pays qui, logiquement parlant, devrait être à la veille d'une guerre civile[1]. Et cependant je n'ai jamais vu à aucun pays une physionomie plus placide, plus débonnaire.

C'est que c'est en Suisse comme partout ailleurs, les velléités révolutionnaires ne sont que le fait de quelques-uns. Les masses y résistent, jusqu'à présent, non pas par leurs convictions, car elles n'en ont plus, ou n'en ont que de mauvaises — mais tout bonnement par leur poids. Laquelle de ces deux influences aura fini par l'emporter sur l'autre, c'est ce que nos enfants viendront un jour nous raconter dans l'autre monde.

En attendant, cher ami, mettez-moi aux pieds de votre femme[2]. Elle sera touchée, j'en suis sûr, du plaisir que j'aurai à la revoir. Mille tendresses aussi à vos enfants[3].

Je reçois à l'instant une lettre de votre sœur qui est en ce moment aux environs de Réval. Elle se porte bien, mais elle me manque beaucoup.

Tout à vous

T. T.

Перевод:

Баден-Баден. 20 июля 1847

Две недели как я в Германии, и мне нет надобности говорить вам, любезный друг, что надежда встретить здесь вас и всех ваших наиболее способствовала тому, что я снова увидел эту страну с истинным удовольствием. Вам известно мое отвращение к писанию, следовательно, вы легко можете простить мне мое упорное молчание, но из писем вашей сестры вы знаете, как ча-

сто в течение этой трехлетней разлуки мы сожалели о вашем отсутствии и желали вас видеть. Я бы незамедлительно направился к вам в Мюнхен, но я знал, что вы собираетесь оттуда уезжать, и рассудил, что наше свидание может столь же успешно состояться где-нибудь в другом месте, либо на берегах Рейна, либо даже в Остенде, где вы собираетесь провести несколько недель. Я буду даже весьма рад оградить это свидание от воздействия впечатлений того города, чувства пресыщения которым не могло победить во мне и трехлетнее мое отсутствие. Представляю себе, каким же искренним и глубоким должно быть отвращение, которое вынесете от него вы... Итак, изберем, если вам угодно, для нашей встречи какую-нибудь менее заезженную местность. Сообщите мне только точные *числа* вашего маршрута, и, поскольку я ничем не связан в своем передвижении, мне будет легко встретиться с вами, где бы вы ни находились. Сведения, которые я у вас прошу, направьте в Баден-Баден.

Я только что вернулся из Швейцарии, куда мне поручено было доставить новые инструкции в нашу миссию в Цюрихе. Рассуждая логически, вот страна, которая, по-видимому, находится накануне гражданской войны[1]. И однако более безмятежной и благодушной физиономии я никогда не видывал ни у одной страны. Ибо в Швейцарии, как и повсеместно, революционные попытки являются действием лишь отдельных личностей. До сих пор народ в целом не поддается им, не в силу убеждений, коих у него нет или, если есть, то плохие, а просто-напросто потому, что он тяжел на подъем. Которое из этих двух влияний возобладает над другим, об этом наши дети расскажут нам когда-нибудь на том свете.

Пока, любезный друг, низко кланяюсь вашей супруге[2]. Я уверен, что она будет тронута тем, какое удовольствие доставит мне свидание с ней. Передайте также сердечный привет и вашим детям[3].

Я только что получил письмо от вашей сестры, которая находится сейчас в окрестностях Ревеля. Со здоровьем у нее хорошо, а мне без нее плохо.

Весь ваш

Ф. Т.

139. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

10/22 июля 1847 г. Баден-Баден

Bade-Bade. Jeudi, ce 22 juillet 1847

Ma chatte chérie, hier matin j'étais à regarder le pays par l'embrasure d'une fenêtre immense démolie du vieux château de Bade. Ce château est une admirable ruine qui plane à une hauteur de 1400 p<ieds> sur un admirable pays, d'une côté la vallée de Bade avec quatre ou cinq autres qui viennent y déboucher, d'autre part une immense plaine traversée par le Rhin, embrassant dans sa couche à perte de vue tout le pays depuis Strasbourg jusqu'à Carlsruhe. C'est très beau. Et quand je me suis retourné pour te parler, tu n'y étais pas... Il se trouve que tu es à cinq cents lieues loin d'ici, dans un abominable trou qui s'appelle Hapsal. Il se trouve que c'est moi qui t'y ai envoyée, toi qui n'aurais jamais dû entendre parler de ce fichu endroit. Et moi pendant ce temps-là, je me promène de mon pied léger à travers tous les pays qui sont les tiens, – ayant à peu près la mine d'un homme qui voyage pour son plaisir. Je trouve parfaitement ignoble de ma part d'avoir souscrit à un pareil arrangement. Mais si tu ne m'accompagnes pas de ta personne, tu me poursuis de ton souvenir, je devrais même dire que tu me persécutes, car il est certain que c'est une véritable persécution. Je rabâche bien la peine de venir ici tout seul. Chose singulière. Le monde que je vois s'agiter ici, les personnes que je rencontre, rien de tout cela, rien de ce qui est *humain* ne te rappelle à mon souvenir. Mais que je me trouve en présence d'un site ou, comme hier, d'une ruine, ou mieux encore d'une église gothique, et aussitôt tu viens à moi, toute assez, pour me faire sentir cet abominable cauchemar de l'absence. Voici les endroits où j'ai le plus vivement pensé à toi, après t'avoir quitté à Berlin. C'était d'abord à *Francfort*, puis trois jours plus tard à Zürich. Mais là au lieu de descendre à l'hôtel Baur qui m'aurait infailliblement attristé, je suis allé me nicher dans une espèce de hauteur au 4ème étage de *l'hôtel du Lac*, une véritable lanterne magique qui m'enveloppait de tout part de la vue du Lac, des montagnes, de tout un splendide et magnifique horizon que j'ai revu avec un véritable attendrissement. – Ah, ma bonne amie, il

n'y a pas à dire. Ma fibre *occidentale* a été grandement remuée tout ce temps-ci. — Puis sais-tu où j'ai beaucoup pensé à toi? C'était à Bâle, bien que ce soit un terrain qui t'est étranger et, je crois même, inconnu. — C'était le soir. J'étais assis sur les poutres tout près de l'eau, en face de moi, sur la rive opposée la cathédrale de Bâle dominant un fouillis de toits aigus et de maisons gothiques collées contre la rampe du rivage, le tout recouvert d'un lambeau de verdure... Ceci aussi était fort beau, le Rhin surtout qui coulait là à mes pieds et qui chantait dans l'obscurité. De Bâle je suis allé à Strasbourg où j'ai passé la nuit à la maison rouge. Il va sans dire que je n'ai pas manqué de faire tes compliments à *Münster*[1]. Mais je n'ai plus retrouvé de certains lilas que nous avons vu si frais et si fleuri sur la vieille toiture d'une maison située en face de la cathédrale. — Mais Strasbourg m'a attristé et j'ai eu hâte de rentrer en Allemagne.

Je sens que je devrais mettre un peu plus d'ordre chronologique dans ma narration, et je le ferais, si mon exécrable écriture ne me rendait pas toujours si nerveux. Essayons pourtant... De Berlin j'allais par le chemin de fer jusqu'à Weimar... Ah, ne blasphémons pas le chemin de fer. C'est une admirable chose, maintenant surtout que le réseau se noue et se complète de tout côté. Ce qu'il y a de si particulièrement bienfaisant pour moi, c'est qu'il rassure mon imagination contre mon plus terrible ennemi, *l'espace*, cet odieux espace qui vous noie et vous anéantit, corps et âme, sur les chemins ordinaires.

A Weimar je trouvais Maltitz, seul, établi dans la maison de Goethe. Entre nous soit dit, tout cet épisode de Weimar m'a beaucoup ennuyé. La localité m'a paru abominablement triste, et l'entrevue avec Maltitz n'avait rien qui eût pu l'égayer. Je l'ai retrouvé juste au même point où je l'ai laissé il y a 4 ans. C'est toujours la même chanson. Seulement ce fond d'égoïsme qui fait le véritable fond de l'individu est devenu encore plus aigu, comme les traits d'une figure qui a vieilli. En un mot, sa société ne m'a pas fait du bien et j'aurais beaucoup donné pour pouvoir la troquer, dans le moment donné, contre celle de ton frère. Je passais la nuit à Weimar logé chez Maltitz et repartis le lendemain. Le chemin de fer s'arrête à Eisenach qui est à 24 milles de

Francfort. Il fallut se résigner à prendre la diligence — et quelle diligence, bon Dieu, et cela immédiatement après le chemin de fer. — C'était le débit de Tom Have, après celui de Thiers. Exécrable diligence, va! *Vingt* heures pleines pour faire 24 milles.

Entre Hanau et Francfort notre carabas qui se traînait est croisé par un cabriolet. En y jetant les yeux, j'aperçois une dame, toute en noir, qui en passant à côté de nous porte son lorgnon à l'œil... C'était l'affaire d'un instant, mais cet instant avait suffi pour me faire reconnaître, dont cet inimitable mouvement du lorgnon appliqué — Madame de Cetto[2] — et ce qui complète pour moi la révélation, c'est que le Brochet m'a dit spontanément qu'il était sûr d'avoir reconnu le fidèle *Ott* dans l'homme assis sur le siège. Ce qui ajoute une vraisemblance suprême à ma conjecture, c'est que le cabriolet se dirigeait vers Hanau où quelques jours auparavant venait de s'ouvrir un nouveau tripot de jeu... Mais, si je n'ai fait que l'entrevoir cette fois, je compte bien, à mon retour à Francfort, aller la chercher, quelque tapis vert des environs, car on m'a dit qu'elle ne quitterait pas le pays avant la fin de la saison. — A Francfort où je suis descendu par méprise à l'hôtel de Russie au lieu du Römischer Kaiser, j'ai eu la satisfaction de retrouver presqu'au complet l'excellente famille Oubril[3]. Surprise, exclamations, accueil cordial, partie de thé arrangée au jardin, mais à laquelle un accès rhumatismal de mal de dents survenu inopinément dans la soirée m'a empêché d'assister. J'ai revu là larmoyante Madame *Martchenko*[4], tout récemment revenue de Paris où elle avait passé l'hiver, mais comme son mari est, je crois, absent en ce moment, elle m'a paru moins élégiaque que de coutume. Quant à l'un des deux anges — l'ange Marie[5] est marié, je n'ai pas pu le voir. Il vient d'accoucher il y a 4 semaines. — Je n'ai point trouvé d'autres connaissances à Francfort. Joukoffsky et Gogol pour qui j'avais lettres et paquets étaient partis le jour même de mon arrivée. Ayant appris par *Oubril* que la Chancelière était encore à Bade, mais qu'elle allait partir le surlendemain pour Wildbad, je me décidai, en dépit de l'exhortation si prévoyante du Chancelier, de la considérer comme non avenue et me confirmai d'autant plus dans la résolution de ne pas passer par Bade que j'avais quelque raison de supposer que j'y trouverai

encore *Krüdener* qui y était venu quelques jours auparavant. Je partis de Francfort à 1 <heure> de l'après-midi et à 7 h<eures> du soir j'étais déjà arrivé à Bade où se faisait mon entrée au moment de la grande promenade guidé par l'ami Esterhazy[6] que j'avais rencontré sur le chemin de fer. Il ne nous fut pas difficile de découvrir dans une allée latérale, un peu à l'écart de la foule, la Chancelière attablée en société de la femme du docteur *Arendt*[7]. La reconnaissance a été affectueuse et aimable, mais tempérée par un peu d'embarras. Bientôt après nous sommes rejoints par Mad. Chreptovitch, toujours vive et sémillante, mais dont la peau grâce au soleil bade s'est complètement bronzée. Puis vinrent les deux nièces, Mesdames Zinovieff et Stolipine[8]. C'était à peu près les seules Russes qu'il y eut pour le moment à Bade. La soirée fut employée à reconnaître un peu la localité dont les dames voulurent bien me faire les honneurs, puis j'allais l'achever auprès de la Chancelière à qui je promis en la quittant qu'à mon retour de Zürich j'irai, après avoir passé quelque temps à Bade, lui faire une visite à Wildbad — et c'est ce que je propose de réaliser la semaine prochaine.

Je ne restais à Zürich que deux jours que je passais au sein de la famille Krüdener, braves et excellentes gens qui m'ont fait l'accueil le plus cordial, tout en me régalant d'un thé exécrable et d'un dîner qui n'était pas bon. Les demoiselles, au nombre de trois, sœurs du <1 нрзб> sont très bien sous tous les rapports, de l'esprit, de l'instruction, un joli parler, etc...[9] Mais je suis fatigué de tout ce bavardage. Il faut que j'abrège. Je me hâtais de revenir à Bade dans l'impatience que j'étais d'y trouver de tes lettres. Mais ce n'est que le surlendemain de mon arrivée que j'en reçu une, celle *du 6*, écrite le jour où j'arrivais à Berlin et qui me fait part des inquiétudes que le gros temps et la grosse mer de Hapsal t'avait fait éprouver. Merci, ma chatte chérie. Puis, le lendemain, j'ai reçu une autre, d'une date antérieure, et maintenant je suis dans l'attente <1 нрзб> de la troisième. Ceci me fait penser que tu pourrais bien y être aussi par rapport à moi, et voilà pourquoi, sans clore cette lettre où je voulais te dire encore un volume de détails sur Bade, je l'interrompe pour te l'envoyer telle quelle, sans tarder davantage. J'ai écrit avant-

hier à ton frère et attends sa réponse dans le courant de la semaine.

La suite au cahier suivant.

Перевод:

Баден-Баден. Четверг. 22 июля 1847

Милая моя кисанька, вчера утром я любовался местностью сквозь пролет огромного старинного полуразрушенного окна древнего баденского замка. Этот замок представляет собою очень живописные руины, которые как бы парят на высоте 1400 футов над очень живописной местностью. С одной стороны — баденская долина, с которою сливаются четыре или пять других, с другой — огромная равнина, пересекаемая Рейном, который опоясывает собою всю местность, насколько только может охватить глаз, от Страсбурга до Карлсруэ. Все это очень красиво, но когда я обернулся, чтобы заговорить с тобою — тебя рядом не оказалось... Оказывается, ты за пятьсот верст отсюда, в отвратительной дыре, именуемой Гапсалем. Оказывается, это я послал тебя туда, а ты и слышать никогда не должна была бы об этой унылой местности. А я тем временем беспечно разъезжаю по местам тебе родным с видом человека, путешествующего ради собственного удовольствия. Я считаю, что с моей стороны было совершенно неблагородно подписаться под таким соглашением. Но если ты мне не сопутствуешь лично, то преследуешь меня воспоминанием о себе, мне следовало бы даже сказать терзаешь меня, ибо это, несомненно, настоящее терзанье. Стоило приезжать сюда одному. Странное дело! Ни мир, волнующийся у меня на глазах, ни встречающиеся люди — ничто, ничто *человеческое* не напоминает мне о тебе. Но вижу ли я селение или, как вчера, руины, или, еще лучше, готический храм, — и тотчас же ты являешься мне, и этого достаточно, чтобы дать мне ощутить весь отвратительный кошмар разлуки. Вот места, где я особенно остро думал о тебе после того, как писал тебе из Берлина. Во-первых, во *Франкфурте*, затем, три дня спустя, в Цюрихе. Но там, вместо того чтобы остановиться в hôtel Baur, который неизбежно навеял

бы на меня грусть, я устроился в своего рода фонаре на 4-м этаже *hôtel du Lac*, в настоящем волшебном фонаре, где со всех сторон открывался вид на озеро, горы, великолепное, роскошное зрелище, которым я вновь любовался с истинным умилением. — Ах, милый друг мой, что и говорить — моя *западная* жилка была сильно задета все эти дни. Потом, знаешь ли, где я много думал о тебе? В Базеле, хоть это чуждые и, кажется, даже незнакомые тебе места. — Был вечер. Я сидел на бревнах, у самой воды, напротив меня, на другом берегу, над скоплением остроконечных крыш и готических домишек, прилепившихся к набережной, высился базельский собор, — и все это было прикрыто пеленою листвы... Это тоже было очень красиво, а особенно Рейн, который струился у моих ног и плескал волной в темноте. Из Базеля я отправился в Страсбург, где переночевал в «Красном доме». Само собою разумеется, я не преминул передать от тебя поклон *Мюнстеру*[1]. Я уже не нашел того куста сирени, который мы с тобой видели таким свежим и цветущим на старой крыше одного из домов против собора. — Однако Страсбург навеял на меня грусть, и я поспешил вернуться в Германию.

Чувствую, что мне следует внести в мое повествование некоторый хронологический порядок, и я так и поступил бы, если бы мой мерзкий почерк постоянно не раздражал меня. Попробуем все же... Из Берлина я выехал по железной дороге в Веймар. Ах, не надо поносить железных дорог! Это чудесная вещь, особенно теперь, когда их сеть всюду связывается и расширяется. На меня они особенно благотворно действуют, потому что они успокаивают мое воображение касательно самого моего страшного врага — *пространства*, ненавистного пространства, которое на обычных дорогах топит и погружает в небытие и тело наше и душу.

В Веймаре я застал Мальтица, он там один и живет в доме Гёте. Между нами говоря, в Веймаре я очень скучал. Городок показался мне отвратительно унылым, и встреча с Мальтицем не сделала его для меня более приятным. Он все на той же точке, на которой я его оставил 4 года назад. Все та же песенка. Только эгоизм, составляющий основную черту его харак-

тера, обострился в нем, как обостряются черты состарившегося лица. Словом, общество его не было для меня благотворно, и я много дал бы, чтобы променять его на общество твоего брата. Ночь я провел в Веймаре, у Мальтица, а на другой день уехал. Железная дорога кончается в Эйзенахе, в 24 милях от Франкфурта. Пришлось сесть в дилижанс — и, Боже мой, какой дилижанс! — и это после железной-то дороги! — Это как речь Том-Гаве после речи Тьера. Мерзкий дилижанс, что и говорить! 24 мили мы ехали целых *двадцать* часов.

Между Ганау и Франкфуртом наша еле тащившаяся колымага повстречала кабриолет. Взглянув на него, я увидел даму, всю в черном, которая, поравнявшись с нами, поднесла к глазам лорнет... Все это произошло в одно мгновенье, но и мгновенья было достаточно, чтобы я мог по неподражаемому движению лорнета, подносимого к глазам, узнать госпожу де Сетто[2], а еще более подтверждает мое открытие то, что Щука тотчас же с уверенностью заявил, что в человеке, сидевшем на козлах, он узнал верного *Отта*. А наибольшее правдоподобие моим предположениям придает то обстоятельство, что кабриолет ехал по направлению к Ганау, где несколько дней тому назад открылся новый игорный дом... Но если на этот раз я видел ее лишь мельком, то по возвращении во Франкфурт я надеюсь отыскать ее где-нибудь в его утопающих в зелени окрестностях, ибо мне говорили, что она уезжает оттуда лишь поздней осенью. — Во Франкфурте, где я по недоразумению остановился в hôtel de Russie вместо Römischer Kaiser, я с удовольствием нашел почти в полном составе семейство Убри[3]. Удивление, восклицания, сердечный прием, чаепитие, устроенное в саду, но на котором я не смог присутствовать по причине внезапно начавшегося в тот вечер из-за простуды приступа зубной боли. Я встретил там слезливую госпожу *Марченко*[4], она только что вернулась из Парижа, где провела зиму. Но поскольку ее муж сейчас, кажется, в отъезде — она показалась мне менее элегически настроенной, чем обычно. Что до двух ангелов, то один из них — ангел Мария[5] бракосочетался, а потому повидать его мне не удалось. Месяц тому назад он разрешился от бремени. Других знакомых я во

Франкфурте не встречал. Жуковский и Гоголь, для которых я привез письма и посылки, уехали в самый день моего приезда. Узнав от *Убри*, что канцлерша еще в Бадене, но послезавтра уезжает в Вильдбад, я решил считать недействительными столь предусмотрительные увещания канцлера и тем более укрепился в решении, проезжая мимо Бадена, заехать туда, что у меня были некоторые основания предполагать, что я еще застану там *Крюденера*, который приехал туда несколькими днями раньше. Итак, я выехал из Франкфурта в 1 час пополудни, а в 7 часов вечера уже прибыл в Баден и появился там как раз во время всеобщего гулянья в сопровождении своего приятеля Эстергази[6], которого я повстречал на железной дороге. Мы без труда обнаружили в одной из боковых аллей, в некотором отдалении от толпы, канцлершу, которая сидела за столиком в обществе супруги доктора *Арендта*[7]. Нас встретили очень сердечно и любезно, правда, не без некоторого замешательства. Вскоре к нам подошла госпожа Хрептович, по-прежнему резвая и бойкая, но сильно загоревшая иод баденским солнцем. Потом пришли две племянницы, госпожи Зиновьева и Столыпина[8]. Вот, пожалуй, и все русские, находившиеся в это время в Бадене. Вечером я немного ознакомился с окрестностями, причем дамы изволили взять на себя руководство этим делом. Конец вечера я провел у канцлерши, которой обещал при расставании, что, возвратясь из Цюриха и прожив несколько дней в Бадене, посещу ее в Вильдбаде — и думаю исполнить это обещание на будущей неделе.

В Цюрихе я пробыл два дня и провел их в семье Крюденеров, достойнейших и превосходнейших людей, они приняли меня весьма сердечно, что не помешало им потчевать меня премерзким чаем и невкусным обедом. Барышни, числом три, сестры <1 нрзб>, очень хороши во всех отношениях: и умом, и образованностью, и разговором, и пр. ...[9] Но я устал от всей этой болтовни. Надо кончать.

Я поспешил вернуться в Баден, ибо мне не терпелось обнаружить там твои письма. Но получил я первое из них лишь на третий день по приезде; это было письмо от *6-го*, написан-

ное в тот самый день, когда я приехал в Берлин, и сообщающее мне о волнениях, которые пережила ты, видя, как дурна погода и как бурно море в Гапсале. Спасибо тебе, милая кисанька. Через два дня я получил второе письмо, более раннее, а теперь нахожусь в почтительном ожидании третьего. Это наводит меня на мысль, что и ты можешь быть в таком же положении относительно меня. А посему, не закончив этого письма, в котором хотел сообщить тебе еще бездну подробностей о Бадене, я прерываю его с тем, чтобы отослать таким, какое оно есть, без дальнейшего промедления. Третьего дня я написал твоему брату и жду от него ответа на этой неделе.

Продолжение в следующей тетради.

140. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

17/29 июля 1847 г. Карлсруэ

Carlsruhe. Ce 17/29 juillet 1847

Ma chatte chérie. Tu ne t'attendais guères assurément à recevoir une lettre datée de Carlsruhe, de cette ville que tu trouves si insipide et qui ne me déplaît pas... Voici comment c'est arrivé. J'ai quitté aujourd'hui Bade-Bade pour venir prendre ici un omnibus qui devait me transporter à Wildbad auprès de la Chancelière qui y est depuis 10 jours à croquer le marmot. Mais pour arriver à Carlsruhe en temps utile il aurait fallu quitter Bade à 10 h<eures> du matin, or je n'en suis parti qu'à 2 h<eures> de l'après-dîner, si bien qu'à mon arrivée ici il n'y avait plus à songer à l'omnibus et qu'il a fallu se résoudre à passer ici la journée sauf à utiliser de mon mieux les longs loisirs que mon départ tardif m'avait créés, et voilà pourquoi je t'écris de Carlsruhe.

Depuis la lettre que je t'ai écrite et que tu recevras, Dieu sait quand, j'ai reçu deux des tiennes. La dernière qui est du 1/13 de ce mois ne m'est parvenue qu'hier, le 28. C'est quinze jours pleins qu'elle a mise à m'arriver; il paraît vraiment que Hapsal n'est pas en Europe.

Je vois par cette bienheureuse lettre que tu n'étais pas encore en possession de mon bulletin de Berlin et que par conséqu<ence> tu n'avais aucune bonne raison de penser que j'étais sur les bords du

Rhin, plutôt qu'au fond de la Baltique, tu as eu pourtant grandement raison de t'arrêter sur la première supposition qui assurément était la plus probable... J'avais pressenti que ton frère avait quitté déjà Munich. Son silence à la lettre que je lui ai écrite me l'a fait supposer. Mais c'est à peine un contretemps, car rien ne m'empêche de l'aller trouver à Ostende. Beaucoup de personnes de ma connaissance se disposent à y aller. Aussi Ostende, se trouvant tout naturellement au pied de cette pente sur laquelle une fois qu'on est sur les bords du Rhin est si difficile de ne pas se laisser glisser. La Chancelière, elle encore doit y aller avec sa fille et une de ses nièces, et je me fais une fête de la voir remise en présence de sa belle-sœur. Les deux frères *Мухановъ*[1], mes compagnons de table et fidèles compagnons de voyage de Bade, y seront aussi, ainsi que deux de nos notabilités littéraires *Хомяковъ* и *Гоголь*. En voilà-t-il des noms propres, mais nous sommes convenus, toi, moi et Madame de Sévigné[2] qu'il n'y a que les noms propres qui soient amusants dans une lettre.

J'irai donc très probablement à Ostende, mais je ne puis encore penser quand j'y serai. Je vais d'abord passer maintenant quatre à cinq jours auprès de mon auguste amie qui est, à ce que l'on m'a dit, toute démoralisée par l'ennui de son séjour actuel, et en effet, il doit être peu récréatif, car ce n'est qu'un hôpital d'incurables ou à peu près dans une gorge de montagne. A part le dévouement, j'ai, entre nous soit dit, des vues assez personnelles pour faire la visite. Mais comme ceci est une affaire, il est fort ennuyeux d'en parler, et d'ailleurs il en sera toujours tenu quand il y aura quelque chose de fait[3].

J'ai passé onze jours à Bade, et je dois l'avouer que Bade m'a un peu désappointé. La contrée est charmante, mais je m'attendais, en fait de réunion, à quelque chose de plus brillant et de plus complet. On dit, il est vrai, que la saison de cette année est particulièrement terne. Il est de fait que je n'ai pas rencontré un seul nom un peu célèbre, pas une seule notabilité européenne et même, à part les quelques familles russes, fort peu de connaissances. Moi qui croyais passer ici en revue le ban et l'arrière-ban de mes amis d'Allemagne, je n'ai en définitif à mentionner que le Prince *de Hechingen*, beau-frère du Duc de Leuchtenberg[4] dont

tu dois te souvenir, le jeune *Lotzbeck*[5], plus dadais que jamais, un *Kersdorf*, neveu d'Euchtal, l'aventurier *Saint-John* avec sa femme et ses enfants. En sus j'ai fait la connaissance du vieux *Otterstedt*, le père de notre qui a plus d'esprit que son fils, mais qui ressemble parfaitement à un vieux singe malade, ce qui me fait trembler pour l'avenir de notre ami, car il y a quelquefois une perfidie incroyable dans les ressemblances de famille.

Quant aux Russes qui étaient à Bade, ce sont tous des personnes que tu connais: Madame Léon Narischkine, la veuve, la Princesse *Ioussoupoff* qui la veille de mon départ avait enfin récupéré son ami, les deux nièces de la C<om>tesse Nesselrode, une Madame Poletica[6], etc. etc. Mais je suis las de faire le journal des choses et de personnages qui me sont aussi indifférents que je le suis pour eux. Ma chatte chérie, veux-tu savoir ce que fait le fond de mon humeur présente? C'est la conviction qui ressort de tout pour moi que j'ai fait mon temps et que rien dans le présent ne m'appartient en propre. Ces pays que j'ai revus ne sont plus les mêmes.

Puis-je oublier qu'autrefois, quand je les visitais, une première, une seconde, une troisième fois, j'étais encore jeune et j'étais aimé. — Et maintenant je suis vieux — et seul, bien seul.

Mais de grâce, conserve-toi, car aussi longtemps que tu es là, tout n'est pas encore néant.

Je voulais te dire mille choses que je n'ai pas dites. Stupide chose que les lettres. J'embrasse tendrement les enfants, Dmitri surtout, puisque c'est lui qui me remplace. Adieu, ma chatte. Il est près de minuit.

T. T.

Перевод:

Карлсруэ. 17/29 июля 1847

Милая моя кисанька, ты, разумеется, не ожидала получить письмо из Карлсруэ, из города, который ты находила таким несносным, но который вовсе не противен мне... Вот как это случилось. Сегодня я выехал из Баден-Бадена сюда, чтобы сесть в омнибус, который должен был доставить меня в

Вильдбад к канцлерше, ожидающей меня там уже 10 дней. Но чтобы поспеть в Карлсруэ вовремя, надо было выехать из Бадена в 10 часов утра, а я выехал только в 2 пополудни, так что по приезде моем сюда нечего было и думать об омнибусе, а пришлось примириться с тем, чтобы прождать здесь целый день и постараться получше воспользоваться долгим досугом, созданным моим запоздалым выездом. Вот почему я и пишу тебе из Карлсруэ.

После письма, которое я послал тебе и которое ты получишь Бог весть когда, я получил два твоих. Последнее из них, помеченное 1/13 числом нынешнего месяца, дошло до меня только вчера, 28-го. Оно потратило целых две недели, чтобы добраться до меня. Право, можно подумать, что Гапсаль не в Европе.

Из этого благословенного письма я усмотрел, что ты еще не получила моего бюллетеня из Берлина и, следственно, не имела никаких оснований думать, что я нахожусь на берегах Рейна, а не на дне Балтийского моря. Ты, однако, была вполне права, что предположила первое, ибо это было самое вероятное... Предчувствие подсказало мне, что твой брат уже выехал из Мюнхена. Я предполагал это ввиду того, что на мое письмо он ответил молчанием. Но это вряд ли стоит считать неудачей, ибо ничто не мешает мне съездить к нему в Остенде. Многие из моих знакомых тоже предполагают поехать туда; Остенде находится у подножия того склона, по которому, раз уж попал на берега Рейна, трудно не спуститься. Сама канцлерша собирается туда с дочерью и одною из племянниц, и я рад буду увидеть ее снова водворившейся, и в обществе ее невестки. Оба брата *Мухановых*[1], мои сотрапезники и верные баденские спутники, тоже будут там, равно как и две наших литературных знаменитости — *Хомяков* и *Гоголь*. Вот тебе сколько имен. Но ведь мы — ты, я и госпожа де Севинье[2] — уже условились, что в письмах только имена и занятны.

Итак, весьма вероятно, что я съезжу в Остенде, но я еще не могу сказать, когда. Сначала я проведу четыре-пять дней у моего августейшего друга, которая, как говорят, совсем пала

духом от скуки своей теперешней жизни, да и действительно, жизнь здешняя должна быть мало развлекательна, ибо местечко это, лежащее в горном ущелье, представляет собою больницу для неизлечимых или почти неизлечимых. Между нами говоря, помимо преданности, к этому посещению меня побуждают и довольно корыстные соображения. Но так как это мое личное дело, то скучно об этом говорить, да и всегда успеется, если что-нибудь из этого выйдет[3].

Я провел в Бадене одиннадцать дней и должен тебе признаться, что Баден несколько обманул мои ожидания. Местность очаровательная, но в отношении съехавшегося общества я ждал чего-то более блестящего и полного. Говорят, не знаю, правда ли это, — что нынешний сезон особенно тускл. Как бы то ни было, я не встретил ни одного сколько-нибудь известного имени, ни одной европейской знаменитости и даже, исключая несколько русских семейств, мало знакомых. Я думал устроить здесь смотр всем моим новым и старым немецким друзьям, а в конечном счете могу упомянуть лишь князя *Эхингенского*, шурина герцога Лейхтенбергского[4], которого ты, вероятно, помнишь, молодого *Лотцбека*[5], ставшего еще придурковатее, *Керсдорфа*, племянника Эйхталя, авантюриста *Сен-Джона* с женою и детьми. Кроме того, я познакомился со стариком *Оттерштедтом*, отцом нашего, который умнее своего сына, но совершенно похож на старую больную обезьяну, что вызывает у меня сильнейшее опасение за будущность нашего друга, ибо иногда в семейном сходстве скрывается невероятное коварство.

А что до русских, бывших в Бадене, то всех их ты знаешь: вдова Льва Нарышкина, княгиня *Юсупова*, которая накануне моего отъезда вновь обрела своего друга, две племянницы графини Нессельроде, госпожа Полетика...[6] и т. д. и т. д. Но я уже устал описывать вещи и лиц, которые мне так же безразличны, как и я им. Милая моя кисанька, хочешь знать, от чего зависит теперешнее мое настроение? От убеждения, черпаемого мною отовсюду, что время мое минуло и что ничто в настоящем уже не принадлежит мне. Страны, которые я вновь увидел, стали уже не те.

Могу ли я забыть, что в былое время, когда я посещал их в первый, во второй, в третий раз, я был еще молод и был любим. — А нынче я стар и одинок, очень одинок.

Но, ради Бога, береги себя, ибо пока ты еще есть — не все еще стало небытием.

Я хотел сказать тебе тысячу разных разностей и не сказал. Какая глупость — письма! Нежно обнимаю детей, и особенно Дмитрия, раз он меня замещает. Прости, моя кисанька. Сейчас около полуночи.

Ф. Т.

141. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

28 июля/9 августа 1847 г. Франкфурт-на-Майне

Francfort s/M. Ce 9 août n. st. 1847

Vous ne vous attendez assurément pas, mon Prince, à recevoir de *moi une lettre d'affaire* et même d'affaire très pressante. Voici ce que c'est. Rotschild, à ma demande, fait partir par la poste de ce jour une lettre de change de la valeur de 800 r<oubles> ar<gent> pour le compte de ma femme. Aussitôt que vous serez instruit de l'arrivée de la dite lettre de change, ayez l'extrême bonté, mon Prince, d'en faire parvenir le montant à Hapsal par la voie que vous jugerez la plus sûre et surtout la plus prompte, car grâce à la sagesse habituelle de nos arrangements il se trouve que ma femme doit être en ce moment complètement à sec, en attendant l'arrivée des fonds qui devaient lui être envoyés par mon frère et qui, à la date de sa dernière lettre ne lui étaient pas encore parvenus. Or, comme il peut se faire qu'elle passe encore un temps indéfini avant que ce bienheureux envoi trouve le chemin de Hapsal, j'ai pensé qu'il était plus pratique de lui faire parvenir cet argent par la grande voie de Rotschild et Stieglitz, en vous suppliant de vouloir bien y joindre votre coopération pour assurer le succès de ma combinaison financière. Dans tous les cas je me la devais à moi-même, pour m'ôter une épine du cerveau.

Me voilà revenu à Francfort, après avoir rempli la double mission[1] dont j'avais été chargé, sans me piquer toutefois d'une folle vitesse, après avoir été en Suisse que j'ai trouvé aussi calme et

Эрнестина Федоровна Тютчева. Мюнхен. 1833.
Литография Г. Бодмера с ориг. Й. Штилера

Александра Осиповна Смирнова-Россет.
1834–1835. *Худ. П. Соколов*

Иван Сергеевич Гагарин. Мюнхен. 1835.
Худ. Г. Бодмер. Литография

Михаил Петрович Погодин. 1846.
Худ. Ф. Шир. Литография

Василий Андреевич Жуковский. 1838 (?).
Худ. П. Соколов

Петр Андреевич Вяземский. 1844.
Худ. Т. Райт

Петр Яковлевич Чаадаев. Начало 1840-х гг.
Худ. А. Колина

Исаакиевский собор и понтонный мост через Неву. 1840-е гг.
Худ. Л. Бишебуа. Цветная литография

Павловский вокзал. 1850.
Неизв. худ. Литография

Великая княгиня Мария Николаевна. 1844.
Худ. В. Гау

Фридрих Тирш. 1858.
Гравюра неизв. худ.

Адмиралтейство. 1840-е гг.
Худ. Ж. Арну. Тонированная литография

Внутренний вид Кремля. 1838
Худ. И.Ф.Э. Гертнер

Великая княгиня Елена Павловна с дочерью. 1830.
Худ. К. Брюллов

prospéré qu'elle est turbulente et agitée dans les gazettes[2]; après avoir passé quinze jours à Bade-Bade qui n'est plus qu'une cohue — huit jours à Wildbad, aux pieds de la Chancelière — avoir fait ma cour, en passant par Darmstadt, au Grand-Duc H<éritier> et à la veille maintenant d'aller trouver Joukoffsky à Ems pour essayer de me refaire un peu de tous ces amusements[3]. C'est là que s'arrêtera, je pense, ma course qui me rappelle un peu trop le stérile va-et-vient d'une salle de bal masqué. Cette ligne du Rhin y ressemble beaucoup. C'est la même agitation machinale, ayant pour résultat des chances à peu près semblables d'amusement. D'un autre point de vue et en faisant abstraction de mon misérable individu, rien d'admirable et d'ébaubissant que cette prodigieuse croissance matérielle de l'Europe, dont le mouvement de plus en plus accéléré vous inspire malgré vous le pressentiment d'une catastrophe.

Mes hommages à la Princesse et mille amitiés les plus vraies à Mr votre fils[4].

Ti Tutchef

Перевод:

Франкфурт-на-Майне. 9 августа н. ст. 1847

Вы, конечно, не ожидали, любезный князь, получить от меня *деловое письмо*, причем касающееся до весьма спешного дела. Вот в чем оно состоит. Ротшильд по моей просьбе отправляет с сегодняшней почтой переводный вексель на 800 рублей серебром для моей жены. Как только вы известитесь о прибытии этого векселя, будьте столь любезны, дорогой князь, перешлите указанную сумму в Гапсаль путем, какой вы найдете самым верным и, главное, самым скорым, ибо благодаря свойственному нам благоразумию в ведении дел случилось так, что жена в настоящую минуту оказалась без гроша в ожидании денег, которые должен был прислать мой брат и которые, судя по ее последнему письму, до сих пор не пришли. И поскольку может случиться, что пройдет еще неопределенное время, прежде чем тот благословенный денежный перевод прибудет в Гапсаль, я подумал, что будет целе-

сообразно послать ей деньги через Ротшильда и Штиглица, умоляя вас приложить свое содействие ради успеха моей финансовой комбинации. В любом случае я обязан это сделать, чтобы избавиться от колючки в мозгу.

Вот я и вернулся во Франкфурт после выполнения данного мне двойного поручения[1], хотя и не могу похвастать, что сделал это с чрезмерной скоростью; я побывал в Швейцарии, которую застал столь же спокойной и процветающей, сколь она выглядит бурной и беспокойной в газетах[2]; провел две недели в Баден-Бадене, где теперь только одна сутолока, неделю в Вильдбаде, у ног канцлерши; представился, проезжая через Дармштадт, великому князю наследнику и теперь пребываю накануне отъезда в Эмс, к Жуковскому, чтобы немного прийти в себя после всех этих развлечений[3]. На этом думаю завершить мою поездку, слишком очевидно напоминающую мне бессмысленное хождение взад и вперед по зале на бале-маскараде. Рейнский путь весьма на него походит — та же механическая сутолока, в результате весьма далекая от развлечения. С другой стороны, если отвлечься от моей бренной персоны, нет ничего более восхитительного и ошеломляющего, чем эта колоссальная материальная мощь Европы, все увеличивающийся рост которой внушает вам, против воли, предчувствие катастрофы.

Мое почтение княгине и выражение самой искренней дружбы вашему сыну[4].

Ф. Тютчев

142. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

29 июля/10 августа 1847 г. Франкфурт-на-Майне

Francfort s/M. Ce 29 juillet/10 août 1847

Ma chatte chérie. Avant-hier, en revenant ici, mon premier mouvement a été de courir au bureau de la poste où j'ai eu en effet la satisfaction de trouver trois de tes lettres qui m'attendaient, car il faut que tu saches que je me suis résigné à ne pas en recevoir pendant tout ce temps que j'ai passé à Wildbad pour ne pas courir la chance d'en perdre une par quelque confusion qui aurait pu

avoir lieu dans ces envois et renvois mutuels. Si tu t'imagines par hasard que tu conjureras par tes lettres mon impatience de te revoir, tu te trompes beaucoup, car il ne m'est jamais encore arrivé d'en lire une sans me trouver superlativement absurde de t'avoir quittée. Au fond, personne n'a de l'esprit comme toi, et je comprends à merveille qu'auprès de toi tout ce que je rencontre dans le monde me paraisse fade et terne, et il ne faut pas moins que le reflet de ta présence pour me le rendre supportable... C'est tout contrariant, mais c'est ainsi.

Ta *lettre du maître de poste* de Hapsal — comme on disait du temps de Mad. de Sévigné — m'a beaucoup amusé. Elle est vraiment fort jolie. Il y a peu de feuilletons, et de meilleurs, qui vaillent une pareille lettre. J'aime bien les peurs que tu lui causes avec les excentricités épistolaires de ta correspondance. J'aime beaucoup aussi la figure d'Antoinette Bl<oudoff> en proie à ses doctes perplexités devant ton ignorance si pleine de calme et de sérénité... tout cela m'avait rendu fort heureux jusqu'à ce que je fusse arrivé à l'endroit de ta lettre où tu dis que tu es sans argent et que jusqu'à nouvel ordre tu allais vivre aux dépens de tes domestiques. Tu comprends qu'il m' a été impossible de supporter cette idée. Aussi sais-tu ce que j'ai fait? Je t'ai envoyé hier une somme de 800 r<oubles> ar<gent> accompagnée d'un mot d'avis pour le P<rin>ce Wiasemsky pour le prier qu'aussitôt la lettre de change arrivée il eût soin de t'en faire parvenir le montant à Hapsal le plutôt possible. Voilà l'usage que j'ai fait de ta lettre pour Rotschild, car je suis heureusement dans le cas de pouvoir n'y pas recourir pour mon propre compte, attendu que j'ai encore par-devers moi deux cents et quelques ducats qui doivent suffire pour défrayer la seconde moitié de mon voyage... Pourvu seulement que cette bienheureuse lettre de change arrive assez à temps pour prévenir les dernières extrémités de la détresse. Mais que devient donc mon frère, et peste soit de son absence et de son silence...

Maintenant je te dois quelques mots sur mon séjour à Wildbad. C'est le lendemain du jour où je t'avais écrit de Carlsruhe que j'arrivais dans ce lieu sauvage, peuplé pour le moment de la présence de la Chancelière. Pas besoin de dire que

j'en ai été reçu avec toute la pudique effusion d'une affection aussi réelle que réservée. Je la trouvai un peu démoralisée par son isolement, car elle n'avait auprès d'elle que sa fille Chreptovitch, quelque peu ennuyée aussi du séjour que sa piété filiale lui faisait subir. Quant à la société de l'endroit, elle était composée en grande majorité de toute sorte d'infirmes: perclus, boiteux, culs-de-jatte ou à peu près. Représente-toi le fauteuil du vieux C<om>te Maistre[1], multiplié à l'infini et rayonnant dans toutes les directions. Le pays par contre est fort joli. Il m'a rappelé dans sa douce sauvagerie les sites de Kreuth, etc. etc., la chaumière etc. etc. Je me suis assuré qu'il y avait encore des montagnes dans ce monde. Que Dieu les bénisse et les conserve! Car c'est une très grande consolation que d'en voir après trois grandes années de plaine et de marais... de bonnes, grosses et véritables montagnes et qui ne deviennent pas des nuages à l'horizon quand on y regarde de plus près...

Contre mon attente j'ai rencontré à Wildbad plus de 100 personnes de ma connaissance allemande que je n'en avais vu à Bade, entr'autres l'ami Parceval que j'ai trouvé étonnamment vieilli, et le gros Helmstadt, le neveu de la Braga, toujours gros et frais et de plus marié!.. Il y avait encore en fait d'indigène quelque temps médiatisé, un Löwenstein, protestant qui m'a appris avec indignation que sa cousine, la veuve de Const<antin> L<öwenstein>, venait de se faire religieuse... En un mot, j'ai eu l'occasion pendant mon séjour à Wildbad et grâce à la présence de ces Messieurs de compléter mes informations relativement à Munic... Mais je t'en fais grâce, à toi, et pour cause...

Il va sans dire que dans les immenses loisirs de ce séjour décidément alpestre, la majeure partie de mon temps était exclusivement consacrée à celle qui m'y avait attiré. Nous nous voyions d'abord le matin à la source; puis, à trois heures de l'après-midi je venais la chercher pour la promenade. Puis je dînais — et très bien — avec ces dames et chez elles.

Et le reste du jour était tout à jouir... Aussi lorsqu'après huit jours de cette douce entente il a fallu se séparer, nos adieux ont été des plus tendres, et l'arbre de notre amitié sous la bénigne influence du soleil de Wildbad a poussé de nouveaux rejetons...

Au sortir de là j'allai par le chemin de fer à Heidelberg où je couchai, et le lendemain je profitai de quelques éclaircies pour visiter la splendide ruine qui m'a paru plus belle que jamais. Dans mon ardeur j'avais pris un élan qui me portait tout au sommet de la montagne et bien au-dessus du château. Mais cet excès de zèle fut amplement récompensé par la vue d'un des plus magnifiques panoramas qui se soient jamais déroulés sous mes yeux. La plaine au loin immense et bleuâtre, laissant luire de loin en loin les sinuosités du Neckar, et sous mes pieds ce monde de verdure lustrée, éclatante sur laquelle se détachaient ces admirables pierres, si chaudes de ton et de formes si gracieuses. Ah, le beau pays! Mais il est ridicule d'en parler, à moins d'y être. C'est raconter de la musique.

En allant de Heidelberg à Francfort on passe aux portes de Darmstadt. J'avais appris par hasard que le lendemain c'était la fête de la Grande-D<uchesse>[2]. J'avais pensé qu'il était convenable de profiter de la circonstance pour aller lui offrir mes hommages. Cette supposition paraissait assez naturelle. Eh bien, il est possible que je me suis trompé dans mes calculs. Au moins j'ai cru remarquer que ma présence gênait les alentours à cause d'un certain dîner à la campagne qui devait se donner le lendemain et auquel on ne savait pas si l'on pouvait convenablement associer un étranger, arrivé impromptu. Je coupai court à leurs hésitations, en déclarant que je devais partir nécessairement aussitôt après la messe. Ce que je fis en effet, après avoir gratifié de quelques paroles gracieuses et shake hands obligé... Quoiqu'il en soit, me voilà garanti pour longtemps de tout retour de velléités courtisanesques...[3]

Ma chatte chérie, je voudrais bien que dans ce moment-ci tu m'envoyasses une inspiration. Le silence de ton frère me jette dans de grandes perplexités. J'avais espéré à mon arrivée à Francfort d'y trouver un mot d'avis de sa part, en réponse à ta lettre que je lui ai écrite de Bade, il y a trois semaines passées, ce qui est un laps de temps plus que suffisant pour permettre à cette réponse d'arriver, en dépit de tous les distances que son déplacement et le mien ont pu occasionner. Je suis donc obligé de supposer ou que ma lettre, arrivée à Munich, *y est restée*, ou bien que

ton frère a déjà quitté Ostende, ou ce qu'à Dieu ne plaise que les soucis que lui donne la société de Hubert l'empêchent de me répondre. Quoiqu'il en soit des motifs de son silence, toujours est-il que je suis dans la plus complète ignorance de son sujet et dans l'impossibilité même de conjecturer, si en allant à Ostende j'ai encore la chance de l'y rencontrer. Et cependant je ne voudrais pas faire ce voyage en pure perte, tant aussi peu que je me résigne à l'idée d'être venu en Allemagne, sans l'avoir vu... A l'heure qu'il est il me reste bien encore deux cents ducats, mais il n'y a là rien de trop, pour payer l'excédent de la dépense que me coûtera le transport de ta voiture par le chemin de fer. Or je tiens à te le ramener, je veux au moins que mon voyage ait eu un résultat pratique quelconque. J'en ai besoin pour le justifier à mes propres yeux. J'ai bien la chance de demander à mon passage par Berlin une nouvelle course de courrier. Mais ai-je aussi celle de l'obtenir?.. Toutes ces considérations disparaîtraient, si j'avais la certitude de trouver ton frère à Ostende, mais s'il n'y était plus?..

Eh bien, que faire?.. Adieu, ma chatte chérie. Je vois bien que tu ne veux pas me répondre et les écritures m'embêtent.

Tout à toi et rien qu'à toi.

Ti Ti

Перевод:

Франкфурт-на-Майне. 29 июля/10 августа 1847

Милая кисанька, третьего дня, приехав сюда, первым моим движением было бежать на почту, где меня и в самом деле ожидала радость — меня дожидались три твоих письма, поскольку, должен тебе сказать, я смирился с мыслью не иметь от тебя вестей во время моего пребывания в Вильдбаде, чтобы не потерять какое-нибудь из твоих писем вследствие их пересылки из одного места в другое. Если ты случайно воображаешь, будто своими письмами ты утоляешь мое нетерпение видеть тебя, то ты глубоко ошибаешься, ибо мне не случалось прочитать хотя бы одно без ощущения крайней нелепости того, что я покинул тебя. Никто не может состязаться с тобой в остроумии, и я великолепно понимаю, что

после тебя все, кого я встречаю в свете, кажутся мне пресными и бесцветными, мне нужен хотя бы отзвук твоего присутствия, чтобы я мог переносить остальных... Это очень досадно, но это так.

Твое *письмо начальника почтовой конторы* Гапсаля — как говаривали во времена мадам де Севинье — меня очень развеселило. Оно в самом деле замечательное. Мало найдется фельетонов, даже из самых лучших, которые бы стоили этого письма. Мне очень понравилось, как ты перепугала собеседника оригинальными выражениями своего письма. Я также с удовольствием представил лицо Антонины Блудовой, поставленной в тупик, с ее ученостью, твоим неведением, столь спокойным и чистосердечным... Все это меня чрезвычайно радовало, пока я не дошел до того места в твоем письме, где ты пишешь, что осталась без денег и что до нового получения тебе придется жить в долг на счет своих слуг. Ты понимаешь, что я не мог перенести такую мысль. И знаешь, что я сделал? Я выслал тебе 800 рублей серебром и одновременно написал Вяземскому, чтобы, как только будет получен вексель, он позаботился о самой скорейшей присылке денег в Гапсаль. Вот каким образом я употребил твое письмо к Ротшильду, ибо, по счастью, я имею возможность не воспользоваться им для моих собственных нужд, так как у меня в руках еще имеется более двух сотен дукатов, которых должно хватить на вторую половину поездки... Только бы этот благословенный вексель прибыл вовремя, чтобы предотвратить самую крайнюю нужду. Но что же случилось с моим братом, будь неладно его отсутствие и его молчание...

Теперь я должен рассказать тебе о моем пребывании в Вильдбаде. На другой день после того, как я писал тебе из Карлсруэ, я прибыл в это дикое место, оживленное в настоящую минуту присутствием канцлерши. Нет нужды говорить тебе, что я был принят с целомудренным проявлением чувств, столь же истинных, сколь и сдержанных. Я нашел ее несколько приунывшей от одиночества, поскольку рядом с ней была только ее дочь Хрептович, также слегка скучавшая от здешнего пребывания, к коему ее принудила дочерняя любовь. Что касается до местного общества, оно по большей ча-

сти состоит из всякого рода калек: разбитых параличом, хромых, безногих или вроде того. Вообрази кресло старого графа де Местра[1], размножившееся до бесконечности и движущееся во всех направлениях. Местность, напротив, весьма живописна. Она напомнила мне своей дикой прелестью окрестности Кройта и прочая и прочая, хижину и прочая и прочая. Я уверился, что остались на свете еще горы. Благослови и сохрани их Господь! ибо большое утешение после трех лет жизни среди равнины и болот... увидеть славные, массивные и настоящие горы, которые не превратятся в тучку на горизонте, как только вглядишься в них попристальнее...

Против моего ожидания я встретил в Вильдбаде более сотни моих германских знакомых, которых не видал в Бадене, среди прочих приятель Парсеваль, которого я нашел удивительно постаревшим, толстяк Хельмштадт, племянник Брага, по-прежнему толстый и свежий, да к тому же женатый!.. Из местных там еще был находившийся некоторое время под влиянием прессы Левенштейн, протестант, который с негодованием поведал мне, что его кузина, вдова Константина Левенштейна, только что постриглась в монахини... Словом, я имел возможность во время своего пребывания в Вильдбаде, благодаря присутствию всех этих господ, пополнить мою осведомленность о Мюнхене... Но я избавлю тебя от подробностей, и у меня есть на то причина...

Разумеется, во время бесконечных досугов этого поистине альпийского пребывания большая часть моего времени была посвящена исключительно той, которая привлекла меня сюда. Прежде всего мы видались утром у источника; затем в три часа пополудни я заходил за ней для прогулки. Потом я обедал — и весьма приятно — с этими дамами у них.

А остатком дня можно было спокойно наслаждаться... И когда после недели, прожитой в этом трогательном согласии, пришлось расставаться, наше прощание было самым нежным и дерево нашей дружбы под благословенным вильдбадским солнцем пустило новые побеги...

Оттуда я отправился по железной дороге в Гейдельберг, где заночевал, а утром я воспользовался промежутками яс-

ной погоды для посещения великолепных развалин, которые мне показались еще прекраснее, чем когда-либо. Я так увлекся, что мой порыв привел меня на вершину горы, гораздо выше замка. Но мое чрезмерное усердие было полностью вознаграждено открывшейся передо мной одной из самых величественных панорам, когда-либо возникавших перед моим взором. Вдали — бескрайняя голубоватая долина, по которой то там, то здесь сверкали извилистые повороты Некара. А под моими ногами — целое море блестящей, яркой зелени, на которой выделялись дивные камни, таких теплых оттенков и таких изящных форм. Ах, какой прекрасный край! Но смешно рассказывать о нем. Это все равно что пытаться передать словами музыку.

Дорога из Гейдельберга во Франкфурт вела мимо Дармштадта. Я случайно известился, что на другой день были именины великой герцогини[2]. Я подумал, что будет уместно воспользоваться данным обстоятельством, чтобы поздравить ее. Такое предположение казалось мне совершенно естественным. Что ж, возможно, я ошибся в моих расчетах. По крайней мере, я заметил, что окружение великой герцогини смутилось моим присутствием, поскольку на следующий день предполагался обед в загородном дворце и они не знали, уместно ли присутствие на нем иностранца, прибывшего столь внезапно. Я прервал их колебания, объявив, что тотчас после обедни я должен непременно уехать. Так я и поступил после нескольких обязательных любезностей и shake hands...* Как бы то ни было, но я теперь надолго избавлен от всякого желания возобновить попытки придворного ухаживания...[3]

Милая кисанька, в эти минуты мне очень нужен твой совет. Молчание твоего брата весьма меня озадачило. Я надеялся, что по прибытии во Франкфурт найду от него письмецо в ответ на мое, написанное из Бадена три недели назад; это вполне достаточное время для того, чтобы мог прийти ответ, несмотря на любые расстояния, которые могли меняться из-за моего или его перемещения. Я в конце концов вынужден

* рукопожатий (*англ.*).

был предположить, что или мое письмо, прибыв в Мюнхен, так и *осталось там лежать*, или что твой брат уже покинул Остенде, или что, не дай Бог, заботы о Гюбере помешали ему ответить мне. Каковы бы ни были причины его молчания, я по-прежнему нахожусь в полном неведении о нем и даже не могу предположить, застану ли я его в Остенде, если отправлюсь туда. И однако мне не хотелось бы совершать это путешествие впустую, и точно так же я не могу смириться с тем, чтобы побывать в Германии и не повидаться с ним... К настоящему времени у меня осталось еще две сотни дукатов, но это вовсе не много для того, чтобы оплатить дополнительный багаж для провоза по железной дороге твоей коляски. Однако я постараюсь ее тебе привезти, мне бы хотелось, чтобы моя поездка имела хоть какой-нибудь практический результат. Я нуждаюсь в этом, чтобы оправдаться в собственных глазах. Я очень рассчитываю по проезде через Берлин просить новую курьерскую дачу. Но найдется ли таковая для меня?.. Все эти соображения рассеялись бы, если бы я был уверен, что застану твоего брата в Остенде, но там ли он еще?..

Ах, что же делать?.. Прощай, милая кисанька. Я вижу, что ты не хочешь отвечать мне, а писание писем меня раздражает.

Весь твой и только твой.

Ф. Т.

143. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

17/29 августа 1847 г. Франкфурт-на-Майне

Francfort s/M. Ce 17/29 août 1847

Je reçois à l'instant même ta lettre du 1/13 de ce mois de Hapsal et conformément à tes indications je t'adresse la mienne à St-Pétersbourg où, j'espère, qu'elle te trouvera déjà arrivée saine et sauve. Ton avant-dernière lettre m'a été remise par mon frère que j'ai trouvé ici, arrivé de la Vienne il y a huit jours de cela, au retour d'une excursion que j'ai faite à Ems et sur les bords du Rhin. Je suis encore sous le coup du détestable malentendu qui m'a fait manquer l'entrevue avec ton frère, chose dont je ne puis me consoler et que même à présent je ne puis me résigner à accepter comme définitive.

Tu sais que j'avais écrit à ton frère de Bade le 20 juillet, et j'ai attendu une réponse à cette lettre jusqu'au 11 août à Francfort et jusqu'au 18 à Ems, après avoir donné les ordres nécessaires pour que sa lettre m'y fut transmise. N'en ayant eu de nouvelles à la date du 18 août, c'est-à-dire tout un mois après la lettre que je lui avais écrite, j'ai dû penser ou que ma lettre ne lui était pas parvenue, ou qu'il avait déjà quitté Ostende. Je me résignais donc à revenir à Francfort après avoir flâner trois ou quatre jours sur les bords du Rhin, et ce n'est qu'à mon retour ici que j'ai reçu une lettre de ton frère, toute bonne et toute aimable, mais beaucoup trop tardive et qui m'est parvenue juste à point pour irriter tous mes regrets. Peste soit des contretemps et des malentendus. Maintenant, pour avoir le dernier mot dans cette contrariété, je serais homme à aller encore d'ici à Ostende, si deux considérations ne m'arrêtaient – le manque de temps et la crainte d'un autre manque, plus essentiel encore, celui de l'argent...

Mon frère m'a fait grand plaisir en m'apprenant qu'il t'avait remis la somme de 1500 r<oubles> ar<gent>[1], toutefois je ne regrette nullement de t'en avoir expédié d'ici. Tu ne saurais être assez hantée d'argent au moment de ta rentrée à Pétersb<ourg>. Quant à moi, j'ai encore par-devers moi 150 ducats, pour défrayer mon retour. Peut-être par surcroît de précaution me ferai-je avancer p<ar> Rotschild mes appointements des derniers mois, sauf à ne pas y toucher, si c'est possible.

Quant à ce retour, voici l'itinéraire que j'ai adopté. Et d'abord un mot de ta voiture. Après mûr examen nous avons reconnu, mon frère et moi, que le transport de la voiture par la voie de fer jusqu'à Stettin et de là par le bateau à vapeur à Kronstadt reviendrait énormément cher (sur le chemin de fer, p<ar> ex<emple>, une voiture comme la tienne paye $1^1/_2$ écu de Prusse par mille d'Allemagne, sans qu'il fut permis au propriétaire de s'y placer). C'est pourquoi nous nous sommes décidés à expédier la dite voiture par la voie du Rhin, jusqu'à Rotterdam où elle sera embarquée sur un bâtiment marchand, de sorte que son transport, effectué par cette voie, reviendra tout au plus à une centaine de florins, tandis qu'il aurait coûté le triple, en emmenant la voiture avec moi. Quant à moi, je suis décidé à rentrer par

Varsovie, où je trouverai une voiture du Comte Orloff[2] qu'il a mis à ma disposition avec toute sorte d'instance de m'en servir, de préférence à tout autre moyen de transport. L'itinéraire en question a le grand avantage de me faire faire presque la moitié du voyage par le chemin de fer, attendu que je vais le prendre à 40 lieues de Francfort et qu'il me conduit, sauf une lacune, jusqu'à Varsovie même. Cela me fait échapper aussi ici l'inconvénient d'une traversée de mer aux approches de l'équinoxe. Eh bien, que dis-tu de cet arrangement. N'est-il pas très pratique et très bien imaginé. Mais ne vas pas t'effrayer de l'idée que par cette voie je te reviendrai plutôt que tu ne le voudrais, car j'ai encore Weimar sur les bras, et Dieu sait si j'en serai quitte à moins d'une dizaine de jours. Tu as à peu près deviné le projet auquel je faisais allusion dans une de mes lettres, sauf seulement que ce n'est pas auprès de la Grande-Duchesse M<arie> est que je voudrais pouvoir placer Anna, mais aussi de sa future belle-sœur, la future G<rande>-Duchesse Constantin[3], et c'est doit assurer quelque chance de succès à ce projet, par l'entremise de la Grande-Duchesse de Weimar que je me trouve dans le cas de devoir m'arrêter à Weimar plus longtemps probablement que cela ne m'amusera. J'aime à croire que dans cette circonstance au moins Clotilde cherchera un peu à utiliser pour la nièce l'affection qu'elle prétend lui porter. Je t'avoue que la réussite de cette affaire me comblerait de joie, ce serait un bien lourd fardeau qui me serait ôter de dessus le cœur, un fardeau qui m'écrase et m'irrite... plus que je ne veux le dire...

Quand tu verras le P<rin>ce Wiasemsky, dis-lui que j'ai passé de bien bons moments avec Joukoffsky à Ems d'abord où nous avons passé six jours ensemble à lire son Odyssée et à parler de toute chose au monde, du matin au soir...

Ce sera vraiment une grande et belle œuvre que son Odyssée et je lui ai dû d'avoir retrouver en moi la faculté assoupie depuis bien longtemps, celle de m'associer pleinement et franchement à une jouissance purement littéraire. Aussi a-t-il paru très satisfait de la sympathie que son œuvre m'a fait éprouver — et il avait raison, car c'était sympathie sans phrases[4]. J'en ai aussi beaucoup pour sa femme, une noble et douce créature, descendue tout exprès vers lui

de quelque bon tableau de la vieille école allemande. J'avoue que ce genre, à la longue, m'affadirait un peu. Mais dans de certains moments j'en aime assez la paisible et candide suavité. Cela me repose de moi-même et de beaucoup d'autres...

Hier, le 28 août, Joukoffsky et moi, nous avons dîné ensemble à l'hôtel de Russie. C'était hier le 98ème anniversaire de la naissance d'un assez célèbre bourgeois de Francfort, de Goethe. Mais je crois vraiment que nous avons été les deux seuls individus à Francfort qui ayons eu la bonhomie de nous être rappelé cet illustre anniversaire. Aujourd'hui J<oukoffsky> est à Darmstadt où il assiste aux noces de G. Gagarine qui épouse aujourd'hui même la plus moricaude jeune personne que j'aie jamais vue[5].

Ici nous avons été tous ces jours-ci complètement absorbés par l'horrible tragédie du Duc de Praslin, arrivée, comme tu as pu le voir dans les journaux, à dix pas de l'hôtel que tu as habité avec ton père. Peut-être même connais-tu la maison qui a été le théâtre de cet atroce événement. J'en ai eu les nerfs agacés pendant plusieurs jours, et ce n'est que depuis hier où nous avons eu la nouvelle de la mort de ce malheureux assassin qu'ils commencent un peu à se détendre... Quel réveil que celui de cette pauvre Duchesse dans la fatale nuit du 18, sous le premier coup du stylet de son affreux mari. Eh bien, n'es-tu pas trop heureuse d'être protégée toute une pareille éventualité par 400 lieues de distance?

Mais toutes les femmes ne sont pas aussi bien protégées comme toi, et je comprends fort bien, p<ar> ex<emple>, que notre bonne Princesse W<iasemsky> n'ait pas pu lire le récit de cette tragique aventure sans se livrer à de bien tristes préoccupations sur les chances possibles de son propre avenir.

Adieu, en attendant, ma chatte chérie. Maintenant la prochaine lettre que je t'écrirai sera datée de Weimar. Tu es bien bonne de me recommander d'apporter des cadeaux à la *Capello*. Tu comprends que si j'ai de l'argent disponible il n'y aura de cadeaux achetés que *pour toi seule*. Si seulement quelque ami charitable voulait me dire que c'est l'objet qui pourrait te faire plaisir... Oh, il est cruel d'être aussi inepte que je le suis.

Mon frère qui revient en ce moment de Wiesbaden te fait dire mille amitiés. Il a été très satisfait de ton accueil. Adieu.

J'embrasse les enfants. Que le bon Dieu vous protège et vous conserve.

Tout à toi

T. T.

Перевод:

Франкфурт-на-Майне. 17/29 августа 1847

Я только что получил твое письмо из Гапсаля от 1/13 сего месяца и согласно твоему указанию посылаю тебе свое в С.-Петербург, где, надеюсь, оно застанет тебя здоровой и невредимой.

Предыдущее твое письмо было передано мне моим братом, который приехал за день до того — неделю тому назад, по возвращении моем из поездки в Эмс и по берегу Рейна.

Я все еще нахожусь под впечатлением несносного недоразумения, благодаря которому мы разминулись с твоим братом; я безутешен и даже сейчас еще не могу свыкнуться с мыслью, что это непоправимо. Тебе известно, что я писал ему 20 июля и ждал ответа до 11 августа во Франкфурте и до 18-го в Эмсе, дав предварительно распоряжение о том, чтобы его письмо переправили мне туда. Не получив ответа до 18 августа, то есть в течение целого месяца, я подумал, что либо мое письмо до него не дошло, либо он уже выехал из Остенде. А потому я решил, побродив дня три-четыре по берегам Рейна, вернуться во Франкфурт и лишь по возвращении сюда нашел письмо твоего брата, очень милое и любезное, но крайне запоздалое и способное лишь усугубить мои сожаления. Черт бы побрал все помехи и недоразумения. Чтобы оставить за собой последнее слово в этом недоразумении, я был бы способен съездить отсюда в Остенде, если бы меня не удерживали от этого два соображения: недостаток времени и опасения за другой недостаток — еще более важный — недостаток денег... Брат мой порадовал меня сообщением, что он передал тебе 1500 рублей серебром[1]. Тем не менее я нисколько не жалею, что послал тебе денег отсюда. По возвращении твоем в Петербург деньги будут не лишни.

Что до меня, то я еще располагаю на обратный путь 150 дукатами. Быть может, я из предосторожности возьму у Ротшильда аванс в счет жалованья с тем, чтобы, если это окажется возможным, не тратить его.

Да, о возвращении, вот каким путем я решил ехать. Но прежде — несколько слов о твоей карете. По зрелом размышлении, мы с братом решили, что перевозка ее по железной дороге до Штеттина, а оттуда на пароходе до Кронштадта — обойдется страшно дорого. За карету, как твоя, железная дорога, например, берет полтора прусских экю за немецкую милю, причем владельцу не разрешается помещаться в экипаже. Поэтому мы решили оную карету отправить по Рейну до Роттердама, где ее погрузят на торговое судно; таким образом, ее перевозка по воде обойдется самое большое в сотню флоринов, в то время как везти ее с собою обошлось бы втрое дороже. Что до меня, я решил ехать через Варшаву, где воспользуюсь каретой графа Орлова[2], которую он предоставил в мое распоряжение, всячески настаивая, чтобы я воспользовался ею предпочтительно перед всеми другими способами передвижения. Такой маршрут имеет то великое преимущество, что позволит мне почти полпути ехать по железной дороге, ибо я сяду в поезд в 40 милях от Франкфурта и он довезет меня, не считая небольшого перерыва, вплоть до самой Варшавы. К тому же это избавит меня от неприятности плыть по морю во время равноденствия. Одобряешь ли ты мое решение? Не правда ли, оно разумно и обоснованно? Но пусть не пугает тебя мысль, что этим путем я приеду к тебе раньше, чем тебе хотелось бы, ибо на руках у меня еще остался Веймар, и Бог ведает, разделаюсь ли я с ним скорее, чем в десять дней. Ты в общем угадала намерения, о которых я намекал в одном из своих писем, но только я хотел бы устроить Анну не при великой княгине Марии Николаевне, а при ее будущей невестке, будущей супруге великого князя Константина Николаевича[3]. Чтобы при посредстве великой герцогини Веймарской обеспечить этому плану больший успех, я и должен буду остановиться в Веймаре и, вероятно, на более длительный срок, чем мне хотелось бы. Надеюсь, что по

крайней мере в этом случае Клотильда постарается проявить по отношению к своей племяннице то расположение, которое, по ее словам, она к ней питает. Признаюсь тебе, что удачное завершение этого дела было бы мне в высшей степени приятно; с моего сердца спало бы тяжелое бремя, бремя, угнетающее и тревожащее меня... больше, чем я могу это выразить...

Когда увидишь князя Вяземского, передай ему, что я очень приятно провел время с Жуковским сначала в Эмсе, где мы прожили шесть дней, занимаясь чтением его «Одиссеи» и с утра до вечера болтая о всевозможных вещах. Его «Одиссея» будет действительно величественным и прекрасным творением, и ему я обязан тем, что вновь обрел давно уже уснувшую во мне способность полного и искреннего приобщения к чисто литературному наслаждению. Он тоже казался весьма удовлетворенным тем сочувствием, которое вызвал во мне его труд, — и он был прав, ибо сочувствие мое было искренно[4]. Мне очень нравится и его жена — благородное и нежное создание, словно сошедшее нарочно для него с какой-то славной картины старинной немецкой школы. Признаюсь, что этот тип в конце концов мог бы мне показаться несколько пресноватым, но иногда мне приятно его покойное и чистое очарование. Оно дает мне отдохновение от меня самого да и от многих других...

Вчера, 28 августа, мы с Жуковским обедали в hôtel de Russie. В этот день исполнилось 98 лет со дня рождения довольно известного франкфуртского гражданина — Гёте, но, право, сдается мне, что во всем Франкфурте только мы одни и были достаточно простодушны, чтобы вспомнить об этой славной годовщине. Сегодня Жуковский в Дармштадте, на свадьбе Г. Гагарина, который женится на самой черномазой девушке, какую только я когда-либо видывал[5].

Все эти дни мы были совершенно поглощены страшной трагедией в семье герцога де Прален, разыгравшейся, как тебе вероятно уже известно из газет, в десяти шагах от дома, где ты жила с отцом. Быть может, ты даже знаешь дом, где случилось это ужасное происшествие. Оно волновало меня не-

сколько дней, и лишь со вчерашнего дня, когда мы узнали о смерти злосчастного убийцы, нервы мои стали немного успокаиваться... Каково было пробуждение несчастной герцогини в роковую ночь 18-го числа под первым ударом кинжала ее страшного мужа!

Неужели ты не радуешься, что тебя ограждает от подобной возможности расстояние в 400 миль? Но не все женщины так хорошо ограждены, как ты, и я отлично понимаю, что, например, наша милейшая княгиня Вяземская, читая рассказ об этом трагическом происшествии, не могла не предаться грустным мыслям о возможностях, ожидающих ее в будущем.

А пока прости, моя милая кисанька. Следующее мое письмо будет из Веймара. Очень мило с твоей стороны, что ты напомнила мне привезти подарки госпоже *Капелло*. Ты ведь представляешь себе, что если у меня останутся свободные деньги — то подарки будут куплены *для тебя одной*. Если бы только какая-нибудь милосердная душа сказала мне, что может доставить тебе удовольствие... Ах, как ужасно быть столь нелепым, как я!

Мой брат, только что вернувшийся из Висбадена, шлет тебе самый сердечный привет. Он остался очень доволен твоим приемом. Прости! Обнимаю детей. Благослови и храни вас Господь!

Весь твой

Ф. Т.

144. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

4/16 сентября 1847 г. Веймар

Weimar. Ce 4/16 septembre 1847

Ma chatte chérie, c'est aujourd'hui que j'ai reçu ta lettre de Hapsal en date du 3 de ce mois et je profite du passage d'un courrier du G<rand>-Duc Héritier par Weimar pour te répondre. Ta lettre m'a un peu désappointé, car j'espérais qu'elle m'apprendrait ton arrivée à Pétersb<ourg>. J'aimerais assez à t'y savoir déjà. Quant à tes inquiétudes à mon sujet, tu sais fort bien qu'elles sont absurdes et qu'il ne peut rien m'arriver de sérieusement fâcheux.

En thèse générale on ne peut être raisonnablement inquiet dans ce monde que de toi et encore seulement quand je ne suis pas là. Aussi, p<ar> ex<emple>, il y a dans ta dernière lettre un mot qui est très mal sonnant. Ainsi tu dis, en parlant de ta santé, qu'elle était meilleure et que tu avais *moins mal* à la poitrine. Moins mal, comme c'est gracieux et surtout à l'entrée de l'hiver. Je suppose qu'à ton arrivée à Pétersb<ourg> qui, d'après mon calcul, a du avoir lieu de 9 ou 10 de ce mois, tu as été momentalement mise en possession de ma lettre adressée à l'hôtel Safonoff[1]. Tu sais, p<eut>-ê<tre>, que je me suis décidé à rentrer p<ar> Varsovie, et je pense que tu approuves cet itinéraire. Le temps du moins qu'il fait depuis deux jours et qui probablement se prolongera, est tel qu'il ne permet guères de choisir. Je m'en tiens donc à l'itinéraire indiqué! Je passerai p<ar> Leipsick, Dresde, Breslau — Varsovie. Grâce au chemin de fer ce voyage sera, j'espère, aussi économique qu'expéditif. Le sérieux ne commencera qu'après Varsovie, mais je te l'ai déjà dit, je crois, que j'ai à Varsovie une voiture du Comte Orloff qu'il a mise en ma disposition.

Je partirai d'ici après-demain, c'est-à-d<ire> le 18, et j'espère être à Varsovie avant le 21, tu devrais bien, à tout hasard, m'adresser là une lettre poste-restante. J'ai passé ici une douzaine de jours et je me flatte que ce séjour ne sera pas sans résultat. La Grande-Duchesse et toute sa famille m'ont comblé de gracieusetés, la Grande-Duchesse surtout qui est une bien excellente femme. En un mot, elle m'a promis de s'employer de la manière la plus active en faveur d'Anna auprès du Grand-Duc H<éritier> et de sa femme qu'elle attend à voir ici vers la fin de ce mois. Mais c'est surtout la manière dont cette bonne volonté s'exprime qui est vraiment gracieuse[2].

Je dînais presque tous les jours chez elle ou j'y passais la soirée. Hier j'ai passé la soirée chez son fils, le G<rand>-Duc héréditaire où je trouvais son beau-père, le Roi des P<ays>-Bas qui se trouve ici depuis quelques jours[3]. En somme, si l'accueil des indifférents pouvait me tenir lieu de ta présence, il est certain que je n'éprouverais pas l'impatience que j'éprouve de te revoir. C'est bien stupide, je le sais, mais il paraît que c'est d'une stupidité définitive.

Adieu, ma chatte, j'écorche le papier au lieu d'écrire. Puisse cette lettre te trouver bien portante et déjà casée. J'embrasse les enfants 1 fois, et toi, mille.

T. T.

Перевод:

Веймар. 4/16 сентября 1847

Милая кисанька, сегодня я получил твое письмо из Гапсаля от 3 числа сего месяца и, пользуясь проездом через Веймар курьера великого князя наследника, отвечаю тебе. Твое письмо слегка меня обескуражило, потому что я надеялся, что ты сообщишь мне о своем приезде в Петербург. Я бы предпочел знать, что ты уже там. Что касается до твоего беспокойства обо мне, ты знаешь, что оно совершенно безосновательно и что ничего всерьез плохого со мной случиться не может. Вообще говоря, беспокоиться на этом свете стоит только о тебе, да и то только тогда, когда меня нет с тобой рядом. Так, к примеру, в твоем письме есть задевшая меня фраза. Говоря о своем здоровье, ты пишешь, что оно стало лучше и что ты чувствуешь *меньше боли* в груди. Меньше боли, как мило, особенно в преддверии зимы. Я полагаю, что по твоем возвращении в Петербург, которое, по моим расчетам, состоится 9–10-го числа этого месяца, тебя будет ожидать мое письмо, которое я адресую в дом Сафонова[1]. Ты, кажется, знаешь, что я решился возвращаться через Варшаву, и, думаю, ты одобришь мой маршрут. Погода, которая держится, по крайней мере, два последних дня и, вероятно, не изменится и впредь, не оставляет возможности для выбора. Так что я буду держаться выбранного маршрута! Я поеду через Лейпциг, Дрезден, Бреслау, Варшаву. Благодаря железной дороге поездка будет, надеюсь, столь же экономной, сколь скорой. Серьезные сложности начнутся после Варшавы, но я тебе уже писал, что в Варшаве граф Орлов предоставит в мое распоряжение свою карету.

Я выезжаю отсюда послезавтра, то есть 18-го, и надеюсь быть в Варшаве около 21-го; ты хорошо сделаешь, если на

всякий случай пришлешь мне туда письмо до востребования. Я провел здесь двенадцать дней и льщу себя надеждой, что мое пребывание не лишено успеха. Великая герцогиня и вся ее семья осыпали меня любезностями, особенно сама великая герцогиня. Это поистине бесценная женщина. Одним словом, она обещала мне похлопотать, употребив все усилия, за Анну перед великим князем наследником и его супругой, которых она ожидает здесь к концу месяца. Но особенно приятно было то, как ласково она выразила свою готовность помочь[2].

Я почти каждый день обедал у нее или проводил вечер. Вчера я провел вечер у ее сына, наследного великого герцога, где застал его тестя, нидерландского короля, который находится здесь уже несколько дней[3]. Словом, если бы прием, оказанный мне безразличными людьми, мог заменить мне твое присутствие, то я бы, конечно, не испытывал того нетерпения увидеть тебя, какое теперь испытываю. Это очень глупо, я понимаю, но, похоже, эта глупость уже неисправима.

Прости, моя кисанька, я царапаю бумагу, вместо того чтобы писать. Дай Бог, чтобы это письмо застало тебя в добром здравии и уже на месте. Обнимаю детей один раз, а тебя — тысячу раз.

Ф. Т.

145. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Февраль 1848 г. Петербург

Vous voyez bien, mon Prince, que je ne me suis pas exagéré la portée des nouvelles d'hier[1]. Et maintenant, ne pensez-vous pas que je pourrai bien avoir raison, en prévoyant la guerre européenne pour le printemps prochain.

Mais je crains bien que ma femme ne soit ruinée de cette affaire[2] — c'est triste.

T. T.

J'ai déjà lu le journal.

Перевод:

Вы видите, любезный князь, что я не преувеличил значение вчерашних событий[1]. И теперь подумайте, не окажусь ли я прав, предсказывая начало европейской войны этой весной.

Но боюсь, как бы моя жена не разорилась вследствие этих дел[2] — это очень печально.

Ф. Т.

Я уже прочел газету.

146. К. ПФЕФФЕЛЮ

15/27 марта 1848 г. Петербург

Рукой Эрн. Ф. Тютчевой:

Lundi. 15/27 mars

Votre lettre du 15 de ce mois vient de me parvenir, cher ami; vous avez bien raison de penser que vous nous intéressez vivement, en nous écrivant souvent par le temps qui court. Je voudrais recevoir tous les jours de vos nouvelles, et je vous supplie de ne pas être ménager de lettres à l'avenir. Votre article à Mr Kolb[1] a fait grand plaisir à mon mari, dont les idées coïncident si parfaitement avec les vôtres sur beaucoup de points essentiels — malheureusement chaque jour du mois fatal qui vient de s'écouler a l'étoffe d'une dizaine d'années de débats révolutionnaires, consumés enfin par l'oeuvre de l'abolition de la Royauté. Ce que l'on a pensé aujourd'hui et ce qui paraissait parfaitement de mise ne s'applique plus à l'événement du lendemain — et enfin, spéctateurs épouvantés du grand drame qui se joue, il semble que nous n'ayons plus qu'à attendre les bras croisés et les fronts inclinés le dénouement qu'il plaira à la Providence de donner à tant de confusion.

Le Roi de Bavière est dégoutant; de tous les Princes de l'Allemagne c'est peut-être le seul qui aurait mérité qu'on le chassât, et si on ne l'a pas fait, quelle longanimité cela suppose dans son excellent peuple. Mais ce qui n'est pas fait se fera, je n'en doute pas, si ce n'est par le fait de l'émeute ce sera par ceui d'un nouvel état de choses en Allemagne[2]. — Pauvre Roi de Prusse: il me fait une peine bien sincère, mais un Roi auquel on a crié <1 нрзб> et qi s'est présenté à son peuple dans l'état, où il était, lorsqu'il a voulu parler aux émeuteurs et qu'on a dû le soutenir

sous les bras pour qu'il fût paraître à son balcon, me semble à peu près impossible désormais[3]. – Enfin, Dieu sait – peut-être qu'à l'heure, où je vous écris, plus d'une question est résolue.

Et où en sont nos malheureux fonds autrichiens depuis le bourrasque viennoise qui a emporté le Prince Metternich[4] et dont vous devez avoir eu la nouvelle peut-être le lendemain du jour, où vous m'écriviez. J'ai fait venir ici mon petit solde de compte chez Rotschild. A raison de c<omp>te – 57 le rouble d'argent c'est une somme de 4863 roubles que je placerai soit à la banque, soit en obligations russes. Que n'avons-nous ici tout notre avoir et que n'ai-je plus tôt suivi le conseil de mon mari qui depuis le commencement de l'année ne cessait de me répéter à moi et à beaucoup d'autres incrédules qu'une crise était imminente. Je dois lui rendre la justice de dire qu'il a fait preuve depuis quelques mois surtout d'une divination réellement extraordinaire. Néanmoins il est excessivement ému et attristé de tout ce qui se passe, beaucoup plus que tant d'autres, pour lesquels la surprise a été plus fotre.

Aussitôt après la nouvelle de l'abdication de L<ouis> P<hilippe> et celle de la proclamation de la République[5] j'ai écrit à Eichthal pour lui remettre le soin de sauver mon avoir d'un nauffrage complet. J'attends d'un jour à l'autre sa réponse, mais je pense que le vol si rapide des évènements l'aura obligé d'ajourner toute opération décisive et qu'il verra venir. Mais que verra-t-il? Que verrons-nous?

Je vous adresse cette lettre à Francfort, où je suppose que vous arriverez à peu près en même temps qu'elle, si toutefois vous réalisez votre projet de quitter Paris au commencement d'avril.

Donnez-nous les détails sur la situation extérieure de Paris, sur celle des villes que vous aurez traversées! Beaucoup de détails, je vous en prie, cher ami; vos lettres sont lues avec avidité non seulement par nous, mais aussi par quelques unes des personnes de notre intimité qui toutes sont à même de les apprécier. L'avant-dernière[6] m'est parvenue le soir et elle a fait les délices d'une réunion qui avait lieu chez l'un de nos meilleurs amis; la C<om>tesse Nesselrode s'y trouvait.

Il paraît donc que le grand Vicomte ne donne pas son adhésion à la République et qu'il va bondir à Munich[7]. J'en suis fâchée pour vous et j'aurais voulu qu'il eût choisi un autre refuge contre les atteintes de la tempête. Mille tendresses à votre femme et vos enfants chéris. Je vous embrasse de coeur et d'âme

E. Tutchef

Рукой Ф.И. Тютчева:

Que peut-on dire, cher ami, dans un moment pareil? Il faut se taire et adorer cette Main qui châtie et qui, cette fois, s'est dégagée toute visible du nuage... De notre point de vue humain voilà ce qui ressort avec une écrasante évidence. La Révolution, dernier mot d'une civilisation faussée dans son principe et que nous nous plaisions à considérer comme une maladie *de croissance*, est tout bonnement le *cancer*. Peut-on espérer d'en limiter les ravages au prix même des plus cruelles opérations, ou bien toute la masse du sang en est-elle déjà atteinte? Voilà une question qui sera résolue avant peu de semaines. Pour ce qui est de la Russie en particulier, la question est celle-ci: la Révolution, qui pour l'Occident est un mal intérieur qui la ronge, est par rapport à la Russie un ennemi tout matériel et tout palpable qui n'en veut pas seulement à son âme, mais tout bonnement à son existence, qui veut, en un mot, sa destruction, comme la voulait dans un moment donné le grand Napoléon. Et en ceci la Révolution est parfaitement conséquente, elle a compris à merveille qu'entre elle et nous, c'est un combat à mort[8]. *Vita Caroli — Mors Conradini*[9].

Il faut que l'un des deux adversaires fasse définitivement place à l'autre. Maintenant la Révolution saura-t-elle comprimer assez l'anarchie qui la dévore, pour se transformer en une croisade armée et régulière contre nous, nous lancera-t-elle de nouveau, comme en 1812, tout l'Occident à la tête?

Voilà, encore une fois, ce que peu de jours suffiront pour nous dévoiler. — Dans le cas d'une agression je crois pouvoir vous assurer qu'avec l'aide de Dieu nous nous défendrons, comme en 1812. Si au contraire l'anarchie l'emportait définitivement en Europe, j'aime à croire que nous serions, je ne dis pas assez sages, mais assez respectueux envers la Providence pour ne pas intervenir dans Ses jugements... Non certes, cette fois on n'aura pas la coupable ineptie de tenter une Réstauration, de compte à demi avec la Révolution...

La pauvre Allemagne me fait une peine que je ne puis dire. Ah, pauvre pays, quel soin il prend de nous venger de l'absurde ingratitude qu'il s'est laissé imposer à notre égard[10]. — Toutefois je ne désespère pas de son avenir.

Перевод:

Рукой Эрн. Ф. Тютчевой:

Понедельник. 15/27 марта

Мне только что подали ваше письмо от 15 числа сего месяца, милый друг; вы совершенно правы, когда говорите, что ваши письма в настоящую минуту для нас чрезвычайно интересны. Мне бы хотелось получать от вас вести каждый день, умоляю вас и впредь не скупиться на письма. Ваша статья, адресованная г-ну Кольбу[1], доставила большое удовольствие моему мужу, мысли которого по многим важным вопросам полностью совпадают с вашими. К несчастью, каждый день уходящего месяца стоит десяти годов революционных дебатов, приведших в конце концов к уничтожению Монархии. Все, о чем помышляли сегодня и что казалось совершенно приемлемым, уже не отвечает событиям завтрашнего дня. И в конце концов напуганные свидетели разыгрывающейся на наших глазах великой драмы, похоже, мы вынуждены, сложив руки и склонив головы, дожидаться такой развязки смуты, какая будет угодна Провидению.

Баварский король отвратителен; из всех германских государей он, наверное, единственный, кого стоило бы прогнать, и если его бесценный народ этого еще не сделал, то лишь благодаря своему долготерпению. И хотя этого пока не случилось, но случится обязательно, я в этом не сомневаюсь, может быть, не путем восстания, а благодаря новому устройству Германии[2].

Бедняжка прусский король: мне его искренне жаль, но король, которому кричали: <1 нрзб> и который предстал перед народом в том состоянии, в каком он находился, когда он захотел обратиться к бунтовщикам и его пришлось поддерживать под руки, чтобы он смог выйти на свой балкон, мне кажется, не имеет будущего[3]. — В конце концов, одному Богу известно — возможно, в ту минуту, когда я пишу к вам, уже многое разрешилось.

А что с нашими несчастными австрийскими бумагами после венского взрыва, унесшего князя Меттерниха[4], о чем вы, вероятно, узнали на следующий день после того, как писали ко мне? Я перевела сюда остаток моего небольшого счета у Ротшильда. Исходя из 57 за один рубль серебром, это должно составить 4863 рубля, которые я

хочу поместить в банк или перевести в русские ценные бумаги. Почему все наше состояние не здесь и почему я раньше не послушалась мужа, который с самого начала года не уставал повторять и мне и многим другим неверующим, что кризис неминуем. Надо отдать ему должное — он выказал, особенно за последние несколько месяцев, поистине поразительную проницательность. Однако он чрезвычайно взволнован и огорчен происходящим, гораздо сильнее, чем те, для кого события стали совершенно неожиданными.

Сразу после получения известия об отречении Луи Филиппа и провозглашении республики[5] я написала Эйхталю с просьбой позаботиться о спасении моего состояния от полного крушения. Со дня на день ожидаю ответа, но думаю, что стремительный ход событий вынудил его отказаться на время от решительных операций и выжидать. Но чего он дождется? Чего мы все дождемся?

Я адресую это письмо во Франкфурт, куда, я полагаю, вы должны приехать почти одновременно с ним, если вы все же осуществите свои планы и покинете Париж в начале апреля.

Пишите нам подробно о положении за пределами Парижа, о положении в городах, через которые вы будете проезжать! Побольше подробностей, прошу вас, милый друг, ваши письма читаются с жадностью не только нами, но и некоторыми нашими близкими знакомыми, способными их оценить. Предпоследнее письмо[6] мне подали вечером, и оно доставило удовольствие целому кружку, собравшемуся у одного из самых близких наших друзей; среди прочих там находилась графиня Нессельроде.

Похоже все же, что виконт не принял республику и устремится в Мюнхен[7]. Я огорчена за вас и мне бы хотелось, чтобы он выбрал другое убежище от натиска бурь. Тысяча нежностей вашей жене и милым детям. Обнимаю вас всем сердцем и душой.

Э. Тютчева

Рукой Ф.И. Тютчева:

Что можно сказать, любезный друг, в такую минуту? Нужно умолкнуть и восславить карающую Руку, которая на этот раз столь явно показалась из облаков... С нашей человеческой точки зрения, вот что следует с ошеломляющей очевидностью из того, при чем мы присутствуем: Револю-

ция, последнее слово ложной в своих основах цивилизации, которую нам хотелось считать *болезнью роста*, является на самом деле *раковой опухолью*. Можно ли надеяться ограничить губительные последствия ценой пусть даже самой жестокой операции или ею поражена уже вся кровяная масса? Вот вопрос, который будет решен в течение нескольких недель. Что касается, в частности, до России, вопрос заключается в следующем: Революция, являющаяся для Запада болезнью, подтачивающей его изнутри, по отношению к России представляет собой материального и вполне ощутимого врага, угрожающего не только ее душе, но и самому ее существованию, который, говоря одним словом, хочет ее разрушения, как хотел этого в свое время великий Наполеон. И в этом Революция совершенно последовательна, она прекрасно усвоила, что между нею и нами идет бой не на жизнь, а на смерть[8]. *Vita Caroli – Mors Conradini*[*].

Один из противников должен решительно уступить место другому. Сумеет ли теперь Революция подавить раздирающую ее анархию, преобразовать ее в вооруженное регулярное войско и отправиться в крестовый поход против нас? Бросит ли она на нас вновь весь Запад, как в 1812 году? Вот что должно обнаружиться в ближайшие дни. В случае нападения, смею утверждать, мы с Божией помощью защитимся, как и в 1812 году. Если же, напротив, анархия решительно возобладает в Европе, мне бы хотелось верить, что мы окажемся не скажу достаточно мудрыми, но достаточно почтительными по отношению к Провидению, чтобы не вторгаться в Его решения... Нет, конечно, на этот раз мы не допустим постыдной глупости, добиваясь реставрации, рассчитывая договориться с Революцией...

Не могу выразить, как мне жаль бедную Германию. Ах, несчастная страна, как она старается отомстить нам за нелепую неблагодарность, которую она допустила по отношению к нам[10]. – И все же я не теряю надежды на ее будущность.

---

[*] Жизнь Карла – смерть Конрадина (*лат.*)[9].

147. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Март 1848 г. Петербург

Ce vendredi

Votre livre, mon Prince, m'a procuré une véritable jouissance. Car c'en est une très réelle que de lire un livre européen écrit en russe, un livre où l'on entre, p<our> a<insi> d<ire>, de plain-pied en arrivant d'Europe, tandis que dans la règle, en abordant presque tout ce qui se publie chez nous, on a toujours quelques marches à descendre.

Et cependant c'est parce que votre livre est européen qu'il est éminemment russe. Le point de vue où il se place, est le clocher d'où l'on découvre la ville. Le passant dans la rue ne la voit pas. La ville, comme telle, n'existe pas pour lui. Voilà ce que ne veulent pas comprendre tous ces Messieurs qui s'imaginent faire de la littérature nationale, en se noyant dans le détail. Le plus grand succès que l'on puisse désirer non pas à votre livre, mais au public qui le lira, c'est qu'il sache lire ce qui s'écrit entre les lignes. Quand il en sera là, il sera déjà bien avancé.

Un bien grand inconvénient de notre position c'est cette obligation où nous sommes d'appeler du nom *d'Europe* un fait qui ne devrait jamais s'appeler que par son propre nom: la Civilisation. Voilà où est la source pour nous d'interminables erreurs et d'inévitables équivoques. Voilà ce qui fausse toutes les idées parmi nous... Au reste, je me persuade de plus en plus, que tout ce que *l'imitation pacifique* de l'Europe a pu faire, a pu donner, nous l'avons déjà. C'est assez peu de chose après tout. Cela n'a pas brisé la glace. Cela n'a fait que la recouvrir d'une mousse qui simule assez bien la végétation. Maintenant nul progrès réel n'est possible que par la lutte. Voilà pourquoi cette hostilité qui se déclare contre nous en Europe est, peut-être le plus grand silence qu'elle pût nous rendre. C'est quelque chose de tout à fait providentiel.

Il fallait cette hostilité, de jour en jour plus déclarée, pour nous faire à rentrer en nous-mêmes, pour nous obliger à nous comprendre[1]. Or, pour la société, comme pour l'individu la première condition de tout progrès, c'est de se comprendre. Il y a, je sais, parmi nous des gens qui disent qu'il n'y a rien en nous qui

vaille la peine d'être compris. Si cela était, il n'y aurait plus qu'un parti à prendre, ce serait celui de cesser d'être, et ceci, je pense, n'est l'avis de personne.

Bonjour, mon Prince. Je vous réitère encore une fois tous mes remerciements. Comptez-vous aller ce soir chez Mad. Smirnoff?

Mille respects.

Ti Tutchef

Перевод:

Пятница

Ваша книга, князь, доставила мне истинное наслаждение, ибо действительно испытываешь наслаждение, читая европейскую книгу, написанную по-русски, книгу, к чтению которой приступаешь, не спускаясь, так сказать, с уровня Европы, тогда как почти всё, что печатается у нас, как правило, стоит несколькими ступенями ниже.

А между тем именно потому, что она европейская, ваша книга — в высокой степени русская. Взятая ею точка зрения есть та колокольня, с которой открывается вид на город. Проходящий по улице не видит его. Для него город как таковой не существует. Вот чего не хотят понять эти господа, воображающие, что творят национальную литературу, утопая в мелочах. Наибольшего, чего можно пожелать — не вашей книге, а публике, которая будет ее читать, — это чтобы она сумела уразуметь то, что пишется между строк. Достигнув этого, она уже достигнет многого.

Очень большое неудобство нашего положения заключается в том, что мы принуждены называть *Европой* то, что никогда не должно бы иметь другого имени, кроме своего собственного: Цивилизация. Вот в чем кроется для нас источник бесконечных заблуждений и неизбежных недоразумений. Вот что искажает ваши понятия... Впрочем, я более и более убеждаюсь, что всё, что могло сделать и могло дать нам *мирное подражание* Европе, — всё это мы уже получили. Правда, это очень немного. Это не разбило лед, а лишь прикрыло его слоем мха, который довольно хорошо имитирует раститель-

ность. Теперь никакой действительный прогресс не может быть достигнут без борьбы. Вот почему враждебность, проявляемая к нам Европой, есть, может быть, величайшая услуга, которую она в состоянии нам оказать. Это, положительно, не без промысла.

Нужна была эта с каждым днем все более явная враждебность, чтобы принудить нас углубиться в самих себя, чтобы заставить нас осознать себя[1]. А для общества, так же как и для отдельной личности — первое условие всякого прогресса есть самопознание. Есть, я знаю, между нами люди, которые говорят, что в нас нет ничего, что стоило бы познавать. Но в таком случае единственное, что следовало бы предпринять, это перестать существовать, а между тем, я думаю, никто не придерживается такого мнения.

Прощайте, князь. Еще раз благодарю вас. Рассчитываете ли вы отправиться сегодня вечером к госпоже Смирновой?

С глубочайшим почтением.

Ф. Тютчев

148. Д. Ф. и Е. Ф. ТЮТЧЕВЫМ

Осень 1849 г. Петербург

Mes chères filles. J'ai vu hier la tante Mouravieff à son retour de Smolna, et il a été convenu entre nous que c'est elle qui passerait chez Madame Léontieff dans le courant de la semaine prochaine pour lui demander de vous laisser aller chez elle. Je suis bien *contrarié*, mes chères enfants, de me trouver ainsi toujours dans le cas de vous *contrarier*... et je compte bien venir demain vous en demander humblement pardon. En attendant je vous embrasse de tout mon cœur.

T. Tutchef

Перевод:

Милые мои дочери, я виделся вчера с тетушкой Муравьевой по ее возвращении из Смольного, и мы порешили между собой, что она поедет к госпоже Леонтьевой на будущей неде-

ле и попросит ее отпустить вас к себе. Я весьма *огорчен*, мои милые дети, тем, что мне приходится постоянно причинять *вам огорчение*... и рассчитываю завтра смиренно испросить у вас прощения за это. Пока же обнимаю вас от всего сердца.

Ф. Тютчев

149. Л. В. ТЕНГОБОРСКОМУ

3 декабря 1849 г. Петербург

Monsieur,

J'ai lu votre mémoire[1] avec une bien grande satisfaction, j'oserai dire, avec une satisfaction d'amour-propre. Car j'y ai trouvé la confirmation éclatante de tout ce que j'ai pensé, c'est-à-dire pressenti et conjecturé au sujet de l'Autriche, car pour voir il faut être sur les lieux. En l'absence des objets on ne peut que les pressentir. Votre mémoire contient des paroles d'or, même à notre adresse.

Mais savez-vous l'impression définitive qui m'en est restée relativement à l'Autriche? C'est que ce pays est décidément et sans retour voué à la révolution, et cela par une très simple raison: c'est que l'Autriche, dans l'intérêt de sa conservation, même momentanée, est obligée de se faire plus allemande que jamais. Or, n'en déplaise à ceux que ce fait contrarie beaucoup, la civilisation allemande, la pensée, l'intelligence allemande — *die deutsche Bildung*, telle que la voilà faite et constatée, est révolutionnaire d'outre en outre — il n'y a plus une fibre en elle qui n'appartienne à la révolution. Ceux qui nieraient cela, ou ne veulent pas voir, ou sont incapables de voir le principe sous les apparences. Et voilà pourquoi la constitution du 4 Mai[2] n'est pas un accident, mais une nécessité que les gouvernants en Autriche ne secoueront jamais. C'est le lien par lequel ils se rattachent non pas à l'Allemagne, mais à la pensée, à la civilisation allemande. Et maintenant quoi qu'ils fassent, qu'ils essaient de pratiquer consciencieusement des institutions impraticables, ou bien qu'ils fassent de l'arbitraire, de la bureaucratie et de la dictature, tout ce qu'ils feront sera nécessairement révolutionnaire.

Mais si la révolution est un dissolvant tout-puissant, même appliqué à un état fortement et solidement homogène, comme l'est la France, par exemple, que sera-ce donc pour un empire comme l'Autriche? Ce sera évidemment de l'étisie galopante. Personne ne l'a mieux fait voir que vous dans votre mémoire.

Mais quelque courte qu'aura été cette durée, elle aura toujours été assez longue, pour faire un mal immense: celui d'avoir inoculé la révolution aux races slaves, même à celles d'entr'elles qui jusqu'à présent en étaient parfaitement vierges. C'est là, je le répète, un mal immense et de plus un immense danger personnel pour la Russie. — L'Autriche, telle que la voilà devenue, ne peut pas ne pas communiquer la révolution aux races slaves qui lui sont soumises — aussi bien par l'action que par la réaction, aussi bien par l'influence directe des institutions nouvelles que par la nécessité où vont se trouver les populations slaves d'exagérer la portée révolutionnaire de ces institutions, pour s'en faire des armes défensives contre la propagande allemande. Car, que la *Gleichberechtigung* ne sera jamais que le sobriquet de cette propagande, le fait me paraît difficile à contester.

Or, un pareil résultat, l'inoculation du principe révolutionnaire aux races slaves, aurait dans l'état actuel du monde des conséquences incalculables. Car dans cette lutte suprême entre la Russie et la révolution, toutes deux puissances et principes en même temps, il n'y avait jusqu'à présent de véritablement neutres que ces races... et il est évident que celle des deux puissances qui la première saura se les approprier, les rallier à son drapeau, cette puissance-là, dis-je, aura les meilleures chances de faire décider en sa faveur le grand procès qui se plaide devant nous...

Et que serait-ce donc, si, par impossible, nous-mêmes, nous étions devenus assez étrangers au principe historique de la Russie, si nous-mêmes, nous étions assez traîtres envers notre propre cause, pour ne plus comprendre, pour ne plus sentir l'intime, l'inexorable solidarité qui lie les destinées de ces races à celles de la Russie, — si nous étions arrivés à ne plus comprendre les droits imprescriptibles qu'elles ont sur nous et nous sur elles, et assez faibles, pour ne pas les faire valoir hautement et résolument, quand le moment en serait venu? — Savez-vous, Monsieur,

ce qui en résulterait?.. C'est que nous aurions non pas conservé ces races à une Autriche plus que problématique, mais que nous les aurions de nos propres mains livrées à la révolution. Dès ce moment notre suicide aurait commencé, et le triomphe de l'ennemi, son triomphe définitif et irrévocable, ne serait plus qu'une question de temps.

Mais je ne puis finir cette lettre sans vous remercier encore une fois de tout le plaisir que m'a fait la lecture de votre mémoire. Puisse-t-il être médité et apprécié comme il le mérite.

3 décembre 1849

Перевод:

Милостивый государь,

Я прочел вашу записку[1] с чувством огромного удовлетворения, дерзну сказать, с чувством самоудовлетворения. Ибо нашел в ней блестящее подтверждение всем своим мыслям об Австрии, т. е. всем своим предположениям и догадкам, так как для того, чтобы о чем-то судить, нужно видеть это воочию. В отсутствии же предмета его можно только представлять. В вашей записке содержатся золотые слова, даже о нас.

Но знаете ли, в каком впечатлении она утвердила меня касательно Австрии? Что эта страна решительно и неотвратимо движется к революции, и по очень простой причине: Австрия, в целях самосохранения, пусть сиюминутного, вынуждена более, чем когда-либо, онемечиваться. А ведь, да простят меня те, кого это обстоятельство сильно раздражает, немецкая цивилизация, немецкая мысль, немецкое сознание — *die deutsche Bildung**, в его сложившейся и закрепившейся форме, насквозь революционно — всеми своими фибрами оно сейчас принадлежит революции. Те, что стали бы это отрицать, либо не хотят, либо не способны разглядеть сути за видимостью. Поэтому-то конституция 4 мая[2] является не случайностью, а неизбежностью, от которой правителям

* немецкое просвещение (*нем.*).

Австрии ни за что не удастся отмахнуться. Эта нить связывает их не с Германией, а с немецким образом мысли, с немецкой цивилизацией. И теперь, что́ они ни предпримут, — попытаются ли добросовестно осуществлять неосуществимые установления, вернутся ли к произволу, бюрократии и диктатуре, — все неизбежно будет революционным.

Но если революция является всемогущим фактором распада даже для государства столь монолитно однородного, как, например, Франция, что же станется с империей, подобной Австрии? Очевидно, ее ожидает скоротечная сухотка. Никто еще не показал этого так ясно, как вы в своей записке.

Однако, каким бы кратким ни был этот период разложения, он будет все-таки достаточно продолжительным, чтобы посеять огромное зло: заразить революцией славянские племена, даже те из них, которые до сих пор не имели к ней ни малейшей предрасположенности. И в этом, повторяю, огромное зло, более того, огромная опасность непосредственно для России. — Австрия, в ее теперешнем состоянии, обречена разжигать революционный дух в подвластных ей славянах — как любой акцией, так и реакцией, как прямым насаждением новых установлений, так и необходимостью, перед которой окажутся славянские народы, преувеличивать революционность этих установлений, дабы с их помощью обороняться от немецкой пропаганды. Ибо тот факт, что *Gleichberechtigung** всегда будет лишь названием этой пропаганды, по-моему, трудно оспаривать.

Между тем подобный результат, заражение славянских народов революционной идеей, грозил бы современному миру неисчислимыми бедами. Ведь в смертельной схватке между Россией и революцией, каждая из которых соединяет в себе и силу и принцип, действительно нейтральными оставались до настоящего времени только славяне... и очевидно, что та из двух сил, которая сумеет первой привлечь их на свою сторону, собрать их под своим знаменем, эта сила, повторяю, получит более шансов выиграть великую тяжбу, свидетелями коей мы являемся...

---

* равноправие (*нем.*).

17 Зак. 7508

А что было бы, если бы, паче чаяния, мы сами настолько оторвались от исторического начала России, если бы мы сами настолько презрели свое собственное дело, что перестали бы осознавать, перестали бы ощущать глубинную, нерасторжимую общность, связующую судьбы этих народов с судьбами народов России, — если бы мы дошли до того, что утратили бы понимание неотъемлемости их права на нас и нашего права на них и не в силах были бы в нужный момент открыто и решительно вступиться за это право? — Знаете, милостивый государь, что бы из этого воспоследовало?.. То, что мы не только не сохранили бы славян для Австрии, чье будущее более чем сомнительно, но собственными руками отдали бы их во власть революции. Это было бы началом нашего самоубийства, и торжество врага, окончательное и бесповоротное, стало бы только вопросом времени.

Не могу закончить письмо, не поблагодарив вас еще раз за удовольствие, которое мне доставило чтение вашей записки. Только бы ее восприняли и оценили, как она того заслуживает.

3 декабря 1849

150. Д. Ф. и Е. Ф. ТЮТЧЕВЫМ

Конец 1840-х гг. Петербург

Faites-moi savoir, mes chères enfants, si vous avez ou non l'autorisation de sortir aujourd'hui. Si vous l'aviez, il faudrait que je puisse venir vous chercher à 3 heures au plus tard, attendu que je dîne à 5 h<eures> chez la Gr<ande>-Duchesse Hélène — où, comme de raison, il faut être exact.

Je vous embrasse.

Перевод:

Дайте мне знать, милые мои дети, разрешен ли вам отпуск на нынешний день. Если да, то мне надо заехать за вами в 3 часа самое позднее, ибо в 5 часов я обедаю у великой княгини Елены Павловны, где, разумеется, надлежит быть в точно назначенное время.

Обнимаю вас.

Комментарии

В письмах Ф.И. Тютчева часто звучат те же мотивы, что и в стихах: разлука — бездна, все оттенки любовного чувства, «душа и язык» природы, тайный смысл бытия.

В них проявляются свойственные Тютчеву блеск эрудиции и остроумия, точность оценок людей и событий как в России, так и в Европе. Здесь и дружеские письма к дипломату, затем эмигранту И.С. Гагарину, писателям В.А. Жуковскому, П.А. Вяземскому, Н.И. Гречу, П.Я. Чаадаеву, историку М.П. Погодину, и послания философско-публицистического характера к иностранным корреспондентам — ученым, писателям и общественным деятелям: В. Ганке, Ф. Тиршу, К. Пфеффелю. Последний к тому же являлся родственником поэта, братом его второй жены Эрн. Ф. Тютчевой. Он чрезвычайно высоко ценил историософский подход Тютчева к событиям, его взгляды на европейскую политику, неоднократно передавал письма Тютчева в германскую печать, и они получали широкий общественный резонанс.

У эпистолярного наследия Тютчева сложная судьба, в силу разных обстоятельств многое утрачено, а опубликована всего одна треть известных писем поэта. В значительной мере это объясняется тем, что писал он чаще всего по-французски и почти всегда трудноразборчивым почерком.

Письма к первой жене, Элеоноре, погибли во время пожара на пароходе «Николай I», когда она вместе со своими детьми плыла из Петербурга в Германию.

В 1830 — начале 1840-х гг. самыми задушевными собеседниками в письмах поэта были родители — Иван Николаевич и Екатерина Львовна Тютчевы. Известно 40 писем Ф.И. Тютчева к ним обоим и 8 писем к Екатерине Львовне, написанных после смерти Ивана Николаевича. Политика, служба, светские знакомые, имущественно-хозяйственные дела, планы на будущее — ничто не обойдено в этой переписке.

Начиная с 1840-х гг. главным адресатом Тютчева в письмах становится вторая жена, Эрнестина Федоровна, с которой он делится и душевными переживаниями, и подробностями своей жизни во время нередких разлук. К сожалению, Эрнестина Федоровна Тютчева уничтожила значительную часть переписки — почти всю обращенную к поэту (сохранилось всего 8 писем за 1850–1870-е гг.),

его письма к ней до их вступления в законный брак, а также свои письма к брату Карлу Пфеффелю, с которым Эрнестина Федоровна была очень близка и откровенна.

О том времени, когда возник и развивался роман Тютчева и Эрнестины Дёрнберг, в 23 года оставшейся вдовой, нам остались только неясные отголоски в поздней переписке поэта, скудные воспоминания современников и альбом-гербарий Эрнестины с «загадочными датами под сухими цветами», часть которых исследователи связывают с Тютчевым.

Дошедшие до нас письма Тютчева к Эрнестине Федоровне (около 500) занимают особое место в эпистолярном наследии поэта; их, наверное, можно назвать его лучшей биографией. Эрн. Ф. Тютчева вполне сознавала представляемую ими ценность и после смерти мужа сама переписала многие из них в 14 тетрадок по просьбе И.С. Аксакова, зятя и биографа Тютчева. В августе 1873 г. она писала сыну Ивану: «Я вся поглощена работой, которую готовлю для Аксакова. Это выдержки из писем, полученных мною от папá за многие годы, когда я проводила лето вдали от него. Это немалый труд, так как мне всегда хочется переписать почти все письмо, до такой степени каждое из них интересно...» (*ЛН-2*. С. 428). Эти тетрадки Аксаков использовал при написании биографии поэта, в которой он впервые знакомил читателя с эпистолярным наследием Ф.И. Тютчева, обильно цитируя его письма. В 1898–1899 гг. отрывки из них напечатал П.И. Бартенев в «Русском архиве». Позже дочь поэта Дарья Федоровна и сын Иван Федорович предполагали напечатать письма к 100-летнему юбилею Тютчева, перевести их с французского должен был внук поэта и полный его тезка Федор Иванович Тютчев, однако это издание не состоялось ввиду сложности подготовки текстов. Вновь встал вопрос о публикации в 1912 г., когда историк граф С.Д. Шереметев обратился к Ф.И. Тютчеву, унаследовавшему письма деда, с предложением напечатать их в издаваемом им историческом сборнике «Старина и новизна». В качестве переводчицы была приглашена Софья Леонидовна Иславина, жена Льва Владимировича Иславина, племянника Льва Толстого. Сохранилась переписка между С.Д. Шереметевым, Ф.И. Тютчевым и Л.В. Иславиным по поводу подготовки этого издания.

В 1913 г. в письме к Шереметеву Иславин сообщал: «Глубокоуважаемый граф Сергий Дмитриевич, одновременно с этим пишу Ф.И. Тютчеву о вашем желании опубликовать частями письма его деда. Действительно, материала хватит если не на три, то во всяком случае на две книги “Старины и новизны”. Всего 8 тетрадей этих пи-

сем: из них 1-я, 3-я, 4-я и почти вся 5-я уже переведены. Вторая же тетрадь находится пока не у нас, а у Ф.И. Тютчева в Москве, и мы устроились так, что и она будет переведена в течение июля. Таким образом, я полагаю, что в течение июля мы будем в состоянии предоставить в ваше распоряжение, по крайней мере, 5 тетрадей этих писем с русским переводом. Я думаю, что чтение этих писем многим доставит удовольствие, в особенности современникам столь талантливо и ярко описанных Тютчевым лиц и событий. Для нашего же поколения ценным подспорьем являются разъяснения и комментарии, которые вам угодно будет сделать к этим письмам» (РГИА. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 25. Л. 51–51 об.).

Внук поэта Ф.И. Тютчев передал Шереметеву письма для публикации, предоставив всецело «определить время, порядок, условия печатания» (л. 57).

Письма Тютчева к жене Эрнестине Федоровне (285 писем) были напечатаны в четырех книжках «Старины и новизны» за 1914–1917 гг. Однако они не являются аутентичными тютчевскими текстами. Эрн. Ф. Тютчева переписала их по-французски с автографов, порою пересказывая — возможно, из-за их неразборчивости — и соединяя несколько писем в одно; кроме того, она выпустила из них все, что касалось личной жизни поэта, его интнмных высказываний, отголосков старых воспоминаний, убрала резкие характеристики современников. Признавая историко-литературное значение этого труда, все же не приходится считать его первой публикацией. В настоящем изданни письма впервые печатаются по автографам, без каких-либо изъятий.

Значительным шагом вперед в публикации эпистолярного наследия Тютчева стали издания его писем в составе собраний сочинений и в «Литературном наследстве», посвященном Тютчеву (*ЛН-1; ЛН-2*), где тексты и комментарии подготовлены правнуком поэта К.В. Пигаревым и Л.Н. Кузиной, а также Т.Г. Динесман и др.

Четвертый том нашего издания — наиболее полное и выверенное по источникам собрание писем Тютчева за 1820–1849 гг.

Письма 1–18, 21–26, 28–31, 35, 42, 44–46, 49, 52, 79, 82, 96, 108, 117, 149 подготовлены и откомментированы *Л.Н. Кузиной* и *М.К. Тюнькиной*, остальные 109 писем — *Л.В. Гладковой*. Переводы с французского языка выполнены *Л.В. Гладковой* (19, 27, 36, 37, 41, 43, 50, 59–60, 64, 65, 67, 70, 71, 73–76, 78, 83, 87, 89, 90, 92, 93, 95, 99, 107, 110, 111, 120, 121, 127, 130, 133, 134, 136, 141, 142, 144–146), *М.К. Тюнькиной* (26, 28, 149), а также использованы переводы *К.В. Пигарева* из *Изд. 1984* и других печатных источников, отредак-

тированные *Л.В. Гладковой* и *М.К. Тюнькиной* (21, 22, 24, 25, 30–35, 38–40, 42, 44, 46, 47, 49, 51–58, 61–63, 66, 68, 69, 72, 77, 79–81, 84–86, 88, 91, 94, 96–98, 100–106, 109, 112, 113, 115–119, 122–126, 128, 129, 131, 132, 135, 137–140, 143, 147, 148, 150).

Переводы К.В. Пигарева включены в настоящее издание, во-первых, потому что они добротно выполнены и давно вошли в научный оборот, а во-вторых, участники подготовки тома хотели отдать должное памяти крупнейшего ученого, работы которого по праву считаются основополагающими для нескольких поколений исследователей жизни и творчества Ф.И. Тютчева. Дочь К.В. Пигарева А.К. Бегинина любезно предоставила для настоящего издания автографы писем Ф.И. Тютчева, хранящиеся в *Собр. Пигарева.*

Письма Ф.И. Тютчева находятся в разных архивохранилищах страны – РГАЛИ, РГБ, АВПРИ, ГАРФ, ГМТ, ГИМ (Москва), *ИРЛИ*, РГИА, РНБ (Санкт-Петербург). Выражаем благодарность сотрудникам этих архивов за высококвалифицированную, доброжелательную помощь при работе над настоящим изданием. Особая признательность Елене Евгеньевне Чугуновой, Дмитрию Викторовичу Неустроеву, Софье Николаевне Селедкиной, Наталье Владимировне Бородиной. За помощь в прочтении, переводе немецких текстов и комментировании немецких реалий приносим благодарность Виктору Ивановичу Ламму (Германия).

1. М. П. ПОГОДИНУ

М.П. Погодин — товарищ Тютчева по Московскому университету, впоследствии известный историк, профессор Московского университета. Записки Тютчева к Погодину 1820–1821 гг. относятся к наименее известному периоду жизни поэта и, при всем их лаконизме, дают ценный материал для характеристики Тютчева-студента. Упоминания о Тютчеве в дневнике Погодина этих лет, часто еще более лаконичные, тем не менее дополняют их. Погодину же принадлежат и воспоминания о Тютчеве, в которых есть строки, перекликающиеся с записками, адресованными ему поэтом, например, с первой из них: «...мне представился он в воображении, как в первый раз пришел я к нему, университетскому товарищу, на свидание во время вакации, пешком из села Знаменского, под Москвой, на Серпуховской дороге, в Троицкое, на Калужской, где жил он в своем семействе... молоденький мальчик, с румянцем во всю щеку, в зелененьком сюртучке, лежит он, облокотясь на диване, и читает книгу. Что это у вас? Виландов "Агатодемон"» (см.: *ЛН-2*. С. 24).

Печатается по автографу – РГБ. Ф. 231. Пог/II.47.124. Л. 6–7 об.
Первая публикация – *Красный архив*. С. 386.

Датируется второй половиной июля 1820 г. на следующем основании. После торжественного годового собрания в Московском университете, состоявшегося 6 июля, Тютчев приехал к родителям в подмосковное имение Троицкое, а в конце июля (см. письмо 2) он уже был в Москве. Тютчев писал в Знаменское, подмосковное имение князей Трубецких, где Погодин летом 1820 г. был домашним учителем.

2. М. П. ПОГОДИНУ

Печатается по автографу – РГБ. Ф. 231. Пог/II.47.124. Л. 4–5 об.
Первая публикация – *Красный архив*. С. 386.
Год устанавливается по связи с письмом 1.

[1] Речь идет о Д.И. Тютчевой, сестре Ф.И. Тютчева.

[2] На следующий день Погодин навестил Тютчева. 9 августа он записал в дневнике: «Ходил в деревню к Ф.И. Тютчеву, разговари-

вал с ним о немецкой, русской, французской литературе, о религии, о Моисее, о божественности Иисуса Христа, об авторах, писавших об этом: Виланде (Agathodämon), Лессинге, Шиллере, Аддисоне, Паскале, Руссо. <...> Смотря на Тютчевых, думал о семейственном счастии. Если бы все жили так просто, как они!» (*ЛН-2*. С. 10).

[3] Какую именно книгу имел в виду Тютчев — неизвестно.

[4] Речь идет о незадолго до того написанном Погодиным «Рассуждении о нравственных качествах прекрасного пола» (*Барсуков*. Кн. 1. С. 59; *Красный архив*. С. 386).

3. М. П. ПОГОДИНУ

Печатается по автографу — РГБ. Ф. 231. Пог/II.47.124. Л. 1.

Первая публикация — *Красный архив*. С. 387.

Датируется предположительно на следующем основании. В дневнике Погодина от 1 ноября 1820 г. встречается запись, передающая разговор с Тютчевым о поэме Пушкина «Руслан и Людмила». По-видимому, этот разговор о художественных достоинствах поэмы состоялся после того, как Тютчев переслал ее Погодину. В этой же дневниковой записи есть упоминание и о Локке, также возникшее, вероятно, после того, как Погодин получил сочинение Локка от Тютчева (*ЛН-2*. С. 12).

[1] Дж. Локк — английский философ. В своем главном труде «Опыт о человеческом разумении» Локк разработал эмпирическую теорию познания.

[2] Основываясь на свидетельстве Н.П. Барсукова, можно предположить, что в данном случае речь идет о студенческой работе Погодина. «Когда Погодин был еще на первом курсе, диссертацию на получение медали задавал Каченовский об археологии». За советом студент обратился к профессору И.А. Гейму. «Добрый старик ничего не имел против этого намерения и даже собственноручно написал ему следующую программу археологии: "Археология в обширном смысле: знание о состоянии и постановлениях древних народов или, одним словом, Древности"» (*Барсуков*. Кн. 1. С. 61–62).

[3] *«Pensées» de Pascal* — «Мысли», сочинение Б. Паскаля.

4. М. П. ПОГОДИНУ

Печатается по автографу — РГБ. Ф. 231. Пог/II.47.124. Л. 9.

Первая публикация — *Красный архив*. С. 388.

Предположительная дата устанавливается на основании сопоставления с письмом 3, в котором Тютчев просил у Погодина «Древ-

ности», и с письмом 5, в котором Тютчев писал: «"Древности" возвращаю вам».

[1] *«Абдериты»* – роман Х.М. Виланда «Abderiten» (1774).

5. М. П. ПОГОДИНУ

Печатается по автографу – РГБ. Ф. 231. Пог/II.47.124. Л.10.
Первая публикация – *Красный архив*. С. 387–388.
Датируется по дневниковой записи Погодина, в которой отмечено получение им лотерейных билетов (*Летопись 1999*. С. 39).

6. М. П. ПОГОДИНУ

Печатается по автографу – РГБ. Ф. 231. Пог/II.47.124. Л. 8.
Первая публикация – *Красный архив*. С. 387.
Судя по содержанию, записка относится ко времени Великого поста, который в 1821 г. продолжался с 20 февраля по 9 апреля.

7. М. П. ПОГОДИНУ

Печатается по автографу – РГБ. Ф. 231. Пог/II.47.124. Л. 2–3 об.
Первая публикация – *Красный архив*. С. 386–387.
Датируется по содержанию и по соотношению с письмом 8.

[1] Вероятно, имеется в виду сочинение А.Ф. Мерзлякова «Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических» (в 1821 г. это сочинение вышло третьим изданием).
[2] «Стихотворения Василия Жуковского» в 3-х частях (СПб., 1818).
[3] О каких стихах пишет Тютчев – неизвестно.

8. М. П. ПОГОДИНУ

Печатается по автографу – РГБ. Ф. 231. Пог/П.47.124. Л. 15.
Первая публикация – *Красный архив*. С. 389.
Датируется на основании упоминания о перемене Погодиным квартиры. После отъезда родителей (14 апреля 1821 г. уехал из Москвы его отец, вскоре последовала за ним мать. – *Барсуков*. Кн. 1. С. 100–101) он поселился у своего университетского товарища А.М. Кубарева.

[1] Речь идет о первой и второй части «Стихотворений Василия Жуковского» (см. письмо 7, примеч. 2).

9. М. П. ПОГОДИНУ

Печатается по автографу -- РГБ. Ф. 231. Пог/II.47.124. Л. 11.

Первая публикация – *Красный архив*. С. 388.

Датируется на следующем основании. На обороте листа помета М.П. Погодина: «В июне 1821». 20–21 июня 1821 г. Тютчев держал годичные экзамены в университете, с которыми и связано содержание письма (*Летопись 1999*. С. 46).

[1] Н.Е. Черепанов – профессор Московского университета по кафедре истории, географии и статистики.

[2] По предположению Д.Д. Благого (*Красный архив*. С. 388), это либо «Опыт руководства к истории философии» И.И. Давыдова (М., 1820), либо его же «Начальные основания логики» (М., 1821).

[3] Речь И.И. Давыдова «О духе философии греческой и римской» (М., 1820) была произнесена им 6 июля 1820 г. в торжественном собрании Московского университета.

10. М. П. ПОГОДИНУ

Печатается по автографу – РГБ. Ф. 231. Пог/II.47.124. Л. 12.

Первая публикация – *Красный архив*. С. 388.

Датируется на том же основании, что и письмо 9.

[1] В архиве Погодина (Ф. 231. Пог/II.47.125. Л. 2–2 об.) сохранился листок, исписанный почерком Тютчева-студента. На нем сгруппированы и как бы соотнесены друг с другом имена французских, немецких, английских, испанских и итальянских писателей, а также древнегреческих и древнеримских авторов. Некоторые из этих имен выведены крючковато-вычурно несколько раз. На обратной стороне выписаны столбиками имена русских писателей, против которых проставлены цифры с итогом сложения под чертой. Можно предположить, что этот листок имел в виду Тютчев, говоря о забытых у Погодина *крючковатых каналах* и *несмысленных промышленностях*.

[2] Речь идет о профессоре Словесного отделения М.Г. Гаврилове.

[3] Тютчев использует в русском переводе широко известное латинское выражение – *memento mori*.

11. М.П. ПОГОДИНУ

Печатается по автографу – РГБ. Ф. 231. Пог/П.47.124. Л. 14.
Первая публикация – *Красный архив*. С. 389.
Датируется на том же основании, что и письма 9, 10.

12. М.П. ПОГОДИНУ

Печатается по автографу – РГБ. Ф. 231. Пог/II.47.124. Л. 13–13 об.
Первая публикация – *Красный архив*. С. 388–389.

Записка помечена рукою Погодина: «Июнь 1821». Есть данные и для более точной датировки. Тютчев заканчивает записку словами: «...остаюсь вас, милостивого государя и через 10 часов кандидата, покорный слуга...» Экзамен на степень кандидата Погодин сдал вечером 23 июня 1821 г. Это дает возможность датировать записку Тютчева тем же числом.

[1] И.И. Давыдов, профессор Московского университета, в 1820–1821 гг. читал на Словесном отделении курс «Латинской словесности и древностей» (*Летопись 1999*. С. 316).

[2] *Vindicta capiti imposita* (Приложив виндикту к голове – *лат.*) – формула римского права. Виндикта – жезл, которым претор дотрагивался до головы раба, отпускаемого на волю.

[3] Н.З. Бычков был студентом Словесного отделения Московского университета.

[4] Имеется в виду руководство по всеобщей истории немецкого историка И.М. Шрекка, которое в начале XIX в. неоднократно выходило в русском переводе, в том числе в переводе проф. Н. Черепанова. В статье «Воспоминание о Ф.И. Тютчеве» Погодин упоминает о том, что писал для Тютчева «ответы на экзамен к Черепанову, из истории Шрекка, о Семирамиде и Навуходоносоре» (*ЛН-2*. С. 24).

[5] Перед отправкой письма, написанного, по-видимому, поздно ночью, Тютчев уточняет день сдачи экзамена.

13. М.П. ПОГОДИНУ

Печатается по автографу – РГБ. Ф. 231. Пог/II.47.124. Л. 20.
Первая публикация – *Красный архив*. С. 389.

Датируется по содержанию. 29 сентября 1821 г. Погодин вернулся в Москву из Знаменского (*Барсуков*. Кн.1. С. 125). Узнав об этом,

Тютчев пригласил Погодина посетить его *сегодня*. 2 октября Погодин обедал у Тютчевых (*ЛН-2*. С. 12).

14. М. П. ПОГОДИНУ

Печатается по автографу – РГБ. Ф. 231. Пог/II.47.124. Л. 21.

Первая публикация – *Красный архив*. С. 390.

Датируется на следующем основании. В письме Тютчев благодарит Погодина за «Новую Элоизу» Руссо, а 30 октября 1821 г., в разговоре с ним, высказывает свои впечатления от чтения этой книги (см.: *ЛН-2*. С. 13). Значит, оно было написано в октябре (после встречи с вернувшимся из Знаменского Погодиным, состоявшейся 2-го числа) 1821 г. Здесь же Тютчев обращается к Погодину с просьбой прислать ему «Исповедь» Руссо, а в следующем письме, датированном 12-м числом, просит передать обещанную «Исповедь» посыльному. Следовательно, настоящее письмо было написано до 12 октября, т. е. в начале месяца.

[1] Роман Ж.Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» («Julie, ou la Nouvelle Héloïse»).

[2] «Исповедь» («Les Confessions») Ж.Ж. Руссо.

[3] Вероятно, «Новый лексикон на немецком, французском, латинском и итальянском языках» (М., 1781–1789).

[4] «Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей» Павла Свиньина (СПб., 1816).

15. М. П. ПОГОДИНУ

Печатается по автографу – РГБ. Ф. 231. Пог/II.47.124. Л. 17.

Первая публикация – *Красный архив*. С. 390.

Год и месяц устанавливаются на том же основании, что и в письме 14.

16. М. П. ПОГОДИНУ

Печатается по автографу – РГБ. Ф. 231. Пог/II.47.124. Л. 18.

Первая публикация – *Красный архив*. С. 390.

Основанием для датировки письма служит упоминание о С.Е. Раиче и его согласии уступить Погодину право подготовки к

изданию сочинений Горация для начинающих. Судя по записи в дневнике Погодина от 14 ноября 1821 г., с этого дня он приступил к работе (см.: *ЛН-2*. С. 13).

[1] С.Е. Раич, с 1812 г. воспитатель Тютчева, в начале 1819 г. перешел в дом Н.Н. Муравьева для воспитания его младшего сына А.Н. Муравьева.

[2] Намек на следующие строки «Исповеди» Руссо: «Пусть трубный глас Страшного суда раздастся когда угодно, — я предстану пред Верховным судией с этой книгой в руках. Я громко скажу: "Вот что я делал, что думал, чем был. С одинаковой откровенностью рассказал я о хорошем и о дурном. <...> Собери вокруг меня неисчислимую толпу подобных мне: пусть они слушают мою исповедь, пусть краснеют за мою низость, пусть сокрушаются о моих злополучиях. Пусть каждый из них у подножия Твоего престола в свою очередь с такой же искренностью раскроет сердце свое, и пусть потом хоть один из них, если осмелится, скажет Тебе: Я был лучше этого человека"» (Ж.Ж. Руссо. Исповедь. Ч. I. Кн. 1).

17. М. П. ПОГОДИНУ

Печатается по автографу — РГБ. Ф. 231. Пог/II.47.124. Л. 16.

Первая публикация — *Красный архив*. С. 390–391.

Датируется по содержанию и на основании дневниковой записи Погодина: «4 декабря. Горация прислал Тютчев» (*ЛН-2*. С. 13 и 19, примеч. 29). Речь идет о сочинениях Горация с комментариями проф. И. Буле «Quinti Horatii Flacci opera» (М., 1806). Этой книгой Погодин пользовался при подготовке издания Горация для начинающих (см. письмо 16 и *коммент.* к нему).

[1] По-видимому, эти слова связаны с предложением Погодину места учителя у Булыгиных, о чем идет речь в следующем письме.

18. М. П. ПОГОДИНУ

Печатается по автографу — РГБ. Ф. 231. Пог/П.47.124. Л. 19.

Первая публикация — *Красный архив*. С. 391.

Датируется на основании записей в дневнике Погодина. 7 декабря 1821 г. Погодин через Тютчева получил предложение поступить учи-

телем в семью И.Ф. и М.В. Булыгиных (Булыгины находились в родственных отношениях с Тютчевыми). 8 декабря Погодин отметил в дневнике, что заезжал к Тютчеву и говорил с его дядькою Н.А. Хлоповым о Булыгиных (см.: *ЛН-2*. С. 13). 11 декабря Погодин договаривался с Булыгиным об условиях (см.: *Барсуков*. Кн. 1. С. 142).

19. П. Б. КОЗЛОВСКОМУ

Кн. П.Б. Козловский – публицист, дипломат. Автор стихов и стихотворных переводов из Гёте, Флориана, писал публицистические статьи, печатавшиеся в пушкинском «Современнике», ему принадлежит набросок исторического трактата «Опыт истории России». Блестящий собеседник, один из умнейших людей своего времени, Козловский был знаком с Пушкиным, Жуковским, Вяземским, Байроном, Гейне... В один из своих приездов в Мюнхен, вероятно в середине марта – апреле 1823 г. (н. ст.), познакомился с Тютчевым (см.: *ЛН-1*. С. 555).

Письмо написано в восторженно-почтительных тонах, неоднократно Козловский называется учителем. По предположению первого публикатора Р. Лэйна, Тютчев мог сочувствовать религиозному свободомыслию Козловского, его либеральным политическим воззрениям, независимым этическим позициям.

Печатается по первой публикации в новом переводе.

Автограф – Bibliothèque Nationale de France (Париж).

Первая публикация на языке оригинала и в русском переводе – *ЛН-1*. С. 551–554.

[1] Намек на одну из заповедей блаженства в Евангелии: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5, 5).

[2] Бар. Хорнштейн, мюнхенский знакомый Тютчева.

[3] Пересказ евангельской фразы: «Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их» (Мф. 18, 20).

20. В. А. ЖУКОВСКОМУ

В.А. Жуковский – поэт, наставник вел. кн. Александра Николаевича, с 1855 г. императора Александра II; знал Тютчева еще ребенком, бывал в доме его родителей. В стихотворениях «Памяти В.А. Жуков-

ского» (1852) и «Прекрасный день его на Западе исчез...» (1857) Тютчев высказал свое восхищение поэтическим даром Жуковского.

Печатается по автографу – *Мураново*. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 6.
Первая публикация – *ЛН*. Т. 19–21. М.,1935. С. 410.

На обороте визитной карточки. Ниже помета неизвестной рукой: «1827». На лицевой стороне визитной карточки печатное: «Monsieur de Tuttchef, Gentilhomme de la Chambre de S<a> M<ajesté> l'Empereur de Russie. Rue d'Artois. № 21» («Господин Тютчев, камер-юнкер Е<го> В<еличества> российского императора. Улица д'Артуа. № 21»).

Написано в Париже, вероятно в день посещения Жуковского. Даты приезда Тютчева в Париж и отъезда оттуда неизвестны. Жуковский провел там около двух месяцев – с 11/23 мая по 28 июня/10 июля 1827 г. Тютчев посетил Жуковского 25 июня/7 июля 1827 г. (см.: Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 2004. Т. 13. С. 272).

21. Ф. В. ТИРШУ

Ф.В. Тирш – немецкий филолог-эллинист, с 1826 г. профессор красноречия и древней словесности в Мюнхенском университете, в 1828–1829 и 1847–1848 гг. ректор этого университета. Известный своими эллинофильскими настроениями, с 1813 г. связанный с «Гетерией» (тайным обществом, сыгравшим большую роль в подготовке греческого восстания против владычества Турции 1821–1829 гг.), после освобождения Греции Тирш стремился повлиять на решение вопроса о государственном устройстве этой страны.

Четыре письма Тютчева, обнаруженные в личном архиве Тирша в Баварской гос. б-ке (Bayerische Staatsbibliothek, München. Thierschiana, I, 87), относятся к 1829, 1830 и 1842 гг. и освещают весьма значительные эпизоды, относящиеся к малоизученному периоду пребывания поэта в Мюнхене.

Печатаются по ксерокопиям, полученным К.В. Пигаревым в 1975 г. из Баварской гос. б-ки.

Первая публикация – на языке оригинала: «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». 1984. Bd. 32. Hf. 2. S. 224–233; в русском переводе: *Изд. 1984*. С. 11–13, 73; на языке оригинала и в русском переводе: *ЛН-1*. С. 540–547.

На автографе первого из этих четырех писем перед текстом помета рукой Тирша на французском языке: «Il s'agit du choix du

Prince Othon pour le trône de la Grèce. Fr. Th<iersch>» («Речь идет об избрании принца Оттона на престол Греции. Фр. Тирш»).

Датируется по содержанию. Письмо Тирша к Эйнару — *mémoire* (*записка*), как называет его Тютчев, — было написано 10 ноября 1829 г., после чего копия его была передана Тютчеву, который доложил об этом документе Потемкину. Затем последовала просьба Тирша о возврате копии (что явствует из контекста публикуемого письма) и, наконец, ответ Тютчева с извинением за *промедление*. На все это ушло не менее шести-семи дней. Вместе с тем письмо Тирша к Николаю I было написано не позднее 3 декабря того же года, так как копия этого письма датирована 3 декабря 1829 г. (см.: *ЛН-1*. С. 543).

[1] Речь идет о записке Тирша Ж.Г. Эйнару.

Накануне заключения Адрианопольского мирного договора 1829 г. между Россией и Турцией (2/14 сентября), предоставившего Греции автономию по отношению к Турции (хотя и с сохранением ее вассального положения), Тирш высказал идею возрождения этой страны под управлением монарха, призванного из какого-либо европейского государства. Он полагал, что такое решение оградит Грецию от назревавшего междоусобия. Однако Тирш отдавал себе отчет в том, что «чужестранец, не знающий ни языка, ни народа, ни его нужд», может сам стать главной помехой установлению порядка, отвечающего подлинным интересам страны, а потому предлагал выбрать малолетнего принца в одном из царствующих домов Европы и «дать ему воспитание, соответствующее его будущей роли»; наиболее подходящей кандидатурой представлялся ему 14-летний принц Оттон Баварский (план этот впоследствии был осуществлен — в 1832 г. греческое Народное собрание избрало Оттона королем Греции).

10 сентября 1829 г. Тирш изложил свой проект в письме к королю Баварии Людвигу I, а затем, 10 ноября того же года, развил и тщательно обосновал его в письме к известному эллинофилу Ж.Г. Эйнару (Thiersch Frédéric. De l'état actuel de la Grèce et des moyens d'arriver à sa restauration. Leipzig, 1833. V. 1. P. 308–313).

[2] И.А. Потемкин — русский посланник при баварском дворе в 1828–1833 гг.

[3] Свои соображения о целесообразности возведения принца Оттона на греческий престол, высказанные в записке Эйнару, Тирш счел необходимым довести также до сведения российского императора, надеясь, что Николай I поддержит его идею. О предпринятых им в этом направлении шагах Тирш сообщил королю Людвигу в недатированном письме:

«Дабы не подвергнуться опасности показаться навязчивым и не повредить тем самым делу в глазах русского двора, поскольку я, будучи частным лицом, беру на себя смелость обратиться в деле такой важности непосредственно к российскому императору, я передал копию письма к г-ну Эйнару в русскую миссию г-ну Тютчеву, которого я весьма уважаю как вполне заслуживающего доверия и по образованию, характеру и убеждениям превосходного молодого человека. Он воспринял предложение именно так, как оно было задумано, понял отношение к нему вашего величества именно так, как и следует, и посоветовал мне сообщить через него письмо русскому посланнику. Будучи предоставлен самому себе и хорошо понимая, что без поддержки какого-либо солидного ведомства не смогу достигнуть успеха, я был вполне готов сделать это, поскольку г-н Тютчев заверил меня, что г-н Потемкин, как и сам Тютчев, убежден в том, что эта идея ни в коей мере не исходит от вашего величества. В приложенной записке г-н Тютчев сообщает мне, что г-н Потемкин рассматривает это предприятие со всем участием и одобряет шаги, которые я предпринял. Письмо к императору российскому я полагаю представить также и вашему величеству после того, как оно будет отправлено» (*ЛН-1.* С. 541. Перевод с *нем.*).

22. Ф. В. ТИРШУ

Печатается по ксерокопии с автографа, полученной из Баварской гос. б-ки — см. *коммент.* к письму 21.

Первая публикация — см. там же.

На автографе перед текстом помета рукой Тирша на французском языке: «J'ai eu occasion» («Мне представился случай»).

[1] В конце ноября 1829 г. Баварский греческий комитет уполномочил Тирша выразить благодарность русскому императору, по распоряжению которого была прислана церковная утварь для открывавшегося в Мюнхене греческого православного храма. Тирш решил воспользоваться этим, чтобы познакомить Николая I со своими соображениями, «быть может спасительными», относительно устройства греческих дел. Прилагая к своему посланию записку Эйнару, Тирш обращался к русскому царю со следующими словами: «Если бы вашему величеству было угодно согласиться с тем, что меры, предлагаемые мною для обеспечения прочного и счастливого будущего греков, наименее сложны в смысле осуществления и наиболее надежны в смысле результатов, Греция смогла бы наконец

отдохнуть на своих развалинах и с успехом вступить на путь общественного и политического возрождения» (Thiersch Fr. De l'état actuel de la Grèce et des moyens d'arriver à sa restauration. Leipzig, 1833. V. 1. P. 315. Перевод с *фр.*).

[2] Тютчев пользуется здесь обозначением, принятым в древнеримском календаре, по которому декабрь — десятый месяц года; decem — десять (*лат.*).

23. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

Н.Н. Шереметева — тетка поэта. Имя ее встречается не только в связи с историей его семьи. Известна переписка Гоголя с Шереметевой, которую он называл своей «духовной матерью». Известна и переписка Жуковского с нею, а также его слова, к ней обращенные: «Поверьте мне, что люблю вас всем сердцем за вас самих и за ваше несчастие, которое вы умеете делать высоким добром для вашей жизни» (*РС.* 1892. Т. 76, окт. С. 150–151).

Письмо относится к тому времени, когда несчастье, о котором писал Жуковский, уже обрушилось на семью Шереметевой. Это была высылка в Сибирь сроком на 20 лет зятя, мужа ее дочери Анастасии — И.Д. Якушкина, известного деятеля декабристского движения.

10 января 1826 г. И.Д. Якушкин был арестован. После вынесения приговора он получил разрешение увидеться с женой и тещей. Во время этого свидания, затянувшегося на всю ночь, было принято решение: Анастасия Васильевна с детьми поедет за мужем в Сибирь, а Надежда Николаевна будет сопровождать их. Поездка не состоялась. Но мысли о ней не оставляли Анастасию Васильевну все последующие годы, и мать «сумела в этом вопросе стать выше всяких личных побуждений» (Якушкин Н.В. Несостоявшаяся поездка А.В. Якушкиной в Сибирь // Новый мир. 1964. № 12. С. 154, 157).

Принимать участие в судьбах других, заботиться о них, хлопотать за них стало жизненным кредо Шереметевой. Не случайно письмо Тютчева начинается словами благодарности за ее готовность *ходатайствовать* по делу продвижения его по службе.

Автограф неизвестен.
Печатается по копии К.В. Пигарева.
Первая публикация — *ЛН-1.* С. 494–495.

[1] А.В. Шереметев — сын Н.Н. Шереметевой, двоюродный брат поэта. Ему посвящено стихотворное «Послание к А.В. Шереме-

ву». О пребывании Шереметева в Мюнхене осенью 1829 г. см.: «Известия ОЛЯ АН СССР». 1986. Т. 45. № 4. С. 352.

[2] Это письмо неизвестно.

[3] 31 октября 1829 г. Тютчев был произведен в титулярные советники. Видимо, эти *переменившиеся обстоятельства* подразумеваются в его письме.

[4] Это письмо неизвестно.

[5] Имеются в виду дочери Шереметевой — А.В. Якушкина и ее старшая сестра Пелагея Васильевна, а также муж последней — М.Н. Муравьев.

24. Ф. В. ТИРШУ

Печатается по ксерокопии с автографа, полученной из Баварской гос. б-ки — см. *коммент.* к письму 21.

Первая публикация — см. там же.

Год устанавливается по содержанию.

[1] 31 января и 1 февраля 1830 г. в аугсбургской газете «Allgemeine Zeitung» была напечатана статья, написанная в форме «письма из Эгины» и перепечатанная из газеты «Courrier de Smyrne» от 6 декабря 1829 г. (газета выходила на французском языке в турецком городе Смирна). Суть статьи, содержавшей крайне резкие, ничем не обоснованные выпады против России и ее политики в отношении греческого вопроса, сводилась к утверждению, что Россия не желает и не может желать существования свободной и независимой Греции. И если Англия и Франция не возьмут на себя защиту интересов этого молодого государства, ему будет уготована судьба слабой, зависимой провинции «Северного государства» (т. е. России). Статья появилась накануне дня открытия Лондонской конференции (3 февраля 1830 г.), созванной по инициативе России для решения вопроса о статусе освобожденной Греции. По предложению России конференция признала полную независимость Греческого королевства от Турции, тогда как по условиям Адрианопольского мирного договора (1829), признавшего автономию Греции, вассальная ее зависимость от Турции все-таки сохранялась. Появление вышеназванной статьи в одной из самых влиятельных газет Германии в столь ответственный момент могло повлиять на европейское общественное мнение в нежелательном для России направлении. В создавшейся ситуации было необходимо дать достойный ответ на

статью «Allgemeine Zeitung». Этой необходимостью и было продиктовано письмо Тютчева, написанное в день появления второй части этой статьи. Название немецкой газеты Тютчев приводит по-французски — *«Gazette Universelle»*.

[2] Тютчева особенно возмущало то, что статья, написанная якобы в защиту Греции, появилась в Турции — стране, с которой Греция боролась за свою независимость, и что статья эта обвиняла Россию во враждебном отношении к Греции, тогда как именно Россия поддерживала греков в их борьбе против Турции.

[3] Откликнулся ли Тирш на предложение Тютчева, неизвестно. Но, быть может, оно послужило дополнительным стимулом к исполнению давнего желания Тирша поехать в Грецию и на месте разобраться в запутанной борьбе партий, обусловленной отчасти тем, что Греция отстаивала свою независимость в сложной обстановке соперничества европейских стран. 21 августа 1831 г. Тирш выехал в Грецию, а к началу октября 1832 г. вернулся в Мюнхен. Вскоре он опубликовал книгу «De l'état actuel de la Grèce et des moyens d'arriver à sa restauration» (Leipzig, 1833. V. 1–2), в которой, подробно изложив свои наблюдения, признал российского императора «защитником и наиболее благожелательным покровителем Греции» (V. 1. P. 313).

25. Н. И. ТЮТЧЕВУ

Н.И. Тютчев — старший брат поэта. Окончив Училище колонновожатых, поступил на службу в Генеральный штаб. Служил в Варшаве. С 1832 г. длительное время находился в командировке в Вене. В 1842 г. вышел в отставку в чине полковника.

Николай Иванович был не только единственным братом Тютчева, но, по словам И.С. Аксакова, и единственным другом, любившим его «не только с братскою, но с отцовскою нежностью, и ни с кем не был Федор Иванович так короток, так близко связан всею своею личною судьбою с самого детства» (*Биогр.* С. 307). Аксаков свидетельствует, что привязанность к брату наполняла всю жизнь Н.И. Тютчева, — «он был его постоянным гением-хранителем, — при всякой беде, всюду поспешал к нему на помощь» (там же. С. 11). В отношениях братьев бывали и размолвки, и минуты раздражения, но затем они всякий раз обретали вновь прежнюю привязанность друг к другу.

Смерть Н.И. Тютчева была большим ударом для поэта. Возвращаясь из Москвы после похорон, Тютчев пишет в дороге стихи, с исключительной остротой отразившие настроения, владевшие им в

последние годы жизни, — «Брат, столько лет сопутствовавший мне...» (1870).

Печатается по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 1–2 об.

Первая публикация — *ЛН-1*. С. 431–434.

[1] Н.И. Тютчев приехал в Мюнхен в качестве дипломатического курьера 29 июля/10 августа 1832 г. (*Летопись 1999*. С. 117).

[2] Перевод русского посланника в Мюнхене И.А. Потемкина на ту же должность в Гаагу состоялся летом 1833 г.

[3] Кн. Г.И. Гагарин — русский посланник в Мюнхене с 1833 по 1837 г.

[4] Г.И. Гагарин был женат на Е.П. Соймоновой.

[5] Бар. А.С. Крюденер — в 1826–1836 гг. первый секретарь русской миссии в Мюнхене.

[6] Бар. П.К. Мейендорф — в начале 1830-х гг. советник русского посольства в Вене.

[7] Гр. Н.Д. Гурьев — в 1832–1837 гг. русский посланник в Риме.

[8] Анна — старшая дочь Тютчева.

[9] Гр. К. Ботмер. До отъезда Тютчевых из Мюнхена жила в их семье.

[10] Н.Н. Тютчев — дядя поэта, помещик Мышкинского уезда Ярославской губ. (с. Знаменское).

[11] Киреевские — И.В. Киреевский, публицист, издатель журнала «Европеец» (1832), позднее соредактор М.П. Погодина по «Москвитянину», и П.В. Киреевский, собиратель русских народных песен, — в 1829–1830 гг. жили в Мюнхене и слушали лекции в Мюнхенском университете.

[12] Подразумевается Лондонская конференция европейских держав, созванная для урегулирования бельгийско-голландского конфликта. В 1830 г. Бельгия, объединенная Венским конгрессом 1815 г. с Голландией, провозгласила независимость, признанную затем Лондонской конференцией, которая длилась более года — с октября 1830 по ноябрь 1831 г.

26. Н. И. ТЮТЧЕВУ

Печатается по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 3–5.

Первая публикация — *ЛН-1*. С. 435–438.

На конверте по-французски: «A Monsieur Monsieur Nicolas de Tutchef, Capitaine à l'Etat-major de S. M. l'Empereur de toutes les

Russies, à Vienne. Confiée aux soins obligeants de l'Ambassade de Russie à Viennes» («Господину Тютчеву, капитану Генерального штаба е. в. императора всероссийского, в Вену. Препоручается любезному попечению Российского посольства в Вене»).

[1] Ричард Бингем — секретарь английской миссии в Мюнхене с 1832 по 1840 г.

[2] *Греческая депутация*, в честь которой гр. Феликс Эдуард Серсэ давал бал, прибыла в Мюнхен в связи с избранием баварского принца Оттона королем Греции.

[3] В начале 1830-х гг. эпидемия холеры охватила ряд европейских стран.

[4] Гр. К.О. Поццо-ди-Борго — русский дипломат, в 1814–1835 гг. посол в Париже.

[5] Голландский король Вильгельм (Виллем) I не согласился с решением Лондонской конференции, признавшей Бельгию независимым от Голландии государством (см. письмо 25, примеч. 12). В августе 1831 г. он начал военные действия против Бельгии. По поручению Лондонской конференции французская армия очистила от голландских войск бельгийскую территорию, за исключением Антверпена, который еще в течение года оставался под властью Голландии. После того как требование Англии и Франции освободить этот город было отвергнуто Вильгельмом I, французские войска в декабре 1832 г. освободили Антверпен. Война была закончена.

[6] Подразумевается Фридрих Вильгельм III, прусский король.

[7] Ввиду несовершеннолетия принца Оттона в Греции вводилось регентство. Регентами были назначены баварские государственные деятели — граф И. Армансперг, профессор Г. Маурер и полковник К. Гейдек.

27. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

Гр. К.В. Нессельроде родился в Лиссабоне (Португалия). Происходил из немецкого дворянского рода, с XVIII в. находившегося на русской службе. С 1814 по 1856 г. возглавлял Министерство (до 1832 г. Коллегию) иностранных дел России, с 1845 г. государственный канцлер. Тютчев состоял в переписке с Нессельроде — по долгу службы, будучи первым секретарем русской миссии в Турине и исполняя обязанности поверенного в делах в 1838–1839 гг., он составлял на имя министра официальные дипломатические депеши.

К Нессельроде обращено стихотворение «Нет, карлик мой! трус беспримерный!..», осуждающее проавстрийскую политику канцлера.

Тютчев был знаком с семьей Нессельроде: женой Марией Дмитриевной и детьми — Д.К. Нессельроде, Е.К. Хрептович и М.К. Зеебах.

Печатается по автографу – АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия министра иностранных дел). Оп. 469. Ед. хр. 211. 1836. Л. 2–3.

Первая публикация – Тютчев сегодня. Материалы IV Тютчевских чтений. М., 1995. С. 179–184.

[1] Тютчев виделся с Нессельроде в Карлсбаде в июле или августе 1835 г. (см.: *Летопись 1999*. С. 148).

[2] Весной 1836 г. А.С. Крюденер, первый секретарь русской миссии в Мюнхене с 1826 г., выехал в Петербург. Вместо него первым секретарем Мюнхенской миссии был назначен бар. Ап.П. Мальтиц, прибывший к месту назначения 28 января/9 февраля 1837 г.

[3] Русские посланники, при которых служил Тютчев, единодушно благосклонно отзывались о нем в письмах к Нессельроде, например И.И. Воронцов-Дашков в письме от 10/22 мая 1825 г.: «...я беру на себя смелость ходатайствовать перед вами также и о г-не Тютчеве. Этот чиновник, наделенный незаурядными способностями, не потерял понапрасну те три года, что находился при моей миссии. Употребив это время с большой пользой для себя, он вполне успешно выполнял и свои обязанности по службе...» (*ЛН-2*. С. 183); И.А. Потемкин – в письме от 2/14 февраля 1831 г.: «Что же касается г-на Тютчева, то соображения о пользе государственной службы в большей мере, нежели искреннее участие, которое он во мне вызывает, побуждают меня обратить внимание вашего превосходительства на высокую одаренность сего молодого человека. Со временем редкие дарования этого чиновника послужат на пользу государства, и лишь одно для этого необходимо — такое положение, которое способствовало бы полному развитию его дарований» (там же. С. 186); кн. Г.И. Гагарин — в письме от 24 ноября/6 декабря 1834 г.: «Коллежский асессор Тютчев, состоящий при посольстве в должности 2-го секретаря, — человек редких достоинств, редкой широты ума и образованности, притом нрава в высшей степени благородного» (там же. С. 194).

[4] Известно 65 депеш на имя Нессельроде, написанных рукою Тютчева от имени Потемкина с 1828 по май 1833 г., 17 документов от имени Гагарина разным адресатам и 1 депеша в Департамент хозяйственных и счетных дел от имени Обрезкова.

[5] Тютчев имеет в виду свою поездку с дипломатической миссией в Грецию в 1833 г. (см. примеч. 5 к письму 30), а также составленные им на протяжении 1832—1833 гг. дипломатические депеши от имени И.А. Потемкина на имя К.В. Нессельроде, освещающие греческий вопрос.

[6] Эл. Ф. Тютчева, дочери Анна и Дарья.

[7] Бракосочетание Тютчева с Эл. Петерсон по лютеранскому обряду совершилось в 1826 г., но Тютчев говорит о семи годах, ведя отсчет от венчания по православному обряду, совершенному 27 января/8 февраля 1829 г. священником Мюнхенской греческой церкви Григорием Каллиганисом, ибо только такой брак считался в России законным.

[8] К.В. Нессельроде ответил на это письмо 21 января 1836 г.:

«Милостивый государь,

Я медлил с ответом на ваше письмо в надежде на благоприятный случай, позволивший бы мне обратить благосклонное внимание государя на вашу службу и ходатайствовать перед ним о получении милости для вас, о чем я был готов немедленно вас известить. Я очень рад, что мое ожидание сбылось и я могу сообщить вам, милостивый государь, что его величеству угодно было удостоить вас ключа камергера. Я убежден, что сия награда послужит вам новой поддержкой и побудит усилить рвение по службе, исполнявшейся вами и прежде с примерным усердием, заслуживающим неизменно лестные отзывы со стороны вашего начальства. Продолжая и впредь следовать поведению, достойному всяческих похвал, вы непременно со временем добьетесь продвижения по службе, являющегося предметом ваших чаяний и надежд. Причины, не позволяющие Императорскому кабинету осуществить их уже теперь, слишком глубоки, чтобы вы их не признали справедливыми, поскольку в настоящий момент по указу государя императора произошло сокращение многих постов и многие служащие после длительной службы остались не у дел, — вы, конечно, первый признаете, что любая вакансия за границей рассматривается Императорским кабинетом как возможность вознаграждения тех, кто потерял свою службу. Такие особые обстоятельства, требующие принятия особых мер, делают совершенно невозможным в настоящее время удовлетворить вашу просьбу в отношении должности, освобождающейся в Мюнхене. Мое сожаление так же искренне, как и мое желание при первой возможности доказать вам мое истинное участие, каковое еще более усилилось после получения вашего последнего письма, в чем примите мои уверения, как и в лучших моих чувствах» (Тютчев сегодня. Материалы IV Тютчевских чтений. М., 1995. С. 185–186. Перевод с *фр.*).

28. И. С. ГАГАРИНУ

Кн. И.С. Гагарин – в 1833–1835 гг. атташе русской дипломатической миссии в Мюнхене. В это время сблизился со вторым секретарем Тютчевым. Его воспоминания, изложенные в письмах к А.Н. Бахметевой (1874), – один из немногих источников, освещающих этот мало изученный период жизни поэта (см.: Тютчев в Мюнхене. Из переписки И.С. Гагарина с А.Н. Бахметевой и И.С. Аксаковым // *ЛН-2*. С. 38–62).

В конце 1835 г. Гагарин уехал из Мюнхена в Россию и первое время переписывался с Тютчевым. Однако по прошествии трех лет переписка оборвалась.

Гагарину суждено было сыграть важную роль в творческой биографии Тютчева. В 1836 г. он познакомил Вяземского, Жуковского и Пушкина с его стихами, вскоре появившимися на страницах пушкинского «Современника». Публикация имела успех, она принесла известность поэту, до того почти незнакомому литературным кругам Петербурга.

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Bibliothèque Slave (Париж) – РГАЛИ. Ф. 1049. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1–6.

Первая публикация – отрывки на языке оригинала и в русском переводе: *РА*. 1879. Кн. II. № 5. С. 118–120; полностью в русском переводе: *Изд. 1984*. С. 13–17; полностью на языке оригинала и в русском переводе: *ЛН-1*. С. 502–508.

[1] Весной 1836 г. А.С. Крюденер, первый секретарь русской миссии в Мюнхене, получил назначение в Петербург. С его женой, бар. А.М. Крюденер, Тютчев познакомился в Мюнхене в 1822 г. и одно время был сильно увлечен ею. Воспоминаниям об этой поре посвящено одно из лучших его стихотворений – «Я помню время золотое...». После отъезда из Мюнхена Крюденеры долгое время жили в Петербурге.

[2] Гр. С.С. Уваров – президент Академии наук, министр народного просвещения. Ему принадлежит известная формула «православие, самодержавие, народность», высказанная в «циркулярном предложении», с которым он обратился к начальникам учебных округов при вступлении своем в должность министра: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование, согласно с *высочайшим* намерением *августейшего монарха*, совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и народности» (Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Январь. С. XLIX–L). Сам Уваров назвал эту формулу «приведением к общему знаменателю».

В словах Тютчева об *опеке г-на Уварова с братией*, о попытке присвоить себе культуру *без свободы мысли* заключалась и оценка этого явления. П.А. Плетнев писал после одного разговора с Тютчевым о Министерстве просвещения и университетах: «Долго разговаривали <...> побранили порядочно Уварова» (Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. СПб., 1896. Т. II. С. 677).

[3] Дочь Тютчева Екатерина родилась 27 октября/8 ноября 1835 г.

[4] Имеется в виду бар. Ганштейн, тетка Эл. Ф. Тютчевой, сестра ее матери.

[5] Сестра Эл. Ф. Тютчевой — гр. К. Ботмер.

[6] Можно догадываться, что Тютчев опасался слухов, связанных с его увлечением Эрн. Дёрнберг (впоследствии ставшей его второй женой), и надеялся, что Гагарин будет их опровергать. Однако одним из немногих прямых указаний на этот роман является как раз сообщение, сделанное Гагариным А.И. Тургеневу 20 декабря 1836 г. (Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы: В 2 кн. М., 1987. Кн. 1. С. 318).

[7] К.А. Петерсон — сын Эл. Ф. Тютчевой от первого брака; в это время жил в Петербурге (впоследствии был русским вице-консулом в Данциге). Установить, какой из своих портретов послала ему Эл. Ф. Тютчева, не представляется возможным. В настоящее время известны три ее портрета: акварель И. Шёлера (<1827>), живописный портрет неизвестного художника (1820-е гг.) и фотокопия с утраченной миниатюры Г. Рейхмана (<1825>), выполненная в 1860-е гг. в Веймаре (все они находятся в музее «Мураново»). К.В. Пигарев полагал, что речь шла о портрете Шёлера (*Изд. 1984*. С. 366).

[8] Тютчев сравнивает свое длительное пребывание при русской миссии в Мюнхене с библейской историей Иакова (Быт. 29, 14–28).

[9] Какая *книга стихотворений* имеется в виду, неизвестно. Не исключена возможность, что это были «Стихотворения Владимира Бенедиктова», изданные в 1835 г. и вскоре прочитанные Тютчевым, о чем свидетельствует письмо Гагарина к Тютчеву, написанное в марте 1836 г.: «Мне было приятно узнать от вашей жены, что вы с удовольствием прочли стихотворения Бенедиктова. Не правда ли, какой искренний, какой глубокий талант? Когда я в первый раз сообщал вам о нем, я писал из Москвы, под влиянием первого впечатления — восторга и удивления, которое вызвало это издание в московском литературном кружке» (*ЛН-1*. С. 502. Перевод с *фр.*). *Вкус к жизненному, осязаемому, даже к чувственному*, отмеченный Тютчевым в книге, о которой идет речь, не был столь характерен для поэзии Бенедиктова;

однако вполне вероятно, что Тютчев переоценил возможности нового поэта, как это сделали в ту пору многие его современники.

[10] В ответ на не дошедшую до нас просьбу Гагарина Тютчев послал ему через Крюденеров рукописи своих стихов.

[11] Кн. С.И. Гагарин, член Государственного совета, и его жена — кн. В.М. Гагарина.

29. Н. В. СУШКОВУ

Н.В. Сушков, муж сестры Тютчева Дарьи Ивановны, принадлежал к числу лиц, наиболее близких поэту среди его московского окружения.

Гостиную Сушковых посещали многие московские и приезжие литераторы и ученые. Бывали там Тургенев и молодой Толстой. И для Тютчева дом Сушковых был «целым миром традиций» (*Изд. 1984*. С. 352. Перевод с *фр.*). Искренняя симпатия к Сушкову сказалась и в тютчевской оценке его литературных произведений; в них его привлекал «язык, имеющий корни в родной почве» (там же. С. 124. Перевод с *фр.*). Сушков был автором нескольких пьес, сборника стихов «Книга печалей» (1855), издателем трех сборников «Раут» (1851–1854), в которых наряду с историческими документами печатались произведения русских писателей, в том числе и стихотворения Тютчева. Высоко ценя поэтический талант Тютчева, Сушков в начале 1850-х гг. предпринял попытку подготовить к печати сборник его стихотворений (Пигарев К. Судьба литературного наследства Ф.И. Тютчева // *ЛН*. Т. 19–21. М., 1935. С. 376–379). По неизвестным причинам это издание не было осуществлено. Но через несколько лет подготовленный Сушковым текст был положен в основу собранных И.С. Тургеневым «Стихотворений Ф. Тютчева» (СПб., 1854).

Письмо Тютчева к Сушкову относится к началу их знакомства.

Печатается по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 1–2 об.

Первая публикация — *ЛН-1*. С. 488–489.

30. И. С. ГАГАРИНУ

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Bibliothèque Slave (Париж) — РГАЛИ. Ф. 1049. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 7–10.

Первая публикация — отрывки на языке оригинала и в русском переводе: *РА*. 1879. Кн. II. № 5. С. 121–123; полностью в русском пе-

реводе: *Изд. М., 1957*. С. 375–378; полностью на языке оригинала и в русском переводе: *ЛН-1*. С. 510–513.

[1] Какие книги прислал Гагарин Тютчеву, неизвестно.

[2] 12/24 июня 1836 г. Гагарин писал Тютчеву: «До сих пор, любезнейший друг, я лишь вскользь писал вам о тетради, которую вы прислали мне с Крюденерами. Я провел над нею приятнейшие часы. Тут вновь встречаешься в поэтическом образе с теми ощущениями, которые сродни всему человечеству и которые более или менее переживались каждым из нас, но сверх того для меня это чтение соединялось с усладой, совершенно особенной, ибо на каждой странице мне живо припоминались вы и ваша душа, которую, бывало, мы вдвоем столь часто и столь тщательно разбирали.

Мне недоставало одного, я не мог ни с кем разделить своего восторга, и меня страшила мысль, что я ослеплен дружескими чувствами. Наконец, намедни я передаю Вяземскому некоторые стихотворения, старательно разобранные и переписанные мною: через несколько дней невзначай захожу к нему около полуночи и застаю его вдвоем с Жуковским за чтением ваших стихов и вполне увлеченными поэтическим чувством, коим дышат ваши стихи. Я был в восхищении, в восторге, и каждое слово, каждое замечание, в особенности Жуковского, все более убеждало меня, что они верно поняли все оттенки и всю прелесть этой простой и глубокой мысли.

Тут же решено было, что пять или шесть стихотворений будут напечатаны в одной из книжек пушкинского журнала. <...> Через день узнал о них и Пушкин, я его видел после того; он ценит их как должно и отзывался мне о них весьма сочувственно» (*ЛН-1*. С. 509. Перевод с *фр.*). Действительно, в III и IV томах «Современника» за 1836 г. было напечатано 24 стихотворения Тютчева под общим заглавием «Стихотворения, присланные из Германии» и с подписью: «Ф. Т.». После смерти Пушкина под тем же заглавием было напечатано еще четыре стихотворения (1837. Т. VI).

[3] «Три повести» Н.Ф. Павлова (СПб., 1835) заслужили высокую оценку Пушкина, Чаадаева и других современников. Повести отличались остротой социального содержания, особенно последняя — «Ятаган». Это не могло не вызвать настороженности цензуры, и переиздание книги было запрещено.

[4] В письме Тютчеву от 12/24 июня 1836 г. Гагарин высказал готовность издать сборник его стихов. Но это намерение не было осуществлено. Рукописи поэта, находившиеся в распоряжении Гагари-

на, остались в личном архиве последнего. О судьбе гагаринского собрания см.: *ЛН-2*. С. 503–529.

[5] В 1833 г. Тютчев ездил с дипломатическим поручением в Грецию. Об этой поездке см.: *ЛН-2*. С. 446–452.

[6] Тютчев ошибся, назвав «Бабочкой» журнал С.Е. Раича «Галатея» (М., 1829–1830). Бабочка была изображена на его обложке, чем, вероятно, и объясняется эта ошибка. Стихи Тютчева, предназначавшиеся для «Галатеи», Гагарин получил от Раича в ноябре 1836 г. через посредство С.П. Шевырева (*ЛН*. Т. 58. М., 1952. С. 132).

[7] Под Эсфирью и Мардохеем (Библия. Кн. «Эсфирь») Тютчев подразумевает А.М. Крюденер и ее мужа, уподобляя, по-видимому, положение А.М. Крюденер в петербургском придворном кругу роли Эсфири при дворе Артаксеркса.

[8] Речь идет о кн. Г.И. Гагарине, русском посланнике в Мюнхене в 1833–1837 гг.

[9] Бар. А. Гизе – баварский министр иностранных дел с 1832 по 1845 г.

[10] Эл. Ф. Тютчева с детьми находилась в это время в Фарнбахе, близ Нюрнберга.

[11] Имеется в виду гр. Анна фон Арко-Валлей, жена камергера баварского двора гр. Максимилиана фон Арко-Валлея (представителя баварской ветви древнего рода д'Арко). 10 августа 1836 г. родился их старший сын Карл.

[12] Принц Карл Теодор, брат баварского короля Людвига I. Пояснением к этим строкам письма Тютчева может служить запись в дневнике А.И. Тургенева: «С принцем Карлом долго говорил, раза два, о д'Арко: как он любит ее! Говорил откровенно и с восхищением» (*ЛН-2*. С. 84).

[13] Бар. П.Ш. Бургуэн, французский посланник в Мюнхене, и его невеста бар. И. Лотцбек.

[14] 25 июня 1836 г. Л. Алибо совершил покушение на короля Луи Филиппа.

[15] *...membra disjecta...* – разрозненные члены (*лат.*). – Гораций. Сатиры. I. 4.

31. И. С. ГАГАРИНУ

Печатается по копии, присланной Гагариным И.С. Аксакову – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 7–8.

Первая публикация – *ЛН-1*. С. 513–515.

[1] Гр. Ж. Паумгартен – одна из мюнхенских знакомых Тютчева и приятельница А.М. Крюденер.

[2] В тексте, по которому печатается письмо (копия, сделанная по поручению Гагарина для И.С. Аксакова), фамилия заменена точками. Из контекста явствует, что речь идет об А.М. Крюденер.

[3] Намек на положение А.М. Крюденер в петербургском придворном кругу (см. письмо 30, примеч. 7).

[4] Мориц – парикмахер.

[5] Речь идет об афинском государственном деятеле Фокионе (402–318 до н. э.). В «Наставлениях о государственных делах» Плутарх привел слова афинского оратора и политического деятеля Демосфена (384–322 до н. э.): «Презиравший прочих своих соперников», Демосфен «говаривал, видя, что встает Фокион: “Вот подъемлется топор на мои речи”» (Плутарх. Сочинения. М., 1983. С. 592).

32. И. Н., Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ и Д. И. СУШКОВОЙ

И.Н. Тютчев и Е.Л. Тютчева – родители поэта. Известно 40 писем Ф.И. Тютчева к ним и 8 писем к Е.Л. Тютчевой, написанных после смерти Ивана Николаевича. Эти письма исполнены особой душевной теплоты и благодарного сыновнего чувства. Об отношении Тютчева к матери А.О. Смирнова-Россет писала в 1856 г.: «Он обожает свою мать. Ей 80 лет, и она проводит свою жизнь в молитвах и чтении Библии» (*Смирнова-Россет.* С. 500).

Отец Тютчева, Иван Николаевич, по словам И.С. Аксакова, «отличался необыкновенным благодушием, мягкостью, редкою чистотою нравов и пользовался всеобщим уважением. <...> Радушный и щедрый хозяин был, конечно, человек рассудительный, с спокойным, здравым взглядом на вещи...» (*Биогр.* С. 9). И.Н. Тютчеву посвящены детские стихотворения поэта – одно известное, вошедшее в собрания сочинений поэта, «Любезному папеньке!», и второе, обнаруженное нами среди бумаг тетки Ф.И. Тютчева Н.Н. Шереметевой (РГБ. Ф. 340. К. 15а. Ед. хр. 16. Л. 18), «В день рождения любезнейшего папиньки!». Стихотворение публикуется впервые.

В день рождения любезнейшего папиньки!

Как можем пред тобой, родитель наш любезный,
Сердечны чувства изъяснить,
Где сыщем дар столь драгоценный,
Который бы могли тебе мы посвятить;
Какие принесем мы дани

В залог твоих благодеяний.
Десница щедрости Всевышнего Творца
Достойно наградит твои о нас раченья,
А мы приносим дар в день твоего рожденья
Любовию к тебе горящие сердца.

12 октября
1816 года — Федор Тютчев

На л. 19 об. надпись неустановленной рукой: «Стихи Фединькины и Семена Егоровича». На л. 19–19 об. стихотворение «В день рождения милой маминьки», без подписи. Возможно, оно написано Ф.И. Тютчевым с помощью С.Е. Раича.

В день рождения милой маминьки

Румяная Заря из недр хрустальных вод
Восходит на олимпы — и мрак рассеевает
И прояснившийся небес лазурный свод
Златым лучом осиявает.
И се — блестящий Царь превыспренных планет
В предначертанный путь в величии грядет
И светом Шар Земной, как ризой, одевает.
Умедли Феб златый в сей день свое теченье,
Продли его — и с ним и наше восхищенье.
Ты некогда, о Царь превыспренных светил,
В сей день, в сей самый день рожденье озарил
Той нежной Матери, которой одолжены
Мы счастием своим и самым бытием,
Руководимы Ей средь мрака преткновений
Надежною стопой к блаженству мы идем.
Как Феб златый горит и мрак рассеевает,
Так ваше счастие в подлунной да сияет,
Чадолюбива мать!.. О сем к Творцу миров
Да будет Он для вас покров,
Надежда и спасенье.

Здесь же мы находим едва ли не первое упоминание о маленьком Федоре в письме его бабушки П.Д. Тютчевой к ее дочери Н.Н. Шереметевой <1810 г.>: «На сей почте от Варвары письмо получила, пишет, учителя к тебе отправляет, дай Бог, чтобы хороший человек был, переменные учители великое препятствие детям в науке. К удовольствию моему, Ванюша мой приехал с большими сыновьями, не по моде сделал, а по сердцу, жену оставил с маленькими детьми, а к матери стару-

18 Зак. 7508

хе приехал, Бог ко мне милостив, не по делам моим, а по милости Его, одно меня оскорбляет, а другое подкрепляет, а Фединька так ко мне ласков, что я описать не могу. Говорит, в Москве многие его любили, но никто так не любит, как моя бабушка! И он никого больше любить не может» (РГБ. Ф. 340. К. VIIa. Ед. хр. 25. Л. 1 об.–2).

Варвара – дочь П.Д. Тютчевой В.Н. Безобразова. *Учитель*, которого она отправляет к Н.Н. Шереметевой, вероятно, С.Е. Раич. Сам Раич в «Автобиографии», написанной им уже в старости, сообщает, что попал в дом Н.Н. Шереметевой в конце 1810 г., но, по его словам, рекомендовала его другая дочь П.Д. Тютчевой – А.Н. Надаржинская. И.Н. Тютчев (Ванюша) приехал к своей матери с сыновьями Николаем и Федором, младшие дети – Дмитрий и Дарья – остались с Е.Л. Тютчевой.

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–2.

Первая публикация – отрывок в русском переводе: *Тютч. сб.* С. 9; полностью в русском переводе: *Изд. 1980.* С. 12–14.

[1] Бар. А.И. Будберг, генерал-адъютант императора Николая I; был послан в Мюнхен с поздравлениями греческому королю Оттону I по случаю его бракосочетания с принцессой Амалией Ольденбургской.

[2] В это время в Мюнхене царила эпидемия холеры.

[3] Траур по герцогу Вильгельму Баварскому, скончавшемуся 8 января 1837 г.

[4] Жена поэта Элеонора Федоровна и дочери – Анна, Дарья и Екатерина.

[5] *Замок в Тегернзее* – резиденция баварского короля Людвига I и королевы Терезы, родителей греческого короля Оттона I, в курортном г. Тегернзее на берегу одноименного озера, в 50 км от столицы Баварии Мюнхена. К курортам Тегернзее принадлежат Бад Виззее, Ротах-Эгерн, Кройт и Гмунд.

[6] Письма Ф.И. Тютчева к А.С. Крюденеру неизвестны.

[7] Просьбы Тютчева о повышении в должности, обращенные к К.В. Нессельроде, оставались без последствий. Об отсутствии служебной перспективы для Тютчева в Мюнхене после назначения первым секретарем русской миссии Ап. П. Мальтица писала родителям мужа Эл. Тютчева 4/16 февраля 1837 г.: «...судите сами, каково ему, не имеющему здесь ни корней, ни будущего. – В дальнейшем положение его может измениться лишь к худшему. Гагарин умирает, один Бог знает, кто займет его место, и скорее всего несправедливость,

проявленная в отношении Теодора, станет причиной того, что никто не вспомнит о его заслугах» (цит. по: *Летопись 1999.* С. 171. Перевод с *фр.*). Так и случилось. После смерти кн. Г.И. Гагарина, последовавшей 12/24 февраля 1837 г., управление делами миссии принял на себя Ап. П. Мальтиц, а вскоре на пост посланника в Мюнхене был назначен Д.П. Северин, занимавший до этого место посланника в Швейцарии. Назначение Северина побудило Тютчева к окончательному решению покинуть Мюнхен. См. письмо 33.

[8] Н.И. Тютчев, брат поэта, в это время находившийся на военной службе в Варшаве. О нем см. письмо 25.

[9] Сестра поэта Дарья Ивановна с 1836 г. была замужем за писателем Николаем Васильевичем Сушковым, служившим в это время вице-директором Департамента путей сообщения. О нем см. письмо 29.

33. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 3–4.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980.* С. 15–16.

[1] Письма родителей к Ф.И. Тютчеву неизвестны.

[2] Д.П. Северин, русский посланник в Швейцарии (с апреля 1836 г.) и в Мюнхене (с 1837 г.).

[3] И.А. Потемкин, под началом которого Тютчев служил в Мюнхенской миссии в 1828–1833 гг., затем был русским посланником в Гааге (1833–1837) и в 1837 г. получил назначение в Рим, где находился в должности посланника вплоть до 1842 г.

[4] Д.И. Сушкова ждала ребенка.

34. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 5–6.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980.* С. 16–17.

[1] Эл. Тютчева с дочерьми уехала в г. Фарнбах (близ Нюрнберга) к сестре Л. Пюклер-Лимбург, чтобы, как она писала Е.Л. Тютчевой 4/16 мая 1837 г., «несколько отдохнуть от суматохи последних недель», связанной с подготовкой «к отъезду навсегда» (цит. по: *Лето-*

пись 1999. С. 173). Тютчев приехал в Фарнбах 7/19 мая, чтобы вместе с семьей отправиться в Россию через Любек и далее морем до Петербурга.

[2] У Эл. Тютчевой от первого брака с А.Х. Петерсоном было четверо сыновей: Карл, Оттон, Александр, Альфред.

[3] По пути из Италии в Мюнхен 8/20 апреля 1837 г. прибыл вел. кн. Михаил Павлович. Он остановился здесь на неделю, вплоть до 14/26 апреля. Тютчев принимал участие в организации его приема (см.: *Летопись 1999*. С. 172–173).

35. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Кн. П.А. Вяземский — поэт и критик; принадлежал к числу ближайших друзей семьи Тютчевых.

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Л. 174–175.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. М., 1957*. С. 378.

[1] Летом 1837 г. Тютчев впервые после многолетнего перерыва приезжал из Мюнхена в Петербург.

[2] Подразумевается заглавие книги Ф.Р. Шатобриана «Mémoires d'outre-tombe» («Замогильные записки»). Тютчев называет первый том «Современника» за 1837 г. (пятый по общему счету) *замогильной книгой* потому, что в нем были посмертно напечатаны многие произведения Пушкина: «Медный всадник», «Д.В. Давыдову», «Была пора: наш праздник молодой...», «...Вновь я посетил...», «Сцены из рыцарских времен», «Последний из свойственников Иоанны д'Арк», «О Мильтоне и Шатобриановом переводе “Потерянного Рая”».

36. И. Н., Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ и Д. И., Н. В. СУШКОВЫМ

Печатается по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 7–8. На л. 8 об. рукой Ф. И. Тютчева: «Папиньке».

Публикуется впервые.

С конца мая по 8/20 августа 1837 г. Тютчев пробыл в Петербурге. 3/15 августа он получил назначение старшим секретарем русской миссии в Турине, ему была поручена курьерская экспедиция

через Берлин и Мюнхен в Турин. К.К. Родофиникин, исполнявший обязанности министра иностранных дел, сообщал русскому посланнику в Мюнхене Д.П. Северину: «Камергер Тютчев, назначенный 1-м секретарем к Туринской миссии, отправляется к месту своей службы через Мюнхен, где ему необходимо привести в порядок некоторые семейные дела. Я рад воспользоваться этим случаем, чтобы сообщить вашему превосходительству ряд документов...» (*Летопись 1999*. С. 176). Тютчев занял место на пароходе, следующем до Любека, и провел ночь в ожидании предстоящего отплытия. В это время он и получил *добрую весть* — о том, что 7/19 августа 1837 г. у сестры Дарьи Ивановны и ее мужа Николая Васильевича Сушкова родился сын Иван.

[1] Матиас — камердинер Ф.И. Тютчева Матиас Хёлцль (о нем см.: *Полонский*. С. 84).

37. И. Н., Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ и Н. В. СУШКОВУ

Печатается по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 9–10 об.

Первая публикация — отрывок: *Тютч. сб.* С. 10.

Полностью публикуется впервые.

[1] 22 мая/3 июня 1837 г. Тютчев выехал из Любека в Петербург с женой Эл. Тютчевой и дочерьми Анной, Екатериной и Дарьей.

[2] Имеется в виду отец Тютчева Иван Николаевич.

[3] К этому времени из многочисленных братьев Н.В. Сушкова были живы двое — Петр Васильевич, отец поэтессы Е.П. Ростопчиной, и Андрей Васильевич. О ком из них идет речь, неизвестно.

[4] Сестра отца Н.Н. Шереметева (о ней см. письмо 23). Д.И. Сушкова сообщала ей: «От Федора получили <письмо> из Любека, пишет, что претерпели жестокие бури, плыли 7 суток и потому опоздал отправлять письма с пароходом; вам, почтеннейшая тетенька, пишет много нежностей, которые прошу приехать прочесть сами<м>. — Не забывайте поварских жителей...» (РГБ. Ф. 340. К. 34. Ед. хр. 17. Л. 28–28 об.).

[5] Тютчев не успел повидаться с Н.Н. Шереметевой, так как К.К. Родофиникин отправил его курьером в Берлин и Мюнхен (см. *коммент.* к письму 36).

[6] После замужества дочери Дарьи Ивановны в мае 1836 г. и переезда ее в Петербург к мужу Н.В. Сушкову Е.Л. Тютчева сдала в

аренду П.А. Муханову дом в Армянском переулке (д. 1), а в 1840 г. продала его; родители Тютчева стали проводить зиму в Петербурге, снимая, как и Сушковы, дом в Поварском переулке; летом они уезжали в Овстуг. Жена Тютчева Элеонора Федоровна в это время находилась в Петербурге с дочерьми Анной, Екатериной и Дарьей, здесь же были ее сыновья от первого брака Карл и Оттон Петерсоны, окончившие Петербургский морской кадетский корпус, и Альфред, только принятый в число морских кадет.

[7] Гр. М.Д. Нессельроде, жена вице-канцлера гр. К.В. Нессельроде, под началом которого Ф.И. Тютчев служил в Министерстве иностранных дел. Сам Тютчев познакомился с гр. М.Д. Нессельроде в Петербурге у П.А. Вяземского в конце октября 1844 г., о чем он сообщал родителям (см. письмо 103).

[8] Тетка Эл. Тютчевой — бар. Ганштейн и сестра гр. К. Ботмер, вскоре вышедшая замуж за поэта и дипломата бар. Ап. П. Мальтица.

38. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 11–12 об.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980.* С. 17–20.

[1] Людвиг I, баварский король в 1825–1848 гг., его жена королева Тереза и сестра Каролина Августа, вдова австрийского императора Франца I.

[2] О знакомстве с Тютчевым Греч писал в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» (СПб., 1839. Ч. 3. С. 97): «У Дмитрия Петровича <Северина> познакомился я с первым секретарем нашего посольства, бароном Мальтицом, занимающим почетное место в кругу немецких поэтов, и виделся с русским поэтом, бывшим секретарем посольства (ныне переведенным в Турин) Ф.И. Тютчевым, который, не видав отечества лет пятнадцать, под чуждым небом, писал прекрасные стихи: они печатались в "Современнике"» (цит. по: *Летопись 1999.* С. 178).

[3] 3 августа 1837 г. Тютчев получил назначение в Турин на должность старшего секретаря русской миссии в Турине, столице Сардинского королевства. К месту своей новой службы он прибыл 13/25 сентября.

[4] Письма Тютчева к жене Эл. Тютчевой неизвестны. Предполагается, что они погибли вместе со всем имуществом Тютчевых во время пожара на пароходе «Николай I» (о пожаре см. примеч. 1 к письму 43).

39. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 13–14 об.

Первая публикация – отрывок: *Тютч. сб.* С. 11; полностью в русском переводе: *Изд. 1980.* С. 20–24.

[1] Письмо неизвестно.

[2] Эл. Ф. Тютчева воспользовалась доверенностью мужа весной 1838 г. перед отъездом из Петербурга; сохранилась ее расписка в получении за Ф.И. Тютчева суммы в 3111 руб. 17 апреля 1838 г. (см.: АВПРИ. Ф. 340 (Коллекция документальных материалов чиновников МИД России). Оп. 876 (Ф.И. Тютчев). Ед. хр. 13 (109). Л. 5).

[3] Речь идет о С.И. Соллогуб, матери писателя В.А. Соллогуба. В своих известных воспоминаниях, неоднократно переиздававшихся, В.А. Соллогуб упоминал о Н.Л. Соллогуб, когда она была только невестой А.М. Обрезкова, и отмечал ее необыкновенную красоту.

[4] Именины Е.Л. Тютчевой и дочери Тютчева Екатерины приходились на 24 ноября.

[5] Жуковский в качестве наставника вел. кн. Александра Николаевича, которому в 1837 г. исполнилось 18 лет, был во главе свиты, сопровождавшей наследника в путешествии по России. План этого путешествия, предназначенного для ознакомления цесаревича с природой, достопримечательностями, населением и бытом России, был разработан В.А. Жуковским и К.И. Арсеньевым. Поездка продолжалась со 2 мая по середину декабря 1837 г. В момент написания Тютчевым письма Жуковский вместе с наследником находился в Москве.

40. И. Н., Е. Л. и Эл. Ф. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 15–18 об.

Первая публикация в русском переводе – *Изд. 1980.* С. 24–29.

[1] Гр. Ф.Э. Серсэ, французский посланник в Мюнхене.

[2] В Генуе Тютчев встречался с Эрн. Дёрнберг. В своем памятном альбоме-гербарии она сделала запись: «Генуя. 24 ноября 1837». Здесь, в Генуе, было создано стихотворение «Так здесь-то суждено нам было...», обращенное к Эрн. Дёрнберг. В заголовок его вынесена дата: «1-ое декабря 1837».

[3] Э. Том-Гаве, атташе русской миссии в Турине (1837–1839); Петр Георгиевич (Константин Фридрих Петр), принц Ольденбургский, внук императора Павла I, в то время генерал-лейтенант, член Гос. совета; впоследствии главноуправляющий ведомством учреждений императрицы Марии.

[4] Гр. Л. Симонетти, сардинский посланник в Петербурге. О предполагаемой отставке Симонетти, «который давно занимает пост, коего недостоин ни по своему происхождению, ни по своим дарованиям», доносил А.М. Обрезков в рапорте на имя К.В. Нессельроде 11/23 февраля 1838 г. (АВПРИ. Ф. 196 (Миссия в Турине). Оп. 530. Д. 63. Л. 88). В марте этого года Симонетти был отправлен в отставку, а место сардинского посланника при русском дворе занял гр. Росси.

[5] Письма неизвестны.

[6] Тютчев намеревался получить в феврале 1838 г. курьерскую экспедицию в Петербург. Опасаясь тягот зимнего путешествия для него, Эл. Тютчева в письме от 15/27 декабря в Варшаву просила Н.И. Тютчева убедить брата отказаться от этой затеи: «Поспешите написать ему, попытайтесь дать ему понять, что его бредовые фантазии превращают всю его жизнь в сплошной припадок лихорадки. О, Николай, когда я думаю об этом несчастном — никто не представляет себе, как он страдает» (*Летопись 1999*. С. 181).

[7] Письма неизвестны.

41. Ап. П. МАЛЬТИЦУ

Барон Ап. П. фон Мальтиц — поэт, дипломат, из рода курляндских баронов, служивших в России. Его дед бар. Ф.Ф. фон Мальтиц выехал в Россию, был бригадиром и гоф-егермейстером, дядя Л. фон Мальтиц дослужился до чина генерал-лейтенанта, отец П.Ф. фон Мальтиц — также генерал-лейтенант, чрезвычайный посланник в Карлсруэ и Штутгарте, посланник в Лиссабоне, известен как переводчик. Русским посланником в Гааге был и брат Аполлония Петровича Фридрих Франц. Ап. П. фон Мальтиц в 1837–1841 гг. служил первым секретарем Российской миссии в Мюнхене и в 1841–1866 гг. — поверенным в делах в Веймаре. В 1839 г. женился на К. Ботмер, родной сестре первой жены Ф.И. Тютчева Элеоноры. В их семье после смерти матери некоторое время жила дочь Тютчева Анна. Мальтиц был первым переводчиком стихов Тютчева на немецкий язык, вошедших в книгу: A. von Maltitz. Vor dem Verstummen. Weimar, 1858.

Печатается по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 62.

Первая публикация стихотворения – Чулков Г.И. Любовь в лирике и жизни Тютчева // *Тютч. сб.* С. 13; приписка в русском переводе: *Лирика II.* С. 413.

[1] На русском языке стихотворение печатается в переводе В.А. Кострова.

[2] Тютчев, вероятно, читал только что вышедший сборник стихов Мальтица – *Maltitz Ap.* Gedichte. München, 1838. Bd. I–II.

42. И. С. ГАГАРИНУ

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Bibliothèque Slave (Париж) – РГАЛИ. Ф. 1049. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 11–14.

Первая публикация – на языке оригинала: «Символ». Париж, 1984. № 11. С. 243–247; на языке оригинала и в русском переводе: *ЛН-1.* С. 515–516.

[1] Имеется в виду Миклашевский, второй секретарь русской миссии в Турине.

[2] А.М. Обрезков – русский посланник в Турине в 1833–1838 гг.

[3] Об этой *неприятности* см.: письмо 44, примеч. 3.

43. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 19–21.

Первая публикация – отрывок в русском переводе: *Тютч. сб.* С. 11; полностью в русском переводе: *Изд. 1980.* С. 29–31.

[1] В ночь с 18/30 на 19/31 мая 1838 г. в море неподалеку от Травемюнде сгорел пароход «Николай I», на котором возвращалась из Петербурга жена Ф.И. Тютчева Элеонора Федоровна с детьми. Кораблекрушение описано в рассказе также плывшего на этом пароходе И.С. Тургенева «Пожар на море».

В архиве тетки Тютчева Н.Н. Шереметевой (РГБ. Ф. 340. К. XVa. Ед. хр. 6. Л. 1–2) сохранилось описание этого события, сделанное очевидцем, неизвестным лицом, видимо офицером, и переписанное ее рукой, под заглавием «О пожаре на пароходе». В нем не упоминается Эл. Тютчева, но живо передается обстановка, в которой она находилась, и говорится о причинах трагедии.

«Ввечеру 18 числа пароход “Николай I”, нагруженный 11 экипажами и 180 пассажирами, считая с прислугою корабля, но не включая множество товаров, медленно <...> подвигался к Травемюнде, находясь от сей пристани в 2-х или 3-х милях. Большая часть пассажиров на палубе и в общей каюте ожидала прибытия. <...> я почувствовал запах гари, но не обратил на это особенного внимания. Не успел я возвратиться в павильон, где сидело наше общество и между прочими жена моя, как раздался крик: *“Горим!”* Всё вскочило, бросилось на корму, шкипер побежал к машине <...> Здесь происходили те же ужасные сцены, которых никакое перо и никакая кисть не в состоянии выразить; кто плакал, кто кричал, кто молился; иной сетовал, другой проклинал путешествие; тут иные матери шептали в отчаянии, и, наконец, к спущенной шлюпке стеснилось так много народа, что удивляться надобно, как никто не попал в воду, кроме одного старика Головлева, который упал, и отчаянный предсмертный крик его замер в шуме волн.

Пароход, направленный в минуту гибели на Мекленбургский берег, скоро стал на мель саженях в 300-х от берега, шлюпок всего было две, огонь распространился на корму, на ней нельзя было оставаться от жара и дыма <...> С берега не было нам никакой помощи. Подождав более часа на ветру без одежды и обуви повозок, за которыми послал капитан, измученный караван наш отправился пешком по морскому берегу отыскивать приюта и средства доехать до Травемюнде. Шествие было тоже ужасное, нельзя себе рассказать, надобно быть очевидцем. Некоторым попались чулки, которые матросы, спасшие свои сундуки, продавали по червонцу. Жена тайного советника Богдановского путешествовала в моих калошах, вообще все в самом бедственном и беззащитном положении. Странствование продолжалось несколько часов, сперва по берегу, потом и на гору, потом до ближайших селений, по которым рассыпались страдальцы. <...>

Отчего же пожар? Отчего такое ужасное событие? Оттого что пароход, чрез меру нагруженный, по словам самого шкипера, не мог скоро двигаться иначе как посредством усиленной топки, оттого что топили угольем нечистым и замокшим в морской воде, произошло чрезвычайное засорение паровых проводов, замеченное еще прежде несчастья. На это отвечали, что всегда так водилось. Кончилось тем, что газ, не находя достаточного выхода в трубы, обратился назад, воспалил близлежащий запас уголья и раскаленные еще прежде деревянные перегородки, и пламя разом обхватило всю среднюю часть. Заливали ведрами, и то слабо, успеха не было. Вообще не знаю, кого винить, но, вероятно, виновные откроются. Барыши ком-

пании пароходства, по всей справедливости, должны бы хотя несколько вознаградить потерпенные потери такими людьми, которые за дорогую плату вверяли свою жизнь и имущество благоразумию в выборе знающих моряков и машинистов для столь важного дела, как пароходное плавание на пространстве около 1500 верст. Я уверен, что более потерпевшие найдут помощи и русских своих сострадальцев, но избави Бог от участия сострадания немцев, пример которого у меня теперь пред глазами».

[2] О причинах неприятностей А.М. Обрезкова и связанном с ними обращением к императору Николаю I см. примеч. 3 к письму 44.

[3] Сын Д.И и Н.В. Сушковых Иван умер 13/25 апреля 1838 г.

[4] См. письмо 36.

44. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

Печатается по автографу — АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия министра иностранных дел). Оп. 469. 1838. Д. 212. Л. 71–75.

Первая публикация — *ЛН-1*. С. 525–530.

[1] О пожаре на пароходе «Николай I» см. письмо 43, примеч. 1. Пассажиры были спасены, но все их имущество (в том числе весь багаж Тютчевых) погибло в огне. Вскоре после катастрофы Эл. Ф. Тютчева виделась с Нессельроде в Гамбурге, куда были доставлены все потерпевшие. Нессельроде, писала она 16/28 июня 1838 г. И.Н. Тютчеву, «отнесся ко мне с величайшим участием и даже обещал выхлопотать для нас вспомоществование для покрытия наших убытков» (*Летопись 1999*. С. 187).

[2] Помимо пособия, выделенного всем потерпевшим, Эл. Ф. Тютчева получила 200 луидоров в ответ на письмо, посланное ею из Гамбурга в Берлин императору Николаю I, в это время путешествовавшему за границей.

29 июля/10 августа 1838 г. Тютчеву было выдано из государственного казначейства в возмещение понесенных им при пожаре убытков 800 червонцев.

[3] При туринском дворе сочли нарушением этикета со стороны жены русского посланника Н.Л. Обрезковой появление при дворе в русском костюме с белой вуалью. Это объяснялось тем, что белый цвет особых деталей сардинского головного убора (так называемых barbes) был привилегией королевы и принцесс, принадлежащих к королевскому дому, — остальным дамам предписывался черный. Последовал специальный циркуляр министра иностранных дел

гр. Соларо делла Маргарита, разъяснявший, в каких головных уборах должны появляться при дворе дамы, принадлежащие к дипломатическому корпусу. Обрезков счел эту выходку оскорбительной, между ним и министром состоялось резкое объяснение, в результате которого Обрезков просил отозвать его из Турина. Император Николай I счел все дело вздором, однако нашел, что образ действий сардинского министра заслуживает урока, и с этой целью приказал отозвать Обрезкова, не назначая ему преемника; место посланника оставалось незанятым, и первый секретарь миссии Тютчев был аккредитован временным поверенным в делах. Об этом решении Нессельроде известил Обрезкова 20 апреля/2 мая 1838 г. (*Летопись 1999*. С. 185). Тютчев должен был представить ко двору свою жену, и в сложившейся ситуации костюм, в котором появится супруга русского поверенного в делах, имел немаловажное значение.

[4] В 1815 г. решением Венского конгресса Сардинскому королевству был возвращен отошедший в 1798 г. к Франции Пьемонт, а также гарантировано сохранение прав Савойской династии на трон Сардинии: в случае отсутствия наследника по старшей линии право престолонаследия было признано за представителем младшей линии — принцем Карлом Альбертом. Это решение было принято при активной поддержке России. В соответствии с ним Карл Альберт в 1831 г. вступил на престол.

45. В. А. ЖУКОВСКОМУ

Печатается по автографу — *ИРЛИ*. 28.2.95. СС II 6. 161. Л. 1–2 об.

Первая публикация — *РА*. 1903. Кн. III. № 12. С. 642–643.

В дневнике Жуковского есть записи, относящиеся к тому времени, о котором идет речь в письме Тютчева: «Письмо Тютчева, который потерял свою жену. <...> Встретился с Тютчевым. Горе и воображение. <...> “Как мало дает утешения мысль в несчастии”, — говорит Тютчев, очень справедливо и глубоко» (Дневники В.А. Жуковского. СПб., 1903 — Записи от 16/28 сентября и 13/25 октября 1838 г., 8/20 февраля 1839 г.). В письме к Н.Н. Шереметевой Жуковский писал о Тютчеве: «Я прежде знал его ребенком, а теперь полюбил созревшим человеком; он в горе от потери жены своей. Судьба кажется и с ним не очень ласкова. Он человек необыкновенно гениальный и весьма добродушный, мне по сердцу» (Жуковский В.А. Сочинения. СПб., 1878. Т. 6. С. 502).

[1] В курортном итальянском городе Комо в это время находился наследник русского престола вел. кн. Александр Николаевич (с 1855 г. император Александр II), в свите которого был В.А. Жуковский.

[2] Вскоре после отсылки письма Жуковскому Тютчев встретился с вел. кн. Александром Николаевичем в Комо.

[3] 28 августа/9 сентября 1838 г. в Турине умерла Эл. Тютчева, первая жена поэта.

[4] Осень 1837 г. и зиму 1837–1838 гг. после отъезда Тютчева из Петербурга в Турин Эл. Тютчева провела в России.

[5] Выраженная в этой фразе мысль неоднократно встречается в произведениях Жуковского (см., например, «Теон и Эсхин»).

46. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

Печатается по автографу – АВПРИ. Ф. 340 (Коллекция документальных материалов чиновников МИД). Оп. 876 (Ф.И. Тютчев). 1839. Д. 18 (114). Л. 1–2.

Первая публикация – *ЛН-1.* С. 530–532.

[1] См. письмо 44, примеч. 2.

[2] 28 августа/9 сентября 1838 г. в Турине умерла Эл. Ф. Тютчева.

47. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

А.Ф. Тютчева – старшая дочь поэта от первого брака, родилась и воспитывалась в Мюнхене, некоторое время находилась в Веймаре у своей тетки К. Ботмер. В Россию Анна Федоровна переехала вместе со всей семьей, когда ей было уже 18 лет. В 1853 г. она поступила ко двору в качестве фрейлины цесаревны, а затем императрицы Марии Александровны, жены императора Александра II. С 1858 г. Анна Федоровна была воспитательницей младших детей Александра II – Марии, Сергея, Павла. В 1866 г. стала женой И.С. Аксакова, покинула двор и переехала в Москву.

Известно 145 писем Ф.И. Тютчева к дочери Анне. В настоящем томе печатается 11 писем.

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 37. Л. 1–1 об. На л. 2 об. рукой Тютчева: «A Mademoiselle Anna Tutchef».

Первая публикация в русском переводе – *Изд. 1980.* С. 33–34.

[1] Екатерина Жарден (Jardin), француженка-гувернантка Эл. Тютчевой и затем дочерей Ф.И. Тютчева.

48. В. А. ЖУКОВСКОМУ

Печатается по автографу — РГБ. Ф. 104. К. 8. Ед. хр. 48. Л. 1.

Первая публикация — Пигарев К.В. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962. С. 106.

Является припиской к письму Сильвио Пеллико к Ф.И. Тютчеву:

«Милостивый государь,

Я чрезвычайно польщен честью, которую желает мне оказать г-н Жуковский. На этих днях я буду дома от 2 до 4 часов. Честь имею пребывать с глубоким уважением ваш нижайший слуга

Сильвио Пеллико.

Среда, 20 ф<евраля>» (Перевод с *фр.*).

На л. 2 об. рукой С. Пеллико:

«Monsieur Monsieur de Tutchef, chambellan de S.M. l'Empereur de toutes les Russies, etc. etc.».

С. Пеллико да Саллуцо — итальянский писатель, автор мемуаров «Мои темницы», участник движения карбонариев.

Жуковский отметил в своем дневнике посещение вместе с Тютчевым С. Пеллико.

49. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

Печатается по автографу — АВПРИ. Ф. 340 (Коллекция документальных материалов чиновников МИД). Оп. 876 (Ф.И. Тютчев). 1839. Д. 18 (114). Л. 3–4.

Первая публикация — *ЛН-1*. С. 532–533.

[1] В письме от 15/27 апреля 1839 г. Нессельроде дал Тютчеву разрешение на брак, но в отпуске ему отказал. 17/29 июля 1839 г. Тютчев венчался с Эрн. Дёрнберг в Берне (*Летопись 1999*. С. 218, 225).

50. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

Печатается впервые на языке оригинала по копии, выполненной писарской рукой — АВПРИ. Ф. 196 (Миссия в Турине). Оп. 530. Ед. хр. 63. Л. 200–202.

Первая публикация — отрывок в русском переводе: *Летопись 1999*. С. 219–220.

Полностью публикуется впервые.

На свое предыдущее письмо от 1/13 марта к вице-канцлеру Тютчев получил отказ на просьбу об отпуске. Настоящее письмо с повторной просьбой вызвано полученным отказом, изложенным в публикуемом ниже письме К.В. Нессельроде к Ф.И. Тютчеву (АВПРИ. Ф. 340 (Коллекция документальных материалов чиновников МИД). Оп. 876 (Ф.И. Тютчев). Ед. хр. 18 (114). Л. 5. Перевод с *фр.*):

«15 апреля 1839

Милостивый государь,

Я получил ваше письмо с просьбой о разрешении вступить в брак с г-жой баронессой Дёрнберг, урожденной Пфеффель. Не имея со своей стороны никаких возражений к тому, чтобы вы заключили этот брак, который, надеюсь, послужит вашему счастью и воспитанию ваших детей, я дал распоряжение Департаменту хозяйственных и счетных дел Министерства иностранных дел выслать вам необходимое разрешение, а также указание на некоторые формальности, предписанные законом в случае, когда русский подданный вступает в брак с иностранкой, к тому же ежели оба супруга принадлежат к разным конфессиям.

Что до вашей просьбы об отпуске, милостивый государь, для поездки в Мюнхен за дочерями, очень сожалею, но не могу предоставить вам его в настоящее время. Поскольку г-н Кокошкин только что назначен посланником к сардинскому двору, я полагаю своим долгом убедить вас отложить вашу поездку до его приезда к месту назначения, тем более что он намерен незамедлительно вступить в должность, о чем я уже имел честь уведомить вас в депеше от 1 апреля 1839 года».

[1] Вел. кн. Александр Николаевич осенью 1838 г. находился в Италии, на озере Комо. Тютчев приезжал туда, чтобы представиться ему. В своем дневнике 13/25 октября 1838 г. цесаревич записал: «В 5 ч<асов> у меня обедали, кроме обыкновенного, ген<ерал>-м<айор> гр. Сухтелен, адм<ирал> Мих. Павл. Шипов, повер<енный> в делах наш в Турине Тутчев (потер<ял> жену (вдова Петерсона, мать морск<их> кадет), была тоже на сгоревшем пароходе "Николай") и асессор Богаевский» (ГАРФ. Ф. 678. Ед. хр. 288. Л. 82 об.). Зимой 1839 г. вел. князь совершил поездку по Италии. С 4/16 по 12/24 февраля он посетил Сардинию — Геную, Алессандрию, Турин, Милан. Тютчев

в качестве поверенного в делах сопровождал его на этом пути. В «Журнале путешествия» Александра Николаевича, который вел кто-то из его сопровождающих, часто упоминается имя камергера Ф.И. Тютчева и его брата подполковника Генерального штаба Н.И. Тютчева. *7/19 февраля 1839 г. Турин*: «У крыльца <гостиницы> е. и. в. был встречен чиновниками посольства и находящимся здесь в отпуску подполковником Ген<ерального> штаба Тютчевым. <...> В 5 часов государь цесаревич в сопровождении ген<ерал>-адъют<анта> Кавелина, маркиза Альфиери и камергера Тютчева поехал в королевский дворец. <...> В 6 часов король с принцами посетил государя цесаревича, при сем случае свита имела честь быть представленной его величеству. После отъезда короля подан был обед, на котором имели честь присутствовать маркиз Альфиери, чиновники посольства и подполковник Тютчев»; *8/20 февраля*: «...был у короля концерт, на который созвано было многочисленное общество. Дворцовый сад был великолепно иллюминован и посредине стоял щит с портретами государя императора и государыни императрицы. В продолжение вечера камергер Тютчев представил членов дипломатического корпуса»; *11/23 февраля 1839 г. Милан:* «После завтрака государь цесаревич изволил гулять пешком по Корсо и заходил в кафедральную церковь, а в $5^1/_2$ имел обеденный стол, на коем имели счастие находиться камергер Тютчев, подполковник Тютчев, прибывший из Венеции генерал<ьный> консул Фрейганг, от гусарского полка ординарец и караульный офицер» (ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 860. Л. 192 об.–194). По долгу службы Ф.И. Тютчев писал подробные отчеты о пребывании вел. князя на имя К.В. Нессельроде. Депеши Ф.И. Тютчева № 6–10 с описанием посещения Сардинии вел. кн. Александром Николаевичем опубликованы в русском переводе: Москва. 1994. № 10. С. 138–146. К.В. Нессельроде в своей депеше к Ф.И. Тютчеву из Петербурга от 19/31 марта 1839 г. сообщал: «Государь император с удовлетворением и искренним интересом ознакомился с теми из ваших депеш, где дается отчет о пребывании великого князя наследника в Генуе и Турине. Усердие и преданность, проявленные вами в этих обстоятельствах, были отмечены его императорским величеством и заслужили полное его одобрение» (цит. по: *Летопись 1999*. С. 213. Перевод с *фр.*).

[2] В депеше от 1/13 апреля 1839 г. К.В. Нессельроде известил Тютчева о назначении на должность полномочного министра в Сардинии Н.А. Кокошкина и предписал ему продолжать исполнение обязанностей поверенного в делах вплоть до приезда Кокошкина в Турин. Однако Тютчев не дождался Кокошкина, который прибыл к месту службы и вручил верительные грамоты королю Сардинии только 29 сентяб-

ря/11 октября 1839 г. О разочаровании Тютчева в связи с назначением Кокошкина на должность посланника в Турине, которую он сам надеялся получить, сообщал своему министру иностранных дел баварский посланник при туринском дворе фон Олри и далее замечал: «Если бы этот дипломат употребил живость своего ума для достижения успехов в карьере с таким же рвением, какое он проявляет в своих сердечных привязанностях, он не раскаялся бы в этом. В самом деле, после трагической смерти жены он буквально ужаснул Турин проявлением отчаяния, которое, казалось, граничило с безумием, ныне же он поразил общество стремительностью, с которой летит навстречу второму супружеству — с баронессой Дёрнберг. Здесь только и говорят, что об этом предстоящем браке и о препятствиях к его скорому заключению, которые он со страстным нетерпением преодолевает» (цит. по: *Летопись 1999*. С. 220. Перевод с *фр.*). Напрасно брат Эрнестины К. Пфеффель в письме к сестре призывал Тютчева к благоразумию, Федор Иванович покинул Турин 25 июня/7 июля, «оставив вместо себя неаккредитованного атташе, который оказался в крайнем затруднении ввиду столь необычной ситуации», как писал французский поверенный в делах министру иностранных дел Франции (цит. по: *Летопись 1999*. С. 224). После заключения в июле брака с Эрн. Дёрнберг Тютчев на короткое время возвращался в Турин, но в конце августа 1839 г. окончательно оставил службу в Турине и поселился с женой в Мюнхене.

[3] Письмо 49.

51. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 37. Л. 3–4. На л. 4 об. рукой Тютчева: «A Mademoiselle Anna Tutchef à Munich».

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980*. С. 34.

Датируется по содержанию.

[1] В 1839 г. К. Ботмер вышла замуж за бар. Ап. П. Мальтица и находилась в отъезде из Мюнхена.

52. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

Печатается по автографу — АВПРИ. Ф. 340 (Коллекция документальных материалов чиновников МИД). Оп. 876 (Ф.И. Тютчев). 1839. Д. 15 (111). Л. 5.

Первая публикация — *ЛН-1*. С. 534.

[1] 8/20 ноября 1839 г. Тютчев был отозван с должности первого секретаря русской миссии в Турине с оставлением его в ведомстве Министерства иностранных дел (*Летопись 1999*. С. 230).

53. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 22–23.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. М., 1957*. С. 380–381.

[1] Письма Эрн. Ф. Тютчевой к родителям Тютчева неизвестны.

[2] Дочери Тютчева Анна, Дарья и Екатерина после смерти матери оставались на попечении ее тетки бар. Ганштейн в Мюнхене.

[2] Ф.И. и Эрн. Ф. Тютчевы приехали в Мюнхен 25 августа/6 сентября и поселились на Бриеннерштрассе (Briennerstrasse), д. 18 (см.: *Летопись, 1999*. С. 229).

[3] Эрн. Ф. Тютчева ждала ребенка. 23 февраля/6 марта 1840 г. родилась дочь Мария Федоровна Тютчева.

[4] См. письмо 52.

[5] 20 декабря 1838 г. Н.В. Сушков был назначен минским гражданским губернатором и прослужил в этой должности вплоть до 16 декабря 1841 г. (см.: РГБ. Ф. 297. К. 12. Ед. хр. 16. Л. 1. Формулярный список).

[6] Письма Эрн. Ф. Тютчевой к брату поэта неизвестны. Сохранилось 59 писем писем Н.И. Тютчева к ней за 1850–1862 гг. (*Мураново*. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 571).

[7] Ап. П. Мальтиц в письмах к С.П. Шевыреву, жившему в это время неподалеку от Мюнхена, в Дахау, часто упоминает о своих встречах с Тютчевым: «Я горю нетерпением вновь повидаться с вами, и мой друг Тютчев — тоже» (14/26 сентября 1839 г.); «Когда же мы сможем побеседовать о наших литературных пристрастиях? Тютчев с нетерпением ждет встречи с вами» (17/29 сентября); «Я закончил довольно длинную поэму — около 500 строк — и горю нетерпением прочитать ее вам. А как подвигается русский Данте? <...> Что до г-на Тютчева, то он почти наверное вступит на те же снега и те же льды, что и мы с вами. Он намерен обратиться к классике, прежде всего латинской, и я заметил, что он весьма недурно знает Горация» (26 сентября/8 октября) (цит. по: *Летопись 1999*. С. 228–229). Тетка К. Мальтиц — Ганштейн, отец — гр. К. Ботмер. По сведениям А. Полонского, в Мюнхене в это время жили три брата Клотильды, офицеры баварской армии — гр. Фридрих, Ипполит и Максимилиан (*Полонский*. С. 102).

[8] Гр. Ф.А. Толстой, сенатор, известный собиратель рукописей. Родство, связывавшее Тютчева и гр. Ф.А. Толстого, было весьма отдаленным, Федор Иванович приходился Толстому пятиюродным племянником. А.Ф. Закревская, с 1818 г. замужем за А.А. Закревским, министром внутренних дел в 1828–1831 гг., позднее московским военным губернатором. Она была предметом увлечения поэтов Е.А. Боратынского, П.А. Вяземского, А.С. Пушкина.

54. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Публикуется впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 24–25. На л. 1 бумага повреждена с утратой текста.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980.* С. 36–40.

[1] Людвиг I, баварский король.

[2] Вел. кн. Александр Николаевич в начале апреля 1840 г. прибыл в Дармштадт, где состоялась его официальная помолвка с принцессой Гессен-Дармштадтской Вильгельминой Марией.

[3] Герцогиню Августу Амалию Лейхтенбергскую.

[4] Эти планы не осуществились в связи с предстоящей женитьбой цесаревича. Императрица Александра Федоровна летние месяцы 1840 г. провела в Эмсе на водах и в августе вместе с сыном, его невестой и императором Николаем I отбыла в Россию, где началась подготовка к свадебным торжествам; свадьба состоялась 16 апреля 1841 г.

[5] Эта встреча не состоялась.

[6] Сама Эрнестина Федоровна полагала такое положение временным и сохранила счета всех своих трат. В 1846 г. при разделе имущества после смерти отца Тютчева она в письме к брату К. Пфеффелю объясняла свое денежное положение: «В течение первых трех лет брака... я сохранила счета расходов, сделанных мною на вещи, действительно совершенно не имеющие ко мне отношения. Общая сумма этих расходов составляет 6000 флоринов. Затем я заплатила 10 000 флоринов в счет долга моего мужа» (*ЛН-2.* С. 218).

[7] Имеется в виду Эл. Тютчева.

55. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Публикуется впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 28–31.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980.* С. 40–43.

[1] 23 февраля/6 марта 1840 г. родилась младшая дочь Тютчева Мария.

[2] 12/24 мая Тютчев с семьей уехал на лето в Тегернзее (см.: *Летопись 1999*. С. 236).

[3] Письмо неизвестно.

[4] Гр. А.Ф. Орлов в начале 1839 г. заменил умершего попечителя цесаревича Александра Николаевича кн. Х.А. Ливена и сопровождал наследника в его путешествиях.

[5] 22 декабря 1839 г./3 января 1840 г. Ф.И. Тютчев был пожалован в коллежские советники со старшинством с 31 декабря 1838 г. (*Летопись 1999*. С. 232); 22 августа/3 сентября 1839 г. награжден Знаком отличия беспорочной службы за 15 лет, но получил «пресловутый значок» только в конце декабря того года (там же. С. 228, 232).

[6] К. Толбухин, двоюродный брат Тютчева, сын Е.Л. Толбухиной, богатый ярославский помещик.

[7] Дед Ф.И. Тютчева Л.В. Толстой, статский советник и первый член Московского монетного двора (1790), женатый на сестре известного военачальника Е.М. Римской-Корсаковой; дядя Ф.И. Тютчева М.Л. Толстой, отставной майор.

56. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Публикуется впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 32–33 об.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980*. С. 43–45.

Дата — 2/14 июля — указана в тексте письма.

[1] Именины А. Крюденер праздновались 10 июля (н. ст.).

[2] Принц Карл Теодор Максимилиан Август, брат короля Людвига I.

[3] В Тегернзее проводили лето также супруги Мальтицы. Ап. П. Мальтиц писал кн. Г.Г. Гагарину в июле 1840 г. из Мюнхена: «Я жил в Тегернзее вместе с Тютчевыми и Крюденерами. Тютчев тот же, каким вы его знали, — он полон отвращения к жизни и вместе с тем в нем чрезвычайно развит жизненный инстинкт. Его жена красива, добра, но апатична. Полагаю, что они проведут с нами еще и эту зиму» (цит. по: *Летопись 1999*. С. 237).

[4] А.П. Мансуров, сын сенатора П.А. Мансурова; его военная карьера продвигалась успешно. Однако после женитьбы на своей двоюродной сестре княжне А.И. Трубецкой, против которой выступал митрополит Филарет, несмотря на то, что брак был заключен с разрешения

императора Александра I, вынужден был уехать в Берлин. С 1835 г. генерал-адъютант, военный агент в Берлине, в обязанность которого входило наблюдение за русскими стипендиатами в этом городе.

Его жена Аграфена Ивановна – дочь кн. И.Д. и Е.А. Трубецких. Дом Трубецких на Покровке был известен всей Москве, туда в детские годы возили на уроки танцев А.С. Пушкина. В подмосковном Знаменском у Трубецких часто бывал Ф.И. Тютчев, поскольку имение его родителей Троицкое находилось в семи верстах. В Знаменском у своего дяди И.Д. Трубецкого гостила в юности мать Льва Толстого кнж. М.Н. Волконская. Упоминания о них встречаются в дневниках М.П. Погодина, жившего у Трубецких в качестве домашнего учителя. В 1890 г. Эрн. Ф. Тютчева, под впечатлением от чтения вышедших томов сочинения Н.П. Барсукова «Жизнь и труды М.П. Погодина» (СПб., 1888–1910. Т. 1–22), вспоминала давнюю встречу в Тегернзее с сестрами Трубецкими и писала 13/25 июля 1890 г. падчерице Д.Ф. Тютчевой, что чтение это ей очень интересно благодаря описываемой эпохе – юности Ф.И. Тютчева: «Многое из того времени мне было известно по рассказам Aimé*, когда Россия была для меня еще чем-то совершенно неизвестным, а потом я и сама застала остатки той эпохи. Итак, Трубецкие. В 1840 г. в Тегернзее были две сестры – Аграфена Ивановна Мансурова и Александра Ивановна (предмет страсти Погодина), вышедшая замуж за князя Мещерского, они проводили там лето в одно время с нами, и помню, как рад был папа́ встретить своих старинных приятельниц юности и как г-жа Мансурова особенно была рада этой встрече» (*Мураново*. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 753. Л. 26. Перевод с *фр.*). Александра Ивановна, в замужестве кн. Мещерская, была прототипом Адели в повести М.П. Погодина «Адель», ей посвятил свое стихотворение «Новгород» Д.В. Веневитинов.

57. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Эрн. Ф. Тютчева, в первом браке бар. Дёрнберг – вторая жена Ф.И. Тютчева. Родилась в Дрездене. Ее отец – бар. Х.Г. фон Пфеффель, баварский дипломат в Голландии, Дрездене, Лондоне, Париже; племянник известного немецкого баснописца Г.К. Пфеффеля. Другой его дядя – дипломат и историк Баварии К.Ф. Пфеффель. Мать Эрн. Федоровны – бар. К. фон Теттенборн. Рано оставшись

* Aimé – любимый (*фр.*). Так Эрнестина Федоровна обычно называла мужа, Ф.И. Тютчева.

без матери, Эрнестина воспитывалась в пансионах Парижа и Страсбурга. Была очень дружна со своим братом, К. Пфеффелем, баварским журналистом. 28 сентября 1830 г. в Париже Эрн. Пфеффель вышла замуж за баварского дипломата, камергера бар. Ф.К. фон Дёрнберга, 21 февраля 1833 г. скончавшегося от тифа. Вышла замуж вторым браком за Ф.И. Тютчева летом 1839 г. 17/29 июля 1839 г. они обвенчались в Крестовоздвиженской церкви при Российской миссии в Берне, в Швейцарии, через 11 месяцев после смерти его первой жены Эл. Тютчевой. Отношения с дочерьми поэта от первого брака складывались сложно. В письме к Д.И. Сушковой, написанном в январе—феврале 1846 г., Эрнестина Федоровна признавалась: «Я не люблю детей моего мужа — думайте обо мне что хотите, но это правда, и я ее не скрываю, как не стала бы скрывать ничего другого». Младшие девочки, Дарья и Екатерина, воспитывались в основном вне дома — сначала в Мюнхенском, затем в Петербургском Смольном институтах. Рядом была старшая, Анна, испытывавшая к мачехе своеобразную любовь-ненависть. В ее юношеских дневниках часто встречаются такие записи: «Хотелось бы знать, за что я так люблю мама́. Я прекрасно знаю, что она не любит, не понимает и не знает меня. Что касается до нее, я ее знаю, я сужу ее, я непрестанно страдаю от ее недостатков, вся моя юность принесена ей в жертву и, несмотря на это, я люблю ее всеми силами моей души. Если бы половину той нежности, участия, забот, непрестанной и преданной любви я потратила на кого-нибудь другого, меня бы полюбили только из благодарности. Но в ней есть что-то узкое, она совершенно не умеет любить; она испытывает некоторую жалость, видя, как я люблю ее, но ей нечем мне ответить и она раздражается против меня. <...> Она умеет сделать одиночество еще более одиноким и безмолвие еще более безмолвным — своим холодным выражением лица, замкнутым видом и полным отсутствием интереса ко всему на свете. Я кажусь себе эльфом, верно служащим прелестному цветку или другому прекрасному растению. Всю мою жизнь и душевные силы я трачу ради существа, кажущегося спящим, да она и в самом деле спит для меня. <...> Дорогая мама́, во всем, что она говорит, есть что-то, что трогает и волнует меня до глубины души. Как только перед моим мысленным взором воскресает ее грустный и милый образ в печальной рамке Овстуга, все сердце мое рвется к ней. В ней столько поэзии и чего-то такого, что вызывает нежность. Милая, дорогая мама́! Ее печаль, ее разочарованность жизнью, ее страстные сожаления о прошлом и отсутствие интереса к окружающему, словом — все, что мой рассудок в ней осуждает и что мое серд-

це так любит и так понимает, — в ней это-то и создает обаяние и притягательную силу, которые непрестанно влекут меня к ней. Видеть ее, обнять, целовать руки, смотреть в ее прекрасные печальные глаза, переносить ее дурной нрав — это единственное мое желание» (Из разных дневниковых записей начала 1850-х гг. — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 142 об. –143 об., 176 об.–177. Перевод с *фр.*). Со временем и дочери поэта и его вторая жена сумели оценить друг друга. Анна, Дарья и Екатерина единодушно отмечали поэтическую утонченность души Эрнестины Федоровны. Она, еще не зная русского языка, глубоко почувствовала и поверила в поэтический гений Ф.И. Тютчева.

Эрн. Ф. Тютчевой посвящены многие стихотворения поэта — «Un rêve» (1847), «Vous, dont on voit briller...» (1850), «Des premiers ans de votre vie...» (1851), «Не знаю я, коснется ль благодать...» (1851), «Все, что сберечь мне удалось...» (1856), «Все отнял у меня казнящий Бог...» (1873). См. также статью С.А. Долгополовой «Стихи к Эрнестине Дёрнберг. 1834–1838» // *Летопись 1999*. С. 291–297.

Публикуется впервые на языке оригинала по автографу — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 17. Л. 1–2.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980*. С. 45–46.

[1] Поездка была организована в честь первой годовщины открытия железной дороги между Мюнхеном и Аугсбургом.

[2] О ком идет речь, неизвестно.

[3] Й.А. фон Маффай, основатель паровозостроительного завода.

[4] Вероятно, речь идет о дочери придворного баварского банкира С.А. Эйхталя Анне Софии, в замужестве гр. Берхем.

[5] Виконт К.М. Ментк и его жена М. Ментк, мачеха Эрн. Ф. Тютчевой.

[6] Вел. кн. Мария Николаевна, дочь императора Николая I; с 1837 г. замужем за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, после его смерти (1852) в морганатическом браке с гр. Г.А. Строгановым. Тютчев впервые представлен ей 22 августа/3 сентября 1840 г. в Мюнхене. Ей посвящено стихотворение «Живым сочувствием привета...», написанное в Мюнхене вскоре после знакомства и датированное К.В. Пигаревым предположительно октябрем 1840 г. В ГАРФ в собрании вел. кн. Сергея Александровича (Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 3019. Л. 28–29) имеется список этого стихотворения, выполненный неустановленной рукой и датированный январем 1841 г. Этот, видимо ранний, вариант значительно отли-

чается от известного автографа и списка (наст. изд. Т. 1. С. 187, 472), поэтому приводим его здесь полностью.

Нет, нет. Тот дар существованья
Не даром свыше получил,
Кто в жизни вашего вниманья
Хоть миг единый уловил.

Поэт в толпе людей затерян,
Но редко вторит их страстям.
Поэт, конечно, суеверен, –
Но редко служит он властям.

Перед кумирами немыми
Проходит он, главу склонив,
Или стоит он перед ними
Смущен иль гордо-боязлив...

Но если вдруг из-под покрова
Небесный голос пропоет
И сквозь величия земного
Вся прелесть женщины блеснет,

О, как в нем сердце пламенеет,
Как он восторжен, умилен!..
Пускай служить он не умеет, –
Боготворить умеет он!

Вел. кн. Мария Николаевна высоко ценила поэтический дар Тютчева. В 1840 г. она писала из Мюнхена о тютчевском стихотворении «Осенний вечер» своему бывшему учителю российской словесности поэту и критику П.А. Плетневу: «Осенний вечер, Т...ва, прекрасно! И точно так: я наслаждалась перед болезнию в Тегернзее осенними вечерами <...> Горы, леса, небо и озеро казались вызолоченными, а солнца уже не видать» (Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1. С. 183–184).

[7] В местечке Амергау (Верхняя Бавария) разыгрывались мистерии на евангельские темы.

58. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Публикуется впервые на языке оригинала по автографу – РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 17. Л. 3–4.

Первая публикация в русском переводе – *Изд. 1980.* С. 46–47.

Датируется временем встречи Тютчева с вел. кн. Марией Николаевной (см.: *Летопись 1999*. С. 238).

[1] *Щука* (*Brochet*) – прозвище камердинера Тютчева, Эммануила Тума.

[2] Вероятно, имеется в виду столяр Антон Вихан, владелец дома на ул. Карлштрассе, 54/1, куда Тютчевы переселяются 3/15 октября 1840 г. (*Полонский*. С. 88).

[3] То есть от Анны до Марии.

59. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 34–35 об.

Публикуется впервые.

[1] Брат Тютчева Николай Иванович, полковник Генерального штаба, вышел в отставку в 1842 г. и занялся управлением брянскими имениями Тютчевых, после того как отец, Иван Николаевич, передал сыновьям в общее владение по дарственной записи две трети имения (см. примеч. 3 к письму 86).

[2] Замок Тегернзее, летняя резиденция баварского королевского семейства, был в начале XIX в. приобретен и перестроен королем Максимилианом I. Хозяйка замка – Каролина, вдовствующая королева Баварская, вторая жена короля Максимилиана I.

[3] Король Саксонии с 1836 г. Фридрих Август II и его вторая супруга, королева Мария; дочь королевы Баварской – Амалия Августа Людовика Георгия, вдова пасынка Наполеона I Евгения Богарне, герцога Лейхтенбергского и свекровь вел. кн. Марии Николаевны; герцог Бордоский – Генрих, гр. де Шамбор; австрийская императрица – имеется в виду вдовствующая императрица Каролина Августа.

[4] Гр. М.Ю. Виельгорский, шталмейстер, обер-гофмейстер с 1856 г., музыкальный деятель, виолончелист; гофмейстерина Е.П. Захаржевская.

[5] Д.П. Северин, русский посланник в Мюнхене (с 1837). Гр. Д.Н. Блудов, министр внутренних дел (1832–1839), министр юстиции (1839), член Гос. совета (с 1839), граф с 1842 г. В 1840–1860-х гг. входил в число близких знакомых поэта. Памяти Блудова посвящено его стихотворение «19-ое февраля 1864».

[6] Тютчев мог встречаться с И.И. Дмитриевым во время своего пребывания в Петербурге в июне – начале августа 1837 г.

[7] Вел. кн. Елена Павловна, жена вел. кн. Михаила Павловича. Впоследствии Тютчев часто посещал ее салон в Петербурге; ей посвящено стихотворение поэта, написанное на французском языке в конце 1850-х гг., «Pour Madame la Grande-Duchesse Hélène».

[8] Адольф Фредерик, герцог Кембриджский, брат Эдуарда Августа, герцога Кентского, отца английской королевы Виктории. В июле–августе 1835 г. Тютчев, в ту пору коллежский асессор, второй секретарь Российской миссии в Мюнхене, посещал находившегося на лечении в Карлсбаде вице-канцлера К.В. Нессельроде и просил его о повышении в должности. Нессельроде обещал вспомнить о Тютчеве «при первой же возможной вакансии». К концу 1835 г. Тютчев был переименован в младшего секретаря миссии — вряд ли на такое повышение рассчитывал он, обращаясь к Нессельроде. Кроме того, он был произведен в надворные советники и пожалован в звание камергера.

[9] Десять лет назад, то есть в 1830 г., произошла Июльская революция, свергнувшая Бурбонов и установившая буржуазную монархию во главе с королем Луи Филиппом, то и дело сотрясаемую революционными выступлениями. В 1839 г. тайное революционное «Общество времен года», основанное Л.О. Бланки, пыталось поднять восстание, окончившееся неудачей. В 1840-е гг. во Франции усилилась стачечная борьба, среди рабочих распространялись идеи утопического коммунизма (Т. Дезами, Ж. Пийо, Э. Кабе), утопического социализма (Л. Блан, П.Ж. Прудон). Неустойчивость Июльской монархии усиливалась из-за деятельности легитимистов, стремившихся восстановить династию Бурбонов. Революция, начавшаяся 22 февраля 1848 г., привела к ликвидации Июльской монархии. Тютчев глубоко обдумывал и во многом предчувствовал надвигавшуюся на Европу бурю, свои историософские взгляды он изложил в политических статьях 1840-х гг. и в набросках к политическому трактату «Россия и Запад», работа над которым относится к 1848–1849 гг.

[10] Гр. А.И. Остерман-Толстой, генерал от инфантерии, герой войны 1812 г., родственник Тютчевых, хлопотал о карьере Тютчева и сопровождал его в первой поездке в Мюнхен в 1822 г., к месту новой службы. Как писал И.С. Аксаков, «граф А.И. Остерман-Толстой посадил его с собой в карету и увез за границу, где и пристроил сверхштатным чиновником к русской миссии в Мюнхене» (*Биогр.* С. 17).

60. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 36–37 об.

Публикуется впервые.

[1] День св. Николая Мирликийского — тезоименитство императора Николая I и именины брата Николая.

[2] А.Г. Небольсин, сосед Тютчевых по Овстугу, или его двоюродный брат Н.П. Небольсин; брянский помещик С.Ф. Яковлев.

[3] К.В. Чевкин, генерал-адъютант, впоследствии главноуправляющий путями сообщения; член Гос. совета.

[4] Кн. П.И. Шаликов, поэт-сентименталист, редактор «Дамского журнала» и «Московских ведомостей».

61. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 37. Л. 5–6.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980*. С. 47–48.

Год устанавливается по содержанию — в датированном письме 62 говорится о том, что старшие дочери поэта от первого брака — Анна, Дарья и Екатерина с гувернанткой Метцль находились на Штарнбергском озере под присмотром Д.П. Северина.

[1] 14/26 июня 1841 г. родился Д.Ф. Тютчев.

[2] Б. Штеелер, двоюродная сестра Эрн. Ф. Тютчевой.

62. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 38–39 об.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1984*. С. 57–59.

[1] Письмо Эрн. Ф. Тютчевой и ответ вел. княгини неизвестны. Вероятно, речь шла об определении старшей дочери Анны в институт благородных девиц в Петербурге (см. письмо 63). Поездка Тютчева в Петербург осенью 1841 г. не состоялась.

63. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 40–41 об.

Первая публикация в русском переводе — *Изд.1984*. С. 59–62.

[1] Мария Павловна, вел. герцогиня Саксен-Веймарская, дочь императора Павла I. Благодаря ее свекрови вел. герцогине Луизе Веймар являлся средоточием умственной жизни Германии — там жили Гёте, Шиллер, Виланд, Гердер. Мария Павловна также покровительствовала наукам и искусствам, создала музей, посвященный памяти поэтов и художников, живших в Веймаре. Гёте называл Марию Павловну одной из наиболее выдающихся женщин своего времени, высоко ценил ее и Шиллер. Тютчев присоединяется к их высокой оценке. Мария Павловна позднее тепло относилась к дочери Тютчева Анне, когда та, уже будучи фрейлиной, навещала вел. герцогиню в Веймаре.

[2] Кн. Т.В. Васильчикова, вторая жена кн. И.В. Васильчикова, председателя Государственного совета, была с одной из своих дочерей — Софьей или Ольгой.

[3] В ноябре 1841 г. Тютчев отправил к Мальтицам в Веймар старшую дочь Анну, Дарья и Екатерина остались с ним в Мюнхене.

[4] В Прагу Тютчевы прибыли 22 августа/3 сентября 1841 г. (*Летопись 1999.* С. 242). Эрн. Ф. Тютчева писала Д.Ф. Тютчевой 27 сентября/9 октября 1879 г.: «В первый раз я туда приехала вместе с моим отцом, когда мне было всего семнадцать лет, — а потом через 14 лет с папа́, когда он написал свои прекрасные стихи "К Ганке"...» (там же). В Праге Тютчев встречался с чешским филологом, профессором пражского Карлова университета В. Ганкой и посвятил ему стихотворение «Вековать ли нам в разлуке...», которое записал ему в альбом с посвящением: «Вам, милостивый государь, душевно преданный и за радушный прием вам признательный Ф. Тютчев» (*Лирика II.* С. 357).

[5] В Карлсбад Тютчевы прибыли 26 августа/7 сентября 1841 г. (*Летопись 1999.* С. 242).

[6] Е.П. Языкова, сестра декабриста В.П. Ивашева, троюродная сестра Ф.И. Тютчева.

[7] 4/16 октября у вел. кн. Марии Николаевны родилась дочь Мария.

[8] Тютчев смог приехать в Россию только в июне 1843 г.

64. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается по автографу — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 17. Л. 5. Публикуется впервые.

[1] Вел. кн. Марии Николаевны.

65. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается по автографу – РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 17. Л. 6.
Публикуется впервые.

[1] Максимилиан Иосиф, кронпринц Баварский, сын короля Людвига I, король Баварии с 1848 г.

66. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 17. Л. 7–8. На л. 8 об. адрес рукой Ф.И. Тютчева: «Bavière. A Madame Madame de Tutcheff, née de Pfeffel, etc. etc. Karlstrasse, 54 à Munich».

Первая публикация в русском переводе – *Изд. 1984*. С. 63–65.

Год написания определяется по дате на штемпеле: «Dresden. 29 sept<embre> 1841».

[1] Оттилия Гёте.

[2] Гр. Ф. Ботмер, брат Эл. Тютчевой.

[3] А.А. Шрёдер, русский посланник в Дрездене в 1829–1857 гг.

[4] Декабрист, поэт В.П. Ивашев, троюродный брат Тютчева, отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском Заводе, с 1836 г. жил на поселении в Тобольске, там и умер в декабре 1840 г., ровно через год после смерти своей жены Камиллы Петровны, урожденной Ле-Дантю, скончавшейся в родах. Родители его тоже скончались один за другим. Отец – богатый помещик Симбирской губернии, генерал-майор, бывший начальник штаба А.В. Суворова, П.Н. Ивашев, работавший над историей суворовских походов, умер 21 ноября 1838 г. в своем имении Ундоры через полгода после смерти жены – Веры Александровны, урожденной Толстой. Кузина – Е.П. Языкова – тоже умерла преждевременно – сорока трех лет.

67. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается по автографу – РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 37. Л. 7–8.
Публикуется впервые.

68. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 42–43 об.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1984.* С. 65–67.

[1] Письмо неизвестно.

[2] Письмо неизвестно.

[3] Вдовствующая королева Баварская Каролина, вторая жена короля Максимилиана I, скончалась 13 ноября (н. ст.) 1841 г.

[4] Кн. Н.Д. Горчакова, сестра декабриста П.Д. Черевина, могла знать И.Н. Тютчева и в Москве, и в Брянске, поскольку и она сама и ее муж кн. П.Д. Горчаков, в то время генерал-лейтенант, генерал-губернатор Западной Сибири (1836—1849), были помещиками Брянского уезда Орловской губернии.

[5] Кн. Н.И. Голицына, сестра гр. А.И. Остермана-Толстого, покровительствовавшего Ф.И. Тютчеву. Она была третьей женой ярославского помещика, тайного советника кн. М.Н. Голицына. Двое ее сыновей привлекались по делу декабристов. Кн. Александр Михайлович был освобожден, а кн. Валериан Михайлович Голицын отправлен в ссылку в Сибирь, затем переведен рядовым на Кавказ, с 1839 г. жил под надзором в Орле. По амнистии 1856 г. ему был возвращен княжеский титул и сняты ограничения, в 1850-е гг. он посещал салон Сушковых в Москве. У М.Н и Н.И. Голицыных был только один родной племянник — кн. Н.С. Голицын, вероятно, с ним встречался Тютчев в Мюнхене.

[6] Н.В. Сушков был освобожден от должности минского гражданского губернатора 16 декабря 1841 г. (РГБ. Ф. 297. К. 12. Ед. хр. 16. Формулярный список).

69. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 37. Л. 9–10.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980.* С. 49–51.

[1] А.Ф. Тютчева родилась 21 апреля/3 мая 1829 г. В свидетельстве о ее рождении и крещении указывалось: «Тысяча восемьсот двадцать девятого года, апреля двадцать первого старого стиля в семь часов утра, в городе Минхене, в улице Отто, в доме под № 248 у российского коллежского секретаря камер-юнкера его император-

ского величества и Российской миссии в Баварии секретаря Федора Иванова сына Тютчева, греко-российского исповедания, родилась от законной жены его Елеоноры Карловой дочери, урожденной графини Ботмер, евангелического исповедания, в законе прижитая дочь, которая крещена 12-го мая старого стиля в том же доме под № 248 в Отто улице, по обряду Греческой церкви, и названа Анною. Восприемниками были Императорско-Российской отставной гвардии штабс-капитан Николай Иванов сын Тютчев лично и жена надворного советника Екатерина Львова дочь Тютчева, урожденная Толстая, заочно, вместо коей присутствовала девица Клотильда графиня Ботмер» (цит. по: *Летопись 1999*. С. 87).

[2] 16/28 февраля 1842 г. Н.И. Тютчев вышел в отставку в чине полковника с мундиром (*Летопись 1999*. С. 246).

70. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается по автографу — РГБ. Ф. 308. К. 1.Ед. хр. 17. Л. 9–9 об.

Публикуется впервые.

Год написания устанавливается по содержанию — пребыванию Тютчева в Веймаре.

[1] Тютчев приехал в Веймар 30 мая/11 июня 1842 г. повидаться с дочерью Анной и Мальтицами.

[2] Гота — древний город в Тюрингии, основанный до 1190 г.; с 1826 г. столица герцогства Саксен-Кобург-Готского. Тютчев мог посетить здесь старинный замок Фриденштейн (1643—1655), барочный замок Фридрихталь, ратушу (XVI и XIX вв.), позднеготическую церковь св. Маргариты (XV—XVI вв.).

[3] С 30 июня/12 июля 1841 г. Тютчев был исключен из ведомства Министерства иностранных дел и потерял право ношения мундира чиновника МИД.

[4] Эрнст — возможно, отец Клотильды гр. Карл Эрнст Ботмер или брат первого мужа Эрн. Ф. Тютчевой Эрнст Дёрнберг.

[5] Тютчевы с дочерью Марией приехали в Киссинген 16/28 мая 1842 г. и пробыли до середины июля, Эрн. Ф. Тютчева проходила там курс лечения. Тютчев в Киссингене встречался с А.И. Тургеневым, с которым беседовал о русской политике и дипломатии, о неопубликованных записках Н.И. Тургенева «Россия и русские». А.И. Тургенев писал брату Николаю о своих встречах с Тютчевым: «Я много болтаю с Тютчевым, это человек остроумный, знающий и европеец. Он делал служебную карьеру, но больше не хочет этим заниматься, ибо полагает, что

ввиду его скромного состояния и возраста игра не стоит свеч <...> Это для меня богатый источник...» (Осповат А.Л. Новонайденный политический меморандум Тютчева: К истории создания // *НЛО*. 1992. № 1. С. 92–93. Перевод с *фр.*). В Киссингене 23 июня/5 июля Тютчев познакомился с немецким писателем и публицистом К. Фарнгагеном фон Энзе. Под впечатлением этого знакомства Тютчев написал стихотворение «Знамя и Слово», обращенное к Фарнгагену фон Энзе. (Подробнее об этом знакомстве см.: Азадовский К.М., Осповат А.Л. Тютчев и Варнгаген фон Энзе (К истории отношений) // *ЛН-2*. С. 458–463.)

71. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается по автографу – РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 17. Л. 10–11. На л.11 об. рукой Ф.И. Тютчева: «A Madame Madame de Tutcheff, née Bne de Pfeffel, etc. etc. à Kissingen».

Публикуется впервые.

Год написания устанавливается по почтовому штемпелю: «Weimar. 18 juin 1842».

[1] И.Л. Иордан, прусский посланник в Веймаре.

[2] 13/25 июня 1842 г. Эрн. Ф. Тютчева писала Анне в Веймар: «...твое письмо от 17 июня и письмо твоего отца <...> пришли ко мне только вчера утром, на другой день после приезда его в Киссинген <...> Твой отец очень развлекался в Веймаре и сохранил очень хорошие воспоминания о приеме, который ему там оказали» (цит. по: *Летопись 1999*. С. 247).

72. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 44–45 об.

Первая публикация в русском переводе – *Изд. 1984*. С. 68–71.

[1] Письмо неизвестно. В Остенде Тютчевы прибыли 12/24 июля 1842 г., совершив путешествие по Рейну через Брюкkenау, Франкфурт, где к ним присоединился Н.И. Тютчев, далее через Кельн, Ахен, Брюссель, оттуда по железной дороге прибыли в Остенде, где их ожидал брат Эрнестины Федоровны К. Пфеффель.

[2] В письме от 4/16 августа 1842 г. Николай Иванович сообщал родителям о путешествии вместе с братом и его женой и о своем намерении провести зиму в Вене (см.: *ЛН-2*. С. 205–206).

[3] Гр. А.С. Шереметева, фрейлина императрицы Александры Федоровны, мать историка С.Д. Шереметева.

[4] Н.Н. Тютчев, коллежский советник, помещик с. Знаменского Мышкинского у., с. Горенова Рославльского у., женатый на Е.А. Воронец. Упоминание о его пребывании в Германии см. в письме 25.

[5] Е.И. Сафонов – дальний родственник Тютчевых по линии Толстых. В его доме на Марсовом поле Тютчевы жили в 1846–1847 гг. и весну 1853 г.

[6] С.И. Мальцов, сосед Тютчевых по брянскому имению; генерал-майор, адъютант принца П.Г. Ольденбургского, владелец крупных заводов в Орловской и Калужской губ., член Мануфактурного совета Министерства финансов. Женат на княжне А.Н. Урусовой, фрейлине, впоследствии ставшей близкой подругой императрицы Марии Александровны. Яркие характеристики Мальцовых приводятся в «Мемуарах графа С.Д. Шереметева» (М., 2001). *Генерал Тучков* – вероятно, П.А. Тучков, генерал-майор, впоследствии московский генерал-губернатор. Московский знакомый Тютчевых. Вместе с братом Ф.И. Тютчева Николаем в 1816–1817 гг. учился в Московском учебном заведении для колонновожатых.

[7] Н.П. Новосильцов, статс-секретарь императрицы Марии Федоровны, сенатор. Его мать, Е.А. Новосильцова, умерла 8 июня 1842 г. Н.П. Новосильцов был женат на Е.И. Апраксиной, имел трех сыновей – Артамона, Василия и Ивана и двух дочерей – Марию и Екатерину. Тютчев встретил его с одним из сыновей и с дочерью Екатериной, бывшей замужем за Э.Д. Нарышкиным.

[8] Эрн. Ф. Тютчева уехала в Тегернзее к детям 21 сентября/3 октября 1842 г.

[9] Дочери Тютчева Дарья и Екатерина поступили в Королевский институт благородных девиц 19 сентября/1 октября 1842 г. 22 сентября/4 октября Эрн. Ф. Тютчева писала старшей падчерице Анне в Веймар: «В воскресенье утром, когда мы собрались <домой>, бедная Китти принялась горько плакать <...> Дарья же прекрасно приняла эту перемену в своей участи» (*Летопись 1999*. С. 252).

[10] Тютчев пробыл в Веймаре с 28 мая/9 июня по 9/21 июня.

73. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается по автографу – РГБ. Ф. 308. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 12–12 об.

Публикуется впервые.

19 Зак. 7508

Год написания устанавливается по содержанию — 5 октября приходилось на среду в 1842 г.

[1] А.Г. Дёнгоф, прусский посланник в Баварии, получив новое назначение, выезжал из Мюнхена; его имущество продавалось на торгах. В этом и последующих письмах к жене за октябрь Тютчев пишет о снятой им квартире на Людвигштрассе, в которую ему удалось въехать только 15/27 октября 1842 г. «В этот день Тютчев въехал в свою последнюю (согласно досье Nr. 38461) мюнхенскую квартиру на третьем верхнем этаже в доме торговца мукой Коппа на Людвигштрассе, 7 (по старой нумерации домов). Почти напротив дома находилась королевская библиотека» (*Полонский*. С. 90).

[2] Вероятно, речь идет о гр. П.И. Медеме, русском посланнике в Лондоне (1834–1835) и Штутгарте (1840–1841), с декабря 1841 г. состоявшем с особым поручением в Вене (в 1848–1850 гг. посланник в Вене); Э. Межан, французский адвокат и публицист, которого Тютчев в письмах шутливо называет Снегирем (Bouvreuil), и его жена; кн. К. Лёвенштейн-Вертгейм, баварский дипломат и публицист.

[3] Маркиз Ф. Паллавичини, сардинский посланник в Мюнхене.

[4] Гр. К. Рехберг, вдова гр. А. Рехберга, генерал-адъютанта баварского короля, хозяйка салона в Мюнхене, где часто бывал Тютчев.

74. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается по автографу — РГБ. Ф. 308. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 13–14 об.

Публикуется впервые.

Год устанавливается по содержанию — 7 октября приходилось на пятницу в 1842 г.

[1] М. Ирш, жена баварского гофмаршала гр. Э. Ирша.

[2] Велась подготовка к торжествам в честь бракосочетания кронпринца Баварского Максимилиана и принцессы Прусской Марии, их венчание состоялось 23 сентября/5 октября 1842 г. в Берлине и 29 сентября/11 октября предполагалась торжественная встреча принцессы Марии в Мюнхене. Эти торжества совпали с традиционным баварским праздником Октоберфест, отмечавшимся ежегодно в конце сентября — начале октября в память свадьбы принца Людвига Баварского, будущего короля Баварии, и принцессы Терезы Саксонской, состоявшейся 12 октября 1810 г. Главные события праздника происходили на Терезиенвизе (Луг Терезы), куда через весь город на-

правлялась праздничная процессия, в которой участвовали представители от всех земель Германии. Раз в два года в эти дни проводилась выставка сельскохозяйственной продукции. Подробное описание праздника приводится в письме бар. А.С. Крюденера к Х.А. Ливену от 28 сентября/10 октября 1835 г.: «Крестьянский праздник, который здесь отмечается ежегодно в октябре, на этот раз был особенно великолепным. Давно уже стены Мюнхена не видели такого стечения приезжих. Полагают, что их было около 40 000 — прибывших из всех уголков Королевства, а также из сопредельных государств. Одно замечательное обстоятельство придало чрезвычайный блеск и живость этому празднеству. Все сколько-нибудь значительные сельские общины из всех восьми округов Королевства прислали свои делегации; одетые согласно обычаям, принятым в их местах, они проходили перед королем, неся плоды своих трудов, а также эмблемы исторических событий и традиций, связанных с местностями, кои они представляли. Это было воистину народное представительство в живых картинах и образах. Невозможно было сдержать чувство радостного удивления при виде множества оригинальных костюмов и сцен, оживляющих старинные традиции,— при виде всех этих свидетельств того, что и нынешнее поколение хранит обычаи и нравы своих предков. Великолепное солнце озаряло это празднество, в котором участвовало более ста тысяч зрителей и которое, при всем своем блеске, ничего не стоило казне» (цит. по: *Летопись 1999*. С. 148).

Ныне Октоберфест — знаменитый праздник пива в Баварии.

[3] Леди Ж. Эрскин, мюнхенская знакомая Тютчева, жена английского посланника в Мюнхене лорда Д. Монтегю Эрскина; г-жа Бургуэн, жена французского посланника в Мюнхене бар. П.Ш. Бургуэна; гр. А. Арко-Валлей.

[4] В. Шлагенвейт, мюнхенский врач.

75. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается по автографу — РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 37. Л. 11–12. На л. 12 об. рукой Ф.И. Тютчева: «A mademoiselle Anna de Tutchef».

Публикуется впервые.

Год написания устанавливается по содержанию — 9 октября приходилось на воскресенье в 1842 г.

[1] Письмо Эрн. Ф. Тютчевой к Анне от 22 сентября/4 октября 1842 г. из Тегернзее (*Мураново*. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 47, 48).

[2] Речь идет о двоюродных бабушках Анны, сестрах бабушки — Ганштейн (см. письмо 76).

76. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается по автографу — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 17. Л. 15–16. На л. 16 об. адрес: «A Madame Madame de Tutchef, etc. etc. à Tegernsee».

Публикуется впервые.

Год написания устанавливается по дате на почтовом штемпеле: «München. 10 oct<ober> 1842».

[1] Э.Ф. Дитрих, начальница Мюнхенского института, где учились дочери Тютчева.

77. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 17. Л. 17–18.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980.* С. 50–51.

Год написания устанавливается по содержанию — 13 октября приходилось на четверг в 1842 г.

[1] Тютчев наблюдал въезд юной кронпринцессы Баварской Марии в Мюнхен из окна квартиры Э. Межана, находившейся во втором верхнем этаже дома № 4 на Людвигштрассе (см.: *Полонский.* С. 89).

[2] 10 ноября 1839 г. Тютчев получил четырехмесячный отпуск и после него не вернулся на службу. 30 июня/12 июля 1841 г. «за долговременным неприбытием из отпуска предписано не считать его более в ведомстве Министерства иностранных дел» (Формулярный список Ф.И. Тютчева. 1872 г. РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Д. 115. Л. 12–12 об.). Об этом вице-канцлер гр. К.В. Нессельроде доносил министру двора кн. П.М. Волконскому:

«Милостивый государь князь Петр Михайлович,

Состоящие во вверенном мне министерстве коллежский советник Тютчев и коллежский асессор Богаевский уволены были в ноябре 1839 года в отпуск на четыре месяца с позволением оставаться им во время сего отпуска в чужих краях.

А как они доныне не возвратились в Россию и местопребывание их Министерству иностранных дел неизвестно, то сделано мною распоряжение о несчитании их более в ведомстве сего министерства.

О чем поставляю долгом моим уведомить вашу светлость по состоянию коллежского советника Тютчева в звании камергера, а коллежского асессора Богаевского в звании камер-юнкера двора его императорского величества.

Имею честь быть с совершенным почтением и преданностью
вашей светлости покорнейшим слугою

граф Нессельроде.

Июля 3 дня
1841
Его светлости князю П. М. Волконскому»
(там же. Ф. 472. Оп. 3. Д. 99. Дело о поступлении камергеров и камер-юнкеров на службу, увольнении от оной, зачислении в прежние звания и о смерти их. Л. 28. Писарской рукой, подпись — автограф).

Вследствие этого донесения Тютчев был исключен из придворных списков и лишен звания камергера. Об этом Волконский извещал обер-гофмаршала кн. Н.В. Долгорукова:

«МИД
Канцелярия
Отделение 1
6 июля 1841
№ 2497
Об исключении из придворных
списков гг. Тютчева и Богаевского

Г. вице-канцлер Нессельрод уведомил меня, что состоявшие во вверенном ему министерстве в звании камергера коллежский советник Тютчев и в звании камер-юнкера коллежский асессор Богаевский, быв уволены в 1839 году в отпуск на четыре месяца, с дозволением оставаться в продолжение этого времени в чужих краях, доныне в Россию не возвратились и о месте пребывания их неизвестно, почему он сделал распоряжение о несчитании их по ведомству Министерства иностранных дел.

Вследствие сего прошу ваше сиятельство приказать означенных чиновников Тютчева и Богаевского исключить из придворных списков на основании высочайшего указа 3 апреля 1809 года.

Подписал министр императорского двора князь Волконский» (там же. Л. 28–28 об. Писарской рукой, заверенная копия).

78. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые по автографу — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 17. Л. 19–20.

Датируется по содержанию, которое связано с письмом 77.

На л. 21 рукой Ф.И. Тютчева записаны стихи:

Que l'homme est peu réel, qu'aisément il s'efface! —
Présent, si peu de chose, et rien quand il est loin.
Sa présence, ce n'est qu'un point —
Et son absence — tout l'espace.

Перевод:

С велением судьбы нам спорить бесполезно:
Как хрупок человек! Как краток век его!
Его присутствие — мгновение всего,
Небытие — зияющая бездна!
(Перевод В.А. Кострова)

На обороте листка неустановленной рукой адрес: «A Madame Madame de Tutcheff». Размер, цвет бумаги, чернила и почерк указывают на то, что стихотворение написано не одновременно с письмом. Обычно стихотворение связывают с этим письмом, поскольку автографы хранятся рядом, однако письмо от 2/14 октября лежит последним в единице хранения среди писем за 1840–1842 гг. Таким образом, утверждать можно только то, что стихотворение Ф.И. Тютчева положено кем-то, возможно женой поэта, после писем за 1840–1842 гг. Мотив разлуки-бездны выражен во многих письмах Тютчева этих лет.

79. Ф. В. ТИРШУ

Печатается по копии с автографа, полученной из Баварской гос. б-ки — см. *коммент.* к письму 21.

Первая публикация — см. там же.

Датируется на следующем основании.

Все четыре письма Тютчева к Тиршу, помещенные в настоящем томе, написаны как бы в одном ключе, посвящены одному вопросу — восточному.

В течение всей жизни Тютчев относился к восточному вопросу с напряженным вниманием и интересом. Об этом свидетельствуют его публицистические статьи и многочисленные письма, в том чис-

ле и письма к Тиршу. В его представлении этот вопрос был одним из тех вопросов века, в котором, словно в фокусе, сосредоточивались противоречия между Западной Европой и Россией, этой, по словам Тютчева, «державой Востока, для которой первая империя византийских кесарей, древних православных государей, служила лишь слабым, незавершенным наброском» («Россия и Германия». Т. 3 наст. изд. С. 119).

Самый термин — «восточный вопрос» — впервые возник в связи с греческим национально-освободительным движением 1821–1829 гг., наметившимся распадом Османской империи и борьбой великих держав за раздел ее владений. В европейской печати восточный вопрос был предметом постоянного обсуждения. В 1840-е гг. это обсуждение не только не утихало, но приобретало новую остроту. О его характере красноречиво свидетельствует высказывание Г. Гейне, писавшего в 1841 г. о «страшных махинациях царя всея Руси», о стремлении «Московии» «завоевать или хитростью добыть на берегах Босфора ключ ко всемирному господству» и восклицавшего в связи с этим: «Ах! Как ужасен этот восточный вопрос...» (Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. Л., 1958. Т. 8. С. 119).

Судя по свидетельству современников, в 1842 г. Тютчев размышляет «о нашей политике, о востоке», а в 1843 г. сам пишет «записку» по вопросам восточной политики (*ЛН-2*. С. 86; *Биогр*. С. 28). И когда Тирш в статье, помещенной в приложении к газете «Allgemeine Zeitung» от 12 и 13 декабря 1842 г. (№ 346–347), вступая в полемику по восточному вопросу, заявил о том, что не следует опасаться решительного превосходства России по проблемам Анатолии, это заявление действительно могло показаться Тютчеву отрадным — после тех многочисленных нападок на «московитов», которыми были переполнены статьи зарубежной прессы. Тирш возражал тем публицистам, которые, не веря в возможность расцвета новой жизни на развалинах Османской империи, не веря в возрождение Греции, предрекали ей судьбу жертвы славянско-русского господства и ортодоксального фанатизма. Завершалась статья напоминанием о той книге, которую Тирш писал 10 лет назад, когда он пытался повлиять на развитие событий в Греции («De l'état actuel de la Grèce et des moyens d'arriver à sa restauration» — см. письмо 24, примеч. 3).

Все вышесказанное дает основание предположить, что письмо Тютчева явилось откликом именно на эту полемическую статью Тирша по восточному вопросу.

При датировке комментируемого письма не следует забывать о версии, предложенной Р. Лэйном в публикации, помещенной в «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». 1984. Bd. 32. Hf. 2 (Four unpublished letters of Tjutčev to F. Thiersch). 12 и 13 декабря 1840 г. в приложении к газете «Allgemeine Zeitung» были напечатаны две статьи Тирша, в которых Россия была названа одним из наиболее влиятельных гарантов независимости и безопасности Германии. По мнению исследователя, эти статьи побудили Тютчева обратиться с письмом к Тиршу.

[1] Тютчев пользуется обозначением месяца, принятым в древнеримском календаре (см. письмо 22, примеч. 2).

80. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 46–47 об.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980*. С. 51–53.

[1] День св. Николая Мирликийского празднуется 6/18 декабря.

[2] Отец Анны Сергеевны — С.В. Шереметев, двоюродный брат В.П. Шереметева, женатого на тетке Ф.И. Тютчева Н.Н. Тютчевой.

[3] Кн. Н.Д. Горчакова, жена генерал-губернатора Западной Сибири П.Д. Горчакова.

[4] М.А. Нарышкина — жена обер-егермейстера Д.Л. Нарышкина, фаворитка императора Александра I. О ее внешности А.О. Смирнова-Россет писала: «У нее были великолепные плечи и лебединая шея, она никогда не носила ничего, кроме ожерелья из прекрасного тонкого жемчуга, которое ей подарил император Александр, серег, им же подаренных, и на лбу жемчужной подвески (то, что называется севинье). На ее прекрасных руках не было браслетов. Волосы ее были неизменно убраны тюрбаном, хотя она не была султанша мысли» (*Смирнова-Россет*. С. 418). В 1842 г. М.А. Нарышкиной было 63 года. Скончалась она в 1852 г. и была похоронена в Мюнхене.

[5] Герцог Максимилиан Евгений Иосиф Наполеон Лейхтенбергский, муж вел. кн. Марии Николаевны. Кронпринц Баварский Максимилиан Иосиф, сын короля Людвига I, приходился ему двоюродным братом по матери — герцогине Августе Амалии Лейхтенбергской, урожденной принцессе Баварской.

[6] Речь идет об А.И. Тургеневе. О его возвращении из Москвы Тютчев сообщает в письме 84.

81. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 48–49. На л. 49 об. приписка Н.И. Тютчева к родителям на русском языке.

Первая публикация в русском переводе – *Изд. 1980*. С. 53–55.

[1] 17 марта 1843 г. у Д.И. и Н.В. Сушковых родился сын, которому, как и первому, умершему, дали имя Иван.

[2] Осенью 1843 г. Анна присоединилась к своим сестрам, воспитывавшимся в Мюнхенском институте благородных девиц. О ее душевном настрое от пребывания в институте см. письмо 97 и примеч. 1 к нему.

82. ВАЦЛАВУ ГАНКЕ

В. Ганка – чешский филолог, собиратель памятников древнеславянской письменности, профессор Карлова университета в Праге, один из представителей культуры чешского национального возрождения.

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Чешском Национальном музее в Праге – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 1–3.

Первая публикация – Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905. С. 1129–1130.

[1] Слово *пресловутый* в XIX в. употреблялось в значении «известный», «знаменитый». Речь идет о новом, четвертом издании «Краледворской рукописи» – «Rukopis Kralodvorský... Vydánie čtvrté Václava Hanky... v Praze, 1843». Это произведение, впервые изданное Ганкой в 1819 г. в качестве подлинного собрания эпических и лирических песен чешского народа, как впоследствии выяснилось, было написано им самим на основе летописей и легенд. Книга оказала значительное влияние на чешскую литературу.

[2] В 1841 г. в бытность свою в Праге Тютчев встречался с В. Ганкой и написал ему в альбом стихи «Вековать ли нам в разлуке...» («К Ганке»).

[3] *Молдава* – немецкое название чешской реки Влтавы, на которой стоит Прага.

[4] *Градчин* (Градчаны) – исторический район Праги с королевским дворцом и собором.

[5] В оригинале рядом со словом *«Ванды»* рукою Ганки написано на полях: «Любуши». Имеется в виду легендарная чешская княжна Любуша (Либуше), предсказавшая расцвет и мировую славу Праги.

[6] *Urbi et orbi* (Городу и миру — *лат.*) — формула папского благословения; выражение это употребляется также в смысле повсеместного оглашения известия.

83. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые по автографу — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 18. Л. 1–2.

[1] Мистическая поэма А. Ламартина (1836). Тютчев высоко ценил французского поэта, в юности он перевел стихотворение Ламартина «L'isolement» («Одиночество»). В 1849 г. посвятил ему стихотворения «Как он любил родные ели...» и «Lamartine» («La lyre d'Apollon, cet oracle des dieux...»). См. т. 1 наст. изд.

[2] Каролина Пфеффель, жена брата Эрн. Ф. Тютчевой Карла Пфеффеля.

[3] *Шёнбрунн* — императорский дворец и парк Шёнбрунн в Вене (1695–1700, архитектор И.Б. Фишер фон Эрлах; 1744–1749, архитектор Н. Пакасси). Здесь в 1832 г. скончался сын Наполеона I Жозеф Франсуа Шарль Бонапарт, герцог Рейхштадтский.

[4] Custine A. de. La Russie en 1839. P., 1843. V. 1–4.

[5] В 1812 г. с приближением французской армии семья Тютчевых выехала из Москвы в Ярославскую губернию, «но раскаты грома были так сильны, подъем духа так повсеместен, что даже вдали от театра войны не только взрослые, но и дети, в своей мере, конечно, жили общею возбужденною жизнью» (*Биогр*. С. 12).

84. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 18. Л. 3–4.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980*. С. 56–59.

Год написания устанавливается по содержанию — Тютчев с братом совершили поездку в Россию в 1843 г. Судя по упоминанию в письме Иванова дня, авторская дата по старому стилю. Народный праздник Ивана Купалы (Рождество Иоанна Предтечи) празднует-

ся 24 июня/7 июля. У славянских народов он традиционно сопровождался собиранием целебных трав, цветов, обрядами с огнем и водой, песнями, играми, хороводами и гаданиями. Однако из сопоставления дат в последующих письмах следует, что письмо датировано по новому стилю.

[1] Кн. С.И. и В.М. Гагарины.

85. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 18. Л. 5–5 об.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980.* С. 59.

Дата нового стиля, поскольку в 1843 г. вторник приходился на 11 июля н. ст.

86. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 18. Л. 6–7.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. М., 1957.* С. 382–385.

Год устанавливается по времени пребывания Ф.И. Тютчева в Москве.

[1] Дом № 11 в Армянском переулке.

[2] Вероятно, С.Е. Раич.

[3] И.Н. Тютчев предоставил сыновьям в общее владение по дарственной записи, совершенной во 2-м Департаменте Московской гражданской палаты 4 августа 1843 г., «недвижимое имение, состоящее Орловской губернии Брянского уезда в селе Речице 238, деревнях Дорошне 72, Умысличах 38, Годуновке 33, Молотиной 72, Нижних Демьяновичах 34, Верхних Демьяновичах 28 и Харабровичах 114, а всего дворовых людей и крестьян по восьмой ревизии шестьсот двадцать девять мужеска пола душ с принадлежащею к ним землею и отхожими пустошами и в том же Брянском уезде, именуемыми Хохловою и Белшоловичи, неизвестной меры...» (РГИА. Ф. 577. Оп. 26. Д. 561. Л. 13).

Раздел имущества между братьями Тютчевыми произошел после смерти отца, в январе 1847 г. (см. примеч. 1 к письму 126).

[4] В бытность свою минским губернатором Н.В. Сушков горячо поддержал деятельность архиепископа Литовского и Виленского Иосифа Семашко по восстановлению униатов с Православной Церковью. За свою прямолинейную политику в этом вопросе Сушков в 1841 г. лишился губернаторского поста, навсегда покинул службу и поселился в Москве.

87. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается по автографу — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 18. Л. 8. Публикуется впервые.

88. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 18. Л. 9–11.

Первая публикация в русском переводе – *Изд. 1980*. С. 62–64.

[1] И.Н. и Е.Л. Тютчевы жили в доме М.М. Крезовой (Садовая-Триумфальная, 25; не сохранился).

[2] Д.И. и Н.В. Сушковы жили в доме А.И. Милютина в Старопименовском переулке (ныне д. 11).

[3] Тютчев в этот приезд встречался в Москве со своим университетским товарищем М.П. Погодиным, издававшим с 1841 г. журнал «Москвитянин», в их беседах о славянском вопросе обнаружилась близость исторических концепций, основанных на идеях панславизма. Впоследствии Погодин писал в своей записке «Воспоминание о Ф.И. Тютчеве»: «Услышав его в первый раз, после всех странствий, заговорившего о славянском вопросе, я не верил ушам своим; я заслушался его, хоть этот вопрос давно уже сделался предметом моих занятий и коротко был мне знаком. Как в самом деле мог он, проведя молодость, половину жизни за границей, не имев почти сообщения с своими, среди враждебных элементов, живущий в чуждой атмосфере, где русского духа редко бывало слышно, как мог он, барич по происхождению, сибарит по привычке, ленивый и беспечный по природе, ощутить в такой степени, сохранить, развить в себе чистейшие русские и славянские начала и стремления?» (*ЛН-2*. С. 24–25).

Кроме того, Тютчев посещал салон А.П. Елагиной, встречался с П.Я. Чаадаевым (см.: *Летопись 1999*. С. 262).

[4] В 1843 г. родился сын Карла и Каролины Пфеффелей — Гюбер.

89. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 50–51. Публикуется впервые.

Родители Тютчева снимали квартиру в Москве в доме М.М. Крезовой (Садовая-Триумфальная, 25), сюда и адресует Тютчев свое письмо.

[1] Вскоре Тютчев перебрался в более дешевую гостиницу Тирака.

[2] М.Н. Муравьев, сенатор, министр гос. имуществ (1857–1862), виленский генерал-губернатор (1863), муж кузины Тютчева П.В. Муравьевой. Его приятель — сенатор П.И. Дегай, сын которого А.П. Дегай в это время, оставив военную службу, служил при Министерстве внутренних дел.

[3] Возможно, А.М. Жемчужников, поэт, публицист, старший из братьев Жемчужниковых, служивший в то время в Сенате и ездивший с ревизиями в Орловскую, Калужскую губернии, Таганрог.

[4] Тютчев предпринимает хлопоты для возвращения на службу. 17/29 августа он подает в Департамент хозяйственных и счетных дел Министерства иностранных дел прошение относительно аттестата о прохождении службы.

90. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые по автографу — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 18. Л. 12–15 об.

[1] 23 июля 1843 г. у вел. кн. Марии Николаевны родился сын Николай Максимилианович, трехлетняя дочь Александра умерла 31 июля этого же года.

[2] Гр. Ф. Коллоредо-Вальдзее, австрийский посланник в Мюнхене (1834–1843) и Петербурге (1843–1847); гр. А. Авогадро ди Колобиано, сардинский посланник в Мюнхене (1829–1838) и Петербурге (1843–1849); Вехтер, вюртембергский посланник в Мюнхене, затем в Петербурге (1843); бар. Ф. Оттерштедт, советник прусской миссии в Петербурге (1843–1849); о Карденосе сведений нет.

[3] Вероятно, речь идет о гр. С.А. Голенищевой-Кутузовой, жене гр. генерал-лейтенанта, генерал-адъютанта В.П. Голенищева-Кутузова; гр. Е.Н. Адлерберг, бывшей фрейлине, вышедшей замуж за гр. А.В. Адлерберга, друга детства императора Александра II,

впоследствии министра двора; гр. Н.А. Кутайсовой, дочери президента Московской дворцовой палаты, обер-гофмейстера, сенатора кн. А.М. Урусова, жене И.П. Кутайсова.

91. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 18. Л. На л. 17 об. адрес рукой Ф. И. Тютчева: «*Bavière*. A Madame de Tutcheff, née de Pfeffel, etc. etc., à Tegernsee, p<a>r Munich».

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980*. С. 66–67.

Стиль даты определяется по штемпелю: «С.-Петербург. Авг. 28. 1843».

[1] Историк и драматург С.А. Гедеонов встречался с Ф.И. и Эрн. Ф. Тютчевыми, а также с К. Пфеффелем и его женой Каролиной (*«невесткой»*) в Остенде в июле - августе 1842 г. Н.И. Тютчев писал родителям 4/16 августа 1842 г.: «Остенде — место довольно унылое, есть тут несколько русских, в частности Путята, Гедеонов и т. д., которых мы видаем ежедневно» (*ЛН-2*. С. 206).

[2] 28 августа/9 сентября в Турине скончалась первая жена поэта Эл. Тютчева. По свидетельству близких, Тютчев за несколько часов поседел от горя. Позднее в беседе с дочерью Анной он говорил, вспоминая прошлую жизнь: «...теперь это всего лишь сон. И она также, она, которая была для меня жизнью, — больше чем сон: исчезнувшая тень. Она, которая была столь необходима для моего существования, что жить без нее казалось мне так же невозможно, как жить без головы на плечах. <...> Ах, как ужасна смерть, как ужасна! Существо, которое ты любил в течение двенадцати лет, которое знал лучше, чем самого себя, которое было твоей жизнью и счастьем, — женщина, которую видел молодой и прекрасной, смеющейся, нежной и чуткой, — и вдруг мертва, недвижна, обезображена тленьем. О, ведь это ужасно, ужасно! Нет слов, чтобы передать это. Я только раз в жизни видел, как умирают... Смерть ужасна!» (Тютчева А.Ф. Дневник. Запись 4/16 мая 1846 г. // *ЛН-2*. С. 216). Памяти первой жены посвящены стихотворения Тютчева «Еще томлюсь тоской желаний...» (1848 или 1849) и «В часы, когда бывает...» (1858).

Между тем внешняя жизнь шла своим чередом, и осиротевшие дочери Тютчева долго расценивали новый брак отца как предательство по отношению к памяти матери. 26 августа 1852 г. семнадцати-

летняя Екатерина записала в дневнике: «Послезавтра, то есть 28, годовщина смерти доброй бедняжки мама́. Вот уже 14 лет, как у меня нет больше матери и та, что была ею, покоится в могиле под прекрасным солнцем Италии. Голубое небо и яркое солнце освещают землю, в которой почила та, кого я не могла знать, потому что она скончалась, когда мне не было и 2-х лет, но воспоминания о ней будят в моей душе смутное желание любви, совершенно незнакомой мне, но тем не менее представляющейся мне величайшим счастьем.

Господи, как хрупко и быстротечно наше счастье. Как ничтожны и обманчивы человеческие привязанности. Всего 14 лет прошло с тех пор, как Она умерла, а тот, кого Она страстно любила, кому Она посвятила свою жизнь, уже забыл ее, вернее, вспоминает о ней только как о мимолетном видении, стертом из памяти годами. Почивай в мире, милая тень, ты обрела гавань, и Тот, в Чьих пределах ты ныне пребываешь, не предаст тебя никогда...» (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 83–83 об. Перевод с *фр.*).

92. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 52–53 об.

Публикуется впервые.

[1] Гр. А.Х. Бенкендорф, шеф жандармов, начальник III Отделения, владел имением Фалль близ г. Ревеля Эстляндской губернии. Романтическое описание Фалля встречаем на страницах воспоминаний правнука Бенкендорфа кн. С.М. Волконского, бывшего директора императорских театров, эмигранта, друга М.И. Цветаевой; среди прочего он описывает кабинет Александра Христофоровича, который и во второй половине XIX в. сохранился в том виде, каким его застал Тютчев: «В Фалльском доме, таком светлом, приветливом, есть одна комната, в которую мы, дети, входили с некоторым страхом, – мрачная, молчаливая, в которой никто никогда не сидел. Это был кабинет моего прадеда Бенкендорфа. Перед большим письменным столом большое с высокой спинкой кресло; на столе бронзовые бюсты Николая I, Александра I, родителей Бенкендорфа. Вообще много бронзы – модели пушек, в маленьком виде памятники Кутузову и Барклаю де Толли; пресс-папье – кусок дерева от гроба Александра I, обделанный в бронзу, венчанный короной. Много портфелей с гравюрами, планами; высокие шкафы с книгами, медали в память двенадцатого

года. <...> В этой комнате все вещи как-то особенно молчали. Там пахло стариной, большей давностью, чем в остальном доме; там всегда хотелось спросить кого-то: "Можно?"» (Князь С. Волконский. Мои воспоминания: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 14–15).

[2] В августе 1843 г. император Николай I выехал в Берлин с ответным визитом новому прусскому королю Фридриху Вильгельму IV, бывшему в 1841 и 1842 гг. в России.

[3] «Проект», о котором упоминает Тютчев, заключался в том, чтобы стать посредником между русским правительством и германской прессой, в которой по отношению к России господствовало «пламенное, слепое, неистовое, враждебное настроение». Частью этого проекта являлись и собственные публицистические выступления Тютчева в западной печати, которые стали появляться с 1844 г.

[4] Дача вел. кн. Марии Николаевны по Петергофской дороге, неподалеку от Стрельны. Поблизости находилась Троице-Сергиевская приморская пустынь, основанная в 1732 г. архимандритом Варлаамом (Высоцким). Расцвет пустыни начался в 1833 г., когда ее наместником был назначен архимандрит Игнатий Брянчанинов, впоследствии автор «Аскетических опытов», причисленный в 1988 г. к лику святых. Великокняжеский двор часто посещал службы в Троицком соборе пустыни.

[5] П.А. Вяземский, поэт, литературный критик, в те годы вице-директор Департамента внешней торговли Министерства финансов, с 1839 г. действительный член Российской академии наук, старинный знакомый Тютчева. В 1827 г. сочувственно отзывался в печати о стихах Тютчева; при его участии в пушкинском «Современнике» в 1836 и 1837 гг. были опубликованы тютчевские «Стихотворения, присланные из Германии». «Самый близкий родственник не мог бы с большим рвением и усердием, нежели он, заботиться о моем благе», — писал Тютчев родителям 27 октября 1844 г. из Петербурга в Москву (письмо 103). Сближение Тютчева и Вяземского произошло в 1840-е гг., после окончательного возвращения Тютчева на родину. Тютчев посвятил Вяземскому несколько стихотворений — «Когда дряхлеющие силы...» (1866) и др. Вяземский состоял в дружеской переписке с Тютчевым, с его женой Эрнестиной Федоровной и дочерью Анной. Особое место занимает переписка Вяземского с Эрн. Ф. Тютчевой, которая откровенно посвящала его во все семейные дела и в то же время легко и живо вела беседы на самые разные темы, что позволило Вяземскому отметить ее дар: «Вы прирожденный журналист в лучшем смысле этого слова, журналист в духе г-жи де Севинье, и если когда-нибудь на-

ша переписка станет достоянием потомства, то я обещаю вам эпистолярную и литературную славу, которая переживет ваших детей и внуков» (24 марта/5 апреля 1850. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 105. Л. 78. Перевод с *фр.*). Добрые отношения связывали Тютчевых и с женой Вяземского Верой Федоровной.

[6] Ф.И. Тютчев обратился в Департамент хозяйственных и счетных дел с прошением:

«17 августа 1843

В Департамент хозяйственных и счетных дел
Министерства иностранных дел
от коллежского советника Федора Иванова сына Тютчева

Прошение

В 1841 году я уволен из ведомства Министерства иностранных дел и, по обстоятельствам своим не имев до сих пор возможности явиться за получением аттестата, — ныне покорнейше прошу выдать мне оный с надлежащим засвидетельствованием о моей службе.

Федор Иванов сын Тютчев

Августа 1843 г.
С.-Петербург
Жительство имею в гостинице Тирака»
(АВПРИ. Ф. 340 (Коллекция документальных материалов чиновников МИД). Оп. 876 (Ф.И. Тютчев). 118. Л. 13. Писарской рукой, подпись — автограф).

В ответ на это прошение Тютчев получил следующий документ:

«Аттестат № 2621

19 августа 1843

Дан сей от Д<епартамен>та хоз<яйственных> и сч<етных> дел М<инистерства> и<ностранных> дел коллеж<скому> совет<нику> Федору Иванову сыну Тютчеву в том, что он из дворян, по окончании курса наук в Москов<ском> университете удостоен степени кандидата и определен в Государ<ственную> коллегию иностр<анных> дел с переименованием Правит<ельствующим> Сенатом в губ<ернские> секретари 21 февраля 1822; причислен к миссии в Минхене сверх штата 13 мая того же года; произведен в коллеж<ские> секретари с старшинством с 25 февр<аля> 1825; пожалован в звание камер-юнкера 31 мая того же года; произведен в тит<улярные> советники с старшинством с 25 февраля 1828, опре-

20 Зак. 7508

делен при миссии в Минхене 2-м секретарем 17 апреля того же года; пожалован в коллеж<ские> асессоры с старшинством с 25 фев<раля> 1832; в 1833 году был отправлен курьером из Минхена в Зант; пожалован в звание камергера двора е<го> и<мператорского> величества 31 декабря 1835; на основании высочайше утвержденных расписаний должностей гражданской службы по классам переименован в младшие секретари при той же миссии 31 декабря того же года; произведен в надв<орные> совет<ники> с старшинством с 31 дек<абря> 1835; пожаловано ему в вознаграждение ревностной службы его на уплату долгов 1000 червон<цев> голландских 18 июля 1836; на время отсутствия посланника исправлял должность поверенного в делах при миссии в Минхене с 28 июня по 22 августа того же года; назначен на вакансию старшего секретаря при миссии в Турине 3 августа 1837; в этом же году отправлен был курьером из С.-Пбурга чрез Берлин и Минхен в Турин; пожалован ему единовременно на покрытие издержек, сделанных при перемещении его в Турин из Минхена, и в награду ревностной службы полугодовый оклад его жалованья 26 марта 1838; исправлял должность поверенного в делах при дворе сардинском по случаю отозвания оттуда посланника нашего в Россию с 22 июля 1838 по 25 июля 1839; за убытки, понесенные им при пожаре, случившемся на пароходе «Николай I», всемилостивейше повелено выдать ему из Государ<ственного> Казнач<ейст>ва 800 червонных 29 июля/10 авгу<ста> 1838; пожалован в коллеж<ские> совет<ники> с старшинством 31 декабря того же года; награжден знаком отличия беспорочной службы за XV лет 22 августа 1839; по желанию его отозван от должности старшего секретаря миссии в Турине с оставлением до нового назначения в ведомстве М<инистерства> и<ностранных> дел 1 октября того же года; находился в отпусках: с 23 февраля 1825 на 4 м<еся>ца, из сего отпуска явился к должности в срок; 17 мая 1830 с высоч<айшего> соизволения на 4 м<еся>ца, из сего отпуска явился к должности 13 октября того же года; 3 октября 1836 на 4 м<еся>ца, воспользовался 9 мая 1837, из сего отпуска явился к должности 3 августа того же года; 10 ноября 1839 уволен был на 4 м<еся>ца с позволением оставаться во время сего отпуска в чужих краях. За долговременным неприбытием его из оного отпуска и по неизвестности о местопребывании его 30 июня 1841 предписано г<осподином> вице-канцлером не считать его, Тютчева, более в ведомстве М<инистерства> и<ностранных> дел. При чем Д<епартамент> х<озяйственных> и с<четных> дел свидетельствует, что коллеж<ский> совет<ник> Тютчев при похвальном поведении поручаемое ему исправлял с усердием; в

штрафах и под судом не бывал; аттестовался способным и повышения чином достойным; отчетности на ответственности своей не имел; к перемене ему в свое время знака отличия беспорочной службы препятствия не настоит; женат вторым браком; имеет от первого брака дочерей: Анну и Дарью, вероисповедания, как он, так и дети, православного; а о вероисповедании супруги его сведения не доставлено; от роду ему 44 года. С.-Пбург, августа дня 1843 года.

Директор дей<ствительный> ст<атский> сов<етник>,
церем<онийместер> двора е. и. в. и кавалер Яковлев
Нач<альник> отд<елени>я Яковлев
Верно: старший помощ<ник> стол<оначальника> Васильев» (АВПРИ. Ф. 340. Оп. 876. № 22 (118). Л. 14. Писарской рукой).

93. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые по автографу — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 18. Л. 18–19. На л. 19 об. адрес рукой Ф.И. Тютчева: «Bavière. A Madame de Tutcheff, née de Pfeffel, etc. etc., à Tegernsee, p<a>r Munich».

Стиль даты определяется по штемпелю: «28/9. Berlin».

[1] К. Мармье, французский писатель, член Французской академии, автор путевых записок «Lettres sur le Nord» («Письма о Севере»).

[2] Тютчеву, несомненно, было известно о резко отрицательном отношении Д.П. Северина к деятельности А.Х. Бенкендорфа, направленной на усиление влияния на русскую дипломатическую службу. 25 июня 1839 г. А.И. Тургенев писал в Париж брату, политическому эмигранту, Н.И. Тургеневу: «Северин рассказывает мне о своих мюнхенских подвигах и о ничтожестве Бенкендорфа <...> Вся переписка шпионов-дипломатов ведется под командой Бенкендорфа, правой рукой которого в Германии является Мейендорф <...> Он хотел бы распространить свое влияние и на Баварию <...> но Северин стоял твердо и выслал из Баварии польского шпиона, которого Мейендорф прислал для наблюдения за поляками» (цит. по: Осповат А.Л. Новонайденный политический меморандум Тютчева: к истории создания // *НЛО*. 1992. № 1. С. 92).

94. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 54–55 об.

Первая публикация в русском переводе: *Изд. 1984*. С. 89–91.

[1] Гр. М. Лерхенфельд-Кёферинг, баварский посланник в Берлине; бар. П.К. Мейендорф, русский посланник в Берлине, женатый на гр. Софье Рудольфовне Буоль-Шауенштейн.

[2] 14 сентября 1843 г. вспыхнуло вооруженное восстание в греческих воинских частях в Афинах. Король Оттон вынужден был распустить баварские войска, дал отставку министрам-баварцам и созвал Национальное собрание, которое приняло конституцию, установившую ответственное министерство, двухпалатную систему и избирательное право, ограниченное имущественным цензом.

95. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 56–57 об. Публикуется впервые.

Год устанавливается по содержанию — после расставания с братом в Москве в 1843 г. Тютчев не получил ни одного письма от него, однако в мае 1844 г. письмо от него уже было получено (см. примеч. 2).

[1] Письмо неизвестно.

[2] Н.И. Тютчев управлял имением в Овстуге, и Тютчевы ждали присылки из Овстуга денег, но в мае 1844 г. Эрн. Ф. Тютчева разочарованно писала брату К. Пфеффелю: «Тютчев получил 2 письма из России, не содержащие — ни одно, ни другое — того, о чем вы подумали и что нам так необходимо. Новости от толстого полковника не удовлетворительны, он откладывает на полгода присылку нам денег, так как с октября по сей день все доходы поглощает выплата долга за землю» (цит. по: *Летопись 1999*. С. 271).

[3] В мае 1844 г. состоялась поездка императора Николая I в Англию, целью которой было обсуждение с английским двором восточного вопроса и отношения к Турции на случай войны. Проездом император останавливался в Вене, где встречался с австрийским министром Меттернихом. Во главе свиты государя был гр. А.Ф. Орлов. Российский двор желал породниться с австрийским двором, и вел. княжну Ольгу Николаевну, дочь императора Николая I, прочили в невесты эрцгерцогу Стефану, сыну эрцгерцога Австрийского, палатина Венгерского Иосифа. В своих воспоминаниях «Сон юности» Ольга Николаевна писала о том, что в 1839 г. в Вене ее брат цесаревич Александр Николаевич подружился с эрцгерцогами Австрийскими Альбрехтом, Карлом Фердинандом и особенно со Стефаном. «Стефан выделялся своими способностями, что предсказывало ему блестящую будущность. Он любил Венгрию и по-венгерски говорил так же свободно, как по-

немецки, и в Будапеште в нем видели наследника его отца» (цит. по: Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 260). В браке русской царевны с австрийским эрцгерцогом, славянином по духу, Тютчев видит большую будущность. Но Вена под благовидным предлогом не допустила этого брака. В 1846 г. вел. княжна Ольга Николаевна вышла замуж за кронпринца Вюртембергского Карла, с 1864 г. короля Вюртембергского.

96. А. И. ТУРГЕНЕВУ

А.И. Тургенев — известный литературный деятель первой половины XIX в., брат декабриста Н.И. Тургенева.

В июле и августе 1832 г. Тургенев жил в Мюнхене. Здесь он познакомился с Тютчевым. Встречались они и весной 1834 г., во время вторичного пребывания Тургенева в Мюнхене, затем в Вене (1835), Петербурге (1837), Киссингене (1842), Варшаве (1843) и Париже (1844). Все эти встречи нашли отражение в дневниковых записях Тургенева (*ЛН-2*. С. 63–98. — Тютчев в дневнике А.И. Тургенева. 1832–1844).

В 1844 г., по приезде в Париж, где в это время жил Тургенев, Тютчев сразу же принялся искать встречи с ним. Как видно из упомянутого дневника Тургенева, с 4 по 9 июня они виделись почти ежедневно (там же. С. 87).

Печатается по автографу — *Собр. Пигарева.*
Первая публикация — *ЛН-1*. С. 547–548.

97. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 37. Л. 13–14.
Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980*. С. 67–69.

Тютчев с женой и младшими детьми Дмитрием и Марией прибыл в Париж 3/15 мая 1844 г. Они посетили могилу отца Эрнестины Федоровны К.Г. Пфеффеля на кладбище Пер-Лашез. В Париже Тютчев встречался с А.И. Тургеневым, историком И. Шницлером, итальянским астрономом Д. Плана, баденским посланником в Париже Ф. Андлавом, посещал салоны С.П. Свечиной и историка гер-

цога Пауля Вюртембергского; присутствовал на заседаниях палаты депутатов, на лекциях в Сорбонне; побывал в Парижской опере. В конце июля Тютчевы покинули Париж и отправились в Виши, где Эрн. Ф. Тютчева проходила лечение. В Виши Тютчев познакомился с французским историком и государственным деятелем Л.А. Тьером. В Мюнхен Тютчевы вернулись 18/30 августа 1844 г.

[1] О своем внутреннем состоянии во время жизни в Веймаре у Мальтицев А.Ф. Тютчева впоследствии вспоминала в дневнике:

«Когда я была ребенком, я обещала быть гораздо умнее, чем вышло на самом деле. Моя мысль всегда напряженно трудилась, читала я с большим энтузиазмом. Когда я вспоминаю, что я испытывала, читая "Эгмонта", "Геца фон Берлихингена", "Фиеско...", "Орлеанскую деву", сказки Гофмана, длинные рыцарские романы, историю Французской революции и поэмы Лафонтена, мне кажется, это была не я. Теперь мне уже никогда не обрести того восторженного упоения моего первого чтения. Тогда мне было двенадцать лет, а теперь двадцать один год. Но я сделалась старше на десять лет, благодаря преждевременному чтению. Чувства созрели, когда мысль была еще не развита. Теперь же тот непосредственный жар души остыл. Я навсегда останусь неполноценной из-за своего нелепого воспитания. В двенадцать лет я была маленькой безбожницей и рассуждала о Боге так, как девочки моего возраста говорили о куклах, — с полным пренебрежением. В то время мне хотелось покончить с собой, и я помню, как однажды с этой целью взяла с буфета нож, после того как убедилась, что шнур от шторы меня не выдержит. На этом мои попытки самоубийства прекратились. В это же время я страстно исписывала многочисленные страницы, сочиняя историю о тринадцатилетнем пианисте, а после чтения одного романа Лафонтена у меня началась лихорадка с бредом. Тогда было решено, что мне следует остудить голову институтским режимом» (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 104 об.–105 об. Перевод с *фр.*).

Дневниковые записи Анны Федоровны объясняют, почему она чувствовала себя несчастной и в Мюнхенском институте, несмотря на то, что рядом были ее сестры Дарья и Екатерина:

«Я была очень изумлена, оказавшись со всей своей гениальностью и великолепными идеями о свободе и человеческом достоинстве на институтской скамье, рядом с ученицами, механически зубрящими грамматику и названия столиц Европы; я то и дело подвергалась наказаниям, когда отказывалась поступать, как они. Поначалу я пыталась распространять свои идеи и вызывать протест

среди учениц, но меня так отчитали, что впредь я предпочла молчать. Я испытывала сильное сомнение в Святом Духе, Страшном суде и вечных муках, но я остерегалась говорить об этом из опасения плохих отметок и из презрения к заурядным умам. Мои соученицы считали меня антихристом и ненавидели всем сердцем. Я была родом из Веймара, который они почитали центром ересей» (там же. Л. 105 об.–106).

Со временем Анна освоилась в институте и впоследствии отмечала достоинства даваемого там воспитания:

«Однако со временем здоровый и правильный режим института помог мне, мой маленький мозг успокоился, я стала ходить в нашу часовню утром и вечером и молилась Деве Марии и всем святым так же усердно, как и все. Я даже стала немного католичкой и молилась о прекращении раскола. Я стала испытывать большое поклонение перед Девой Марией из Людвигскирхе напротив нашего института, я приносила ей венки из цветов и букеты, которые воровала на клумбе.

Я тогда не вникала слишком серьезно в религию, но я обрела навык к молитве и обращению к Богу, чувство Его вездесущности, которое так приближает нас к Нему. Это лучшее основание в душе для религии. Следовало бы всех детей окружить этой атмосферой наивной веры, сделать для них Бога, так сказать, ощутимым, приучить их всегда чувствовать Его рядом, присутствующим во всех их помыслах, желаниях, горестях и радостях, чтобы позже, когда рассудок их будет во власти сомнения, сердце по неодолимой привычке влекло бы их к Богу. Никогда я ничего не пожелала, не попросив у Бога, и часто замечаю за собой, что начинаю молиться даже перед самым незначительным событием. Это осталось у меня от института» (там же. Л. 106–106 об.).

[2] Тютчев решил предпринять поездку в Россию, чтобы вернуться на службу и, возможно, получить место русского посланника в Европе, поэтому он полагал свое пребывание в России временным.

98. А. Ф., Д. Ф., Е. Ф. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 37. Л. 307–308. На л. 308 об. рукой Ф.И. Тютчева: «A ma chère Anna».

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980*. С. 69.

[1] Письмо написано накануне отъезда Тютчева с женой и младшими детьми Марией и Дмитрием в Россию.

99. Н. И. ТЮТЧЕВУ

Печатается по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 6 об.–7 об. Является припиской к письму Эрн. Ф. Тютчевой (л. 6–6 об.).

Публикуется впервые.

[1] Летом 1844 г. Тютчевы побывали в Карлсруэ, Страсбурге, Париже, Виши.

100. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 58. На л. 58 об. рукой Ф.И. Тютчева: «Милостивому государю Ивану Николаевичу Тютчеву, в приходе Старого Пимена, близ Малой Дмитревки, в доме Милютина, в *Москве*».

Первая публикация в русском переводе – *Изд. 1984*. С. 94.

Год устанавливается по почтовому штемпелю: «С.-Петербург. 11 октя<бря> 1844».

[1] Первоначально Тютчев намеревался провести зиму в Москве и отправиться туда после встречи с Нессельроде. О визите Тютчева к Нессельроде см. письмо 103.

[2] У Д.И. Сушковой умер сын Иван, которому было чуть более года.

101. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 37. Л. 14а–14б.

Первая публикация в русском переводе – *Изд. 1980*. С. 70–71.

[1] К.А. Петерсон, сын Эл. Ф. Тютчевой, по окончании Морского корпуса в 1836 г. в качестве мичмана был оставлен в корпусе для окончания офицерских классов. В 1838 г. сопровождал за границу императора Николая I с наследником на люгере «Ораниенбаум». Совершил несколько кампаний по Балтийскому, Средиземному и Черному морям. 9 мая 1844 г. вышел в отставку с чином капитан-лейтенанта; 31 мая того же года поступил в ведомство Министерства иностранных дел и находился в Петер-

бурге. С 15 января 1845 г. занимал различные дипломатические должности в русских миссиях в Германии; в 1867 г. стал директором канцелярии Министерства иностранных дел; с 1873 г. гофмейстер.

102. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 59—60 об.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1984*. С. 96—98.

Отныне все письма Ф.И. Тютчева, написанные в России и адресованные внутри России, датируются только старым стилем. Датируется по содержанию — в письме 103, написанном 27 октября, Тютчев сообщает родителям: «На прошлой неделе я виделся с вице-канцлером» (с. 301 наст. изд.).

[1] 12 октября — день рождения И.Н. Тютчева, 19 октября — его именины; 16 октября — день рождения Е.Л. Тютчевой.

[2] Братья Виельгорские — гр. Матвей Юрьевич Виельгорский, шталмейстер, обер-гофмейстер с 1856 г., музыкальный деятель, виолончелист; гр. Михаил Юрьевич Виельгорский, государственный деятель, композитор-дилетант.

[3] Княжны Шаховские — Е.М., В.М. и К.М. Шаховские, сестры П.М. Муравьевой, М.М. Голынской и М.М. Муравьевой, приятельницы Д.И. Сушковой. Письма Д.И. Сушковой к Е.М. и К.М. Шаховским см.: РГБ. Ф. 336. К. 40. Ед. хр. 36.

[4] М.Н. Дурново, вдова Д.Н. Дурново, обер-гофмейстера и президента Гоф-интендантской конторы, петербургского губернского предводителя дворянства, мать П.Д. Дурново.

[5] *Невестка* — А.П. Дурново, дочь кн. П.М. и С.Г. Волконских, бывшая замужем за камергером П.Д. Дурново.

[6] Светл. кн. С.Г. Волконская, сестра декабриста С.Г. Волконского, жена министра двора светл. кн. П.М. Волконского. В ее доме в Петербурге (ныне наб. Мойки, 12) с осени 1836 г. по день смерти проживал А.С. Пушкин.

[7] Авогадро ди Колобиано, сардинский посланник в Петербурге в 1843–1849 гг.

[8] Гр. Е.П. Ростопчина, поэтесса, дочь П.В. Сушкова. Знакомая Пушкина и Лермонтова. Лермонтов посвятил ей стихотворения «Крест на скале» (1830) и «Додо» (1831). Два стихотворения посвя-

щены позднее Е.П. Ростопчиной и Ф.И. Тютчевым: «Графине Е.П. Ростопчиной» («Как под сугробом снежным лени...», 1850) и «Гр. Ростопчиной» («О, в эти дни — дни роковые...», 1855).

[9] Н.Ф. Нарышкина, сестра А.Ф. Ростопчина. Их отец — московский генерал-губернатор Ф.В. Ростопчин.

103. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 61–62 об.

Первая публикация в русском переводе – *Изд. 1980*. С. 71–72.

[1] Переписка Тютчева и его записка, поданная императору, неизвестны. И.С. Аксаков высказал предположение: «Есть, впрочем, основание думать, что эта записка касалась нашей политики на Востоке» (*Биогр*. С. 28).

[2] Тютчев познакомился с М.Д. Нессельроде в конце октября 1844 г. Знакомство с нею отметила в своем письме к брату К. Пфеффелю Эрн. Ф. Тютчева: «Я виделась с г-жой Нессельроде, которая была со мной весьма любезна; она чрезвычайно полюбила Тютчева...» (*ЛН-2*. С. 211).

[3] Л.А. Нарышкин, двоюродный брат генерал-фельдмаршала гр. М.С. Воронцова; участник Отечественной войны, с 1824 г. находился в отставке. В 1843 г. был назначен в свиту и произведен в генерал-адъютанты.

[4] В конце марта — середине апреля Тютчев передал во «Всеобщую газету» («Augsburger Allgemeine Zeitung») статью на французском языке «Lettre à M. le Docteur Gustave Kolb, rédacteur de la "Gazette Universelle"» («Письмо доктору Густаву Кольбу, редактору "Всеобщей Газеты"»), где рассматривались взаимоотношения России и Германии. Статья, отклоненная газетой, в конце апреля — середине мая вышла отдельной брошюрой без указания имени автора. Брошюра произвела сильное впечатление на современников. А.И. Тургенев в своем письме 19 мая 1844 г. советовал В.А. Жуковскому: «Достань письмо, брошюру Тютчева без имени, к Кольбу, редактору аугсб<ургской> газеты, в ответ на статью его о России. Очень умно и хорошо писана. <...> Тютчев доказывает, что союз Германии с Россией был и будет всегда благотворен для первой и что войска наши всегда готовы на ее защиту» (*ЛН-2*. С. 68). Впоследствии статья перепечатывалась под названием «La Russie et l'Allemagne» («Россия и Германия»).

104. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 63–64 об.

Первая публикация в русском переводе – *Изд. М., 1957.* С. 385–386.

[1] М.К. Зеебах, дочь канцлера К.В. Нессельроде, жена саксонского дипломата Л. Зеебаха.

[2] Гр. А.К. Воронцова-Дашкова, жена обер-церемониймейстера, члена Гос. совета И.И. Воронцова-Дашкова. Их дом, по словам писателя В.А. Соллогуба, был «самым блестящим, самым модным и привлекательным домом в Петербурге», благодаря красоте и необыкновенному обаянию хозяйки дома, которой Лермонтов посвятил стихотворение «К портрету» («Как мальчик кудряый, резва...», 1840). На балы, которые давали Воронцовы-Дашковы, съезжался весь цвет Петербурга, их посещали император с императрицей.

[3] Вел. кн. Михаил Павлович, брат императора Николая I. Его имя часто упоминается на страницах дневника А.О. Смирновой-Россет.

105. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Печатается по автографу – РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2898. Л. 1–2.

Первая публикация – *Мурановский сб.* С. 45–46, 51–52.

Датируется предположительно ноябрем–декабрем 1844 г. по времени выхода журнала «Revue des Deux Mondes» со статьей К. Робера.

[1] На л. 1 выше письма рукой П.А. Вяземского помета: «Статья в журнале “Revue des Deux Mondes” от 1 ноября 1844 г. “Греко-славянский мир” – Киприана Робера». Киприан Робер – профессор славянского языка и литературы в Collège de France, автор трудов по славяноведению.

[2] Издание Н.В. Гоголя, о котором идет речь, вышло в Петербурге в 1842 г. в 4-х томах.

[3] Объявление о подписке на сооружение памятника баснописцу И.А. Крылову, написанное Вяземским и опубликованное в разных периодических изданиях в начале 1845 г.

106. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 65–66. На л. 66 об. рукой Ф.И. Тютчева: «Милостивому государю Ивану Николаевичу Тютчеву, близ Малой Дмитревки, в приходе Старого Пимена, в доме Милютина, в *Москве*».

Первая публикация в русском переводе – *Изд. 1980.* С. 75–76.

Год определяется по почтовому штемпелю: «С.-Петербург. 7 дек. 1844».

[1] О возвращении Тютчеву звания камергера см. письмо 111, примеч. 2.

[2] Вел. кн. Елена Павловна, жена вел. кн. Михаила Павловича с 1824 г. Покровительствовала наукам и искусствам, принимала участие в разрешении крестьянского вопроса в период освобождения крестьян от крепостного права. Ее салон играл крупную политическую роль, и Тютчев часто появлялся в нем. Вел. кн. Елене Павловне посвящено его стихотворение на французском языке «Pour Madame la Grande-Duchesse Hélène», написанное в конце 1850-х гг.

[3] По приезде в Петербург Тютчевы устроились в гостинице Кулона на Михайловской площади. Во второй половине октября ст. стиля Тютчевы перебрались в меблированную квартиру г-жи Бенсон (Бензон) в доме Маркевича на Английской набережной, где прожили до своего отъезда в Москву в конце мая 1845 г. Эрн. Ф. Тютчева сообщала брату К. Пфеффелю в письме 14/26 ноября 1844 г.: «Вот уже три недели, как мы больше не живем в гостинице Кулона, а устроились в очень приличном Английском пансионе, цены в котором более соответствуют нашим средствам, чем у Кулона. Наша теперешняя квартира расположена на Английской набережной; она очень мала, но в ней тепло и *удобно*, а стол прекрасный...» (цит. по: *ЛН-2*. С. 211).

107. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 67–68 об.

Публикуется впервые.

[1] Речь идет о подарках, присланных родителями к Рождеству.

[2] Имеются в виду император Николай I и императрица Александра Федоровна. Тютчев с женой были представлены императрице

19/31 мая 1845 г. на вечере у вел. кн. Марии Николаевны, о чем Эрнестина Федоровна извещала брата К. Пфеффеля, добавив: «Это большой успех, можете мне поверить» (цит. по: *ЛН-2*. С. 213).

[3] С.С. Уваров, государственный деятель, министр народного просвещения в 1833–1849 гг.; граф с 1846 г.; президент Академии наук в 1818–1855 гг. С Уваровым Тютчев познакомился в октябре — декабре 1844 г., поддерживал с ним отношения, но особой близости у них не было. Известно одно письмо Ф.И. Тютчева к гр. С.С. Уварову от 20 августа 1851 г.

[4] Летом 1844 г. умер сын Д.И. Сушковой Иван, которому было чуть больше года. Дарья Ивановна тяжело переживала эту утрату. 6 июня 1845 г. она писала тетушке Н.Н. Шереметевой: «Семейные праздники для нас горько чувствительны с последней невозвратной нашей потери, от которой вряд ли я когда оправлюсь, с людьми буду казаться и кажусь утешенной, но на душе очень, очень тяжело» (РГБ. Ф. 340. К. 34. Д. 17. Л. 22).

108. Н. И. ГРЕЧУ

Н.И. Греч — писатель и журналист, издатель журнала «Сын отечества» (1812–1839), соиздатель газеты «Северная пчела» (1831–1859). В 1827 г. выпустил «Практическую русскую грамматику», и в этом же году был избран чл.-корреспондентом Петербургской академии наук. В последующие три десятилетия издал ряд практических пособий по русской грамматике. Задача этих сочинений состояла в унификации основных начал и правил «отечественного» языка.

Печатается по копии (рукой Н.В. Измайлова) — *ИРЛИ*. Р. I. Оп. 27. Ед. хр. 77. Л. 1. Местонахождение автографа неизвестно.

Первая публикация — *ЛН-1*. С. 518–519.

Содержание не дает материала для точной датировки письма. Использованное в нем понятие *«легитимизм»* возникло в связи с французской революцией 1830 г. и затем прочно вошло в употребление. Слова благодарности за полученную грамматику также мало о чем говорят. Греч был автором многих популярных в свое время грамматик. Какая из них была подарена Тютчеву, неизвестно. Познакомился Тютчев с Гречем в 1837 г. в Мюнхене. В комментируемом письме поэт благодарит его *за память*. Следовательно, с момента знакомства прошло какое-то время. Очевидно, что книга была передана Тютчеву автором не при личной встрече (иначе не понадобилась бы письменная благодарность), а с оказией, которой поэт мог воспользоваться

для переправки своего ответа. Об этом свидетельствует как краткость этого ответа, так и обычная при посылке без конверта надпись на обороте: «Его превосходительству Николаю Ивановичу Гречу».

109. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 37. Л. 15–16. На л. 16 об. рукой Эрн. Ф. Тютчевой: «Mademoiselle Mademoiselle Anna de Tutchef».

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1984*. С. 103–104.

Датируется по содержанию — брат Анны К. Петерсон был назначен вице-консулом в Данциг 15 января 1845 г.

110. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 69–70.

Публикуется впервые.

Год определяется по содержанию. Тютчев в ожидании решения своей судьбы проводит зиму в Петербурге. Брат Эрн. Ф. Тютчевой К. Пфеффель, публицист, камергер баварского двора, вращающийся в дипломатических кругах, подает ему в письмах к сестре из Мюнхена советы: «Северин уверяет меня, что только от самого Тютчева зависит его возвращение к службе, необходимо только просить, просить настойчиво, но притом не слишком громко заявляя о своих претензиях <...> Его дарования гарантируют ему быстрое продвижение, если только не упустит случая их проявить» (*ЛН-2*. С. 212). Но наступила весна 1845 г., а вопрос о возвращении на службу так и не решен, о чем и сообщает родителям Тютчев в письме.

[1] Траур по случаю кончины 16 января 1845 г. дочери вел. кн. Михаила Павловича Елизаветы Михайловны, год назад вышедшей замуж за Альфреда Вильгельма, герцога Нассауского и скончавшейся в родах, был прерван по случаю рождения 26 февраля 1845 г. сына императора Александра II вел. кн. Александра Александровича, будущего императора Александра III.

[2] Тютчев дожидался своего назначения, чтобы затем уехать в Москву к родителям. Поездка состоялась только в конце мая 1845 г.

[3] Похвиснев — московский знакомый Тютчевых; Муравьевы — семья кузины Тютчева П.В. Муравьевой.

[4] Н.В. Сушков неоднократно обращался к Тютчеву с просьбами похлопотать о постановке своих пьес. Так, 6 апреля 1848 г. он просил Тютчева похлопотать о том, чтобы были поставлены 5 драм из запрещенной театральной цензурой к постановке поэмы «Москва» и драмы «Бедность и благотворительность»: «Теперь надо больше и чаще говорить народу о Руси, о любви к отечеству, о Православии, об истории нашей, о Помазанниках. – Нельзя ли похлопотать, чтоб взяли ко двору ваших *племянниц* – 6 драм? Гр. С.С. Уваров как патриот и министр мог бы поднести их государю...» (РГБ. Ф. 297. К. 4. Ед. хр. 9). О какой комедии идет речь в письме Тютчева и через кого он предполагал хлопотать о ней, неизвестно.

111. И.Н. и Е.Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 71–72 об.

Публикуется впервые.

Датируется по содержанию. Написано, вероятно, на Страстной неделе перед праздником Пасхи, которая в 1845 г. приходилась на 15 апреля. В письме сообщается о рождении правнука Н.Н. Шереметевой М.Н. Муравьева (он родился 7 апреля 1845 г.) и говорится, что скоро Тютчеву будет возвращен ключ камергера – решение об этом возвращении состоялось 14 апреля 1845 г. Среда на Страстной неделе в 1845 г. приходилась на 11 апреля.

[1] 23 марта 1845 г. Тютчев принял присягу, поставил свою подпись под печатным формуляром «Клятвенного обещания» и написал собственноручно подписку о неучастии в масонских ложах и тайных организациях:

«Я, нижеподписавшийся, сим объявляю, что я ни к какой масонской ложе и ни к какому тайному обществу ни внутри империи, ни вне ее не принадлежу и обязываюсь впредь к оным не принадлежать и никакого сношения с ними не иметь.

23-го марта
1845

Коллежский советник Ф. Тютчев»

(АВПРИ. Ф. 340 (Коллекция документальных материалов чиновников МИД). Оп. 876 (Ф.И. Тютчев). 120. Л. 3. Автограф. На л. 4 подпись – автограф под печатным формуляром «Клятвенного обещания»).

[2] О возвращении Тютчеву камергерского звания сохранилась следующая переписка между канцлером К.В. Нессельроде, министром двора и уделов П.М. Волконским и вице-президентом придворной конторы А.П. Шуваловым (РГИА. Ф. 472. Оп. 3. Д. 428. Дело о поступлении камергеров и камер-юнкеров на службу, увольнении от оной, зачислении в прежние звания и смерти их).

К.В. Нессельроде — П.М. Волконскому

«Милостивый государь
князь Петр Михайлович,

Из отношения моего от 3-го июля 1841 года под № 2401 известно вашей светлости о несчитании в ведомстве Министерства иностранных дел состоявшего в оном коллежского советника в звании камергера двора его императорского величества Федора Тютчева.

Ныне чиновник этот с высочайшего соизволения определен мною 16-го минувшего марта вновь в означенное Министерство. Почему покорнейше прошу вашу светлость исходатайствовать у государя императора о возвращении г. Тютчеву прежнего звания камергера.

Имею честь быть с совершенным почтением и преданностью
вашей светлости покорнейшим слугою.

Гр<аф> Нессельроде

№ 1253
Апреля 12 дня
1845
Его светл<ос>ти князю П.М. Волконскому»
(Л. 26. Писарской рукой, подпись — автограф. Над текстом помета: «Высочайше повелено исполнить 13 апр<еля> 1845»).

П.М. Волконский — А.П. Шувалову

«Министерство императорского двора господину вице-президенту
придворной конторы гофмаршалу
Шувалову

Канцелярия
Отделение 1
В С.-Петербурге
14 апреля 1845
№ 1328
О зачислении Тютчева
по-прежнему в звание
камергера

Государь император высочайше повелеть соизволил: определенного в Министерство иностранных дел коллежского советника Федора Тютчева зачислить по-прежнему в звание камергера.

Сию высочайшую волю я объявляю вашему сиятельству для надлежащего исполнения.

Подписал: министр императорского двора князь Волконский
Верно: помощник столоначальника Кочетов»
(Отпуск на бланке. Л. 27).

П.М. Волконский — К.В. Нессельроде

«Министерство императорского двора
Канцелярия
Отделение 1
14 апреля 1845
№ 1329
Уведомление
на № 1253
Милостивый государь
граф Карл Васильевич,

Честь имею уведомить ваше сиятельство, что по отношению вашему от 12 сего апреля объявлено мною г. гофмаршалу графу Шувалову высочайшее повеление о зачислении по-прежнему в звание камергера поступившего на службу в Министерство иностранных дел коллежского советника Федора Тютчева.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга.

Подписано: князь Волконский
Верно: помощник столоначальника Кочетов
Его сиятельству Гр. К. В. Нессельроду»
(Отпуск на бланке. Л. 28).

Повышения в чине не произошло. С 16 марта 1845 г. Тютчев вновь числится в ведомстве Министерства иностранных дел, 14 апреля того же года ему возвращено звание камергера, и с 15 февраля 1846 г. он получает назначение чиновником особых поручений VI класса при государственном канцлере, что соответствовало чину коллежского советника, полученному им в 1839 г. (Формулярный список о службе Ф.И. Тютчева. 1872 г. — РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Ед. хр. 115. Л. 12 об.).

[3] В изложении мемуаристки А.О. Смирновой-Россет отношение жены вице-канцлера к Тютчеву не выглядит столь благостным.

Она передает слова М.Д. Нессельроде о Тютчеве: «Вот и Тютчев — один из тех, кто заставляет меня смеяться. Это правда, что Нессельроде заставил его покинуть дипломатию. Он был первым секретарем в Турине, посланник попросил отпуск на шесть недель, за это время у Тютчева умирает жена. Мсье оставляет архивы у фабриканта сыра и отправляется разъезжать от потрясения, чтобы найти вторую жену. Находит ее в Швейцарии и женится. Не получая известий из Турина, встревоженный Нессельроде велит написать начальнику канцелярии. Тот отвечает, что первый секретарь уехал, не доверив ему архивы. Вы хорошо понимаете, что нет возможности держать в министерстве подобного человека» (*Смирнова-Россет.* С. 499). Поскольку в мемуарах Смирновой-Россет часто встречаются неточности, комментаторы полагают, будто она могла слышать историю о потерянных архивах и шифрах от самого Тютчева и вложить ее в уста Нессельроде. Однако в этой тираде столько нелестной для поэта неправды, что вряд ли стоит ее приписывать самому Тютчеву. Широко распространенная легенда о том, что Тютчев якобы потерял дипломатические шифры «в суматохе свадьбы», полностью опровергнута опубликованной в *Летописи 1999* (с. 224) сопроводительной депешей № 28, составленной Тютчевым между 20–25 июня/2–7 июля 1839 г., где сообщается: «В соответствии с распоряжением, которое содержится в циркуляре, направленном вашим превосходительством Императорским миссиям за границей 20 <декабря> 1838 г., считаю своим долгом воспользоваться первой возможностью переслать с квартальным курьером в Императорское министерство таблицы шифров — № 153, 154 и 155, ныне отмененные». И русский посланник вовсе не был в коротком отпуске — Тютчев больше года исполнял обязанности посланника в качестве поверенного в делах, и в то время как место посланника оставалось свободным, он его так и не получил. Именно в это время он регулярно пишет на имя вице-канцлера К.В. Нессельроде депеши по текущим политическим проблемам, которые и сегодня (они опубликованы только частично) могут по праву считаться образцом настоящей политической публицистики и расширяют наше представление о творческом наследии Тютчева. Но дарования Тютчева не были оценены, и признание М.Д. Нессельроде — «Нессельроде заставил его покинуть дипломатию...» — сегодня может звучать как обвинение в адрес вице-канцлера. Отношение М.Д. Нессельроде к великим русским поэтам было довольно последовательным. Если с А.С. Пушкиным она была в открытой вражде, ненавидела его за эпиграммы по поводу ее самой и ее отца, минист-

ра финансов при Александре I Д.А. Гурьева, то к Тютчеву жена вице-канцлера относилась пренебрежительно-холодно, ее прием, оказываемый ему, был всего лишь светскою любезностью. А до эпиграммы Тютчева «Нет, карлик мой! трус беспримерный!..» (1850) на ее мужа К.В. Нессельроде, проводившего проавстрийский курс внешней политики, она совсем немного не дожила. Такое ее отношение к русским поэтам неудивительно, поскольку она сама признавалась в беседе со Смирновой-Россет, пытавшейся ей прочитать стихотворение Анакреонта «Кузнечик» в переводе Гнедича: «К несчастью, я очень плохо говорю по-русски и не пойму стихов, о которых вы мне говорите» (*Смирнова-Россет*. С. 320).

[4] Кузина Тютчева П.В. Муравьева, урожденная Шереметева, приходилась троюродной сестрой хозяйке петербургского родового гнезда гр. Шереметевых на набережной Фонтанки, знаменитого Фонтанного дома, А.С. Шереметевой. Прихожанами их домовой церкви, где велись строгие службы в сопровождении прекрасного хора, были многие родовитые петербуржцы, корнями связанные с Москвой, о которых любовно писал гр. С.Д. Шереметев в своих воспоминаниях: «Мусины-Пушкины, Шаховские, Оболенские — это старая допожарная Москва, не грибоедовская, а настоящая Москва, перенесенная в Петербург, и в этой среде как-то легче было дышать, чувствовалась сила семейная, стихийная, истинно русская...» (Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 54). К этому кругу принадлежала и семья гр. М.Н. и П.В. Муравьевых, живших неподалеку от Фонтанного дома на Сергиевской улице.

[5] 7 апреля 1845 г. у гр. Н.М. Муравьева и его жены Людмилы Михайловны родился сын Михаил, внук П.В. Муравьевой и правнук Н.Н. Шереметевой.

112. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 37. Л. 17–18 об.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. М., 1957*. С. 387–389.

Датируется по содержанию. Решение остаться на зиму в Петербурге было принято Тютчевым после того, как он получил известие о предстоящем назначении. 27 июля/8 августа 1845 г. Эрн. Ф. Тютчева писала К. Пфеффелю: «Недавно мы получили определенное известие, что Тютчев этой зимой будет служить при Министерстве гр. Нессельроде в ожидании вакансии за границей» (*ЛН-2*. С. 214. Перевод с *фр.*).

[1] Имеется в виду письмо Е.Л. Тютчевой с припиской Д.И. Сушковой (Без даты. *Мураново*. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 642. Перевод с *фр.*):

«Милая Анна, твой папа́ сообщил мне о своем намерении привезти вас в Россию, и это внушает мне надежду, что я смогу обнять тебя и твоих милых сестер – это мое самое заветное желание, милое дитя, мне не хотелось бы умереть, не повидав вас; ты, наверное, очень плохо помнишь нас — ты была слишком мала во время вашего приезда в Петербург, а твои сестры и вовсе не могут помнить нас. — Благослови Господь вас всех троих, и Святая Дева Мария защитит и поможет вам добраться до нас в полном здравии. Вашему дедушке, как и мне, тоже не терпится поскорее обнять вас. Прощай, милая, возлюбленная Анна, верь в нежную преданность твоей бабушки

Екатерины Тютчевой».

В своей приписке Д.И. Сушкова также выражала желание увидеться с племянницами.

[2] А.Ф. Тютчева и в самом деле прониклась глубоким чувством к России и всем сердцем приняла православную веру. И.С. Аксаков, будучи ее женихом, в 1865 г. в письме сочинил шуточный акафист: «Немецкое естество победившая, естество русское превознесшая, от юности славянофильствующе, православия умное чадо, радуйся» (Москва. 1992. № 7–8. С. 159). В другом письме он подчеркивал: «Вера, поэзия, любовь к России, духовное разумение России, упование на Россию, чувство и сознание народности — все у нас общее» (там же. С. 160).

113. И. Н. и Е. Л. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 73–74 об.

Первая публикация в русском переводе – *Изд. 1980*. С. 78–79.

Написано после возвращения из Москвы, где Тютчев вместе с женой и младшими детьми провел с родителями июнь–июль 1845 г.

[1] Дочери Тютчева Анна, Дарья и Екатерина прибыли из Мюнхена в Петербург 16 сентября 1845 г. на борту парохода «Богатырь» в сопровождении старшего брата К. Петерсона, о чем Эрн. Ф. Тютчева сообщала Д.И. Сушковой в письме от 16 сентября: «Мы все в полном составе – слишком полном, и у меня кругом идет голова. Нет никого

менее склонного к патриархальной жизни, чем мой муж, нет никого менее способного к роли матери семейства, чем я» (*Мураново*. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 744. Л. 24. Перевод с *фр.*). Говоря о дочерях поэта, Эрнестина Федоровна признавалась: «Что касается нравственной стороны, все три очень хороши, и каждая могла бы составить счастье любого отца и матери, наделенных родительской шишкой, какая у нас полностью отсутствует» (там же. Л. 29). В маленькой квартирке на Английской набережной разместились Тютчевы с пятерыми детьми и постоянно у них бывали три брата Петерсоны. «Я не вижу никого, кроме вечных Петерсонов», — жаловалась Эрн. Ф. Тютчева в этом же письме. Наконец Дарья и Екатерина были определены в Смольный институт, старшая Анна осталась с родителями.

[2] М.П. Леонтьева, начальница Смольного института.

[3] А.Д. Денисьева, инспектриса Смольного института. У Тютчева ошибочно: *Денисова.*

[4] А. Пирлинг, классная дама Смольного института; Картемон, гувернер Ф.И. и Н.И. Тютчевых.

[5] В.Д. Олсуфьев, заведующий двором вел. кн. Александра Николаевича.

114. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

Печатается по автографу — ГАРФ. Ф. 279. Оп. 1. Ед. хр. 141.
Первая публикация — *ЛН-1*. С. 495–496.

115. НЕИЗВЕСТНОМУ

Печатается впервые на языке оригинала по подлиннику (рукой Эрн. Ф. Тютчевой, подпись — автограф) — *ИРЛИ*. 3865. ХПС. Л. 187–188.

Первая публикация в русском переводе — *ЛН*. Т. 19–21. М., 1935. С. 580–581.

Адресат неизвестен.

[1] О.А. Петерсон, сын первой жены Ф.И. Тютчева. Морской офицер, позднее был субинспектором в Петербургском университете. По сведениям внука поэта Н.И. Тютчева, психическое заболевание, о котором идет речь в письме, не раз к нему возвращалось и впоследствии (см.: *ЛН*. Т. 19–21. М., 1935. С. 581). Оттон часто гостил в Овстуге; в Муранове сохранилось несколько акварелей его работы — видов Овстуга. Дочь поэта А.Ф. Тютчева 11 сентября 1852 г. писала в своем

дневнике в Овстуге: «Оттон уехал сегодня утром с дядюшкой. Он обещал вернуться через полтора месяца. Я эгоистически, для себя желаю этого. Дом без него опустел и стал совсем грустным. Мне не хватает его доброго и кроткого лица. Когда мне нечего было делать, я шла к нему, и наше общение заполняло время, к тому же он очень любил и баловал меня, к чему я совершенно не приучена» (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 140 об.–141. Перевод с *фр.*).

[2] Вероятно, гр. Ф.К. Ботмер, брат Эл. Тютчевой, опекун ее сыновей.

[3] Дж. Гей, рижский банкир.

116. А. С. МЕНШИКОВУ

Светл. кн. А.С. Меншиков — адмирал, морской министр в 1836–1855 гг.

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — *ИРЛИ.* № 3865. Л. 188–189.

Первая публикация в русском переводе — *ЛН.* Т. 19–21. М., 1935. С. 581.

117. П. В. МУРАВЬЕВОЙ

П.В. Муравьева — двоюродная сестра Тютчева, жена гр. М.Н. Муравьева.

Печатается по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 1–2 об.

Первая публикация — *ЛН-1.* С. 485–486.

[1] Письмо неизвестно.

[2] 23 апреля 1846 г. в Овстуге скончался отец поэта И.Н. Тютчев.

[3] *Сушковы* — Дарья Ивановна и Николай Васильевич, сестра Тютчева и ее муж.

[4] *Лукьян* — крепостной отца Тютчева; после возвращения поэта из-за границы находился в его услужении.

[5] 30 мая 1846 г. родился младший сын Тютчевых — Иван.

[6] Н.И. Тютчев находился в это время за границей и узнал о смерти отца с большим опозданием.

[7] Имеется в виду Н.Н. Шереметева, мать П.В. Муравьевой (см. *коммент.* к письму 23).

118. Е.Л. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 75–76 об.

Первая публикация – *Изд. 1984*. С. 107–109.

Обращено к одной Екатерине Львовне Тютчевой, потому что 23 апреля 1846 г. в Овстуге скончался отец Тютчева Иван Николаевич. Смерть отца потрясла поэта. К тому же обстоятельства сложились так, что он не мог немедленно поехать к матери, потому что Эрнестина Федоровна была на последнем месяце беременности, и он бы не успел вернуться к ее родам. Брат Николай находился на лечении за границей и оставался в неведении о смерти отца.

Датируется по содержанию – четыре дня назад Тютчев получил записку с известием о смерти отца, написанную, вероятно, в день смерти, 23 апреля; таким образом, Тютчев мог получить эту записку и написать ответ в начале мая 1846 г.

[1] Последнее свидание Тютчева с отцом состоялось в июне–июле 1845 г. в Москве.

[2] П.Н. Тютчева, незамужняя двоюродная сестра Тютчева.

[3] О Н.И. Тютчеве и планах совместного с ним приезда в Москву см. письмо 119.

119. Е.Л. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 77–78 об.

Первая публикация – *Изд. 1980*. С. 80–81.

120. Е.Л. ТЮТЧЕВОЙ и Д.И. СУШКОВОЙ

Печатается по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 79–80 об.

Публикуется впервые.

Написано в день, когда родился младший сын Тютчева, названный в честь умершего деда Иваном. И.Ф. Тютчев – единственный из детей Эрн. Ф. Тютчевой дожил до старости, служил в Москве, при вел. кн. Сергее Александровиче, воспитаннике его тетки фрейлины А.Ф. Тютчевой. В его имении Мураново в специально выстро-

енном доме жила в старости после смерти Ф.И. Тютчева его вдова Эриестииа Федоровна, там были собраны семейные реликвии и тютчевский архив.

[1] В.К. Стрелков, воспитанник И.Н. Тютчева, управляющий его брянскими имениями. Его отец, Кузьма Родионович, был дворовым в подмосковной Тютчевых, с. Троицком, затем его перевели в Овстуг, женат он был на крестьянке Настасье Ивановой. И.Н. Тютчев дал Василию некоторое образование, в 1840 г. отпустил на волю, назначил его управляющим своим имением. В письме к сыну Николаю от 19 октября 1841 г. И.Н. Тютчев пишет о выделении земли В.К. Стрелкову и просит сыновей сохранять к нему доброе отношение.

121. Е.Л. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 81–82 об.

Публикуется впервые.

Датируется по содержанию. Написано на другой день после помолвки вел. княжны Ольги Николаевны с принцем Вюртембергским Карлом, состоявшейся 25 июня 1846 г.

[1] См. письмо 119.

[2] А.Л. Штиглиц, петербургский придворный банкир, через него часто пересылалась заграничная переписка Тютчевых.

[3] В связи с возвращением Тютчева на службу возникла необходимость заказать ему новое обмундирование. От камергерского мундира еще раньше пришлось отказаться из-за его дороговизны. В апреле 1845 г. Эрн. Ф. Тютчева писала Д.И. Сушковой: «Я действительно нахожу все это камергерское оснащение слишком дорогим, а Федор и слышать не хочет о расходе на такой предмет, который доставляет ему столь мало удовольствия» (*ЛН-2*. С. 213).

[4] Праздники в честь помолвки вел. княжны Ольги Николаевны и наследного принца Вюртембергского Карла. Свадьба состоялась 1 июля 1846 г. Гр. М.Ю. Виельгорский, с 1839 г. шталмейстер и управляющий двором вел. кн. Марии Николаевны, с 1856 г. обергофмейстер, состоял при императрицах Александре Федоровне и Марии Александровне.

[5] Имеются в виду дочь Анна и гувернантка детей Тютчевых г-жа Дюгайон.

[6] Анна отправилась в Москву в ноябре 1846 г.

122. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 18. Л. 20–21.

Первая публикация в русском переводе – *Изд. 1980*. С. 81–83.

[1] 24 июля 1846 г. Тютчев подал прошение об отпуске на имя К.В. Нессельроде (АВПРИ. Ф. 340 (Коллекция документальных материалов чиновников МИД). Оп. 876 (Ф.И. Тютчев). Ед. хр. 129. Л. 1. Автограф. Перевод с *фр.*).

«Милостивый государь граф,

Семейные и наследственные дела вынуждают меня обратиться к вашему сиятельству с просьбой разрешить мне отсутствовать в Петербурге в течение пяти-шести недель. Я имел несчастье три месяца назад потерять отца и ждал только возвращения брата, находившегося в чужих краях, чтобы отправиться в поездку, вызванную необходимостью устройства дел вследствие нашей горестной потери.

Честь имею оставаться,

милостивый государь граф,

вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

Ф. Тютчев

С.-Петербург

24 июля 1846»

На прошении резолюция: «Граф Карл Васильевич приказал уволить в отпуск на 29 дней».

Получив отпуск на 29 дней с 1 августа 1846 г., Ф.И. Тютчев вместе с братом Николаем Ивановичем отправился в Москву, чтобы навестить мать и заняться делами по наследству после смерти отца. Братья прибыли в Москву 6 августа.

[2] Тютчев приезжал из Турина в Женеву весной 1838 г. для встречи с Эрн. Дёрнберг (*Летопись 1999*. С. 182–184).

[3] О планах Ф.И. и Эрн. Ф. Тютчевых сестра Тютчева Д.И. Сушкова писала своей приятельнице кнж. К.М. Шаховской 19 августа 1846 г. из Москвы:

«Мои братья здесь с шестого числа – они со дня на день уедут в деревню. Мне очень приятно видеть их нежность к нашей бедной маминьке, – но оба они выглядят слишком старыми для своего возраста, и это меня сильно удручает. Федор и его жена от всей души

желают провести зиму здесь (желание Федора мне понятно, поскольку он видит маминьку такой слабой и убитой горем), но вам известна их неповоротливость и колоссальная *бестолочь* — есть свои за и против в этом решении, что касается материальной стороны дела. Иметь большую даровую квартиру в Петербурге, с одной стороны, выгодно, а с другой стороны, очень накладно из-за отопления и освещения. Возможно, и то, что Федор лишится жалованья, если он оставит Петербург, и т. д. и т. д. Милый друг, эти бедняги слишком эксцентричны, чтобы действовать спокойно, — и в то же время оба обладают добрыми и прекрасными качествами» (РГБ. Ф. 336. К. 40. Ед. хр. 36. Л. 17 об.–18. Перевод с *фр.*).

[4] Сыновьям Дмитрию и Ивану.

[5] Тетушки Тютчева — Н.Л. Завалишина; Н.Н. Шереметева, переехавшая *на новую квартиру*, в Шереметевский дом по ул. Воздвиженка, 8; В.Л. Щукина, жена калужского губернского предводителя дворянства Д.Ф. Щукина, видевшая в Калуге А.О. Смирнову, муж которой, Н.М. Смирнов, был калужским губернатором в 1845–1851 гг.

[6] Большой кремлевский дворец сооружался в 1839–1849 гг. по проекту архитектора К.А. Тона.

[7] Бар. В. Моллерус, нидерландский посланник в Петербурге в 1842–1855 гг.

[8] С.Н. Карамзина, дочь историографа. О петербургском салоне Карамзиных и о роли в нем Софьи Николаевны см.: Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М., 1928. С.Н. Карамзиной посвящены стихотворения Е.А. Боратынского «Сближеньем с вами на мгновенье...» и М.Ю. Лермонтова «Любил и я в былые годы...».

123. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 18. Л. 22–23.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1984*. С. 113–115.

124. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 18. Л. 24–25.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980*. С. 83–85.

[1] С.И. Мальцов, владелец заводов в Брянском уезде Орловской губернии, сосед Тютчевых по имению, и его жена Анастасия Николаевна, фрейлина.

[2] Рассказам Эрн. Ф. Тютчевой о ее раннем детстве посвящено стихотворение Тютчева «Des premiers ans de votre vie...» (12 апреля 1851 г.).

125. Е. Л. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 83–84 об.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. М., 1957.* С. 389–390.

[1] Из кабинета отца И.Н. Тютчева в Овстуге.

[2] Братья Тютчевы приехали в Овстуг 28 августа 1846 г., *на другой день,* 29 августа, был праздник Иоанна Пророка, а 30 августа — праздник Иоанна Постника.

[3] В письме 124 Тютчев говорит о 27 годах отсутствия.

[4] Матвей Иванович — дворецкий Тютчевых в Овстуге. Новый дом был построен в конце 1820-х гг., когда поэт находился за границей.

[5] О Небольсиных см. письмо 60, примеч. 2.

[6] Е.С. Небольсина, внучка кн. Е.Н. Мещерской, тетки Тютчева.

[7] С.Ф. Яковлев, брянский помещик, знакомый Тютчевых; упоминается в семейной переписке и в дневнике А.Ф. Тютчевой.

[8] В.А. Жабина, дальняя рóдственница Тютчева, брянская помещица.

126. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 18. Л. 26–27 об.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. М., 1957.* С. 391–393.

[1] О разделе имения говорится в «Записи к раздельному акту», датированному январем 1847 г.:

«Тысяча восемьсот сорок седьмого года января... дня мы, нижеподписавшиеся: полковник Николай и коллежский советник Федор Ивановы дети Тютчевы, учинили сию запись в следующем: покойный наш родитель надворный советник Иван Николаевич Тютчев в жизнь свою предоставил нам вообще по дарственной записи, совершенной

во 2-м Департаменте Московской гражданской палаты 4-го августа 1843 года недвижимое имение, состоящее Орловской губернии Брянского уезда в селе Речице 238, деревнях Дорошне 72, Умысличах 38, Годуновке 33, Молотиной 72, Нижних Демьяновичах 34, Верхних Демьяновичах 28 и Харабровичах 114, а всего дворовых людей и крестьян по восьмой ревизии шестьсот двадцать девять мужеска пола душ с принадлежащею к ним землею и отхожими пустошами и в том же Брянском уезде, именуемыми Хохловою и Белшоловичи, неизвестной меры, имение это до сих пор находится в общем нашем владении, но ныне я, Николай, получая себе в наследство по раздельному акту, вместе с сею записью представленному для утверждения во 2-й Департамент Московской гражданской палаты все оставшиеся после кончины означенного родителя моего имения, в числе шестисот пятнадцати душ заключающееся, отказываюсь от владения принадлежащею мне половиною частию из вышеозначенного имения, представленного им, родителем моим, по записи 4 августа 1843 года вообще с братом моим Федором и предоставляю ту свою часть ему, брату Федору, в вечное и потомственное владение, с тем что как все оное имение находится в залоге в Московском Опекунском совете, то долг, по тому Совету следующий, он, Федор, платежом должен принять на себя. Я же, Федор, на принятие того имения в свое владение согласен и обязываюсь долг Московскому Опекунскому совету, на оном лежащий, платежом весь принять на себя, а затем вообще ни нам, ни наследникам по нас о переменах сей записи или уничтожении нигде никогда не просить, а хранить ее навсегда свято и ненарушимо, в противном же случае всякая поданная от кого-либо из нас в нарушение сего положения нашего просьба должна считаться пред правительством ничтожною, а затем быть в своей силе. Что сим при нижеподписавшихся свидетелях и утверждаем. А цену составляющему предмет сей записи имению по совести объявляем тридцать восемь тысяч рублей серебром, полагая в то число долг Опекунскому совету, и присовокупляем, что это имение от нас никому не продано, кроме Московского Опекунского совета не заложено и в споре ни с кем не состоит. А какие на оном числятся рекрутские доли, то таковые очищать мне, Федору Тютчеву.

К сей записи по доверенности коллежского советника Федора Иванова Тютчева действительный статский советник и кавалер Николай Васильев сын Сушков руку приложил. К сей записи полковник Николай Иванов сын Тютчев руку приложил.

У сей записи коллежский советник и кавалер Константин Михайлов сын Михайлов свидетель был и руку приложил. У сей запи-

си коллежский регистратор Виссарион Гаврилов сын Карпович свидетель был и руку приложил.

На подлинном написано:

1847 года февраля 26 дня по Указу его императорского величества Московской палаты гражданского суда и пр.» (РГИА. Ф. 577. Оп. 26. Д. 561. Л. 13–14. Писарская копия).

127. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые по автографу – РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 18. Л. 28–29 об.

[1] Вероятно, имеется в виду, что исполняется 10 лет со времени начала их серьезных отношений.

[2] Гр. П.В. Муравьева, двоюродная сестра Ф.И. Тютчева, с дочерью Софьей Михайловной, с 1856 г. бывшей замужем за егермейстером гр. С.С. Шереметевым.

[3] О Лукьяне – см. письмо 117, примеч. 4.

[4] И.С. Аксаков, поэт, публицист, впоследствии зять Ф.И. Тютчева, в это время был товарищем председателя уголовной палаты в Калуге. Имеется в виду его стихотворение «А.О. Смирновой», в котором есть такие строки:

Вы примиряетесь легко,
Вы снисходительны не в меру,
И вашу мудрость, вашу веру
Теперь я понял глубоко.

Тютчев получил эти стихи, видимо, от Сушковых в Москве, от них же услышал и предысторию стихотворения, описанную самим И.С. Аксаковым в письме к родителям от 15 июня 1846 г. Аксаков разбранился с А.О. Смирновой поначалу из-за Нелидова (брата фрейлины В.А. Нелидовой, фаворитки императора Николая I), пользовавшегося своим положением. Аксаков назвал его подлецом, а А.О. Смирнова заступилась за своего приятеля Нелидова. «Я ужасно взбесился и уже не сидел, а она беспрестанно вскакивала, досталось тут от нее и Москве, и всем. Про вас она говорит, впрочем, что вот вы, милый отесинька, примирились с порядком вещей и не возмущаетесь ничьими подлостями, потому что света переменить нельзя! <...> я чувствую, что должен еще написать гремучие стихи против А<лександры> О<сиповны> и

примирения» (И.С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 268–269).

Тютчев адресует этот постскриптум П.А. Вяземскому, состоявшему в переписке с А.О. Смирновой. В письме к родителям от 25 июня 1846 г. Аксаков вновь вспоминает о своем споре с Александрой Осиповной: «Душа моя давно от нее отвратилась, тем более, что вчера опять говорила она разные вещи, которые несовместимы ни с каким раскаянием и горечью души», — и передает остроту П.А. Вяземского: «Вяземский в письме своем к ней, где сначала долго толкует о ее глазках, шейке, плечиках и прочем, чего всего рассказывать вам неловко, пишет, что в Петербурге холодно и ветрено, и по поводу этого сказал острое словцо, именно: что из прорубленного Петром в Европу окна так несет и дует таким холодом, что его надо поскорее заколотить и наглухо. Прочтите, говорит, это московскому Аксакову» (там же. С. 276). С.Т. Аксаков осудил сына за ссору, назвав это «делом неизвинительным». Тютчев же более снисходителен, поскольку «в стихах, как под маской, можно сказать почти все безнаказанно».

128. А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 37. Л. 19–20.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980*. С. 89–91.

[1] Годовщина смерти Эл. Тютчевой.

[2] Тетушка Дарья — Д.И. Сушкова; кузина Завалишина — падчерица Н.Л. Завалишиной, сестры матери Тютчева, Е.И. Завалишина; тетушка Муравьева — П.В. Муравьева.

[3] То есть не пришлось бы скучать в гостях, перелистывая какую-нибудь книгу или альбом.

129. Е. Л. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 85–85 об.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1984*. С. 123.

[1] См. письмо 131, примеч. 1.

130. Е. Л. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 87–88 об.

Публикуется впервые.

[1] 7 ноября 1846 г. умерла дочь вел. кн. Михаила Павловича Мария Михайловна.

131. Н. В. СУШКОВУ

Печатается по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 3–4.

Первая публикация – *Мурановский сб.* С. 64–68.

[1] «Москва. Поэма в лицах и действии, в пяти частях» (М., 1847) была написана по предложению «Москвитянина» к 700-летию Москвы. Сушков попытался дать в стихах и лицах характеристику основных моментов развития древней столицы. Поэма вызвала резкие отклики критиков. Сушков ответил брошюрой «Несколько слов на отзывы журналов о поэме "Москва"», вызвав тем самым на себя еще больший огонь журнальной критики. Драма-поэма «Москва» к тому же не была допущена цензурой к постановке на сцене.

[2] Д.Д. Благой полагал, что эти обиды «вызваны были известным стихотворением поэта Ф. Глинки "Москва", в котором Сушков усмотрел следы заимствований из его поэмы» (*Мурановский сб.* С. 70).

[3] См. письмо 132.

[4] Ж. Сюзор, французский литератор-эмигрант, в конце 1840-х гг. поселившийся в России.

132. Е. Л. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается по автографу – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 89–90.

Публикуется впервые.

[1] *В канун праздника* Пасхи.

[2] О какой сделке идет речь, неизвестно.

[3] Двоюродный брат Тютчева, богатый ярославский помещик К.В. Толбухин в апреле 1847 г. сделал предложение его дочери Анне, но получил отказ. 22 апреля Тютчев сообщил об этом Толбухину, и он в тот же день уехал из Петербурга. А.Ф. Тютчева записала в дневнике

22 апреля/4 мая 1847 г.: «Сегодня вечером папа́ сказал мне: "Итак, ты всегда свободна в своем выборе. Немногие отцы поступили бы так, как я. Это была весьма выгодная партия. Любой другой отец употребил бы свое влияние, чтобы склонить тебя к этому браку. Я же предоставил тебя твоим собственным склонностям. Многие меня осудят; быть может, ты сама скажешь когда-нибудь: мне было восемнадцать лет, папа́ должен был решить сам и меня принудить". Нет, дорогой папа́, я всегда буду бесконечно тебе благодарна за то, что ты не продал меня за тридцать тысяч ежегодного дохода» (*ЛН-2*. С. 220).

[4] Письмо неизвестно.

133. П. Я. ЧААДАЕВУ

П.Я. Чаадаев – философ, политический мыслитель, автор «Философических писем» и «Апологии сумасшедшего». Начиная с 1843 г. в свои приезды в Москву Тютчев непременно встречался с Чаадаевым, о котором он, по словам М.И. Жихарева, говорил: «Человек, с которым я согласен менее, чем с кем бы то ни было, и которого, однако, люблю больше всех» (*ВЕ*. 1871. Т. V. Кн. 9. С. 41). Известны два письма Ф.И. Тютчева к П.Я. Чаадаеву за 1847 и 1851 гг. и два письма Чаадаева к Тютчеву – за 1847 и 1848 гг.

Печатается по автографу – РГБ. Ф. 103. К. М1032. Ед. хр. 67.
Первая публикация – *РА*. 1900. Кн. III. № 11. С. 411–414.

[1] Вероятно, портрет работы молодого художника Петровского, о котором Чаадаев писал кн. Н.Д. Шаховской в 1847 г.: «Сегодня я позирую для портрета карандашом, предназначаемого Тютчеву...» (цит. по: Чаадаев П.Я. ПСС и избранные письма: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 364). С одного своего портрета 1840-х гг., выполненного маслом, Чаадаев заказал в Париже литографии, которые дарил своим друзьям.

[2] А.Н. Попов, писатель, историк, чиновник Министерства юстиции. Встречался с Чаадаевым в Москве. 4 марта 1847 г. ему писал из Москвы А. С. Хомяков: «После вашего отъезда ровно ничего нового нет. Одна только новость: болезнь бедного Чаадаева. Я у него не был, но по слухам это нервическое расстройство, которое очень близко к сумасшествию» (цит. по: Чаадаев П.Я. ПСС и избранные письма: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 363).

[3] О книге Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (СПб., 1847) Чаадаев подробно высказался в письме к П.А. Вяземскому от 29 апреля 1847 г.

[4] Имеется в виду «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год», изданный славянофилами.

На это письмо П.Я. Чаадаев ответил 10 мая 1847 г.:

«Басманная, 10 мая

Я в восхищении, дорогой Тютчев, что вы удовлетворены моим портретом. Он должен был быть литографирован в Москве, но так как здесь не нашлось хорошего литографа, то он был послан в Петербург, и я полагал, что вы столь же охотно примете оригинал, как приняли бы и копию. Если бы вы согласились принять на себя труд справиться, какой литограф наиболее славится в Петербурге и какова его цена, и сообщить мне об этом в двух словах, я был бы вам бесконечно обязан. Как вы знаете, не раз ко мне обращались с просьбой дать мое несчастное изображение: поэтому поневоле приходится постараться пойти навстречу этой настойчивой приязни. Я собирался писать об этом Вяземскому в момент получения вашего письма: как раз намереваюсь писать ему с тем, чтобы похвалить его статью о Гоголе; я нахожу ее отличной в противность мнению почти всей нашей литературной братьи, озлобление которой против этого несчастного гениального человека не поддается описанию. Один только Хомяков остался ему или, лучше сказать, самому себе верен.

Так как вас несомненно интересуют наши домашние дела, то вам небезразлично будет узнать, что последний сейчас ввязался в очень серьезную полемику с Грановским по поводу бургиньонов и франков. Как вы видите, мы не теряем своего времени попусту и вопросы текущего дня занимают нас не менее, чем остальной мир. Правда, нам не хватает времени слишком много возиться со всеми нелепостями, происходящими в Европе, такими, как, например, прусские дела и другие им подобные, но у нас его больше, чем надо, чтобы достойно готовиться, в качестве нового народа Божия, к великой предназначенной нам миссии, руководить умственным и общественным движением человеческого рода. Многозначительному спору, о котором я вам сообщаю, придает еще большую значительность то, что с этим связано нравственное положение друга нашего Хомякова среди представителей одной с ним масти, а вы знаете, каково это положение. Впрочем, чтобы с ним при этом ни случилось, он, по моему мнению, всегда сохранит ту долю уважения, которой заслуживает, потому что по счастью в людях всегда имеется нечто более важное, чем их значение.

Что сказать мне про себя и про свое жалкое здоровье? Мы постоянно раскачиваемся между благом, которое я не почитаю благом, и злом, которое, говорят, вовсе не есть зло. Я прозябаю, таким образом,

21 Зак 7508

в обманчивости духа и плоти. Все это, как вы легко поймете, делает меня отнюдь не забавным для других, за исключением редкой дружбы, забредшей в глушь и столь же упорной, как ваша, но приходится поневоле мириться с тягостью обманного существования, которое сам себе создал. Ваша дружба, несмотря на разделяющие нас пространства, составляет одно из самых моих отрадных утешений, а ныне, ввиду обещанного нам близкого вашего прибытия в наши широты, я прибавлю еще, что оно поддерживает во мне самую пленительную надежду. Приезжайте же, вы на деле убедитесь, какое важное значение могут иметь подлинные симпатии одного разумного существа для другого такого же или, по крайней мере, таким когда-то почитавшегося.

Но только торопитесь, потому что чем больше я об этом думаю, тем сильнее убеждаюсь, что пора мне сгинуть со света тем или другим путем, через бегство или могилу. Что ни день, я вижу, как возникают вокруг меня какие-то новые притязания, которые выдают себя за новые силы, старые обманы, которые принимаются за старые истины, шутовские идеи всякого рода, которые признаются серьезными делами; и все это принимает осанку авторитета, власти, высшего судилища, выносит вам приговоры осуждения или оправдания, лишает вас слова или разрешает говорить. Чувствуешь себя как бы в исправительной полиции в каждый час своей жизни. Что прикажете делать в этом новом мире, где ничто мне не улыбается, ничто не протягивает мне руки и не помогает жить? В конце концов я все же предпочитаю погибнуть от скуки, порожденной унынием одиночества, чем от руки тех людей, которых я так любил, которых я и теперь еще люблю, которым я служил по мере своих сил и готов был бы еще послужить.

Прощайте, дорогой друг. Верьте, прошу вас, моему чувству глубокой привязанности, с нетерпением жаждущей отрадного общения с вами.

Петр Чаадаев»

134. Е. Л. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72. Л. 91–92.

Публикуется впервые.

На л. 91 об.–92 приписка рукой Эрн. Ф. Тютчевой. На л. 92 об. рукой Эрн. Ф. Тютчевой: «Ее высокоблагородию Екатерине Львовне Тютчевой. В *Москве*, у Старого Пимена близ Малой Дмитревки, в доме Милютина».

[1] 23 апреля исполнялась годовщина со дня смерти И.Н. Тютчева.

[2] К.В. Толбухин.

135. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 18. Л. 30–33 об.

Первая публикация в русском переводе – *Изд. 1980.* С. 94–96.

[1] Эрн. Ф. Тютчева вместе с детьми уехала на курорт Гапсаль (ныне г. Хаапсалу, Эстония) для лечения грязями.

[2] В.Ф. Вяземская, жена П.А. Вяземского.

[3] Речь идет о жене сардинского посланника в Петербурге Авогадро ди Колобиано.

[4] Ц.И. Капелло, гувернантка детей Тютчева.

[5] Гр. Ю.П. Строганова, жена дипломата, обер-камергера Г.А. Строганова.

[6] А.Г. Лазарева (урожд. Бирон); ее свояченица – Е.В. Бирон, дочь кн. В.И. Мещерского.

[7] А.Ф. Туманская, А.В. Сенявина – дочь нидерландского посла в Петербурге бар. В. д'Оггера, жена товарища министра внутренних дел И.Г. Сенявина, с дочерью Евгенией. А.В. Сенявина вместе со своей сестрой бар. Е.В. Мейендорф принадлежали к близкому пушкинскому окружению, славились ученостью, которую отмечает в своем письме и Тютчев. А.О. Смирнова-Россет писала о Сенявиной: «Она устроила свой дом на Английской набережной и сказала, что в приемный день принимает запросто у себя утром. <...> Она получала "Revue des Deux Mondes", который всегда лежал у нее на столе. У нее делали живые картины...» (*Смирнова-Россет.* С. 176–177).

[8] М.П. Валуева, дочь кн. П.А. Вяземского, бывшая замужем за П.А. Валуевым, занимавшим позднее, в 1860-е гг., пост министра внутренних дел. Тютчев, бывший в то время председателем Комитета цензуры иностранной, состоял с ним в деловой переписке.

136. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые по автографу – РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 18. Л. 34–35.

[1] Розальо – неустановленное лицо. А.Ф. Тютчева упоминает его в своем дневнике – «красавчик Розальо» вместе с Колобиано про-

вожал их на пароход при отъезде за границу (см.: РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 42).

[2] Тютчев предполагал хлопотать о месте фрейлины при дворе для старшей дочери.

137. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 18. Л. 36–39.

Первая публикация в русском переводе – *Изд. 1980*. С. 96–97.

[1] А.Д. Чертков, знакомый Н.И. Тютчева, его жена Софья Павловна и дочери – Юлия, Любовь и Анна. А.Ф. Тютчева, описавшая в своем дневнике это путешествие, заметила о Чертковых, в том числе об одной из их дочерей, Юлии: «Это забавная маленькая особа, совершенно московский тип. <...> Все семейство Чертковых представляет собою разные варианты этого типа. Отец, славный человек, умирал от страха, ему виделись только бури, пожары, крушения, поломки. Он очень серьезно спрашивал у моего отца, нельзя ли попросить капитана поменьше топить, иначе мы непременно взлетим на воздух» (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 42. Перевод с *фр.*).

[2] Гр. Э. Межан, французский консул в Штеттине.

[3] Ошибка; следует: «в Веймар».

[4] К. Мальтиц должна была забрать Анну в Свинемюнде, но вместо себя она прислала человека с запиской. Тютчев не решился отправить дочь с незнакомым человеком, и Анна продолжила путь вместе с ним до Берлина, где их нагнала горничная Мальтицев.

[5] Гр. М. Лерхенфельд-Кёферинг, министр финансов Баварии (1823), баварский посланник в Берлине (1840–1849); брат А.М. Крюденер, приятель юности Тютчева.

[6] О неопределенных планах Тютчева Эрн. Ф. Тютчева писала кн. П.А. Вяземскому 14 июля 1847 г.: «Благодарю вас за сведения, которые вы мне сообщаете о путешествии парохода “Орел” в то время, как на нем находился мой муж. Я получила от него письмо из Берлина. Он только прибыл туда и пребывает в восторге от погоды и магии железных дорог. Впрочем, он ничего не пишет о маршруте своей поездки, и потому я теряюсь в догадках и предположениях. Поле обширное – от Берлина до Цюриха и от Бадена до Бельгии» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2899. Л. 1 об.–2. Перевод с *фр.*; также см.: *ЛН-2*. С. 222).

138. К. ПФЕФФЕЛЮ

Бар. К. Пфеффель – брат Эрн. Ф. Тютчевой, публицист, камергер баварского двора. На протяжении всей жизни брата и сестру связывали очень теплые отношения. Несмотря на то, что Эрн. Ф. Тютчева уничтожила часть своей переписки, сохранилось 368 ее писем к брату и 823 письма брата к ней. Эта переписка является неоценимым источником для изучения биографии Ф.И. Тютчева. К. Пфеффель познакомился с Тютчевым в 1830 г., будучи студентом Мюнхенского университета. Пфеффель одним из первых оценил Тютчева как публициста и политического мыслителя. Известно 11 писем Тютчева к К. Пфеффелю и 15 писем Пфеффеля к Тютчеву.

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – *Собр. Пигарева.*

Первая публикация в русском переводе – *Изд. 1980.* С. 97–98.

К. Пфеффель ответил Тютчеву письмом от 6 августа 1847 г.:

«Остенде, 6 августа 1847 г.

Любезный и добрый друг, я выехал из Мюнхена 15 числа прошлого месяца и только сегодня получил ваше письмо от 20 июля, которое мне оттуда переслали. Если бы я известился заранее о ваших планах, было бы проще всего на свете совместить наши пути и встретиться на берегах Рейна. Надеюсь, что хотя бы эти строки застанут вас в Бадене и в том же добром расположении духа. Не сомневайтесь, любезный друг, мы будем счастливы видеть вас. Мы не сумеем разместить вас в Остенде в нашей тесной квартирке, зато можем предложить все остальное, то есть скромный обед и наши щедрые сердца.

Ваша жена в своем письме, адресованном в Мюнхен и полученном мною одновременно с вашим, передала мне различные поручения, коими я бы с удовольствием занялся, если бы известился о них вовремя. Она хочет, чтобы ее коляска была доставлена в Петербург. Думаю, что барон Август Дёрнберг мог бы помочь вам привести ее в такое состояние, чтобы она выдержала дорогу. Ежели вы поедете в Остенде, то, конечно, не минуете Льежа, не повидавшись с нунцием. Там теперь находится г-жа Сетто, она пробудет предположительно до 8-го числа. Передайте нашему старому другу искренние сожаления, что нам не пришлось повидаться, когда мы были там проездом.

Я разделяю вашу точку зрения на швейцарские дела, впрочем, эта страна вызывает слишком мало сочувствия, ее жители были

счастливы и свободны, а теперь рискуют лишиться своих преимуществ из-за бурлящего меньшинства, исповедующего коммунизм и безбожие. В Италии другое дело, там тоже кипят дурные страсти, но там правящие круги много хуже, чем худшие из их оппонентов. Да поможет Господь тем, кто пытается искоренить злоупотребления, жертвою коих стала эта несчастная страна. Будем надеяться, что они сумеют избавить ее от отсталой себялюбивой политики, которая — будь ее воля — заставила бы весь мир топтаться на одном месте, потому что движение (я имею в виду поступательное движение) для нее гибельно. Не знаю, что доведется увидеть нашим детям, но, думаю, не ошибусь, если скажу, что когда они в зрелом возрасте будут следить за текущими событиями по географической карте, то Австрия будет занимать на ней совсем крошечное место.

Прощайте, любезный друг, и, надеюсь, до свидания. Сердечно преданный вам К. Пфеффель.

Остенде, рю дю Кэ, № 10».

На л. 3 об. приписка жены Пфеффеля Каролины:

«Мне бы не хотелось отправлять эти строки, не сказав вам от всего сердца: добро пожаловать. Дай Бог, чтобы это письмо застало вас в Бадене. Я горячо желаю, чтобы оно нашло вас всюду, где бы вы ни находились. Мы будем счастливы принять вас, наш добрый друг, а ежели не удастся повидаться с вами, мы будем безутешны. Каролина П.» (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 1—2. Перевод с *фр.*).

[1] В 1843—1845 гг. 7 кантонов Швейцарии (Ури, Швиц, Унтервальден, Цуг, Люцерн, Фрейбург, Валлис) объединились в Зондербунд (*нем.* Sonderbund — особый союз) с целью противодействия революционным тенденциям. Во главе Зондербунда стояли католическая церковь и верхушка буржуазии (патрициат). В 1847 г. сейм Швейцарского союза объявил Зондербунд распущенным и предложил кантонам изгнать иезуитов. Зондербунд отказался подчиниться этому требованию, и в ноябре—декабре 1847 г. началась гражданская война, которую Тютчев предчувствует уже летом этого года. Союзная армия в течение месяца разгромила вооруженные силы Зондербунда, пользовавшегося помощью правительств Австрии и Франции. По конституции 1848 г. Швейцария превратилась в единое союзное государство.

[2] Бар. Каролина Пфеффель.

[3] Дети К. Пфеффеля — Гюбер, Эрнестина и Каролина.

139. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 18. Л. 40–43.

Первая публикация в русском переводе – *Изд. 1980*. С. 99–103.

[1] Мюнстер – собор в Страсбурге (XI–XVI вв.); его обильно украшенный скульптурой западный фасад представляет собой шедевр поздней готики (начат около 1277).

[2] Бар. А. Сетто, жена баварского дипломата А. Сетто, хозяйка салона в Мюнхене, знакомая Тютчевых.

[3] П.Я. Убри, русский посланник Германского союза (Франкфурт-на-Майне), его жена Шарлотта Ивановна и дочь Е.П. Марченко.

[4] Е.П. Марченко, дочь П.Я. Убри.

[5] Дочь П.Я. Убри Мария Петровна, в замужестве бар. Будберг.

[6] Гр. Г. Эстергази-Галанта, австрийский дипломат.

[7] М.Я. Арендт, *супруга доктора* Н.Ф. Арендта, лейб-медика.

[8] Е.К. Хрептович, дочь канцлера; племянницы гр. М.Д. Нессельроде М.А. Столыпина и П.А. Зиновьева.

[9] Крюденеры – бар. П.А. Крюденер, русский посланник в Швейцарии, его жена – Маргарет; *барышни, числом три* – дочери Крюденеров – Маргарет, Мария и Жюльетта. У них было два брата – Алексис и Павел. Неразборчивым словом Тютчев, вероятно, называет одного из них.

140. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 18. Л. 44–45.

Первая публикация в русском переводе – *Изд. 1984*. С. 136–138.

[1] Братья Мухановы – Владимир Алексеевич и Николай Алексеевич, знакомый Пушкина, Вяземского, Мицкевича; в 1830-е гг. адъютант петербургского генерал-губернатора, впоследствии чиновник Министерств народного просвещения и иностранных дел, оба приходились двоюродными братьями декабристу П.А. Муханову.

[2] В своих письмах к жене Тютчев часто упоминает французскую писательницу М. де Севинье Рабютен-Шанталь, имя которой стало синонимом искусства владения эпистолярным жанром.

[3] Об этом намерении Тютчева Эрнестина Федоровна писала П. А. Вяземскому 5 августа 1847 г. из Гапсаля: «Он сообщает, что хо-

чет воспользоваться этими днями почти полного уединения с высокопоставленной дамой для того, чтобы поговорить о наших делах. Он не называет эти дела, но я подозреваю, что речь идет о помещении Анны ко двору в качестве фрейлины цесаревны. Посмотрим, что из этого выйдет. Если у вас выпадет удобный случай замолвить словечко или что-то предпринять для успеха этого предприятия в отношении Анны, прошу вас не упустить его. Для нас всех это было бы самым лучшим выходом, и мой муж того же мнения» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2899. Л. 5 об. Перевод с *фр.*).

[4] Князь Фридрих Гогенцоллерн-Эхингенский, с 1826 г. муж Евгении, герцогини Лейхтенбергской, сестры герцога Лейхтенбергского Максимилиана.

[5] Бар. А. Лотцбек, камергер баварского двора.

[6] Вдова генерал-адъютанта Л.А. Нарышкина Ольга Станиславовна; кн. З.И. Юсупова; И.Г. Полетика.

141. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Печатается по автографу — РГБ. Ф. 63. К. 23. Ед. 45. Л. 1–2. Публикуется впервые.

[1] Тютчев имел двойное поручение — в Берлин и в Цюрих.

[2] См. письмо 138, примеч. 1.

[3] О пребывании в Эмсе и впечатлении от встреч с Жуковским см. письмо 143.

[4] Кн. П.П. Вяземский, сын кн. П.А. и В.Ф. Вяземских, историк и литератор, впоследствии начальник Главного управления по делам печати, сенатор.

142. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые по автографу — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 18. Л. 50–53.

[1] Гр. К. де Местр, французский писатель, ученый, художник-миниатюрист. В 1800 г. эмигрировал в Россию. Граф и его жена Софья Ивановна — петербургские знакомые Тютчевых.

[2] Вел. герцогиня Матильда Гессен-Дармштадтская.

[3] Ср. письмо 141, где Тютчев пишет, что в Дармштадте представился вел. герцогу наследнику.

143. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу – РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр.18. Л. 46–49.

Первая публикация в русском переводе – *Изд. 1984*. С. 138–141.

[1] О посещении Н.И. Тютчева Эрн. Ф. Тютчева сообщала П.А. Вяземскому в письме от 5 августа 1847 г.: «Ко мне, как вы знаете, приезжал мой деверь. Он пробыл у меня всего два дня, нашел Гапсаль отвратительным и взял путь на Ригу, Кенигсберг и Берлин, чтобы встретиться со своим братом и с моим — в Остенде. Вести из деревни, привезенные им, вполне удовлетворительные; доля мужа нынче приносит 5000 рублей серебром и, присовокупив к ней мой личный доход и жалованье мужа, мы получим около 12 000 рублей серебром. Это не блестяще, особенно для России, но все равно гораздо больше, чем я рассчитывала. При условии порядка и умения вести дела мы могли бы жить весьма достойно; но мне недостает не порядка, я в основном обделена умением и потому уверена, что мне в любом случае будет трудно свести концы с концами» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2899. Л. 8, 9. Перевод с *фр.*).

[2] Гр. В.П. Орлов-Давыдов, знакомый Тютчева, владелец подмосковного имения Отрада. Его жене О.И. Орловой-Давыдовой Тютчев посвятил стихотворение <О.И. Орловой-Давыдовой> («Здесь, где дары судьбы освящены душой...», 1869).

[3] *Будущая супруга* вел. кн. Константина Николаевича — с 30 августа/11 сентября 1848 г. жена вел. кн. Александра Иосифовна. Тютчев просил К. Мальтиц хлопотать за Анну перед Марией Павловной, вел. герцогиней Саксен-Веймар-Эйзенахской. По этому поводу А.Ф. Тютчева, находившаяся у Мальтицев в Веймаре, куда за ней приехал отец, записала в дневнике 27 августа/8 сентября 1847 г.: «Вчера он <Тютчев> заметил, что Клотильда не поговорила с вел. герцогиней относительно места фрейлины, которого папа́ хочет для меня добиться. Он сердился на тетку и обвинял ее в эгоизме и в равнодушии ко мне. Я не могла с ним согласиться, и он заявил мне, что я совсем ребенок и всегда подпадаю под влияние окружающих. Вечером он несомненно понял, что был не прав» (*ЛН-2*. С. 223).

[4] 20 декабря 1848 г. Жуковский писал П.А. Плетневу: «Мне кажется, что моя “Одиссея” есть лучшее мое создание: ее оставляю на память обо мне отечеству. <...> Могу похвастать, что этот совестливый, долговременный и тяжелый труд совершен был с полным самоотвержением, чисто для одной прелести труда. Не с кем было по-

делиться своим поэтическим праздником. Один был у меня свидетель — гипсовый бюст Гомеров, величественно смотревший на меня с печи моего кабинета. Было, однако, для меня и раздолье, когда со мною жил Гоголь: он подливал в мой огонек свое свежее масло; и еще — когда я пожил в Эмсе с Хомяковым и моим милым Тютчевым: тут я сам полакомился вместе с ними своим стряпаньем» (цит. по: В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 422).

[5] Кн. Г.Г. Гагарин, художник, в 1859–1872 гг. вице-президент Академии художеств, женился вторым браком на С.А. Дашковой.

144. Эрн. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается впервые по автографу — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр.18. Л. 54–55.

[1] 4 августа 1847 г. Эрн. Ф. Тютчева писала П.А. Вяземскому, что 12-го отправляет в Петербург Ц. Капелло на поиски квартиры и предоставляет ей сделать выбор по своему усмотрению; только после того, как квартира будет найдена, Эрнестина Федоровна предполагала вернуться в Петербург. «Только бы мой муж не вернулся раньше, чем квартира будет окончательно выбрана; его присутствие, безусловно, многое осложнит»,— беспокоилась она (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2899. Л. 8. Перевод с *фр.*).

[2] О вел. герцогине Марии Павловне см. письмо 63, примеч. 1. Она ожидала приезда в Веймар своего племянника, вел. кн. Александра Николаевича, с женой вел. кн. Марией Александровной.

[3] Сын вел. герцогини Марии Павловны Карл Александр, наследный вел. герцог Саксен-Веймар-Эйзенахский с 1842 г. был женат на своей двоюродной сестре Софии Вильгельмине Нидерландской, дочери нидерландского короля Вильгельма (Виллема) II и родной сестры Марии Павловны — нидерландской королевы Анны Павловны.

145. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Печатается по автографу — РГАЛИ. Ф. 195. Ед. хр. 2898. Л. 7. На л. 8 об.: «A Monsieur le P<rinc>e Wiasemsky».

Первая публикация — *Мурановский сб.* С. 50–51, 55 (в другом переводе и с другой датой).

Датируется по содержанию. Тютчев опасается разорения своей жены, но сразу после революционных событий во Франции, вспыхнувших в феврале 1848 г., Эрн. Ф. Тютчева предприняла меры по спасению своего капитала, о чем писала брату в приписке к письму 146. К 1850 г. капитал был переведен ею в Россию. 11 августа 1850 г. она писала управляющему императорской канцелярией А.Л. Гофману: «Иностранка по рождению, русская по муже статском советнике, камергере Тютчеве, я, желая упрочить себя навсегда моему новому Отечеству, перевела весь капитал мой в Россию и просила зятя моего, действительного статского советника Сушкова приобресть, какое найдет имение на мое имя» (РГИА. Ф. 759. Оп. 30. Д. 1521. Л. 10). Опасения о начале европейской войны высказаны Тютчевым и в следующем письме и в трактате «Россия и Революция», таким образом, они в данном случае относятся к событиям 1848 г., а не к Крымской войне, как предполагалось в *Мурановском сб.*

[1] Вероятно, написано по свежим следам революционных событий, начавшихся во Франции 22 февраля 1848 г., когда десятки тысяч парижан вышли на демонстрацию, начались стычки демонстрантов с войсками. 23–24 февраля произошло народное восстание, решающую роль в котором сыграли рабочие, поддержанные мелкой буржуазией. Под давлением рабочих-повстанцев, одержавших в уличной борьбе победу над войсками, 24 февраля было образовано Временное правительство (революционные события 22–24 февраля принято называть Февральской революцией).

[2] См. письмо 146, приписку Эрн. Ф. Тютчевой.

146. К. ПФЕФФЕЛЮ

Печатается впервые по автографу — *Собр. Пигарева.*

Письмо адресовано во Франкфурт, куда К. Пфеффель предполагал приехать из Парижа. Он был свидетелем происходивших в Париже событий в феврале—марте 1848 г. и подробно описывал их в письмах к сестре. Письма его к Тютчеву за это время неизвестны.

[1] *Статья, адресованная г-ну Кольбу,* — размышления о судьбе государств Южной Германии в связи с революционными событиями в Европе, в которой Пфеффель высказывает мысль о необходимости союза с Россией, была написана на имя Г. Кольба, редактора

аугсбургской газеты «Allgemeine Zeitung». 3/15 марта 1848 г. К. Пфеффель писал сестре: «...поскольку этот журналист, вероятно, не напечатает моего письма, я посылаю его вашему мужу с просьбой просмотреть на досуге. Он увидит, что я вовсе не разделяю нелепых предубеждений моих соотечественников против России и что я ставлю спасение Германии в зависимость от сохранения союза, который спас нас уже однажды и утрата которого привела бы нас к гибели» (цит. по: *ЛН-2*. С. 224). Эту же мысль Тютчев высказывает в статье «Россия и Германия», написанной в 1844 г. Вероятно, при посредничестве Тютчева статья Пфеффеля была переведена на русский язык и напечатана (без указания имени автора) под заглавием «Отрывок из письма немца в Петербург из Парижа. 15 марта 1848 г.» (С.-Петербургские ведомости. 1848. № 71, 28 марта).

[2] Людвиг I (Карл Август), баварский король с 1825 г., начинал с либеральной политики, но постепенно утратил популярность. Особенно ему повредила связь с танцовщицей Лолой Монтес, оказывавшей на него сильное влияние; видимо, поэтому Эрн. Ф. Тютчева называет его «отвратительным». Был низложен в марте 1848 г.

[3] Фридрих Вильгельм IV, прусский король с 1840 г. Его правление германский канцлер О. Бисмарк называл временем «упущенных возможностей», с точки зрения достижения германского единства. Начиная с 6 марта сходки и демонстрации происходили в Берлине. 18 марта они вылились в народное восстание. Двухдневная борьба восставших с правительственными войсками закончилась победой повстанцев. Во время революционных событий прусский король вел себя жалким образом — дрожа от страха, был вынужден оказать почести павшим революционерам во дворе замка; вывел войска из столицы и 29 марта сформировал либеральное правительство.

[4] В марте 1848 г. восставшие в Вене потребовали отставки канцлера Меттерниха. Он бежал в Великобританию, затем — в Бельгию (октябрь 1849). В 1851 г., после поражения революции, вернулся в Австрию, но активного участия в политической жизни не принимал.

[5] Луи Филипп, французский король с 1830 г., был свергнут Февральской революцией 1848 г. и бежал в Великобританию. 25 февраля во Франции была провозглашена республика.

[6] Письмо К. Пфеффеля от 6 марта 1848 г. (*Мураново*. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 482. Л. 134–136).

[7] Вероятно, имеется в виду виконт Карл Мартин Ментк, второй муж мачехи Эрн. Ф. Тютчевой.

[8] Мысли, выраженные в этом письме, почти дословно вошли в публицистические статьи Ф.И. Тютчева. «Февральское движение, по свойственной ему внутренней логике, должно бы привести к крестовому походу всего *охваченного Революцией* Запада против России... Но этого не произошло, что является доказательством отсутствия у Революции необходимой жизненной силы — даже для осуществления значительного разрушения. Иначе говоря, Революция — болезнь, пожирающая Запад, а не душа, сообщающая ему движение и развитие» («Россия и Запад». 1848–1849. Перевод с *фр.* Т. 3 наст. изд. С. 179).

«Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества» («Россия и Революция». 1848. Перевод с *фр.* Там же. С. 144).

[9] Поговорка, неоднократно встречающаяся в письмах Тютчева, возникла в эпоху борьбы в Италии гибеллинов, сторонников династии германских королей и императоров «Священной Римской империи» Штауфенов, и гвельфов, получивших название от Вельфов, герцогов Баварии и Саксонии — соперников германской династии Штауфенов, объединявших противников империи (преимущественно из торгово-ремесленных слоев). Конрадин — последний представитель рода Штауфенов (Гогенштауфенов), был взят в плен и казнен по приказу Карла I Анжуйского, призванного в Южную Италию римским папой, противником Штауфенов.

[10] Тютчев имеет в виду, что после разгрома Наполеона в России была возвращена независимость германским землям, оккупированным наполеоновской армией, и теперь «в припадке безумия Германия разбила союз, который, не требуя от нее никакой жертвы, обеспечивал и оберегал ее национальную самостоятельность, и тем самым она лишила себя навсегда надежной и прочной основы» («Россия и Революция»).

147. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Печатается по автографу – РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 2898. Л. 3–4.

Первая публикация — *Мурановский сб.* С. 47–48, 53–54.

Д.Д. Благой датировал это письмо временем выхода книги П.А. Вяземского «Фон-Визин» (СПб., 1848), о которой идет речь в письме. Цензурное разрешение помечено 5 февраля 1848 г. В майском номере журнала «Москвитянин» появилась статья С.П. Шевырева о книге.

[1] Мысли, изложенные здесь, совпадают с положениями статей Ф.И. Тютчева. «Добираясь до сути проявляемого к нам в Европе недоброжелательства и оставляя в стороне высокопарные речи и общие места газетной полемики, мы находим вот какую мысль: "Россия занимает огромное место в мире, и тем не менее она представляет собою лишь материальную силу, и ничего более".

Вот истинная претензия, а все остальные второстепенны или мнимы.

Как возникла эта мысль и какова ее цена?

Она есть плод двойного неведения: европейского и нашего собственного. Одно является следствием другого. В области нравственной общество, цивилизация, заключающие в себе самих первооснову своего существования и развития, могут быть поняты другими лишь в той степени, в какой понимают себя сами: Россия — это мир, только начинающий осознавать основополагающее начало собственного бытия. А осознание этого начала и определяет историческую законность страны. В тот день, когда Россия вполне распознает его, она действительно заставит мир принять свое начало» (<Записка>. Т. 3 наст. изд. С. 130).

Схожие мысли высказывает и П.А. Вяземский в письме к Фарнгагену фон Энзе, написанном, вероятно, осенью 1848 г. в ответ на письмо Фарнгагена от 6 августа 1848 г. (Slavica Orientale. В печати). Как указывает публикатор письма, шведская исследовательница А. Юнгтрен, «написанное под непосредственным впечатлением революционных событий письмо отличается резкостью формулировок и по размерам и своему характеру выходит за рамки светского дружеского письма, приближаясь скорее к историософскому жанру — "философическому письму" Чаадаева или "записке" ("мемории") Тютчева, на которое письмо, по-видимому, ссылается». Говоря о революционных событиях в Европе, Вяземский замечает: «Вместо идей и пропаганды у вас баррикады, вместо нравственного права и убеждения — картечь. Таково завершение этой хваленой, себя прославляющей цивилизации, которую мы имели глупость слишком долго принимать всерьез и считать нашим поводырем. Благодаря вам, благодаря вашему гибельному примеру, мы извлечем пользу из урока, который вы нам преподали. Мы также будем искать прогрес-

са и возможного совершенствования, но, увидев, что вы пошли по ложному пути, что эта мнимая цивилизация толкнула вас в пропасть, мы вновь вернемся к нашей собственной природе и выберем иной путь» (там же. Перевод с *фр.*).

148. Д. Ф. и Е. Ф. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 73. Л. 3–4. На л. 4 рукой Ф. И. Тютчева: «A Mlles Daria et Kitty Ti».

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980.* С. 104.

149. Л. В. ТЕНГОБОРСКОМУ

Л.В. Тенгоборский — экономист, статистик и дипломат, автор многотомного труда «О производительных силах России» (Париж, 1852–1855). В 1828 г. начал служить в Министерстве иностранных дел, в 1832–1846 гг. находился (с перерывами) на дипломатической службе в Вене. За долгие годы жизни в Австрии Тенгоборский изучил финансы и торговлю этой страны, что нашло отражение в трех фундаментальных трудах, посвященных экономике и другим проблемам внутренней жизни Австрийской империи; эти труды были изданы в 40–50-х гг. на французском и немецком языках.

Автограф неизвестен.

Печатается по копии Эрн. Ф. Тютчевой; без подписи (на л. 1 надпись рукой К. Пфеффеля: «Lettre de M. de Tutchef à M. Tengoborski» — «Письмо г. Тютчева г. Тенгоборскому») — РГБ. Ф. 308. К. 2. Ед. хр. 12. Л. 1–2.

Первая публикация — *ЛН-1.* С. 537–540.

[1] *Записку* о положении Австрийской империи Тенгоборский намеревался представить императору Николаю I через К.В. Нессельроде; прежде чем отправить ее по назначению, он познакомил с этой запиской Тютчева (*ЛН-2.* С. 240–242 — письмо Эрн. Ф. Тютчевой К. Пфеффелю от 1/13 января 1850 г.).

[2] Вероятно, в копии Эрн. Ф. Тютчевой допущена ошибка. Тютчев имел в виду конституцию 4 марта 1849 г., которой завершилась революция 1848–1849 гг. в Австрии.

Непосредственным толчком к началу революции в Австрии в марте 1848 г. послужили революционные выступления во Франции и государствах Германского союза (февраль—март 1848 г.).

Целью революции была ликвидация феодально-абсолютистского строя в Австрийской империи. Император Фердинанд I вынужден был обещать конституцию. 25 апреля конституционное министерство обнародовало проект конституции, провозгласившей различные свободы, но на деле сохранившей власть в руках императора. Это привело к новому обострению политической борьбы. В октябре 1848 г. в Вене вспыхнуло восстание, потерпевшее поражение. После отречения Фердинанда I в декабре 1848 г. на престол вступил Франц Иосиф. 4 марта 1849 г. на заседании рейхстага был обнародован проект новой конституции. Это была октроированная конституция (она исходила от короны), но из демагогических соображений в ней сохранялась революционная фразеология: принципы свободы личности, свободы вероисповедания, равенства граждан перед законом и т. д. Провозглашение этих свобод носило фиктивный характер.

Национальный вопрос, вопрос о положении славянских пародов в многонациональной Габсбургской империи, не был разрешен конституцией 4 марта 1849 г.

150. Д. Ф. и Е. Ф. ТЮТЧЕВЫМ

Печатается впервые на языке оригинала по автографу — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 73. Л. 5.

Первая публикация в русском переводе — *Изд. 1980.* С. 105.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

22 Зак. 7508

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи. Москва.

Барсуков — Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1888–1910. Кн. 1–22.

Биогр. — Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886.

ВЕ — ж. «Вестник Европы». М., 1866–1918 гг. В 1866–1908 гг. изд. М.М. Стасюлевичем.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Москва.

ГИМ — Государственный Исторический музей. Москва.

ГМТ — Государственный музей Л.Н. Толстого. Москва.

Изд. М., 1957 — Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. К.В. Пигарева. М., 1957.

Изд. 1980 — Тютчев Ф.И. Сочинения: В 2 т. / Составление и подгот. текста Л.Н. Кузиной. Общая редакция К.В. Пигарева. М., 1980. Т. 2.

Изд. 1984 — Тютчев Ф.И. Сочинения: В 2 т. / Составление, подгот. текста Л.Н. Кузиной. Коммент. Л.Н. Кузиной и К.В. Пигарева. М., 1984. Т. 2.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Санкт-Петербург.

Красный архив — Красный архив. Исторический журнал. М.; Пг., 1923. Т. IV.

Летопись 1999 — Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. 1803–1844. М., 1999. Кн. 1.

Лирика I–II — Тютчев Ф.И. Лирика: В 2-х т. / Подгот. К.В. Пигарев. М., 1965 (Лит. памятники).

ЛН — Литературное наследство.

ЛН-1; ЛН-2 — Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. I. М., 1988; Кн. II. М., 1989.

Мураново — Государственный музей-усадьба «Мураново» им. Ф.И. Тютчева.

Мурановский сб. — Мурановский сборник. Вып. I. Мураново, 1928.

НЛО — ж. «Новое литературное обозрение».

Полонский — Полонский А. Федор Тютчев. Мюнхенские годы. Мюнхен, 1999.

РА — ж. «Русский архив». М., 1863–1917. В 1873–1912 гг. изд. П.И. Бартеневым.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Москва.

РГБ — Российская государственная библиотека. Москва.

РГИА — Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург.

РНБ — Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург.

Смирнова-Россет — Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989 (Лит. памятники).

Собр. Пигарева — Собрание К.В. Пигарева. Москва.

Тютч. сб. — Тютчевский сборник. 1873—1923. Пг., 1923.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Исаакиевский собор н понтонный мост через Неву. 1840-е гг. *Худ. Л. Бишебуа. Цветная литография.*

Павловский вокзал. 1850. *Неизв. худ. Литография.*

Великая княгиня Мария Николаевна. 1844. *Худ. В. Гау. Акварель.*

Фридрих Тирш. 1858. *Гравюра неизв. худ.*

Адмиралтейство. 1840-е гг. *Худ. Ж. Арну. Тонированная литография.*

Внутренний вид Кремля. 1838. *Худ. И.Ф.Э. Гертнер. Акварель.*

Великая княгиня Елена Павловна с дочерью. 1830. *Худ. К. Брюллов. Холст, масло.*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ

СОДЕРЖАНИЕ

Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти
Т 98 томах. Т. 4 / Сост. Л.В. Гладкова. — М.: Издательский Центр «Классика», 2004. — 624 с.: 16 с. ил.

В четвертый том Полного собрания сочинений Ф.И. Тютчева вошли письма 1820–1849 гг. Впервые эпистолярное наследие поэта представлено в столь значительном объеме. Все письма печатаются по автографам и другим авторитетным источникам, многие — впервые на языке оригинала; 36 писем публикуются впервые. Издание снабжено обширными комментариями и научно-справочным аппаратом. Ответственный редактор тома Л.Д. Громова-Опульская.

*Международный Пушкинский Фонд «Классика»
благодарит ОАО Нефтяная Компания «ЛУКОЙЛ»,
ее президента Вагита Юсуфовича Алекперова
за активную поддержку классического искусства
и литературы*

Федор Иванович
ТЮТЧЕВ

Полное собрание сочинений
Том 4

Редакторы *Е.Ю. Жолудь, С.В. Чумаков*
Художник *В.А. Белкин*
Корректоры *Л.А. Галайко, Е.А. Самолетова*
Корректор французского текста *Р.Т. Кабина*
Компьютерная верстка *О.Н. Блажкова, Т.Ю. Удачина*

Издательский Центр «Классика»,
109004, Москва, ул. Б. Коммунистическая, д. 30, стр. 1.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.06.04.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Петербург».
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 32,7. Уч.-изд. л. 34,3.

Тираж 9000. Заказ 7508.

Отпечатано в ФГУИПП «Янтарный сказ».
236000, Калининград, ул. К. Маркса, 18.